

Экономические ИСТОКИ диктатуры и демократии

Дарон Асемоглу
Джеймс А. Робинсон

СЕРИЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ТЕОРИЯ

ВЫСШАЯ

ШКОЛА

ЭКОНОМИКИ

Дарон Асемоглу
Джеймс А. Робинсон

Экономические истоки
диктатуры и демократии

В Ы С Ш А Я
Ш К О Л А
Э К О Н О М И К И

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

ECONOMIC
ORIGINS of
DICTATORSHIP
and DEMOCRACY

DARON ACEMOGLU
JAMES A. ROBINSON

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

ДАРОН АСЕМОГЛУ
ДЖЕЙМС А. РОБИНСОН

Перевод с английского
СЕРГЕЯ МОИСЕЕВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2015

УДК 330(321.6+321.7)

ББК 60.56

А90

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научные редакторы
Л.И. ПОЛИЩУК, Г.Р. СЮНЯЕВ, Т.В. НАТХОВ

Асемоглу, Д., Робинсон Дж. А.

А90 Экономические истоки диктатуры и демократии [Текст] / пер. с англ. С. В. Моисеева; под науч. ред. Л. И. Полищука, Г. Р. Сюняева, Т. В. Натхова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 512 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0825-1 (в пер.).

Научный бестселлер экономистов Дарона Асемоглу и Джеймса А. Робинсона посвящен разработке концептуальных оснований для анализа создания и консолидации демократии. Авторы исходят из внешне простого тезиса о том, что различные социальные группы предпочитают различные политические институты из-за того, как они распределяют политическую власть и ресурсы. Так, демократию предпочитает большинство граждан, но ей противятся элиты. Однако диктатура нестабильна, когда граждане могут создавать угрозу общественных беспорядков и революции. В ответ на это, когда цена репрессий существенно высока и обещания уступок не вызывают доверия, элиты могут быть вынуждены создать демократию. Через демократизацию элиты вызывающим доверие образом передают политическую власть гражданам, обеспечивая социальную стабильность. Демократия консолидируется, когда у элит нет сильных стимулов для ее свержения. Эти процессы зависят от силы гражданского общества, структуры политических институтов, природы политических и экономических кризисов, уровня экономического неравенства, структуры экономики и формы и масштаба глобализации.

УДК 330(321.6+321.7)

ББК 60.56

На обложке — фрагмент картины неизвестного художника «Moving Day».

Оригинальное издание выпущено Cambridge University Press, New York, USA.

ISBN 978-5-7598-0825-1 (рус.)

ISBN 978-0-521-85526-6 (англ.)

© Daron Asemoglu and James A. Robinson 2006

© Перевод на рус. яз., оформление.

Издательский дом Высшей школы
экономики, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
-------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

I. ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	19
1. Великобритания	20
2. Аргентина	23
3. Сингапур	27
4. Южная Африка	30
5. Повестка дня	35
II. НАША АРГУМЕНТАЦИЯ	36
1. Демократия против недемократии	37
2. Строительные блоки нашего подхода	41
3. К нашему основному повествованию	45
4. Наша теория демократизации	47
5. Демократическая консолидация	55
6. Детерминанты демократии	56
7. Политические идентичности и природа конфликта	70
8. Демократия в графических изображениях	72
9. Обзор книги	75
III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?	78
1. Измерение демократии	78
2. Закономерности демократии	81
3. Демократия, неравенство и перераспределение	89
4. Кризисы и демократия	96
5. Общественные волнения и демократизация	98
6. Литература	108
7. Наш вклад	115

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

IV. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	127
1. Введение	127
2. Агрегирование индивидуальных предпочтений	129
3. Однопиковые предпочтения и теорема о медианном избирателе	131
4. Наши модели — рабочие лошадки	140
5. Демократия и политическое равенство	158
6. Заключение	162
V. НЕДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	164
1. Введение	164
2. Власть и ограничения в недемократической политике	166

3. Моделирование предпочтений и ограничений в недемократиях...	177
4. Проблемы обязательств	182
5. Простая игра обещаний.....	197
6. Динамическая модель.....	205
7. Обещания, совместимые со стимулами	217
8. Заключение	228

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СОЗДАНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

VI. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ.....	233
1. Введение.....	233
2. Роль политических институтов.....	233
3. Предпочтения относительно политических институтов	237
4. Политическая власть и институты.....	238
5. Статическая модель демократизации.....	243
6. Демократизация или репрессии?.....	249
7. Динамическая модель демократизации	258
8. Совершенные на подыграх равновесия	268
9. Альтернативные политические идентичности	271
10. Целевые трансферы.....	275
11. Власть элит в демократии.....	276
12. Идеологические предпочтения в отношении режимов.....	281
13. Демократизация в графическом изображении	283
14. Равновесные революции	286
15. Заключение	288
VII. ПЕРЕВОРОТЫ И КОНСОЛИДАЦИЯ.....	292
1. Введение.....	292
2. Стимулы для переворотов	295
3. Статическая модель переворотов.....	297
4. Динамическая модель создания и консолидации демократии	304
5. Альтернативные политические идентичности	322
6. Целевые трансферы.....	323
7. Власть в демократии и перевороты	324
8. Консолидация в графическом изображении	327
9. Оборонительные перевороты.....	328
10. Заключение	331

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КАК РАБОТАЮТ МОДЕЛИ

VIII. РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА.....	335
1. Введение.....	335
2. Трехклассовая модель	339
3. Возникновение частичной демократии.....	343
4. От частичной демократии к полной	349
5. Репрессии: средний класс как буфер	358
6. Репрессии: сторонники мягкой линии против сторонников жесткой линии	363
7. Роль среднего класса в консолидации демократии.....	368
8. Заключение	371

IX. СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И ДЕМОКРАТИЯ.....	373
1. Введение.....	373
2. Структура экономики и распределение доходов.....	377
3. Политический конфликт.....	379
4. Капитал, земля и переход к демократии.....	380
5. Издержки переворота для капитала и земли.....	384
6. Капитал, земля и время демократии.....	389
7. Конфликт между землевладельцами и промышленниками.....	398
8. Промышленники, землевладельцы и демократия на практике.....	403
9. Экономические институты.....	404
10. Человеческий капитал.....	409
11. Предположения относительно политического развития.....	410
12. Заключение.....	412
X. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ.....	414
1. Введение.....	414
2. Модель открытой экономики.....	419
3. Политический конфликт — демократическая консолидация.....	426
4. Политический конфликт — переход к демократии.....	430
5. Финансовая интеграция.....	434
6. Возросшая политическая интеграция.....	440
7. Альтернативные допущения о природе международной торговли.....	442
8. Заключение.....	445

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ

XI. ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ.....	449
1. Возвращаясь к путям политического развития.....	449
2. Продолжение и области будущих исследований.....	456
3. Будущее демократии.....	460

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРИЛОЖЕНИЕ

XII. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ В ДЕМОКРАТИИ (ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ IV).....	467
1. Введение.....	467
2. Модели вероятностного голосования.....	467
3. Лоббирование.....	474
4. Партийная политика и политический захват.....	481
БИБЛИОГРАФИЯ.....	490

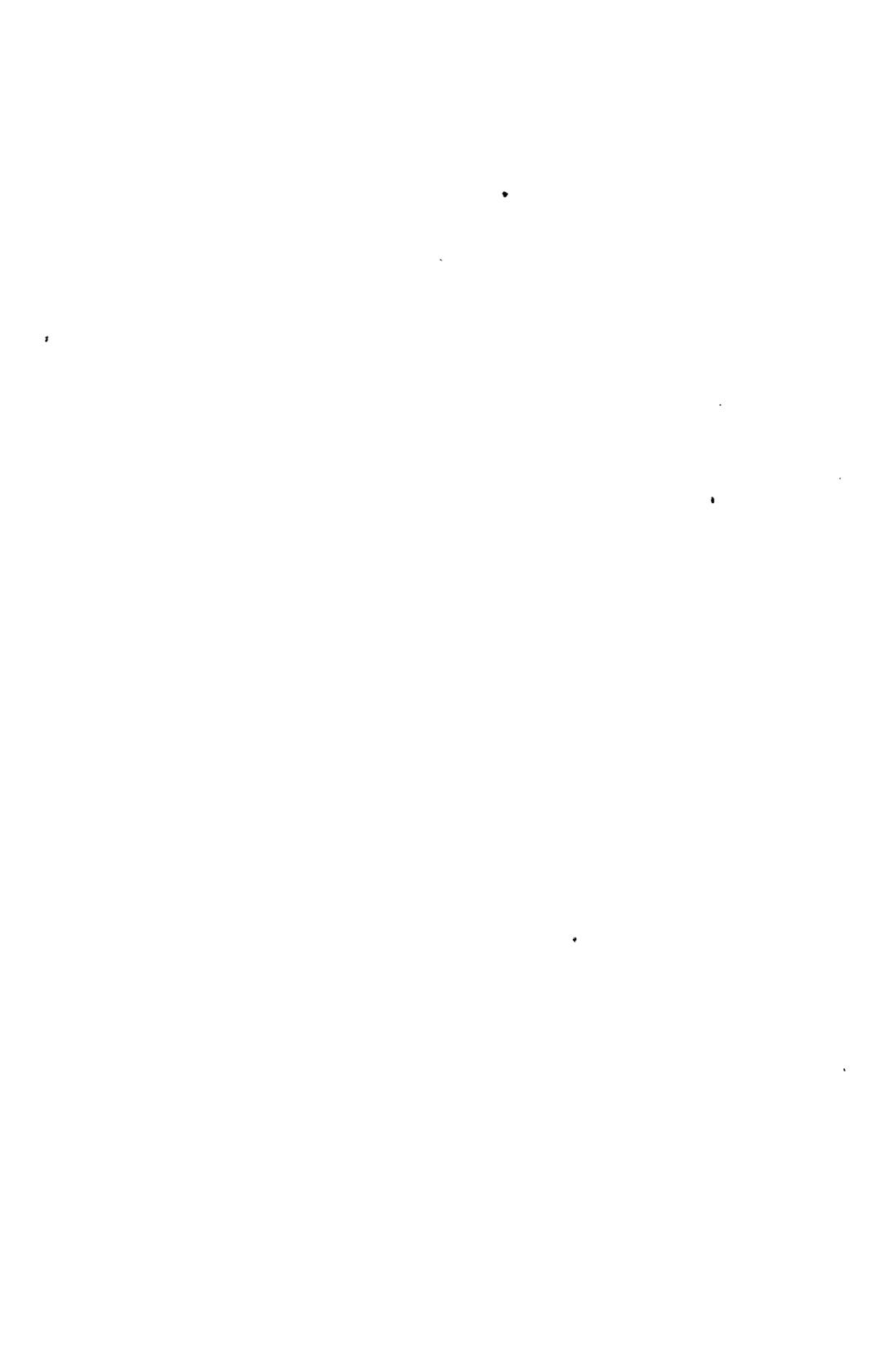
Памяти моих родителей, Кеворка и Ирмы,
которые вложили в меня столь много.
Моей любимой Асу,
моей всегдашней вдохновительнице и помощнице.

Дарон Асемоглу

Памяти моей матери, от которой
я унаследовал страсть к книгам
и возмущение несправедливостями
этой жизни.

Памяти моего отца, от которого
я унаследовал восхищение наукой
и любопытство к этому удивительному миру.

Джеймс А. Робинсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фундаментальной проблемой для политической науки и политической экономики является то, какие факторы обуславливают институты коллективного принятия решений (т.е. «политические институты»). При решении этого вопроса естественно начальное разграничение на демократические и недемократические институты. Почему некоторые страны являются демократиями, где имеют место регулярные и свободные выборы и политики подотчетны гражданам, а другие страны — нет?

Есть несколько ярких эмпирических образцов и проблем, связанных с ответом на этот вопрос. Например, почему, в то время как Соединенные Штаты очень рано перешли ко всеобщему избирательному праву для мужчин, которое было достигнуто к началу 1820-х годов северными и западными штатами и к концу 1840-х — всеми штатами, этот образец не был всеобщим для Америк. В других странах республиканские институты и регулярные выборы были нормой после получения независимости от колониальных держав (от Испании и Португалии), но ограничения избирательного права и коррупция на выборах имели намного большее значение. Первыми латиноамериканскими странами, которые ввели всеобщие, относительно некоррупцированные выборы для мужчин, были Аргентина и Уругвай в 1912 и 1919 г. соответственно, но другие, такие как Сальвадор и Парагвай, сделали это только в 1990-х — спустя почти полтора столетия после Соединенных Штатов.

Имеются не только большие вариации во времени демократизации, но и значительные качественные различия в форме этого политического процесса. Демократия была создана, по крайней мере для белых мужчин, со сравнительно небольшими конфликтами в Соединенных Штатах и некоторых латиноамериканских странах, например в Коста Рике. Однако в других странах демократия часто встречала сильное сопротивление, и политические элиты вместо демократизации прибегали к массовым репрессиям, чтобы не делиться политической властью. В одних случаях, например в Сальвадоре, элиты в конце концов отказывались от репрессий и признавали демократию. В других, как на Кубе и в Никарагуа, элиты сопротивлялись вплоть до мучительного конца и были сметены революциями.

Будучи однажды созданной, демократия не обязательно консолидируется. Хотя Соединенные Штаты постепенно двигались к демократии без шагов вспять, так же как и многие западноевропейские государства, такие как Великобритания или Швеция, в других странах демократия становилась жертвой переворотов. Аргентина, возможно, является са-

мым крайним примером этого: ее политический режим менялся с демократического на недемократический и обратно большую часть XX в.

Что обуславливает демократию в стране? Какие факторы могут объяснить наблюдаемые нами образцы демократизации? Почему Соединенные Штаты достигли всеобщего избирательного права для мужчин более чем за век до многих стран Латинской Америки? Почему, будучи однажды созданной, демократия сохраняется и консолидируется в одних странах (Великобритания, Швеция и Соединенные Штаты) и терпит крах в других (Аргентина, Бразилия и Чили)?

В этой книге мы предлагаем концептуальную структуру для анализа создания и консолидации демократии, которую мы применяем в своих попытках дать предварительные ответы на некоторые из этих вопросов.

Эта структура строится на трех фундаментальных основаниях:

1. Наш подход является «экономическим», в том смысле, что мы подчеркиваем значимость индивидуальных экономических стимулов как детерминант политических установок и исходим из допущения, что люди ведут себя стратегически в известном смысле по теории игр.
2. Мы делаем упор на фундаментальную важность конфликта. Различные группы, иногда общественные классы, имеют противоположные интересы относительно результатов политики, и они транслируются в противоположные интересы относительно формы политических институтов, определяющих результаты политики.
3. Политические институты играют главную роль в решении проблем обязательств, влияя на будущее распределение политической власти де-юре.

Чтобы наглядно проиллюстрировать наш подход, представим себе общество, состоящее из двух групп: элиты и граждан. Недемократия — это правление элиты; демократия — это правление более многочисленных групп, составляющих большинство, в данном случае граждан. В недемократии элита получает ту политику, которую хочет; в демократии граждане имеют больше власти, чтобы получить то, что они хотят. Поскольку при демократии элита теряет, она, естественно, имеет стимул противостоять демократии или подрывать ее. И тем не менее большинство демократий возникает тогда, когда они создаются элитами.

Почему недемократическая элита осуществляет демократизацию? Раз демократия приносит сдвиг власти в пользу граждан, зачем же элите создавать такой комплекс институтов? Мы утверждаем, что это проис-

ходит только потому, что лишённые права голоса граждане могут угрожать элите и заставлять её идти на уступки. Эти угрозы могут принимать форму забастовок, демонстраций, бунтов и — в предельном случае — революции. Так как эти действия стоят ей определенных затрат, элита будет пытаться предотвратить их. Она может делать это путем уступок или применяя репрессии для прекращения волнений и революции, или отдавая политическую власть и проводя демократизацию. При этом репрессии часто настолько дорогостоящи, что не являются привлекательным выбором для элиты. Уступки могут принимать разные формы, в особенности форму политических мер, предпочтительных для граждан, таких как перераспределение имущества или доходов, и, скорее всего, будут менее затратными для элиты, чем допущение демократии.

Основной фактор возникновения демократии заключен в таком наблюдаемом положении дел: поскольку уступки сохраняют политическую власть в руках элиты, то нет никаких гарантий, что она не откажется от своих обещаний. Представим себе, что имеет место относительно временная ситуация, в которой для граждан выгодно оспаривать власть. Такая ситуация может сложиться вследствие войн или экономических шоков, таких как неурожай, торговый крах или депрессия. Если репрессии слишком дорогостоящи, элита предпочтет купить граждан обещаниями уступок в области мер государственной политики, например в перераспределении доходов. Однако по самой своей природе такое окно возможностей для влияния на власть преходяще и исчезнет в будущем, и для элиты будет относительно нетрудно отказаться от сделанных обещаний. Предвидя это, граждане могут не удовлетвориться обещанием уступок при сохранении неизменных политических институтов и предпочесть восстание.

В рамках нашей модели ключевая проблема состоит в том, что обладающие политической властью могут гарантировать свою приверженность этим мерам в будущем, только если ограничат свою политическую власть. Тогда демократия возникает как вызывающая доверие приверженность мерам в пользу граждан (например, высокому налогообложению) благодаря перемещению политической власти между группами (от элиты к гражданам). Демократизация — это более убедительное обязательство, чем простые обещания, так как она связана с рядом институтов, большим участием граждан и, следовательно, труднее обратима. Элита должна осуществить демократизацию — создать убедительную приверженность мажоритарной политике в будущем, если желает избежать для себя более радикальных последствий.

Логика в основе антидемократических переворотов аналогична той, что лежит в основе демократизации. При демократии группы меньшинств (например, различные виды элиты) могут иметь стимул органи-

зовать переворот и создать более предпочтительные для них институты. Но если есть угроза переворота, почему нельзя защитить демократию, предложив уступки? Демократы, конечно, попытаются это сделать, но проблема убедительности опять является главной. Если угроза переворота преходяща, то обещания сделать политику менее мажоритарной могут не вызывать доверия. Единственный путь убедительным образом изменить политику — это изменить распределение политической власти, и это может быть достигнуто только через институциональное изменение, т.е. через переворот или, в более общем плане, через переход к менее демократическому режиму.

Главный вклад этой книги — предложение единой концептуальной структуры для понимания того, как возникает и укрепляется демократия. Эта структура, в частности, выявляет, почему изменения в политических институтах фундаментально отличаются от политики уступок в контексте недемократического режима. Важный побочный продукт этой модели — довольно богатый набор предполагаемых обстоятельств, при которых возникает и сохраняется демократия. В нашей структуре утверждается, что демократия с большей вероятностью будет создана

- когда имеются значительные общественные волнения при недемократическом режиме, которые нельзя загасить при помощи ограниченных уступок и обещаний политики в пользу граждан. Так это или нет, в свою очередь, зависит от условий жизни граждан при недемократии, силы гражданского общества, природы проблемы коллективного действия, встающей перед гражданами в недемократии, и конкретных особенностей недемократических политических институтов, определяющих то, какие виды обещаний со стороны элиты могут вызывать доверие;
- когда ожидаемые элитой издержки демократии ограничены, так что элита не испытывает искушение применить репрессии в ответ на недовольство граждан при недемократическом режиме. (Эти издержки могут быть велики, когда неравенство высоко, когда собственность элиты может быть легко обложена налогом или перераспределена, когда элита много теряет от изменения экономических институтов и когда невозможно манипулировать формой нарождающихся демократических институтов, для того чтобы ограничить враждебность демократии интересам элиты.)

Аналогичным образом эти факторы влияют и на шансы выживания вновь созданной демократии. Например, большее неравенство, большая

значимость земли и других легко облагаемых активов в структуре владений элиты и отсутствие демократических институтов, могущих избежать крайних популистских мер, с большей вероятностью дестабилизируют демократию.

Кроме этих, относительно статичных, результатов, мы надеемся, что представляемая здесь концептуальная структура достаточно богата и вариабельна для того, чтобы другие могли использовать ее части для анализа новых проблем и генерации иной сравнительной статистики демократии и других политических институтов.

Темы, к которым мы обращаемся в этой книге, находятся в самом сердце политической науки, особенно сравнительной политики и политической экономии. Тем не менее вопросы, которые мы ставим, редко пытаются решать, применяя тип формальных моделей, используемый в этой книге. Мы полагаем, что разработка предлагаемых нами способов анализа даст огромную отдачу, и для этого попытались сделать изложение простым и удобочитаемым, доступным исследователям и аспирантам-политологам. Чтобы сделать эту книгу как можно более самодостаточной, в главе IV мы представили те подходы к моделированию демократической политики, которые применяем в ее анализе. Хотя этот анализ представляет непосредственный интерес и в общем доступен для политологов, мы надеемся, что многие материалы окажутся полезными для продвинутых студентов, аспирантов и академических работников в области экономики, интересующихся политической экономией. И действительно, один из авторов использовал отдельные разделы этой книги в курсе экономики для аспирантов.

Главной предпосылкой для понимания всего содержания книги является знание базовых идей теории игр в объеме учебника Р. Гиббонса (1992). Тем не менее мы написали первые две главы с нематематическим изложением обсуждаемых в них вопросов и предлагаемых нами ответов с тем, чтобы они были доступны для всеобщего понимания.

* * *

Хотим выразить признательность многим коллегам, оказавшим нам помощь в процессе написания этой книги. За восьмилетний период работы мы провели много семинаров по всему миру по проблематике исследования — от Сингапура до Маврикия, от Осло до Буэнос-Айреса и Боготы. Многие исследователи вносили свои предложения и высказывали бесценные идеи и указания; приносим извинения за то, что не помним их всех. Однако мы хотели бы упомянуть нескольких ученых, чей неослабевающий энтузиазм по отношению к этому исследованию очень ободрял нас на его ранней стадии: Рут Коллир, Питер Линдерт,

Карл Ове Моене, Кеннет Соколофф и Майкл Валлерстайн. Особо следует упомянуть Роберта Пауэлла не только за его энтузиазм и вдохновляющую роль, но и за интеллектуальную поддержку, которую он оказывал нам все эти годы. Мы хотим особо поблагодарить Джеймса Алта за организацию четырехдневной «авторской» конференции в Центре фундаментальных исследований в социальных науках Гарвардского университета в январе 2003 г. Эта конференция не только побудила нас написать черновой текст, она также дала нам бесценную обратную связь, новую энергию и идеи. Роберт Бейтс предложил нам заменить слово «политические» на «экономические» в заглавии книги, а также предложил формат главы I. Григор Поп-Элеш рекомендовал использовать диаграммы для выражения основной сравнительной статистики этой книги и дал много детальных комментариев.

Вдобавок к идеям и комментариям этих людей мы получили много полезных советов от других участников дискуссий. В их числе Скотт Ашуэрт, Эрнесто Кальво, Альберто Диаз-Кайерос, Девид Эпштейн, Джон Хубер, Майкл Хискоккс, Торбен Иверсон, Шарин О'Халлоран, Джонатан Родден, Кеннет Шепсле и Андреа Виндиньи. Мы также получили полезные отзывы и предложения от студентов Беркли и Андского университета в Боготе, таких как Тейлор Боас, Маурисио Бенитез-Итурбе, Тад Даннинг, Леопольдо Фергюссон, Майя Яковски, Себастьян Мазука и Пабло Керубин. Некоторые друзья и студенты также прочитали большие части рукописи и дали нам неоценимые замечания и отзывы: Александр Дебс, Тад Даннинг, Скотт Гелбах, Тарек Хассан, Рубен Хёпфер, Майкл Спагат, Хуан Фернандо Варгас, Тянси Ванг и Пьер Яред. Мы также хотели бы поблагодарить Тимоти Бесли, Джоан Эстебан, Доминик Ливен, Дебрадж Рая, Стергиоса Скапердаса и Рагнара Торвика за их комментарии. Мы признательны также Эрнесто Кальво, снабдившему нас историческими данными по распределению доходов в Аргентине (глава III), и Питеру Линдерту за помощь с данными относительно неравенства в Великобритании. Александр Дебс, Леопольдо Фергюссон, Пабло Керубин и Пьер Яред также оказали неоценимую помощь в проведении исследования.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Пути политического развития

Чтобы понять, почему одни страны являются демократиями, в то время как другие — нет, полезно различать характерные пути развития политических институтов. Только некоторые из этих путей заканчиваются демократией (по крайней мере в данный момент времени). Эти стилизованные пути помогут нам ориентироваться в сложностях сравнений в реальном мире, и они иллюстрируют основные механизмы, которые, как мы полагаем, связывают экономическую и политическую структуры общества с политическими институтами.

Есть четыре основных пути политического развития. Во-первых, это путь, который постепенно, но неумолимо ведет от недемократии к демократии. Будучи однажды созданной, демократия никогда не подвергается угрозам, сохраняется и консолидируется. Великобритания является лучшим примером такого пути политического развития. Во-вторых, есть путь, ведущий к демократии, но при этом демократия, будучи созданной, быстро терпит крах. Вслед за этим те силы, которые привели к первоначальной демократизации, вновь утверждаются, но затем демократия снова терпит крах, и цикл повторяется. Этот путь, где демократия, возникнув, остается неконсолидированной, лучше всего иллюстрируется опытом Аргентины в XX в. Логично, что третий путь — это путь, при котором страна остается недемократической или демократизация сильно задерживается. Поскольку есть важные вариации в истоках такого пути, полезно разделить его на два. В первом случае демократия никогда не создается потому, что общество сравнительно эгалитарно и процветает, что делает стабильным недемократическое политическое статус-кво. Системе не бросают вызов, так как люди достаточно довольны при существующих политических институтах. Сингапур — общество, чью политическую динамику мы характеризуем таким образом. Во втором случае из этих недемократических путей возникает противоположная ситуация. Общество отличается большим неравенством и эксплуатацией, это делает перспективу демократии настолько угрожающей для политических элит, что они используют все возможные средства, включая насилие и репрессии, чтобы избежать ее. Южная Африка до краха режима апартеида для нас является классическим примером такого пути.

В этой главе мы проиллюстрируем эти четыре пути и те механизмы, которые приводят общество на один из них, проанализировав политическую историю четырех стран. Мы рассматриваем динамику их политического развития, исследуя, почему она заканчивается консолидированной демократией в Великобритании, неконсолидированной демократией в Аргентине и устойчивой недемократией — хотя и в разных формах — в Сингапуре и Южной Африке. Это рассмотрение выявляет многие из факторов, которые, как покажет последующий анализ, являются решающими, определяя то, почему общество движется по одному пути, а не по другому.

1. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Возникновение демократии в Великобритании связано с учреждением регулярных парламентов, которые были форумом аристократии для обсуждения мер государственной политики и переговоров с королем по поводу налогов. Только после Славной революции 1688 г. парламенты стали собираться регулярно, но на основе очень узкого избирательного права. Членство в парламенте в то время основывалось на унаследованных феодальных представлениях о наличии в обществе различных «сословий». Ими были духовенство и аристократия, заседавшие в Палате лордов по праву, и третье сословие, заседавшее в Палате общин. Члены Палаты общин в принципе избирались, хотя с XVIII в. по середину XIX в. большинство выборов проходило на бесконкурентной основе, так что реального голосования по сути не было [Lang, 1999, p. 12]. Кандидаты обычно предлагались влиятельными лендлордами или аристократами и, поскольку голосование было не тайным, а открытым и легко наблюдаемым, большинство избирателей не осмеливались идти против их желаний [Namier, 1961, p. 83; Jennings, 1961, p. 81].

Тем не менее конституционные сдвиги, произошедшие после гражданской войны 1642–1651 гг. и Славной революции 1688 г., привели к существенным переменам в политических и экономических институтах, что имело важные последствия для будущего демократии [North, Thomas, 1973; North, Weingast, 1989; O'Brien, 1993; Acemoglu et al., 2005]. Эти перемены возникли из конфликта между намерением монархии Стюартов сохранить и расширить свою абсолютистскую власть и стремлением парламента ограничить ее. Парламент победил. Результатом стала перестройка политических институтов, существенно ограничившая властные полномочия монарха и, соответственно, усилившая полномочия парламента. Эти изменения в политических институтах привели к намного большей обеспеченности прав собственности, поскольку народ более не опасался хищничества со стороны государства. В частности,

они передали власть в руки парламента, где были представлены торговцы и землевладельцы, ориентированные на рыночные продажи. К концу XVIII в. в Великобритании начался устойчивый экономический рост.

Первым важным шагом к демократии в Британии был Акт о реформе 1832 г. Он устранил многие из худших несправедливостей старой избирательной системы, в частности, «гнилые местечки», где несколько членов парламента выбирались очень немногими избирателями. Реформа 1832 г. также ввела право голоса, устанавливаемое единообразно, на основе собственности и дохода.

Первый Акт о реформе был принят в условиях растущего народного недовольства существующим политическим статус-кво в Великобритании. С. Ланг отмечает:

...страх перед революцией, рассматриваемой как особый риск в силу роста новых индустриальных районов, не уменьшился, но возрос в годы после Ватерлоо, и правительство лорда Ливерпула (1821–1827) прибегло к политике жестких репрессий [Lang, 1999, p. 26].

К началу XIX в. промышленная революция была уже в полном разгаре и десятилетие перед 1832 г. ознаменовалось народным недовольством и постоянными бунтами. Заслуживают упоминания восстания луддитов в 1811–1816 гг., бунты в Спа Филдс в 1816 г., резня в Питерлоо в 1819 г. и восстания Свинга в 1830 г. (см. обзоры этих событий: [Darvall, 1934; Stevenson, 1979]). Другим катализатором реформ явилась Июльская революция 1830 г. в Париже. Среди историков сложился консенсус относительно мотива реформы 1832 г., он заключался в стремлении избежать общественных потрясений. Ланг заключает, что

уровень недовольства сыграл в пользу немедленной реформы, сейчас, а не позднее: было просто слишком опасно откладывать дальше. Так же как Веллингтон и Пил провели освобождение, чтобы избежать восстания в Ирландии, так и виги... должны были согласиться на реформу как меньшее из двух зол [Lang, 1999, p. 36].

Акт о реформе 1832 г. увеличил совокупный электорат с 492 700 человек до 806 тыс., что представляло собой около 14,5% взрослого мужского населения. Тем не менее большинство народа Британии голосовать не могло, а аристократия и крупные землевладельцы сохраняли существенные возможности для патронажа, так как 123 избирательных округа имели менее тысячи избирателей. Имеются также свидетельства продолжающейся коррупции и запугивания избирателей вплоть до второй половины XIX в., когда были приняты соответствующие законы — Акт о голосовании 1872 г. и Акт о коррупции и противозаконных действиях 1883 г. Таким образом, Акт о реформе 1832 г. не создал массовой демократии,

но был разработан как стратегическая уступка. Неудивительно, что вопрос о парламентской реформе оставался животрепещущим и после 1832 г. и поднимался в основном движением чартистов.

Энергия реформы в конце концов набрала силу в 1867 г., прежде всего благодаря сочетанию нескольких факторов. Среди них был резкий спад делового цикла, породивший большие экономические трудности и усиливший угрозу насилия. Также важным было основание Национального союза за реформы в 1864 г. и Лиги реформы в 1865 г., а беспорядки в Гайд-парке в июле 1866 г. стали главным катализатором. Дж. Серл утверждает, что

возбуждение в стране по поводу реформы явно сделало много для того, чтобы убедить министерство Дерби в том, что Билль о реформе должен стать законом в кратчайшие сроки [Searle, 1993, p. 225].

Эта интерпретация поддерживалась многими другими историками (см., например: [Trevelyan, 1937; Harrison, 1965]).

Второй Акт о реформе был принят в 1867 г. Совокупный электорат увеличился с 1,36 млн до 2,48 млн человек, и избиратели из рабочего класса стали большинством во всех городских избирательных округах. Электорат снова удвоился благодаря третьему Акту о реформе 1884 г., который распространил законодательные нормы о голосовании, уже существовавшие в городских избирательных округах, на графства (сельские избирательные округа). Акт о перераспределении 1885 г. убрал многие оставшиеся неравенства в распределении мест, и с этого момента в Великобритании существуют только одномандатные избирательные округа (ранее многие округа избирали двух членов парламента — двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов). И в этот раз, как представляется, общественные беспорядки были важным фактором в принятии Акта 1884 г. (см., например: [Hayes, 1982; Lang, 1999, p. 114]).

После Первой мировой войны Акт о представительстве народа 1918 г. дал право голоса всем взрослым мужчинам старше 21 года и тем женщинам старше 30, которые были налогоплательщиками или замужем за налогоплательщиками. И наконец, все женщины получили право голоса на равных условиях с мужчинами в 1928 г. Законодательные меры 1918 г. были предметом переговоров во время войны и, возможно, до некоторой степени отражают сделку между правительством и трудящимися классами, которые были нужны, чтобы воевать и производить вооружения. Дж. Гаррард тем не менее отмечает, что

большинство полагало, что для выживания системы и «преобладания удовлетворенности и стабильности» невозможно было отказать во всеобщем гражданском праве людям, которые, как считалось, так много страдали и уже знали революцию в России [Garrard, 2002, p. 69].

В целом, картина, возникающая из британской политической истории, ясна. Начиная с 1832 г., когда Великобританией правили сравнительно богатые, прежде всего сельская аристократия, на протяжении 86 лет делались стратегические уступки взрослым мужчинам. Эти уступки были нацелены на инкорпорирование ранее лишенных права голоса в политику, поскольку альтернативой виделись общественные волнения, хаос и, возможно, революция. Уступки были постепенными, потому что в 1832 г. социальный мир мог быть приобретен подкупом средних классов. Более того, эффект уступок был ослаблен из-за особенностей политических институтов, главным образом из-за сохранявшегося непредставительного характера Палаты лордов. Хотя и подвергнутая атаке во время реформ 1832 г., Палата лордов оставалась важным оплотом богатых против потенциала радикальных реформ, исходивших из демократизированной Палаты общин. Так продолжалось как минимум до Первой мировой войны, когда противостояние с либеральным правительством Герберта Асквита по поводу введения элементов государства всеобщего благосостояния привело к существенным ограничениям власти лордов. После 1832 г., когда рабочий класс реорганизовался в чартистском движении и, позднее, в профсоюзах, пришлось делать дальнейшие уступки. Первая мировая война и ее следствия окончательно закрепили последний шаг — введение полной демократии. Хотя давление лишенных права голоса оказало большее влияние на одни реформы, чем на другие, и иные факторы, несомненно, также сыграли в этом свою роль, угроза общественных волнений была движущей силой в создании демократии в Великобритании.

Возникновение британской демократии и ее последующая консолидация имели место в обществе, давно сбросившем почти все остатки средневековой организации и успешно отразившем угрозу абсолютизма. Они также проходили в условиях быстрой индустриализации, урбанизации, распространения фабричной системы, растущего неравенства и — в период отмены законов о зерне — быстрой глобализации экономики.

2. АРГЕНТИНА

Современная Республика Аргентина берет свое начало в 1810 г., когда была провозглашена ее независимость. Вслед за этим страна погрузилась в хаос гражданских войн и внутренних конфликтов по поводу структуры власти и политических институтов. Хаос в конце концов утих в 1860-е годы. В 1853 г. была написана новая конституция и в 1862 г. Бартоломе Митре был избран первым президентом объединенной республики. Митре начал создавать государство в благоприятных условиях

первого из нескольких бумов сельскохозяйственного экспорта, поддерживавших экономику Аргентины до 1930 г. Он создал государственную бюрократию, систему налогообложения и правовую систему, и в этот же период были заложены основы электоральной политики. Однако

избирательный закон 1853 г., целью которого было допустить участие народа в политическом процессе, с самого начала оказался обманом. Выборы неизменно были пародийным ритуалом, инсценированным и управляемым лакеями сильных, лишь с ничтожной долей участия электората [Rock, 1987, p. 129].

После Митре президентом стал Доминго Сармьенто, и вокруг него сформировалась партия, Партидо Аутономиста Насиональ (ПАН). Сменяющие друг друга президенты ПАН удерживали власть до 1916 г., манипулируя выборами. Однако они делали это в условиях нарастающего общественного недовольства. После 1889 г. сложилась действенная оппозиция в виде Унион Сивика, в июле 1890 г. поднявшая восстание против власти. После 1891 г. Унион Сивика Радикаль (радикалы) под руководством Иполито Иригойена поднимали восстания в 1893 и 1905 гг. Однако несмотря на сохранение режимов, основанных на контроле и принуждении электората,

аргентинские элиты стали осознавать все большее сходство между западноевропейскими обществами и их собственным, с растущими городами и появляющимися новыми общественными классами. Притягательность демократии основывалась на том, что она обещала политическую стабильность, ибо, при сохранении исключаящего [из участия в выборах] политического режима, страна рисковала повторить потрясения начала 1890-х годов [Ibid., p. 184–185].

В 1910 г. Роке Саенз Пенья, один из ведущих сторонников политической реформы, стал президентом. Как пишет Д. Рок:

...Радикалы, социалисты и, косвенно, анархисты помогли придать энергии движению за реформу в начале века. Прогрессисты среди элиты опасались растущей народной поддержки радикалов, задаваясь вопросом, откуда придет следующее восстание [Ibid., p. 188].

В 1912 г. был принят так называемый закон Саенза Пеньи, введший тайное голосование и запрещающий махинации на выборах. Всеобщее избирательное право для мужчин, впервые введенное конституцией 1853 г., наконец стало реальностью.

П. Смит [Smith, 1978, p. 10] утверждает, что реформа была «просчитанным маневром для спасения существующей системы из-за обеспокоенности волнениями рабочих и явной угрозы насилия».

После этих реформ, Иригойен был избран президентом в 1916 г.:

...Реформы также принесли неожиданные результаты. Саенз Пенья и его сторонники поддерживали избирательную реформу, полагая, что старые олигархические группировки приспособятся к новым условиям и объединятся в сильную консервативную партию, которая получит большую поддержку масс... вместо этого, усилия консерваторов по объединению постоянно проваливались [Rock, 1987, p. 190].

Вследствие этого радикальная партия стала доминировать в аргентинской политике, создавая серьезную угрозу традиционным интересам. В 1916 г. консерваторы получили 42% голосов избирателей, но к 1928 г. они скатились до 25%. Смит [Smith, 1978, p. 21] отмечает, что «эта ситуация резко контрастирует со Швецией и Великобританией... где традиционные элиты продолжали доминировать в системе после расширения избирательного права». В результате «к 1930 г. иригойенисты имели существенное представительство в верхней палате и угрожали получить полное большинство на предстоящих выборах» [Ibid., p. 12]. Таким образом, «политическая система стала представлять самостоятельную угрозу социально-экономической системе... Вполне понятно, что в свете своих прежних ожиданий консерваторы стали воспринимать демократию как нечто дисфункциональное» [Ibid., p. 15; Potter, 1981].

В сентябре 1930 г. Иригойен был смещен со своего поста военным переворотом, вслед за которым в 1931 г. последовали нечестные выборы. «Выборы 1931 г. вернули власть тем же группам (в широком смысле), что контролировали ее до 1916 г. — экспортерам из пампы и мелким землевладельцам провинций» [Rock, 1987, p. 217]. Далее в 1930-е годы консерваторы постоянно использовали махинации на выборах для сохранения власти, хотя к 1940 г. они пытались, до некоторой степени, инкорпорировать радикалов. Смена у власти консервативных администраций закончилась с военным переворотом 1943 г.

После переворота 1943 г. президентами становились военные; однако основной особенностью этого периода был подъем к власти Хуана Доминго Перона, первоначально как члена военной хунты и затем как избранного президента в 1946 г. Перон придал военному режиму более радикальную направленность в пользу рабочих и организовал политическую машину на основе государственного контроля над рабочим движением. Во время своего первого президентства Перон осуществил значительное увеличение заработной платы и социальных благ для рабочих. Его политика была направлена на перераспределение из сельскохозяйственного сектора в городской. В эти меры входила активная проиндустриальная политика протекционизма и импортозамещения [O'Donnell, 1978, p. 147]. Перон был переизбран в 1951 г., хотя выборы

были омрачены коррупцией и подавлением оппозиции, и затем отстранен от власти переворотом 1955 г. Между 1958 и 1966 гг. к власти возвратились гражданские правительства, жестко ограничиваемые военными, но только для того, чтобы быть сметенными новым переворотом в 1966 г. (классический анализ этих событий см.: [O'Donnell, 1973]).

В 1966 г. генерал Карлос Оганья стал президентом, но его режим вскоре столкнулся с направленной против него существенной социальной мобилизацией [Rock, 1987, p. 349]. М. Кавароззи [Cavarozzi, 1986, p. 36] отмечает важность «народного восстания 1969 г., которое объединило “белых” и “голубых воротничков”, студентов и городскую бедноту». За этим бунтом против диктатуры последовали иные, особенно в 1971 г.; он совпал с появлением нескольких вооруженных и партизанских группировок, стремящихся к свержению режима.

Демократия была воссоздана в 1973 г., когда Перон вернулся из ссылки и был избран президентом на первых подлинно демократических выборах после его избрания в 1946 г. Однако демократизация развязала те же конфликты по поводу распределения, что и ранее, и «как и в 1946 г., сутью его программы было перераспределение доходов в пользу рабочих, расширение занятости и возобновленные социальные реформы» [Rock, 1987, p. 361]. В 1976 г. перонистское правительство, возглавляемое после смерти Перона в 1974 г. его третьей женой Исабель, пало вследствие переворота, возглавленного генералом Хорхе Виделой. «Придя к власти, армия приступила к подавлению всякого остающегося сопротивления революции во власти, целью которой был полный демонтаж перонистского государства» [Ibid., p. 366]. Режим, продержавшийся до войны за Фолклендские (Мальвинские) острова 1982–1983 гг., был самым репрессивным в аргентинской истории. Десятки тысяч людей «исчезли» и многие тысячи были брошены в тюрьмы без суда, подверглись пыткам и изгнанию в ссылку. Генерал Роберто Виола сменил у власти Виделу в 1981 г., но в том же году был смещен генералом Леопольдо Гальтиери.

Так как военные все более чувствовали себя в осаде и народный протест против них возрастал, они предприняли злополучное вторжение на Фолклендские (Мальвинские) острова. Гальтиери ушел в отставку, когда аргентинские вооруженные силы сдались в июне 1982 г., и на следующий год демократические выборы привели к избранию президентом радикала Рауля Альфонсина. Аргентина снова стала демократией при Альфонсине, которого сменили на этом посту Карлос Менем в 1990 г., Фернандо де ла Руа в 2000 г. и — после озадачивающей череды временных президентов во время экономического кризиса 2001–2002 гг. — Нестор Киршнер в 2003 г.

Таким образом, политическая история Аргентины представляет необычную модель, когда демократия была создана в 1912 г., подорвана в

1930 г., воссоздана в 1946 г., подорвана в 1955 г., полностью воссоздана в 1973 г., подорвана в 1976 г. и окончательно восстановлена в 1983 г. В промежутках существовали различные виды недемократического правления, варьирующие от ограниченных демократий до чисто военных режимов. Политическая история Аргентины — история непрекращающейся нестабильности и конфликтов. Экономическое развитие, изменения в классовой структуре и быстро увеличивающееся неравенство вследствие экспортного бума с начала 1880-х годов совпали с давлением на традиционную политическую элиту в пользу «открытия» системы. Но природа аргентинского общества предопределяла нестабильность демократии. Традиционным интересам слишком сильно угрожал приход к власти радикалов, чьи интересы постоянно подрывали демократию. Экономические перемены 1930-х годов только усугубили этот конфликт. Рабочие стали сильнее и воинственнее, найдя лидера в Пероне, и конфликты по поводу распределения благ с тех пор встроились в борьбу перонистов и антиперонистов. Диктаторские режимы рушились вследствие социального протеста, а демократии терпели крах потому, что их радикальная, популистская и часто нереалистичная политика вызывала военные перевороты.

3. СИНГАПУР

Сэр Стамфорд Раффлз приобрел остров Сингапур для британской Ост-Индской компании у местного малайского правителя в 1819 г. [Turnbull, 1989; Huff, 1994; Milne, Mauzy, 1990; 2002]. В то время этот остров площадью 622 кв. мили, лежащий всего в 176 км к северу от экватора, был малонаселенным — всего лишь несколько сотен жителей. Вскоре он стал для Ост-Индской компании важным торговым портом и быстро развивался в качестве делового центра и перевалочного пункта. Эту роль он продолжал играть даже после краха Ост-Индской компании (Сингапур стал колонией британской короны в 1867 г. как часть колонии Стрейтс-Сеттлментс) и в еще большей степени в связи с британской колонизацией Малайского полуострова после 1870-х годов и развитием экспортно-ориентированной экономики в Малайе, основанной на таких товарах, как олово и каучук.

После Второй мировой войны и жестокой японской оккупации в Сингапуре, как и во многих других британских колониях, начавших стремиться к получению независимости, имело место политическое пробуждение. Первые выборы в законодательный совет были проведены в 1948 г. на основе очень ограниченного избирательного права; при этом большинство членов совета по-прежнему назначалось британским губернатором. Конец 1940-х и начало 1950-х годов ознаменовались вол-

нениями рабочих, забастовками и демонстрациями. В 1955 г. они вынудили Великобританию ввести новую конституцию, предложенную комиссией Ренделла, согласно которой большинство мест в законодательном совете должно было быть выборными, и лидер партии большинства становился главным министром. Однако за выборами 1955 г. последовали еще большие волнения и беспорядки, переговоры по поводу конституции возобновились, и новые выборы были запланированы на 1959 г., причем Сингапур получал почти полное внутреннее самоуправление. Было введено всеобщее избирательное право, и Партия народного действия (ПНД), возглавляемая Ли Куан Ю, получила 43 места из 51 на выборах 1959 г.

С самого начала ПНД энергично способствовала индустриализации. Ее стратегией, в частности, было приручение профсоюзов и создание послушной рабочей силы для привлечения международных корпораций. В 1959 г. она начала сокращать власть профсоюзов, что было окончательно достигнуто в 1967 и 1968 гг., когда все профсоюзы были поставлены под контроль правительства. Это сопровождалось созданием государственного органа — Национального конгресса профсоюзов и запретом забастовок. В то же время Ли Куан Ю и лидеры ПНД дистанцировались от более радикальных элементов партии. В результате в 1961 г. партия раскололась, и 13 членов ее парламентской фракции создали новую партию — Барисан Сосиалис (БС). ПНД оправилась от этой неудачи и еще до получения независимости начала демонстрировать искусство политического маневрирования:

...ПНД затем укрепила свою власть, проводя репрессии против БС и профсоюзов. Весьма впечатляющим образом незадолго до выборов в 1963 г. ПНД использовала полицейский спецназ для проведения массовых арестов под названием «операция “Холодный склад”», оставив БС без высшего руководства [Case, 2002, p. 86].

В результате чего на выборах 1963 г. ПНД получила 37 мест из 51, а БС — 13.

На этой начальной стадии ПНД рассматривала интеграцию с Малайей как часть своей стратегии экономического развития, поскольку она гарантировала обширный рынок сбыта для сингапурских фирм. В 1963 г. Малайя, Сингапур, Сабах и Саравак объединились в Федерацию Малайзии. Однако в 1965 г. Сингапур был из нее исключен вследствие трений между малайскими и китайскими политиками (например, Ли Куан Ю проводил избирательную кампанию в Куала-Лумпуре во время всеобщих выборов 1964 г. в Малайзии к ярости малайзийских политиков).

После установления республики в 1965 г. ПНД начала преследовать своих политических противников. Вследствие этого все члены БС отка-

зались от своих мест в парламенте и бойкотировали выборы 1968 г. При этом ПНД получила все 58 мест, хотя за 51 из них и не велось никакой борьбы. Она также получила все места в 1972, 1976 и 1980 гг., выступая против ряда оппозиционных партий, включая БС, вновь оспаривавших места в парламенте на выборах после 1972 г. Наконец, на дополнительных выборах 1981 г. членом парламента был избран первый оппозиционер с 1968 г. Второй был избран в 1984 г., и к 1991 г. их было четверо. Однако оппозиция выставляла кандидатов только для борьбы за меньшинство мест; поэтому ПНД всегда было гарантировано большинство в парламенте. В 1997 г. ПНД получила 82 места из 83. На выборах 2001 г. она завоевала 81 место. Чтобы избежать появления реальной оппозиции и усмирить стремления к какому-либо альтернативному представительству, ПНД ввела особые места в парламенте вне избирательных округов для тех проигравших на выборах членов оппозиции, которые получили наибольшее количество голосов. К 2001 г. было девять таких членов парламента. В 1990 г. Ли Куан Ю ушел в отставку с поста премьер-министра; его сменил Го Чок Тонг, а в 2004 г. — сын Ли Куан Ю, Ли Сянь Лун.

На протяжении всего этого периода ПНД расширяла свой контроль над обществом, особенно через контроль над средствами массовой информации. У. Кейс [Case, 2002, p. 89] показывает, что «занимающиеся политикой в Сингапуре рискуют столкнуться с внесением в черные списки, бойкотом, судебным преследованием, налоговыми расследованиями, утратой возможностей для ведения бизнеса и содержанием под стражей без суда». Чтобы сохранить свою власть и избежать потери мест в парламенте, ПНД в широком масштабе занимается нарезкой избирательных округов в свою пользу. Хотя первоначально избирательная система основывалась на одномандатных округах в британском стиле, теперь она представляет собой смесь одномандатных и многомандатных округов (называемых «округами группового представительства»). Г. Роден [Rodan, 1997, p. 178] отмечает, что «одномандатные округа, в которых оппозиционные кандидаты заметно приблизились к победе над кандидатами от ПНД на последних выборах, исчезли, обычно будучи поглощены округами группового представительства, где выставляются действующие члены парламента от ПНД».

Когда приходит время выборов, ПНД также откровенно угрожает электорату, чтобы повлиять на исход голосования. Роден указывает, что в 1997 г. избиратели

...были поставлены перед жестким выбором: вернуть в парламент кандидатов от власти и выиграть от новых дорогостоящих социальных программ или столкнуться с их отменой или задержкой в отместку за избрание противников ПНД. ...Особую озабоченность вызвали угро-

зы Го по поводу многомиллионной программы капитального ремонта жилья. Учитывая то, что около 86% сингапурцев живут в квартирах, построенных государством, электорат очень уязвим перед таким запугиванием. Объявление о новой системе подсчета голосов, позволяющей правительству проследить электоральные предпочтения вплоть до уровня округов в 5000 избирателей, подкрепило эту угрозу [Rodan, 1998, p. 179].

В силу малых размеров и колониальной истории Сингапура в нем нет аристократии — земельной или какой-либо иной, что важно для сингапурской политики. Уровень урбанизации острова — 100%, этнический состав населения — примерно 75% китайцев, 15% малайцев и 8% выходцев с субконтинента Индостан. До независимости в Сингапуре также отсутствовали крупные капиталисты или интересы бизнеса, а после получения независимости крупнейшими капиталистами в Сингапуре являются иностранцы, которым, как кажется, способствует ПНД за счет интересов местного бизнеса. Основанная профессионалами, получившими английское образование, и представителями среднего класса, ПНД рекрутирует своих политиков из таких профессионалов и государственных служащих, а не через членство в партии. На самом деле партия существует в основном как избирательный механизм; в иных случаях она действует через структуры власти, а не через какие-либо независимые низовые организации. В 1984 г. Ли Куан Ю сказал: «Я не приношу извинений за то, что ПНД — это Государство, а Государство — это ПНД» (цит. по: [Milne, Mauzy, 1990, p. 85]).

В целом, мы видим, что Сингапур шел к демократии и независимости, когда его граждане протестовали против британского колониального правления, но после 1963 г. ПНД установила однопартийную систему. С того времени экономика быстро росла, неравенство было низким, и ПНД удерживала власть относительно мягкими средствами, способствуя своей популярности с помощью широкомасштабных социальных программ, но также прибегая и к угрозам и принуждению. Хотя практикуются запугивание и аресты, не было «исчезновений» и очевидно, что оппозиция правлению ПНД невелика, так же как и давление в пользу политических перемен.

4. ЮЖНАЯ АФРИКА

Начало европейского присутствия в Южной Африке датируется 1652 г., когда голландская Ост-Индская компания основала колонию в районе Столовой бухты. Целью было сельскохозяйственное производство для обеспечения провиантом кораблей компании, плывших вокруг мыса Доброй Надежды из Европы в Азию. Голландские поселения постепен-

но расширились за счет коренного готтентотского населения, но к концу XVII в. распространялись только примерно на сотню миль вглубь материка. Стратегическое положение Капской колонии сделало ее важным призом в геополитическом соперничестве. Во время наполеоновских войн она была захвачена Великобританией, сначала в 1795 г. и затем — на этот раз окончательно — в 1806 г., и слилась с Британской империей.

Британцы, так же как и голландская Ост-Индская компания, первоначально не имели никаких планов относительно внутренних районов и были более озабочены безопасностью морских путей в Индию и Азию. Однако колониальная политика британцев оттолкнула многих голландских поселенцев, которые стали известны как «буры» или «африканеры». В ответ на нее буры в массовом масштабе двинулись во внутренние районы, основав Оранжевое Свободное Государство в 1854 г. и Трансвааль в 1860 г.

Британские власти придали формальную структуру политическим институтам Капской колонии в 1853 г., когда ими был учрежден двухпалатный парламент, который мог законодательствовать по вопросам внутренней политики (хотя Лондон мог наложить вето на его решения). Исполнительная ветвь власти состояла из должностных лиц, назначаемых колониальной администрацией. Избирательная система при выборах в законодательный орган не лишала население права голоса по расовому принципу, но вместо этого переняла британскую модель ограничений на основе собственности и доходов [Thompson, 1995, p. 65].

Политическое равновесие между Британской империей и бурскими республиками нарушилось в связи с открытием алмазов в Кимберли и золота в Уитвотерстренд в 1870-е годы. Трудовые отношения в этих регионах быстро приобрели характер того, что впоследствии стало известно как «апартеид», когда негры не могли искать алмазы, были принуждены носить пропуска для регулирования их трудовой мобильности, они не допускались к желаемым видам трудовой деятельности, которые закреплялись за белыми, и были вынуждены жить в сегрегированных сообществах и лагерях. Великобритания аннексировала алмазные поля в 1871 г., Трансвааль в 1877 г., а в 1879 г. нанесла окончательное поражение могущественному королевству зулусов. Однако Трансвааль поднял успешное восстание в 1881 г. и только после Англо-бурской войны 1899–1902 гг. британские власти завоевали все бурские республики. Британцы побуждали колонии к объединению и в 1910 г. Капская колония, Наталь, Оранжевое Свободное Государство и Трансвааль сформировали Южно-Африканский Союз.

Первое правительство Союза, руководимое Луисом Ботой и Яном Смутсом, постепенно начало усиливать многие из существенных неравенств южноафриканского общества. Кульминацией этого процесса

стало создание вполне развитого режима апартеида с избранием Национальной партии (НП) во главе с Д.Ф. Маланом в 1948 г. Например, в 1913 г. Акт о землях коренного населения запретил африканцам покупать землю за пределами «территорий коренного населения», т.е. резерваций, созданных для африканцев и в 1939 г. составлявших примерно 12% земель (африканцы в это время составляли 70% населения; см.: [Thompson, 1995, table 1, p. 278]).

В то же время с основанием Африканского национального конгресса (АНК) в 1912 г. начало формироваться организованное политическое сознание коренных африканцев. Сначала это было умеренное движение, организованное африканцами из среднего класса, но после Второй мировой войны АНК начал радикализироваться вследствие неудачи попыток либерализовать систему. В 1943 г. АНК принял заявление, названное «Требования африканцев в Южной Африке», впервые потребовав всеобщего избирательного права для взрослых.

После 1948 г. применение апартеида на практике достигло своего апогея, когда пост премьер-министра занимал Хендрик Фервурд между 1958 и 1966 гг. Правительство пыталось переселить всех африканцев в восемь (затем десять) хоумлендов, и только те африканцы, чей труд требовался для экономики белых, могли присутствовать на «европейских территориях». Они должны были носить с собой «пропуска», доказывающие, что они на законных основаниях находятся за пределами территорий племен.

Режим апартеида поддерживался с помощью массовых нарушений политических и гражданских прав. Правительство установило жесткий контроль над средствами массовой информации и имело монополию на радио- и телевидение. Полиции были даны широкие полномочия арестовывать людей без суда и держать их неограниченное время в одиночном заключении. Согласно Акту об общественной безопасности 1953 г. правительство могло объявлять чрезвычайное положение и править своими постановлениями.

На протяжении 1950-х годов АНК постоянно бросал вызов на улице и в судах политике Национальной партии. Во время одной из таких демонстраций в Шарпвилле вспыхнули беспорядки и полиция начала стрелять в толпу, убив 83 человека. После этого инцидента власти перешли к политике полного искоренения АНК и в 1964 г. Нельсон Мандела и другие члены высшего руководства движения были помещены в тюрьму на острове Роббен. Несмотря на то что значительная часть лидеров движения оказалась в южноафриканских тюрьмах или в ссылке, АНК оставался центром сопротивления режиму. НП и далее продавливала свою идею создания независимых хоумлендов (или «бангустанов»), гражданами которых были бы все африканцы. В 1976 г. Транскей и Бопу-

татсвана властями ЮАР были объявлены независимыми государствами (хотя их так никогда и не признало ни одно государство или международная организация).

В 1976 г. бунт в Соуэто, большом пригороде Йоханнесбурга, населенном африканцами, закончился убийством 575 человек [Thompson, 1995, p. 212–213]. Соуэто стало поворотной точкой. В 1960-е годы режим апартеида смог сокрушить руководство АНК, но

после восстания в Соуэто культура протеста распространилась на черное население Южной Африки. Студенты и рабочие, дети и взрослые, мужчины и женщины, образованные и необразованные стали участвовать в усилиях по освобождению страны от апартеида [Ibid., p. 228].

Режим апартеида не имел никакого выбора, кроме как пойти на некоторые уступки. Он немедленно объявил о прекращении создания хоумлендов. Однако как только беспорядки улеглись власти нарушили обещание, и два новых хоумленда были созданы в начале 1980-х годов. Более важным было то, что правительство перешло к легализации профсоюзов африканцев и в 1984 г. ввело новую конституцию, согласно которой индийцы и «цветные» получили свои собственные законодательные органы. Белые оставались в значительном большинстве в парламенте. После избрания президентом П.У. Боты в его кабинете был лишь один индеец и один «цветной», оба они были министрами без портфеля. После 1984 г. власти также устранили трудовые ограничения, запрещавшие африканцам заниматься теми или иными видами деятельности.

Тем не менее фундаментальная философия или структура апартеида оставалась неизменной. Поэтому уступки оказались недостаточными для того, чтобы предотвратить забастовки, бунты и волнения, становившиеся все более частыми. Например, в 1985 г. было 390 забастовок, в которых участвовали 240 тыс. рабочих, и 879 человек было убито в ходе политического насилия. Профсоюзы африканцев, легитимированные в качестве уступки после Соуэто, были на переднем фронте антиправительственной деятельности. В июне 1986 г. кабинет Боты ответил на эти события введением чрезвычайного положения и отправкой армии в поселки африканцев для восстановления порядка.

Ситуация для режима апартеида ухудшилась в октябре 1986 г., когда Соединенные Штаты ввели санкции. С середины 1980-х годов, видя нереалистичность сохранения существующих институтов, многие члены южноафриканской белой элиты начали делать попытки примирения с АНК и лидерами чернокожих. Хаос в промышленности, вызванный забастовками, наносил серьезный ущерб прибылям, и с конца 1970-х годов из Южной Африки шел непрерывный отток капитала [Wood, 2000,

Fig. 6.3, p. 154]. Видные белые бизнесмены встречались с представителями АНК в Лондоне и других местах, и сам Мандела был возвращен с острова Роббен и многократно участвовал в переговорах с членами администрации Боты:

...Как признавал Мандела, для осуществления мирного перехода нужно было найти способ примирить требование АНК о правлении большинства с «настойчивым требованием белых о структурных гарантиях того, что правление большинства не будет означать господства чернокожих над белым меньшинством» [Thompson, 1995, p. 244].

В феврале 1989 г. Л.В.У. де Клерк сменил П.В. Боту в качестве главы НП и в сентябре был избран президентом:

...Де Клерк... понимал, что нажим изнутри и извне подрывает «расовый порядок». Он заключил, что лучшей надеждой для его народа будет договориться об урегулировании с позиции силы, пока его правительство все еще является доминирующей силой в стране [Ibid.].

В начале 1990 г. он снял запрет на деятельность АНК и освободил Манделу из тюрьмы. Начались интенсивные переговоры о характере перехода от эры апартеида и типе общества, которое придет ему на смену. Переговоры по поводу конституции начались в декабре 1991 г. и НП предложила ряд мер, которые ослабили бы угрозу правления большинства чернокожих:

...Южная Африка должна была стать конфедерацией штатов с широкими и не подлежащими отмене полномочиями. Ее центральной исполнительной властью должна была стать коалиция с участием каждой партии, получившей значительное количество мест на выборах, руководство коалиции подлежало ротации между лидерами партий, и все решения должны были приниматься консенсусом или теми или иными видами квалифицированного большинства [Ibid., p. 248].

Такие положения оказались неприемлемы для АНК, и в июне 1992 г. переговоры были прерваны. В сентябре они возобновились, и к февралю 1993 г. был согласован график переходных мер, приуроченных к выборам в апреле 1994 г. Была достигнута договоренность о временной конституции, согласно которой в 1994 г. избрали первый парламент нового типа, наделенный обязанностью разработать постоянно действующую конституцию. Временная конституция содержала 34 базовых принципа и предписывала, что ни одна последующая поправка не будет юридически действительной, если будет им противоречить; так ли это, должно было определяться конституционным судом, назначенным президентом Манделой. Другие поправки требовали одобрения большинством в две

трети членов обеих палат парламента. Основной уступкой в пользу НП было то, что кабинет обязательно должен был быть коалиционным, и каждая партия, завоевавшая по меньшей мере 20 мест в национальной ассамблее, получала представительство в правительстве пропорционально количеству мест. АНК получил 62,7% голосов на выборах 1994 г.

С самого начала Южная Африка, как и многие колониальные общества, была обществом большого неравенства, как экономического, так и политического. В XX в. это наследство привело к установлению крайне недемократического государственного устройства, в котором лишь белым были предоставлены избирательные права. После Второй мировой войны африканцы начали успешно мобилизоваться против этого политического статус-кво и оказались способны осуществлять все возрастающий нажим, который сделал сохранение существующего режима апартеида нереалистичным и угрожал массовым восстанием. Попытки режима пойти на уступки, оставляя при этом систему фундаментально неизменной, не смогли достичь этой цели и режим апартеида сохранял власть, используя широкомасштабные репрессии и насилие. В 1994 г. режим был вынужден демократизироваться, чтобы не идти на риск, возможно, намного худших альтернатив.

5. ПОВЕСТКА ДНЯ

Мы рассмотрели четыре очень различных пути политического развития. Великобритания воплощает пример пути к консолидированной демократии без сколько-нибудь значительных шагов назад в ходе этого процесса. Аргентина иллюстрирует возможность перехода к неконсолидированной демократии, которая затем возвращается к недемократии и процесс потенциально может повторяться множество раз. Сингапур — это пример общества, в котором недемократический режим может сохраняться в течение длительного времени, делая сравнительно небольшие уступки, но также и без существенных репрессий. Южная Африка до падения апартеида — пример недемократического режима, сохраняющегося благодаря применению репрессий. Теперь мы предлагаем концептуальную структуру для понимания этих различных путей и разработки прогнозов о том, при каких условиях можно ожидать, что развитие пойдет по тому или иному пути.

II. Наша аргументация

Почему Великобритания, Аргентина, Сингапур и Южная Африка пошли различными политическими путями? И в более общем плане, почему некоторые страны демократические, в то время как в других правят диктатуры или иные недемократические режимы? Почему многие недемократические общества переходят к демократии? Что определяет время и место таких переходов? И в связи с этим, почему некоторые демократии, будучи однажды установленными, становятся консолидированными и сохраняются, тогда как другие (как многие в Латинской Америке) становятся жертвами переворотов и возвращаются к диктатурам?

Все это ключевые вопросы для политической науки, политической экономики и социальных наук вообще, однако на них не существует ни широко распространенных ответов, ни общепринятых концептуальных структур для их решения. Цель этой книги — разработать такую структуру для анализа этих вопросов, дать некоторые предварительные ответы и обрисовать будущие области для изучения. Как часть нашего исследования мы сначала анализируем роли различных политических институтов в формировании политических мер и общественного выбора, подчеркивая различия политики в демократических и недемократических режимах. Чтобы это сделать, мы моделируем отношение различных индивидов и групп к различным политическим мерам и, следовательно, к политическим институтам — источникам этих мер.

Чтобы облегчить первоначальное изложение наших идей, полезно представить себе общество состоящим из двух групп — элит и граждан, где последние более многочисленны. Наша концептуальная структура подчеркивает, что общественный выбор по своей природе носит конфликтный характер. Например если элиты — это относительно богатые индивиды (для краткости: богатые), то они будут противиться налогообложению с целью перераспределения; в то время как граждане, которые относительно бедны (для краткости: бедные), будут одобрять налогообложение, перераспределяющие ресурсы в их пользу. В общем, политические меры или общественный выбор, выгодные элитам и выгодные гражданам, будут различаться. Этот конфликт по поводу общественного выбора и политических мер является главной темой в рамках нашего подхода.

Кто является большинством и кто является элитой? Это зависит в некоторой степени от контекста и тех сложных путей, какими формируются политические идентичности в различных обществах. Во многих случаях полезно думать об элите как об относительно богатых общественных группах, как это было в Великобритании и Аргентине XIX в. Однако это не всегда так: например, в Южной Африке элитами были белые, и во многих африканских странах элиты ассоциируются с той или иной этнической группой. В других обществах, таких как Аргентина в определенные периоды, элитой являются военные.

Возможно, не случайно, что во многих случаях понятия «элита» и «богатые» совпадают. Иногда те, кто были изначально богатыми, могут использовать свои ресурсы для того, чтобы достичь власти, возможно, подкупая военных или иных политиков. В других обстоятельствах власти могут достигать люди, первоначально не бывшие богатыми. Тем не менее политическая власть, будучи достигнутой, может быть использована для того, чтобы приобрести доходы и богатство, так что власти предрежащие естественным образом имеют склонность становиться богатыми. В каждом из этих случаев есть тесная связь между элитой и богатыми.

Наша теория о том, какие общества перейдут от диктатуры к демократии и при каких обстоятельствах демократия станет консолидированной, соотносит эти задачи с конфликтом между элитой и гражданами по поводу политики. Эти группы имеют противоположные предпочтения относительно различных политических институтов, демократии и диктатуры, которые, как они осознают, ведут к различному общественному выбору. Однако мы также подчеркиваем, что политические институты не просто определяют масштаб перераспределения или того, кто получает выгоду от сегодняшней политики; они также играют роль в регулировании будущего распределения политической власти. При демократии граждане имеют больше власти и сегодня, и в будущем, чем в недемократических режимах, потому что они участвуют в политическом процессе.

Концептуальная структура, которую мы разрабатываем, является формальной, так что наше изложение подчеркивает как понятия, которые, по нашему мнению, сущностно важны при размышлении о демократии, так и то, каким образом эти понятия и проблемы можно формально моделировать, используя теорию игр.

1. ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ НЕДЕМОКРАТИИ

С самого начала следует внести ясность относительно того, какие именно вопросы мы решаем и какие «строительные блоки» используем в нашем подходе. При построении моделей социальных явлений часто ис-

пользуемым принципом является так называемая бритва Оккама. Этот принцип, популяризованный английским философом XIV в. Уильямом Оккамом, заключается в том, что не следует умножать число сущностей, требуемых для объяснения данного явления, более чем это необходимо. Другими словами, мы должны стремиться к высокой степени экономии при формулировке ответов на сложные вопросы. Учитывая сложность проблем, с которыми мы имеем дело, мы часто применяем этот принцип в данной книге не только для того, чтобы упростить ответы на сложные вопросы, но, возможно, еще более смело, для того, чтобы упростить сами вопросы. Фактически мы, чтобы сфокусировать наши основные вопросы, применяем бритву Оккама довольно жестоко и отважно. Мы абстрагируемся от многих интересных деталей и оставляем некоторые в равной степени важные вопросы за пределами нашего исследования. Наша надежда в том, что этот гамбит даст результат, обеспечив относительно четкие ответы на некоторые интересующие нас вопросы. Конечно, читателю судить о том, окупается ли наша стратегия в конечном итоге или нет.

Наш первый выбор касается классификации различных режимов. Многие общества сегодня управляются демократическими режимами, но нет двух абсолютно одинаковых демократий и большинство из них демонстрирует очевидные институциональные различия. Рассмотрим для примера контраст между французской президентской системой и британской парламентской; или между мажоритарными электоральными институтами в США и системой пропорционального представительства, используемой в большей части континентальной Европы. Несмотря на эти различия, имеются и некоторые важные общие черты. При демократии большинству населения позволено голосовать и выражать свои предпочтения относительно мер государственной политики, и предполагается, что власть олицетворяет предпочтения всего населения, или, используя известное выражение, «демократия есть правление народа для народа». В противоположность этому, во многих других странах по-прежнему правят диктаторы и недемократические режимы¹. Между некоторыми из этих недемократических режимов имеются еще более резкие отличия, чем различия между демократиями. К примеру, достаточно поразмыслить о контрасте между правлением Коммунистической партии Китая с 1948 г. и генерала Пиночета в Чили между 1973 и 1989 гг. При обращении к другим недемократиче-

¹ В тексте, несмотря на название книги, мы предпочитаем использовать термин *недемократия* его альтернативам, таким как *диктатура* или *авторитарный режим*, поскольку он имеет меньше особых коннотаций, чем любой из последних терминов.

ским режимам, таким как ограниченные конституционные правления в Европе XIX в., эти различия становятся еще более отчетливыми.

Тем не менее в этих недемократических режимах имеется один общий элемент: вместо выражения желаний широких слоев населения, они репрезентируют предпочтения подгруппы населения: «элиты». В Китае значимы в основном желания Коммунистической партии. В Чили большинство решений принималось военной хунтой; именно ее предпочтения и, возможно, предпочтения некоторых обеспеченных слоев общества, поддерживавших диктатуру, принимались в расчет. В Великобритании до первого Акта о реформе 1832 г. менее 10% взрослого населения — самые богатые и аристократические слои — имели право голосовать, и политические меры, естественно, служили их требованиям.

Из этого ясно, что демократии в общем приближаются к ситуации *политического равенства* в сравнении с недемократиями, которые, в свою очередь, выражают предпочтения намного меньшей части общества и, следовательно, более соответствуют ситуации *политического неравенства*. Мы сосредоточиваем внимание на том, чтобы понять социальные и экономические силы, подталкивающие некоторые общества в сторону режимов с большим политическим равенством, в противоположность силам, поощряющим развитие более недемократических систем. В наших моделях, за исключением главы VIII, мы работаем с дихотомическим разграничением демократии и недемократии. Тем не менее решая, насколько демократичны реальные режимы, а также при эмпирических исследованиях, полезнее думать о различных оттенках демократии. Например, ни один из актов о реформах в Великобритании XIX в. не вводил всеобщего избирательного права для взрослых, но все они были движением в сторону увеличения демократии. Мы хотим понять эти движения; для этого мы начинаем просто с рассмотрения сдвига от недемократии к полной демократии (всеобщего избирательного права для взрослых). Наше определение можно охарактеризовать как «шумпетеровское» [Schumpeter, 1942], поскольку мы подчеркиваем, что страна является демократической, если в ней имеют место некоторые политические процессы, т.е. если есть некоторые ключевые институты, такие как свободные и честные выборы и свободный вход в политику. В той степени, в которой демократия ассоциируется с конкретными результатами, это происходит потому, что они вытекают из ее институциональных характеристик.

Наш подход подразумевает, что мы не просто интересуемся тем, когда было введено всеобщее избирательное право для взрослого населения, но скорее понимаем всех продвижений в сторону увеличения демократии. Например, в Аргентине всеобщее избирательное право для мужчин было введено конституцией 1853 г., но коррупция была на-

столько свойственна выборам, что демократия стала реальностью только после политических реформ президента Саенз Пеньи в 1912 г. В данном случае мы считаем 1912 г. ключевым сдвигом в сторону демократии. В Великобритании реформы 1867 г. значительно расширили право голоса, но всеобщее голосование для мужчин не было признано вплоть до 1919 г. Однако коррупция на выборах была устранена и тайное голосование введено в 1872 г. В этом случае мы рассматриваем 1867 г. как важный шаг к политическому равенству в Британии.

Мы не можем столь же определенно сказать о распространении права голоса на женщин. Почти во всех европейских странах электоральные права были сначала даны взрослым мужчинам и впоследствии распространены на женщин. Это отражало принятые тогда в обществе гендерные роли; когда роли начали меняться по мере занятия женщинами рабочих мест, женщины тоже получили право голоса. Поэтому, вероятно, что механизмы, которые мы предлагаем, лучше описывают наделение избирательными правами мужчин, чем распространение их на женщин.

Наша дихотомическое разграничение демократии и недемократии уместно и полезно только в той степени, в какой в каждом рассматриваемом случае имеются общие для всех демократий элементы (занимающие центральное место в нашей теории), но обычно отсутствующие в недемократиях. И это, действительно, так. Мы утверждаем, что демократия, при которой всегда имеется политическое равенство, заботится об интересах большинства лучше, чем недемократия, в которой обычно доминирует элита, более заботящаяся о собственных интересах. Просто и грубо говоря, недемократия — это обычно режим для элиты и привилегированных; в сравнении с ней демократия — режим, более благоприятный для большинства населения, что выражается в мерах государственной политики, относительно более выгодных для большинства.

Мы утверждаем, что недемократия в сравнении с демократией представляет собой политическое неравенство. При демократии каждый имеет право голоса и, по крайней мере потенциально, может участвовать тем или иным образом в политическом процессе. При недемократии решения принимает хунта или олигархия, или, в экстремальном случае, одно лицо — диктатор. Поэтому противопоставление в категориях политического равенства имеет смысл. Это, конечно, не означает, что демократия соответствует некоему идеалу политического равенства. Во многих успешных демократиях реализован принцип «один человек — один голос», но он далек от совершенного политического равенства. Голоса некоторых граждан громче, и имеющие экономические ресурсы могут влиять на политику по другим каналам кроме голосования, таким как лоббирование, взятки или иные способы убеждения. На протяжении

нии всей книги, когда мы говорим о политическом равенстве при демократии, это всегда *относительное* утверждение.

В общем и целом, очертания нашего подхода начинают принимать конкретный вид. Мы полагаем, что режимы подпадают под одну из двух широких категорий: демократия и недемократия. Демократия мыслится как ситуация политического равенства и характеризуется политикой, относительно более благоприятной для большинства. Часто меры в пользу большинства совпадают с политическими мерами в пользу бедных, особенно с большей тенденцией перераспределять доходы от богатых к бедным. Напротив, недемократия предоставляет большее влияние элите и обычно выбирает менее мажоритарные меры, чем демократия.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЕ БЛОКИ НАШЕГО ПОДХОДА

Теперь мы определили основной фокус нашего исследования: понять, почему одни общества являются демократиями, почему другие общества меняются от недемократических к демократическим и почему отдельные демократии возвращаются к диктатуре. Мы уже упомянули некоторые строительные блоки нашего подхода; пришло время изложить их более систематично.

Первым перекрывающим все здание строительным блоком нашего подхода является то, что он экономический². Используя это понятие, мы не имеем в виду, что индивиды всегда действуют рационально согласно некоторым простым постулатам. Это никоим образом не предполагает также, что в обществе есть только индивиды, а не социальные группы. Вместо этого мы считаем, что индивиды имеют хорошо определенные предпочтения по поводу результатов их действий; например, они предпочитают больший доход меньшему и могут предпочитать мир, безопасность, честность и многие иные вещи. Иногда большие группы индивидов имеют общие интересы или даже действуют коллективно. Однако значимо то, что индивиды *действительно* имеют хорошо определенные предпочтения, которые они понимают. Они оценивают различные возможности выбора, включая демократию против недемократии, согласно оценке их (экономических и социальных) следствий. В таких ситуациях экономический подход говорит о том, что люди часто ведут себя стратегически и что их поведение можно смоделировать как игру. Теория игр — это изучение ситуаций со множеством принимающих решения лиц, стратегически взаимодействующих. Основным положением теории игр является то, что индивиды выбирают между различными стратегиями согласно их последствиям. Наш экономический круг интересов и

² В политической науке такой подход часто называют «рациональный выбор».

наличие важных взаимодействий между различными политическими акторами делают все анализируемые здесь ситуации по своей сути принадлежащими теории игр. Поэтому мы широко используем теорию игр при моделировании предпочтений относительно различных режимов и переходов между этими режимами.

Чтобы увидеть следствия этих допущений, рассмотрим группу индивидов, для которых демократия и недемократия будут иметь одинаковые следствия во всех сферах, за исключением одного — демократия создает больше дохода для них; они естественным образом предпочитают больший доход меньшему. Поэтому мы ожидаем, что эти индивиды предпочтут демократию недемократии. На некотором уровне анализа этот постулат выглядит очень слабым, но на ином уровне мы приобретаем очень много от нашей экономической фокусировки внимания. Что важнее всего, мы получаем право сконцентрироваться на последствиях режимов, а предпочтения по поводу режимов выводятся из их последствий. Такой подход совместим со многими историческими описаниями мотиваций различных акторов. Например, в 1839 г. чартист Дж.Р. Стефенс утверждал:

...Вопрос всеобщего избирательного права... это вопрос вилки и ножа, вопрос хлеба и сыра... под всеобщим избирательным правом я имею в виду, что каждый рабочий человек в стране должен иметь право на хорошее пальто на спине, хорошую шапку на голове, хорошую крышу для укрытия своей семьи, хороший ужин на столе (цит. по: [Briggs, 1959, p. 34]).

Альтернативой было бы просто исходить из того, что одна группа не любит демократию, в то время как другая любит, например, из-за каких-либо идеологических предпочтений или пристрастности [Diamond, 1999]. Действительно, Л. Дайамонд утверждает, что

демократия становится по-настоящему стабильной только, когда люди начинают ценить ее не единственно за экономические и социальные показатели, но за внутренне присущие ей политические свойства [Diamond, 1992, p. 455].

Мы не отрицаем того, что такие идеологические предпочтения существуют, но полагаем, что предпочтения индивидов и групп относительно режимов, полученные на основе экономических и социальных следствий этих режимов, более важны. Позже в этой книге мы рассматриваем, как введение идеологических предпочтений влияет на наши результаты, и общая идея в том, что пока они не становятся перевешивающими факторами, они не влияют на наши выводы.

Наш второй строительный блок основан на том, что политика по своей природе конфликтна. Большинство актов выбора относительно

но политических мер создают конфликты по поводу распределения; одна мера выгодна одной группе, тогда как другая — иным. Это ситуация *политического конфликта* — конфликта по поводу мер, которые общество должно принять. Эти группы (например, богатые и бедные) имеют конфликтующие между собой предпочтения относительно мер государственной политики, и каждый акт выбора этих мер порождает *выигравших* и *проигравших*. Например, при высоких налогах богатые — проигравшие, а бедные — выигравшие, в то время как при установлении низких налогов они меняются ролями. При отсутствии такого конфликта, агрегирование предпочтений индивидов, для того чтобы прийти к предпочтениям общества, было бы легким делом; нам просто нужно было бы выбрать ту политику, которая делает жизнь каждого лучше. Значительная часть политической философии существует потому, что мы не живем в столь простом мире, и конфликтные ситуации вездесущи. Каждый раз, когда общество (или правительство) делает какой-то выбор или принимает ту или иную меру, оно неявно становится на сторону одной группы, неявно решает лежащий в основе проблемы политический конфликт тем или иным образом, и неявно или явно порождает *выигравших* и *проигравших*.

Хотя экономический подход делает акцент на индивидуальных предпочтениях и мотивациях, многие индивиды часто имеют одни и те же интересы и иногда принимают одни и те же решения. Более того, группы индивидов способны действовать коллективно, если нет проблем коллективного действия или если они могут решить какие-либо из имеющихся задач. В этом случае можно продуктивно рассматривать конфликт и то, кто в конфликте с кем, в категориях групп индивидов. Такими группами могут быть общественные классы, что несколько сходно с марксистскими представлениями об истории и политике, или они могут быть городскими слоями, этническими или религиозными группами, или военными. То, что мы сосредоточиваем внимание на социальных группах как ключевых политических акторах, мотивировано осознанием того, что самыми важными силами в политических конфликтах и изменениях являются группы индивидов.

Оставляя в стороне темы политической философии о том, как справедливое или честное общество должно примирять эти конфликтующие предпочтения, как общество разрешает политический конфликт на практике, поставим этот вопрос еще более конкретно. Преположим, что имеются две меры государственной политики, одна выгодная для граждан, другая — для элит. Какую из них примет общество? Поскольку нет возможности ошастливать две группы одновременно, политический выбор должен отдать предпочтение той или иной группе. Мы можем считать, что то, какой группе будет отдано предпочтение, определяется

тем, какая группа имеет *политическую власть*. Другими словами, политическая власть есть способность группы получать благоприятные ей политические меры вопреки сопротивлению других групп. Поскольку всегда имеется конфликт интересов, мы всегда находимся в сфере политического конфликта. И поскольку мы всегда в сфере политического конфликта, мы всегда в тени политической власти. Чем больше политической власти у группы, тем больше она выиграет от действий и мер правительства.

Что такое политическая власть? Откуда она берется? Размышляя об ответах на эти вопросы, полезно различать два типа политической власти: *политическая власть де-юре* и *политическая власть де-факто*. Представим себе «естественное состояние» Томаса Гоббса [Hobbes, 1996], где нет закона и человек неотличим от зверя. Гоббс рассматривал такую ситуацию, для того чтобы аргументировать, что такая анархия крайне нежелательна и государство, как некий левиафан, необходимо для монополизации применения силы и насаждения правил среди граждан. Но как устанавливается распределение в гоббсовском естественном состоянии? Если имеется плод, который может съесть один из двух человек, кто его получит?

Ответ ясен: так как нет закона — тот, кто сильнее, у кого больше грубой силы, тот и съест плод. Тот же тип грубой силы значим и на политической арене. Та или иная группа имеет существенную политическую власть, когда у нее есть армия и оружие, чтобы уничтожить другие группы, когда политика проводится не в ее пользу. Поэтому первый источник политической власти это просто то, что группа может сделать другим группам и обществу в целом с применением силы. Мы говорим об этом как о политической власти де-факто. Но (и к счастью) это не единственный тип политической власти. Сегодня ключевые решения в Соединенном королевстве принимаются Лейбористской партией не потому, что она может применять грубую силу или приобрела власть де-факто какими-либо иными средствами, но потому, что политической властью ее наделила политическая система (т.е. ее привело к власти голосование на последних всеобщих выборах). В результате, из политических мер с противоположными последствиями Лейбористская партия может выбирать те, которые более выгодны для ее избирателей или ее лидеров. Мы называем этот тип политической власти, устанавливаемой политическими институтами, политической властью де-юре. Реальная политическая власть есть комбинация де-юре и де-факто политической власти, и то, какой из компонентов более значим, зависит от различных факторов (эту тему мы будем рассматривать позже).

Наконец, мы называем социальные и политические механизмы, распределяющие политическую власть де-юре *политическими институ-*

тами. Например, электоральное правило, наделяющее правом определять финансовую политику партию, получившую 51% голосов, является одним из политических институтов. В рамках нашего исследования важнейшими политическими институтами являются те, которые определяют, кто из индивидов принимает участие в политическом процессе принятия решений (т.е. демократия или недемократия). Поэтому важная роль демократии заключается в том, что она способна распределять политическую власть де-юре. При демократии большинство имеет относительно большую политическую власть де-юре, чем при недемократии. Тогда то, что демократии заботятся об интересах большинства граждан больше, чем недемократии, есть просто следствие большей де-юре политической власти большинства при демократии, чем при недемократии.

3. К НАШЕМУ ОСНОВНОМУ ПОВЕСТВОВАНИЮ

Вооружившись первыми двумя из основных строительных блоков нашего подхода, мы можем начать рассматривать предпочтения по поводу различных режимов. Обычно отношения между элитами и гражданами находятся в состоянии политического конфликта, и демократии лучше заботятся об интересах граждан, чем недемократии. Поэтому естественно думать, что граждане больше предпочитают демократию, чем элиты. Так что в случае конфликта по поводу типов политических институтов, которые должны быть в обществе, большинство граждан будут на стороне демократии, а элиты будут на стороне недемократии. Это хороший отправной пункт.

Мы можем добавить в эту схему эмпирического содержания, допустив, что элиты относительно богаты, а большинство граждан относительно бедно. Действительно, во многих случаях переход от недемократии к демократии сопровождался существенным конфликтом между более бедными слоями общества, которые до этого были исключены и хотели быть включенными в политический процесс принятия решений, и богатой элитой, которая заинтересована в их исключении. Наиболее явным образом так было в Европе XIX в., особенно в Великобритании (как мы видели в главе I), когда первоначально средние и затем трудящиеся классы потребовали прав голоса. Изначально богатая элита противостояла их требованиям, но затем ей пришлось уступить и включить их в политическую систему.

Согласно такой трактовке политических событий в Европе XIX в., Аминзаде описывает появление всеобщего избирательного права для мужчин во Франции следующим образом:

...французские трудящиеся, в основном ремесленники, составляли революционную силу, поставившую у власти Республиканскую партию в фев-

рале 1848 г., ... и давление трудящихся классов на улицах Парижа заставило либеральных лидеров республиканцев... неохотно уступить и ввести всеобщее избирательное право для мужчин [Aminzade, 1993, p. 35].

Возможно, еще более впечатляюще то, что ключевые игроки в процессе демократизации видели ее как сражение между богатыми и бедными. Виконт Кранборн, один из ведущих британских консерваторов XIX в., описывал борьбу за реформы как

... битву не партий, но классов, и часть великой политической борьбы нашего века — борьбы между собственностью... и всего лишь численностью (цит. по: [Smith, 1966, p. 27–28]).

Конфликт между бедными и богатыми социальными группами также был определяющей характеристикой в большинстве случаев введения всеобщего избирательного права в Латинской Америке первой половины XX в., включая опыт Аргентины в 1912 г., известный нам по главе I, Уругвая в 1919 г., Колумбии в 1936 г. и Венесуэлы в 1945 г. Приход демократии в Южную Африку и Зимбабве также последовал за конфликтом между богатыми белыми и бедными чернокожими.

Поэтому наш анализ выдвигает на первый план то, что большинство граждан хотят демократических институтов потому, что выигрывают от них и, следовательно, будут бороться за них. Учитывая наше определение политической власти, мы можем сказать, что граждане с большей вероятностью обеспечат переход к демократии, когда у них больше политической власти де-факто. Таким образом, мы уже сконструировали простую теорию демократизации: граждане хотят демократии, а элиты хотят недемократии, и баланс политической власти между этими двумя группами определяет, перейдет ли общество от недемократии к демократии (и, возможно, также и то, станет ли вновь созданная демократия консолидированной или позднее вернется к недемократии).

Все это может рассматриваться как упрощенная версия нашей теории демократизации. Но фактически она настолько упрощена, что некоторые из существенно важных характеристик нашей теории здесь отсутствуют. И самое главное, тривиализирована роль, которую играет демократия или, в более общем плане, политические институты.

Теория говорит о том, что демократия ведет к общественному выбору, более одобряемому большинством граждан; поэтому граждане предпочитают демократию недемократии, и демократия наступает тогда, когда граждане имеют достаточную политическую власть. Однако если граждане имеют достаточную политическую власть, почему бы им не использовать эту власть для того, чтобы просто добиваться решений и политических мер в пользу предпочтительного им общественного вы-

бора, а не бороться сначала за демократию, а затем ждать, когда она обеспечит им эти меры? Не является ли здесь демократия просто не так уж и нужным промежуточным шагом? Могут утверждать и так.

Это только одна черта рассказанной нами пока что простой истории, и она не характерна ни для политических институтов реального мира, ни для нашей теории. На практике политические институты играют намного более фундаментальную роль, чем просто роль промежуточной переменной: они регулируют будущее распределение политической власти между различными социальными группами. Они играют эту роль потому, что мы живем не в статичном мире, подобном описанному выше, но в мире динамичном, где индивиды интересуются не только политическими мерами сегодня, но и политическими мерами завтра. Мы можем представить эту важную роль политических институтов и достичь более удовлетворительного понимания демократии и демократизации, инкорпорировав эти динамические стратегические элементы, что и пытается сделать наша теория демократизации.

4. НАША ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Рассмотрим простейший динамический мир, который мы можем только представить: есть «сегодня» и «завтра», а элиты и граждан заботит то, каковы политические меры и сегодня, и завтра. Ничто не мешает обществу принять завтра иную меру, чем избранная сегодня. Таким образом, для граждан недостаточно обеспечить политические меры, предпочитаемые ими сегодня; они также хотели бы принятия аналогичных мер завтра. Предположим, мы живем в недемократическом обществе, которое обычно обеспечивает интересы элит. У граждан сегодня имеется политическая власть де-факто, так что они могут получать желаемые меры, но они не уверены, будет ли у них та же политическая власть завтра. Учитывая то, что мы в недемократическом обществе, завтра элиты могут стать более могущественными и напористыми, и граждане могут утратить имеющуюся политическую власть. Могут ли они гарантировать реализацию предпочитаемых ими мер и сегодня, и завтра?

Именно здесь могут стать важными политические институты в сравнении с ранее описанным статическим миром. Институты по своей природе *долговременны*, т.е. сегодняшние институты, вероятно, сохранятся до завтра. Демократическое общество не только то, в котором «один человек — один голос» сегодня, но также и то, от которого ожидают, что оно останется демократическим по крайней мере в ближайшем будущем. Эта долговременность уже имплицитно присутствовала в нашем определении политических институтов как средств распределения политической власти: они регулируют *будущее* распределение политической власти. На-

пример, демократия означает, что завтра будет голосование для определения мер государственной политики или решения вопроса о том, какой партии править, и все население будет участвовать в этом голосовании. Недемократия означает, что значительная часть населения исключается из коллективного процесса принятия решений.

Представим теперь, что граждане не просто используют свою де-факто политическую власть сегодня для получения предпочитаемых ими мер сейчас, но также применяют ее для того, чтобы изменить политическую систему от недемократии к демократии. Если это будет сделано, они эффективно увеличат свою политическую власть де-юре в будущем. Вместо недемократии, мы оказываемся в таком случае при демократическом режиме, где имеется всеобщее голосование. Поэтому, с увеличившейся политической властью, граждане также скорее обеспечат предпочитаемые ими меры и завтра.

Теперь мы перешли к обогащенной теории демократизации: переход к демократии, или, в более общем плане, изменение политических институтов, возникает как способ регулирования будущего распределения политической власти. Граждане требуют и, возможно, получают демократию, для того чтобы иметь большее слово в политике и большую политическую власть завтра. Возвращаясь к представлениям чартиста Дж.Р. Стефенса (цит. по: [Briggs, 1959]), можно видеть, что он был прав, требуя всеобщего избирательного права как средства обеспечить «право на хорошее пальто... хорошую шапку... хорошую крышу... (и) хороший ужин» для трудящихся, чем прямо требовать пальто, крышу и ужин. Все это было бы только сегодня, в то время как всеобщее избирательное право может обеспечить их и в будущем.

Обратите внимание на важный имплицитный элемент нашего повествования: *преходящий характер политической власти де-факто*. Предполагается, что граждане имеют политическую власть сегодня, но не уверены, будут ли иметь аналогичную власть завтра. Баланс между элитами и гражданами, или, в более общем плане, между различными социальными группами, не постоянен, не вырезан на камне, не тот сегодня, что будет завтра; он временный. Разумно полагать, что это так в динамичном и изменчивом мире, в котором мы живем. Это будет еще более убедительным, если мы подумаем об источниках политической власти лишенных права голоса граждан при недемократии. Во-первых, попытаемся понять, почему значим преходящий характер политической власти. Предположим, что граждане имеют завтра ту же политическую власть, что и сегодня. Для чего им нужна будет помощь политических институтов? Если их политическая власть достаточна для того, чтобы получить предпочитаемые ими меры (даже получить предпочитаемые ими институты) сегодня, то также будет и в будущем, и тогда не будет

нужды менять основные политические институты. Именно преходящий характер политической власти — то, что граждане имеют ее сегодня и, возможно, не будут иметь завтра, — порождает потребность в изменении политических институтов. Граждане хотят не упустить той власти, которую они имеют сегодня, изменив политические институты, а именно, введя демократию и большее представительство для себя, так как без институциональных изменений их сегодняшняя власть вряд ли сохранится.

Так почему же граждане имеют политическую власть при недемократии? Ответ в том, что их власть там — де-факто, а не де-юре. В недемократии элиты монополизируют политическую власть де-юре, но не обязательно политическую власть де-факто. Граждане исключены из политической системы при недемократии, но тем не менее они составляют большинство и могут иногда бросать вызов системе, создавать существенное брожение и беспорядки, или даже представлять серьезную революционную угрозу. Что здесь может остановить большинство населения от того, чтобы взять верх над элитой, составляющей меньшинство, и получить контроль над обществом и его материальными ценностями, даже если у элит есть доступ к лучшему вооружению и солдаты-наемники? В конце концов граждане успешно захватили Париж во время Парижской коммуны, свергли существующий режим в ходе революции 1917 г. в России, уничтожили диктатуру Сомосы в Никарагуа в 1979 г., и во многих других случаях создавали существенное брожение и реальные попытки совершить революцию. Однако реальная угроза со стороны граждан требует присутствия многих маловероятных факторов: массам необходимо решить проблемы коллективного действия, необходимые для самоорганизации³, им надо обрести начальный импульс к превращению своей организации в эффективную силу против режима, в это же время элиты, контролирующие государственный аппарат, должны быть неспособны использовать армию для эффективного подавления восстания. Поэтому разумно считать, что такой вызов системе будет только преходящим: в недемократии, если у граждан есть политическая власть сегодня, скорее всего ее не будет завтра.

Теперь представим, что со стороны граждан имеется действенная угроза революции против недемократии. У них есть политическая власть сегодня для того, чтобы получить то, что хотят, и даже свергнуть систему. Они могут применить свою политическую власть для того, чтобы получить «пальто, крышу и ужин», но почему не использовать ее и для того, чтобы получить больше — те же вещи не только сегодня, но и в

³ То есть индивидов необходимо убедить принять участие в революционной деятельности, несмотря на индивидуальные затраты и коллективные выгоды для них в качестве группы.

будущем? Вот что они получат, если смогут принудить к изменению политических институтов. Общество осуществит переход к демократии и с этого времени меры государственной политики будут определяться по принципу «один человек — один голос», и граждане будут иметь больше политической власти, что позволит им получать желаемые меры, а значит пальто, крышу и ужин в том числе.

На практике, однако, изменения политических институтов не происходят просто потому, что их требуют граждане. Переходы к демократии обычно случаются тогда, когда элита, контролирующая существующий режим, расширяет избирательные права. Для чего ей это делать? В конце концов передача политической власти большинству обычно ведет к социальному выбору, который не может нравиться элите, например, к более высоким налогам и большему перераспределению благ не в ее пользу, т.е. именно к тем результатам, которые она хотела бы предотвратить. Столкнувшись с угрозой революции, разве элита не предпочтет другие виды уступок, даже предоставив гражданам желаемые ими меры государственной политики, вместо того, чтобы отдать свою власть? Для ответа на этот вопрос давайте возвратимся ко времени действенной революционной угрозы. Представим себе, что граждане могут свергнуть систему и готовы сделать это, если не получат некоторых уступок, некоторых мер, выгодных им и увеличивающих их доходы и благополучие.

Первой возможностью выбора для элиты будет дать им то, чего они хотят сегодня: перераспределить доходы и, в более общем плане, принять меры, выгодные для большинства. Но предположим, что сегодняшние уступки недостаточны для того, чтобы убедить граждан не совершать революцию. Что может сделать элита, чтобы предотвратить надвигающуюся революцию, которая, сама по себе, обойдется очень дорого? Да, она может пообещать те же меры и завтра. Пальто, крышу и ужин не только сегодня, но и завтра. Но эти обещания могут быть не *вызывающими доверия*. Изменение политики в сторону, предпочитаемую гражданами, не в непосредственных интересах элиты. Сегодня она делает это для предотвращения революции. Завтра угроза революции может пройти, и тогда зачем делать это снова? Почему она будет сдерживать свои обещания? Нет никаких оснований для этого, и действительно, вряд ли она будет это делать. Поэтому ее обещания не являются с необходимостью вызывающими доверие. Не вызывающие доверия обещания мало чего стоят и неуверенные ими граждане осуществили бы революцию. Элита, если она хочет спасти свою шкуру, должна дать вызывающее доверие обещание принимать те меры, которые предпочитает большинство; в частности, она должна сделать убедительной свою будущую приверженность мерам в пользу большинства. Убедительное обещание означает, что решения по поводу этих мер должны быть не делом элиты,

но отданы в руки тех групп, которые их предпочитают. Или, другими словами, она должна передать политическую власть гражданам. Убедительное обещание, поэтому означает изменение будущего распределения политической власти. Именно это и делает переход к демократии: он перемещает будущую политическую власть от элиты к гражданам, тем самым создавая *убедительную приверженность будущим мерам государственной политики в пользу большинства*. Роль, которую играют политические институты в распределении власти и создании относительно убедительных приверженностей, является третьим ключевым строительным блоком нашего подхода.

Почему, если для граждан привлекательна революция, ее останавливает создание демократии? Вероятно, потому что революция дорогостояща. В ходе революций значительная часть общественного богатства может быть уничтожена, что затратно для граждан, так же как и для элиты. Именно эти затраты позволяют избежать революции с помощью уступок или демократизации, осуществляемой элитой. В реальности не всегда будет так, что демократии достаточно и для большинства, чтобы избежать революции. Например, граждане могут ожидать, что даже при всеобщем избирательном праве элита сможет манипулировать политическими партиями или подкупать их или, возможно, будет использовать контроль над экономикой для ограничения возможностей демократии осуществлять те или иные меры. При таких обстоятельствах, предвидя, что демократия не принесет ничего достаточно ощутимого, граждане могут восстать. Однако для того чтобы ограничить масштаб нашего анализа, обычно мы концентрируем внимание на ситуациях, когда создание демократии позволяет избежать революции. Как представляется, в истории это было типичным и означает, что мы не будем углубляться в теории революции или моделирование постреволюционных обществ.

Теперь у нас есть базовая теория демократизации. В недемократии элиты имеют политическую власть де-юре и, если их ничто не ограничивает, обычно выбирают политические меры, которым более всего отдают предпочтение (например, низкие налоги и никакого перераспределения в пользу бедных). Однако граждане иногда бросают вызов недемократии, и могут представлять революционную угрозу, когда временно обладают политической властью де-факто. Что критически важно, такая политическая власть преходяща; она есть у них сегодня и вряд ли будет завтра. Они могут использовать эту власть, чтобы предпринять революцию и изменить систему к своей выгоде, принеся большие потери элитам, но также и существенный побочный ущерб и потери для общества. Элиты хотели бы предотвратить такой исход и могут сделать это, обеспечив убедительность своей приверженности политике в пользу большинства в будущем. Однако обещания таких мер в рамках суще-

ствующей политической системы часто неубедительны. Чтобы сделать их убедительными, необходимо передать формальную политическую власть большинству. Это то, чего и достигает демократизация.

Этот сюжет о демократизации, как приверженности элит будущим мерам государственной политики в пользу большинства перед лицом революционной угрозы и, что, возможно, более важно, приверженности, ставшей убедительной в силу изменения будущего распределения политической власти, согласуется со многими историческими свидетельствами. Как это было проиллюстрировано на примере британской, аргентинской и южноафриканской политических историй в главе I, большинство переходов к демократии в Европе XIX и XX вв. и Латинской Америке XX в. осуществлялись на фоне значительных общественных волнений и революционных угроз. Вдобавок к этому, создание демократических обществ в большинстве бывших европейских колоний в 1950-е и 1960-е годы было результатом давления со стороны лишенных избирательных прав и относительно бедных жителей колоний на колониальные власти. Такие угрозы волнений и общественных беспорядков аналогичным образом сопровождали недавнюю волну демократизации в Африке [Bratton, van de Walle, 1997] и Восточной Европе [Bunce, 2003]. Прочитируем классический европейский пример. Представляя свою избирательную реформу британскому парламенту в 1831 г., премьер-министр граф Грей хорошо осознавал, что она есть мера, необходимая для предотвращения вероятной революции. Он утверждал:

...Нет никого, более решительно настроенного против ежегодных парламентов, всеобщего избирательного права и голосования, чем я. Моя цель — не благоприятствовать, но положить конец таким надеждам и проектам... Принцип моей реформы — предотвратить необходимость революции... реформировать для того, чтобы сохранять, а не свергать (цит. по: [Evans, 1996, p. 223]).

Вывод Ланга отражает это же:

...Виги знали о поддержке билля среди трудового народа. ...Однако они были также решительно настроены не позволять трудящимся классам занять какую-либо господствующую позицию в рамках новой избирательной системы. Принятие билля поэтому спасало страну от восстаний и бунтов; содержание билля спасало страну от «зол» демократии. Нет необходимости говорить о том, что разочарование среди трудящихся классов, вероятно, будет значительным, когда они осознают, как мало получили от билля; но к тому времени они потеряют своих союзников из среднего класса, завоеванных системой с помощью билля, и будут бессильными что-либо сделать [Lang, 1999, p. 38–39].

Те же самые соображения были решающим фактором для позднейших реформ. Например:

...Как и с первым Актом о реформе, *угроза* насилия рассматривалась как важный фактор в ускорении принятия [Акта о реформе 1867 г.]; история повторялась [Lee, 1994, p. 142].

Сходным образом угроза революции была движущей силой демократизации во Франции, Германии и Швеции. Например, Т. Тилтон так описывает процесс, приведший к принятию всеобщего избирательного права для мужчин в Швеции:

...Ни один из (двух первых актов о реформе) не был принят без сильного давления со стороны народа; в 1866 г. толпы собрались вокруг парламента, когда проходило окончательное голосование, и реформа 1909 г. была стимулирована широким движением за право голоса [и] забастовкой как демонстрацией силы... Шведская демократия восторжествовала без революции, но не без *угрозы* революции [Tilton, 1974, p. 567-568].

Угроза революции и общественных волнений играла такую же важную роль во введении избирательных прав для населения в Латинской Америке. Мы видели в главе I как в Аргентине всеобщее право голоса для мужчин было эффективно институционализировано президентом Роке Саенз Пеньей, когда было введено тайное голосование и запрещены махинации на выборах. Движение к полной демократии влекли за собой общественные волнения, вызванные Радикальной партией и быстрой радикализацией городских рабочих. В Колумбии принятие всеобщего избирательного права во время правления президента-либерала Альфонсо Лопес Пумарехо в 1936 г. вдохновлялось тем же; ведущий специалист по истории Колумбии Дэвид Бушнелл описывает это следующим образом:

...Лопес... был богатым человеком... однако он хорошо осознавал, что Колумбия не может до бесконечности игнорировать нужды и проблемы тех, кого он однажды описал как «тот обширный и несчастный класс, который не читает, не пишет, не одевается, не обувается, живет впроголодь, который остается... на обочине [жизни нации]». По его мнению, такое пренебрежение было не только порочным, но и опасным, потому что массы могли рано или поздно потребовать большей доли жизненных благ [Bushnell, 1993, p. 185].

Сходным образом восстановление демократии в Венесуэле в 1958 г. было ответом на мощные восстания и беспорядки. Описывая эту ситуацию, Г. Колб отмечал:

...По своему драматическому накалу и насилию со стороны народа события 21 и 22 января в Каракасе были подлинно народной революцией венесуэльских граждан... вооруженных камнями, дубинами, самодельными гранатами и коктейлем Молотова, против жестоких и хорошо тренированных полицейских сил [Kolb, 1974, p. 175].

Таким образом, эти свидетельства согласуются с идеей о том, что большинство шагов в сторону демократии происходят на фоне серьезных общественных конфликтов и возможной угрозы революции. Демократия обычно не даруется элитой потому, что изменились ее ценности. Ее требуют лишенные права голоса как способ получить политическую власть и тем самым гарантировать большую долю экономических благ в рамках системы.

Почему создание демократии обеспечивает приверженность обязательствам, когда мы знаем, что демократия после своего установления часто терпит крах? Это происходит потому, что, хотя иногда и происходят перевороты, свержение демократии дорогостояще и институты, будучи однажды созданными, имеют тенденцию сохраняться. Это так в основном потому, что люди сделали особого рода инвестиции в них. Например, после создания демократии формируются политические партии и возникают многие организации, такие как профсоюзы, для того чтобы воспользоваться преимуществами новой политической ситуации. Вложения всех этих организаций будут потеряны в случае свержения демократии, что дает гражданам стимул бороться за ее сохранение. Более того, после создания демократии большинство может иметь больший контроль над военными, чем при недемократическом режиме, что меняет фундаментальный баланс власти де-факто.

И наконец, для элиты, стоящей перед угрозой революции граждан, речь идет не просто о балансе между уступками в государственной политике и демократизацией. Другой альтернативой может быть применение силы и репрессий. Например, южноафриканский белый режим отвергал призывы к демократии и сохранялся у власти десятилетиями, используя силу для подавления демонстраций и оппозиции. Сходным образом аргентинские военные режимы в 1960-е и 1970-е годы уничтожили тысячи людей, чтобы избежать восстановления демократии; это же было характерно для многих иных латиноамериканских стран, включая Гватемалу и Сальвадор. В Азии недемократические режимы Китая и Бирмы применяют силу, чтобы блокировать демократические требования. Это также было верно и для восточноевропейских стран в период господства Советского Союза — например, в Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Ясно, почему репрессии привлекательны для элит — они позволяют им сохранять власть без каких-либо уступок лишенным

права голоса. Тем не менее репрессии и затраты, и рискованны для элит. Они ведут к потерям жизней и разрушению активов и материальных благ и — в зависимости от характера международного общественного мнения — могут вести к санкциям и международной изоляции, как это и случилось в Южной Африке в 1980-е годы. Более того, репрессии могут оказаться безуспешными, что вызовет революцию — наихудший из возможных результатов для элит. Вывод из этих соображений состоит в том, что только при некоторых обстоятельствах репрессии будут привлекательным выбором. Введя это положение в наш анализ, мы видим, что демократия возникает тогда, когда уступки не вызывают доверия, а репрессии непривлекательны, потому что слишком дорогостоящи.

5. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

Теория демократизации недостаточна для понимания того, почему некоторые страны являются демократическими, в то время как другими правят диктатуры. Многие страны становятся демократиями, но в конце концов возвращаются к недемократическому режиму вследствие военного переворота. Это особенно характерно для Латинской Америки. Как мы видели в главе I, Аргентина является ярким примером нестабильности латиноамериканской демократии. Сходным образом путь к демократии был омрачен поворотами к диктатуре в Бразилии, Чили, Гватемале, Перу, Венесуэле и Уругвае. Почему демократии так трудно консолидироваться в значительной части Латинской Америки?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разработать теорию переворотов или, напротив, теорию демократической консолидации. Что такое консолидированная демократия? Демократия консолидирована, если характеризующий ее комплекс институтов сохраняется во времени. Наша теория демократической консолидации и переворотов строится на различном отношении элит и граждан к демократии. Повторим опять, что граждане более продемократически настроены, чем элиты (потому что демократия более выгодна гражданам, чем недемократия). Следовательно, в ситуации, когда военные на стороне элиты и имеют место существенные волнения, военные могут захватить власть, элиты должны поддержать или организовать переворот, чтобы изменить баланс власти в обществе.

Причина того, что элиты могут пожелать изменить политические институты от демократии к недемократии аналогична тому, почему граждане хотят демократизации. Элиты заботит изменение политики в свою пользу, а политическая турбулентность и параллелизм их интересов и интересов военных дают возможность это осуществить. Однако при этом актуализируется проблема преходящего характера политической власти де-факто. У них будет эта возможность сегодня, но не обя-

зательно завтра. Любое обещание граждан ограничить мажоритарный характер политики в будущем не вызывает доверия в контексте демократической политики. Завтра угроза переворота может исчезнуть и демократическая политика снова станет отвечать нуждам большинства, выбирая желаемые им меры и уже не беспокоясь о том, что элита может подорвать власть демократов с помощью переворота. Однако именно это в первую очередь делает демократию столь дорогостоящей для элиты. Чтобы изменить будущие меры государственной политики убедительным образом, элитам нужна политическая власть. Переворот — это их способ усиления политической власти де-юре с тем, чтобы осуществлять желаемые меры. Другими словами, переворот позволяет элитам обратить их преходящую политическую власть де-факто в более прочную политическую власть де-юре, изменив политические институты.

Еще одной, связанной с этим причиной переворота может быть то, что, в разгар политической и социальной турбулентности военные и элитарные сегменты общества могут быть обеспокоены (возможно, правильно) будущей устойчивостью демократии и даже самой капиталистической системы и захотят предотвратить возможность еще большего сдвига влево или даже революции.

6. ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕМОКРАТИИ

Теперь, когда у нас есть теория демократизации, можно спросить, какие факторы делают возникновение и консолидацию демократии более вероятными. На данный момент мы показали, как наша теория может объяснить переходы от недемократии к демократии и, возможно, обратно к недемократии. Однако так же важна *сравнительная статика* этого равновесия, т.е. как равновесие меняется, когда меняются некоторые лежащие в основе его факторы. Эта сравнительная статика позволяет объяснить, почему некоторые страны переходят к демократии, в то время как другие — нет, и почему некоторые страны остаются демократическими, в то время как в других демократия терпит крах. Такая сравнительная статика может направлять эмпирические и исторические исследования в понимании явления демократии.

6.1. Гражданское общество

6.1.1. Демократизация

Наша концептуальная структура предполагает, что достаточно действенная угроза революции со стороны граждан важна для демократизации. Когда граждане плохо организованы, системе не будет брошен вызов и

переход к демократии будет откладываться до бесконечности. Сходным образом, когда гражданское общество относительно развито и большинство организовано, репрессии будут более трудноосуществимы. Поэтому некоторая степень развития гражданского общества также необходима для демократизации. В этой книге мы принимаем такой уровень развития как данность, и он убедительным образом представляет результат долгосрочных исторических процессов (см., например: [Putnam, 1993]).

6.1.2. Консолидация

Природа и сила гражданского общества так же важны для консолидации демократии, как и для ее создания. Хорошо организованное гражданское общество необходимо не только для толчка к демократии, но и для ее защиты. Когда гражданское общество лучше организовано, переворотам легче противостоять, их дороже предпринимать и у них меньше шансов на успех. Поэтому демократия с большей вероятностью станет консолидированной.

6.2. Потрясения и кризисы

6.2.1. Демократизация

В нашей теории процесс демократизации связан с преходящим характером политической власти де-факто. В некоторых ситуациях проблемы коллективного действия легче решаемы, противникам режима легче скоординироваться и легче и дешевле осуществить революции. Это обычно времена кризиса, например, неурожая, экономических депрессий, международных финансовых и долговых кризисов и даже войн. Такие кризисы и макроэкономические шоки по своей природе преходящи и ведут к кратковременным флуктуациям политической власти де-факто. Поэтому наша теория предсказывает, что запуск процесса демократизации более вероятен в условиях экономического или политического кризиса. Явным примером этого является демократизация в Аргентине после войны за Фолклендские (Мальвинские) острова в 1983 г.

6.2.2. Консолидация

Как противники диктатуры могут обрести временную власть де-факто во время политических или экономических кризисов, так и противники демократии могут достичь того же. Наш анализ предполагает, что в кризисных ситуациях более вероятны как демократизации, так и перевороты. Это можно проиллюстрировать примером с переворотом против Альенде в Чили в 1973 г., произошедшим во время первого большого роста цен на нефть и масштабной экономической депрессии.

6.3. Источники дохода и структура материальных благ

6.3.1. Демократизация

Другой важной детерминантой баланса между демократией и репрессиями является источник доходов элит. В некоторых обществах элиты масштабно инвестируют в землю, в то время как в других — в физический и человеческий капитал. Вероятны три важных различия в отношении землевладельцев и обладателей (физического и человеческого) капитала к демократии и недемократии. Во-первых, землю легче облагать налогом, чем физический и человеческий капитал. Поэтому землевладельцы имеют больше оснований опасаться демократии, чем недемократии, что делает их более нерасположенными к демократии. Во-вторых, социальная и политическая турбулентности могут быть более вредоносными для владельцев физического и человеческого капитала, которые должны полагаться на сотрудничество на рабочем месте и в ходе торговли, что делает землевладельцев более готовыми использовать силу для сохранения желанного для них режима. В-третьих, в экономике с преобладанием аграрной сферы возможны различные комплексы экономических институтов, что влияет на относительную интенсивность предпочтений элит и граждан в пользу различных режимов. Например, институты принудительного труда, такие как рабство, относительно более эффективны в сельском хозяйстве, чем в промышленности [Eltis, 2000]. Из этого следует, что демократия хуже для элит, потому что приносимые ею изменения в коллективном выборе подрывают желанный для них набор экономических институтов. Из всех трех соображений вытекает, что демократизация вероятнее в более индустриализованном обществе, где элиты обладают существенным физическим и человеческим капиталом, чем в более агрокультурном обществе, где элиты в основном инвестируют в землю. Иначе говоря, демократия более вероятна, когда элиту составляют промышленники, а не землевладельцы.

Хотя природа революций не в центре внимания настоящей книги, из этих идей вытекают интересные следствия для понимания актуализации революций. Например, они могут объяснить, почему большинство революций, например, в России, Мексике, Китае, Вьетнаме, Боливии и Никарагуа, произошли в преимущественно аграрных обществах. Это так потому, считаем мы, что земельные элиты предпочитают репрессии, а не уступки, и когда репрессии терпят крах, случаются революции. В более урбанизированных и индустриализованных обществах, где элиты инвестируют в капитал, предпочитают уступки и революции наблюдаются реже.

6.3.2. Консолидация

Источники дохода элит также влияют на решение о том, предпринять ли переворот. Если элиты масштабно вкладываются в землю, перевороты могут оказываться менее дорогостоящими. Кроме того, демократия относительно менее предпочтительна для членов таких элит, так как земля может подвергнуться при ней более высокому налогообложению, чем капитал, и экономические институты при демократии далеки от тех, которым отдают предпочтение эти элиты. Напротив, когда богатство элит концентрируется в основном в форме физического и человеческого капитала, перевороты для них дороже, а демократия угрожает не критически. В результате демократия с меньшей вероятностью консолидируется, когда элиты — землевладельцы, чем когда они капиталисты.

6.4. Политические институты

6.4.1. Демократизация

Наша концептуальная структура также предполагает, что тип демократических политических институтов может играть критическую роль в объяснении, почему одни общества демократизируются, а другие нет. В частности, когда элиты могут применять репрессии, чтобы избежать демократизации, они делают это, так как ожидают, что демократия нанесет ущерб их интересам. Пока что наша характеристика демократии как правления большинства была чрезмерно стилизованной, чтобы представить основные элементы нашего анализа. В реальности голос одного человека может стоить больше, чем голос другого, особенно элиты могут оказывать большее или меньшее влияние на то, что происходит при демократии — пусть даже их влияние при этом относительно меньше, чем при диктатуре.

Один из способов влияния элит — проектирование политических институтов. В своей книге 1913 г. «An Economic Interpretation of the US Constitution» (Экономическая интерпретация конституции США) Ч. Бирд доказывал, что текст конституции был написан богатыми собственниками, следящими за сохранением ценности своего имущества (в том числе, как следует добавить, и рабов) перед лицом вероятного давления со стороны радикальных демократических элементов⁴. Бирд утверждал:

⁴ Хотя многие детали аргументации Бирда сейчас оспариваются, общее направление его аргументации принимается многими исследователями. Например, Г. Вуд [Wood, 1969, p. 626] отмечает в своей классической работе, что конституция «была по своей сути аристократическим документом, разработанным для того, чтобы сдерживать демократические тенденции того периода». См. частично поддерживающие это мнение статистические данные [McGuire, 1988].

...Так как первичной целью власти, кроме просто подавления физических беспорядков, является создание правил, определяющих общественные отношения собственности, господствующие классы, чьи права должны так определяться, с необходимостью должны получить от власти такие правила, которые созвучны со значительными интересами, нужными для продолжения их экономических процессов, или они должны сами контролировать органы власти. При стабильном деспотизме имеет место первое; при любой другой системе правления, где в политической власти принимает участие какая-либо доля населения, методы и природа этого контроля становятся проблемой первостепенной важности — фактически, фундаментальной проблемой конституционного права. Социальная структура, с помощью которой один тип законодательства обеспечивается, а другой предотвращается, — это вторичная, или производная черта, вырастающая из природы экономических групп, стремящихся к позитивным действиям и негативным ограничениям [Beard, 1913, p. 13].

Даже сама идея представительной демократии, в противоположность прямой или демократии участия, может рассматриваться как попытка ослабить давление популизма и подорвать власть большинства (см.: [Manin, 1997]).

Итак, ясно, что демократические политические институты могут быть структурированы так, чтобы ограничивать власть большинства. Более близким к нам по времени примером является конституция, разработанная во время диктатуры Пиночета в Чили, которая стремилась минимизировать угрозу социализма в стране путем систематической нечестной нарезки избирательных округов и заниженного представительства городов, другими способами пыталась закрепить право вето военных на процесс демократического принятия решений [Londregan, 2000; Siavelis, 2000].

Другим примером, рассмотренным в главе I, был способ написания южноафриканской конституции при попытке защитить интересы белых в условиях демократии.

Если недемократический режим или элита могут спроектировать институты демократии или манипулировать ими так, чтобы гарантировать непринятие радикальных мер в пользу большинства, то демократия становится менее угрожающей интересам элит. Чувствуя меньшую угрозу, элиты с большей готовностью относятся к самому установлению демократии. К примеру, когда демократия не столь угрожающа, менее привлекательно применение репрессий, чтобы избежать ее. Таким образом, конституция Пиночета, в рамках нашей модели, облегчила демократизацию в Чили. Может быть даже так (как это было в Южной Африке), что большинство граждан сами готовы ограничить свои возможности

в выборе мер государственной политики, чтобы облегчить переход к демократии. Как об этом говорится в главе VI, АНК осознавал, что необходимо сделать уступки белым относительно структуры демократических институтов. Для АНК это было лучше, чем продолжение борьбы с режимом апартеида. Предоставление элите убедительных гарантий облегчает процесс демократизации, который в ином случае мог бы и не состояться.

6.4.2. Консолидация

Структура демократических институтов не только влияет на саму демократизацию, но и помогает определить, консолидируется ли демократия. В частности, институты, ограничивающие при демократии политические меры в пользу большинства, вероятно, помогут консолидации. На самом деле, элиты могут быть весьма влиятельными при демократии, поскольку они контролируют могущественную верхнюю палату парламента, как прусские юнкера в Германии XIX в., или британская аристократия в Палате лордов, или поскольку они контролируют партийную систему. Зная, что при демократии они смогут застраховаться от чрезмерно мажоритарных мер, элиты будут меньше стремиться к антидемократическим действиям.

Интересный пример в этом контексте — связи между элитой и обеими традиционными правящими партиями в Колумбии. На протяжении XX в. Либеральной и Консервативной партиям удавалось успешно предотвращать вход на политическую арену левых партий, манипулируя электоральными институтами, особенно формами пропорционального представительства. В отсутствие левой партии вопросы масштабного перераспределения не входили в политическую повестку дня в Колумбии. Интересен факт — Колумбия является одной из наиболее консолидированных демократий в Латинской Америке, хотя часто раздаются сетования о том, что система не представляет интересов большинства.

Другим примером связи между политическими институтами и демократической консолидацией является утверждение, что президентские демократии, вероятно, более нестабильны, чем парламентские, и более подвержены переворотам [Linz, 1978; 1994]. Эта идея имеет смысл в рамках нашей модели, поскольку в легислатуре сдержки и противовесы, а также лоббирование могут позволить элитам блокировать предложения радикальных мер, а прямо избираемый президент с большей вероятностью будет представлять предпочтения большинства и, следовательно, будет большим популистом. Поэтому президентские системы могут больше угрожать интересам элит и тем самым провоцировать больше переворотов.

Парадоксальным образом такое видение может также объяснить, почему консолидация демократии в Чили смогла проходить гладко после систе-

матической нечестной нарезки избирательных округов, осуществлявшейся в избирательном законодательстве генерала Пиночета. Такая манипуляция давала недостаточное представительство городам в пользу более консервативных сельских местностей, тем самым уменьшая политическое могущество левых. Следствием была менее редистрибутивная, но более стабильная демократия. Турция и Таиланд представляют другие примеры того, как конституции, написанные военными или по их заказу, вероятно, помогли демократической консолидации. Хаггард и Кауфман отмечают:

...По иронии истории, бóльшая безопасность для вооруженных сил в первые годы транзита, вероятно, *уменьшила* угрозу для гражданских властей в Чили, Турции и Корее [Haggard, Kaufman, 1995, p. 110].

Однако в то время как усиление власти элит при демократии может способствовать ее укреплению, наделение их слишком большой властью может подорвать демократию. В рамках нашей концептуальной структуры демократия возникает из конфликта между элитами и лишенными права голоса группами большинства, готовыми принять демократию, а не что-либо более радикальное, потому что она дает им больше политической власти, чем недемократия. Если элиты при демократии имеют слишком много власти, демократия мало чем улучшит благополучие большинства. В этом случае демократия не является решением социального конфликта, и результатом будет либо революция, либо сохранение элиты у власти при помощи репрессий.

6.5. Роль межгруппового неравенства

6.5.1. Демократизация

Наша концептуальная структура дает прогнозы относительно влияния *межгруппового неравенства* — неравенства между группами — на установление и консолидацию демократии. Для удобства мы будем кратко именовать это неравенством, имея в виду межгрупповое неравенство. Однако эти предсказания относительно межгруппового неравенства могут не переходить в утверждения о стандарте измерения неравенства и распределения доходов (например, доля труда, или коэффициент Джини). Это особенно верно, когда политический конфликт проходит не между бедными и богатыми, но по другим разделительным линиям, допустим, между этническими или религиозными группами.

При прочих равных условиях межгрупповое неравенство делает революцию более привлекательной для граждан: благодаря революции они получают шанс на участие во всех доходах экономики (минус то, что уничтожено в ходе революции), в то время как при недемократии им до-

стается только небольшая доля этих ресурсов. Поскольку эффективная угроза революции это та искра, которая разжигает процесс демократизации, большее межгрупповое неравенство должно ассоциироваться с большей вероятностью демократизации.

Есть также и другая причина того, почему межгрупповое неравенство может способствовать демократизации. Вспомним, что демократизация происходит как убедительная приверженность будущему перераспределению, когда обещаний перераспределения недостаточно для того, чтобы предотвратить угрозу революции. Чем сильнее угроза революции, тем более вероятно, что таких обещаний будет недостаточно и что элита будет вынуждена создать демократию. Поскольку большее межгрупповое неравенство способствует усилению угрозы революции, оно делает демократизацию более вероятной и в этом случае.

Такое рассмотрение роли межгруппового неравенства является, однако, односторонним. Оно выдвигает на первый план то, как большее неравенство усиливает угрозу революции и тем самым требования демократии со стороны граждан. Однако межгрупповое неравенство может также влиять и на ту антипатию, которую элиты испытывают к демократии. Чтобы убедиться, почему это так, рассмотрим стандартную модель редистрибутивного налогообложения (см.: [Meltzer, Richard, 1981]). Отметим, что при увеличении разрыва между элитами и гражданами (т.е. при возрастании межгруппового неравенства) бремя, возлагаемое на элиты даже при *постоянной ставке налога*, возрастает. Это происходит потому, что с большим неравенством большая доля всех налоговых сборов будет взиматься с элит, которые теперь располагают большей долей ресурсов экономики. Поэтому большее межгрупповое неравенство обычно увеличивает бремя демократии для элит, даже если ставка налога остается постоянной или меняется незначительно. Более того, согласно многим подходам, большее межгрупповое неравенство должно увеличивать ставку налога, способствуя такому эффекту. Если это так, то у нас есть еще одно основание утверждать, что бремя демократии для элит увеличивается. С большим неравенством увеличиваются блага от перераспределения, побуждая граждан предпочесть более высокие уровни налогообложения⁵. Поэтому в целом представляется убедительным, что цена перераспределительного налогообложения и демократической политики для элит и, следовательно, их антипатия к демократии в общем

⁵ Как это будет рассматриваться в главе IV, имеются теоретические и эмпирические аргументы, объясняющие, почему взаимосвязь между неравенством и перераспределением может быть более сложной (например, большее неравенство может позволить элитам эффективнее лоббировать против перераспределения при демократии). Тем не менее обычно с большим межгрупповым неравенством демократия налагает большее бремя на элиты, чем недемократия.

и целом должны быть выше в обществе, где разница в доходах между элитами и гражданами больше.

Как это влияет на связь межгруппового неравенства с переходом к демократии? Самым важным следствием здесь является то, что при увеличении неравенства и удорожании демократии для элит становятся более привлекательными репрессии. Следовательно, большее межгрупповое неравенство может также препятствовать демократизации.

Объединив два этих сюжета, мы обнаруживаем, что имеется немонотонная (т.е. в форме перевернутой буквы U) зависимость между межгрупповым неравенством и вероятностью перехода к демократии. В обществах с наибольшим равенством революция и общественные беспорядки недостаточно привлекательны для граждан; недемократическим системам либо не бросают вызов, либо любые вызовы могут быть встречены временными мерами, такими как некоторое ограниченное перераспределение. Другими словами, в таких достаточно равных обществах граждане уже получают выгоду от продуктивных ресурсов экономики или даже от процесса экономического роста, так что они не предъявляют дальнейших существенных требований. Вероятно, в этом причина позднего прихода демократии в некоторые эгалитарные и быстро растущие экономики, такие как Южная Корея и Тайвань, и еще неполного ее прихода в Сингапур. Резким контрастом этому является то, что в странах с наибольшим неравенством (например, Южной Африке до 1994 г.) граждане имеют большие основания для недовольства и часто пытаются подняться против власти недемократии. Однако тогда элитам есть много что терять при отказе от системы, заботящейся об их интересах, и переходе к той, которая наложит на них большое бремя редистрибуции. Таким образом, вместо демократии общество с существенным неравенством, вероятно, придет к репрессивной недемократии, и, возможно, если репрессии будут недостаточны, даже переживет революцию. Этот механизм может также объяснить живучесть недемократических режимов в латиноамериканских странах с большим неравенством, таких как Сальвадор или Парагвай. Таким образом, это объяснение говорит о том, что наибольшие шансы для появления демократии у общества со средним уровнем неравенства. В них граждане не удовлетворены полностью существующей системой и элиты не настолько враждебны демократии, чтобы прибегнуть к репрессиям для ее предотвращения. Именно такую ситуацию мы обнаруживаем в Великобритании и Аргентине в конце XIX — начале XX в.

6.5.2. Консолидация

Неравенство также оказывает критически важное влияние на предрасположенность демократии к консолидации. Поскольку основная угроза

со стороны демократии исходит от ее редистрибутивной природы, чем больше перераспределение от элит, тем более вероятно, что они считают более выгодным для себя осуществить антидемократический переворот. Поэтому большее неравенство, вероятно, дестабилизирует демократию, поскольку, как было замечено выше, бремя демократии увеличивается для элит с усилением разрыва в доходах между ними и гражданами.

Этот результат сравнительной статистики в отношении неравенства предлагает потенциальное объяснение того, почему демократии было сложнее консолидироваться в Латинской Америке, чем в Западной Европе. Латиноамериканские общества значительно более неравные и, следовательно, больше страдают от конфликтов по поводу распределения между элитами и гражданами. Наша концептуальная структура предсказывает, что в обществах с высоким неравенством демократические меры будут высоко редистрибутивными, но затем резко прекратятся после переворота, возвращающего к значительно меньшему перераспределению. Это напоминает то, как многие латиноамериканские страны переходят от высоко редистрибутивной, но нежизнеспособной в долгосрочном плане, популистской политики кратковременных демократий к фискально значительно более консервативному подходу сменяющих их недемократических режимов, и обратно. Впечатляющим образом Кауфман и Сталлингс также подчеркивают связь между неконсолидированной демократией и популистским перераспределением:

...Установившиеся демократии (в нашем исследовании — Венесуэла, Колумбия и Коста-Рика) также ассоциировались с ортодоксальными макроэкономическими мерами. ...Именно переходные демократии (Перу, Аргентина и Бразилия) следовали популистским мерам [Kaufman, Stallings, 1991, p. 27].

Комбинируя воздействия неравенства на демократизацию и перевороты, можно увидеть, что эгалитарные общества сначала никогда не демократизируются. Это позволяет объяснить сингапурский тип политического развития. Более высокие, но все же относительно низкие, уровни межгруппового неравенства ведут общества к демократизации и, будучи однажды установленной, демократия консолидируется, поскольку она не настолько дорогостояща для элит, чтобы сделать желательным переворот. Это может подтвердить путь политического развития Великобритании. Еще более высокие уровни неравенства по-прежнему ведут к демократизации, но демократия не консолидируется, поскольку перевороты остаются привлекательным выбором. Результатом этого становится неконсолидированная демократия — путь, которым следовала Аргентина в XX в. И наконец, при высочайших уровнях неравенства

демократия настолько угрожает элитам, что они применяют репрессии, чтобы избежать ее — ситуация, характерная для Южной Африки до 1994 г.

6.6. Средний класс

6.6.1. Демократизация

Возможно, самым известным трудом о происхождении демократии является «Social Origins of Dictatorship and Democracy» (Социальные истоки диктатуры и демократии) Б. Мура [Moore, 1966]. В нашей работе мы в естественном интеллектуальном долгу перед Муром, особенно потому, что перефразировали его заглавие. В нашей теории основным фактором, отличающим демократию от недемократии, является большее политическое равенство демократий; до настоящего времени мы различали только две группы: элиты и граждане. Это было сделано в основном для упрощения (опять же применение «бритвы Оккама»). Тем не менее во многих обстоятельствах может играть значимую роль третья группа между элитой и массами. В целом, эту группу можно определить различными способами, но, следуя мнению многих исследователей, придававших ей особое значение, полезно считать эту группу средним классом, выступающим в качестве особого политического актора. При введении среднего класса в нашу модель мы получаем ряд интересных результатов, некоторые из них оправдывают то значение, которое Мур и другие авторы придавали среднему классу.

При возникновении демократии средний класс может прежде всего играть роль ведущей силы этого процесса. Припомним, что в рамках нашей концептуальной структуры демократия возникает в ответ на серьезную угрозу революции или существенных волнений. Средний класс может быть ведущей силой этого процесса, играя ключевую роль в революционном движении или разжигая и поддерживая его. Почти все революционные движения возглавлялись деятелями из среднего класса. Что еще существеннее, несколько важнейших вызовов существующему режиму, например, восстаний, способствовавших принятию первого Акта о реформе в Великобритании, Парижской коммуны во Франции или мятежей Радикальной партии в Аргентине были в значительной степени движениями среднего класса (о решающей роли среднего класса в становлении современных демократий см.: [O'Donnell, Schmitter, 1986, p. 50–52]). Следовательно, средний класс — в силу более благоприятного экономического положения и большей образованности его членов — может быть критически важным катализатором в процессе движения к демократии. Это также может объяснить, почему многие из ранних

сдвигов к демократии в Европе были только частичными. Если средний класс является ключевым актором, для элит может оказаться достаточным кооптировать средний класс, а не идти на уступки в виде всеобъемлющей демократии всем тем, кто исключен из политической системы. Получающаяся в результате картина напоминает постепенное движение к демократии в значительной части Западной Европы: сначала в политический процесс включается средний класс и затем избирательные права распространяются на массу граждан.

Возможно, еще более важна роль среднего класса как буфера в конфликте элит и граждан. Вспомним, что когда элиты ожидают, что демократия будет принимать крайне неблагоприятные для них меры, они предпочитают демократизации репрессии. Наличие большого и относительно богатого среднего класса гарантирует его важную роль в демократической политике и, поскольку он более преуспевающ, чем основная масса граждан, то обычно будет поддерживать меры намного более близкие к тем, какие предпочитают элиты. Поэтому, ограничивая размах изменений в мерах государственной политики при демократии, многочисленный и богатый средний класс может действовать как буфер между элитами и гражданами при демократии. Он осуществляет это, одновременно делая демократию более привлекательной для элит, чем репрессии, и достаточно изменяя меры государственной политики для того, чтобы граждане были удовлетворены и не восставали.

Роль среднего класса в переходе к демократии может помочь понять контраст между политической историей Коста-Рики и Колумбии, с одной стороны, и Гватемалы, Сальвадора и Никарагуа — с другой. Несмотря на значительное сходство колониальной истории и экономических структур, у этих пяти стран совершенно различные политические траектории [Paige, 1997; Nugent, Robinson, 2002]. Коста-Рика и Колумбия стали стабильными, хотя и ограниченными демократиями с середины XIX в. и успешно осуществили переход к действительно всеобщему избирательному праву в 1948 и 1936 гг. соответственно. Тогда как в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа в то же время господствовали диктаторы, и первые шаги к демократии — например, в Сальвадоре в конце 1920-х годов и Гватемале между 1945 и 1954 гг., — были подавлены с помощью переворотов и репрессий. Эти три общества осуществили переход к демократии очень поздно. Важным различием между этими странами является то, что в Коста-Рике и Колумбии (но не в остальных трех странах), имеется относительно большой и богатый средний класс, особенно мелкие собственники — производители кофе. Возможно, вследствие этого демократическая политика, после ее установления в Гватемале, Сальвадоре и Никарагуа, оказалась там намного более подвержена конфликтам, чем в Коста-Рике и Колумбии.

6.6.2. Консолидация

Средний класс может играть важную роль в консолидировании демократии, ограничивая перераспределение. Общество с большим и богатым средним классом будет осуществлять только ограниченное перераспределение от элит к гражданам и, следовательно, создавать намного меньшую угрозу интересам элит. Это может быть полезным для понимания того, почему многие западноевропейские и некоторые латиноамериканские общества, такие как Коста-Рика и Колумбия с их сравнительно большим средним классом, также получили сравнительно стабильную демократию, тогда как Сальвадор и Гватемала, где нет такого буфера в лице среднего класса, столкнулись с трудностями в ходе демократической консолидации.

6.7. Глобализация

Несомненно то, что сегодня экономические связи между странами намного сильнее, чем 40 лет назад. Сегодня страны более тесно связаны на международном уровне через такие организации, как Европейский Союз, НАФТА, МЕРКОСУР и АСЕАН; в намного большем объеме происходит обмен товарами и услугами и намного значительнее международные финансовые трансакции. Влияют ли эти крупные экономические и политические изменения на условия возникновения и консолидации демократии?

6.7.1. Демократизация

Глобализация может способствовать демократизации несколькими путями. Во-первых, международная финансовая интеграция означает, что обладателям капитала, элитам, может быть легче выводить денежные средства из данной страны. Это затрудняет налогообложение элит и уменьшает возможности демократии вести популистскую и крайне мажоритарную политику. Таким образом, международная финансовая интеграция дает элитам чувство большей безопасности относительно демократической политики и отвращает их от применения репрессий для предотвращения перехода от недемократии к демократии.

Во-вторых, международная торговля влияет на цены факторов производства и этим путем меняет политику перераспределения. Страны различаются по обладанию теми или иными факторами, и относительное изобилие факторов производства определяет характер специализации и влияние торговли на соотношение цен. Одним из следствий роста международной торговли является увеличение вознаграждений для относительно изобильного фактора в каждой стране. В случае с менее раз-

витыми нациями — сегодня обычно по-прежнему недемократическими и, следовательно, главными кандидатами на демократизацию — это означает увеличение вознаграждения за труд. Интуитивно понятно, что до прихода существенных торговых потоков, менее развитые страны обладали избытком труда и нехваткой капитала, что понижало вознаграждение за труд и увеличивало его для капитала. Открытие торговли сдвинет размеры вознаграждения к тем, что преобладают в остальном мире, тем самым увеличивая оплату труда и потенциально сокращая прибыль на капитал. Поэтому открытие торговли уменьшит разрыв между доходами труда и капитала, таким образом меняя масштабы неравенства между обладателями капитала и труда.

Конкретные следствия нашей модели зависят от трех вещей: 1) характера относительного изобилия факторов производства; 2) природы политических идентичностей и 3) есть ли в стране зависимость в виде перевернутой U между межгрупповым неравенством и демократизацией. Представим себе, что недемократические страны изобилуют трудом, политический конфликт проходит между богатыми элитами (владельцами капитала) и бедными гражданами (обладателями труда), а неравенство достаточно высоко, так что элиты применяют репрессии, чтобы остаться у власти. В этом случае увеличившаяся интеграция в торговле сократит степень неравенства между элитами и гражданами и сделает демократию менее редистрибутивной. Тогда демократия станет менее угрожающей для элит, и поэтому они будут менее склонны применять репрессии, чтобы ее избежать. В таких обстоятельствах глобализация способствует демократии. Тем не менее наша концептуальная структура не предполагает, что влияние глобализации на цену факторов производства всегда способствует демократии. Продолжим постулировать, что конфликт проходит между богатыми и бедными и имеет место зависимость в виде перевернутой U , при которой богатые могут применить репрессии, чтобы остаться у власти. Теперь рассмотрим латиноамериканские страны, такие как Аргентина, Бразилия и Уругвай в конце XIX в. Эти страны изобиловали землей и элиты в них владели большим количеством земли. Как и предсказывала теория международной торговли, глобализация, предшествовавшая Первой мировой войне, привела к большому росту доходов от земли [O'Rourke, Williamson, 1999]. В рамках нашей концептуальной структуры это увеличивает межгрупповое неравенство и делает менее вероятным, что элиты пойдут на демократизацию. Это также увеличивает долю богатства элит, инвестируемую в землю, — еще один фактор, который, как мы полагаем, делает демократию более угрожающей для элит. Согласно этой же аргументации, глобализация в этом случае, напротив, будет препятствовать демократизации (пока мы остаемся в рамках зависимо-

сти в виде перевернутой U , когда неравенство не способствует демократизации, как это предполагалось ранее).

В-третьих, рост международной торговли также означает, что подрыв экономической активности может оказаться более дорогостоящим для многих менее развитых наций, которые оказались интегрированы в мировую экономику, и поэтому репрессии могут обойтись элитам на много дороже, что опять же благоприятствует демократии.

И наконец, увеличившаяся политическая интеграция и окончание холодной войны (если только не брать в расчет войну против терроризма) могут означать, что страны, подвергающие своих граждан репрессиям, возможно, ожидает более сильная реакция и санкции со стороны демократического мира. Это действительно повышает цену репрессий, тем самым способствуя демократии. Это может быть особенно важно, потому что некоторые недемократические режимы в эпоху холодной войны, такие как разрушительная диктатура Мобуту в Заире, сохранялись в силу явной или неявной поддержки международного сообщества.

6.7.2. Консолидация

Так же как глобализация может стимулировать демократизацию, она может помогать и демократической консолидации. Действительно, все перечисленные механизмы, которые увязывают глобализацию с демократизацией, также предполагают, что перевороты будут менее вероятны. Это так либо потому, что перевороты становятся более дорогостоящими в интегрированном мире, либо потому, что глобализация означает, что демократия меньше угрожает элитам.

7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРИРОДА КОНФЛИКТА

Большая часть уже рассмотренных сравнительных статических результатов не зависит от идентичности элиты; они применимы даже в обществах, где политический конфликт проходит не между классами. В Южной Африке важнее может быть раса, хотя раса и социально-экономический класс в большой степени совпадают. В Руанде может быть более убедительным выделять группы, формирующиеся по этническим линиям: хуту или тутси. На Маврикии политический конфликт имеет место между людьми восточно-индийского происхождения и гетерогенной коалицией всех остальных, одни из которых богаты (белые плантаторы, выращивающие сахарный тростник, и китайские деловые элиты), а другие очень бедны (в основном потомки рабов-африканцев). В последнем случае нет простого совпадения между этничностью (или расой) и классом [Bowman, 1991].

Пока принимается посылка о том, что интересы индивидов отчасти касаются экономических результатов — основы нашего анализа остаются неизменными. Рассмотрим наши идеи относительно политических институтов. Здесь мы продемонстрировали: если политические институты таковы, что ограничивают те политические меры, которые могут приниматься при демократии, то они имеют тенденцию стимулировать демократическую консолидацию. Это положение применимо даже на Маврикии. Если институты ограничивают демократии, то они ограничивают то, что восточноиндийское большинство может сделать по отношению к креольскому меньшинству. Поэтому они уменьшают побуждения к установлению диктатуры креолов, подавляющей демократию, а когда демократия создана, делают перевороты менее привлекательными, т.е. точно совпадает с положениями нашей теоретической схемы.

Далее, рассмотрим идеи, которые мы развивали относительно связи между структурой богатства элиты и демократизацией, или переворотами. Эти идеи непосредственно применимы в данном случае. Даже в случае политики «восточноиндийского большинства против креолов», по мере того как экономика развивается и капитал становится важнее, чем земля, репрессии и перевороты становятся более дорогостоящими и демократия (про-восточноиндийская) — менее редистрибутивной. Как и утверждается в основах нашего анализа, это порождает тенденцию к созданию консолидированной демократии, даже на Маврикии. Что интересно, Маврикий является консолидированной демократией со времени получения независимости, и этот процесс консолидации имел место в условиях радикально уменьшающейся важности земли, быстрого развития промышленности и роста важности человеческого капитала.

Природа политических идентичностей, несомненно, может влиять на формы коллективного выбора при демократии, что увязывает наш анализ с некоторыми важными традициями в политической науке. Например, сопоставим общество, где политические идентичности и разделения возникают на классовой основе, с тем, где есть много взаимнопересекающихся расколов на основе расы, этничности, религии или регионов. В плюралистской модели демократии общество действительно разделяется на множество различных групп. Стандартным утверждением относительно основанного на плюрализме общества является то, что оно порождает меньше перераспределения доходов и менее масштабное «государство всеобщего благосостояния», потому что множество различных расколов предотвращают возникновение широкой коалиции в пользу перераспределения. Вследствие этого многие плюралистические общества, к примеру, не имеют социалистических партий [Lipset, Marks, 2000]. Если это так, то наша теория предполагает, что такие общества с большей вероятностью получают консолидированную демократию, по-

сколько элитам будет мало чего опасаться от правления большинства. Это помогает объяснить длительность и стабильность демократии в Соединенных Штатах, часто считающихся идеальным примером плюралистического общества.

8. ДЕМОКРАТИЯ В ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

Рассмотренное выше демонстрирует различные эмпирические следствия из нашей теории для обстоятельств, при которых общество становится и остается демократией. Чтобы зафиксировать эти идеи, полезно использовать наглядные иллюстрации вариантов возникновения различных режимов. Для представления нашей сравнительной статистики в виде данных, мы сделаем это в контексте, когда элиты богаты, а граждане бедны. Вспомним четыре пути политического развития, обрисованные в главе I. Первый, британский, — путь полностью консолидированной демократии. Вторым, аргентинский, — путь неконсолидированной демократии. Третий, путь Сингапура, — устойчивая недемократия, в которой политический статус-кво возможно поддерживать без серьезных репрессий. Четвертый, путь Южной Африки, — устойчивая недемократия с репрессиями. Такая сравнительная статика нашей теории позволяет изобразить эти различные результаты на рисунке.

В сущности, столь различные политические результаты имеют место потому, что эти общества фундаментально различаются по лежащим в их основе экономическим структурам, и именно это задает название нашей книги. Вдобавок к этому мы также подчеркиваем различия в политических институтах, до некоторой степени predetermined исторически, до некоторой — сознательно выбранные с учетом природы режима. Чтобы рисунки были простыми, мы принимаем в качестве неизменного условия, что революция никогда не происходит при равновесии, и абстрагируемся от использования уступок (например, считая, что они всегда недостаточно убедительны, чтобы остановить восстание). Так что, если есть угроза революции, недемократический режим должен выбирать между репрессиями или допущением демократии.

Рассмотрим рис. II.1, на котором представлены предсказания нашей теории демократизации. На горизонтальной оси, мы помещаем неравенство, возрастающее слева направо. Начало оси представляет собой совершенно равное общество. На вертикальной оси мы помещаем исторически сложившиеся цены репрессий, которые экзогенны, как, например, степень, в которой репрессии разрушают активы общества. Получившийся квадрат мы делим на части (регионы), представляющие то, как разные структуры ведут к различным путям политического развития. Когда неравенство на достаточно низком уровне, издержки ре-

прессий или устройства заговоров irrelevantны, поскольку бедные в общем удовлетворены политическим статус-кво и не раскачивают лодку. Это соответствует региону А, в котором недемократию не оспаривают, и где мы помещаем Сингапур. В регионе В уровень неравенства выше, и возникает угроза революции. Однако издержки репрессий достаточно высоки, так что создается демократия. В этот регион мы помещаем Великобританию, и Аргентину. И наконец, в регионе С неравенство настолько высоко, что недемократии угрожает революция, но издержки репрессий достаточно низки, так что демократии можно избежать. Это имело место в Южной Африке до 1994 г. Издержки репрессий в Южной Африке могли быть ниже, потому что лишены права голоса группами были чернокожие и цветные, а исключение их и репрессии оправдывались откровенно расистской философией.

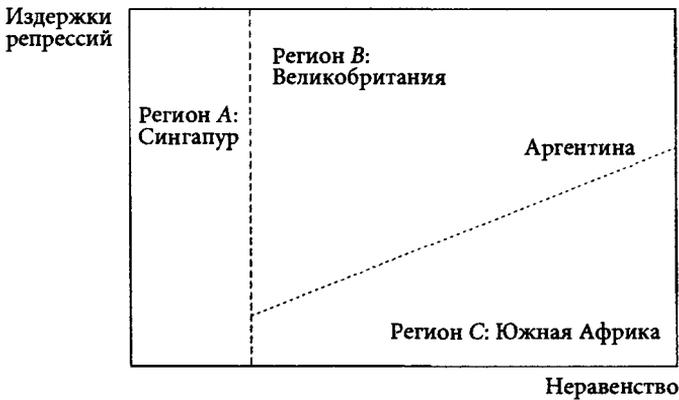

РИС. II.1. Демократизация

Для изучения консолидации демократии обратимся к рис. II.2. На нем только два региона, разделенных направленной вверх кривой. Когда цена переворота равна нулю, богатые всегда готовы его предпринять. Однако по мере возрастания издержек переворота, неравенство должно быть достаточно высоким (т.е. демократия должна быть достаточно дорогостоящей для богатых), чтобы организация переворота того стоила. На рис. II.3 только два региона. Мы поместили Великобританию в регион А. Будучи созданной, демократия консолидируется, если она не будет слишком редистрибутивной и если перевороты достаточно дороги. Однако, когда неравенство очень высоко, цена переворота может быть достаточно низкой, что делает его привлекательной возможностью. Так обстоят дела в регионе В, где демократия неконсолидирована; сюда мы поместили Аргентину. Сингапур, конечно, вообще не представлен на этом рисунке, потому что ему еще только предстоит переход к демократии.

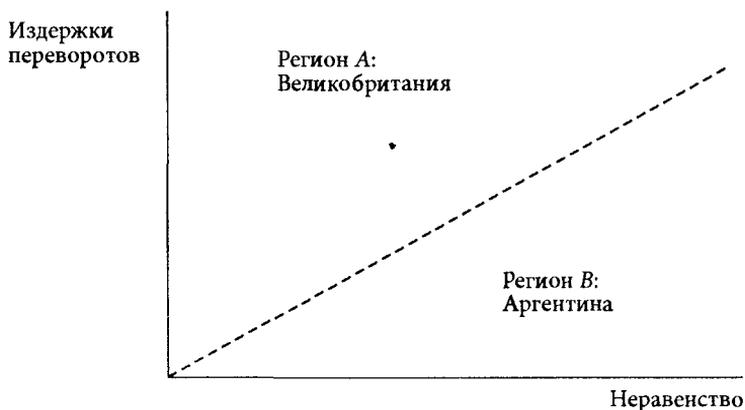

РИС. II.2. Консолидация демократии

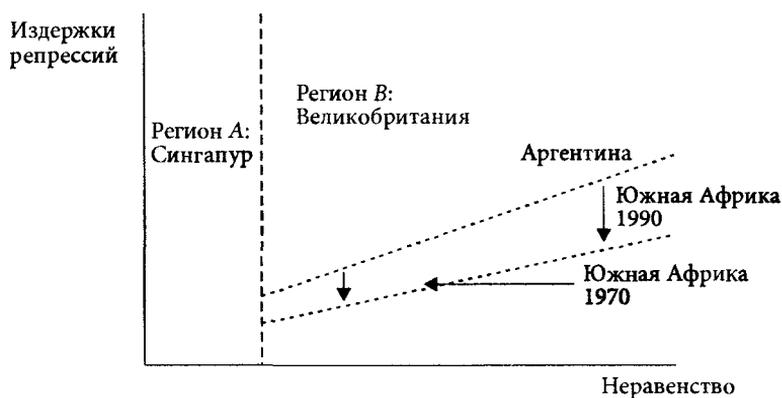

РИС. II.3. Демократизация в Южной Африке

Эти простые рисунки позволяют также проследить пути политического развития различных стран. К примеру, посмотрим на историю и будущее демократии в Южной Африке (рис. II.3) Почему Южная Африка перешла к демократическому режиму так запоздало? Стрелки на рис. II.3 отражают часть этой истории. С середины 1970-х годов неравенство в Южной Африке уменьшалось, делая демократию менее угрожающей для белой элиты. В то же самое время индустриальный сектор рос за счет сельскохозяйственного, и физический и человеческий капитал становились более важными. На нашем рисунке это означает, что при некотором уровне неравенства элиты менее готовы прибегать к репрессиям. Это сдвигает границу между регионами С и В вниз. Перемены в глобальном окружении, особенно глобализация, также сдвигают эту границу вниз, из чего следует, что при фиксированных уровнях неравенства цена репрессий должна быть ниже, чтобы оправдать сохранение диктатуры.

Таким образом, в некоторое время между 1970 и 1994 гг. Южная Африка перешла из региона С в регион В, и была создана демократия.

Что обещает будущее для Южной Африки? Чтобы увидеть это, надо обратиться к рис. II.4, где ставится вопрос о том, консолидируется ли демократия после апартеида. Поскольку неравенство по-прежнему очень высоко, можно предположить, что Южная Африка окажется в регионе В и, следовательно, будет неконсолидированной демократией. Тем не менее развитие южноафриканской экономики, увеличивающееся значение физического и человеческого капитала и возрастание глобализации ведут к сдвигу границ между регионами А и В вниз. Теперь для данных издержек переворота неравенство должно быть выше, чтобы оправдать антидемократический путч. Более того, как это было рассмотрено в главе I, структура политических институтов после апартеида была специально разработана так, чтобы защищать интересы белых — фактор, который опять же сдвигает эту линию вниз. Поэтому, хотя невозможно точно знать будущее (свидетельством тому эволюция демократии в Зимбабве после 1980 г.), можно надеяться, что Южная Африка перейдет не в регион В, но в А.

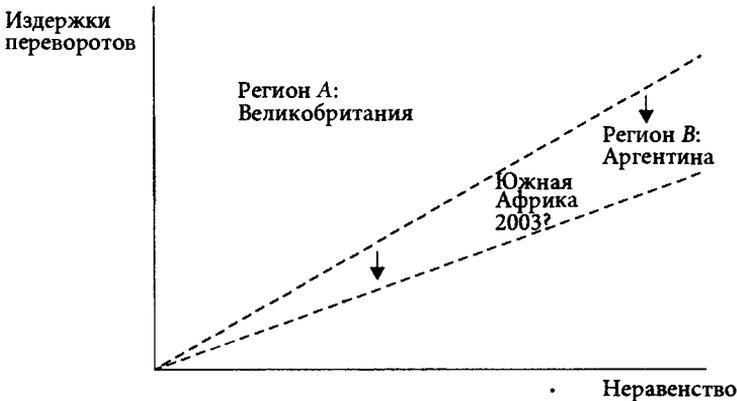

РИС. II.4. Демократическая консолидация в Южной Африке?

Относительно Сингапура делать предсказания легче. Рисунки II.1 и II.2 позволяют предположить, что если Сингапур станет демократией, то эта страна с очень большой вероятностью консолидируется.

9. ОБЗОР КНИГИ

Далее в нашей книге развивается аргументация, обрисованная в этой главе. В конце первой части продолжается ее общее описание. В главе III мы делаем обзор эмпирических данных о сравнительном характере де-

мократии в различных странах. Мы показываем, что более богатые страны с большей вероятностью будут демократическими, более образованные страны с большей вероятностью будут демократическими, и страны с большим неравенством в целом менее демократические. Мы подчеркиваем основные корреляции данных и не делаем сильных утверждений о каузальных зависимостях. Здесь же рассматривается обширная социологическая и политологическая литература о создании и консолидации демократии, и мы объясняем, какой вклад в изучение этой темы делает наше исследование.

Во второй части дается обзор существующих моделей коллективного принятия решений в демократиях и недемократиях. В главе IV мы сосредоточиваем внимание на демократиях и даем простой анализ основных проблем в исследовании коллективного выбора, электоральной политики и конкуренции, что будет полезным в дальнейших разделах нашей книги. Мы также вводим некоторые основные модели конфликта по поводу распределения между двумя обозначенными ранее группами, уделяя особое внимание связи между неравенством и перераспределением, следствиям различных политических идентичностей и факторам, определяющим распределение власти при демократии. В главе V мы также предлагаем в сокращенной форме модель распределения власти при демократии. Книга заканчивается приложением, где разрабатывается ряд моделей, обеспечивающих микроэкономические основания для этой сокращенной формы. В главе V мы анализируем недемократию, уделяя особое внимание проблеме коллективного действия и вопросу об обязательствах.

В третьей части дается наш подход к демократизации. В главе VI мы вводим нашу базовую модель демократизации. Здесь формализуются многие из проблем, уже упомянутых в данной вводной главе, что позволяет осмыслить роли политической власти и роли политических институтов в распределении будущей политической власти. В главе показывается, как демократизация создает убедительную приверженность будущему перераспределению, передавая политическую власть большинству в обществе, так же как демократизация может быть реакцией элиты перед лицом правдоподобной угрозы революции большинства. В этой главе устанавливается возможность зависимости в виде перевернутой U между межгрупповым неравенством и демократией. В главе VII развивается наша базовая модель антидемократических переворотов и изучаются обстоятельства, при которых демократия, будучи однажды созданной, консолидируется.

В четвертой части рассматривается несколько важных расширений этой базовой структуры и некоторые ее применения. В главе VIII анализируется как наличие большого и богатого среднего класса влияет на

баланс сил в ходе конфликта по поводу распределения между элитами и гражданами таким образом, что может помочь создать и консолидировать демократию. В главе IX вводятся такие переменные, как обеспеченность факторами производства и рынки, чтобы показать внутренние источники распределения доходов, и обсуждается влияние структуры экономики на создание и консолидацию демократии. В этой главе мы также делаем предположения о механизмах, которые могут объяснять политическое развитие, т.е. отвечать на вопрос о том, почему страны переходят (если переходят) к демократии по мере того, как становятся богаче, и о возможных причинах такого соотношения между доходом и демократией. Глава X представляет нашу расширенную модель, учитывающую международную торговлю и мобильность факторов производства между странами, и исследует то, как глобализация меняет и дополняет полученные нами к моменту написания главы результаты.

Пятая часть посвящена рассмотрению будущего демократии и завершает книгу.

III. Что мы знаем о демократии?

В этой главе мы делаем обзор предыдущих исследований по проблемам демократии. Мы описываем некоторые из наиболее известных «стилизированных фактов» о демократии, которые подчеркивались и широко обсуждались в литературе. Поскольку переоценка имеющихся эмпирических данных не является нашей главной целью, мы представляем эти взаимосвязи на диаграммах, не используя формальные методы эконометрики. Хотя эти закономерности могут не отражать причинно-следственных связей, они все же содержат информацию о взаимосвязи демократии с различными экономическими показателями и тем самым потенциально информативны относительно того, какого рода модели мы должны разрабатывать. В последних двух разделах мы рассматриваем существующие подходы к демократии и объясняем, как наш подход отличается от них и какой вклад он вносит в имеющуюся литературу.

1. ИЗМЕРЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Первая задача, стоящая перед количественным анализом демократии, — разработать надежные и информативные способы измерения. В политической науке много споров по поводу этой проблемы, в основном потому, что нет согласия относительно того, что такое демократия. Однако многие исследователи принимают определение, предложенное Й. Шумпетером: демократия — это

...институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают право принятия решений в результате конкурентной борьбы за голоса людей [Schumpeter, 1942, p. 250].

Это означает, что на практике демократия ассоциируется с конкретным комплексом институтов, таких как свободные и честные выборы, подотчетность политиков электорату и свободный вход в политику. Даже если мы принимаем шумпетеровское определение, страны различаются в отношении того, насколько удовлетворяются эти институциональные условия. Для большинства исследователей это приводит к необходимости выявления более тонких различий, чем просто между демократией и недемократией.

Нашей первой и главной единицей измерения демократии является «индекс политических прав» организации Freedom House, используемый многими другими авторами в количественных исследованиях демократии (см., например: [Barro, 1997; 1999]). Этот индекс оценивает отдельные случаи в пределах от 1 до 7, где 7 выражает наименьшую политическую свободу, а 1 — наибольшую. Страна получает 1, если политические права в ней ближе всего подходят к идеалам, которые предполагает контрольный список вопросов, начинающийся с того, имеются ли свободные и честные выборы, правят ли избираемые официальные лица, есть ли конкуренция между партиями или иными политическими группировками, играет ли оппозиция важную роль и имеет ли реальную власть и имеют ли группы меньшинств разумное самоуправление или могут участвовать в управлении благодаря неформальному консенсусу. Главный контрольный список включает три вопроса об электоральном процессе, четыре вопроса о масштабе политического плюрализма и участия и три вопроса о функционировании власти. Ответ на каждый вопрос дает от 0 до 4 баллов, в зависимости от имеющихся относительных прав и свобод (где 0 представляет их наименьшее, а 4 — наибольшее количество). Все эти очки суммируются и используются для определения того, где находится страна на шкале от 1 до 7¹. Следуя Р. Барро [Barro, 1999], мы дополняем этот индекс родственной ему переменной, взятой у Боуллена [Bollen, 1990; 2001] для 1960 и 1965 гг., и изменяем оба индекса так, что они находятся между 0 и 1, где 1 соответствует наиболее демократичному комплексу институтов.

Индекс Freedom House, даже с добавлением данных Боуллена, позволяет нам рассматривать только послевоенную эру. В то же время база данных Polity IV содержит информацию обо всех странах после получения независимости, начиная с 1800 г. Поэтому, чтобы рассмотреть события до 1960-х годов и проверить их с помощью нашего основного мерил, мы смотрим и на другой хорошо известный измеритель демократии — составной индекс Polity, который представляет собой разницу между индексами демократии и автократии Polity². Индекс демократии Polity варьирует от 0 до 10 и выводится из кодированных данных о соревновательности политического участия, открытости и соревновательности при наборе на должности в исполнительной ветви власти и ограничений, налагаемых на главу исполнительной власти. Например, ограничения, налагаемые на главу исполнительной власти кодируются исходя из шкалы в 7 баллов: от «неограниченной власти», где «нет систематических ограничений на действия главы исполнительной власти

¹ См.: Freedom House (2004). <<http://www.freedomhouse.org/research/freeworld/2003/methodology.htm>>.

² См.: [Marshall, Jaggers, 2004]. <<http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>>.

(в отличие от несистематических действий, таких как угрозы или реальность переворотов и убийств)» до «равенства или подчинения главы исполнительной власти», где «группы, обеспечивающие подотчетность, имеют действенную власть, равную или большую, чем глава исполнительной власти в большинстве сфер деятельности». Страна получает низший балл за ограничения, налагаемые на главу исполнительной власти, если «конституционные ограничения на его действия игнорируются» или «отсутствует законодательная ассамблея, или имеется, но созывается или распускается по прихоти главы исполнительной власти». Страна получает наивысший балл, если «законодательный орган, правящая партия или совет нотаблей инициирует большую (или наиболее важную) часть законодательства» или «глава исполнительной власти избирается группой, обеспечивающей подотчетность, и зависит от продолжения поддержки с ее стороны для того, чтобы оставаться в должности». Индекс автократии *Polity* также варьирует от 0 до 10 и конструируется аналогичным образом, основываясь на ранжировании стран по соревновательности политического участия, регулярности участия, открытости и соревновательности при наборе в исполнительную власть и ограничений на деятельность главы исполнительной власти. Чтобы облегчить сравнение с баллами *Freedom House*, мы также нормализуем составной индекс *Polity* так, чтобы он варьировал от 0 до 1.

Оба эти измерителя позволяют различать оттенки демократии. Альтернативный эмпирический подход отстаивают А. Пшеворский и его соавторы [Przeworski at al., 2000, ch. 1], которые утверждают, что простое разделение между демократией и недемократией есть самое полезное эмпирическое определение. Вдобавок к этой дихотомической классификации эти авторы прибавляют к определению демократии другие условия, самое важное из которых то, что страна не может быть демократической, пока в ней не наблюдалась потеря власти какой-либо политической партией. Поэтому, согласно Пшеворскому и его коллегам, Ботсвана никогда не была демократией, даже несмотря на то что все согласны, что выборы в ней свободные и честные, имеется свобода входа в политику и власть подотчетна народу. Однако Демократическая партия Ботсваны выигрывала все выборы после получения независимости в 1966 г. Япония не была демократией большую часть времени после Второй мировой войны до тех пор, пока Либерально-демократическая партия не потеряла власть, и Южно-Африканская Республика сегодня не считается демократией, поскольку АНК формирует правительства с момента окончания апартеида.

Хотя среди политологов идут оживленные дискуссии об относительных достоинствах разных способов измерения демократии, базирующихся на идее раздвоения или непрерывности, ни один из обсуждаемых

здесь паттернов не зависит от выбора между ними. Мы предпочитаем более тонкие измерения, хотя дихотомические также имеют свои преимущества. Например, они вносят бóльшую ясность в дискуссию о переходах к демократии и от нее. В следующем разделе мы используем дихотомические измерения, разработанные Пшеворским и его соавторами (2000) и дополненные К. Буа и С. Росейтоу [Voix, Rosato, 2001] для рассмотрения таких переходов.

2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДЕМОКРАТИИ

На рис. III.1, III.2 и III.3 нанесены значения нормализованных баллов Freedom House и Polity, а также дополненного индекса Пшеворского и соавторов [Przeworski et al., 2000], соответственно, для нашей базовой выборки за 1960–2000 гг. Эти цифры показывают, что страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) вошли в этот временной период почти полностью демократическими и таковыми и оставались. Напротив, демократия шла на убыль в других частях света, особенно в Латинской Америке и Африке, хотя начиная с середины 1970-х годов и далее можно обнаружить то, что С. Хантингтон [Huntington, 1991] называет «третьей волной» демократизации. На рис. III.4 использованы данные Polity вплоть до 1840 г. для всех независимых в течение этого периода стран. На нем ярко отображен поступательный ход демократии в ОЭСР во время, предшествовавшее Первой мировой войне, и видны свидетельства «первой и второй волн демократии», первой перед Первой мировой войной и второй после Второй мировой войны.

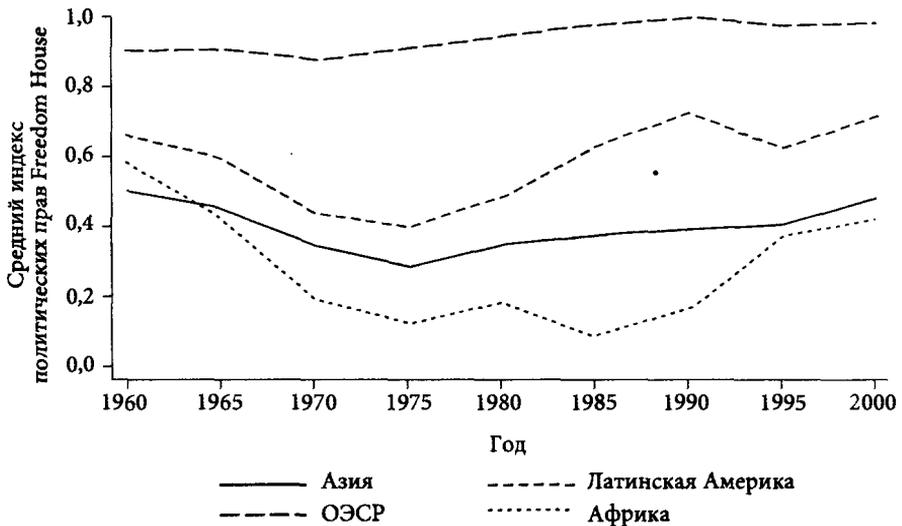

РИС. III.1. Эволюция демократии (индекс Freedom House), 1960–2000 гг.

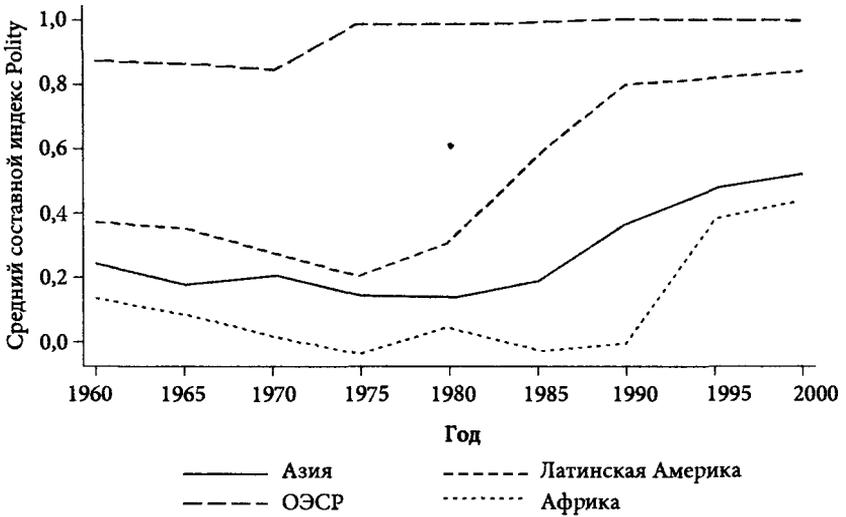

РИС. III.2. Эволюция демократии (индекс Polity), 1960–2000 гг.

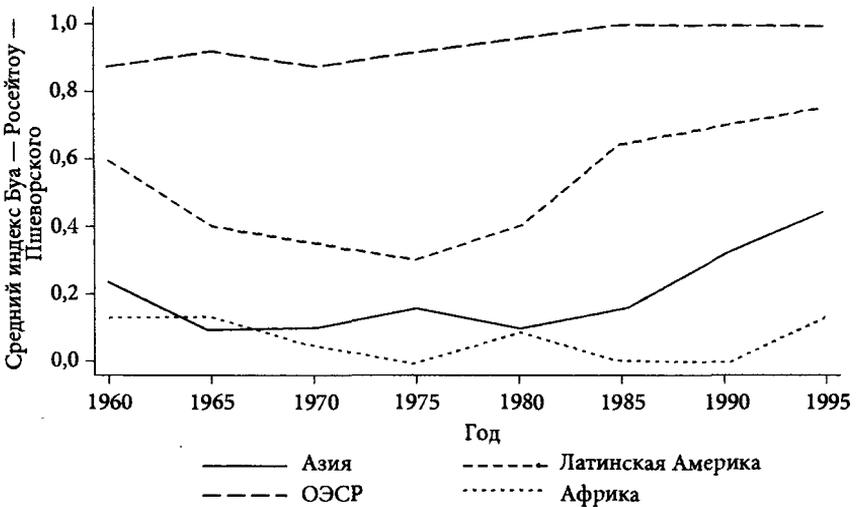

РИС. III.3. Эволюция демократии, 1960–1995 гг.

Рисунки III.5 и III.6 демонстрируют самую знаменитую корреляцию, связанную с демократией, впервые изученную С. Липсетом [Lipset, 1959]: богатые страны имеют тенденцию быть более демократическими.

Рисунок III.5 показывает эту корреляцию, помещая средний индекс Freedom House в 1990-е годы против среднего логарифма валового внутреннего продукта (ВВП) (дохода) на душу населения в эти же годы (выраженного через покупательную способность, вычисленную по последней версии данных Саммерса — Хестона [Heston et al., 2002]). На

III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?

рис. III.6 сделано то же самое с использованием среднего балла Polity в 1990-е годы. Оба они демонстрируют сильную прямую зависимость между доходом и демократией. Более богатые страны, такие как Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, и государства, входящие в Европейский Союз — все являются демократическими, в то время как бедные страны в Африке южнее Сахары, Южной Азии и Центральной Америке менее демократические.

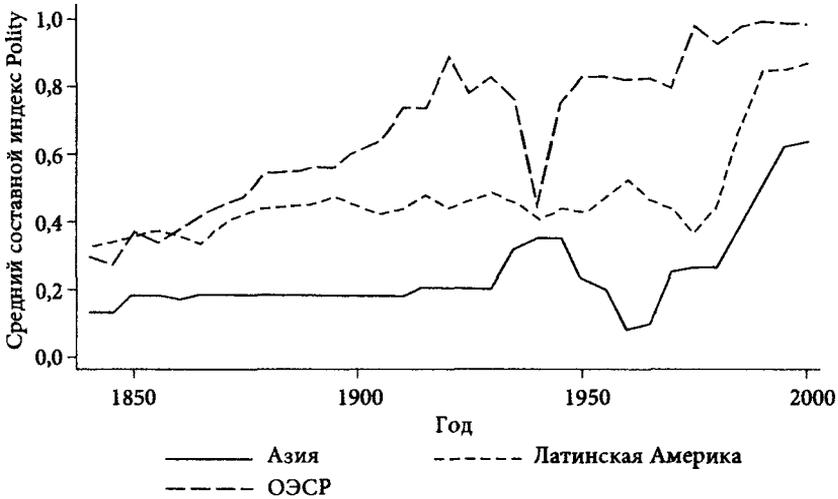

РИС. III.4. Эволюция демократии, 1840–2000 гг.

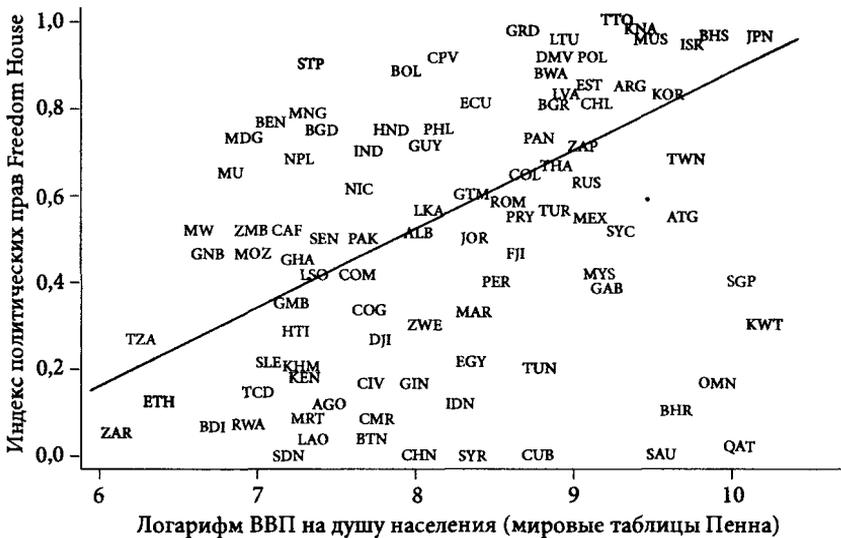

РИС. III.5. Демократия и доход (индекс Freedom House), 1990-е годы

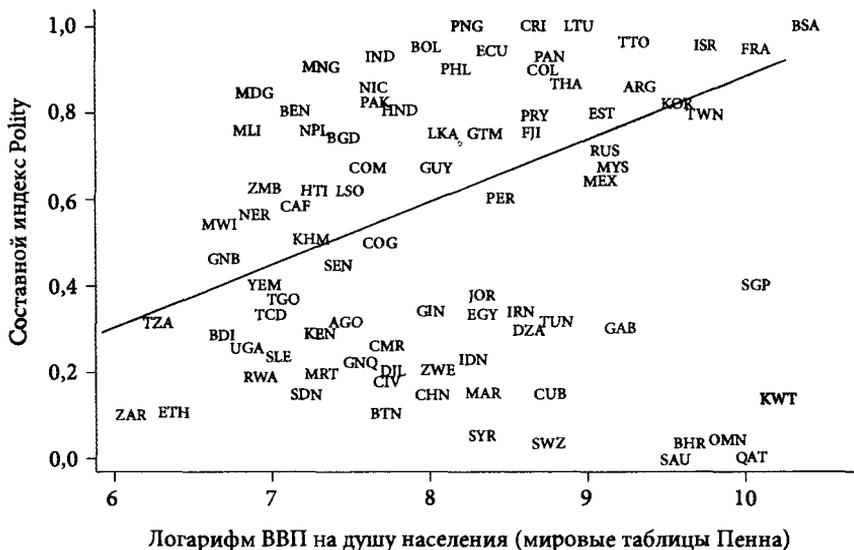

РИС. III.6. Демократия и доход (индекс Polity), 1990-е годы

Рисунки III.7 и III.8 показывают другую хорошо известную корреляцию: более образованные страны (с большим числом лет школьного образования в среднем, по данным Барро и Ли [Barro, Lee, 2000]) также имеют тенденцию быть более демократическими.

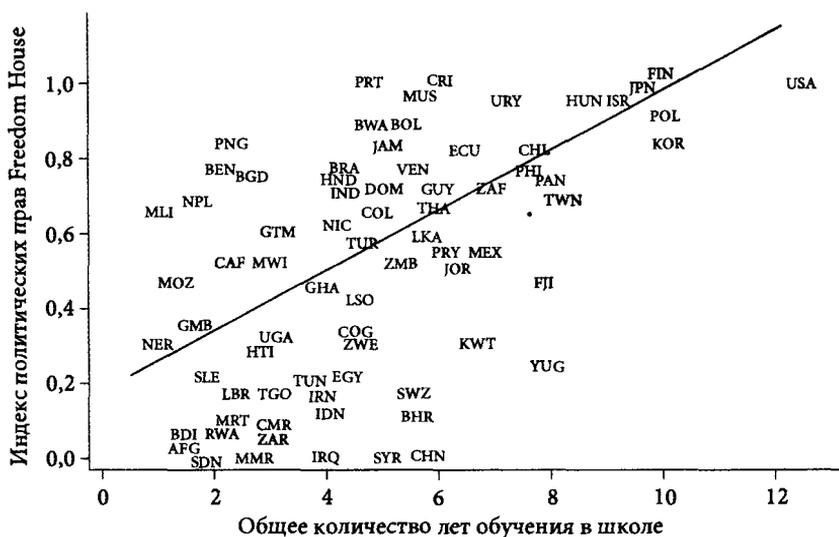

РИС. III.7. Демократия и образование (индекс Freedom House), 1990-е годы

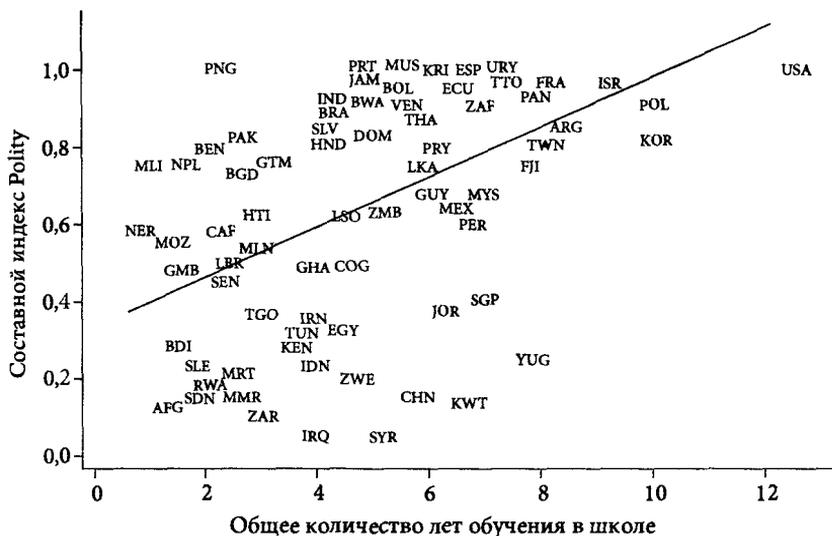

РИС. III.8. Демократия и образование (индекс Polity), 1990-е годы

Обе эти закономерности оказали влияние на взгляды ученых, изучающих демократию. В частности, позитивная связь между доходом и демократией (и в меньшей степени между образованием и демократией) является краеугольным камнем знаменитой теории модернизации, отстаиваемой Липсетом [Lipset, 1959], и с того времени многими другими. Исходя из теории модернизации, многие исследователи сегодня полагают, что демократия возможна только в достаточно образованных и богатых обществах. Более того, распространенной точкой зрения в научной литературе и популярных изданиях является то, что рост экономического процветания и уровня образования естественным образом влечет за собой процесс демократизации. Эти представления, хотя они и влиятельны, страдают от нехватки четко сформулированной теории, объясняющей, когда и как демократии возникают и консолидируются. Цель этой книги — разработать такую теорию и использовать ее, для того чтобы, кроме всего прочего, достичь понимания возможных связей между экономическим процветанием и демократией.

Другая закономерность в этих данных подчеркивается Пшеворским и его соавторами [Przeworski et al., 2000]. Они доказывают и подтверждают документально, что позитивная связь между доходом и демократией в значительной степени обусловлена тенденцией богатых стран оставаться демократическими, в то время как бедные страны имеют большую тенденцию к снижению их демократических показателей (т.е. страдают от переворотов и других антидемократических действий). Рисунки III.9 и III.10 иллюстрируют эту тенденцию, используя данные Пшеворского и

РИС. III.9. Переходы к демократии и доход, 1970-1995 гг.

РИС. III.10. Переходы к недемократии и доход, 1970-1995 гг.

соавторов. Рисунок III.9 является гистограммой доли стран с различными уровнями дохода, которые начинают как недемократии и переходят к демократии. Выборка включает страны, бывшие недемократическими в 1965, 1970, 1980, 1985 и 1990 гг., и измеряет демократизацию в каждом случае в течение следующих пяти лет. Страны помещены в квинтили доходов, построенные по среднему мировому распределению доходов между 1965 и 1990 гг. Этот рисунок показывает, что страны в верхних

III. Что мы знаем о демократии?

двух квинтилях имеют бóльшую тенденцию к переходу к демократии; однако нет монотонной зависимости между доходом и долей недемократий, переходящих к демократии. Рисунок III.10 построен аналогично, но для переходов от демократии к недемократии, а не наоборот. Здесь имеется более впечатляющая связь между этими переходами и квинтилями доходов. Хотя страны в двух нижних квинтилях сталкиваются с высокой вероятностью перехода к недемократии в любой пятилетний период, эта вероятность намного ниже для стран в третьем квинтиле и равна нулю в верхних двух квинтилях. Эти гистограммы делают очевидным, что в то время как вероятность перехода к демократии слабо коррелирует с доходом, есть большая разница между долей богатых и относительно бедных демократий, скатывающихся обратно к недемократии.

Хотя здесь не место для переоценки имеющихся эмпирических данных, мы подчеркиваем, что закономерности, показанные на рис. III.5–III.10, нельзя интерпретировать как причинно-следственное влияние дохода и образования на демократию и процесс перехода к демократии. Эти корреляции не указывают на то, что по мере обогащения страны, она с необходимостью будет склоняться к большей демократичности. Основная проблема с причинной интерпретацией этих взаимосвязей в том, что страны, различающиеся по уровням дохода (или по уровням образовательных достижений), также различаются по своей истории и другим институциональным характеристикам. В нашей недавней работе [Acemoglu et al., 2004] этот вопрос изучен детально, и установлено, что причинное влияние дохода (или образования) на демократию или на переход к демократии невелико. Вместо этого, как представляется, другие исторические факторы определяют и экономическое, и политическое развитие различных обществ, что ведет к корреляциям, показанным на рис. III.5–III.10.

Достаточно дать некоторое представление об этой взаимосвязи, показав, как изменения в доходе связаны с изменениями в демократии в течение периода, отображенного на рис. III.5–III.10. Это продемонстрировано на рис. III.11 и III.12 для индексов Freedom House и Polity. На обоих изображениях горизонтальная ось показывает изменения в логарифме ВВП на душу населения между 1970 и 1995 гг., а вертикальная ось — изменения на шкале демократии между теми же датами (для индексов Freedom House и Polity соответственно). Такой взгляд на данные полезен, потому что он различает возможные постоянные характеристики, одновременно влияющие на доход и демократию (тем самым приближая нас к причинно-следственной зависимости между доходом и демократией). Оба рисунка демонстрируют явный паттерн: нет связи между изменениями в доходе на душу населения и демократизацией. Другими словами, хотя более богатые страны более демократичны, нет свидетельств о том, что страны, растущие быстрее других, имеют тенденцию становиться более демократическими, по крайней мере в течение этого периода. В свете этих результатов

естественная интерпретация корреляций, показанных на рис. III.5 и III.6, состоит в том, что они в значительной степени порождаются некоторыми постоянными характеристиками стран. Следовательно, с учетом этих постоянных характеристик, страны, которые росли быстрее в течение последних 25–30 лет, не стали более демократическими.

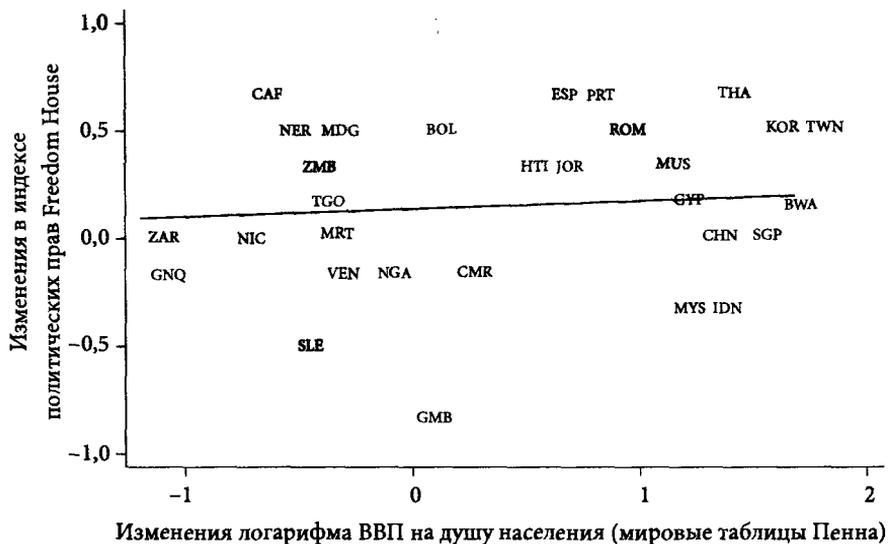

РИС. III.11. Рост демократии и рост доходов (индекс Freedom House), 1970–1995 гг.

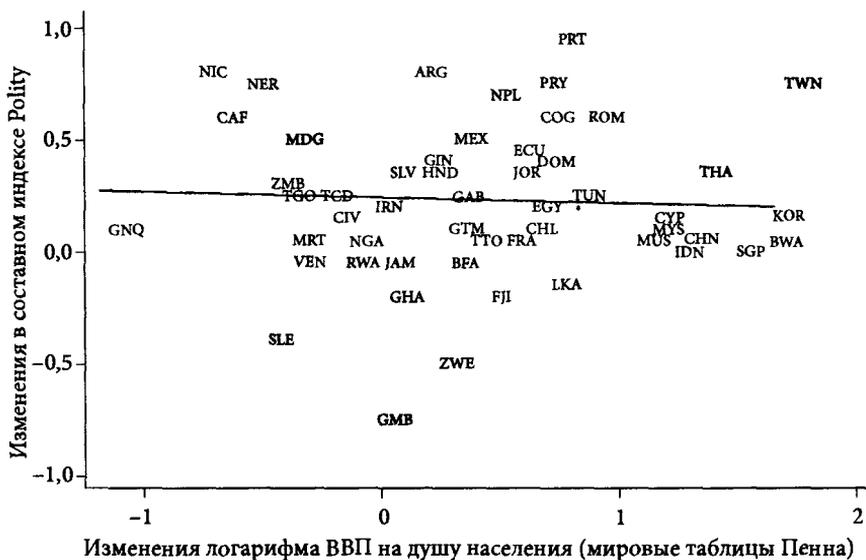

РИС. III.12. Рост демократии и рост доходов (индекс Polity), 1970–1995 гг.

Таким образом, результатом анализа данных является позитивная корреляция между доходом и демократией, но это не обязательно свидетельствует о причинном влиянии дохода на демократию. Поэтому при моделировании демократии и процесса демократизации вызовом для исследователей является понять, как может существовать положительная корреляция без большого причинного влияния. Мы вернемся к этому вопросу в главе IX.

3. ДЕМОКРАТИЯ, НЕРАВЕНСТВО И ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Как это было рассмотрено в главе II, наш подход к демократии подчеркивает роль социального конфликта, особенно между различными группами. Этот подход предполагает, что межгрупповое неравенство должно влиять на равновесие политических институтов и тем самым на вероятность того, что общество придет к демократии. Проблема, однако, в том, что межгрупповое неравенство часто трудно измеримо (например, когда речь идет о неравенстве между двумя различными этническими группами). Тем не менее когда основной конфликт между богатыми и бедными — переменной, которая отображает межгрупповое неравенство, является доля доходов труда в ВВП. Ход рассуждений здесь таков: тогда как более бедные общественные слои получают большую часть своих доходов от труда, доходы от капитала (и иногда земли) достаются в основном небольшой богатой элите. Поэтому, когда имеет место конфликт между богатыми и бедными, высокая доля доходов труда соответствует низкому уровню межгруппового неравенства.

Рисунки III.13 и III.14 показывают соотношение между долей доходов труда в 1990-е годы и соответствующими индексами демократии. Данные о доле доходов труда взяты из статистики ООН (также использованной Д. Родриком [Rodrik, 1999]) и охватывают только промышленный сектор, так что они могут быть не вполне репрезентативны для экономики в целом. Оба изображения демонстрируют позитивную связь между долей трудовых доходов и демократией.

Рисунки III.15 и III.16 показывают соотношение между демократией и другой мерой неравенства — коэффициентом Джини, самым распространенным в литературе индексом неравенства, охватывающим больше различных секторов экономики, чем доля доходов труда в промышленном секторе (подробнее об этих данных см.: [Dollar, Kraay, 2002]). Большая величина коэффициента Джини соответствует большему неравенству. Соотношение здесь аналогично тому, что и в случае с долей доходов труда, хотя и менее выраженное в данных Polity: страны с большим неравенством и, соответственно, более высоким коэффициентом Джини, имеют тенденцию быть менее демократическими.

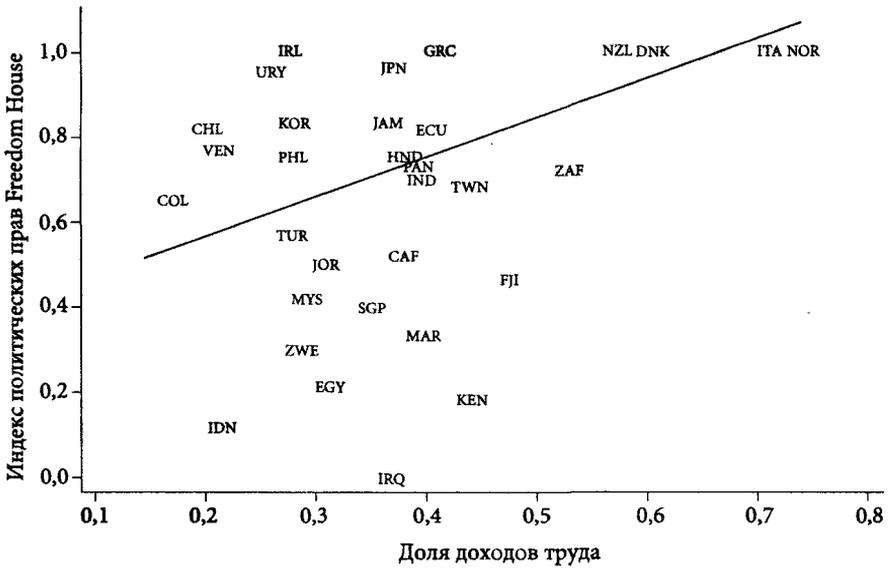

РИС. III.13. Демократия и неравенство (индекс Freedom House), 1990-е годы

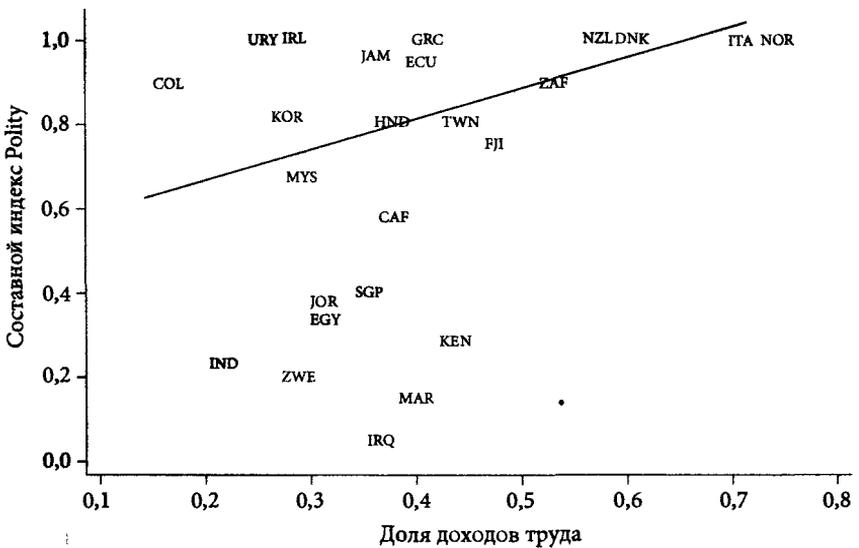

РИС. III.14. Демократия и неравенство (индекс Polity), 1990-е годы

Как уже подчеркивалось, когда речь шла о соотношении между доходом и демократией, эти корреляции не аналогичны причинному влиянию доли доходов труда или межгруппового неравенства на демократию. Более того, эти корреляции не всегда устойчивы к включению других переменных в модель регрессии, и в сравнительно большой литературе

III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?

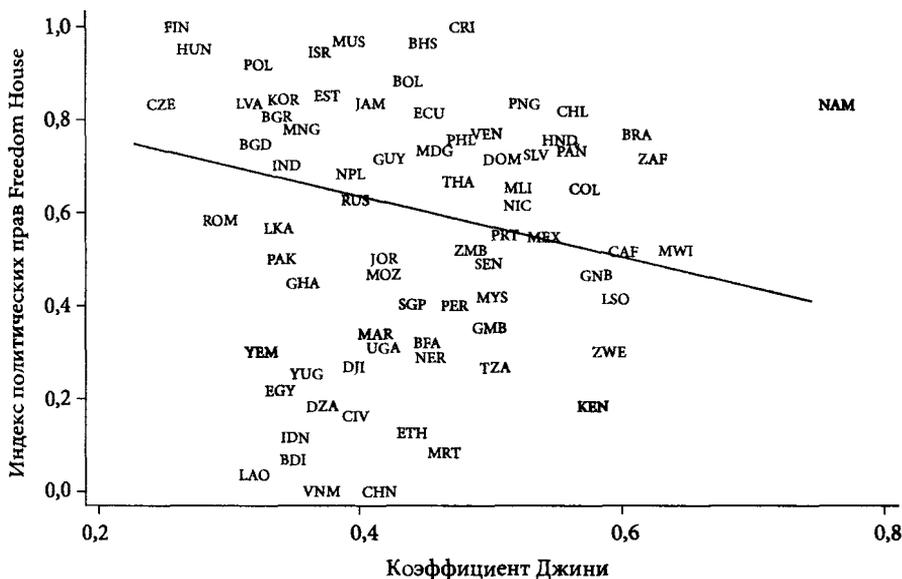

РИС. III.15. Демократия и неравенство (индекс Freedom House), 1990-е годы

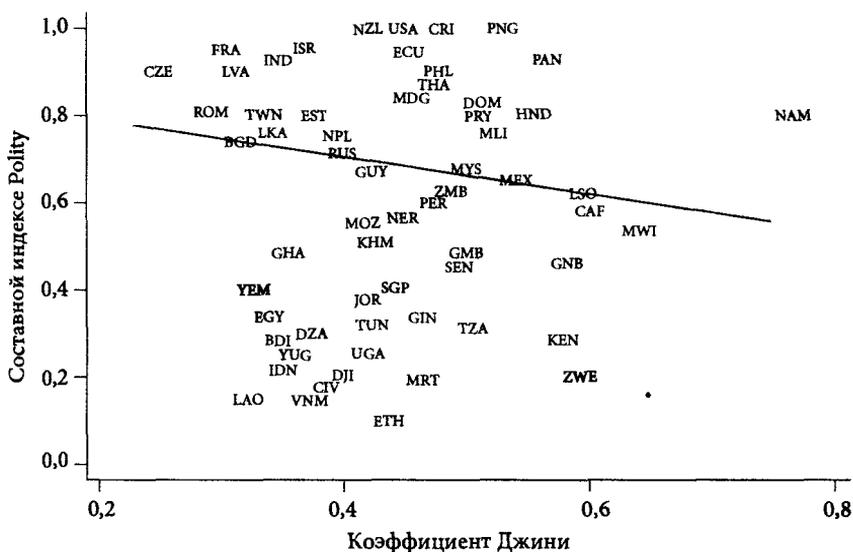

РИС. III.16. Демократия и неравенство (индекс Polity), 1990-е годы

по этому вопросу не достигнут консенсус по поводу взаимоотношения между неравенством и демократией. В то время как утверждение о том, что демократия невозможна в обществах с высоким неравенством, распространено в исследованиях, не основанных на количественных методах (см., например: [Dahl, 1971; Huntington, 1991] и обзор [Bollen, Jackman,

1985)), эмпирические свидетельства менее однозначны. Используя эконометрический анализ по выборке стран, К. Боулен и Р. Джакман [Ibid.] не обнаружили взаимосвязи между показателями неравенства и демократии. Мюллер [Muller, 1988; 1995] представил эмпирические данные, позволяющие предположить, что высокий уровень неравенства делает диктатуры более стабильными и уменьшал вероятность демократизации, хотя полученные им результаты критиковались Боуленом и Джакманом [Bollen, Jackman, 1995] за неустойчивость. Позднее Пшеворский с соавторами изучили влияние трех измерений неравенства на переходы к демократии и от нее, используя пробит-анализ³. Измерениями, которые они применяли, были коэффициент Джини, соотношение между долями доходов богатейших 10% населения и долями доходов беднейших 10% (чем выше это соотношение, тем больше неравенство), и доля доходов, создаваемых в промышленности, которая поступает рабочим. Они не нашли взаимосвязи между демократизацией и какой-либо из первых двух мер неравенства, отметив, что «на устойчивость диктатур распределение доходов не влияет» [Przeworski et al., 2000, p. 120]. Однако для третьей меры они нашли, что «диктатуры... значительно более уязвимы, когда распределение доходов более неравное» [Ibid., p. 122]. Они также обнаружили, что «демократии менее стабильны в обществах, которые прежде всего более неравные, в обществах, где неравенство в доходах семей возрастает (когда неравенство измеряется коэффициентом Джини или отношением высших долей доходов к низшим), и в обществах, в которых в промышленности труд получает меньшую долю добавленной стоимости» [Ibid.]. Используя сходный методологический подход, К. Буа [Voix, 2003] сообщает о результатах, согласно которым более высокое неравенство уменьшает склонность общества к демократизации.

Другие исследователи изучили взаимосвязь между неравенством, революцией и политической нестабильностью, что также релевантно для нашего подхода. И здесь полученные ими результаты неоднозначны, хотя Э. Мюллер и М. Селигсон [Muller, Seligson, 1987] и А. Алесина и Р. Перотти [Alesina, Perotti, 1996] находят, что большее неравенство ведет к большей политической нестабильности (обзор этих публикаций см.: [Lichbach, 1989]).

Таким образом, имеющиеся эмпирические исследования довольно противоречивы и, что более важно (как это уже подчеркивалось), сосредотачиваются на корреляциях, а не на причинно-следственных зависимостях. Тем не менее корреляции, показанные на рис. III.13–III.16, ин-

³ Пробит-регрессия (probit regression) — метод эконометрического анализа, позволяющий оценить вероятность перехода системы из одного состояния в другое в зависимости от набора факторов. При этом зависимая переменная является бинарной. В данном случае речь идет о модели, в которой зависимая переменная принимает значения 1 (демократия) или 0 (недемократия) в зависимости от показателей уровня неравенства. — *Примеч. науч. ред.*

формативны. Например, они наводят на мысль о том, что теоретические модели, в которых демократии перераспределяют значительную долю дохода, так же как и модели, в которых демократии с большей вероятностью выживают в менее неравных обществах, могут соответствовать закономерностям, обнаруженным в данных.

Рисунки III.17 и III.18 позволяют далее предположить, что по крайней мере отчасти позитивная корреляция между демократией, трудовыми доходами и коэффициентом Джини объясняется более заметной тенденцией к перераспределению дохода в демократиях. Эти рисунки демонстрируют позитивную связь между долями налоговых сборов в ВВП и индексами демократии в 1990-е годы. Опять же, надо напомнить, это корреляция, которая не должна интерпретироваться как причинно-следственная зависимость⁴.

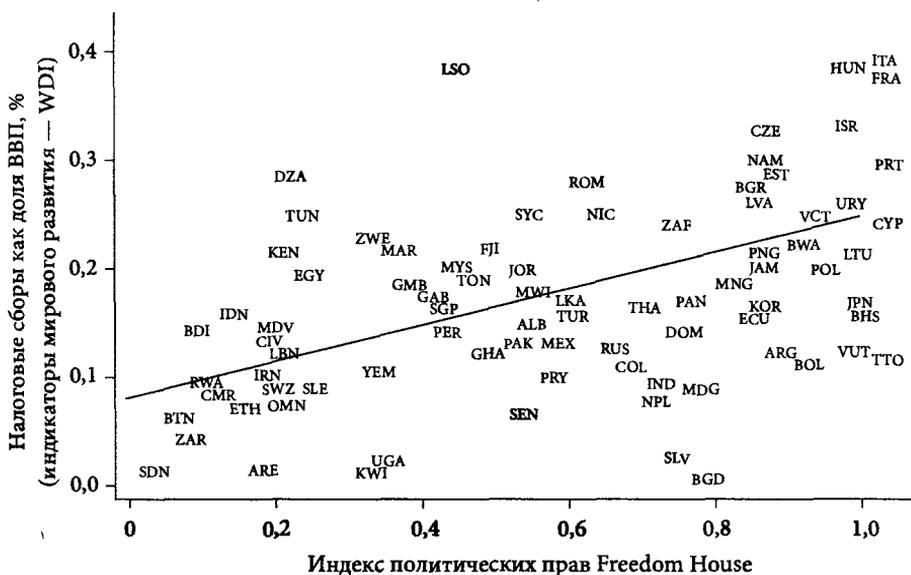

РИС. III.17. Демократия и налоговые сборы (индекс Freedom House), 1990-е годы

Исторические данные также свидетельствуют о том, что принципы перераспределения меняются после демократизации. Здесь мы обсуждаем вкратце некоторые из этих данных; за более удовлетворительным

⁴ Аргументацию о том, что для демократий не характерно большее перераспределение, см.: [Mulligan et al., 2003]. Исходный анализ связи между демократией и долей трудовых доходов см.: [Rodrik, 1999]. Более детальное описание взаимосвязи демократии и неравенства см.: [Li et al., 1998]. О различных мерах государственной политики, осуществляемых демократиями и различных формах демократии, см.: [Persson, Tabellini, 2003; Persson, 2003].

и детальным рассмотрением европейского опыта отсылаем читателя к П. Линдерту [Lindert, 2004]. Хотя рис. III.17 и III.18 подчеркивают связь между демократией и фискальным перераспределением, на практике многие другие инструменты — варьирующие от принятых мер в отношении рынка труда до образовательной политики — представляются важными в попытках властей влиять на распределение доходов в обществе [Di Nardo et al., 1996; Wallerstein, 1999].

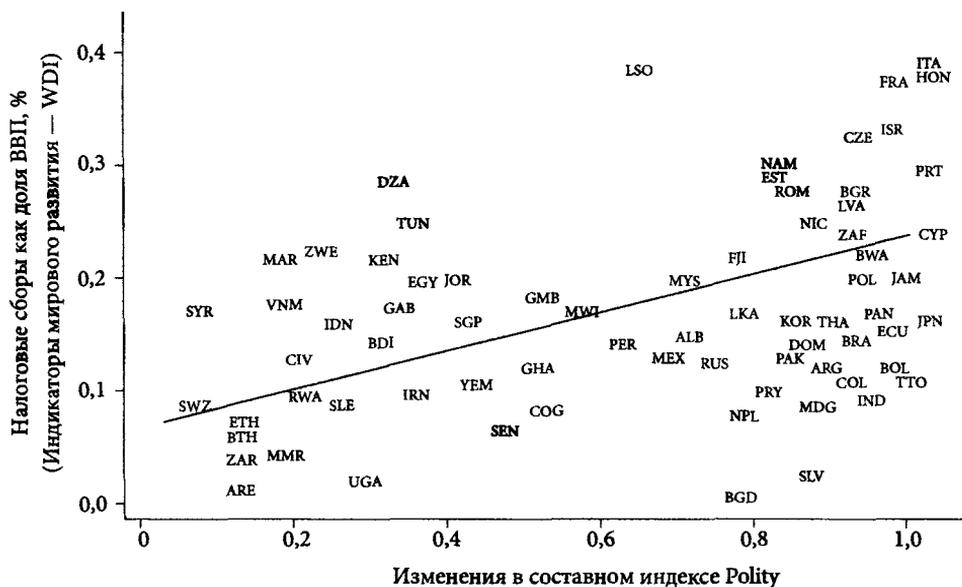

РИС. III.18. Демократия и налоговые сборы (индекс Polity), 1990-е годы

В Великобритании Акты о реформе 1867–1884 гг. были поворотным пунктом в истории британского государства. В 1871 г. Гладстон реформировал государственную службу, открыв ее для публичных экзаменов и тем самым сделав меритократической. Либеральные и консервативные правительства предприняли масштабное законодательное регулирование рынка труда, фундаментально изменив характер отношений в промышленности в пользу рабочих. С 1906 по 1914 гг. Либеральная партия, под руководством Асквита и Ллойд-Джорджа ввела в Великобритании современное перераспределяющее государство, включая такие его элементы, как медицинское страхование и страхование от безработицы, пенсии, финансируемые государством, минимальный уровень заработной платы и прогрессивное налогообложение⁵. В результате этих фи-

⁵ Прогрессивный налог — налог, ставка которого увеличивается с ростом дохода. Таким образом, богатые уплачивают в виде налога большую долю своего дохода, чем бедные или средний класс. — Примеч. науч. ред.

скальных изменений, доля налогов в ВВП за 30 лет с 1870 г. более чем удвоилась, и затем снова удвоилась в последующие 30 лет. В тот же промежуток времени усилился прогрессивный характер налогообложения [Lindert, 2004].

В это же время образовательная система, ранее предназначавшаяся в первую очередь для элиты или управляемая религиозными организациями в течение большей части XIX в., стала открыта для масс; Акт об образовании 1870 г. впервые обязал власти систематически обеспечивать всеобщее образование, которое было сделано бесплатным в 1891 г. В 1893 г. школьное образование было сделано обязательным до достижения 11 лет, в 1899 г. этот возраст был повышен до 12 лет. Были введены особые меры для детей из нуждающихся семей [Mitch, 1993]. В результате этих изменений, доля 10-летних детей, обучающихся в школе возросла с разочаровывающих 40% в 1870 г. до 100% в 1900 г. [Ringer, 1979, p. 207]. И наконец, акт о реформе 1902 г. привел к существенному увеличению ресурсов, выделяемых для школ, и ввел школы второй ступени (grammar schools), ставшие основой среднего образования в Великобритании.

Сходной была и ситуация во Франции. Во времена Второй империи существенно увеличилась государственная поддержка образования; неграмотность упала с 39 до 29% среди взрослых и доля детей, обучающихся в начальной школе, выросла с 51 до 68% [Plessis, 1985, table 14, p. 100]. В 1881 г. правительство отменило плату за обучение в государственных начальных школах и в 1882 г. ввело обязательное семилетнее образование для детей. Доля обучающихся в начальной школе увеличилась с 66% в 1863 г. до 82% в 1886 г. Во время «либеральной» фазы Второй империи было принято масштабное законодательство, регулирующее рынок труда. Забастовки были легализованы в 1863 г. и профсоюзы в конце концов были официально дозволены в 1868 г. Более того, доля расходов центральной власти в ВВП увеличилась на одну треть, с 9,4% в 1872 г. (раздутых благодаря Франко-прусской войне 1870 г.) до 12,4% в 1880 г. [Flora, 1983].

В Германии большой рост перераспределения был начат Веймарской республикой в 1920-е годы [Ibid.]. Также в Швеции масштабное перераспределение, как представляется, началось только после демократизации. Данные Линдберта [Lindert, 1994] показывают, что до 1920 г. в Швеции не было перераспределения; после этой даты оно резко возросло. В более общем плане, этот же автор [Ibid., 2000b] демонстрирует, что имеется сильная историческая взаимосвязь между демократизацией и распространением образования в Западной Европе.

В целом, можно подвести итог рассмотрению этих вопросов, особенно взаимоотношения между демократизацией и образовательными реформами, процитировав Р. Истерлина:

...судя по историческому опыту 25 крупнейших наций мира, установление и распространение формального школьного обучения по большей части зависело от политических условий и идеологических влияний. Серьезная приверженность делу массового образования часто есть симптом важных сдвигов в политической власти и соответствующей идеологии в направлении, способствующем большей вертикальной мобильности для более широких слоев населения [Easterlin, 1981, p. 14].

4. КРИЗИСЫ И ДЕМОКРАТИЯ

Важным элементом нашей теории демократизации, рассмотренным в главе II, является то, что переходы к демократии (и аналогичным образом обратные переходы от нее) более вероятны во время экономических и политических кризисов, когда случается временный сдвиг в политической власти. Объяснение этому содержится в самом сердце нашей модели: изменения политических институтов происходят как способ обратить временную политическую власть де-факто в более прочную политическую власть де-юре. Это объяснение наводит на мысль, что можно ожидать корреляции между тяжелыми кризисами и переходами к демократии и от нее.

В частности, С. Хаггард и Р. Кауфман [Haggard, Kaufman, 1995] подчеркивают, что и демократические, и недемократические режимы дестабилизируются экономическими и политическими кризисами. Они утверждают, например, что «в Аргентине, Боливии, Бразилии, Перу, Уругвае и на Филиппинах переход к демократии происходил в условиях серьезных экономических трудностей, которые способствовали оппозиционным движениям» [Ibid., p. 45]. В свою очередь, Пшеворский с соавторами [Przeworski et al., 1996, p. 42] указывают, что «хрупкость демократии... проистекает в значительной части от ее уязвимости перед лицом экономических кризисов». В другой работе те же авторы [Przeworski et al., 2000, p. 109–110] отмечают, что «смерть демократии в большинстве случаев сопровождается каким-либо экономическим кризисом; в 28 из 39 случаев гибель демократии сопровождалась падением доходов на протяжении по крайней мере одного из двух предшествующих лет». (О связи между кризисами и переворотами см. также: [Londregan, Poole, 1990; 1996; Gasiorowski, 1995].) Рассмотрение нами этого вопроса в историческом контексте в главе I и следующем разделе также показывает, что многие из ключевых демократических сдвигов в XIX и XX столетиях случались в периоды неординарных общественных беспорядков и турбулентности. Здесь мы демонстрируем некоторые дополнительные свидетельства, согласующиеся с этим наблюдением.

Рисунки III.19 и III.20 показывают вероятность перехода от демократии к недемократии и вероятность перехода от недемократии к демо-

III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?

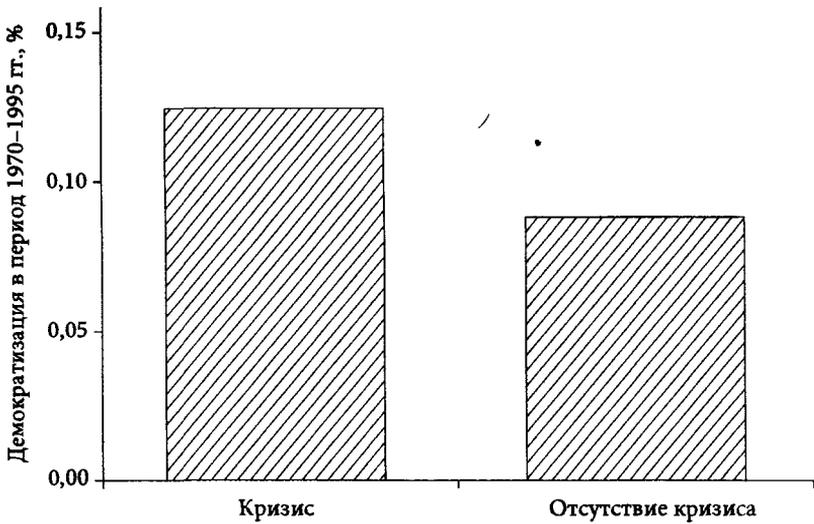

РИС. III.19. Переходы к демократии и кризисы, 1970-1995 гг.

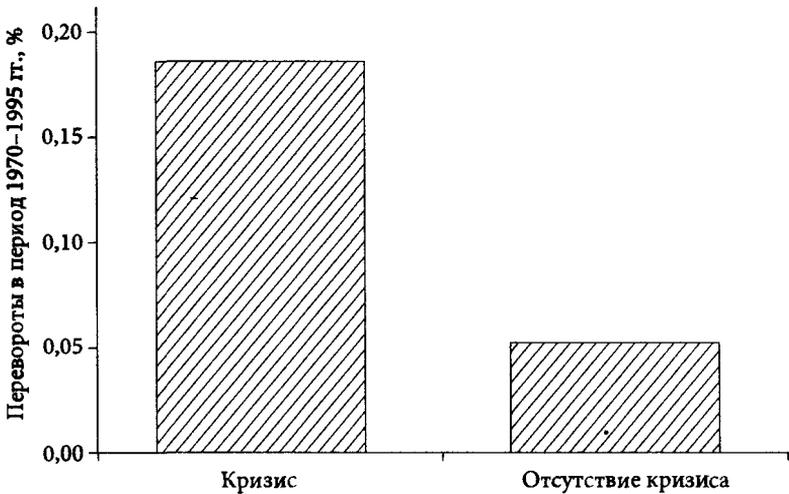

РИС. III.20. Переходы к недемократии и кризисы, 1970-1995 гг.

кратии. Они построены по принципу, аналогичному рис. III.9 и III.10. Первый рисунок охватывает страны, бывшие недемократическими в 1970, 1975, 1980, 1985, 1990 и 1995 гг. и подразделяет их в соответствии с тем, был ли в них экономический кризис в предшествующие пять лет. Экономический кризис определяется как годовой рост ВВП на душу населения, меньший чем -5% в любой из предшествующих пяти лет. Затем рисунок демонстрирует долю недемократий, испытавших и не испы-

тавших экономический кризис, которые перешли к демократии. Рисунок III.20 делает то же самое для переходов от демократии к недемократии. Оба рисунка демонстрируют, что экономические кризисы делают политические изменения более вероятными. В целом этот результат подтверждает идею о том, что переходы между режимами более вероятны во времена кризисов или социальной турбулентности.

5. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОЛНЕНИЯ И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Наш подход к демократизации в действительности подчеркивает не только роль кризисов, но также и важность общественных волнений, угрозы революции и в целом власти де-факто тех, кто не имеет власти де-юре, в стимулировании перехода к демократии. В этом разделе мы возвращаемся к историческому анализу возникновения демократии в Европе XIX в. и Америке XX в. (Обзоры этих событий см.: [Therborn, 1977; Rueschemeyer et al., 1992; Collier, 1999].)

5.1. Демократизации в Европе XIX в.

Во Франции хотя демократия на краткое время и расцвела после Великой французской революции, она была быстро прекращена с подъемом якобинцев, а затем Наполеона. После падения Наполеона была реставрирована абсолютная монархия. Абсолютизм начал слабеть после революции 1830 г., которая привела к установлению очень ограниченного демократического режима, где имущественный ценз отводил избирательное право примерно 0,75% населения [Cole, Campbell, 1989]. Падение Орлеанской монархии в ходе революции 1848 г. привело ко Второй республике и введению всеобщего избирательного права для мужчин в 1849 г. [Collier, 1999, p. 41–42]. Однако эффект от этого был минимальным сначала из-за ограничений избирательных прав, введенных в 1850 г. и лишивших права голоса 2,8 млн мужчин, и затем из-за переворота Луи Наполеона в 1851 г. Историки подразделяют последовавший период на две фазы: «авторитарную» (с 1852 по 1860 г.) и «либеральную» (с 1860 г. вплоть до поражения французских армий во Франко-прусской войне 1870 г.). Поражение в войне привело к дальнейшим волнениям (в частности, к Парижской коммуне) и краху режима, проложившему путь Третьей республике [Zeldin, 1958; Plessis, 1985; Price, 1997]. И наконец, в 1877 г. была установлена демократия со всеобщим избирательным правом для мужчин, хотя другие реформы, такие как тайное голосование, были введены позднее, только в 1912 г. [Kreuzer, 1996].

История современной демократии в Германии начинается с революции 1848 г., когда почти все германские государства значительно уве-

личили участие народа во власти, опять-таки на фоне революционного давления [Blackbourn, 1998, ch. 3]. Результаты этой демократизации, однако, были существенно ослаблены из-за институциональных ограничений. Этот режим характеризовался системой, делившей избирателей на три класса, и первоначально контролировался помещиками-юнкерами, а затем, начиная с 1870-х годов, коалицией «стали и ржи». Парламент не мог назначать министров и обсуждать внешнюю политику, и голосование было открытым (oral). Хотя после 1870 г. все взрослые мужчины старше 25 лет имели право голоса, в сельской местности голосование контролировалось крупными помещиками [Gosnell, 1930; Goldstein, 1983]. Как отмечал Л. Абрамс [Abrams, 1995, p. 10], в течение этого периода «Германская империя была, в теории, конституционной монархией, но на практике в ней правила прусская олигархия». Окончательное появление демократии в Германии в 1919 г. (Веймарская республика) было ответом на суровую угрозу общественных беспорядков и революции, вызванных поражением германских армий на западном фронте в августе 1918 г. (классические описания этих событий см., например: [Gerschenkron, 1943; Mommsen, 1981]).

В Швецию демократия пришла через ряд постепенных расширений избирательного права, начиная с 1866 г., когда был создан двухпалатный парламент, состоящий из Первой и Второй палат. Всеобщее избирательное право для мужчин было введено в 1909 г. при выборах в Первую палату. Однако подлинно парламентское правительство появилось только в 1918 г., когда политическая власть Консервативной партии и монархии была ограничена, как и в других случаях, в результате необычного брожения, вызванного окончанием Первой мировой войны и тяжелым экономическим кризисом [Verney, 1957]. Т. Тилтон утверждает, что

...ни один [из первых двух актов о реформах] не принимался без сильного давления со стороны народа; в 1866 г. толпы окружили парламент, когда шло окончательное голосование, а реформа 1909 г. была стимулирована широким движением за право голоса [и] забастовкой как демонстрацией силы [Tilton, 1974, p. 567].

Реформе 1909 г. предшествовали забастовки и демонстрации. Более того, даже несмотря на то, что Швеция не участвовала в Первой мировой войне, революция в России и положение в Германии вынудили пойти на уступки в виде предоставления демократических прав. В 1917 г. либералы и социал-демократы сформировали коалиционное правительство и предложили ввести всеобщее избирательное право для мужчин, что было отклонено Второй палатой, где господствовали консерваторы. Рут Коллир объясняет, что

...только после экономического кризиса 1918 г. и последовавшего протестного движения рабочих, ведомых социал-демократами, в пользу демократии, был принят Акт о реформе. Действительно, в ноябре 1918 г. протестное движение рабочих достигло той точки, когда стало восприниматься как революционная угроза шведской Консервативной партии и высшими классами [Collier, 1999, p. 83].

Во всех этих случаях движущей силой политической либерализации и введения демократических мер явилась угроза общественных беспорядков и в конечном счете революции. Угроза беспорядков усиливалась войнами и другими социальными потрясениями.

5.2. Почему в XIX в.?

До сих пор мы демонстрировали как в рамках нашего подхода объясняется возникновение демократии, но вопрос о том, почему в европейском контексте волна демократизации началась в XIX в., не ставился. Идея о том, что демократия как комплекс политических институтов осуществима на практике, возникла еще во времена Древней Греции и Рима и по крайней мере к XVII в. в Англии (особенно во время гражданской войны) выдвигались последовательные требования избирательных прав для всех. Возможное объяснение появляется ближе к концу книги, но даже на этой стадии стоит взглянуть, совпадают ли имеющиеся данные с уже полученной нами сравнительной статикой.

До XIX в. лишенные права голоса общественные слои были рассеяны в сельской местности; поэтому можно думать, что угроза революции была менее серьезной, так как им было очень трудно организовать. Поэтому сочетание процесса урбанизации и занятости в фабричном производстве могло стать ключевым фактором для начала волны демократизации в Европе XIX в. Перемены в экономике и социальной структуре в начале XIX в. изменили баланс политической власти, в частности, сделав намного легче осуществление власти де-факто политически лишенными голоса [Thompson, 1963; Tilly, 1995; Tarrow, 1998].

Несомненно также и то, что идеологические перемены, произошедшие в эпоху Просвещения, во время Французской революции и войны за независимость США имели следствием изменение представлений о должном характере правления и легитимности старого политического порядка.

Другой потенциальный ответ в контексте нашего подхода состоит в том, что до XIX в. неравенство было более ограниченным. Напомним, когда неравенство невелико, нет угрозы революции, и даже если она есть, то элита может предотвратить революцию с помощью обещаний перераспределения. Только при достаточно высоком уровне неравен-

ства демократизация действительно делается необходимой. То ограниченное количество данных, которые имеются о неравенстве в XIX в., подтверждает предположение о том, что неравенство увеличивалось до демократизации (и затем начало уменьшаться из-за перераспределения, последовавшего за демократизацией). Значительная часть литературы по этому вопросу, следуя предположению С. Кузнецца [Kuznets, 1955] о том, что неравенство сначала возрастает, а затем падает в ходе экономического развития, содержит попытки ответить на вопрос, действительно ли имела место в истории «кривая Кузнецца». Данные о неравенстве доходов для XIX в. не очень надежны. На рис. III.21 помещены три различные оценки исторической эволюции коэффициента Джини в Великобритании. Среди историков экономики имеется консенсус относительно того, что неравенство доходов в Великобритании резко упало после 1870-х годов. Также есть консенсус по поводу того, что неравенство росло в течение предшествовавшего этому века, хотя разные ученые, исходя из различных данных, по-разному определяют временные рамки этого роста. П. Линдерт и Дж. Уильямсон [Lindert, Williamson, 1982; 1983] находили, что этот подъем продолжался до 1800 г. (см. также: [Lindert, Williamson, 1985; Lindert, 1986; 2000a]); Уильямсон [Williamson, 1985] нашел, что это случилось между 1800 и 1870. Другие свидетельства (например: [O'Rourke, Williamson, 2002]) согласуются с его оценками. Как бы то ни было, данные о неравенстве явно согласуются с представлением о том, что неравенство увеличивалось в течение века до 1867 г. и второго Акта о реформе и вполне могло возрасти даже до первого Акта о реформе. Имеющиеся данные также говорят о том, что неравенство значительно упало после политической реформы.

Данные для других стран еще более скудны. К. Моррисон [Morrisson, 2000] изучил имеющиеся данные и утверждал, что Германия, Франция и Швеция прошли через «кривую Кузнецца». В Германии неравенство росло в течение XIX в.; большинство исследователей помещают его пик где-то около 1900 г. Например, Кузнец [Kuznets, 1963] нашел, что доля доходов самых богатых 5% поднялась от 28% в 1873–1880 гг. до 32% в 1891–1900 гг., оставалась на уровне 32% в течение 1901–1910 гг. и упала до 31% в 1911–1913 гг. Р. Думке [Dumke, 1991] оценил, что та же доля доходов составляла 28,4% в 1880 г., поднялась до 32,6% в 1900 г. и упала до 30,6% в 1913 г. Во время Веймарской республики неравенство быстро снизилось. Ф. Краус [Kraus, 1981] засвидетельствовал, что к 1926 г. доля доходов богатейших 5% упала на 6,2%. В целом, Моррисон [Morrisson, 2000] утверждает, что кривая Кузнецца в Германии достигла пика в 1900 г., затем шла ровно и начала падать в 1920-е годы. Эта дата полностью соответствует всплеску демократизации 1918–1919 гг. Данные Ф. Бургиньона и К. Моррисона [Bourguignon, Morrisson, 2002] демонстрируют именно этот паттерн.

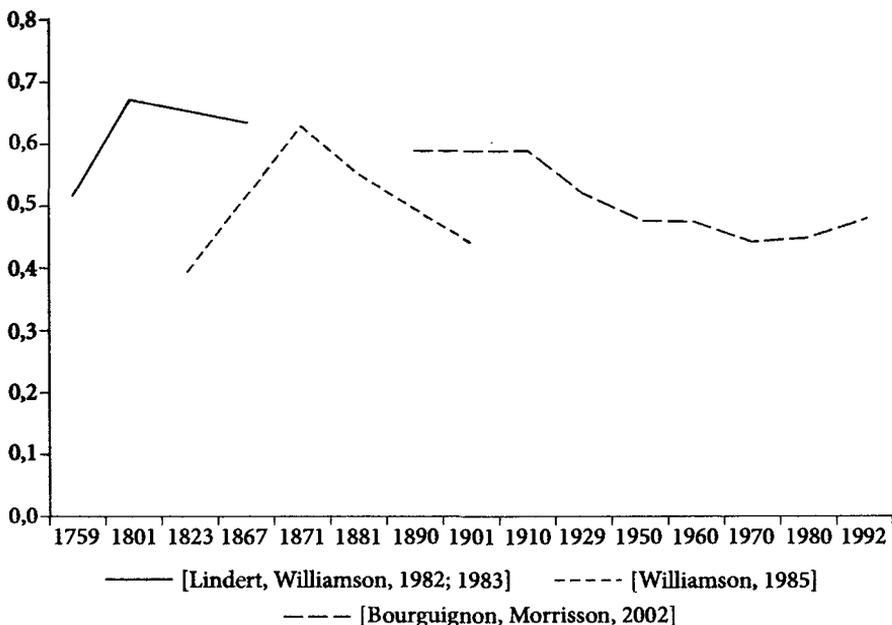

РИС. III.21. Коэффициент Джини (Соединенное Королевство)

Как утверждают К. Моррисон [Morrisson, 2000] и У. Снайдер [Morrisson, Snyder, 2000], во Франции неравенство возросло до 1870 г., причем доля доходов самых богатых 10% максимально выросла до примерно 50%. Однако неравенство начало падать в 1870-е годы.; в 1890 г. доля доходов самых богатых 10% снизилась до 45% и далее упала до 36% к 1929 г. Таким образом, важные политические реформы 1860–1877 гг. во Франции примерно соответствуют пику «кривой Кузнеца». Эти традиционные представления о Франции, однако, были до некоторой степени поставлены под сомнение недавними исследованиями Т. Пикетти [Piketty, 2003] о XX столетии и Ж. Постал-Винэй и Ж.-У. Розенталя [Piketty et al., 2003] о XIX. Используя данные о налоговых декларациях, эти авторы нашли, что неравенство однообразно возросло в XIX в. и упало только во время Первой и Второй мировых войн в XX в.

И наконец, Й. Седрберг [Söderberg, 1987; 1991] отмечает, что неравенство доходов росло в Швеции, достигнув пика как раз перед Первой мировой войной, выравниваясь или слегка снижаясь в течение 1920-х годов и быстро падая позже. И опять здесь есть близкое соответствие между падением уровня неравенства и расширением избирательных прав.

Таким образом, в целом в Великобритании, Франции, Германии и Швеции пик «кривой Кузнеца», как представляется, последовал за демократизацией, что соответствует объяснению, предлагаемому в этой книге.

5.3. Опыт Латинской Америки

Данные о латиноамериканском опыте демократизации также поддерживают представление о том, что угроза революции и общественные волнения играли важную роль и в целом согласуются со сравнительной статикой в отношении неравенства. В главе I мы рассмотрели ситуацию в Аргентине, когда социальный конфликт был важен для принятия закона Саенза Пеньи. В главе II мы отметили взгляды Д. Бушнелла [Bushnell, 1993] на демократизацию в Колумбии в 1930-е годы. Сейчас рассмотрим подробнее другие ситуации.

Исторические исследования движения к демократии говорят о важной роли социального конфликта. В Венесуэле долгий период *каудильизма* и политической нестабильности закончился диктатурой Хуана Винсенте Гомеса (между 1908 и 1935 гг.). Его преемники-военные правили вплоть до установления первой современной демократии в 1945 г. Д. Ливайн описывает события, приведшие к демократизации, следующим образом:

...После нескольких дней боев, было сформировано временное революционное правительство, состоявшее из четырех членов «Аксьон Демократика», двух армейских офицеров и одного независимого гражданского лица. Три последовавших за этим года ознаменовали введение партийной системы в Венесуэле, внезапно возвестившей эксперимент с массовой политической демократией [Levine, 1973, p. 89].

Демократия пала после переворота в 1948 г., но была восстановлена в 1958 г., когда режим генерала Переса Хименеса рухнул в ходе широкого восстания. Ливайн [Levine, 1989, p. 256] утверждает, что редемократизация была ответом на волнения, последовавшие за экономической депрессией и пишет, что «политические силы подполья, теперь объединенные в “Хунта Патриотика”, подняли волну демонстраций и уличных боев».

В Центральной Америке угроза социального конфликта и открытой революции явилась важным фактором, побудившим политические элиты согласиться на демократию. Например, в Гватемале 13-летняя диктатура генерала Хорхе Убико завершилась в 1944 г., сменившись хунтой во главе с генералом Федерико Понсе. Он был смещен в том же году с подъемом продемократических настроений и студенческими волнениями, приведшими к избранию президентом Хуана Аревало в 1945 г. В 1950 г. его сменил на этом посту Хакобо Арбенс, смещенный переворотом в 1954 г. Редемократизация в Гватемале следовала тому же сценарию и была прямым ответом на разразившийся конфликт. Начиная с 1982 г. военные согласились на постепенную редемократизацию. Марко Серезо был избран президентом в 1985 г., за ним последовал Хорхе Серрано в 1990 г. Процесс продолжился после того, как в 1993 г. была сорвана

попытка переворота. Хотя эти режимы плотно контролировались военными, но, благодаря массовым общественным волнениям, проходила политическая либерализация [Trudeau, 1993].

В Сальвадоре картина вырисовывалась аналогичным образом, за исключением кратковременного раннего периода демократии [Balouga, 1982; Paige, 1997]. Олигархи — производители кофе уступили власть военным после восстания «матанза» в 1932 г. После 1962 г. начали проводиться демократические выборы, но они жестко контролировались военными и сопровождалась массовыми фальсификациями. После кратковременного возвращения военных к власти, редемократизация осуществилась в 1982 г., однако это произошло в разгар широкомасштабной гражданской войны, закончившейся только в 1992 г. В 1994 г. прошли первые выборы, на которых в борьбу за власть вступило главное левое движение «Фронт Фарабундо Марти за национальное освобождение» (Frente Farabundo Martí para la Liberación Nacional — FMLN).

Очевидно, что социальный конфликт, часто конфликт классовый, возникающий по поводу распределения доходов, стоял за большинством переворотов и крахов демократий в Латинской Америке. Это является главной темой классической книги Г. О'Доннелла и анализ А. Степана военных переворотов в Чили, Уругвае, Аргентине и Бразилии вторит этому выводу. Он пишет:

...Новый авторитаризм во всех четырех странах... был установлен в атмосфере растущего классового конфликта. В каждой стране буржуазия была социальной базой нового авторитарного режима, в числе первых политических действий было использование государственного аппарата принуждения для роспуска... организаций рабочего класса [Stepan, 1985, p. 318].

П. Дрейк [Drake, 1996] в своем анализе роли трудящихся при диктатурах Аргентины, Бразилии, Уругвая, Испании и Португалии сходным образом утверждает:

...Большинство диктатур возникли из борьбы за распределение между капиталом и заработной платой... Перед наступлением диктатур воинственность рабочего класса начала пугать владельцев собственности, которые из-за этого отказались от либеральной демократии. Экономические элиты, терявшие прибыли, власть и легитимность, были спасены военными... Эти правые правительства, державшиеся на военных, защитили капитализм от популизма, социализма или коммунизма, подавив требования низших классов. Они отдавали предпочтение частному перед общественным, богатым перед рабочими, накоплению капитала перед перераспределением, иерархии перед равенством.

Другой способ понять эту же проблему — посмотреть на то, как перевороты влияют на стоимость различных активов. Например, в той мере, в какой демократия ведет к перераспределению и налогообложению активов богатых (земли и капитала), можно ожидать, что цены этих активов будут падать с приходом демократии и подниматься после переворота. Рисунок III.22, построенный на основе данных из [Souyoumdjian et al., 1992], показывает реальную величину биржевого индекса в Чили с 1928 по 1978 г. Реальная стоимость акций постоянно уменьшалась с 1930-х годов до переворота 1973 г., достигнув своей низшей точки с избранием президентом Сальвадора Альенде в 1970 г. Авторы соотносят этот вековой упадок с усилением вмешательства государственной власти в экономику, поясняя, что

...период с 1930-х по 1960-е годы был мало благоприятным для биржевых операций. Он начался с глубокой депрессии, которая закончилась в 1932 г. Затем последовал недвусмысленный процесс ухудшения, который был связан с увеличивающимся вмешательством государства в экономику, что, прямо или косвенно, сковывало свободное предпринимательство. Его развитие ограничивалось контролем над ценами, увеличением налогов, высокой инфляцией и другими мерами недоверия. Биржевая активность была не более чем отражением уменьшившегося участия частного сектора [Souyoumdjian et al., 1992, p. 309].

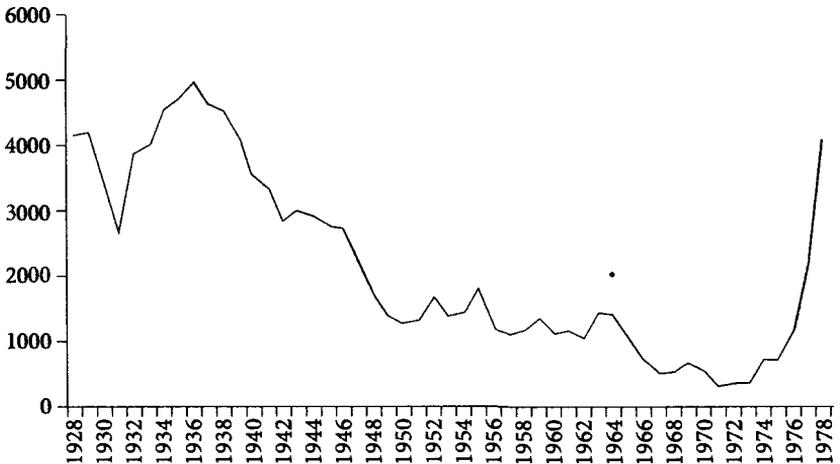

РИС. III.22. Чилийский реальный биржевой индекс, 1928–1978 гг.

Затем цена активов богатых впечатляющим образом возместила 30 лет потерь всего лишь за пять лет. Эти данные согласуются с тем подходом к анализу мотивации переворотов, который подчеркивает роль кон-

фликта по поводу распределения. Рут Коллир недавно обосновывала важность давления масс как ведущей силы многих из самых последних демократизаций. Она утверждает, что

в... Перу, Аргентине и Испании широкомасштабные протесты трудящихся дестабилизировали авторитаризм и открыли дорогу к установлению демократически избираемых властей [Collier, 1999, p. 114].

Далее она доказывает важную роль активности рабочих в стимулировании перехода к демократии в Боливии, Уругвае и Бразилии. Даже в Чили, где военные, по-видимому, отдали власть без особо сильного давления на них, многие исследователи подчеркивают роль возрождения гражданского общества в 1980-е годы. По мнению Дрейка, Пиночет принял результаты плебисцита, покончившие с военным режимом, потому что

...можно было предвидеть, что цена сохранения диктатуры включала бы масштабные общественные и политические беспорядки, классовые конфликты, экономические неурядицы, радикализацию левых, драконовские репрессии и эскалацию насилия [Drake, 1998, p. 89].

Таким образом, значительная часть данных согласуется с идеей о том, что в Латинской Америке демократия была навязана политическим элитам из-за угрозы революции и коллективного действия лишенных права голоса. Более того, когда демократия была установлена, элиты часто желали и нередко были в состоянии организовывать перевороты для возвращения себе власти.

И наконец, вслед за рассмотрением европейского опыта, любопытно оценить то, что известно о долгосрочных тенденциях в распределении доходов в Латинской Америке. К сожалению, о Латинской Америке известно намного меньше, чем о Европе. На рис. III.23 мы помещаем коэффициент Джини для Аргентины со времен принятия закона Саенза Пеньи. Видно, что в течение последнего века неравенство в Аргентине изменилось незначительно. Хотя основная тенденция довольно стабильна, интересны отклонения от нее. После демократизации в 1916 г. неравенство начало последовательно падать вплоть до переворота 1930 г. После этого оно шло ровно, но затем впечатляюще упало с избранием первой администрации Перона. Переворот 1955 г. привел к быстрому росту неравенства, хотя процесс пошел в обратную сторону во время частично демократических режимов, стоящих у власти после 1958 г. Например, Фрондизи пытался искать расположения у перонистского электората, проводя политику в пользу профсоюзов. Однако подлинная демократизация во время второго правления Перона в 1973 г. привела к быстрому падению неравенства, а переворот 1976 г. — к его резкому увеличению. Другие данные также подчеркивают этот общий паттерн.

III. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ДЕМОКРАТИИ?

Например, доля заработной платы в национальном доходе Аргентины, оцениваемая примерно в 28% во время введения всеобщего избирательного права для мужчин, увеличилась до 42% в первые 10 лет демократии. Когда демократия уступила место диктатуре, доля заработной платы начала падать [Diaz-Alejandro, 1970; Randall, 1978, p. 29]. Сходным образом во время первого правления Перона доля заработной платы в национальном доходе увеличилась более чем на 10% в течение нескольких лет, но все это прибавление (и даже больше) было потеряно во время правления военных режимов в 1970-е годы [Di Tella, Dornbusch, 1989]. Такая динамика согласуется с нашей концептуальной структурой. Демократизация вела к включению бедных слоев населения в политическое общество и, следовательно, имела результатом меры, разработанные в пользу этих социальных групп. Многие перевороты в Аргентине были явно мотивированы желанием обратить вспять такую политику. Эти намерения и политические силы проявляются в приведенных данных о распределении доходов. Демократия способствует равенству, недемократия — неравенству. Исключением является резкий рост неравенства с 1990-х годов во время президентского правления Менема, который отказался от традиционных перонистских мер в пользу рабочего класса.

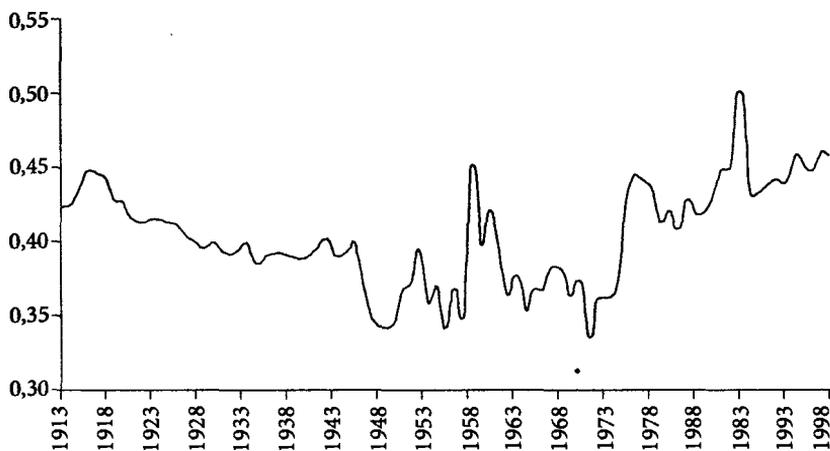

РИС. III.23. Коэффициент Джини (Аргентина)

ИСТОЧНИК: [Calvo et al., 2001].

Что касается Колумбии, то А. Берри, М. Уррутия [Berry, Urrutia, 1976] и Х.-Л. Лондоньо [Londoño, 1995] показали, что неравенство увеличивалось между 1938 г. и серединой 1960-х годов, а затем однообразно падало до 1990 г. Интересно, что с 1948 до 1958 г. был период недемократии. Сначала это были авторитарные полудемократические правления Кон-

сервативной партии во главе с Мариано Ospina Пересом и Лауреано Гомесом с 1948 по 1953 г., когда преследовались оппозиционные политики и конгресс был закрыт, и затем власть военных вплоть до редемократизации в 1958 г.

Другие факты о распределении доходов в долгосрочном плане могут быть выведены из работ о соотношении реальной заработной платы и реальной стоимости аренды земли [O'Rourke et al., 1996; Williamson, 1999; Bertola, 2000; Bertola, Williamson, 2003]. Данные говорят о том, что в большинстве латиноамериканских стран неравенство росло примерно с 1880-х годов вплоть до Великой депрессии. Эти авторы утверждают, что это было следствием включения этих первоначально изобилующих землей стран в мировую экономику в качестве экспортеров сельскохозяйственной продукции. Интересно, что данный рост неравенства был особенно выражен в таких странах, как Аргентина и Уругвай, которые были больше всего включены в международную торговлю, и эти страны демократизировались первыми.

В контексте латиноамериканского опыта также много примеров тому, что демократии начинают существенные программы перераспределения. Даже в Коста-Рике, стране с относительно эгалитарной историей, как утверждает Синтия Чокер [Chalker, 1995, p. 104] «наиболее примечательные эгалитарные меры в Коста-Рике имели место в 1960-е и 1970-е годы, когда была сокращена концентрация в распределении доходов. Интересно, что это было следствием, а не причиной демократической политики». С. Энгерман, Э. Марискаль и К. Соколов [Engerman et al., 1998] установили в более общем плане что для Латинской Америки, так же как и для Европы, характерна сильная историческая связь между демократизацией и распространением образования.

6. ЛИТЕРАТУРА

Наш анализ возникновения, последующей консолидации или краха демократии основывается на обширной и довольно разнородной политологической и социологической литературе и небольшом количестве позднейших публикаций экономистов, использующих формальные математические модели. У экономистов есть шутка о том, что любое высказывание, которое вы делаете, уже содержится в книге А. Маршалла «Принципы экономики». Сходным образом трудно себе представить, как можно сделать какое-либо утверждение о демократизации или консолидации, которое уже не появилось бы в той или иной форме где-либо в литературе. Например, С. Хантингтон [Huntington, 1991, p. 37–38] перечисляет 27 различных факторов, которые, как он заявляет, указывались в числе способствующих демократизации. Тем не менее обычно неясно,

почему верят в те или иные каузальные утверждения, так же как неясны каузальные механизмы, связывающие конкретные предполагаемые причины со следствиями. Огромная сила принимаемого нами аналитического подхода в том, что эти вопросы становятся кристально ясны.

Теоретизирование по поводу проблемы, решаемой нами в этой книге, уходит в прошлое, по меньшей мере к Аристотелю и Платону, и оказалось в центре значительной части научных исследований после работ С. Липсета [Lipset, 1959] и Б. Мура [Moore, 1966]. В этом разделе мы поясняем, как наша работа вписывается в основное направление существующей литературы и обрисовываем то, что считаем нашим главным вкладом. По ходу дальнейшего изложения мы более пространно опишем, как наши находки соотносятся с работами других коллег и конкретными теоретическими и эмпирическими утверждениями, делаемыми в академической литературе.

Работа Липсета 1959 г., вдохновленная теорией «модернизации», основывалась на сильной эмпирической корреляции между доходом на душу населения и демократией. Он утверждал, что демократия возникает в обществе по мере его модернизации — процесса, связанного с растущей урбанизацией, увеличением значения промышленности, более высоким уровнем образования и ростом «сложности» общества. Работа Мура 1966 г. в некоторой степени оспаривала это фокусирование на недвусмысленных последствиях модернизации, подчеркивая, что есть три «пути в современный мир», и демократия лишь один из них. Двумя другими являются фашизм и коммунистическая революция. Оба исследователя подчеркивали, что фундаментальные социально-экономические факторы определяли время появления демократии. Работа Б. Мура и более позднее исследование Г. Любберта [Luebbert, 1991] связывали возникающие впоследствии политические режимы с исходными социальными условиями, такими как классовая структура, организация сельского хозяйства и сила буржуазии. Например, демократия в теории Мура появлялась тогда, когда сельское хозяйство переходило на рыночные рельсы и более не характеризовалось феодальными или полуфеодальными трудовыми отношениями, а буржуазия была сильна.

Эти «структурные» подходы в 1970-е годы подверглись критике со стороны многих политологов, особенно Д. Растоу [Rustow, 1970], Х. Линца и А. Степана [Linz, Stepan, 1978; Linz, 1978] как слишком детерминистские и аполитичные. Эта критика сопровождалась перенесением внимания с демократизации на крах демократии. Проект по сравнительному анализу гибели демократий, руководимый Линцем и Степаном, был особенно важен для этой переориентации исследований. Линц и Степан призывали [Linz, Stepan, 1978, p. ix] направить «систематическое внимание на динамику политического процесса распада». С их точки зрения, социаль-

но-экономические структуры или условия не предопределяют, погибнет демократия или нет — это следствие конкретных актов выбора соответствующих акторов как продемократических, так и антидемократических [Linz, 1978, p. 4]. В более конкретном плане, Линц [Ibid., p. 50] утверждал, что демократия гибнет, потому что теряет «легитимность», и доказывал, что демократия гибнет из-за неспособности демократических политиков решить политические проблемы. Хотя рассмотрение модернизации Липсетом не фокусировалось на выборе индивидов или даже групп, анализ Мура [Moore, 1966] включал проблематику выбора, например, входит ли буржуазия в коалицию с аристократией. Тем не менее в его аналитическом подходе не ясно, что определяет, делается ли такой выбор.

Теория модернизации была также подвергнута критике Г. О’Доннелом [O’Donnell, 1973], утверждавшим, что крах демократии в Латинской Америке в 1960-е и 1970-е годы подорвал доверие к взаимосвязи между демократией и доходами и к идее о том, что модернизация способствует демократии. Он указывал, что военные перевороты происходили в самых богатых латиноамериканских странах, например, Аргентине, Уругвае и Бразилии.

В 1980-е годы, следуя за текущими событиями, исследования опять сменили фокус внимания, на этот раз опять сосредоточившись на демократизациях. Самым влиятельным был проект по «транзитам», руководимый Г. О’Доннелом, Ф. Шмиттером и Л. Уайтхедом; их выводы были представлены в очень влиятельной книге О’Доннела и Шмиттера [O’Donnell et al., 1986]. Они следовали многим методологическим указаниям Линца и Степана, утверждая, что структурные объяснения демократизаций неадекватны [Ibid., p. 4]. Книга О’Доннела и Шмиттера дала структуру для прояснения процессов, могущих вести к демократизации, и различных участвующих в этом акторов; например, они сделали важное различие между «сторонниками жесткой линии» и «сторонниками мягкой линии» при авторитарном режиме. Затем в книге рассматривались различные взаимодействия между соответствующими группами и типы ситуаций и дилемм, могущих возникнуть в промежутке между окончанием авторитарного режима и началом демократии. Все исследования в этой традиции склонны подчеркивать, что демократия создается волей и решениями индивидов, которые едва лишь сдерживаются факторами среды (книга [di Palma, 1990], возможно, является самой крайней версией этого тезиса). Как таковая эта книга реально не дает объяснения тому, когда происходит демократизация, хотя в ней есть несколько обобщений. Наиболее знаменито из них следующее:

...Мы утверждаем, что нет транзита, начало которого не является следствием — прямым или косвенным — важных расхождений внутри самого авторитарного режима, главным образом неустойчивого раскола между сторонниками жесткой и мягкой линий [O’Donnell, Schmitter, 1986, p. 19].

Самой последней реинкарнацией транзитологической литературы и центром внимания большинства политологических исследований в 1990-е годы стала демократическая консолидация. Работа Линца и Степана [Linz, Stepan, 1996] занимает здесь центральное место. Эта литература подчеркивает различия в характере демократии и существование различных путей от авторитарных к демократическим режимам. В одной из своих ранних работ Степан [Stepan, 1986] заявил о существовании десяти альтернативных путей от недемократических режимов к демократии. Главной является идея о том, что форма, принимаемая демократией после ее построения, зависит от природы предшествовавшего режима. Например, Линц и Степан различают четыре типа недемократических режимов: авторитарный, тоталитарный, посттоталитарный и султанистский. Тип возникающей демократии обычно зависит, с их точки зрения, от типа первоначально имевшего место недемократического режима. Например, проблемы, встающие перед теми, кто хочет создать консолидированную демократию в (тоталитарной) Северной Корее, очень отличны от проблем, встающих в (султанистском) Конго [Linz, Stepan, 1996, p. 55].

В литературе о демократической консолидации помимо указанного возродились идеи о политической культуре и обсуждался вопрос о том, как она может быть одним из важных факторов, определяющих консолидацию [Almond, Verba, 1963; Diamond, 1999].

В других работах предпринимались попытки интегрировать структурные и поведенческие подходы к изучению демократии и ее консолидации. Хантингтон [Huntington, 1991] предложил рассматривать сложное сплетение факторов, влияющих на демократизацию, и утверждал, что они меняются в зависимости от того, какая «волна» демократизации рассматривается. Например, по отношению к первой волне (до Первой мировой войны) он подчеркивал важность модернизации, урбанизации, создания среднего класса и уменьшения неравенства [Ibid., p. 39]. Относительно второй волны он смещал акценты на влияние Второй мировой войны и краха империй [Ibid., p. 40]. Что касается третьей волны, то Хантингтон перечисляет пять важных факторов [Ibid., p. 45–46]: 1) кризис авторитарной легитимности, порожденный экономической рецессией, вызванной нефтяными шоками 1970-х годов и международным долговым кризисом 1980-х; 2) рост доходов и повышение образовательного уровня в 1960-е годы; 3) изменения в позиции католической церкви; 4) изменения в позиции международных институтов, Соединенных Штатов и Советского Союза; 5) демонстрационный эффект, или эффект «снежного кома», приведший к «заражению» демократией и ее распространению в мире. Рассмотрение Хантингтоном влияния уровня доходов на демократию мало отличается от данного Липсетом. Он утверждает [Ibid., p. 106],

что демократии в третьей волне содействовал «более высокий уровень экономического благосостояния, который вел к большому распространению грамотности, образования и урбанизации, большей численности среднего класса и развитию ценностей и позиций, поддерживающих демократию». Однако «появления социальных, экономических и внешних условий, благоприятных для демократии, никогда не достаточно для того, чтобы создать демократию. Некоторые политические лидеры, какими бы ни были их мотивы, должны ее хотеть» [Huntington, 1991, p. 108].

Таким образом, структурные условия необходимы, но не достаточны для того, чтобы случилась демократизация. Анализ процесса демократизации Хантингтоном во многих отношениях является отражением подхода О'Доннелла и Шмиттера [O'Donnell et al., 1986]. Он обрисовывает ряд стилизованных акторов режима и оппозиции и утверждает, что демократия возникает тогда, когда сильны определенные группы или происходят определенные серии взаимодействий [Ibid., p. 123–124, 142]. Хантингтон создает не теорию, но скорее таксономию различных случаев, и сосредоточивает внимание на трех путях демократизации.

Ближе к нашему исследованию работа Даля [Dahl, 1971], предложившего простую и привлекательную схему для понимания демократизации. Он так описывает основной вопрос демократизации:

...С точки зрения ныне стоящих у власти должностных лиц, такая трансформация несет с собой новые возможности конфликта, в результате которого их цели (и они сами) могут быть замещены представителями вновь инкорпорированных индивидов, групп или интересов.

Проблема их оппонентов есть зеркальное отражение этого...

Таким образом, чем сильнее конфликт между властью и оппозицией, тем более вероятно то, что каждая из сторон будет стремиться лишиться другой возможностей эффективно участвовать в принятии политических решений... чем больше конфликт между властью и ее оппонентами, тем дороже обходится для каждой из сторон терпеть другую [Ibid., p. 14–15].

Теория демократизации Даля заключается в том, что стоящие у власти демократизируются тогда, когда либо снижаются издержки толерантности по отношению к оппозиции, так что появляется готовность дать ей представительство, либо издержки репрессий становятся слишком высокими [Ibid., p. 15–16]. Затем он делает ряд эмпирических утверждений о факторах, могущих повлиять на эти издержки и, следовательно, вероятность демократизации. В плане механизмов этого процесса, Даль подчеркивал, что демократия возникала, когда власть широко распределялась в обществе (ситуация, которую он называл «плюралистическим» порядком). Именно когда общество становится плюралистическим (что вызывалось, например, ростом доходов и индустриализацией), издержк-

ки репрессий оказываются высокими, а издержки толерантности одновременно — низкими.

В противоположность Муру [Moore, 1966], придававшему особое значение буржуазии и среднему классу, последующие важные и амбициозные исследования (особенно см: [Therborn, 1977; Rueschemeyer et al., 1992]) отмечали важную роль бедных и рабочего класса в процессе демократизации. В их теории трудящиеся классы являются продемократическими и, когда они достаточно сильны, могут навязать демократию. Силловые отношения определяются тремя группами сил. Как отмечали Д. Рюшемейер, Э. Стефенс и Дж. Стефенс:

...Во-первых, есть баланс сил между различными классами и классовыми коалициями.

Он... дополняется двумя другими конфигурациями сил — структурой, силой и автономией государственного аппарата и его взаимосвязями с гражданским обществом, и влиянием транснациональных силовых отношений и на баланс классовых сил и на отношения между государством и обществом.

Главной движущей силой демократизации в их теории является капиталистическое развитие, которое увеличивает могущество рабочего класса [Rueschemeyer et al., 1992, p. 58].

Другая важная работа — исследование С. Хаггарда и Р. Кауфмана [Haggard, Kaufman, 1995], которые сосредотачиваются на том, чтобы продемонстрировать важность экономических кризисов в ускорении демократизаций и затем фокусируются на взаимосвязи между демократизацией, реформами экономической политики и демократической консолидацией. Их работа говорит о том, что главным передаточным механизмом между кризисами и демократическими транзитами является то, что кризисы питают общественное недовольство недемократическими режимами. Например,

...растущие экономические трудности поощряли оппозицию в частном секторе и способствовали мобилизации широких социальных и электоральных движений [Ibid., p. 45].

Они также обнаружили, что

«кампании прямого действия» — протесты против режима, всеобщие забастовки и демонстрации также играли важную роль в уходе авторитаризма [Ibid., p. 63].

Альтернативный теоретический подход к демократизации берет начало в социологической литературе о происхождении государственных институтов. Эта аргументация, ассоциирующаяся в основном с Ч. Тилли

[Tilly, 1990] и Дж. Хербстом [Herbst, 2000] в применении к Африке, видит истоки демократии в процессе формирования государств. Короли нуждались в ресурсах, особенно налогах, чтобы вести войны. Чтобы побудить элиты платить налоги, короли должны были идти на уступки, в том числе и в форме создания институтов представительства. В этом понимании демократия возникает как *quid pro quo* между королем и элитами, где элитам даруется представительство в обмен на налоги. В Африке отсутствие демократии есть следствие особых процессов до- и постколониального формирования государств, означавших, что политическим элитам никогда не приходилось делать уступки гражданам в обмен на налоги для ведения войн.

Эти исследования о формировании государств вдохновили на исследование демократизации Р. Бейтса, Д. Лиена, Р. Роговского и Ч. Тилли [Bates, Lien, 1985; Bates, 1991; Rogowsky, 1998; Tilly, 2004]. Эти ученые утверждают, что демократия, как и происхождение институтов представительства в более общем плане, есть уступка со стороны авторитарных правителей, необходимая для увеличения взимания налогов. Чем более эластичной является налоговая база, тем труднее для авторитарных правителей собирать налоги без согласия, и тем больше вероятность уступок — в данном случае демократии. Поэтому Бейтс [Bates, 1991, p. 25] указывает, что демократия менее вероятна в аграрном обществе, так как землю легче облагать налогами, чем в обществе, где доминирует физический или человеческий капитал. Более того, он выдвигает аргумент о том, что авторитарные правители будут более готовы придерживаться демократии, если они меньше ее боятся. Он связывает это с их экономической властью по отношению к демократии — демократы не могут причинить ущерб прежним элитам, если те обладают существенным экономическим могуществом, возможно, потому что обложение элиты налогами ведет к краху экономики. Роговский [Rogowski, 1998] сходным образом подчеркивает влияние способности граждан к «выходу», ведущему к демократии, — ситуации, в которой «голос» предотвращает «выход»⁶.

И наконец, наша работа строится на литературе, подчеркивающей то, как политические институты могут решать проблемы обязательств.

⁶ В терминологии известного современного теоретика Альберта Хиршмана, «выход» и «голос» — два возможных варианта реакции индивида или коллектива на ухудшение ситуации в его отношениях с той или иной общностью (фирмой, государством и т.д.). «Голос» — это попытка исправить ситуацию через коммуникацию (высказывание недовольства или предложений по улучшению ситуации). «Уход» — прекращение отношений. Подробнее см.: [Hirschman, 1970] («Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States» — «выход, голос и верность: реакция на упадок в фирмах, организациях и государствах». М.: Новое издательство, 2009.). — *Примеч. пер.*

Классической здесь является статья Д. Норта и Б. Вайнгаста [North, Weingast, 1989]; также это было темой ряда важных статей Вайнгаста [Weingast, 1997; 1998].

7. НАШ ВКЛАД

Идеи, представленные в этой книге, базируются на концептуальной структуре, введенной нами [Acemoglu, Robinson, 2000a; 2000b; 2001; 2002]. Там мы рассмотрели вопрос о переходах между режимами в рамках конфликта по поводу распределения, разработали базовую идею демократии как достоверного обязательства элит ради избежания революции и вывели некоторые важные статические результаты, например, зависимость в виде перевернутой *U* между неравенством и демократизацией. Наши исследования впервые дают систематический формальный анализ создания и консолидации демократии.

Мы анализируем эти вопросы в традиции формальной политической экономии; поэтому ищем простые и непротиворечивые объяснения сложных социальных явлений.

Как было сказано выше, такой подход находится несколько за рамками основного направления политологической литературы по транзитологии. Напротив, с 1970-х годов эта литература следовала указанию Линца и Степана [Linz, Stepan, 1978, p. xi] о том, что «историчность макрополитических процессов исключает крайне абстрактные обобщения внеисторичных моделей социальных наук... применимых для всех прошлых времен и всех будущих случаев». Отсутствие теоретических рамок для анализа переходов между режимами даже прославляется некоторыми учеными, в том числе О'Доннелом и Шмиттером [O'Donnell et al., 1986, p. 3], отмечающими: «Ни в начале, ни в конце этого длительного совместного исследования, у нас не было и нет "теории", для проверки или применения к конкретным случаям и тематическим статьям в этих томах». Они продолжают:

...Если бы мы когда-либо имели безрассудство сформулировать теорию таких процессов, это был бы раздел в намного большем исследовании проблемы «недетерминированных» социальных изменений, крупномасштабных трансформаций, которые происходят, когда структурные или поведенческие параметры недостаточны для того, чтобы направлять и предсказывать результат. Такая теория должна была бы включать элементы случая и непредсказуемости, критически важных решений, принятых в спешке и при недостатке информации, акторов, которые сталкиваются с неразрешимыми этическими дилеммами и идеологической путаницей.

В недавнем обзоре литературы по демократизациям в наиболее престижном журнале по сравнительной политике, «World Politics», было отмечено:

Литература по третьей волне предлагает несколько общих положений относительно факторов, облегчающих демократизацию и препятствующих ей. Наиболее примечательны следующие:

1. Есть несколько предпосылок возникновения демократии.
2. Ни один фактор не является достаточным или необходимым для возникновения демократии.
3. Возникновение демократии в какой-либо стране есть результат сочетания причин.
4. Причины, ответственные за возникновение демократии, не те же, что способствуют ее консолидации.
5. Сочетание причин, способствующих переходу к демократии и ее укреплению, варьирует от страны к стране.
6. Сочетание причин, в общем и целом ответственных за одну из волн демократизации, отлично от тех, что ответственны за другие волны [Shin, 1994, p. 151].

Кажется, «общие положения» заключаются в том, что нет никаких общих положений. Мы не спорим с тем, что демократизации, если рассматривать их детально на микроуровне, являются невероятно сложными социальными явлениями. Тем не менее разве нельзя сказать то же самое о любой проблеме, которую хотят понять обществоведы? Чтобы разработать любое систематическое понимание социального мира, следует идти путем упрощения (снова «бритья Оккама») и абстрагирования от многих деталей. Возможно, в этой книге мы принимаем неправильные решения относительно того, каким факторам придавать особое значение и какие игнорировать. Но дать ответ на вопрос о том, так ли это, может лишь научная и эмпирическая полезность теории, а не априорные оценки того, насколько сложен феномен демократизации.

В нашем понимании, общим положением о демократизации было бы эмпирическое утверждение, выведенное из некоей теоретической модели с микрооснованиями, о том, какие силы способствуют демократизации. В нашей теории на это влияет множество факторов. Можно перечислить некоторые из них: межгрупповое неравенство, политические институты, структура экономики, характер и размах глобализации. Наша теория позволяет делать сравнительные статические предсказания следующего типа: при прочих равных условиях, уменьшение неравенства делает более вероятным демократизацию общества с высоким уровнем неравенства. В том или ином обществе с высоким неравенством, таком как Южная Африка в 1980-е годы, демократизация может быть вызвана падением неравенства. Тем не менее это не означает, что падение неравенства — необходимое или достаточное условие для демократизации. В другом недемократическом обществе с высоким уровнем неравенства мы, возможно, увидим, как неравенство падает, но демократизация не происходит,

потому что меняются также и другие факторы (например, степень глобализации), что уменьшает вероятность демократизации.

Несмотря на то что наш подход не легко вписывается в основное направление политологических исследований в области транзитологии, внимательное прочтение этой литературы подтверждает, что конфликты по поводу распределения, на которых мы сосредоточиваем внимание, всеми авторами считаются ключевыми для понимания демократизации и переворотов. Например, хотя О'Доннел и Шмиттер [O'Donnell et al., 1986] подчеркивали, что транзиты совпадают с расколами внутри авторитарных режимов, они признавали что авторитарные режимы либерализуются только тогда, когда они вынуждены это сделать. В своем заключении, они отмечали, что

...можно предложить несколько обобщений... Во-первых, все донные известные переходы к политической демократии соблюдали одно фундаментальное ограничение... права собственности буржуазии неприкосновенны [Ibid., p. 68–69].

Этот вывод не удивителен, учитывая, что «большинство авторитарных режимов в нашей выборке стран намеренно благоприятствовали интересам буржуазии» [Ibid., p. 52]. В других местах в своей работе они также делают утверждения очень созвучные нашему подходу. Например, они утверждают, что в процессе демократизации, «практически всегда присутствует угроза насилия и даже частые протесты, забастовки и демонстрации» [Ibid., p. 11], что является одним из строительных блоков нашего подхода. Интересно, что анализ краха демократии Линца также согласуется с этой базовой идеей [Linz, 1978, p. 14–15, 20].

Наш подход, однако, основывается на различных темах этой литературы. Сердцевину нашей теории составляют балансы факторов, подобные рассмотренным Далем [Dahl, 1971], хотя мы помещаем баланс между репрессиями и демократизацией в более насыщенный контекст, где политические институты играют реальную роль в связи с их влиянием на способность акторов связывать себя обязательствами. Работа Мура [Moore, 1966] также явно вдохновляла наше исследование, как в плане названия книги, так и нашей таксономии «путей демократизации», обрисованных в главе I. Мы сосредоточиваемся только на подгруппе вопросов, которые он изучал, поскольку не занимаемся широкомасштабными исследованиями революций и совершенно игнорируем проблему возникновения фашизма. Также в центре нашего внимания экономические аспекты (в отличие от социологических у Мура), и наш акцент на методологический индивидуализм означает, что мы приводим больше детальных микрооснований, чем он. Очевидным примером этого является связь между силой среднего класса и демократией. Мы выявляем

различные конкретные механизмы, с помощью которых эта сила может влиять на затраты и выгоды демократии для различных агентов и, таким образом, на вероятность того, что она будет создана.

Наше исследование находится в сродном отношении к работам таких ученых, как Терборн [Therborn, 1977], Рюшемейер, Э. и Дж. Стефенс [Rueschemeyer et al., 1992]. Хотя многие темы совпадают, наше исследование значительно отличается, потому что намного подробнее разрабатывает механизмы, увязывающие различные факторы с подъемом и консолидацией демократии. Терборн и Рюшемейер, Э. и Дж. Стефенс рассматривают демократизацию как результат капиталистического развития. Они подчеркивают влияние такого развития на баланс классовых сил в большей степени, чем Липсет, но их оценка основывается на том же эмпирическом факте. Однако они также оказываются не в состоянии объяснить механизм того, как демократия вызывается капиталистическим развитием. В рамках нашего анализа, хотя капиталистическое развитие и может увеличить силу бедных, для того чтобы они могли бросить вызов недемократии, но оно не обязательно ведет к демократии. Например, если такое развитие позволило гражданам создавать постоянную угрозу элите, элита могла бы избежать демократизации с помощью вызывающего доверие перераспределения. Или, если капиталистическое развитие существенно увеличило неравенство и не сделало репрессии дорогостоящими, оно поощрило бы элиту применить репрессии, а не идти на уступки в виде демократизации. Согласно нашему подходу, именно влияние капиталистического развития и на силу граждан, и на баланс репрессий и уступок для элиты определяет судьбу демократии. Более того, наш анализ предполагает, что накопление капитала само по себе может быть недостаточным для того, чтобы вызвать демократию. Скорее именно изменения в структуре активов общества могут быть решающими в изменении затрат и выгод демократии для элиты, что ведет к демократизации.

Эти идеи указывают на тот аспект нашей работы, который является оригинальным и, мы полагаем, важным. Никакие иные авторы не помещали процесс демократизации в контекст выбора между демократией, другими уступками и силовыми методами. Как говорилось в главе II, мы считаем модель, в которой просто утверждается, что бедные хотят демократии и получают ее, если обретут больше силы, слишком простой. Более того, такая теория не отводит реальной роли политическим институтам — а это, конечно, является критически важным шагом в объяснении того, почему и когда возникает демократия.

Ближе всего к этому различие между либерализацией и демократизацией, первоначально сделанное О'Доннелом и Шмиттером. В рамках их концептуальной схемы процесс либерализации всегда предшествует

демократизации. Под либерализацией они имеют в виду «процесс придания действенности некоторым правам, которые защищают и индивидов, и социальные группы от произвольных или незаконных действий, совершаемых государством или третьими лицами. На уровне индивидов эти гарантии включают классические элементы либерализма: *habeas corpus*, «святость» частного жилища и переписки; право на защиту в рамках честного судопроизводства согласно установленным заранее законам; свободу передвижения, слова... и т.д.» [O'Donnell et al., 1986, p. 7]. В той степени, в какой такие меры по либерализации ценятся гражданами, они составляют уступку того типа, который мы здесь изучали (хотя, очевидно, не денежного характера). О'Доннелл и Шмиттер отмечают тот важный момент, что

...либерализация и демократизация не являются синонимами, хотя исторически они близко связаны... без подотчетности обществу и институтам, представляющим большинство, может оказаться, что либерализацией легко манипулировать и отменять ее по прихоти стоящих у власти [Ibid., p. 9].

Упомянутые несколько выше исследования Мура, Терборна и Рюшемейера, Э. и Дж. Стефенс также проблематичны, ибо они исходят из того, что политический конфликт между классами всегда имеет место. Однако многое свидетельствует о том, что необходима более обогащенная концептуальная структура, для того чтобы обеспечить удовлетворительный общий подход к демократии. Разрабатываемая нами структура применима к намного более широкой группе случаев.

Давняя традиция, идущая от Мура и Даля подчеркивает, что демократия не осуществима в аграрных обществах. Рюшемейер, Э. и Дж. Стефенс объясняют причину этого следующим образом: «Землевладельческие высшие классы, зависевшие от большого предложения дешевого труда, были самой последовательной антидемократической силой. Демократизация для них представляла возможность потерять предложение труда» [Rueschemeyer et al., 1992, p. 8]. Хотя такой механизм правдоподобен, опыт Латинской Америки также согласуется с тем, что землевладельческие интересы противостоят демократии, потому что предвидят потерю земли. Именно эту идею мы разрабатываем более интенсивно, наряду со связанными с ней идеями о том, как на цену переворотов влияет структура активов.

Мы подчеркиваем тот факт, что демократия становится возможной перед лицом потенциального конфликта внутри общества [Therborn, 1977; Rueschemeyer et al., 1992]. Наше прочтение исторической литературы говорит о том, что тот тип демократизации, который Коллир [Collier, 1999] называет «проектом элиты», когда политические элиты создают

демократию по каким-то иным причинам без внешнего давления, является настолько редким, что не может служить основанием для каких-либо полезных обобщений. Мы также не думаем, что имеющиеся данные согласуются с представлением о том, что демократия возникает как побочный продукт формирования государства и расширения налоговой базы, возможно, стимулированного внешними угрозами.

В противоположность этому, подход «проекта элиты» часто ассоциируется с О'Доннелом и Шмиттером [O'Donnell et al., 1986], преуменьшает роль внешнего социального давления, ведущего к демократизации и вместо этого придает особое значение конфликту внутри правящего авторитарного режима. Показанные О'Доннелом и Шмиттером расколы среди элит являются частью этого и, несомненно, имели место в ходе многих демократизаций. Коллир применяет этот термин в более широком значении, поскольку она использует его для того, чтобы объяснить некоторые демократизации XIX в., которые якобы имели место в результате того, что зарождающиеся политические партии расширяли избирательные права, чтобы увеличить свою поддержку (классическим примером называют конкуренцию между Дизраэли и Гладстоном по поводу второго Акта о реформе 1867 г.). Наш взгляд в своей основе таков, что расколы среди элит являются проявлением их гетерогенности, но они происходят в первую очередь в ответ на вызов существующей системе со стороны лишенных права голоса граждан. Этот вызов, в сочетании с внутренней гетерогенностью элиты, ведет к различным позициям по отношению к демократии. Мы считаем, что эта точка зрения согласуется с внимательным прочтением О'Доннела и Шмиттера и с данными кейс-стади, на которых основан их анализ. Хаггард и Кауфман [Haggard, Kaufman, 1995, p. 31–32] также признают, что расколы в авторитарных элитах могут быть инициированы кризисами. Что касается Дизраэли и Гладстона, то (как это станет ясным в главе VIII) мы считаем, что это неубедительная интерпретация событий.

Относительно современной литературы по демократической консолидации, наша работа сосредоточивает внимание на более узком круге вопросов. Интересно, что у Линца и Степана [Linz, Stepan, 1996] основания зависимости от исторического пути, который, как они утверждают, существует в каждой демократизации, в действительности держатся на том, как недемократическое наследие влияет на трудности создания различных компонентов консолидации, таких как верховенство права или непатримониальная бюрократия, что выходит за пределы наших исследований, учитывая наш упор на шумпетеровское определение демократии. Хотя эти вопросы интересны, они находятся вне задач этой книги. Главная идея нашего подхода состоит в том, что распределение власти при демократии зависит от многих факторов, включая структуру поли-

тических институтов. Если они варьируют, тоже происходит и с последствиями демократии.

Поскольку наш подход — это подход теории игр, мы, очевидным образом, базируемся на литературе, пытающейся его применять. Эта работа началась с простых игр демократизации, вкратце обрисованных Пшеворским [Przeworski, 1991], который использовал их для того, чтобы проиллюстрировать некоторые из выводов, к которым пришли О’Доннел и Шмиттер [O’Donnell et al., 1986]. Его подход был развит несколькими исследователями, включая Гейтса и Хьюмса [Gates, Humes, 1997], Крессензи [Crescenzi, 1999] и Саттера [Sutter, 2000]. Другие авторы обращались к простым играм, в особенности к «дилемме заключенного», в качестве метафоры того, что происходит во время переворота [Cohen, 1994] или демократизации [Colomer, 2000].

Наш упор на экономические мотивы акторов, участвующих в создании и подрыве демократии, разделяют некоторые из недавних ключевых работ (см., например: [Przeworski, 1991; Haggard, Kaufman, 1995]). Подход Хаггарда и Кауфмана таков:

...Допустим, что возможности политических элит мобилизовать политическую поддержку или оппозицию зависят от того, как экономическая политика и функционирование экономики влияют на доходы различных социальных групп. И совокупная успешность экономики, и распределительные последствия политики везде критически важны для политической жизни, влияя на шансы и стоящих у власти, и оппозиции [Haggard, Kaufman, 1995, p. 6–7].

Тем не менее большинство моделей теории игр, разработанных до сих пор политологами, существует в упрощенной форме, порождает немного проверяемых предсказаний (или вообще никаких) и не в состоянии пролить свет на действующие причинно-следственные механизмы. Под упрощенной формой мы имеем в виду, что выигрыши различных игроков (например, от демократии или диктатуры) представлены в виде чисел или, возможно, переменных вроде x или y . То есть, если я получаю выигрыш 2 от демократии и 3 от диктатуры, я предпочитаю диктатуру; или, напротив, если x — это мой выигрыш от демократии, а y — от диктатуры, и $x > y$, то я предпочитаю демократию. Такие модели не объясняют, почему какой-либо конкретный индивид или группа предпочитает тот режим, который предпочитает; они также не позволяют выводить проверяемые предсказания об обстоятельствах, при которых возникают различные последствия. Что еще более проблематично, они, следуя О’Доннелу и Шмиттеру, определяют предпочтения индивидов через предпочитаемые ими действия. Так, агент определяется как сторонник жесткой линии потому, что он предпочитает диктатуру. Та же проблема возникает при использовании этих идей Хантингтоном [Huntington,

1991]. Как и О’Доннел и Шмиттер, он не объясняет, почему определенные взаимодействия происходили в одних странах, но не в других, и почему продемократические акторы были сильны в одних странах, но слабы в других. Более того, опять-таки остается фундаментально необъясненным, почему кто-либо является сторонником или противником того или иного типа политического режима. В идеале предпочтения индивида относительно следствий режима должны выводиться из более фундаментальных предпочтений относительно доходов или иных вещей, наряду с влиянием тех или иных режимов на эти предпочтения.

Возможно, из-за этой опоры на упрощенные модели данная литература, использующая теорию игр, приняла ту же дихотомию между структурными и политическими подходами в объяснении транзитов между режимами, сторонниками которой впервые стали Линц и Степан в 1970-е годы. Например, Дж. Колоумер [Colomer, 2000], в главе «Структурный подход к политическому изменению против стратегического» утверждает, что

в литературе по режимным изменениям и переходам к демократии можно различить два основных подхода. Один из них подчеркивает структурные, социально-экономические или культурные предпосылки демократии... Другой подход рассматривает политические режимы как результат стратегических процессов изменения. Главная роль здесь придается выбору и взаимодействиям акторов [Ibid., p. 133].

То, что такая дихотомия существует, по-видимому, широко принято в политологии. Д. Шин утверждает:

...Установление жизнеспособной демократии в стране более не рассматривается как продукт высокого уровня модернизации, проявляющегося в богатстве, структуре класса буржуазии, толерантных культурных ценностях и экономической независимости от внешних акторов. Вместо этого, оно рассматривается в большей мере как продукт стратегических взаимодействий и соглашений среди политических элит, сознательного выбора из различных типов демократических конституций, электоральных и партийных систем [Shin, 1994, p. 138–139].

Та концептуальная структура, которую мы разрабатываем, лежит в русле теории игр, при этом и индивиды, и группы ведут себя стратегически, основываясь на индивидуальных мотивациях и стимулах. Но индивиды в ней действуют в рамках социальных и экономических систем, которые и ограничивают их действия, и обуславливают стимулы. Фактически здесь нет дихотомии между структурными и стратегическими подходами — они суть одно.

Таким образом, наш подход заключается в том, чтобы строить намного более обогащенные политэкономические модели, из которых можно вывести эмпирические предсказания о возникновении демократии. В наших моделях предпочтения индивидов заданные, но люди отличаются по доходам, богатству, форме владения богатством или по их возможностям выбора и альтернативам. Из этих основ мы выводим индивидуальные предпочтения по поводу тех или иных типов режимов. Так, если член элиты является сторонником жесткой линии, то поэтому мы можем показать, это «жестколинейное» поведение оптимально для него, учитывая его предпочтения, богатство и возможности. Мы не определяем предпочтения людей по их поведению.

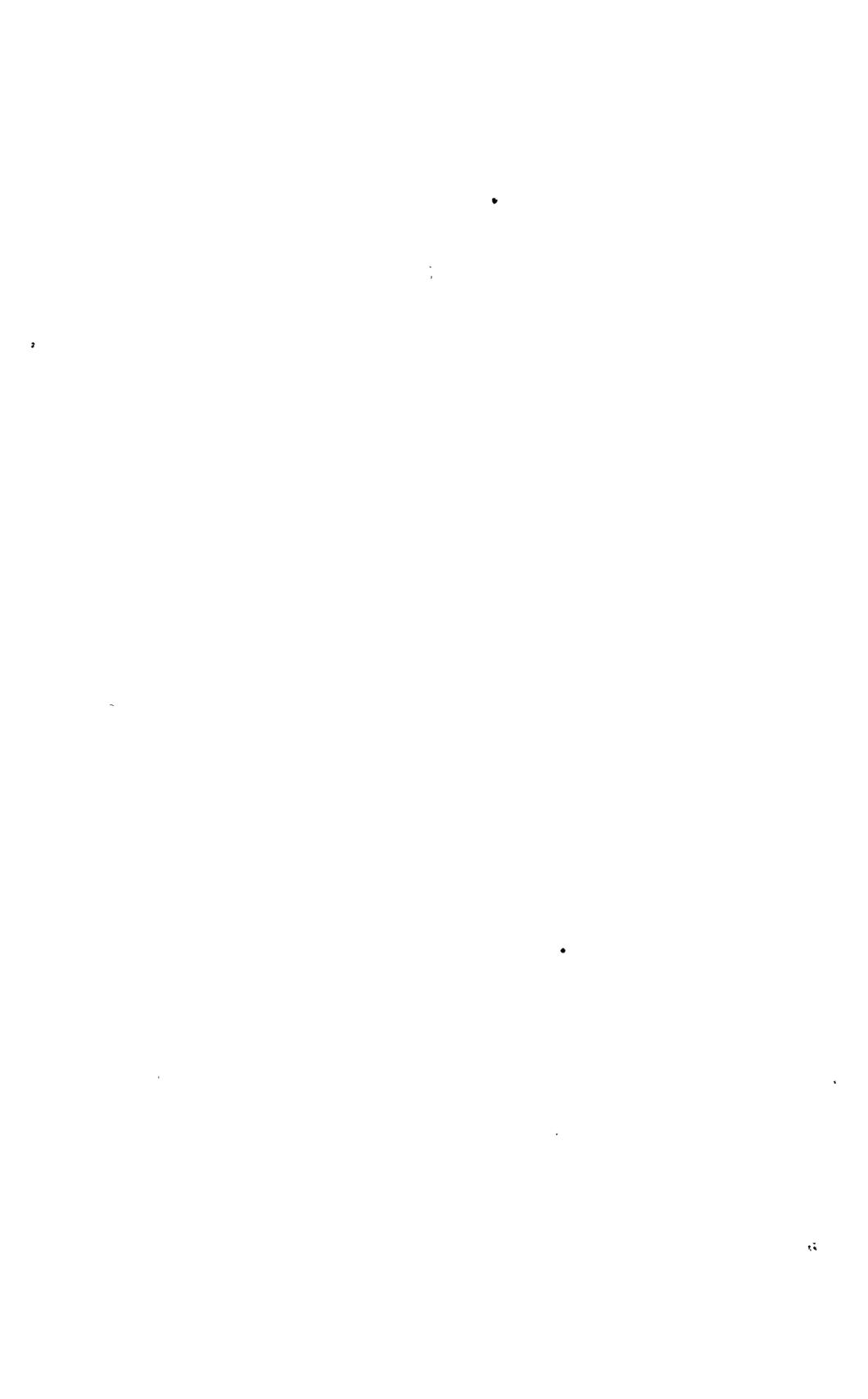
Хотя нам неизвестны исследования такого же масштаба, как наше, наши результаты были дополнены рядом других недавних формальных моделей демократизации. Наибольшее отношение к нашему имеет исследование Б. Розендорфа [Rosendorff, 2001], разработавшего модель для доказательства, что демократизация произошла в Южной Африке, потому что снижающееся неравенство сделало демократию менее угрожающей для белых, — идея, явно связанная с одним из строительных блоков нашего подхода. Недавно вышедшая книга Буа [Boix, 2003] разрабатывает простую статическую версию модели демократизации, выведенную из наших статей [Asemoglu, Robinson, 2001] и близкую к модели, описанной Далем [Dahl, 1971], и применяет ее к имевшим место в истории случаям демократизации, особенно в Швейцарии и Соединенных Штатах. Поскольку его книга использует концептуальную структуру, разработанную нами в предшествующих статьях, она затрагивает некоторые аспекты сравнительной статистики, которые мы анализируем в этой книге. Например, Буа рассматривает идеи о том, как торговля, возможность «выхода» и структура экономики влияют на политику перераспределения и тем самым демократизацию. Исследования М. Эллмана и Л. Уонтчона [Ellman, Wantchekon, 2000] также имеют отношение к нашему анализу переворотов: они показывают, как угроза переворота может влиять на меры, предлагаемые политическими партиями во время выборов. Это часть того, что анализируется нами в главе VII. Статьи И. Фенга и П. Зака [Feng, Zak, 1999], М. Джастмэна и М. Градстейна [Justman, Gradstein, 1999], Дж. Конли и А. Темими [Conley, Temimi, 2001] дают иные формальные модели демократизации. Другое направление в политэкономической литературе (включая и не основанные на формальных методах работы Э. Кайсера и И. Барзела [Kiser, Barzel, 1991; Barzel, 2001], и теоретические модели Э. Грина [Green, 1993], Б. Вайнгаста [Weingast, 1997], М. Градстейна [Gradstein, 2002], Б. Буэно де Мескита, Дж. Морроу, Р. Сайверсона и А. Смита [Bueno de Mesquita et al., 2003] и А. Лиццери и Н. Персико [Lizzeri, Persico, 2004]) строится на той идее, что демократия

добровольно даруется политическими элитами, так как она является решением для некоторых видов провалов рынка и неполноты контрактов. Например, Грин утверждает, что создание законодательных институтов было для правителей способом убедительно передавать информацию. Другие исследования, хотя и отличающиеся в деталях, исходят из того, что правители сталкиваются с серьезной проблемой обязательств, так как не могут использовать третьих лиц для проведения в жизнь своих договоров. Поэтому создание демократии может служить Парето-улучшением, поскольку, отдавая власть, правитель может получить доверие.

Альтернативный формальный подход к демократизации был предложен А. Адесом и Т. Вердые [Ades, Verdier, 1996; Ades, 1995] и Ф. Бургиньоном и Вердые [Bourgoignon, Verdier, 2000]. Их статьи исходят из того, что только богатые граждане могут голосовать и изучают как (для фиксированного порога богатства) изменения в распределении доходов и экономическом развитии влияют на охват населения избирательными правами и, следовательно, на политику равновесия. Иной подход был разработан Д. Тиччи и А. Виндиньи [Ticchi, Vindigni, 2003a], анализирующими модель, в которой страны ведут военные действия друг против друга и политические элиты проводят демократизацию, для того чтобы дать гражданам больше стимулов воевать.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IV. Демократическая политика

1. ВВЕДЕНИЕ

В этой главе мы начинаем анализировать факторы, ведущие к созданию демократии. Как об этом говорилось в главе II, отправной пункт нашего подхода — конфликт по поводу политических институтов, в особенности демократии в противоположность недемократии. Этот конфликт является результатом различных следствий этих режимов. Другими словами, различные политические институты приводят к разным последствиям, создавая победителей и проигравших. Осознавая эти последствия, различные группы имеют предпочтения относительно этих политических институтов.

Поэтому первым шагом к нашему анализу, почему и когда возникает демократия, является конструирование моделей коллективного принятия решений при демократии и недемократии. Литература по коллективному принятию решений при демократии обширна (ее сопровождает меньшее количество публикаций по принятию решений при недемократии). Наша цель не в том, чтобы дать обзор этой литературы, но подчеркнуть сущностно важные моменты того, как индивидуальные предпочтения и различные виды конфликтов по поводу распределения отражаются в экономической и социальной политике. Мы начинаем с анализа коллективного принятия решений в демократиях и обратимся к недемократической политике в главе V.

Основная характеристика демократии заключается в том, что все индивиды (старше определенного возраста) могут принимать участие в голосовании, и голосование влияет на то, какой социальный выбор реализуется и какие меры государственной политики принимаются. В прямой демократии население может голосовать непосредственно по поводу принятия этих мер. В представительной демократии избиратели выбирают правящий орган, который затем решает, какие меры проводить в жизнь. В наиболее простой модели демократии политические партии, желающие прийти к власти, стараются быть избранными, предлагая избирателям политическую платформу. Это может быть налоговая политика, но также может быть любой другой вид экономической или социальной политики. Избиратели затем выбирают политические партии, тем самым косвенно выбирая меры политики. Это взаимодей-

стве между предпочтениями избирателей и партийными платформами определяет, какая политика будет проводиться при демократии. Одна партия выигрывает выборы и воплощает в жизнь обещанную политику. Этот подход, который мы принимаем в большей части нашей книги, основывается на ряде важных исследований в экономике и политической науке, особенно работах Х. Хоутллина [Hotelling, 1929], Д. Блака [Black, 1948] и А. Даунса [Downs, 1957].

Несомненно, в реальном мире есть важные институциональные характеристики демократий, которых нет в такой модели, и отсутствие их делает наш подход только грубым приближением к реальности. Партии редко дают убедительные обязательства относительно какой-либо из политических мер и борются на выборах не вокруг одной проблемы, но на основе широких платформ. Вдобавок к этому, партии могут быть мотивированы узкопартийными (т.е. идеологическими) предпочтениями, так же как и просто желанием быть у власти. Избиратели также могут иметь предпочтения относительно партийных идеологий, а не только предлагаемых партиями мер. Правила проведения выборов различны: некоторые страны выбирают политиков на основе пропорционального представительства с многомандатными округами, в других используются мажоритарные избирательные системы с одномандатными округами. Эти избирательные механизмы по-разному определяют, как голоса преобразуются в места в парламенте и, следовательно, в правительстве. Одни демократии президентские, другие — парламентские. Часто имеются разделения во власти, когда меры государственной политики определяются торгом между различными партиями в парламенте или каким-то соглашением между президентом и парламентом, а не конкретной платформой, предлагаемой какой-либо партией на выборах. И последнее (но не менее важное) обстоятельство заключается в том, что группы интересов влияют на меры государственной политики через иные каналы помимо голосования, включая лоббирование и, в предельных случаях, коррупцию.

Многие из этих характеристик могут быть добавлены в наши модели, и эти усовершенствованные модели часто позволяют делать различные предсказания по некоторому кругу вопросов¹. Тем не менее нашим первоначальным и главным намерением является не сравнение различных типов демократий, но понимание главных отличий между демократиями и недемократиями. Например, хотя в Соединенных Штатах есть президент, а в Великобритании — нет, никто не утверждает, что это влияет

¹ Например, эмпирические данные, по-видимому, говорят о том, что избирательные системы с пропорциональным представительством ведут к большему перераспределению доходов, чем мажоритарные институты (см.: [Austen-Smith, 2000; Milesi-Feretti et al., 2002; Persson, Tabellini, 2003]).

на относительную степень их демократичности. Демократия совместима с существенными институциональными вариациями. Поэтому мы сосредоточиваем внимание на более простых моделях коллективного принятия решений в демократиях, делая акцент на их общие элементы. Для этой цели мы подчеркиваем, что демократии — это ситуации относительного *политического равенства*. В совершенной демократии каждый гражданин имеет один голос. В более общем плане в демократии предпочтение большинства граждан значимо при определении политических результатов. В недемократии это не так, потому что только некая подгруппа населения имеет политические права. В общем и целом, мы трактуем недемократию как противоположность демократии: в то время как демократия приближается к политическому равенству, недемократия обычно есть ситуация *политического неравенства*, с большей властью в руках какой-либо элиты.

Помня об этой противоположности, в данной главе мы пытаемся выдвинуть на первый план некоторые общие темы в демократической политике. Позднее мы вернемся к вопросу об институциональных вариациях в рамках демократий. Хотя этим не меняется основное направление нашей аргументации, это важно, потому что может повлиять на характер политических мер, возникающих в демократии, и тем самым на выигрыши и для элит, и для граждан.

2. АГРЕГИРОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Начнем с некоторых понятий и проблем, встающих перед теорией социального (или коллективного) выбора, задача которой — определить, как агрегировать индивидуальные предпочтения в «предпочтения общества», когда учитываются предпочтения всех граждан. Это важно, потому что мы хотим понять, что происходит в демократии. Когда все люди могут голосовать, какие меры выбираются?

Чтобы привести в порядок эти идеи, полезно представить себе политику правительства как пропорциональное налогообложение доходов и какое-либо перераспределение полученных в виде налогов средств. Как правило, индивиды различаются по своим вкусам и доходам, и поэтому имеют различные предпочтения в том, что касается мер государственной политики, например, уровня налогообложения, перераспределения и обеспечения общественными благами. Однако даже если люди идентичны по своим предпочтениям и доходам, все равно имеет место конфликт по поводу политики правительства. В мире, где индивиды хотят максимизировать свои доходы, у каждого человека будет ясное предпочтение: установите относительно высокий уровень налогов на все доходы, кроме моего, и затем перераспределите все полученное в мою

пользу! Как же тогда нам агрегировать эти очень разные предпочтения? Выберем ли мы одного индивида, который получит все доходы? Или перераспределения такого типа не будет? Или же будет какой-то совершенно иной результат?

На все эти вопросы косвенным образом дает ответ основополагающее исследование К. Эрроу [Arrow, 1951] по коллективному принятию решений. Поразительный, но, по размышлению, разумный результат, полученный Эрроу, заключается в том, что при слабых допущениях единственный способ, каким общество может делать последовательные акты выбора в таких ситуациях, это сделать одного из членов диктатором в том смысле, что только его предпочтения будут значимы при определении коллективного выбора. Если говорить точнее, Эрроу доказал *теорему (не)возможности*, продемонстрировав, что даже если индивиды имеют благоразумные рациональные предпочтения, обычно невозможно агрегировать эти предпочтения, чтобы определить, что случилось бы в демократии. Это так, потому что агрегирование индивидуальных рациональных предпочтений не обязательно ведет к отношению социального предпочтения, которое рационально в том смысле, что позволяет «обществу» принять решение относительно того, что делать.

Теорема Эрроу — это фундаментальный и глубокий результат в политической науке (и экономике). Она основывается на важной и простой особенности политики: *конflikте интересов*. Различные распределения ресурсов и различные социальные решения и меры государственной политики создают *победителей* и *проигравших*. Трудность в формировании социальных предпочтений в том, как агрегировать желания различных групп, когда одни из них предпочитают одну меру или распределение, а другие — иную. Например, как нам агрегировать предпочтения богатых сегментов общества, которым не нравятся высокие налоги, перераспределяющие их доходы не в их пользу, и предпочтения бедных слоев, которым нравятся высокие налоги, перераспределяющие доходы в их пользу? Конфликты интересов между различными социальными группами, часто между бедными и богатыми, лежат в основе всех обсуждаемых вопросов и полученных результатов в этой книге. Фактически, рисуемый нами контраст между демократией и недемократией касается именно того, в чью сторону склоняется при этих режимах баланс власти — в пользу элит или граждан, в пользу богатых или бедных.

Тем не менее теорема Эрроу не утверждает, что ни в каком случае нельзя агрегировать конфликтующие предпочтения. Нужно точнее знать сущность индивидуальных предпочтений и то, как общество примиряет конфликты интересов. Нужно точнее установить, что составляет власть, в чем она выражается и как применяется. Когда мы это знаем, то можем видеть, что возможен определенный социальный выбор, потому

что, хотя люди и различаются по тому, чего они хотят, между различными индивидами есть определенный баланс власти. Такой баланс власти возникает во многих ситуациях, самая знаменитая из которых будет рассматриваться в контексте теоремы о медианном избирателе (ТМИ) в следующем подразделе.

Чтобы идти дальше, полезно также уточнить, при каких институтах принимаются коллективные решения. В частности, мы хотим сформулировать проблему коллективного выбора в виде игры, которая может иметь несколько разновидностей. Например, в основной модели Даунса, которую мы вскоре будем рассматривать, игра идет между двумя политическими партиями. В модели диктатуры, которая будет представлена в главе V, игра идет между диктатором и лишенными права голоса гражданами. Когда этот шаг сделан, поиск определенных вариантов социального выбора равнозначен поиску равновесия Нэша в соответствующих играх.

3. ОДНОПИКОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ТЕОРЕМА О МЕДИАННОМ ИЗБИРАТЕЛЕ

3.1. Однопиковые предпочтения

Для начала будем более точны относительно индивидуальных предпочтений по поводу социального выбора и мер государственной политики. В экономическом анализе мы представляем предпочтения людей с помощью функции полезности, которая позволяет им ранжировать различные альтернативы. Мы налагаем правдоподобные ограничения на эти функции полезности: например, они обычно возрастают (чем больше какого-либо блага, тем лучше) и предполагается, что они вогнутые — допущение, воплощающее идею убывающей предельной полезности. Поскольку мы хотим понять, какой выбор индивиды сделают, когда их целью является максимизация полезности для себя, нас обычно интересует, как выглядит функция полезности. Одно из важных свойств, которым обладает функция полезности, — «однопиковость».

Грубо говоря, индивидуальные предпочтения однопиковы по отношению к государственной политике или варианту социального выбора, если индивид имеет некоторую предпочитаемую политическую меру; чем дальше от предпочитаемой им точки (в любом направлении), тем менее привлекателен выбор. Мы можем более формально определить однопиковые предпочтения. Во-первых, имея в виду последующие применения, определим q как выбор по поводу меры государственной политики; Q как множество всех возможных вариантов выбора по поводу таких мер с упорядочиванием «>» относительно этого множества

(опять-таки, если эти варианты выбора просто одномерны — например, ставки налогообложения — это упорядочивание естественно, потому что просто говорить о более высоких и более низких ставках налогообложения); и $V^i(q)$ как косвенную функцию полезности индивида i , где $V^i : Q \rightarrow \mathbb{R}$. Это просто максимизированное значение полезности, учитывающее конкретные значения переменных мер политики. Именно эта косвенная функция полезности отражает индуцированные предпочтения i . Идеальная точка (иногда называемая «политической точкой удовлетворения») этого индивида, q^i , такова, что $V^i(q^i) \geq V^i(q)$ для всех иных $q \in Q$. Однопиковые предпочтения могут быть более формально определены следующим образом:

Определение IV.1 (Однопиковые предпочтения). Предпочтения избирателя i по поводу мер государственной политики однопиковы тогда и только тогда, когда

$$q'' < q' < q^i \text{ или если } q'' > q' > q^i, \text{ то } V^i(q'') < V^i(q').$$

Строгая вогнутость $V^i(q)$ достаточна для того, чтобы предпочтения были однопиковы².

Также полезно дать определение медианному индивиду, обозначаемому как M . Рассмотрим общество с количеством индивидов n ; тогда медианный индивид таков, что есть ровно столько же индивидов с $q^i < q^M$, как и с $q^i > q^M$, где q^M — идеальная точка медианного индивида.

Допущение о том, что люди имеют однопиковые предпочтения, есть ограничение, налагаемое на множество допустимых предпочтений. Однако это ограничение реально касается не формы или природы присущих людям вкусов или функций полезности относительно благ или дохода. Оно есть утверждение о предпочтениях людей относительно социального выбора или результатах мер государственной политики (актов выбора, по поводу которых люди голосуют, таких как уровень налогообложения). Поэтому мы обращаемся к «косвенной функции полезности». Чтобы вывести индуцированные предпочтения людей, нужно

² На самом деле, более слабое понятие строгой квазивогнутости это все, что необходимо для того, чтобы V^i была однопиковой. Однако во всех примерах, использованных в этой книге, V^i строго вогнута, так что мы не вводим понятие квазивогнутости. Также можно дать определение однопиковых предпочтений со слабыми неравенствами, например если $q'' \leq q' \leq q^i$ или если $q'' \geq q' \geq q^i$, то $V^i(q'') \leq V^i(q')$. В этом случае соответствующим понятием была бы квазивогнутость (или вогнутость). Такая формулировка допускает безразличие по поводу выбора мер государственной политики (т.е. функция полезности может быть ровной относительно ряда таких мер). Мы находим интуитивно более уместным исключить этот случай, нерелевантный для изучаемых в этой книге моделей.

рассмотреть не только их изначальные предпочтения, но также и структуру окружающей среды и институтов, в которых они формируют свои индуцированные предпочтения. Обычно оказывается, что особенности этой среды являются решающими в предопределении того, будут ли индуцированные предпочтения людей однопиковыми.

В этой книге мы часто делаем допущения, для того чтобы гарантировать однопиковость индивидуальных предпочтений. Является ли это ограничение разумным? Обеспечение того, чтобы предпочтения по поводу мер государственной политики были однопиковыми, предполагает существенные ограничения относительно множества альтернатив, по поводу которых избиратели могут голосовать. Эти ограничения часто должны принимать форму ограничений разновидности мер, которые может применять власть, например, исключение налогообложения всех для перераспределения доходов в пользу одного индивида или исключение трансферов в пользу конкретного лица. Исходная посылка о том, что предпочтения однопиковы, опять же является применением «бритвы Оккама». Мы пытаемся построить упрощенные модели сложных социальных феноменов и, фокусируясь на ситуациях, где имеет место ТМИ или ее аналоги, делаем допущение о том, что в реальности демократические процессы принятия решений действительно ведут к формированию последовательного большинства «за» или «против» различных мер государственной политики или вариантов выбора. Это представляется вполне разумной посылкой.

Обширная политологическая и политэкономическая литература сосредоточивает внимание на анализе таких однопиковых предпочтений. Это происходит потому, что однопиковые предпочтения порождают знаменитую и влиятельную ТМИ, которая является простым способом определения равновесных мер государственной политики на основе множества индивидуальных предпочтений. В этой книге мы либо следуем практике исходить из однопиковости предпочтений, используя ТМИ, либо просто фокусируемся на политическом обществе, состоящем из немногих различных групп (например, богатых и бедных), в котором легко определить социальный выбор (см. подраздел 4.2). Это так потому, что в центре нашего внимания не конкретные демократические институты, способные агрегировать предпочтения в отсутствие неоднородных предпочтений, но некоторые общие следствия демократической политики.

3.2. Теорема о медианном избирателе

Теперь давайте перейдем к анализу ТМИ, выведенной Блэком [Black, 1948]. Мы можем использовать ограничения на предпочтения с целью

продемонстрировать, что индивидуальные предпочтения могут быть агрегированы в тот или иной вариант социального выбора. ТМИ говорит нам не только о том, что такой выбор существует, но также и о том, что результатом голосования большинства в ситуации с однопиковыми предпочтениями будет идеальная точка «медианного избирателя». Есть разные способы сформулировать ТМИ. Мы сделаем это сначала в рамках простой модели прямой демократии с открытой повесткой дня. В прямой демократии индивиды голосуют прямо по поводу пар альтернатив (некоторых $(q, q' \in Q)$); та альтернатива, что получает большинство голосов, побеждает. Когда имеется открытая повестка дня, любой индивид может предложить новое «парное» голосование, выставляя любую альтернативу против победившей в предыдущем голосовании.

Теорема IV.1 (Теорема о медианном избирателе). *Рассмотрим множество вариантов выбора мер государственной политики $Q \subset \mathbb{R}$; пусть $q \in Q$ будет мерой государственной политики и пусть M будет медианным избирателем с идеальной точкой q^M . Если все индивиды имеют однопиковые предпочтения относительно Q , то (1) q^M всегда побеждает любую другую альтернативу $q' \in Q$ с $q' \neq q^M$ при голосовании по поводу пары альтернатив; (2) q^M побеждает в прямой демократии с открытой повесткой дня.*

Чтобы увидеть аргументацию, лежащую в основе этой теоремы, представим себе, что индивиды голосуют в ходе соперничества между q^M и некоторой мерой $\tilde{q} > q^M$. Поскольку предпочтения однопиковы, все индивиды, имеющие идеальные точки меньше, чем q^M , строго предпочитают q^M в сравнении с \tilde{q} . Это следует из того, что косвенные функции полезности снижаются монотонно по мере удаления от идеальных точек индивидов. В этом случае, поскольку срединный избиратель предпочитает q^M в сравнении с \tilde{q} , этот индивид и все остальные с идеальными точками меньшими, чем q^M , составляют большинство, так что q^M побеждает \tilde{q} при голосовании по поводу пары альтернатив. Эту аргументацию легко применить, для того чтобы показать, что любая \tilde{q} , где \tilde{q} меньше, чем q^M , побеждается q^M (теперь все индивиды с идеальными точками большими, чем q^M , голосуют против \tilde{q}). Применяя такие рассуждения, можно увидеть, что мерой государственной политики, побеждающей при прямой демократии, должна быть q^M — это идеальная точка медианного избирателя, который явным образом имеет стимул предлагать эту меру.

Почему это работает? Когда предпочтения граждан однопиковы, и коллективный выбор осуществляется в одной плоскости, несмотря на то, что предпочтения индивидов различаются, определенный коллек-

тивный выбор возникает. Интуитивно понятно, что это так потому что можно разделить людей на тех, кто хочет больше q и тех, кто хочет меньше, и баланс между этими группами осуществляет именно медианный избиратель. Предпочтения могут быть агрегированы в решение, потому что люди, предпочитающие уровни q меньшие, чем q^M , не имеют ничего общего с теми, кто предпочитает уровни q большие, чем q^M . Поэтому никакая подгруппа людей, предпочитающих низкое q не может когда-либо объединиться с какой-либо подгруппой предпочитающих q , для того чтобы составить альтернативное большинство. Именно такие «периферийные» большинства препятствуют формированию определенного социального выбора, и они не могут формироваться в условиях однопиковых предпочтений.

Таким образом, ТМИ делает четкие предсказания о том, какие меры государственной политики победят, когда предпочтения однопиковы и общество является прямой демократией с открытой повесткой дня.

На данном этапе полезно представить себе модель, лежащую в основе теоремы IV.1 как игру в расширенной форме. В такой игре есть три элемента [Osborne, Rubinstein, 1994, p. 89–90]: 1) множество игроков — здесь n индивидов; 2) описание дерева игры, определяющее, когда и какие игроки играют и какие действия доступны им на каждом узле дерева в ситуации выбора; 3) предпочтения индивидов, выраженные в виде $V^i(q)$. (В теории игр предпочтения и функции полезности часто называются *выигрышами* и *функциями выигрышей* (payoffs and payoff functions); мы используем эти термины как взаимозаменяемые.) Игрок выбирает какую-либо стратегию, для того чтобы максимизировать эту функцию, где стратегия есть функция, определяющая, какое действие предпринимать на каждом шагу, на котором игрок должен принять решение³. Стратегия здесь просто то, как голосовать при различных парных сравнениях. Основная идея решения для такой игры — равновесие Нэша, которое является множеством n стратегий, когда у каждого игрока одна стратегия, так что ни один игрок не может увеличить свой выигрыш, односторонне сменив стратегию. По-другому это можно сказать так: стратегии игроков должны быть взаимными лучшими ответами. Мы также широко используем усовершенствование равновесия Нэша — понятие равновесия Нэша, совершенного на подыграх, в котором стратегии игроков должны быть лучшими взаимными ответами на каждую должную подыгру, а не только на всю игру. (Соотношение этих двух понятий обсуждается в главе V.) Тем не менее в сравнении с рассматриваемыми сейчас моделями, допущение об открытой повестке дня затрудняет более тщательное описание игры. Чтобы сделать это, нам нужно было бы

³ В этой книге мы рассматриваем только чистые стратегии.

точнее сформулировать, кто и какие может предлагать альтернативы и когда и как принимаются такие решения.

3.3. Соревнование партий по Даунсу и конвергенция политики

Предыдущий пример исходил из прямой демократии, институционального устройства, в котором индивиды прямо голосуют по поводу политических мер. На практике большинство демократических обществ приближается к модели представительной демократии, где индивиды голосуют на выборах за партии, и победитель на выборах затем осуществляет меры государственной политики. Что значит ТМИ для партийных платформ?

Чтобы ответить на этот вопрос, представим себе общество с двумя партиями, конкурирующими на выборах, предлагая политические меры в одной плоскости. Индивиды голосуют за партии, и мера, предложенная победившей партией, воплощается в жизнь. Эти две партии заботятся только о том, чтобы прийти к власти. В сущности, такова модель, рассмотренная в основополагающем исследовании Даунса [Downs, 1957], хотя его аргументация была в значительной степени предвосхищена Хоутллингем [Hotelling, 1929].

Как проголосуют избиратели? Они ожидают, что при приходе к власти любой из партий будет реализована предлагаемая ей политика. Таким образом, представим ситуацию, в которой две партии, A и B , предлагают две альтернативные политические меры (например, ставки налога) — $q_A \in Q$ и $q_B \in Q$ — в том смысле, что они дали *убедительное обязательство* относительно реализации ставок налога q_A и q_B , соответственно. Пусть $P(q_A, q_B)$ будет вероятность того, что партия A завоевывает власть, когда партии предлагают политическую платформу (q_A, q_B) . Вероятность победы партии B , естественно, $1 - P(q_A, q_B)$. Теперь мы можем ввести простую объективную функцию для партий: каждая партия получает ренту или выгоду $R > 0$, когда она приходит к власти, и 0 в противном случае. Ни одна из партий не заботится о чем-либо еще. Более формально можно сказать, что партии выбирают политические платформы, для того чтобы решить следующую пару проблем максимизации:

$$\text{партия } A: \max_{q_A \in Q} P(q_A, q_B)R; \quad (\text{IV.1})$$

$$\text{партия } B: \max_{q_B \in Q} (1 - P(q_A, q_B))R.$$

Если большинство населения предпочитает q_A в сравнении с q_B , то они проголосуют за партию A и мы получим $P(q_A, q_B) = 1$. Если они предпочитают q_B в сравнении с q_A , то изберут партию B и мы получим $P(q_A, q_B) = 0$. И наконец, если одно и то же число избирателей предпочитает одну меру

другой, можно думать, что будет избрана одна из этих партий с вероятностью $1/2$, так что $P(q_A, q_B) = 1/2$ (хотя точное значение $P(q_A, q_B)$ в этом случае неважно для предсказываемых моделью результатов).

Поскольку предпочтения однопиковы, из теоремы IV.1 мы знаем, что выбор избирателей ставки налога q_A или q_B зависит от предпочтений медианного избирателя. Говоря более конкретно: пусть медианный избиратель снова будет обозначен буквой M . Тогда из теоремы IV.1 немедленно вытекает, что, если $V^M(q_A) > V^M(q_B)$, мы получим большинство в пользу партии A , а не B . Противоположный исход имеет место, когда $V^M(q_A) < V^M(q_B)$. Наконец, если $V^M(q_A) = V^M(q_B)$, одна из партий придет к власти с вероятностью $1/2$. Таким образом, мы имеем

$$P(q_A, q_B) = \begin{cases} 1, & \text{если } V^M(q_A) > V^M(q_B) \\ \frac{1}{2}, & \text{если } V^M(q_A) = V^M(q_B) \\ 0, & \text{если } V^M(q_A) < V^M(q_B). \end{cases} \quad (\text{IV.2})$$

Разработанную нами модель можно проанализировать как игру более явным образом, чем модель прямой демократии в предыдущем разделе. Эта игра состоит из следующих трех стадий.

1. Две политические партии, не сотрудничая, избирают свои платформы (q_A, q_B) .
2. Индивиды голосуют за ту партию, которую предпочитают.
3. Любая из этих партий, победив на выборах, приходит к власти и реализует ту меру, которую она обещала на первой стадии.

В этой игре $n + 2$ игрока: n граждан с функциями выигрыша $V^i(q)$ и две политические партии с функциями выигрыша, данными в (IV.1). Индивидуальные избиратели не предлагают политические платформы, это делают только партии одновременно на первой стадии игры. Партии должны выбрать действие $q_j \in Q$ для $j = A, B$, и граждане опять-таки должны голосовать. Таким образом, в этой модели равновесие Нэша, совершенное на подыграх, было бы множеством $n + 2$ стратегий, по одной для каждой из политических партий и по одной для каждого из n избирателей, что определило бы, какие политические меры предложили партии и как проголосовали бы избиратели. Если такое множество стратегий составило бы равновесие, то ни одна из партий и никто из избирателей не мог бы улучшить свой выигрыш, изменив стратегию (например, предложив иную меру — для партий или проголосовав по другому — для избирателей).

Однако в настоящей модели мы можем упростить описание равновесия Нэша, совершенного на подыграх поскольку, учитывая вектор политических мер $(q_A, q_B) \in Q \times Q$, избиратели просто голосуют за партию, предлагающую меру, ближайшую к их идеальной точке, и поскольку предпочтения однопиковы, то из ТМИ следует, что победитель на таких выборах определяется (IV.2). Поэтому единственное интересное стратегическое взаимодействие осуществляется между партиями. Более формальным образом игру можно решить обратной индукцией. Чтобы осуществить это, мы начинаем с конца игры и идем назад. Партии привержены платформам, так что, какая бы партия ни победила, она осуществляет ту меру, которую предлагала на выборах. Тогда (IV.2) определяет, какая партия победит, и, учитывая это на начальной стадии игры, партии избирают меры для того, чтобы максимизировать свой выигрыш (IV.1).

Из этого следует, что равновесие Нэша, совершенное на подыграх, сводится к паре мер (q_A^*, q_B^*) , таких что q_A^* максимизирует $P(q_A, q_B^*)R$, принимая как данность равновесный выбор партии B, и одновременно q_B^* максимизирует $(1 - P(q_A^*, q_B))R$, принимая как данность равновесный выбор партии A. В этом случае ни одна из партий не может улучшить свой выигрыш, избирая альтернативную стратегию (или, на языке теории игр, «отклоняясь от стратегии»).

Формальным образом, следующая теорема характеризует уникальное равновесие Нэша, совершенное на подыграх в этой игре.

Теорема IV.2 (Теорема Даунса о конвергенции политики). *Рассмотрим вектор выбора мер государственной политики $(q_A, q_B) \in Q \times Q$, где $Q \subset \mathbb{R}$, и две партии A и B, которые заботятся только о приходе к власти и могут связать себя политическими платформами. Пусть M будет медианным избирателем с идеальной точкой q^M . Если все индивиды имеют однопиковые предпочтения относительно Q, то в равновесии Нэша, совершенном на подыграх, обе партии выберут платформы $q_A^* = q_B^* = q^M$.*

Иными словами, обе партии сходятся в том, чтобы предложить именно идеальную точку медианного избирателя. Чтобы увидеть, почему существует такая конвергенция политики, представим себе конфигурацию, когда обе партии предложили меры q_A и q_B , такие что $q_A < q_B \leq q^M$. В этом случае $V^M(q_A) < V^M(q_B)$ в силу того, что предпочтения медианного избирателя однопиковы. Поэтому будет явное большинство в пользу меры партии B, а не A; следовательно, $P(q_A, q_B) = 0$, и партия B победит на выборах. Ясно, что A имеет стимул увеличить q_A до некоторой $q \in (q_B, q^M)$, если $q_B < q^M$, чтобы выиграть выборы, и до $q = q^M$, если

$q_B = q^M$, чтобы иметь шанс победить на выборах с вероятностью $1/2$. Следовательно, конфигурация платформ такая, что $q_A < q_B \leq q^M$, не может быть равновесием. Тот же аргумент применим и в случае, если $q_B < q_A \leq q^M$ или если $q_A > q_B \geq q^M$ и т.д.

Далее, рассмотрим конфигурацию, где $q_A = q_B < q^M$. Может ли это быть равновесием? Ответ: нет. Если обе партии предлагают одну и ту же меру, то $P(q_A, q_B) = 1/2$ (следовательно, $1 - P(q_A, q_B) = 1/2$ также). Но тогда если A слегка увеличивает q_A , так что $q_B < q_A < q^M$, то $P(q_A, q_B) = 1$. Ясно, что единственное равновесие предполагает $q_A = q_B = q^M$ с $P(q_A = q^M, q_B = q^M) = 1/2$ (следовательно, $1 - P(q_A = q^M, q_B = q^M) = 1/2$). Это равновесие, поскольку никакая партия не может предложить альтернативную меру (т.е. осуществить отклонение) и увеличить вероятность своей победы. Например, если $q_A = q_B = q^M$ и A изменяет свою политическую меру при фиксированном предложении меры B , мы получаем $P(q_A, q_B) = 0 < 1/2$ для $q_A > q^M$ или $q_A < q^M$. Поэтому $q_A = q^M$ есть лучший ответ на $q_B = q^M$. Аналогичным аргументом устанавливается, что $q_B = q^M$ — есть лучший ответ на $q_A = q^M$.

Как было отмечено, ТМИ не просто подразумевает условие, что предпочтения людей однопиковы. Мы требуем, чтобы политическое пространство было одномерным. В условиях теоремы IV.1 мы заявили, что меры должны принадлежать подмножеству действительных чисел ($Q \subset \mathbb{R}$). Это так поскольку, хотя идея однопиковых предпочтений естественным образом распространяется на несколько измерений политических предпочтений, в случае ТМИ этого не происходит.

Тем не менее если мы хотим моделировать ситуации, есть различные способы действия, когда коллективный выбор многомерен. Во-первых, несмотря на теорему К. Эрроу, может быть так, что тот тип баланса власти между конфликтующими интересами, что мы видели в ТМИ, устанавливается и при нескольких измерениях предпочтений. Чтобы это было в целом верно, нужно не просто заявить, что предпочтения будут однопиковыми, но также что идеальные точки избирателей будут распределяться определенным образом. Важные теоремы такого рода разработаны Ч. Плоттом [Plott, 1967] и Р. МакКилви и Н. Шоуфилдом [McKelvey, Schofield, 1987] (подробнее см.: [Austen-Smith, Banks, 1999, ch. 5]). Также некоторые идеи относительно однопиковых предпочтений, в особенности идея предпочтений с ограниченным значением (value-restricted preferences), распространяются и на многомерные пространства политических мер (см., например: [Grandmont, 1978]). Ограничения этого типа допускают существование того типа «баланса власти», что возникает в ТМИ и в многомерном пространстве политических программ.

Во-вторых, как только мы вводим в модель неопределенность, равновесия часто существуют, даже если пространство политических мер

многомерно. Это так называемая вероятностная модель голосования [Lindbeck, Weibull, 1987; Coughlin, 1992; Dixit, Londregan, 1996; 1998], которая анализируется в приложении к этой главе (см. с. 467 наст. изд.).

В-третьих, следуя М. Осборну и А. Сливински [Osborne, Slivinski, 1996] и Т. Безли и Коуту [Besley, Coate, 1997], как только мы сделаем допущение о том, что политики не могут связывать себя приверженностью заявленным политическим мерам, можно установить существование равновесия со многими измерениями мер государственной политики. Интуитивно ясно, что когда политики не могут связывать себя приверженностью произвольным мерам, для того чтобы обеспечить большинство, устраняются многие возможности для циклических коалиций.

В данном подразделе мы будем называть этот вид политической конкуренции политической конкуренцией Даунса. Главный результат этого подраздела — теорема IV.2, возникающая из этого вида конкуренции, содержит два важных следствия: (1) конвергенцию политики, т.е. обе партии выбирают одну и ту же политическую платформу, и (2) то, что эта политическая платформа совпадает с политикой, которой отдает наибольшее предпочтение медианный избиратель. Как мы демонстрируем в приложении, в других моделях политической конкуренции — например, с идеологизированными избирателями или идеологическими партиями — может тем не менее быть конвергенция политики, но такая конвергенция может не быть политикой, наиболее предпочитаемой медианным избирателем. Конвергенция может и отсутствовать, тогда политика равновесия частично определяется предпочтениями политических партий.

4. НАШИ МОДЕЛИ — РАБОЧИЕ ЛОШАДКИ

В этом разделе мы вводим некоторые из основных моделей, используемых во всей книге. Как уже было объяснено, наша теория демократии и демократизации основана на идее политического и распределительного конфликта и, для того чтобы изолировать основные взаимодействия, мы используем модели чистого перераспределения, где доходы, полученные от пропорционального налогообложения, одновременно перераспределяются гражданам. Вдобавок к этому главный конфликт имеет место между теми, кто теряет от перераспределения, и теми, кто от него выигрывает, — двумя группами, часто осмысливаемыми нами как богатые и бедные. Поэтому двухклассовая модель, состоящая только из богатых и бедных, является естественным исходным пунктом. Эта модель рассматривается в следующих трех подразделах. Другим преимуществом двухклассовой модели является то, что она будет оставаться в силе (в чем-то аналогично ТМИ), даже если пространство политиче-

ских мер многомерно. Это происходит потому, что бедные являются большинством, а мы ограничиваем политическое пространство таким образом, что никогда не может возникнуть никакой конфликт между бедными. Вследствие этого никакое подмножество бедных никогда не находит выгодным формировать «периферийную» коалицию с богатыми. В этом случае политические меры, предпочитаемые бедными, берут верх над мерами, предпочитаемыми богатыми. В главе VIII мы расширим эту модель, вводя иную группу — средний класс, и показываем, как это меняет диапазон предсказаний модели, включая связь между неравенством и перераспределением.

Вдобавок к модели, в которой заложен политический конфликт между богатыми и бедными, мы хотим исследовать, что происходит, когда конфликт основан на иных политических идентичностях. Мы вводим такую модель в подразделе 4.4.

4.1. Модель перераспределительной политики, основанная на идее медианного избирателя

Мы рассматриваем общество, состоящее из нечетного числа n граждан (разрабатываемая нами модель строится на основополагающих статьях [Romer, 1975; Roberts, 1977; Meltzer, Richard, 1981]). Индивид $i = 1, 2, \dots, n$ имеет доход y^i . Введем последовательность людей от беднейшего до богатейшего и будем считать срединным индивидом лицо со срединным доходом, обозначаемым y^M . Тогда, учитывая, что мы распределяем людей в последовательности в соответствии с их доходами, лицо со срединным доходом есть именно индивид $M = (n + 1)/2$. Пусть \bar{y} обозначает средний доход в этом обществе, таким образом:

$$\bar{y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y^i. \quad (\text{IV.3})$$

Политическая система устанавливает неотрицательную ставку налога $\tau \geq 0$ пропорциональную доходу, полученные сборы распределяются одновременно всем гражданам. Более того, эта ставка налога должна быть ограничена сверху 100%, т.е. $\tau \leq 1$. Пусть полученный в результате единовременный трансфер будет T .

Мы также делаем допущение о том, что взимание налогов затратно, тем самым вводим общую нагрузку стоимости налогообложения, соотносящуюся с уровнем налогообложения. Чем выше налоги, тем больше затраты. Экономист А. Оукен [Okun, 1975] охарактеризовал это с помощью метафоры — «протекающее ведро». Перераспределение дохода или активов является протекающим ведром в том смысле, что, когда доход

или активы забирают у кого-либо, в ходе их передачи кому-то другому часть взятого рассеивается, подобно воде, вытекающей через дыры в ведре. Утечки возникают в связи со стоимостью администрирования налогов и создания бюрократии и, возможно, также из-за коррупции и явной некомпетентности. Однако гораздо важнее, что высокие налоги также подрывают связанные с предложением рабочей силы и инвестициями стимулы для обладателей активов и вносят деформации в производственный процесс. В силу этих причин граждане, составляющие большинство в демократии, определяют уровень налогообложения и перераспределения, устанавливая баланс между благами от перераспределения и ценой деформаций (т.е. утечек из дырявого ведра).

Экономисты часто рассматривают эти деформации в категориях «кривой Лаффера», т.е. зависимости между уровнем налогообложения и количеством налоговых поступлений. Кривая Лаффера имеет форму перевернутой U . Когда ставки налогообложения низки, увеличение их увеличивает налоговые сборы. Однако по мере увеличения ставок, деформации становятся больше и, в конце концов, налоговые сборы достигают максимума. После этой точки увеличение ставки налога ведет к уменьшению налоговых сборов, потому что деформации, созданные налогообложением, становятся очень высокими.

В нашей модели эти деформации отображаются совокупными затратами, связанными с ограниченностью государственного бюджета $C(\tau)n\bar{u}$, когда уровень налогообложения есть τ . Совокупный доход в экономике, $n\bar{u}$, включен просто как нормализация. Мы принимаем эту нормализацию, потому что не хотим, чтобы равновесный уровень налогообложения зависел произвольным образом от масштаба экономики. Например, если мы изменяем $n\bar{u}$, мы не хотим, чтобы равновесные ставки налогов возрастали просто потому, что стоимость налогообложения фиксирована, в то время как выгоды от налогообложения для избирателей увеличиваются. Представляется вероятным, что, по мере возрастания $n\bar{u}$, стоимость налогообложения тоже увеличивается (например, увеличиваются зарплаты налоговых инспекторов), что учитывается в этой нормализации. Мы делаем допущение, что $C: [0,1] \rightarrow \mathbb{R}$, где $C(0) = 0$ так, что нет никаких затрат, когда нет никакого налогообложения; $C'(\bullet) > 0$ так, что затраты увеличиваются вместе с увеличением уровня налогообложения; $C''(\bullet) > 0$ так, что эти затраты строго выпуклы, т.е. они увеличиваются быстрее с повышением налоговых ставок (тем самым гарантируя, что удовлетворяется условие второго порядка задачи максимизации); и наконец, $C'(0) = 0$ и $C'(1) = 1$ так, что внутреннее решение гарантировано: первое говорит, что предельные затраты малы, когда налоговая ставка низка, и второе предполагает, что затраты быстро увеличиваются при высоких уровнях налогообложения. Вместе с

допущением о выпуклости, оба они правдоподобны: они подчеркивают, что подрывающие стимулы последствия налогообложения становятся существенными, когда ставки налогов становятся очень высоки. Подумайте, к примеру, о стимулах работать и производить, когда имеется налог в 100% на заработанное вами!

Из этого следует, что ограничение государственного бюджета следующее:

$$T = \frac{1}{n} \left(\sum_{i=1}^n \tau y^i - C(\tau) n \bar{y} \right) = (\tau - C(\tau)) \bar{y}, \quad (IV.4)$$

где используется определение среднего дохода, данное выше (IV.3). Это уравнение подчеркивает, что имеются пропорциональное налогообложение доходов и равное распределение сборов, так что более высокие налоги более редистрибутивны. Например, более высокий τ увеличивает единовременный трансфер, и поскольку богатые и бедные агенты получают один и тот же трансфер, но платят налоги пропорционально своим доходам, более богатые агенты несут большее бремя налогов.

Все индивиды в этом обществе максимизируют свое потребление, равное их доходу после выплаты налогов и обозначаемое $\hat{y}^i(\tau)$ для индивида i при уровне налогообложения τ . Применяя ограничение государственного бюджета (IV.4), мы получаем, что, когда ставка налога — τ , косвенная полезность индивида — i и его доход после выплаты налогов суть:

$$\begin{aligned} V(y^i | \tau) &= \hat{y}^i(\tau) \\ &= (1 - \tau)y^i + T \\ &= (1 - \tau)y^i + (\tau - C(\tau))\bar{y}. \end{aligned} \quad (IV.5)$$

Функция косвенной полезности обуславливается только одной переменной политических мер, τ , потому что мы элиминировали единовременный трансфер T , используя (IV.4). Мы также делаем его обусловленным y^i , потому что в оставшейся части книги полезно сохранять этот доход явным. Таким образом, мы используем обозначение $V(y^i | \tau)$ вместо $V^i(\tau)$.

В более общем плане индивиды также осуществляют экономический выбор, зависящий от переменных мер государственной политики. В этом случае, для того чтобы сконструировать $V(y^i | \tau)$, сначала необходимо найти для индивида i оптимальные экономические решения, учитывая значения переменных мер государственной политики, и затем определить индуцированные предпочтения относительно этих мер при данных оптимально принятых решениях [Persson, Tabellini, 2000, p. 19–21].

Вывести идеальную ставку налога для каждого индивида i из этой функции косвенной полезности просто. Вспомним, что она определяется как ставка налога τ^i , которая максимизирует $V(y^i | \tau)$. При допущениях, сделанных относительно $C(\tau)$, $V(y^i | \tau)$ строго вогнута и дважды последовательно дифференцируема. Эта ставка налога тогда может быть выведена просто из задачи неограниченной максимизации, так что нам нужно установить производную от $V(y^i | \tau)$ по отношению к τ , равному нулю. Другими словами, τ^i должен удовлетворять условию первого порядка:

$$-y^i + (1 - C'(\tau^i))\bar{y} = 0 \text{ и } \tau^i > 0 \quad (\text{IV.6})$$

или

$$-y^i + (1 - C'(\tau^i))\bar{y} \leq 0 \text{ и } \tau^i = 0,$$

что мы написали, открыто подчеркивая дополняющую нежесткость (т.е. τ^i может быть в углу). В оставшейся части книги мы не будем полностью выписывать такие условия, пока это не вызывает никакой путаницы.

Допущение о том, что $C''(\bullet) > 0$ обеспечивает то, что условие второго порядка для максимизации удовлетворено и что (IV.6) дает максимум. Более явным образом условие второго порядка (выводимое дифференцированием (IV.6) по отношению к τ) есть $-C''(\tau^i)\bar{y} < 0$, что всегда истинно при $C''(\bullet) > 0$. Это условие второго порядка также предполагает, что $V(y^i | \tau)$ является строго вогнутой функцией, которое является достаточным условием для того, чтобы она была однопиковой.

Мы записали условие первого порядка (IV.6) в форме Куна — Такера [Blume, Simon, 1994, p. 439–441], чтобы допустить возможность того факта, что предпочитаемая агентом i ставка налога может быть равна нулю. В этом случае у нас есть угловое решение, и условие первого порядка не остается в силе как равенство. Если $\tau^i > 0$, то (IV.6) говорит о том, что идеальная ставка налога избирателя i имеет то свойство, что ее предельные издержки для i равны ее предельной выгоде. Предельные издержки измеряются y^i , собственным доходом индивида i , потому что постепенное увеличение ставки налога ведет к снижению полезности индивида i пропорционально его доходу (потреблению). В то же время выгода есть $(1 - C'(\tau^i))\bar{y}$, что вытекает из того факта, что с большими налогами будет больше перераспределения доходов. Элемент $(1 - C'(\tau^i))\bar{y}$ есть добавочное перераспределение доходов, за вычетом затрат, порожденное небольшим увеличением ставки налога.

Из условий в (IV.6) вытекает тот интуитивно понятный результат, что богатые предпочитают более низкие налоги и меньшие перераспределения, чем бедные. Для богатого индивида соотношение y^i / \bar{y} выше, чем оно было бы для бедного. Это означает: чтобы (IV.6) оставалось в силе,

$1 - C''(\tau^i)$ должно быть выше, так что $C'(\tau^i)$ должно быть ниже. Поскольку $C'(\tau^i)$ есть возрастающая функция (в силу выпуклости $C(\bullet)$), из этого следует, что предпочитаемая ставка налога должна быть ниже. На самом деле модель дает и более конкретное предсказание. Для лица с доходом среднего уровня (IV.6) становится $0 = -C'(\tau^i)$, из чего следует, что для него $\tau^i = 0$. Более того, для каждого индивида с доходом $y^i > \bar{y}$ условия Куна — Такера предполагают, что есть угловое решение. Поэтому люди с доходом выше среднего предпочитают, чтобы не было никакого перераспределения доходов вообще, в то время как люди с $y^i < \bar{y}$ одобряют строго положительную ставку налога, почему мы и используем формулировку Куна — Такера.

Чтобы вывести эти сравнительные статические результаты более формальным образом, допустим, что $\tau^i > 0$, и применим теорему о неявной функции [Blume, Simon, 1994, p. 341], чтобы записать оптимальную ставку налога индивида i как функцию его собственного дохода, $\tau(y^i)$. Это удовлетворяет (IV.6). Теорема говорит нам о том, что производная неявной функции, обозначаемая $\tau'(y^i)$, существует и выражается следующим образом:

$$\tau'(y^i) = -\frac{1}{C''(\tau(y^i))\bar{y}} < 0.$$

В этой книге мы часто обращаемся к теореме о неявной функции, для того чтобы предпринимать сравнительный статический анализ изучаемых нами моделей. Мы применяем два типа сравнительной статики. Прежде всего это тип, который был только что проанализирован. Здесь мы используем условия равновесия, чтобы выразить ту или иную эндогенную переменную (например, ставку налога) как функцию различных экзогенных переменных или параметров модели, таких как масштаб неравенства. Сравнительная статика в этом случае изучает влияние изменений экзогенных переменных или параметров, таких как неравенство, на значение эндогенной переменной. (Увеличивается ли ставка налога, когда неравенство выше?) Мы часто используем ответы на такие вопросы не только для того, чтобы выводить предсказания о событиях внутри одной страны, если неравенство увеличится, но и делать межстрановые сравнения: будет ли страна с более высоким неравенством иметь более высокий уровень налогов, чем страна с меньшим неравенством?

Мы также осуществляем и другой вид сравнительной статики. В моделях теории игр различные виды поведения могут находиться в равновесии при различных обстоятельствах. Например, в повторяющейся дилемме заключенных сотрудничество может всегда оставаться равновесием, если игроки достаточно ценят будущее. Мы выводим условия, при которых конкретные виды поведения — например, создание демократии — будут

равновесными. Затем мы осуществляем сравнительную статику этих условий для изучения того, какие факторы делают создание демократии более или менее вероятным. Когда это делается, мы, однако, не исследуем прямо, как изменение экзогенной переменной меняет (плавно) равновесное значение эндогенной переменной. Мы скорее изучаем то, как изменения экзогенных переменных влияют на «размеры пространства параметров» создания демократии. В сущности демократия может быть создана только при определенных обстоятельствах, и мы хотим знать, что делает такие обстоятельства более вероятными.

Теперь можно представить себе игру, равновесие (Нэша) в которой определит уровень перераспределительного налогообложения. Мы можем сделать это в контексте либо прямой демократии, либо представительной демократии, но наиболее интуитивно понятный подход тот, который мы разрабатывали, постепенно подводя к теореме IV.2. Этот результат предполагает, что равновесием в игре для обеих политических партий было бы предложить идеальную точку медианного избирателя, которая устанавливала бы уровень налогов, избранный в демократии. Модель делает это предсказание, невзирая на наличие политического конфликта. Бедные предпочли бы высокие налоги и существенное перераспределение; богатые, люди с доходом, выше среднего, являются противниками любого перераспределения. Как можно агрегировать эти конфликтующие предпочтения? ТМИ говорит о том, что результатом является уровень налогов, предпочитаемый медианным избирателем и при большинстве распределений доходов доход медианного индивида меньше среднего дохода (т.е. $y^M < \bar{y}$). В этом случае медианный избиратель предпочитает строго положительный уровень налогов τ^M , что удовлетворяет условию первого порядка:

$$\frac{y^M}{\bar{y}} = 1 - C'(\tau^M).$$

Сравнительная статика этого условия следует из обсуждения уравнения (IV.6). Если y^M уменьшается относительно \bar{y} , то медианный избиратель, становящийся беднее по отношению к среднему, предпочитает более высокий уровень налогов и большее перераспределение.

4.2. Двухгрупповая модель перераспределительной политики

Хотя многие из результатов в этой книге вытекают из предыдущей модели, в которой доходы каждого индивида различны, полезна более простая модель, в которой есть всего два уровня доходов. Рассмотрим поэтому общество, состоящее из двух типов индивидов: богатых, с фиксированным доходом y^r , и бедных, с доходом $y^p < y^r$. Чтобы уменьшить число условных знаков, все население нормализовано к 1; доля

$1 - \delta > 1/2$ агентов бедна и имеет доход y^p ; и оставшаяся доля δ богата, чей доход y^r . Средний доход обозначается \bar{y} . В фокусе нашего внимания конфликт по поводу распределения, так что важно задать параметры неравенства. Чтобы это сделать, мы вводим обозначение θ как долю всего дохода, идущую богатым, следовательно, мы имеем:

$$y^p = \frac{(1 - \theta)\bar{y}}{1 - \delta} \text{ и } y^r = \frac{\theta\bar{y}}{\delta}. \quad (\text{IV.7})$$

Заметим, что увеличение θ представляет собой увеличение неравенства. Конечно, нам нужно $y^p < \bar{y} < y^r$, что требует, чтобы:

$$\frac{(1 - \theta)\bar{y}}{1 - \delta} < \frac{\theta\bar{y}}{\delta} \text{ или } \theta > \delta.$$

При этом, как и в последнем подразделе, политическая система определяет неотрицательную ставку налога на доходы $\tau \geq 0$, сборы от которого перераспределяются одновременно всем гражданам. Мы принимаем допущение о том, что налогообложение так же затратно, как и раньше, и из этого вытекает, что ограничение государственного бюджета есть:

$$T = \tau((1 - \delta)y^p + \delta y^r) - C(\tau)\bar{y} = (\tau - C(\tau))\bar{y}. \quad (\text{IV.8})$$

С некоторым избытком условных знаков, мы теперь используем i в верхнем регистре для обозначения социальных классов и индивидов, так, что для большей части обсуждаемого вопроса $i = p$ или r . Применяя ограничение государственного бюджета (IV.8), мы получаем, что когда ставка налога равна τ , косвенная полезность индивида i и его доход после выплаты налога таковы:

$$V(y^i | \tau) = \hat{y}^i(\tau) = (1 - \tau)y^i + (\tau - C(\tau))\bar{y}. \quad (\text{IV.9})$$

Как уже устанавливалось в последнем подразделе, все агенты имеют одинаковые предпочтения, и поскольку бедных агентов больше, чем богатых, то медианный избиратель — бедный агент. Можно также опять представить, что модель представляет собой игру, тогда демократическая политика приведет к ставке налога, наиболее предпочитаемой медианным избирателем, в данном случае бедным агентом. Заметим, что поскольку они имеют одни и те же функции полезности и есть ограничения на форму налоговой политики (т.е. налоги и трансферы не являются направленными на тех или иных конкретных лиц), постольку все бедные агенты имеют одну и ту же идеальную точку и голосуют за одну и ту же политику. Здесь нет необходимости в координации и нет какого-либо рода проблем коллективного действия (рассматриваемых в главе V).

Пусть эта равновесная ставка налога будет τ^p . Можно найти ее, максимизируя посленалоговый доход бедного агента, т.е. выбирая τ максимизирующее $V(y^p | \tau)$. Условие первого порядка для максимизации этой косвенной полезности теперь дает:

$$-y^p + (1 - C'(\tau^p))\bar{y} = 0 \text{ при } \tau^p > 0, \quad (\text{IV.10})$$

поскольку $y^p < \bar{y}$. Уравнение (IV.10), следовательно, имплицитно определяет наиболее предпочитаемую бедным агентом ставку налога и налоговую ставку политического равновесия. В силу причин, идентичных рассмотренным в предыдущем подразделе, отсюда прямо следует, что предпочтения однопиковы.

Теперь, применяя определения в (IV.7), можно записать уравнение для τ^p в более удобной форме:

$$\left(\frac{\theta - \delta}{1 - \delta} \right) = C'(\tau^p), \quad (\text{IV.11})$$

где обе стороны (IV.11) положительны, потому что $\theta > \delta$ в силу того факта, что бедные имеют меньший доход, чем богатые.

Уравнение (IV.11) полезно для сравнительной статики. Что самое важное, рассмотрим увеличение θ так, что меньшая доля дохода идет бедным, или разрыв между богатыми и бедными расширяется. Поскольку перед θ стоит знак «+», левая сторона (IV.11) увеличивается. Поэтому, чтобы (IV.11) оставалось в силе, τ^p должно меняться так, чтобы значение правой стороны также увеличивалось. Поскольку $C''(\bullet) > 0$, когда τ^p возрастает, производная возрастает, следовательно, чтобы увеличивалась правая сторона, величина τ^p должна увеличиваться. Этим устанавливается, что большее неравенство (более высокое θ) порождает более высокую ставку налога, или, в математической форме, применяя теорему о неявной функции:

$$\frac{d\tau^p}{d\theta} = \frac{1}{C''(\tau^p)(1 - \delta)} > 0.$$

Ситуация также такова, что доля всех (чистых) налоговых сборов в национальном доходе увеличивается, когда неравенство возрастает. Все чистые налоговые сборы в качестве доли национального дохода таковы:

$$\frac{(\tau^p - C(\tau^p))\bar{y}}{\bar{y}} = \tau^p - C(\tau^p).$$

Отметим, что $d(\tau^p - C(\tau^p))/d\theta = (1 - C'(\tau^p)) \cdot d\tau^p/d\theta$. Мы знаем, что более высокое неравенство ведет к более высоким налогам, т.е. $d\tau^p/d\theta > 0$. Более того, из (IV.11) следует, что $C'(\tau^p) = (\theta - \delta)/(1 - \delta) < 1$, так что $1 - C'(\tau^p) > 0$, из чего тогда следует, что $d(\tau^p - C(\tau^p))/d\theta > 0$. Другими словами, большее неравенство ведет к более высокой доле чистых налоговых поступлений в национальном доходе, как утверждают А. Мелцер и С. Ричард [Meltzer, Richard, 1981] в контексте слегка отличающейся модели. На самом деле очевидно, что бремя налогообложения для богатых тяжелее, когда неравенство значительнее, даже если ставка налога неизменна. Давайте сначала определим налоговое бремя как чистое перераспределение сборов от богатых при некоторой ставке налога τ . Оно есть:

$$\text{Бремя } (\tau) = C(\tau)\bar{y} - \tau \left(1 - \frac{\theta}{\delta}\right)\bar{y}.$$

По мере того как возрастает неравенство (т.е. по мере возрастания θ), это бремя увеличивается, что просто отражает тот факт, что с постоянными средними доходами трансферы являются константой, и с ростом неравенства большая доля налоговых поступлений собирается с богатых. Из этого наблюдения вытекает, что даже с неизменными ставками налога это бремя увеличивается, и, следовательно, при большем неравенстве богатые обычно будут больше противиться налогообложению.

И наконец, полезно закончить этот подраздел кратким рассмотрением эффективности. В этой модели налоги чисто редистрибутивны и создают деформирующие издержки, отображаемые функцией $C(\tau^p)$. Является ли демократия эффективной, зависит от того, какой критерий применяется. Если мы принимаем критерий Парето [Green et al., 1995, p. 313], то политически равновесное распределение было бы Парето-оптимальным, потому что невозможно изменить налоговую политику так, чтобы улучшить положение любого индивида, не ухудшая положение медианного избирателя, поскольку демократическая ставка налога максимизирует полезность медианного избирателя, любая другая ставка налога должна понижать его полезность.

Однако во многих случаях критерий Парето может рассматриваться как неудовлетворительный, так как он предполагает, что многие возможные ситуации неразличимы с точки зрения эффективности. Альтернативный подход — предложить более сильное определение социального благосостояния, такой как функция общественной полезности, и рассмотреть, совпадают ли политические равновесия с распределениями, максимизирующими эту функцию [Ibid., p. 825–831]. Демократическое политическое равновесие здесь неэффективно в сравнении с общественным оптимумом, который подразумевал бы отсутствие налогообложения. То,

что налогообложение создает деформирующие издержки, есть особенность большинства моделей, рассматриваемых в этой книге. В некотором смысле это правдоподобно, поскольку налогообложение создает эффекты, подрывающие стимулы, искажая распределение ресурсов.

Тенденция демократии перераспределять доходы, с потенциальными деформациями, может привести к мысли, что она неэффективна в сравнении с режимом, наделяющим политической властью более богатых агентов, которые предпочли бы меньшее перераспределение. Тем не менее в целом есть убедительные обоснования, почему большее перераспределение может повышать эффективность распределения ресурсов. Во-первых, если людям дозволяется получать полезность от общественных благ, обеспечиваемых налоговыми сборами, то стандартным результатом в моделях медианного избирателя становится то, что богатые предпочитают иметь слишком мало общественных благ, в то время как бедные предпочитают — слишком много [Persson, Tabellini, 2000]. В этом случае, в зависимости от формы распределения доходов, уровень, предпочитаемый бедными, может быть ближе к общественному оптимуму, и демократия, давая политическую власть бедным, улучшила бы социальную эффективность обеспечения общественными благами.

Во-вторых, хотя мы и не рассматриваем такие модели в этой книге, можно представить ситуацию, в которой агенты предпринимают инвестиции в человеческий капитал, и бедные ограничены в возможности получения кредитов и недоинвестируются в сравнении с оптимумом. Тогда перераспределительное налогообложение — даже без обеспечения общественными благами, — увеличивая остающиеся после выплаты налогов доходы бедных, может способствовать совокупным инвестициям в человеческий капитал и улучшать распределение ресурсов [Galor, Zeira, 1993; Benabou, 2000; Acemoglu, Robinson, 2000a; 2002].

Более того, как мы покажем позже, демократия может быть на самом деле эффективнее, чем недемократия, даже когда в демократии взимаются налоги. Это так потому, что недемократии могут направлять ресурсы на социально расточительные действия, такие как репрессии, предпринимаемые с целью удержать власть, и цена налогообложения может быть меньше цены репрессий.

4.3. Целевые трансферы

Та модель перераспределительной политики, которую мы до сих пор анализировали, налагает множество ограничений на форму фискальной политики. Например, все агенты получают один и тот же объем перераспределения. Как мы предположили ранее, допущение совершенно произвольных форм перераспределения быстро ведет к ситуации, в ко-

торой коллективный выбор становится неопределенным. Однако возможно ввести более сложные формы перераспределения, не теряя при этом определенности социального выбора, и сравнение экономик с различными структурами налогообложения дает интересные результаты.

Наиболее уместно в этом контексте расширение двухгрупповой модели, для того чтобы допустить целевые трансферы, т.е. различный уровень трансферов богатым и бедным. Говоря конкретнее, после того, как налоговые поступления собраны, они могут быть перераспределены в виде единовременного трансфера T_r , идущего только богатым, или трансфера T_p , который направляется только бедным. Из этого следует, что ограничение государственного бюджета теперь таково:

$$(1 - \delta)T_p + \delta T_r = \tau((1 - \delta)y^p + \delta y^r) - C(\tau)\bar{y} = (\tau - C(\tau))\bar{y}. \quad (IV.12)$$

Косвенная полезность для бедного индивида в целом выражается как:

$$V(y^p | \tau, T_p) = (1 - \tau)y^p + T_p.$$

У этой проблемы трехмерное политическое пространство, поскольку голосование будет по поводу ставки налога τ и двух трансферов T_p и T_r , но где одна из этих переменных может быть определена на основе ограничения государственного бюджета как остающаяся после вычитания. Вот почему мы обуславливаем функцию косвенной полезности $V(y^p | \tau, T_p)$ только двумя из этих переменных с T_r , вытекающим из (IV.12). Поскольку политическое пространство теперь двумерно, ТМИ неприменима. Однако общественный выбор определен и равновесной политикой по-прежнему будет та, которую предпочитают бедные. Бедные более многочисленны и предпочитают одну и ту же политику, поскольку целевые трансферы, так же как и единовременные, не позволяют создать коалицию богатых и подгруппы бедных для того, чтобы ниспровергнуть большинство, сформированное бедными.

Чтобы охарактеризовать это равновесие, можно опять осмыслить модель как игру, в которой две партии предлагают политические платформы. Уникальное равновесие Нэша подразумевает, что обе партии предлагают идеальную точку бедных. Чтобы увидеть, какова эта точка, отметим, что бедный агент явно не желает перераспределять в пользу богатых, следовательно, $T_r = 0$. Таким образом, интуитивно понятным результатом является то, что бедные избирают τ для максимизации

$$\begin{aligned} V(y^p | \tau, T_p) &= (1 - \tau)y^p + T_p = \\ &= (1 - \tau)y^p + \frac{(\tau - C(\tau))\bar{y}}{1 - \delta}, \end{aligned}$$

с условием первого порядка, $y^p(1-\delta) = (1 - C'(\tau^{pT}))\bar{y}$, что дает идеальную точку (τ^{pT}, T_r^{pT}) , где $\tau^{pT} > 0$. Здесь мы используем T в верхнем регистре, чтобы обозначить, что τ^{pT} есть ставка налога, предпочитаемая бедным агентом, когда допускаются целевые трансферы. Аналогичным образом T_p^{pT} и T_r^{pT} являются уровнями трансферов, предпочитаемых бедным агентом. Осуществляя подстановку для y^p , мы видим, что τ^{pT} удовлетворяет уравнению:

$$\theta = C'(\tau^{pT}), \quad (\text{IV.13})$$

и, поскольку $T_r^{pT} = 0$ из ограничения государственного бюджета, мы получаем $T_p^{pT} = (\tau^{pT} - C(\tau^{pT}))\bar{y}/(1-\delta)$.

Первым важным следствием этого анализа является то, что равновесная ставка налога в демократии с целевыми трансферами, τ^{pT} , выше, чем ставка налога без целевых трансферов, τ^p , что обусловлено (IV.11). Математически это следует из того факта, что $\theta > (\theta - \delta)/(1 - \delta)$. Интуитивное основание для этого тоже простое: без целевых трансферов, поскольку перераспределение идет и бедным, и богатым, каждый доллар налоговых поступлений создает меньшую чистую выгоду для бедных, чем при наличии целевых трансферов. Когда $\delta \rightarrow 0$, т.е. когда доля богатых в населении становится незначительной, τ^{pT} и τ^p сходятся. Это естественно: в этом случае богатых агентов настолько мало, что получают ли они некоторые из трансферов или нет — несущественно.

Сравнительная статика τ^{pT} более важна, чем сравнение налоговых ставок. Можно видеть, что она идентична результатам, полученным в модели без целевых трансферов. В частности, большее неравенство снова увеличивает налоги.

Поучительно рассмотреть в этой модели бремя налогообложения для элиты, которое теперь можно выразить как:

$$\text{Бремя}^T(\tau) = \tau \frac{\theta}{\delta} \bar{y}.$$

Очевидно, что $\text{Бремя}^T(\tau) > \text{Бремя}(\tau)$, где $\text{Бремя}(\tau)$ было бременем налогообложения, определенным в предыдущем подразделе, когда рассматривался случай без целевых трансферов. Следовательно, введение целевых трансферов увеличивает бремя демократии для богатых. Более того, как и ранее, более высокое неравенство увеличивает это бремя при неизменных ставках налога.

Важным следствием этого является то, что целевые трансферы увеличивают степень конфликтности в обществе. В частности, поскольку с целевыми трансферами демократия взимает более высокие налоги и перераспределяет поступления только бедным, богатым от этого хуже,

чем в демократии без целевых трансферов. Более того, по аналогичным причинам недемократия также будет хуже для бедных. Это так, потому что, как было рассмотрено в главе II, мы можем мыслить недемократию как правление элиты, ассоциируемой нами с богатыми. В частности, как мы сейчас демонстрируем, в недемократии, когда доступны целевые трансферы, богатая элита предпочтет установить положительные налоги и распределить поступления самим себе. Так, их идеальной точкой будет вектор (τ^{rT}, T_p^{rT}) (с T_p^{rT} , вытекающим из (IV.12)), где τ^{rT} удовлетворяет условию первого порядка: $-y^r \delta + (1 - C'(\tau^{rT})) \bar{y} = 0$, если $\tau^{rT} > 0$ или $-y^r \delta + (1 - C'(\tau^{rT})) \bar{y} < 0$ и $\tau^{rT} = 0$. В отличие от модели без целевых трансферов, условие первого порядка для богатых имеет внутреннее решение с τ^{rT} , имплицитно определенным уравнением:

$$1 - \theta = C'(\tau^{rT}), \quad (\text{IV.14})$$

имеющим решение для некоторых $\tau^{rT} > 0$. Следовательно, введение целевых трансферов делает недемократию лучше для богатых и хуже для бедных. Увеличение степени конфликтности в обществе с целевыми трансферами имеет тот эффект, что делает различные режимы более нестабильными и особенно затрудняет демократическую консолидацию.

4.4. Альтернативные политические идентичности

В предыдущем подразделе мы рассматривали случай, когда трансферы шли некоторой подгруппе общества, бедным или богатым. В более общем плане нас интересует, как выглядит демократическое политическое равновесие, когда голосование проходит не по линии «бедные против богатых», но, возможно, по разделительным линиям этничности или по другим политически наглядным характеристикам. Имеется несколько аналитических работ, в которых исследователи пытались понять, когда социально-экономический класс (а не что-либо другое, как, например, этничность) может быть важен для политики [Roemer, 1998; Austen-Smith, Wallerstein, 2003]. Наша цель состоит не в разработке общей модели, но скорее в иллюстрации того, как может работать демократический политический процесс, когда явны другие идентичности, и как это влияет на сравнительную статику (например, относительно неравенства) демократического равновесия. В последующих главах мы используем эту модель, для того чтобы рассмотреть, как наша теория создания и консолидации демократии работает при различающихся политических идентичностях.

Рассмотрим теперь модель перераспределения чистых доходов, когда есть богатые и бедные, но где люди также являются частью двух других

групп, возможно, основанных на религии, культуре или этничности. Назовем эти группы X и Z . Таким образом, одни члены X относительно бедны, а другие — относительно богаты, и то же самое верно для Z . Чтобы отобразить простым способом идею, что политика в таком случае — не «бедные против богатых», но скорее — X против Z , мы делаем допущение, что доход облагается налогом пропорционально при ставке τ , как обычно, но что он может быть перераспределен либо как трансфер представителям типа X , обозначаемый T_x , либо как трансфер типу Z , обозначаемый T_z . Пусть будет δ_x типа Xs и δ_z типа Zs , где $\delta_x + \delta_z = 1$. Мы также вводим обозначения δ_j^i для $i = p, r$ и $j = X, Z$ для подгрупп населения. Везде мы исходим из того, что $\delta_x > 1/2$ так, что тип Xs в большинстве и пусть y_j^i будет доходом типа $i = p, r$ в группе $j = X, Z$.

Ограничение государственного бюджета таково:

$$\delta_x T_x + \delta_z T_z = (\tau - C(\tau)) \bar{y},$$

где средний доход определяется как:

$$\bar{y} = \delta_x^p y_x^p + \delta_x^r y_x^r + \delta_z^p y_z^p + \delta_z^r y_z^r,$$

где величина всего населения снова 1. Чтобы более точно говорить о доходах, мы делаем допущение, что группа X получает долю $1 - \alpha$ всего дохода и группа Z получает α . Таким образом, $\delta_x^p y_x^p + \delta_x^r y_x^r = (1 - \alpha) \bar{y}$ и $\delta_z^p y_z^p + \delta_z^r y_z^r = \alpha \bar{y}$. Доход распределяется в группах следующим образом: $\delta_x^r y_x^r = \alpha'_x (1 - \alpha) \bar{y}$ и $\delta_x^p y_x^p = (1 - \alpha'_x)(1 - \alpha) \bar{y}$, так что α'_x есть доля дохода, идущая богатым в группе X . Аналогичным образом мы имеем $\delta_z^r y_z^r = \alpha'_z \alpha \bar{y}$ и $\delta_z^p y_z^p = (1 - \alpha) \alpha \bar{y}$.

Мы исходим из того, что:

$$y_x^r > y_x^p, \text{ из чего следует } \frac{\alpha'_x}{\delta_x^r} > \frac{1 - \alpha'_x}{\delta_x^p},$$

$$y_z^r > y_z^p, \text{ из чего следует } \frac{\alpha'_z}{\delta_z^r} > \frac{1 - \alpha'_z}{\delta_z^p}.$$

Просто вычислить идеальные точки четырех типов агентов. И бедные, и богатые агенты типа X предпочитают $T_z = 0$, и те и другие могут предпочесть, чтобы $T_x > 0$. Однако бедный тип Xs предпочитает больше перераспределения, чем богатый тип Xs . Чтобы увидеть это, отметим, что предпочитаемые бедным и богатым типом Xs ставки налога (обусловленные $T_z = 0$), и обозначаемые τ_x^p и τ_x^r , удовлетворяют условиям первого порядка (с дополняющей нежесткостью):

$$C'(\tau_x^p) = 1 - \frac{\delta_x y_x^p}{\bar{y}}, \text{ если } \tau_x^p > 0$$

и

(IV.15)

$$C'(\tau_x^r) = 1 - \frac{\delta_x y_x^r}{\bar{y}}, \text{ если } \tau_x^r > 0.$$

Как обычно, мы не знаем априори, являются ли решения внутренними или угловыми. Условие первого порядка для богатого агента может подразумевать положительную ставку налога, когда $\delta_x y_x^p / \bar{y} < 1$. Интуитивно понятно, что в этой модели перераспределение идет не от богатых к бедным, но от одного типа агентов к другому. Поэтому даже богатые могут выиграть от такого типа перераспределения. Если ставки налога τ_x^p и τ_x^r внутренние, то $\tau_x^p > \tau_x^r$, что вытекает из (IV.15), так что бедные члены группы X предпочитают более высокие налоги и больше перераспределения. Также легко понять идеальные точки группы Z . Все члены группы Z предпочитают $T_x = 0$ и обе подгруппы могут также предпочесть $T_z > 0$, но бедные члены Z предпочитают более высокие налоги и больше перераспределения, чем богатые члены этой группы.

Теперь мы можем сформулировать игру, для того чтобы определить ставку налога в демократии. Если мы сформируем модель так, как делали это до сих пор в данной главе, когда голосование по всем вопросам проходит одновременно, то, поскольку в модели трехмерное политическое пространство, она не может обладать равновесием Нэша. Чтобы простым путем обойти эту проблему, мы формулируем игру, допуская, что относительно ставки налога и трансферов голосуют последовательно. Временная последовательность игры следующая.

1. Все граждане голосуют по поводу ставки налога на доходы, τ .
2. Учитывая эту ставку налога, при голосовании по T_x или T_z , форма трансферов будет использоваться для перераспределения доходов.

Мы решаем эту игру с помощью обратной индукции и демонстрируем, что всегда имеется уникальное равновесие Нэша, совершенное на подыграх. Мы сосредоточиваем внимание на двух видах равновесия. В первом, когда $\delta_x^p > 1/2$, так что бедный тип X_s формирует абсолютное большинство, имеется уникальное равновесие этой модели, обладающее тем свойством, что равновесной политикой является τ_x^p , предпочитаемая бедным типом X_s .

Во втором, $\delta_x^p < 1/2$, так что бедный тип X_s не формирует абсолютного большинства, имеется уникальное равновесие этой модели, обладающее тем свойством, что равновесной политикой является τ_x^r , предпочитаемая богатым типом X_s .

Чтобы видеть, почему здесь устанавливаются равновесия, начнем с рассмотрения первого случая. Решая его с помощью обратной индукции на второй стадии, поскольку $\delta_x > 1/2$, ясно, что предложение перераспределить доходы только в пользу Xs (т.е. предложить $T_x > 0$ и $T_z = 0$) одержит верх над предложением перераспределять их в пользу Zs или в пользу Xs и Zs . То, что это уникальное равновесие, прямо следует из того факта, что Xs в большинстве. Затем, так как только T_x будет использован для перераспределения, на первой стадии игры все агенты имеют одинаковые предпочтения в отношении τ . Идеальной точкой всего типа Zs , учитывая, что впоследствии $T_z = 0$, является $\tau = 0$. Идеальными точками более бедных и более богатых членов X являются τ_x^p и τ_x^r , как это было показано ранее. Когда $\delta_x^p > 1/2$, бедные Xs формируют абсолютное большинство и, следовательно, медианный избиратель принадлежит бедному типу X . Поскольку только T_x впоследствии будет использоваться для перераспределения доходов, ТМИ применима, и ставка налога, определенная на первой стадии игры, должна быть идеальной для бедного типа Xs , τ_x^p . Поэтому в данном случае имеется единственное равновесие Нэша, совершенное на подыграх, которое мы обозначаем $(\tau_x^p, T_z = 0, T_x = (\tau_x^p - C(\tau_x^p))\bar{y}/\delta_x)$.

Во втором случае, когда бедные Xs не являются абсолютным большинством, различие в том, что медианный избиратель теперь принадлежит богатому типу X . Следовательно, ТМИ предполагает, что τ_x^r будет ставкой налога, определенной на первой стадии. Поэтому в данном случае имеется единственное равновесие Нэша, совершенное на подыграх $(\tau_x^r, T_z = 0, T_x = (\tau_x^r - C(\tau_x^r))\bar{y}/\delta_x)$.

Равновесие этой игры не зависит от ее временной последовательности. Чтобы видеть это, рассмотрим следующую игру, в которой изменен на противоположный порядок голосования по поводу мер государственной политики.

1. Все граждане голосуют по поводу типа трансферов, T_x или T_z , которые будут использоваться для перераспределения доходов.
2. Учитывая форму трансфера, который будет использоваться, все граждане голосуют по поводу ставки подоходного налога, τ .

Можно снова видеть, что имеется единственное равновесие Нэша, совершенное на подыграх, идентичное вычисленному ранее. Начнем с конца игры, где, учитывая, что выбран либо T_x , либо T_z , индивиды голосуют по поводу τ . В той подыгре, где был выбран T_x , у всех агентов опять одинаковые предпочтения по поводу τ . Таким образом, когда $\delta_x^p > 1/2$,

медианный избиратель является бедным членом X и избранная равновесная ставка налога есть τ_X^p . Когда $\delta_X^p < 1/2$, медианный избиратель является богатым членом X и избранная равновесная ставка налога есть τ_X^r . В той подыгре, где избран T_Z , поскольку тип Xs не выигрывает от какого-либо перераспределения, идеальной точкой всех Xs должно быть установление налоговой ставки, равной нулю. Поскольку тип Xs составляет большинство, равновесие должно включать $\tau = 0$, поскольку медианный избиратель принадлежит типу X . Теперь, двигаясь назад к первой стадии игры, поскольку Xs составляет большинство, результат таков, что доходы будут перераспределены только в соответствии с T_X . Отсюда видим, что это единственное равновесие Нэша, совершенное на подыграх, идентичное проанализированному ранее.

Для наших нынешних целей самые интересные особенности этих равновесий в сравнительной статике относительно неравенства. В обоих типах равновесий увеличение межгруппового неравенства, в том смысле, что доходы типа Xs падают относительно доходов типа Zs , сохранение неравенства внутри группы Z как константы ведет к более высоким налоговым ставкам и большему перераспределению. Если увеличивается доля доходов Zs , при сохранении постоянной \bar{y} , то и y_X^p , и y_X^r будут падать и богатый, и бедный в типе Xs отдадут предпочтение более высоким налогам. Чтобы видеть это, мы используем определения доходов и подставляем их в (IV.15):

$$C'(\tau_X^p) = 1 - \frac{\delta_X(1 - \alpha_X^r)(1 - \alpha)}{\delta_X^p}$$

и

$$C'(\tau_X^r) = 1 - \frac{\delta_X \alpha_X^r (1 - \alpha)}{\delta_X^r},$$

где для простоты обозначений мы допускаем, что оба условия первого порядка имеют внутренние решения. Увеличение доли доходов, идущей в группу Zs , увеличивает α , что увеличивает и τ_X^p , и τ_X^r , т.е.

$$\frac{d\tau_X^p}{d\alpha} = \frac{\delta_X(1 - \alpha_X^r)}{C''(\tau_X^p)\delta_X^p} > 0,$$

что означает — любое увеличение α увеличивает ставку налога. Аналогичным образом $d\tau_X^r / d\alpha > 0$.

Однако такое изменение в распределении доходов нелегко укладывается в стандартные мерки, такие как коэффициент Джини. Более того, если имеется изменение в неравенстве, которое происходит внутри групп (например, α_X^r увеличивается [так что y_X^p падает, а y_X^r растет]), то

сравнительная статика различна в двух равновесиях. В первом — налоги вырастут, тогда как во втором — снизятся.

Здесь стоит сделать паузу, для того чтобы рассмотреть эмпирические данные о связи между неравенством и перераспределением. Наша модель предсказывает, что большее неравенство между группами приведет к большему межгрупповому перераспределению при демократии. Однако поскольку политические идентичности не всегда формируются по линии классов, из этого не следует, что увеличение неравенства — обычно измеряемого коэффициентом Джини или долей труда в национальном доходе — приведет к большему измеряемому перераспределению. Эмпирическая литература это отражает: например, Перотти [Perotti, 1996] отметил, следуя работам А. Алесины и Д. Родрика [Alesina, Rodrik, 1994] и Р. Перссона и Г. Табеллини [Persson, Tabellini, 1994], что налоговые поступления и трансферы как доля ВВП не выше в обществах с большим неравенством.

Тем не менее пока что эта связь не была изучена с помощью хорошо разработанных исследовательских методов. Одна очевидная ловушка здесь — путаница причины и следствия. Хотя Швеция сегодня является эгалитарной страной, то, что мы наблюдаем, есть результат 70 лет агрессивного перераспределения доходов и эгалитарной политики (например, на рынке труда). Действительно, имеющиеся исторические данные говорят о том, что неравенство в Швеции резко снизилось в течение последней сотни лет.

Есть также множество переменных, которые возможно упустить и которые могут исказить соотношение между неравенством и перераспределением, даже в отсутствие путаницы причины и следствия. Проще говоря, многие из институциональных и, возможно, культурных детерминант перераспределения, вероятно, коррелируют с неравенством. Например, Швеция является более гомогенной страной, чем Бразилия или Соединенные Штаты, и многие утверждают, что гомогенность населения является ключевым фактором, определяющим уровень перераспределения [Alesina et al., 2001; Alesina, Glaeser, 2004]. Более того, возможно, в Швеции намного больше, чем где-либо еще, почувствовали «вкус к перераспределению» — в стране, где большую часть последних 70 лет страной правили социалисты, придерживавшиеся высокоэгалитарной социальной философии.

5. ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО

Хотя теория медианного избирателя (ТМИ) составляет сердцевину этой книги (как и значительной части политической экономии), есть, конечно, много иных теоретических подходов к моделированию демократической политики. Полезно рассматривать эти теории в том аспекте, что они

предполагают различное распределение власти в обществе. Модель медианного избирателя является простейшей и, возможно, самой наивной конструкцией, в которой каждый индивид имеет один голос. В двухгрупповой модели побеждают числа, и граждане получают то, что хотят.

Тем не менее, как это упоминалось ранее, в реальности предпочтения одних людей «стоят» больше, чем других. Есть много вариантов того, как это может происходить. Во-первых, предпочтения могут определяться не только доходом: для людей могут быть значимы также и идеологические позиции, ассоциируемые с различными политическими партиями. Менее идеологизированные избиратели больше склонны голосовать в зависимости от политических мер, предлагаемых различными партиями. Такие избиратели, часто называемые «качающимися избирателями» (swing voters), имеют поэтому тенденцию больше откликаться на политические меры и в результате партии приспособливают предлагаемую политику к ним. Можно представить себе крайний пример ситуации, когда бедные очень идеологизированы и предпочитают голосовать за социалистические партии, какую бы политику они ни предлагали. В этом случае политика не отражает предпочтения бедных, поскольку правые партии никогда не смогут убедить бедных голосовать за них; у социалистических партий уже есть свой электорат и поэтому они могут разрабатывать предлагаемые ими меры так, чтобы привлечь голоса других групп, возможно, богатых. Эти идеи исходят из исследований вероятностной модели голосования в работах Линдбека и Вейбулла [Lindbeck, Weibull, 1987], П. Кохлина [Coughlin, 1992] и А. Диксит и Дж. Лондригана [Dixit, Londregan, 1996; 1998]. В этой модели предпочтения всех агентов влияют на равновесную политику в демократии — чем больше группа состоит из качающихся избирателей, тем больше будут значимы их предпочтения. Так, например, если богатые менее идеологизированы, чем бедные, это дает им значительную власть в демократии, даже несмотря на то, что они в численном меньшинстве.

Во-вторых, на равновесную политику может влиять не только голосование, но и деятельность различных лобби и особых интересов, и их жертвования на избирательную кампанию. В такой ситуации группы, представленные организованными особыми интересами или имеющие больше ресурсов, чтобы направить их в определенное русло с помощью особых интересов, имеют тенденцию обладать большим влиянием, чем группы с меньшими организованностью и ресурсами. Если богатые имеют преимущество в любом из этих измерений, это позволяет их предпочтениям влиять на демократическую политику. В соответствии с этими установками была разработана модель, первоначально Г. Бекером [Becker, 1983], а затем существенно развита и расширена Г. Гроссманом и Э. Хелпманом [Grossman, Helpman, 1996; 2001].

В-третьих, до сих пор политические партии были у нас, в некотором смысле, совершенными агентами избирателей. В реальности политические партии имеют цели, до некоторой степени независимые от целей граждан, и предлагаемые ими политические меры отражают их, а не просто желания медианного избирателя. Это особенно верно, когда, как это подчеркивал Д. Уиттман [Wittman, 1983], есть неопределенность относительно исхода выборов или, как показал Алесина [Alesina, 1988], когда партии не могут связывать себя произвольными политическими платформами. Когда верно что-либо из этого, то для воздействия на результаты политики важны цели политических партий, а не просто предпочтения избирателей. В этом случае группы, способные поставить под контроль повестку дня политических партий, могут влиять на демократическую политику в большей степени, чем можно было бы ожидать, исходя из их численности.

Наконец, что, вероятно, самое интересное, модель Даунса и многие из ее расширений, включая модели вероятностного голосования, дают лишь общее описание (*thin description*) политических институтов. Даунсовская модель, введенная в этой главе, выглядит почти как президентские выборы (хотя и не в Соединенных Штатах, потому что тогда бы нам пришлось ввести коллегия выборщиков). Например, мы не делали различий между избирательными округами. Если бы мы хотели использовать эту модель так, чтобы она отображала результаты выборов в британский парламент, нам пришлось бы ввести такие округа и моделировать, как неагрегированное голосование выразилось бы в долях мест в парламенте. Это может быть важным, поскольку, как указывал Ф. Эджворт в XIX в. и формализовали М. Кендалл и А. Стюарт [Kendall, Stuart, 1950], есть тенденция недостаточного представительства малых партий при таких мажоритарных институтах. Таким образом, нет соотношения «один к одному» между долей голосов в целом и долей мест в парламенте. Могут быть значимы и многие другие аспекты институтов. Например, институты влияют на явку избирателей и возможности групп меньшинств получать желаемое ими через законодательные органы.

Это интересно, потому что институты значимы в вопросе о том, кто обладает властью в демократии. Рассмотрим один конкретный пример, движимые тем вниманием, какое он получил в политологической литературе: различие между президентской и парламентской демократиями. Как отмечалось ранее, Х. Линц [Linz, 1978; 1994] утверждал, что президентские режимы имеют тенденцию быть более подверженными переворотам; А. Пшеворский и его соавторы [Przeworski et al., 2000] представляют эконометрические данные, согласующиеся с этим утверждением. Интуитивно здесь заложена идея, что президенты, поскольку они избираются голосованием народа, склонны представлять предпочтения медианного избирателя в обществе. Парламенту часто приходится согласовывать более разнообразные интересы. В этом случае при сравне-

нии того, что было бы в одной и той же стране при двух этих различных комплексах институтов, можно ожидать, что при президенте результаты были бы ближе к тому, что предпочитали граждане.

Движимые этими соображениями, мы используем простую редуцированную форму модели, задающую параметры политической власти различных групп в демократии. В приложении к этой главе (см. с. 467–474 наст. изд.) мы разрабатываем в формальном плане первые три из этих идей о моделировании распределения политической власти в демократии и показываем, как они укладываются в применяемую здесь простую редуцированную модель. Различные конкретные модели — подчеркивают ли они институциональные детали, лоббирование, относительно автономные политические партии или наличие качающихся избирателей — дают альтернативные микрооснования для нашей редуцированной модели. Естественно, что эти детали также интересны и могут быть важны в конкретных случаях, мы рассматриваем это по ходу дела.

Теперь давайте вернемся к нашей базовой модели двух классов с единственным инструментом политики — ставкой подоходного налога, t . Учитывая, что граждане в большинстве (т.е. $1 - \delta > 1/2$), политическая конкуренция по Даунсу просто максимизировала косвенную полезность граждан, $V^p(t)$. В этой модели предпочтения элиты иррелевантны для определения ставки налога. В более общем плане, однако, элита будет обладать некоторой властью и равновесная политика это отразит. Простейший способ понять эту идею — представить равновесную политику как максимизирующую взвешенную сумму косвенных полезностей элит и граждан, где веса определяют, насколько равновесная политика отражает предпочтения различных групп. Мы называем вес группы «политической властью» этой группы. Пусть эти веса будут χ и $1 - \chi$ для элит и граждан соответственно. Тогда равновесной ставкой налога будет та, которая максимизирует:

$$\max_{t \in [0,1]} (1 - \chi)(1 - \delta) \left[(1 - t)y^p + (t - C(t))\bar{y} \right] + \chi \delta \left[(1 - t)y^r + (t - C(t))\bar{y} \right],$$

что имеет условие первого порядка (с дополняющей нежесткостью).

$$-((1 - \chi)(1 - \delta)y^p + \chi \delta y^r) + ((1 - \chi)(1 - \delta) + \chi \delta)(1 - C'(t))\bar{y} = 0,$$

если $t > 0$. Это дает:

$$\frac{(1 - \chi)(1 - \delta) + \chi \delta}{(1 - \chi)(1 - \delta) + \chi \delta} = 1 - C'(t(\chi)), \quad (IV.16)$$

где мы определяем $\tau(\chi)$ как равновесную ставку налога, когда параметр политической власти есть χ .

Поучительно сравнить уравнения (IV.16) и (IV.11), которые определяли равновесную политику в двухклассовой модели с даунсовской политической конкуренцией. Ясно, что результат есть частный случай нынешней модели для $\chi = 0$, при котором случай (IV.16) становится идентичным (IV.11), так что $\tau(\chi = 0) = \tau^p$. Однако для всех значений при $\chi > 0$, предпочтения элиты также имеют значение для равновесных политик, так что $\tau(\chi > 0) < \tau^p$. Более того, чем больше χ , тем большей властью обладают политические элиты, несмотря на то что они в меньшинстве. Чтобы видеть следствия этого, заметим, что если χ возрастает, то увеличивается левая сторона (IV.16). Из этого следует, что правая сторона должна тоже увеличиваться, так что $C'(\tau)$ должно падать. Поскольку $C'(\tau)$ возрастает вместе с возрастанием τ , из этого следует, что τ падает. Другими словами, $d\tau(\chi)/d\chi < 0$. Таким образом, увеличение власти богатых, или их способности влиять на равновесную политику в демократии через любые каналы, движет ставку налога вниз и ближе к их идеальной точке. Различные модели, приведенные в приложении, дают различные механизмы осуществления власти элит и того, как в результате на их действия реагирует налоговая ставка.

Это важно, поскольку до сих пор мы подчеркивали, что демократии порождают более выгодные для граждан политические меры, чем недемократии. Если на самом деле мы имеем, что, так как $\chi \rightarrow 1$, ставка налога, порождаемая демократическим политическим процессом, имеет тенденцию быть наиболее предпочитаемой элитами, то разница между демократиями и недемократиями будет небольшой. Наша точка зрения такова, что часто есть причины, в силу которых элиты сильны в демократиях, даже если они в меньшинстве, так что $\chi > 0$ может быть хорошим приближением к реальности. Тем не менее и рассмотренные данные, и интроспекция говорят о том, что большинство демократических обществ далеки от случая, когда $\chi = 1$. В результате, нельзя сказать, что демократии просто угождают предпочтениям богатых таким же образом, как это делала бы типичная недемократия.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе мы представили некоторые основные модели демократической политики. Мы также детально рассмотрели модели — «рабочие лошадки» и некоторые из их свойств, которые мы используем для характеристики демократии в оставшейся части книги. В центре нашего анализа была двухгрупповая модель в условиях, когда либо применима ТМИ, либо, при многомерном политическом пространстве, равновесной

IV. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

политикой является та, которую предпочитают бедные. Таким образом, мы концентрируем внимание на ситуациях, в которых медианный избиратель является бедным агентом и его предпочтения определяют то, что происходит в демократии. Мы также подробно рассматриваем три содержательных расширения этой модели. Во-первых, это трехклассовая модель, в которую средний класс входит в качестве группы, отдельной от богатых и бедных. Мы откладываем формальное представление этой модели до тех пор, пока она не будет использована в первый раз в главе VIII. Во-вторых, это модель демократии в редуцированной форме, в которой «власть» различных групп может варьировать в зависимости от характера демократических институтов, и от того, являются ли они качающимися избирателями или организованным лобби и т.д. В приложении к этой главе мы детально рассматриваем различные микрооснования для параметра власти χ , но в оставшейся части книги мы просто работаем с этой редуцированной формой, а не с детализированными моделями, в которых открыто вводятся институты, лоббирование, захват контроля партиями или вероятностное голосование. И наконец, простая модель, в которой различаются политические идентичности, отличные от основанных чисто на принадлежности к социально-экономическому классу или уровню доходов, и мы анализируем, как это влияет на общественный конфликт по поводу распределения.

V. Недемократическая политика

1. ВВЕДЕНИЕ

В этой главе мы обсуждаем различные вопросы, возникающие при осмыслении того, что определяет меры государственной политики в недемократии. Для наших целей самым фундаментальным различием между демократией и недемократией является то, что первая есть ситуация политического равенства: каждый гражданин имеет один голос. Таким образом, в демократии предпочтения всех граждан значимы при определении политических результатов. В недемократии это не так, поскольку только некоторая подгруппа населения, элита, имеет политические права. В принципе, это может быть любая подгруппа. Советский социализм утверждал, что является диктатурой пролетариата, и даже не рассматривал слово «диктатура» как обладающее негативными коннотациями. Сходным образом диктатура Жувеналия Хабьяриманы в Руанде с 1973 по 1994 г. может рассматриваться как диктатура отдельной этнической группы — хуту. В Бразилии с 1964 по 1985 г. у власти стояла военная диктатура с бюрократическо-авторитарными и корпоратистскими тенденциями; режим делал упор на индустриализацию, в то же время защищая экономические интересы относительно богатых и избегая каких-либо радикальных — особенно аграрных — реформ. В противоположность этому, диктатура Мобуту Сесе Секо в Конго с 1965 по 1997 г. была сильно персонифицированным, клептократическим режимом, в котором государственная власть использовалась главным образом для обогащения Мобуту и его окружения. Несмотря на эти различия между недемократиями (их влиятельную классификацию см.: [Linz, Stepan, 1996]), наша цель — подчеркнуть главное различие между демократиями и недемократиями, которое мы видим в степени политического равенства.

В целом, есть две характеристики, формирующие экономическую политику в недемократиях: во-первых, предпочтения стоящей у власти группы и, во-вторых, ограничения, с которыми сталкивается эта группа. При прочих равных условиях группа, стоящая у власти, или элита, избирает те меры государственной политики, которые максимизируют ее полезности. Однако элиты обычно живут в страхе быть смещенными другими социальными группами или другими индивидами из той же

группы. Поэтому основной заботой недемократий является обеспечение такого положения, когда ни одна группа не будет несчастна настолько, что может попытаться свергнуть режим или предпринять иные политические или экономические действия, наносящие ущерб полезности стоящей у власти группы.

Наш анализ в этой главе основывается на модели демократии, описанной в главе IV. Так, мы рассматриваем общество, состоящее из гетерогенных индивидов. Недемократия есть правление подгруппы этого общества. В главе IV мы показали, что демократия есть правление более многочисленной группы (либо бедных, либо, если политические идентичности формируются по иным разделительным линиям, группы X). Здесь мы рассматриваем недемократию как правление менее многочисленной группы (либо богатых, либо группы Z).

Для начала сосредоточим внимание на моделях, в которых недемократия есть просто правление богатых. Во многих обстоятельствах это вполне разумный постулат. Например, формальные ограничения избирательных прав обычно налагались на бедных, т.е. на не обладающих никаким имуществом, имеющих низкий доход или неграмотных. Существовали и расовые ограничения на право голоса — например, в Соединенных Штатах до Гражданской войны и в Южной Африке до краха режима апартеида, — но опять же, лишённые права голоса расовые группы всегда были бедными. Даже кажущиеся автономными военные режимы часто служат интересам богатых, явный пример чему — диктатура Пиночета в Чили с 1973 по 1990 г. Многие другие латиноамериканские диктатуры XX в. были порождены угрозой радикальных перераспределительных и социальных мер, например, в Аргентине после 1930 г., после 1955 г. и снова между 1976 и 1983 г. Другие примеры антидемократических переворотов, направленных на то, чтобы избежать радикальных политических мер находим в Венесуэле в 1948 г., Гватемале в 1954 г. и Бразилии в 1964 г. Хотя режимы, взявшие власть после этих переворотов, были военными, сами перевороты были вызваны угрозой радикальных мер по перераспределению. П. Дрейк утверждает в этом контексте, что

во многих аспектах антирабочая направленность этих деспотических режимов определяла их *raison d'être*... она мотивировала захват власти, легитимировала их существование, вела их сторонников и противников, лежала в основе их модели экономического роста, определяла их социальную политику и приводила в движение их политические практики. Этот конфликт с рабочими также существенно влиял на срок их пребывания у власти и ее окончания [Drake, 1996, p. 2].

Эти примеры наводят нас на мысль о том, что есть тесная связь между тем, что делают недемократические режимы, и тем, чего хотят богатые.

Тем не менее, как об этом говорилось в главе II, наша базовая схема и многие из эмпирических результатов приводят к ситуации, где недемократия есть не просто правление богатых.

Модели, которые мы разрабатываем в этой главе, подчеркивают взаимодействие между предпочтениями элит и ограничениями, налагаемыми на них предпочтениями других групп в обществе — главным образом, лишенных избирательных прав граждан. Нашей целью является, напомним, поиск общих тенденций, которые верны для различных видов недемократических режимов, и сравнение их с тенденциями в типичной демократии. Это дихотомическое различие, которое мы проводим между демократией и недемократией, наше желание выявить общие элементы в каждом из этих режимов и наша неуклонная опора на «бритву Оккама» могут показаться чем-то грубым и даже упрощенческим. Тем не менее мы полагаем, что таков правильный путь вперед, и убеждены, что эта дихотомия полезна для разработки интуитивных представлений о силах, приводящих к тому, что у обществ складываются различные политические институты.

2. ВЛАСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ В НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

2.1. *Элиты в демократической политике*

В предыдущей главе мы рассмотрели, как элиты могут быть более могущественны в демократии, чем это позволяет предположить их численность сама по себе. Мы видели, что общая модель, допускающая обладание элитами некоторой властью при демократии, предполагает, что равновесная ставка налога есть $\tau(\chi)$, где χ можно рассматривать как меру власти элит в демократической политике. В частности, рассмотрим предел $\chi \rightarrow 1$ в (IV.16): в этом случае равновесная политика всегда будет той, которую предпочитают элиты, т.е. τ^r .

Можно считать, что недемократическая политика аналогична этому пределу. Поскольку общество не является хорошо функционирующей демократией, постольку желания большинства населения игнорируются и политические меры избираются для максимизации благополучия элит. Анализ также выявляет, что, несмотря на проведенное нами дихотомическое разграничение между демократией и недемократией, мы полагаем, что между ними есть большой континуитет. Общество более демократично, когда желания большинства в значительной степени инкорпорируются в главные акты политического выбора. Это соответствует ситуации, когда в этой модели χ близко к 0. Но в то же время

недемократия есть ситуация, в которой стремления большинства игнорируются в пользу желаний подгруппы населения, элит. Здесь это соответствует равновесию, в котором $\chi \rightarrow 1$.

2.2. Ограничение революцией

Ранее было выявлено, что недемократию можно рассматривать как ситуацию, в которой элиты максимизируют свою полезность. Однако недемократия, особенно в сравнении с идеалом демократии, не является ни эгалитарной, ни честной. Поэтому у граждан имеется постоянное желание изменить ее результаты, политику и режим. Сделать это им мешает то, что элиты в недемократических обществах контролируют политические институты и вооруженные силы. Благодаря этому контролю они могут максимизировать свою полезность, но, учитывая, что они в меньшинстве и хотят осуществлять политику, не совпадающую с интересами большинства, желаемая ими политика может иметь некоторые ограничения.

Главное ограничение, с которым сталкиваются контролирующая политическую власть в недемократии — опасность того, что не допускаемые к политической власти могут попытаться получить ее или свергнуть тех, кто осуществляет контроль.

Вспомним, что в ходе анализа в главе II мы проводили различие между политической властью де-юре и де-факто. Политическая власть де-юре исходит от политических институтов. Напротив, политическая власть де-факто исходит от способности одной группы взять верх над другой путем открытой борьбы или иными средствами. В демократии политической властью де-юре обладают граждане. В недемократии у граждан нет политической власти де-юре, они исключены из политической системы. Тем не менее у них может быть политическая власть де-факто, в силу того, что они составляют большинство и могут оказаться способны координировать свои действия, чтобы свергнуть существующий режим. В предельной ситуации граждане могут предпринять *революцию* против недемократии, с целью сменить политическую систему на более выгодную им. Мы резюмируем ограничения, налагаемые на элиты этим видом политической власти де-факто, в понятии *ограничения революцией*.

В этом подразделе мы рассматриваем истоки ограничения революцией и пределы, которые оно налагает на действия элит, контролирующей политическую систему при недемократии. Мы начинаем с того, что рассматриваем способы формализации революций и вводим понятия, связанные с проблемами коллективного действия, которые могут возникнуть при организации граждан для осуществления политической власти де-факто. Повсюду мы концентрируем внимание на двухклассо-

вой модели, введенной в предыдущей главе, чтобы сделать анализ более конкретным. В этой модели общество делится на богатые элиты и бедных граждан, которые более многочисленны.

Прежде всего представим себе, что происходит после революции. По определению революция в этой среде равнозначна тому, что граждане используют саму свою численность, чтобы свергнуть элиты в недемократии, взяв контроль над обществом и его материальными ценностями и приносящими доходы активами. Следовательно, некоторым образом мы рассматриваем революцию как то, что ведет к послереволюционному обществу, в котором контроль переходит от элит к гражданам.

Поэтому самый простой способ представить себе послереволюционное общество — мыслить его как такое, в котором граждане делят между собой ресурсы экономики. Однако, вероятно, что такое бурное событие, как революция, создает существенные беспорядки и разрушения и, следовательно, сокращает производственный потенциал экономики. Итак, будем считать, что после революции доля ресурсов общества μ уничтожается и оставшееся может быть разделено между гражданами. Это — явное упрощение. Большинство революций не действует таким эгалитарным образом, перераспределяя ресурсы послереволюционного общества только гражданам. Некоторые неизменно получают больше, чем другие. Тем не менее нашей целью является не разработка реалистичной теории революций, но скорее использование угрозы революции в качестве ограничения, налагаемого на недемократическую политику. По этой причине мы снова апеллируем к «бритве Оккама» и моделируем выигрыши в послереволюционном обществе самым простым из возможных способов. Допущение, что некоторые ресурсы экономики уничтожены в вихре революции, а оставшиеся распределяются некоторым образом между гражданами, является и простой, и привлекательной формулировкой для этой цели.

Из этого допущения следует, что после революции каждый гражданин (здесь — бедный агент) получает чистый доход

$$V^P(R, \mu) = \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{1 - \delta}, \quad (V.1)$$

потому что совокупный доход, который они будут делить между собой, есть $(1 - \mu)\bar{y}$, и их число $1 - \delta$. Обозначение $V^P(R, \mu)$ показывает ценность (т.е. полезность) для гражданина в послереволюционном обществе, в зависимости от μ . Игнорируя проблемы коллективного действия, которые будут рассмотрены позже, можно видеть, что революция будет выгодна, когда выигрыш, данный в уравнении V.1, больше, чем выигрыш, получаемый гражданином без революции. Пусть τ^N обозначает

ставку налога, установленную элитами, где N обозначает недемократию, и предположим, что без революции элиты просто устанавливают предпочитаемую ими ставку налога, $\tau^r (= 0)$. Тогда этот выигрыш есть

$$V^p(y^p | \tau^N = \tau^r) = \dot{y}^p. \quad (V.2)$$

Мы утверждаем, что революционное ограничение связывает действия элит, если (V.1) больше, чем (V.2), или если

$$\frac{(1-\mu)\bar{y}}{1-\delta} > y^p. \quad (V.3)$$

Мы записываем это ограничение в виде строгого неравенства, так как исходим из того, что если $(1-\mu)\bar{y}/(1-\delta) = y^p$ и при этом для граждан нет разницы между политическим статус-кво и революцией, то они не восстанут¹. Мы будем придерживаться этого условия на протяжении всей книги.

Важной чертой этого неравенства является то, что оно сравнивает выигрыш от революции с выигрышем от сохранения статус-кво. Это сравнение концептуально корректно как для группы в целом, так и для «осевого» агента, который своим участием определяет успех революции. Любая из этих интерпретаций адекватна для того, что следует ниже, хотя другие возможности также рассматриваются в следующем подразделе.

Вспоминая определения из главы IV (IV.7), ограничение революцией в (V.3) эквивалентно

$$\theta > \mu. \quad (V.4)$$

Наша модель революции проста. Тем не менее у нее есть две убедительные особенности, важные для нашего анализа. Во-первых, ограничение революцией (V.4) с большей вероятностью будет связывать, когда в обществе больше неравенства (т.е. когда θ высоко). Это интуитивно понятно. В обществе с большим неравенством граждане получают только малую долю ресурсов; с революцией они могут взять контроль над всеми производственными мощностями. Поэтому естественно, что революция становится более привлекательной для граждан в обществе с большим неравенством. Во-вторых, революция более привлекательна, когда $1 - \mu$, доля произведенного, остающаяся для распределения в после-революционном обществе, высока либо в силу технологических причин, либо потому, что граждане смогли успешно решить проблему коллективного действия.

¹ Выражая это более формально, в случае равенства гражданам будут безразличны как революция, так и отсутствие революции, и их выбор также должен определяться как часть равновесия. В моделях, изучаемых в этой книге, нет потери в применимости тезиса к ним при допущении, что в случае равенства они не восстанут.

2.3. Проблемы коллективного действия в революции

Перед тем как угроза революции становится реальностью и, следовательно, перед тем как ограничение революцией становится ограничением, с которым приходится иметь дело элитам, граждане должны преодолеть потенциальные проблемы коллективного действия, неотъемлемые при координации участия в революционной деятельности. Важность проблем коллективного действия подчеркивал М. Олсон в своей классической книге «Логика коллективного действия» [Olson, 1965], где он проанализировал, с чем сталкиваются группы, убеждая индивидов принять участие в действиях, которые затратны для них самих, но выгодны для всей группы. Его анализ был применен к революциям Г. Таллоком [Tullock, 1971].

Чтобы увидеть потенциальные проблемы коллективного действия при организации революции, предположим (что вполне правдоподобно), что участие в революционной деятельности или самой революции затратно, и обозначим эти затраты $\varepsilon\bar{y}$. Как обычно, мы нормализуем эти затраты к среднему доходу. Это может включать реальную цену приложения усилий в революционной деятельности, предполагаемые затраты в связи с опасностью участия в незаконной деятельности, так же как и цену упущенных заработков вследствие того, что революционная деятельность может заменить работу на рынке труда. Сначала нам нужно точно определить обстоятельства, при которых попытка революции может оказаться успешной. Ясно, что если никто из граждан не принимает участие в революционной деятельности, революции не будет. Предположим, что для успеха необходимо участие в революционной деятельности по меньшей мере $\xi^p \leq 1 - \delta$ граждан.

Теперь рассмотрим выигрыш агента, принявшего участие в революционной деятельности. Оно задается послереволюционным выигрышем за вычетом издержек революционной деятельности, или $(1 - \mu)\bar{y}/(1 - \delta) - \varepsilon\bar{y}$, если революция успешна, и $y^p - \varepsilon\bar{y}$, если революция терпит поражение. Напротив, выигрыш гражданина, не принимающего участие в революционной деятельности есть $(1 - \mu)\bar{y}/(1 - \delta)$, или y^p при указанных двух случаях. Выгоды одни и те же, поскольку революция есть публичное благо в том смысле, что когда она происходит, то меняет все общество и влияет на всех граждан одинаково. Следовательно, каким бы ни был результат, выигрыш от неучастия всегда выше, чем выигрыш от участия в революции. Поэтому все граждане предпочитают быть «безбилетниками» в отношении революционной деятельности других, чем самим нести затраты. Единственное очевидное исключение, когда агент, принимающий решение участвовать или нет в революционной деятельности, является «осевым» в том смысле, что его или ее участие гарантирует или существенно увеличивает шансы на успех революции, и его

или ее неучастие означает либо провал, либо существенное уменьшение шансов на ее успех. Поскольку граждане многочисленны, действие одного из них обычно не является решающим для исхода революции. Этим вводится знаменитая проблема коллективного действия, или проблема безбилетника — ни один гражданин не пожелает вкладываться нужным образом в революционную деятельность и угроза революции исчезнет.

В литературе по проблемам коллективного действия, включая «Логика коллективного действия» Олсона, был выявлен ряд способов, какими группы могут пытаться решать проблемы коллективного действия, включая использование идеологии и денежных выгод. Денежные выгоды, в свою очередь, могут быть полезным образом подразделены на две категории: частные выгоды и исключение.

Во-первых, группы могут индоктринировать своих членов так, чтобы те рассматривали участие в деятельности, выгодной для группы, как позитивное действие, прямо добавляющее к их полезности. В случае с гражданами, пытающимися организовать революционную деятельность, это может означать, что вдобавок к цене \bar{e}_y , гражданин i может рассматривать участие в революционной деятельности как приносящее неденежное благо $\vartheta^i \bar{y}$. В этом случае, если революция успешна, то участие в ней даст выигрыш $(1 - \mu)\bar{y} / (1 - \delta) + \vartheta^i \bar{y} - \bar{e}_y$ гражданину i , тогда как неучастие принесет $(1 - \mu)\bar{y} / (1 - \delta)$. Если революция потерпит поражение, участие дает $y^p + \vartheta^i \bar{y} - \bar{e}_y$, в то время как неучастие — y^p . Следовательно, будет иметь место участие в революционной деятельности всех граждан, для которых $\vartheta^i - \varepsilon > 0$, и если критическая масса индивидов получает существенные идеологические блага, последует революция. Этот тип индоктринации явно является общей стратегией всех революционных группировок, поскольку без нее революции обычно не достигают успеха. Тогда можно считать, что руководство потенциально революционной группы использует такой тип индоктринации, когда революция выгодна для группы в целом, т.е. когда остается в силе (V.3).

Во-вторых, группы могут попытаться создавать частные денежные выгоды для тех, кто участвует в коллективном действии. Рассмотрим сначала стратегию обеспечения частными выгодами, обозначаемыми $b\bar{y}$, индивидов, принимающих участие в коллективной деятельности. Как мы вскоре будем это рассматривать, большинство революционеров в реальном мире пытаются создавать частные, денежные или иные выгоды, за участие в революционной деятельности, которые участники могут сохранить, даже если революция потерпит поражение. В этом случае возмещение за участие в коллективном действии, когда революция успешна, будет $(1 - \mu)\bar{y} / (1 - \delta) + b\bar{y} - \bar{e}_y$, тогда как за неучастие — $(1 - \mu)\bar{y} / (1 - \delta)$. Когда революция терпит поражение, соответствующими выигрышами будут $y^p + b\bar{y} - \bar{e}_y$ и y^p . Из этого следует, что пока $b > \varepsilon$, коллективное дей-

ствие рационально для агентов, получающих частные блага. И снова можно считать, что когда коллективное действие — например, революция — более выгодна для группы в целом, руководство группы более склонно обеспечивать частные выгоды для критической массы; таким образом, можно ожидать, что революционная деятельность будет также больше поощряться частными благами, когда имеет место уравнение (V.3).

На практике наиболее распространенной стратегией для решения проблем коллективного действия является исключение. Исключение ограничивает выгоды, получаемые от коллективного действия, только для тех, кто участвует в этом действии. Эмпирическая литература иллюстрирует важность исключения на практике. Например, пусть число участвующих граждан будет ξ . Ясно, что $\xi \leq 1 - \delta$, поскольку общее число граждан есть $1 - \delta$. Более того, предположим, что революция победит, если $\xi \geq \xi^p$. Допустим, что все граждане сохраняют свои доходы, что бы ни произошло (включая успешную революцию). Вдобавок к этому, если имеет место революция, доходы элит распределяются между всеми принимающими участие. Другими словами, каждый революционный агент получит совокупный доход в $y^p + (1 - \mu)y^r / \xi$, пока $\xi \geq \xi^p$. Тогда, учитывая что революционная деятельность имеет цену $\epsilon\bar{y}$, революция произойдет, если

$$y^p + \frac{(1 - \mu)y^r}{\xi^p} - \epsilon\bar{y} > y^p \Rightarrow \frac{(1 - \mu)y^r}{\xi^p} > \epsilon\bar{y}. \quad (V.5)$$

Это условие предполагает, что максимальный чистый доход от революции должен быть больше, чем издержки вовлечения в революционную деятельность. Левая сторона формулы — максимальная чистая выгода потому, что она есть выгода для гражданина от участия в революции, когда в ней участвует минимально необходимое число агентов. Поэтому она максимизирует выгоду, приходящуюся на индивида. Когда остается в силе условие (V.5), то устанавливается революционное равновесие с $\bar{\xi} > \xi^p$ агентов, участвующих в революции и в успешной революции², где $\bar{\xi}$ дано в:

$$\frac{(1 - \mu)\theta\bar{y}}{\bar{\xi}\delta} = \epsilon\bar{y}, \quad (V.6)$$

² Имеется иное равновесие Нэша, где, даже если удовлетворяется (V.5), имеется «фiasco координации», так что ни один агент не принимает участие в революции, поскольку все они верят, что никто другой не примет в ней участие. В оставшейся части книги мы предполагаем, что группа каким-то образом способна решить проблему координации, например, благодаря действиям ее лидеров, и избегает этого менее привлекательного равновесия.

используя то, что $y' = \theta \bar{y} / \delta$. То, что $\bar{\xi} > \xi^p$ прямо следует из того, что остается в силе (V.5), и того, что левая сторона (V.6) уменьшается вместе с уменьшением ξ .

В этом случае, когда имеются проблемы коллективного действия, но они решаются исключением, можно считать, что ограничение революцией соответствует уравнению (V.5), или

$$\theta > \frac{\varepsilon \bar{\xi} \delta}{1 - \mu}. \quad (\text{V.7})$$

Интересные результаты, вытекающие из (V.7), аналогичны случаю, когда соответствующее ограничение задано (V.4). Например, в обоих случаях увеличение межгруппового неравенства, выраженного параметрами как θ , сделает ограничение революцией более вероятным. В оставшейся части книги мы работаем с более простым условием — (V.4).

Отметим также другое следствие использования исключения для решения проблемы коллективного действия. Можно думать, что большее ξ^p соответствует более серьезной проблеме коллективного действия, поскольку необходимо участие большего числа граждан в революции, чтобы она была успешной, и следовательно, необходимо убедить больше индивидов действовать ради группы. В категориях выраженного в более редуцированной форме условия (V.4), это аналогично более высокому μ . Поэтому мы несколько неопределенно говорим об уровне μ , отражающем и технологические факторы, связанные с тем, как много производственных мощностей экономики граждане могут использовать в послереволюционном обществе, и серьезность проблем коллективного действия.

Наконец проблема коллективного действия в революции подразумевает, что ограничение революцией будет действенным не всегда. Может оказаться так, что граждане в состоянии решить проблему коллективного действия в какие-то периоды времени, но не в иные. Позже, когда мы будем рассматривать динамические модели, это будет одним из источников преходящей политической власти для граждан в недемократии.

2.4. Свидетельства о проблеме коллективного действия

Эмпирические исследования того, как на практике решаются проблемы коллективного действия, имеются в изобилии (см., например: [Lichbach, 1995; Moore, 1995]). Хотя есть различные способы классифицировать предполагаемые решения проблемы коллективного действия [Lichbach, 1995, p. 20–21], большинство исследователей подчеркивают, как это делали и мы, важность идеологии. Тем не менее большая часть эмпирических данных более касается того, как частные выгоды и исключение используются теми, кто пытается организовать коллективное действие.

С. Попкин дает классическое описание решения проблемы коллективного действия во время вьетнамской революции. Он утверждает, что «проблема организации поддержки и победы над безбилетниками была главной в стратегии Вьетминя» [Popkin, 1979, p. 223]. Их главным средством было разбиение больших проблем, таких как организация революции, на множество мелких, где индивиды могли видеть, как важен их вклад, и где каждый непосредственно получал выгоду. Попкин утверждает, что «одно соображение особенно могло оказаться критически важным для эффективной мобилизации крестьянства... первоначальная организация крестьян фокусировалась на местных целях и благах с немедленным вознаграждением» [Ibid., p. 262]. Это аналогично нашей модели, где индивиды получают частную выгоду *b_y* независимо от результата действия. Когда коммунисты овладевали деревнями, они стремились избирательно давать то, к чему стремились крестьяне, например, землю, в обмен на их участие. «Даже когда организация производит делимые блага для индивидуального потребления, есть аспекты коллективных благ для самой организации... возможно производить выгоды для крестьян, так же как и “революционный прибавочный продукт”, который затем можно использовать для поддержки наддеревенской организации и применять для более широких организаторских целей». Иллюстрацию того, как это действовало, читаем у этого же автора далее:

После того как в Кохинхине земля была перераспределена и ренты уменьшены, крестьяне обычно приходили, для того чтобы предупредить кадровых работников Вьетминя о том, что в округе есть французские солдаты или агенты; они не рисковали оказаться безбилетниками в вопросе о предупреждениях, ожидая, что кто-либо другой оповестит кадрового работника [Ibid., p. 257].

Таким образом, когда Коммунистическая партия поставила вопросы правильным образом и применила избирательные стимулы, люди находили рациональным участвовать в коллективном действии. К примеру, Попкин отмечает, что хотя передача земли крестьянам в частную собственность была против философских убеждений коммунистов, поскольку они отдавали предпочтение общественной собственности и коллективным хозяйствам, они тем не менее давали землю крестьянам, сотрудничавшим с революционерами. Он цитирует высокопоставленного коммунистического деятеля, который заявил:

...эта система [частная собственность] далека от совершенства... Однако мы должны были ее придерживаться, поскольку все наше политическое действие среди крестьян основано на праве каждого на индивидуальную собственность. Мы рисковали бы потерять их поддержку, если бы прекратили делить земельные владения [Ibid., p. 241].

То, что одной из целей революции была радикальная земельная реформа и земля могла перераспределяться тем, кто принимал участие, и не даваться непринимавшим, позволило Вьетминю применять стратегию исключения для поощрения участия в коллективном действии.

Частью стратегии Вьетминя для решения проблемы коллективного действия было также использование существующих социальных сетей и общинных институтов: «Коммунисты создавали небольшие организации братской взаимопомощи, четверть членов которых составляли политзаключенные. Эти организации строились вокруг дружеских союзов, групп по постройке соломенных хижин, местных культовых сообществ и систем страхования» [Popkin, 1979, p. 230; Woodside, 1976, p. 179].

Некоторые иные информативные кейс-стади демонстрируют силу избирательных стимулов в поддержании коллективного действия. Норма Кригер [Kriger, 1992] показала, как участие в революционной войне в Зимбабве было движимо ожиданием личной выгоды. Она проинтервьюировала бывших участников партизанских формирований Зимбабвийского африканского национального союза (ЗАНС) и обнаружила, что они присоединялись к движению, потому что ожидали личной выгоды и, в частности, повышения своего статуса в местных сообществах. Людей, обладавших высоким статусом, приходилось принуждать к вступлению в ЗАНС.

Эффективность частных выгод для стимулирования коллективного действия наглядно иллюстрируется свидетельствами о геноциде в Руанде. Во всеобъемлющем исследовании, «Хьюман Райтс Уотч» (Human Rights Watch), под руководством историка Элисон дес Форджес имеется много примеров, как политическая элита хуту решала проблемы коллективного действия при мобилизации хуту для осуществления резни тутси. Например:

...они (бургомистры) направляли местную полицию, ополчение, просто иных граждан, или позволяли им сжигать дома и угрожать жизни тем, кто отказывался участвовать в насилии. Они также предлагали мощные стимулы для вовлечения колеблющихся в убийства. Они сами или другие по их просьбе давали нападавшим деньги, еду и питье, а в некоторых случаях марихуану. Они поощряли разграбление собственности тутси, иногда даже вплоть до того, что грабежом руководила местная полиция. ...В нескольких местах полиция делала выговоры людям, желавшим только грабить, но не убивать. ...Одним из важнейших ресурсов для бургомистра в вербовке участников были его полномочия по контролю за распределением земли, очень желаемого и ограниченно-го источника богатства для, в основном, сельскохозяйственного населения. Хуту, нападавшие на тутси в 1960-е годы, завладели полями своих жертв. Поколением позже люди снова надеялись получить больше земли, убив или изгнав тутси [Des Forges, 1999, p. 236–237].

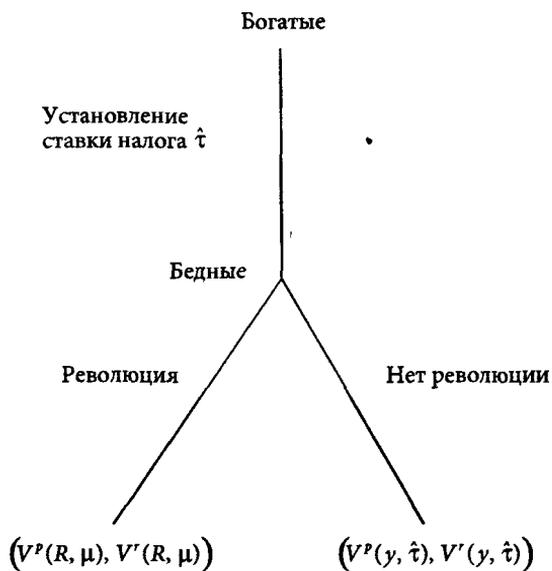

РИС. V.1. Ограничения в недемократии

Несомненно, что и для Руанды была важна идеология, а долговременная вражда между хуту и тутси играла важную роль в конфликте. Приведенные выше свидетельства говорят и о том, что другой вид избирательных стимулов — негативные санкции против не принимавших участие в геноциде — также оказался полезным.

В рамках нашего теоретического подхода ключевым является понимание, что коллективное действие по своей сути временно. Даже с использованием идеологии или стимулов решение проблемы коллективного действия трудно вначале, и его очень тяжело поддерживать. Эмпирическая литература также подчеркивает тот факт, что трудность решения проблемы коллективного действия ведет к тому, что обычно коллективное действие является временным. Так, М. Ликбак отмечает: «Коллективное действие, если оно предпринято на краткий срок, может действительно осуществиться; коллективное действие, требующее длительных периодов времени — нет... Учитывая то, что приверженность большинства людей тому или иному делу испытывает неизбежный упадок, большинство диссидентских групп эфемерны, большинство диссидентских кампаний кратки» [Lichbach, 1995, p. 17]. В вопросе о кратковременном характере коллективного действия ему вторит С. Тарроу [Tarrow, 1991, p. 15], отмечая «истощение массового политического участия», а Дж. Росс и Т. Гурр [Ross, Gurr, 1989, p. 414] обсуждают политическое «выгорание». Сходным образом Р. Хардин утверждает, что

...широкое политическое участие гражданского общества получает восторженное выражение только в моменты краха государства или сильного кризиса. Его невозможно вечно поддерживать на высоком уровне [Hardin, 1995, p. 18].

3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ В НЕДЕМОКРАТИЯХ

Теперь давайте отставим в сторону проблему коллективного действия и начнем изучать следствия ограничения революцией (V.4), связывающего недемократический политический процесс. Чтобы это сделать, рассмотрим следующую игру, изображенную на рис. V.1. Говоря об этой и других играх в дальнейшем, мы рассматриваем элиту и бедных как одиночных игроков. В целом, чтобы точно определить, каково равновесие в такой игре, нам пришлось бы описать функции выигрыша и стратегии для всех элит и всех граждан. Тогда равновесие Нэша включало бы детализацию стратегий, по одной для каждого игрока так, чтобы ни один член элиты и ни один гражданин не мог бы увеличить свой выигрыш, изменив стратегию. Тем не менее такой уровень общности является избыточным. Все члены элиты одинаковы, так же как и все граждане. Более того, как это было рассмотрено ранее, мы предполагаем, что обе группы решили свои проблемы коллективного действия. Это дает нам основания рассматривать обе группы как совокупность и говорить об «элите» и «гражданах», а также изучать равновесие, возникающее на основе взаимодействий между этими двумя группами. И все-таки, определяя выигрыши, мы делаем это на индивидуальном уровне, потому что даже когда проблема коллективного действия решена, поведение должно быть рациональным для индивида.

На рис. V.1 элита делает первый ход и устанавливает ставку налога — τ^N . Мы используем обозначение $\hat{\tau}$ для конкретного значения τ^N , установленного для того, чтобы избежать революции. Видя эту ставку налога, граждане решают, предпринять ли революцию. Если они этого не делают, игра завершается с выигрышами:

$$V(y^p | \tau^N = \hat{\tau}) = (1 - \hat{\tau})y^p + \hat{T} = y^p + (\hat{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{\tau})\bar{y}) \quad (V.8)$$

и

$$V(y^r | \tau^N = \hat{\tau}) = (1 - \hat{\tau})y^r + \hat{T} = y^r + (\hat{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\hat{\tau})\bar{y}),$$

где $\hat{T} = (\hat{\tau} - C(\hat{\tau}))\bar{y}$. Эти выигрыши следуют из перераспределения в недемократии при ставке налога $\hat{\tau}$. Второе равенство из этих уравнений меняет выражение для $V(y^i | \tau^N = \hat{\tau})$ особо поучительным образом для последующего изложения книги. В частности, $\hat{\tau}(\bar{y} - y^i) - C(\hat{\tau})\bar{y}$

является чистым объемом перераспределения для $i = p, r$ так, что $\hat{t}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{t})\bar{y} > 0$ в то время как $\hat{t}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{t})\bar{y} > 0$; т.е. элита теряет от перераспределения доходов.

Альтернативным образом, граждане могут избрать попытку революции, в каком-то случае мы делаем допущение, что революция всегда успешна и они получают выигрыши:

$$V^p(R, \mu) \frac{(1-\mu)\bar{y}}{1-\delta} \text{ и } V^r(R, \mu) = 0,$$

где выигрыш для граждан возникает на основе того, как мы определили технологию революции, а элита не получает ничего, потому что все ее доходы экспроприируются. Здесь имеет значение не то, что элита ничего не получает, но что получаемое ей достаточно мало, так что члены элиты хотят избежать революции.

Как мы решаем подобную игру? Ответом является «обратная индукция», начинающаяся с конца дерева игры. Эта техника, к которой мы обращались в главе IV, полезна потому, что она характеризует равновесие Нэша, совершенное на подыграх в этой игре. Равновесие, совершенное на подыграх, есть усовершенствование первоначального понятия равновесия Нэша, полезное в играх с последовательными ходами и в динамических играх. Ключевой особенностью такого равновесия, впервые отмеченной Селтенем [Selten, 1975], является то, что оно исключает равновесия Нэша, подкрепленные неправдоподобными угрозами «вне пути равновесия». «Вне пути равновесия» означает, что эти равновесные стратегии таковы, что угроза не будет осуществлена — она остается всего лишь угрозой. Неправдоподобная угроза — это угроза, которую делающий ее игрок не нашел бы оптимальным реально осуществить, если бы был призван сделать это.

Рассмотрим предельный пример. Представьте себе, что граждане требуют все деньги элиты, или они взорвут мир вместе с собой. Столкнувшись с такой угрозой, для элиты оптимально отдать гражданам все ее деньги. Это одно равновесие Нэша. Однако оно основывается на угрозе, что если элита откажется, граждане взорвут мир. Эта угроза вне пути равновесия, поскольку элита передает свои деньги, и гражданам, следовательно, не приходится выполнять свою угрозу. Представим, однако, что элита отказывается. Теперь граждане должны решить, взорвать ли мир. Столкнувшись с этой ситуацией, граждане не реализуют свою угрозу, вероятно, потому что лучше ничего не получить от элиты, чем убить себя. Поэтому их угроза не правдоподобна и равновесие Нэша, поддерживаемое этой неправдоподобной угрозой, не является привлекательным. К счастью, имеется иное, более правдоподобное равновесие Нэша,

в котором элита отказывается что-либо дать гражданам и граждане не взрывают мир. Это второе равновесие Нэша действительно является равновесием, совершенным на подыграх, в то время как первое — нет, потому что оно основывается на неправдоподобной угрозе. Учитывая важность для этой книги убедительности угроз и обещаний, мы широко используем то ограничение, что равновесия должны быть совершенными на подыграх.

Необходимо различать два случая. В первом ограничении революцией (V.4) не связывает действий элит. Из этого следует, что даже если элита устанавливает ставку налога, которую больше всего предпочитает, $\tau^N = \tau^r$, предпринять революцию не в интересах граждан. Тогда в равновесии, совершенном на подыграх этой игры, элита ожидает, что революция никогда не случится, и, следовательно, устанавливает наиболее предпочитаемую ей ставку налога, $\tau^N = \tau^r = 0$.

Для нашего изложения более интересен тот случай, когда (V.4) связывает действия элит.

Теперь, если элита установит $\tau^N = \tau^r$, в интересах граждан будет предпринять революцию. Предвидя это, элита попытается сделать уступку — например, изменить политику так, чтобы она была ближе к предпочитаемой гражданами. В данном контексте это подразумевает установление ставки налога, достаточной для того, чтобы предотвратить революцию. Поэтому первый вопрос здесь: а существует ли такая ставка налога? Лучшей налоговой ставкой, с точки зрения граждан, является $\tau^N = \tau^p$, как это дано в (IV.11), и, в конце концов, τ^p есть та ставка налога, которую граждане установили бы сами, так что элита, пытаясь максимизировать полезность граждан, никогда не сможет сделать лучше, чем установить эту налоговую ставку. Таким образом, вопрос в том, имеет ли место

$$y^p + (\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}) \geq \frac{(1-\mu)\bar{y}}{1-\delta}$$

или, используя определения в (IV.7), имеет ли место

$$\mu \geq \theta - (\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (V.9)$$

Мы используем нестрогое неравенство, потому что, как отмечалось ранее, исходим из того, что если граждане не делают различия между статус-кво и революцией, то они не восстают.

Если (V.9) не имеет места, то даже наилучшая ставка налога для граждан недостаточна для предотвращения революции. Так может быть в связи с тем, что граждане хорошо организованы и смогли полностью решить проблему коллективного действия, или в связи с тем, что они

могут вполне продуктивно использовать производственные мощности экономики после революции. Оба эти сценария преобразуются в низкое значение μ . Или же (V.9) может не иметь места из-за того, что налогообложение дорогостояще, так что даже наилучшая ставка налога для граждан перераспределяет недостаточно средств в их пользу. В этом случае единственное равновесие предполагает, что граждане предпринимают революцию.

Другой случай, возможно, более интересный с точки зрения нашего анализа, это когда (V.9) имеет место. В этом случае существует уникальная ставка налога $\hat{\tau}$, такая что $V(y^p | \tau^N = \hat{\tau}) = V^r(R, \mu)$ заданное:

$$\mu = \theta - (\hat{\tau}(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau})). \quad (V.10)$$

Из (V.9) следует, что эта ставка налога такова, что $\tau \leq \hat{\tau}^p$. Значит, в этом случае уникальное равновесие предполагает, что элита устанавливает налог $\hat{\tau}$ для предотвращения революции.

Интересная особенность этой простой игры в том, что, несмотря на то, что элита полностью контролирует формальную политическую власть в недемократии, она может быть вынуждена отступить от наиболее предпочитаемой ею ставки налога, τ^r , поскольку в недемократии есть иные источники политической власти, сдерживающие ее действия, — в нашей формулировке отражаемые понятием *ограничение революцией*. Такой вид политической власти — власть де-факто — граждане исключены из политической системы, но могут бросить эффективный вызов. Боясь революции, исходящей от этой политической власти граждан де-факто, элита идет на уступки и устанавливает ставку налога, перераспределяющую часть ее ресурсов в пользу граждан.

Перед тем, как сформулировать главный результат, необходимо ввести более формальное определение стратегий. Пусть $\sigma^r = \{\tau^N\}$ будут действия, предпринимаемые элитой, которые состоят из ставки налога $\tau^N \in [0, 1]$, где N в верхнем индексе относится к недемократии. Аналогичным образом $\sigma^p = \{\rho(\bullet)\}$ — действия граждан, состоящие из решения начать революцию, $\rho(\tau^N)$ ($\rho = 1$ представляет революцию), где это решение зависит от текущих действий элиты, делающей ход в игре перед гражданами, согласно временной последовательности событий, изображенной на рис. V.1. Следовательно, ρ есть функция, $\rho: [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$. Тогда равновесие, совершенное на подыграх, — комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ такая, что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ являются лучшими ответами друг на друга во всех подходящих подыграх. Мы всегда используем тильды для представления отдельного равновесия.

В равновесии могут присутствовать различные профили стратегий, в зависимости от параметров. Тем не менее для любой спецификации па-

раметров равновесие уникально. Когда $\theta \leq \mu$, ограничение революцией не связывает и следующие стратегии составляют равновесие: $\tau^N = 0$ и $\rho(\tau^N) = 0$ для всех τ^N . Согласно этим стратегиям, элита устанавливает ставку налога, равную 0, и граждане никогда не восстают, какой бы ни была ставка налога. Здесь не имеет значения, что делает элита (т.е. $\rho = 0$ независимо от τ^N), потому что у бедных доминирующая стратегия. Отметим то важное свойство, что стратегии должны точно определять поведение и на, и вне пути равновесия. Даже если стратегия элиты устанавливает нулевую ставку налога, стратегия граждан определяет, какое действие предпринимать для всех ставок налога, не только равной нулю.

Когда $\theta > \mu$ и (V.9) не имеет места, то следующий профиль стратегии является единственным равновесием: $\rho(\tau^N) = 1$ для всех τ^N . В этом случае даже установление ставки налога τ^p не остановит революцию — что бы ни делала элита, граждане восстают. У граждан снова доминирующая стратегия, теперь — восставать независимо от τ^N .

Наконец, что более всего интересно, когда $\theta > \mu$ и (V.9) не имеет места, следующий профиль стратегии является единственным равновесием: $\tau^N = \hat{\tau}$ и $\rho(\tau^N) = 0$ для всех $\tau^N \geq \hat{\tau}$; также вне пути равновесия, $\rho(\tau^N) = 1$ для всех $\tau^N < \hat{\tau}$. Здесь революция привлекательна, если элита не делает уступок, но, поскольку имеет место (V.9), граждан можно отговорить от революции с помощью уступок, особенно установив ставку налога $\hat{\tau}$, как это представлено в (V.10). Опять отметим детализацию поведения вне пути равновесия. Элита устанавливает ставку налога $\hat{\tau}$, и граждане не восстают, если им предложена ставка налога $\tau^N \geq \hat{\tau}$. Тем не менее стратегия гражданина говорит, что если будет предложена ставка налога $\tau^N < \hat{\tau}$, они восстанут. Именно эта «угроза» вне пути равновесия склоняет элиту дать перераспределение. Эта угроза правдоподобна, поскольку если элита уклонится и попытается выйти из положения с меньшим перераспределением, для граждан будет оптимальным предпринять революцию. Понятие равновесия Нэша, совершенного на подыграх, открыто требует, чтобы такие угрозы были правдоподобны.

Резюмируя результаты этого анализа, получаем следующее.

Теорема V.1. *Имеется единственное равновесие, совершенное на подыграх $\{\bar{\sigma}^r, \bar{\sigma}^p\}$ в игре, описанной на рис. V.1, и оно таково, что:*

- Если (V.4) не связывает, то $\tau^N = 0$ и $\rho(\tau^N) = 0$ для всех τ^N .
- Если (V.4) связывает и (V.9) не имеет места, то $\rho(\tau^N) = 1$ для всех τ^N .
- Если (V.4) связывает и (V.9) не имеет места, то $\tau^N = \hat{\tau}$, где $\hat{\tau}$ задано (V.10), и $\rho(\tau^N) = 0$ для всех $\tau^N \geq \hat{\tau}$, и $\rho(\tau^N) = 1$ для всех $\tau^N < \hat{\tau}$.

Рассмотренное выше и теорема V.1, следовательно, выявляют, как в недемократии политика равновесия определяется сочетанием предпочтений элиты и ограничений, с которыми она сталкивается. Когда эти ограничения отсутствуют или очень нежесткие (как в случае, если (V.4) не связывает), значимы предпочтения элиты. Когда ограничения жесткие (например, если (V.4) связывает), элиты ограничены в возможных для них вариантах выбора.

Наша модель строится естественным образом на существующих моделях революции. Эти исследования (см., например: [Roemer, 1985; Grossman, 1991; 1994; Wintrobe, 1998; Bueno de Mesquita et al., 2003]) рассматривают простые игры, где авторитарные режимы могут быть свергнуты гражданами, и по-разному реагируют на эту угрозу, идя на уступки, такие как сокращение налогов и перераспределение активов, или прибегая к репрессиям. Как и в ходе нашего анализа, эти работы абстрагируются от проблемы коллективного действия. Наше главное нововведение будет сделано позже, когда мы продемонстрируем, как может возникнуть демократизация, когда уступки неосуществимы и репрессии слишком дорогостоящи. Чтобы понять, когда уступки осуществимы, а когда нет, необходимо рассмотреть, насколько они вызывают доверие.

4. ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

4.1. Основные вопросы

Важной проблемой на протяжении всей этой книги является неспособность тех, кто контролирует политическую власть, связать себя обязательством не применять ее. Иными словами, проблема в том, что, когда обладающие политической властью дают обещания тем, кто ее не имеет, иногда эти обещания могут не вызывать доверия. Это важно, в свою очередь, потому что без таких вызывающих доверие обещаний для стоящих у власти открывается меньше возможностей. В частности, иногда они могут оказаться не в состоянии удовлетворительно справляться с кризисами, такими как постоянная угроза революции, рассмотренная в предыдущем разделе.

Проблема связывания себя обязательствами есть проблема политической власти. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим недемократию, в которой политическая власть находится в руках элит. По той или иной причине — но, как мы увидим, скорее всего во избежание революции — элиты хотели бы пообещать в будущем избирать такие меры государственной политики, которые более приемлемы для граждан, например, у них может быть намерение пообещать перераспределять доходы в

пользу граждан. Однако элиты обладают политической властью в недемократии и, следовательно, имеют право определять уровень налогов и трансферов в будущем. Они могут пообещать осуществлять трансферы, но эти обещания могут не вызывать доверия у граждан. Завтра они начнут принимать решения об этих трансферах и, если не в их интересах осуществлять их *завтра*, они их не сделают. Они начнут решать, осуществлять ли эти трансферы завтра, потому что обладают политической властью.

Важно подчеркнуть, что проблема связанности обязательствами вырастает из потенциальной расстыковки между обозначенными в принятых решениях получателями благ и обладателями политической власти. Трансферы выгодны для граждан, но они осуществляются элитами, не являющимися получателями этих благ. Напротив, именно они несут бремя любых трансферов. Поэтому обычно не в их интересах осуществлять эти трансферы в будущем, и их обещания будущих трансферов и перераспределения не вызывают доверия. Сопоставим это с ситуацией, когда политическая власть находится в руках граждан. Здесь имеется соответствие между идентичностью обладателей политической власти и теми, кто получает выгоду от трансферов. Граждане, конечно, хотели бы реализации трансферов от элит к себе. Это проливает свет на то, что *проблемы обязательств* возникают, когда политическая власть не в руках получателей обещанных благ. В сущности, обладатели политической власти не могут связать себя обязательством не применять ее, чтобы отступить от обещаний, сделанных в прошлом³.

Проблемы обязательств присутствуют не только в политике, но также и во всех сферах общественной жизни. Почти все экономические трансакции имеют временное измерение. Торговцы обычно поставляют товары сегодня, но получают оплату завтра. Проблема обязательств возникает, если покупатели обещают заплатить завтра, но, когда завтра наступает, осуществлять платеж не в их интересах. В этом случае они отступают от своих обещаний и не осуществляют платеж. Таким образом, в социальных и экономических отношениях есть большой простор для проблем обязательств. Однако в большинстве случаев у общества есть

³ Многие исследователи подчеркивают тот факт, что ключевой особенностью политической экономики является отсутствие третьей стороны, которая могла бы проводить в жизнь обещания, данные государством, и это ведет к проблемам обязательств и свойственным им неэффективностям. Эта идея рассматривается Д. Нортом [North, 1990] и М. Олсоном [Olson, 1993], является главной в работах Норта и Б. Вайнгаста [North, Weingast, 1989; Weingast, 1997; 1998] и имплицитно присутствует во многих других исследованиях. Обсуждение того, как неспособность связать себя обязательствами порождает неэффективности в достижении политических результатов, см.: [Grossman, Noh, 1994; Dixit, 1996; Dixit, Londregan, 1995; Besley, Coate, 1998].

относительно недорогие способы решения большинства главных потенциальных проблем обязательств. Чтобы устранить потенциальные проблемы, нужно ликвидировать свободу покупателей решать, платить им завтра или нет, не опасаясь никаких последствий, если они отступят от обещания. Как мы видели, проблема в том, что когда покупатели принимают такое решение без всякого принуждения, они предпочитают не осуществлять платеж (тем самым сохранить деньги в своем кармане). Должно быть какое-то «принуждение» в отношении их действий, или некоторые потенциальные последствия (т.е. наказания), если они решат не платить. Есть три возможных способа решения этих проблем обязательств: контракты, повторяющиеся трансакции и изменение идентичности тех, кто берется принимать решение.

Самый распространенный способ решения потенциальных проблем обязательств — составление подлежащих исполнению контрактов в письменном виде. Например, торговец может убедить покупателя подписать контракт во время доставки, оговаривая, что через несколько дней покупатель осуществит платеж торговцу. Что случится, если покупатель не осуществит платеж? Если контракт действительно подлежит исполнению, есть внешний орган (обычно суд), куда торговец представляет жалобу на то, что покупатель нарушил условия контракта. Данный орган, установив истинность этого утверждения, наказывает покупателя и заставляет его осуществить платеж, если это возможно. В идеальном мире контракты решают большинство потенциальных проблем обязательств. Однако даже в сфере чисто экономических трансакций мы далеки от идеального мира, и имеется много проблем с такими видами контрактов при экономических трансакциях, включая происходящие от асимметричности информации. В числе их также проблемы, связанные с тем фактом, что некоторые важные характеристики, желательные для включения в контракт (такие как качество товара, поставляемого торговцем покупателю) могут быть не «контрактабельны», потому что внешний орган неспособен проследить за истинным качеством (следствия этого типа проблем контрактов являются темой обширной литературы по экономике организаций, например: [Williamson, 1985; Grossman, Hart, 1986]). Но потенциальные проблемы с контрактами становятся намного более серьезны, даже непреодолимы, когда мы попадаем в сферу действия политики.

Сущностно важной характеристикой данного сценария является то, что когда покупатели решают отступить от своего обещания, в дело вступает внешний орган и «проводит контракт в жизнь». Без такого проведения в жизнь контракт немногочисленного бы стоил. Покупатели отказывались бы от обещаний и не страдали бы ни от каких последствий. В экономических трансакциях такое проведение в жизнь иногда трудно, но, в сущ-

ности, возможно, так как имеется «государство» с его монополией на легитимную силу принуждения и тот факт, что оно делегирует эту силу другим органам (таким как суды), так что они могут провести контракт в жизнь. Однако в сфере политики те группы, которые контролируют политическую власть в сущности и являются «государством». Здесь и сокрыта проблема. Когда дело доходит до контрактов, которые государство или социальные группы, контролирующие государство, хотели бы составить с другими (например, элиты, контролирующие политическую власть в недемократии, заключающие контракт с гражданами), они по определению будут не проводимыми в жизнь, потому что группы, контролирующие государство, не могут *связать себя обязательством* не использовать свою силу, чтобы отказаться от обещаний и изменить условия контракта. Из этого следует, что договорные решения редко являются полезными при политических проблемах связывания себя обязательствами, потому что агентом, нарушающим контракт, чаще всего является именно та сторона, которая, как предполагается, должна проводить его в жизнь [Acemoglu, 2003a].

Другое возможное решение — повторяющиеся игровые взаимодействия. Покупатели могут удерживаться от нарушения обещаний, если ожидают вести дела с теми же самыми торговцами в будущем, и неявным (или явным) согласием между ними является, что, если покупатели откажутся платить, они не смогут участвовать в торговле в будущем. Такие повторяющиеся игровые взаимодействия являются несовершенной заменой контрактов. Они несовершенны, потому что работают только тогда, когда агенты высоко ценят будущее, а ренты, порождаемые продолжающимися отношениями, достаточно велики для покупателей, чтобы нести убытки от платежей сегодня с тем, чтобы в будущем получить эти ренты через торговлю или оказаться перед лицом наказания в виде исключения из потенциально выгодных отношений. Далее мы рассматриваем, как такой вид повторяющихся игровых взаимодействий может помочь, но часто оказывается недостаточным.

Есть еще одна возможность: изъять полномочия по принятию решений у покупателей. Если вопрос о том, будет ли сделан платеж, будет решаться торговцем, а не покупателем, проблема будет решена. В предыдущем экономическом примере это можно сделать, если покупатель даст торговцу чек с обозначенной на нем будущей датой, а последний обналичит его в обозначенный день. Обналичить чек явно в интересах продавца, потому что он сам получает выгоду, а затраты несет покупатель. Другими словами, проблема обязательств решается ликвидацией разъединения идентичностей выгодополучателя действия, т.е. торговца, и лица, предпринимającego действие, т.е. покупателя. Теперь действие предпринимает торговец, и он предпримет то действие, которое в его

интересах, решая тем самым проблему обязательств. Хотя такие простые решения недоступны на политической арене, нечто сходное по духу может быть самым полезным средством: изменить идентичность обладателя политической власти так, чтобы больше не было разъединения между выгодополучателем от политики и идентичностью группы, обладающей политической властью.

Проблема обязательств и то, как политические институты ее решают, сущностно важна для понимания оставшейся части книги. На самом деле, как это отмечено в введении, ключевая роль политических институтов в нашей модели заключается в регулировании будущего распределения политической власти. Демократизация, радикальное изменение политических институтов, возникает как способ передачи политической власти от элит гражданам. Необходимость в такой передаче власти возникает из-за проблемы обязательств, присущей политике. Как и покупатель, не желающий платить, элиты, обладающие политической властью в недемократии, не захотят делать какие-либо уступки (такие, как трансферы доходов) гражданам. Поэтому, когда граждане исключены из политической системы, обещания перераспределения и трансферов в будущем, делаемые элитами, не вызывают доверия. Демократизация, передавая политическую власть гражданам, является способом сделать такие обещания убедительными. То, что демократия сама страдает от проблем обязательств, рассматривается в главе VII. В демократии большинство граждан могут вводить меры государственной политики, крайне неблагоприятные для элит. В ответ на это элиты могут угрожать предпринять переворот, чего демократы постараются избежать с помощью уступок. Тем не менее так же как в недемократии элиты могут оказаться не в состоянии избежать революции с помощью обещаний, ибо они не вызывают доверия, в демократии может оказаться невозможным избежать переворотов, делая обещания.

4.2. Почему трудно взять обязательство не применять политическую власть

Перед тем как перейти к формальному анализу обязательств в политических контекстах, рассмотрим три подробных исторических примера того, как трудно для тех, кто обладает политической властью, дать обязательство не применять ее. Ранее уже приводились интересные примеры и некоторые из их последствий в Южной Африке. В главе I мы рассматривали, как после восстания в Соуэто в 1976 г. правительство белых обещало много уступок, включая прекращение создания черных хоумлендов. Однако после того как Соуэто было усмирено и угроза рассеялась, белое правительство не сдержало свои обещания. Другой ин-

тересный южноафриканский пример связан с выборами 1994 г. Когда стало очевидным, насколько значительным будет большинство, которое получит АНК, его лидеры обеспокоились тем, чтобы оно было не слишком велико. Например, если бы АНК получил более 66% голосов, он смог бы в одностороннем порядке вносить изменения в конституцию. АНК, по-видимому, из-за своей цели создать консолидированную демократию, которая предотвратила бы подрывные действия и, возможно, бегство капиталов белого меньшинства, предпочел бы иметь не такое значительное большинство в парламенте. Вследствие этого АНК пытался избежать получения такого большинства голосов на выборах 1994 г., которое позволило бы ему переписывать конституцию. Конституция была важной частью достижения демократии в Южной Африке, и АНК осознавал, что, получив возможность переписывать конституцию, мог бы не удержаться от этого, что было бы шагом, чреватым потенциально катастрофическими последствиями.

Мы сосредоточиваем внимание на трех других примерах, каждый из которых касается государства, делающего уступки перед лицом революционной угрозы. Во всех случаях обещание этих уступок сработало в том смысле, что революция была прервана и революционеры не достигли передачи политической власти. Из-за этого и в силу временного характера власти де-факто во всех трех случаях государство не сдержало своих обещаний. Это вызывает естественный вопрос: почему такие обещания останавливают революцию? Естественной причиной этого в реальности, как и в моделях, которые мы разрабатываем, является то, что обычно неясно насколько на самом деле оправдано доверие. Даже если революционеры знают, что сложатся обстоятельства, при которых обещания не выполнятся, может оказаться так, что лучше поставить на исполнение таких обещаний, чем пренебречь ими полностью.

4.2.1. Крестьянское восстание 1381 г.

Крестьянское восстание 1381 г. было одним из самых важных народных восстаний в британской истории. В его описании мы следуем изложению событий Р. Хилтона [Hilton, 1973], Р. Добсона [Dobson, 1983] и К. Дайера [Dyer, 1984]. Оно началось как местный бунт в Эссексе и быстро распространилось на значительную часть юго-восточной Англии. Наконец крестьянская армия двинулась на Лондон, захватила лондонский Тауэр, убила архиепископа Кентерберийского и королевского казначея и представила свои жалобы непосредственно 14-летнему королю Ричарду II на знаменитом собрании в Майл Энд.

Основной предпосылкой восстания были последствия Черной смерти. Эта эпидемия в 1340-е годы сильно увеличила заработки и привела ко многим изменениям феодальных институтов, выгодным для кре-

стьян. Однако в течение этого периода лорды постоянно пытались подтвердить свои права, что вело ко множеству конфликтов. Крестьяне хотели освободиться от феодальных трудовых ограничений, предписаний и налогов. Английское государство также постоянно вело дорогостоящие войны и, чтобы способствовать их финансированию, Ричард II ввел подушную подать в 1380 г. От каждого, внесенного в списки налогоплательщика, требовалось платить пять пенсов. За четыре года данный налог взимался уже в третий раз. Если крестьяне не могли заплатить налог деньгами, они должны были платить натурой.

В мае 1381 г. сборщик налогов прибыл в деревню Фоббинг в Эссексе чтобы установить, почему люди не заплатили подушную подать, и был изгнан жителями. В июне для установления закона и порядка прибыли солдаты. Они тоже были изгнаны, поскольку жители Фоббинга теперь организовались, и многие другие местные деревни в Эссексе к ним присоединились. Восстание быстро охватило графства Кент, Суффолк, Хертфордшир и Норфолк. Вождем крестьян стал Уот Тайлер из Кента. По мере продвижения крестьян из Кента и Эссекса на Лондон, они уничтожали налоговые записи, списки налогоплательщиков и правительственные здания.

К 12 июня люди из Эссекса стали лагерем в Майл Энд, в полях сразу по ту сторону Олдгейта. На следующий день люди из Кента прибыли в Блэкхиз. Власти оказались не готовы ко всему этому. В течение нескольких дней к различным отрядам восставших из Эссекса и Кента присоединилась часть лондонской бедноты. Они начали преследовать политические цели в городе и сожгли дворец Савой — дом Джона Гонта — дяди Ричарда II и, вероятно, самого могущественного магната в государстве. Они подожгли Хайбери Манор — резиденцию казначея, открыли тюрьмы и уничтожили юридические документы.

14 июня король Ричард и небольшая группа лордов и рыцарей встретилась с эссекскими крестьянами в Майл Энд. Крестьяне поклялись в верности Ричарду и вручили ему петицию, в которой просили об отмене крепостного права, о труде, основанном на свободно заключаемых контрактах, и праве брать в аренду землю по четыре пенса за акр. Король согласился на эти требования. Удивительно, что позднее в этот же день некоторые крестьяне вошли в сам Тауэр, захватив королевские спальни и гардеробные. Находясь в Тауэре, восставшие арестовали епископа Кентерберийского, канцлера и врача Джона Гонта, втащили их на Тауэр Хилл и казнили. После этих событий многие из эссекских повстанцев начали рассеиваться.

На следующий день король Ричард встретился с кентскими крестьянами в Смитфилде. Они потребовали уничтожения власти всех лордов, кроме короля, конфискации церковных земель и их раздела между на-

селением и того, чтобы во всем королевстве были только епископы. Как и ранее, король согласился на все выдвинутые ему требования. Однако вождь восставших, Уот Тайлер, якобы обратился к королю с дерзостью, и мэр Лондона стащил Тайлера с лошади, а один из сквайров убил его. Толпа собралась броситься на короля и его людей, но Ричард противостоял им. Смерть Тайлера и еще одно обещание короля Ричарда дать крестьянам то, о чем они просили, оказались достаточными, чтобы отправить их домой.

С 16 июня 1381 г. в Лондоне была обеспечена безопасность, и со временем власти восстановили контроль на всех ранее охваченных мятежом территориях. Король Ричард выпустил прокламацию, где отрицались слухи о том, что он одобрил сделанное повстанцами и вскоре после этого отменил данное им прощение. Затем последовало судебное расследование и король посетил все прежде мятежные территории. В графствах Эссекс и Хертфордшир с повстанцами обошлись сурово — многие из главных вождей восстания были уже мертвы, оставшиеся в живых были казнены. Как писал хронист того времени:

...После того король отправил своих посланников в различные части страны для поимки злодеев и предания их смерти. И многие были схвачены и повешены в Лондоне, и они установили много виселиц вокруг Лондона и в других городах и городках юга страны. Наконец, и это было угодно Богу, король, видя, что слишком многие из его подданных будут погублены и слишком много крови будет пролито, возымел жалость в своем сердце и даровал им полное прощение при условии, что они никогда не восстанут снова, под страхом лишения жизни или членов тела, и что каждый из них должен получить свою хартию прощения и заплатить королю пошлину в 20 шиллингов за его печать, чтобы обогатить его. И так закончилась эта злосчастная война (цит. по: [Oman, 1906, p. 200–203, 205]).

Король Ричард не сдержал ни одного из своих обещаний, утверждая, что они были сделаны под угрозой и, следовательно, не имели законной силы. Это крестьянское восстание является классическим примером того, как после исчезновения угрозы обещания уступок могут быть не исполнены, поскольку не произошло изменений в структуре политической власти де-юре.

4.2.2. Восстание «комунеро» в Новой Гренаде (Колумбия)

Другой классический пример отказа от обещаний дает поздняя испанская колониальная империя в Латинской Америке. Когда династия Бурбонов взойшла на испанский трон в начале XVIII в., она попыталась осуществить многочисленные изменения колониальных институтов, в основном с целью увеличения налоговых поступлений. Это привело к

к широкому недовольству и двум крупным восстаниям: знаменитому восстанию Тупак Амару в Перу (см.: [Stavig, 1999; Robins, 2002]) и восстанию «комунеро» в Колумбии (известной в колониальный период как Новая Гренада).

Мы следуем недавнему описанию событий в книге Ф. Саффорда и М. Паласиоса, внесшей решающий вклад в изучение проблемы (см. также важные работы по этой теме, принадлежащие Г. Арсинегасу [Arsinegas, 1938], П. Карденас Акосте [Cardenas, 1960], Дж. Фелану [Phelan, 1978] и М. Агилере Пенья [Aguilera Peña, 1985]). Саффорд и Паласиос отмечают, что

нововведения при испанских Бурбонах помогли посеять семена колониального восстания. Административная реформа в колониях означала... сознательную политику преференций для испанцев по отношению к креолам при занятии высоких постов, политику, которая еще больше усилила раздражение, которое вызывала система у жителей колоний. Попытки увеличить налоговые сборы провоцировали народное восстание и вели к подрыву авторитета испанских должностных лиц... Фискальные потребности войны возбудили крупные бунты, связанные со взиманием налогов в Новой Гренаде в 1760-е годы и полномасштабное восстание в 1781 г. [Safford, Palacios, 2002, p. 54–55].

В Новой Гренаде

...в 1750-е годы... должностные лица начали прилагать усилия к более эффективному сбору доходных статей. Государственная монополия на продажу спиртных напитков из сахарного тростника... стала существенным источником доходов. В 1760-е годы Королевское правительство установило монопольный контроль над продажей табака. ... Позднее чиновники... подняли цены и на спиртные напитки, и на табак, и в числе других обложений налогами удвоили взимание налога с продаж [Ibid., p. 63–64].

Восстание «комунеро» началось с протестов в Боготе в 1778 г. против табачной монополии. Табак широко выращивался мелкими фермерами в Новой Гренаде, и монополия постепенно сократила те территории, где он мог выращиваться, чтобы ограничить предложение и максимизировать доходы королевского правительства. Гуанента, область на северо-востоке Новой Гренады (ныне департамент Сантандер), пострадала особенно сильно. В 1780 г. бунты вспыхнули в Чарале, Моготес и Симакоте. Эти действия не привели ни к каким уступкам со стороны правительства, и коронный регент Гутьеррес де Пиньерес не только ужесточил табачную и спиртную монополии, но также и удвоил налог с продаж в тот же год. Эти повышения налогов

...были особенно тяжелы для жителей Гуаненты, поскольку хлопок-сырец и хлопковая пряжа были среди затронутых ими товаров, а Гуанента была главным центром хлопкопрядения в вице-королевстве. Для бедноты в Гуаненте эти меры означали уничтожение одного из главных средств к существованию, табака, и угрожали второму — хлопкопрядению [Safford, Palacios, 2002, p. 65].

Вдобавок к этому плохая погода вызвала нехватку продовольствия в регионе, а также случилась серьезная вспышка оспы. Начиная с марта 1781 г. в регионе постоянно вспыхивали бунты. Королевские табачные и спиртные склады были уничтожены, и организаторами восстания, хотя и начатого беднотой, вскоре стали «люди среднего состояния — мясники, ткачи, торговцы скотом и мелкие фермеры»; более того, «состоятельные люди стали занимать официальные должности в руководстве» [Ibid., p. 66]. В мае повстанцы сокрушили небольшие силы, высланные против них Гутьерресом де Пиньерес, и получили широкую поддержку на севере и северо-востоке Новой Гренады. После этой первоначальной победы, восставшие, теперь называвшие себя «комунерос», двинулись на юг к Боготе и к концу мая они (численностью, возможно, от 15 тыс. до 20 тыс.) были неподалеку от столицы.

К этому времени Гутьеррес де Пиньерес бежал из города и реальная власть была в руках у архиепископа Кабальеро й Гонгора. Он немедленно согласился со списком из 35 требований «комунерос», включая отмену нового налога с продаж. Предполагалась отмена и табачной монополии. Вкратце, как констатировали Саффорд и Паласиос, «выполнение всех этих условий означало бы отмену практически всех нововведений Бурбонов в сфере сборов за предыдущие два десятилетия» [Ibid., p. 67]. Вдобавок к этому «комунерос» потребовали изгнания Гутьерреса де Пиньерес и введения креолов в правительство.

После того как архиепископ согласился со всеми этими требованиями, ему удалось убедить повстанцев отправиться домой. Однако

после того, как пыл восстания несколько охладился в Гуаненте, и королевским войскам прибыли подкрепления из Картахены... королевское правительство осуществило примерные наказания. Хосе Антонио Галан, упорствовавший в восстании после капитуляции июня 1781 г., и три других «комунерос» были казнены в январе 1782 г.; их головы, руки и ноги были повешены на шести на площадях столицы и городов, игравших важную роль в восстании. Другие... были приговорены к двумстам ударам плетью, публичному позору и тюремному заключению в Африке. Безземельные крестьяне Гуаненты были отправлены колонистами на Панамский перешеек. ...После того как были осуществлены самые суровые наказания, королевские чиновники... отменили соглашение с «комунерос».

Таким образом, хотя обещания уступок было достаточно для того, чтобы умиротворить «комунерос» в июне 1781 г., как только угроза утихла, королевские власти отказались от своих обещаний.

4.2.3. Русская революция 1905 г.

Наш последний пример — русская революция 1905 г. [Ascher, 1988; 1992; Verner, 1990; Rawson, 1995]. Катализатором революции послужило катастрофическое военное поражение России в войне с Японией, особенно битва при Цусиме в мае 1905 г., но она также отразила многогранную социальную напряженность, присущую российскому обществу. Хотя крепостные были освобождены в 1865 г.⁴, по-прежнему имелись многочисленные ограничения на их права покупки земли или передвижения, и условия на фабриках в городах, где недавно началась индустриализация, были очень тяжелыми. Владельцы фабрик сопротивлялись попыткам рабочих создавать профессиональные союзы. В 1903 г. священнику по имени Георгий Гапон удалось создать «Ассамблею русских рабочих». За год ее численность достигла более чем 9 тыс. человек.

Движение Гапона набрало силу в 1904 г., когда высокая инфляция, вызванная войной против Японии (начавшейся в феврале), привела к падению реальной заработной платы на 20%. Когда четыре члена «Ассамблеи русских рабочих» были уволены с Путиловских железодельных заводов, Гапон призвал к забастовочному движению. В течение следующих нескольких дней забастовали более чем 110 тыс. петербургских рабочих. В попытке разрешить конфликт Гапон обратился лично к Николаю II и в январе 1905 г. составил петицию, в которой обрисовал страдания и требования рабочих. В петиции были выдвинуты требования восьмичасового рабочего дня; свободы организации профессиональных союзов; улучшения условий труда; бесплатной медицинской помощи; повышения заработной платы для женщин-работниц; выборов в Учредительное собрание на основе всеобщего, равного и тайного голосования; свободы слова, печати, союзов и религии, а также окончания войны с Японией.

22 января Гапон возглавил демонстрацию, направившуюся к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, чтобы передать петицию царю. Когда процессия рабочих достигла дворца, она была атакована полицией и казаками. Больше сотни рабочих было убито и около трехсот — ранено. Это происшествие, прозванное «кровавым воскресеньем», положило начало ряду событий, ставших известными как революция 1905 г. По всей стране начались забастовки; закрылись университеты, когда все студенты покинули их в знак протеста против отсутствия гражданских свобод. Юристы, доктора, инженеры и другие трудящиеся из среднего класса создали «Союз союзов» и потребовали созыва Учредительного собрания.

⁴ Ошибка в оригинале. Это произошло в 1861 г. — *Примеч. пер.*

В июне 1905 г. матросы на военном корабле «Потемкин» устроили протест в связи с тем, что их накормили гнилым мясом. В ответ капитан приказал расстрелять зачинщиков. Взвод, который должен был их расстрелять, отказался исполнить приказ и присоединился к остальной части команды корабля. Офицеры были сброшены ими за борт. Мятеж на «Потемкине» распространился на другие части армии и военного флота.

Промышленные рабочие забастовали по всей России, а в октябре 1905 г. забастовали железнодорожники, что парализовало всю российскую систему железных дорог. Позднее в этом месяце Лев Троцкий и другие меньшевики создали Санкт-Петербургский Совет. В течение нескольких следующих недель более 50 советов были сформированы по всей России.

Сергей Витте, новый премьер-министр, советовал Николаю II пойти на уступки. Тот в конце концов согласился и опубликовал «Октябрьский манифест», даровавший свободу совести, слова, собраний и союзов. Он также обещал, что в будущем не будет тюремного заключения без суда. Наконец, он объявил, что ни один закон не вступит в силу без одобрения новой организации — Думы. Поскольку она была всего лишь консультативным органом, многие россияне чувствовали, что реформа не пошла достаточно далеко. Троцкий и другие революционеры осудили этот план. В декабре 1905 г. Троцкий и исполнительный комитет Санкт-Петербургского Совета были арестованы. Тем не менее объявление об уступках, сделанное в «Октябрьском манифесте», имело следствием успокоение страны и подрыв революционной угрозы.

Первая Дума была избрана на основе непрямого всеобщего голосования мужчин. Крестьяне, горожане и дворяне избирали своих представителей. Делегаты от всех губерний собирались в губернском городе и выбирали членов Думы. Однако со времени публикации Манифеста Николай II сделал несколько изменений в составе Думы: он создал Государственный Совет, верхнюю палату, в которой он назначал половину членов. Он также оставил за собой право объявлять войну, осуществлять контроль над Православной церковью и распускать Думу. Царь также имел право назначать и смещать министров. Даже перед тем, как собралась Первая Дума, Николай II отступал от данных им в октябре обещаний.

Тем не менее в Первой Думе было левое большинство, состоявшее из социалистов-революционеров, меньшевиков, большевиков, октябристов и членов Конституционно-демократической партии. На первом заседании в мае 1906 г. члены Думы выдвинули ряд требований, включая освобождение политических заключенных, права для профессиональных союзов и земельную реформу. Николай II отверг все эти требования и распустил Думу в июле 1906 г. В апреле 1906 г. Николай II выну-

дил Витте уйти в отставку и заменил его более консервативным Петром Столыпиным. Столыпин попытался обеспечить баланс между началом очень нужных социальных реформ, таких как земельная, и подавлением радикалов.

Выборы во Вторую Думу прошли в 1907 г. Столыпин внес изменения в закон о выборах и использовал свои полномочия для отстранения значительного числа населения от голосования. Новый закон о выборах также давал лучшее представительство знати и большие полномочия крупным помещикам в ущерб крестьянам. Изменения были внесены и в правила голосования в городах: владельцы собственных домов избирали больше половины депутатов от городов. Это уменьшило влияние левых, но когда Вторая Дума собралась в феврале 1907 г., она по-прежнему включала многих реформаторов. После трех месяцев ожесточенных дебатов Николай II распустил Думу 16 июня 1907 г.

Третья Дума собралась 14 ноября 1907 г. Над прежней коалицией социалистов-революционеров, меньшевиков, большевиков, октябристов и конституционных демократов теперь имели численный перевес реакционеры и националисты. В отличие от предыдущих Дум, эта отработала свой полный пятилетний срок.

Русская революция 1905 г. является нашим последним примером того, как возможно отказаться от обещаний при отсутствии фундаментальных изменений в характере политической власти де-юре. В ответ на беспорядки и восстания 1905 г. Николай II сделал уступки, включающие, до некоторой степени, создание демократического института — Думы. Однако Дума была недостаточно сильна, чтобы гарантировать выполнение Николаем II его уступок; когда революционный момент прошел, Николай II в должное время отступил от них.

4.3. Моделирование проблем обязательств в недемократии

Мы начинаем описывать место действия, вводя простые способы моделирования потенциальных проблем обязательств в политике. Сначала вернемся к игре, показанной на рис. V.1, ключевой особенностью которой является то, что элиты решили, какой будет ставка налога до того, как граждане приняли решение относительно революции. Теперь представьте себе альтернативную игру, показанную на рис. V.2, в которой сначала граждане принимают решение относительно революции, затем, если революции нет, элиты устанавливают ставку налога. Разница между этими двумя играми может показаться незначительной, но на самом деле она есть: в игре, показанной на рис. V.1, не было проблемы обязательств. Элиты устанавливают ставку налога до решения граждан относительно революции и могут использовать эту ставку налога, для

того чтобы избежать угрозы революции. Сейчас у элит больше нет такой возможности, поскольку они устанавливают ставку налога после решения граждан относительно революции.

Проанализируем равновесие, совершенное на подыграх этой игры. Как обычно, мы делаем это с помощью обратной индукции, начиная с последней подыгры — той, которая проходит после решения граждан не предпринимать революцию. В этой подыгре элиты должны определить размер ставки налога, эта ставка налога проводится в жизнь и игра заканчивается. Поскольку более не остается каких-либо ограничений, они просто избирают наиболее предпочитаемую ими ставку налога, $\tau^r = 0$, дающую выигрыши гражданам и элитам:

$$V^p(N) = V(y^p | \tau^N = \tau^r) = y^p \text{ и } V^r(N) = V(y^r | \tau^N = \tau^r) = y^r. \quad (V.11)$$

Мы обозначаем $V^i(N)$ как ценность принимаемого решения для $i = p, r$ в недемократии, когда элиты задают идеальную для них политику. Переходим к предыдущей стадии игры, когда граждане должны выбрать между революцией, которая даст им выигрыш $V^p(R, \mu)$ как это задано в (V.1), или отсутствием революции, что даст им выигрыш $V^p(N) = V(y^p | \tau^N = \tau^r)$. Первое больше, когда имеет место (V.4), так что граждане предпринимаят революцию всегда, когда складывается ситуация (V.4).

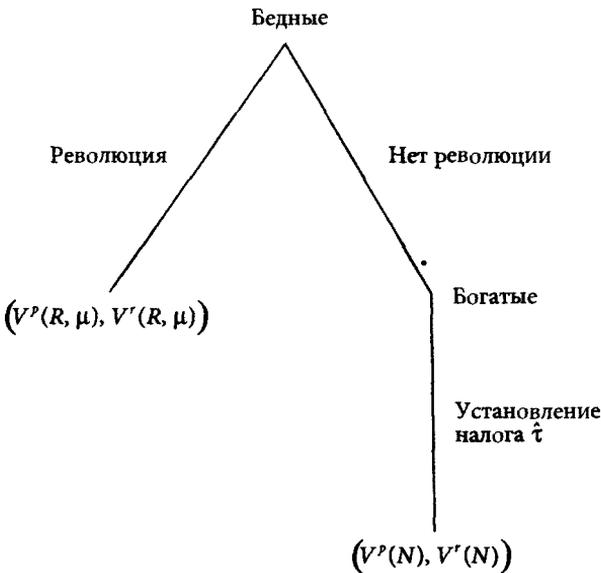

РИС. V.2. Проблема обязательств в недемократии

Уточняя равновесие, мы снова используем обозначения $\sigma^p = \{\rho\}$ и $\sigma^r = \{\tau^N\}$. Граждане играют первыми и выбирают $\rho \in \{0, 1\}$ (т.е. восставать или нет), в то время как элиты играют вторыми и выбирают ставку налога τ^N . Поскольку элиты начинают играть только если $\rho = 0$, мы отмечаем это как выбор (не функцию) $\tau^N \in [0, 1]$. Тогда подыгровое совершенное равновесие есть сочетание стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ такое, что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ суть лучшие ответы друг на друга во всех соответствующих подыграх.

Можно видеть, что следующие профили стратегии являются единственными равновесиями. Когда $\theta \leq \mu$, мы имеем $\rho = 0$ и $\tau^N = 0$. В этом равновесии ограничение революцией не связывает действий элит, так что граждане не восстают и элиты устанавливают предпочитаемую ими ставку налога, равную нулю. Когда $\theta > \mu$, то следующий профиль стратегии является единственным равновесием: $\rho = 1$. В этом случае революция есть оптимальное действие, и бедные предпринимают ее. Теперь мы имеем следующую теорему.

Теорема V.2. *Имеется единственное равновесие, совершенное на подыграх $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ в игре, изображенной на рис. V.2, и оно таково, что:*

- Если (V.4) не связывает, то $\rho = 0$ и $\tau^N = 0$.
- Если (V.4) связывает, то $\rho = 1$.

Результаты этой теоремы отличны от результатов теоремы V.1, и равновесная революция происходит для значительно большего набора параметров. Это отражает проблему обязательств для элиты. В игре, описанной в предыдущем подразделе, не было проблемы обязательств, поскольку элиты делали ход до того, как граждане должны были решить, предпринимать ли революцию. Теперь есть серьезная проблема обязательств. Чтобы пролить свет на сущность этой проблемы, представим себе элиты «обещающими» перераспределение, для того чтобы избежать революции. Однако это не вызывает доверия, поскольку, согласно игре на рис. V.2, они делают ход после решения граждан относительно революции, и любое сделанное ими обещание не будет убедительным.

Эта игра иллюстрирует более общую проблему обязательств, обрисованную ранее: обладающие политической властью (здесь — элиты) не могут обещать трансферы в будущем до тех пор, пока они удерживают политическую власть. В игре, показанной на рис. V.2, решение элит о налогообложении было сделано после решения граждан относительно революции; это предполагает, что элиты должны обещать делать трансферы в будущем. Именно это обещание, отнесенное в будущее, не является убедительным. Однако эта ситуация в некотором смысле представлена в редуцированной форме, потому что здесь нет в действительном смысле настоящего или будущего, и об обещаниях можно говорить только в

в общем виде, поскольку игра реально не предусматривает обещаний. Мы постепенно обогащаем эту игру и используем ее как строительный блок для нашего анализа демократизации в главе VI. В следующем разделе мы вводим версию этой простой игры, используемой на протяжении всей книги, которая, в свою очередь, является упрощением полной динамической игры, вводимой в следующем разделе.

5. ПРОСТАЯ ИГРА ОБЕЩАНИЙ

Пока что мы рассмотрели ограничение революцией и то, как элиты пытаются предотвратить революцию, делая обещания перераспределить блага. Мы также показали, почему эти обещания могут не вызывать доверия: поскольку элиты удерживают политическую власть, и, обладая ею, они могут отказаться от своих обещаний. Два важных элемента отсутствуют в этой картине: 1) эффективная угроза революции является редким явлением и имеет место только тогда, когда гражданам удастся решить проблему коллективного действия, присущую революции; и 2) пока что мы анализировали игры, в которых либо элиты делают ход до решения граждан относительно революции и нет проблемы обязательств, либо они делают ход после решения граждан относительно революции и нет возможности дать достоверное обещание. Мы бы хотели иметь вместо этого игру, допускающую некоторую возможность обещаний со стороны элит, но эти обещания только частично убедительны.

На рис. V.3 показана простейшая игра, включающая эти характеристики. Первый ход делает природа и выбирает между двумя состояниями угрозы, низкой и высокой: $S = L$ или H . Мотивация для введения этих двух состояний заключается в том, чтобы подчеркнуть, что только в некоторых ситуациях имеется эффективная угроза революции. Вообще это может быть потому, что некоторые обстоятельства уникально благоприятны для решения проблемы коллективного действия — такие как неурожай, экономическая депрессия, окончание войны или какой-либо иной экономической, социальной или политический кризис. Мы делаем допущение, что эффективность революционной угрозы различается при этих двух состояниях, в частности, что выигрыш для граждан от революции в состоянии S есть:

$$V^P(R, \mu^S) = \frac{(1 - \mu^S)\bar{y}}{1 - \delta}, \quad (\text{V.12})$$

где мы считаем, что состояние низкой угрозы соответствует случаю, когда для граждан будет довольно дорогостояще решить проблему коллективного действия или иные проблемы при организации революции, так что μ^L высоко. Чтобы упростить рассмотрение, мы берем предельный

случай, когда $\mu^L = 1$. Напротив, в состоянии высокой угрозы граждане способны решить проблему коллективного действия с довольно низкими затратами, и/или оборона элит плохо организована, так что угроза революции может быть действенной, что мы отображаем, делая допущение — $1 > \mu^H > 0$. Поскольку μ^L действительно не играет никакой реальной роли в нашем анализе, мы пренебрегаем возможностью такого состояния далее в книге, для того чтобы упростить деревья игры, начиная с этого момента, мы используем обозначение $\mu^H = \mu$.

После того как в природе устанавливается состояние угрозы, элиты определяют ставку налога как τ^N . Видя эту ставку налога, граждане решают, предпринимать ли революцию. Пока что игра не очень отличается от изображенной на рис. V.1. Действительно, если бы она закончилась здесь, то была бы почти идентичной, только обогащенной двумя состояниями вместо одного. Однако после решения граждан относительно революции возможна игра продолжения, отображающая в редуцированной форме те проблемы, с которыми встретятся обладатели политической власти, обещая предпринять в будущем меры, не отвечающие их непосредственным интересам. В частности, природа делает следующий ход и определяет, начнут ли элиты менять ставку налога с τ^N до нового уровня, отличного от того, который они обещали. Более конкретно, с вероятностью p обещание перераспределять при ставке налога τ^N , сделанное элитами, остается в силе. Но с вероятностью $1 - p$ обещание не имеет силы, и элиты начинают менять ставку налога. Мы используем $\bar{\tau}^N$ для обозначения этой ставки налога. В этот момент, поскольку возможность организовать революцию прошла, элиты действуют без принуждения и устанавливают наиболее предпочитаемый ими налог, $\bar{\tau}^N = \tau^r$. Мы применяем обозначение $v \in \{0, 1\}$ для выбора природы с $v = 1$, указывающим, что элиты могут переменить ставку налога.

Эта игра продолжения после решения граждан относительно революции есть моделирование в редуцированной форме неспособности обладателей политической власти связать себя обязательствами при решении вопроса о будущем перераспределении благ и налогообложении. Когда $p = 1$, проблемы обязательств нет, и мы имеем ситуацию, изображенную на рис. V.1; но когда $p = 0$, имеется полная неспособность связать себя обязательствами, то мы имеем игру, показанную на рис. V.2. Поэтому мы можем использовать p как способ задать меру способности недемократического режима связать себя обязательствами. В этой игре нет «будущего» в прямом смысле слова, потому что скорее есть только один период перераспределения, чем явное различие между «сегодня» и «в будущем». Тем не менее игра продолжения включает, и относительно простым образом, возможность того, что после исчезновения угрозы революции элиты могут отступить от своих обещаний. В следующем

разделе будет показано, что в полностью динамической модели, в которой угроза революции снова возникает в будущем, есть редуцированная форма, сходная с анализируемой нами теперь более простой игрой, показанной на рис. V.3.

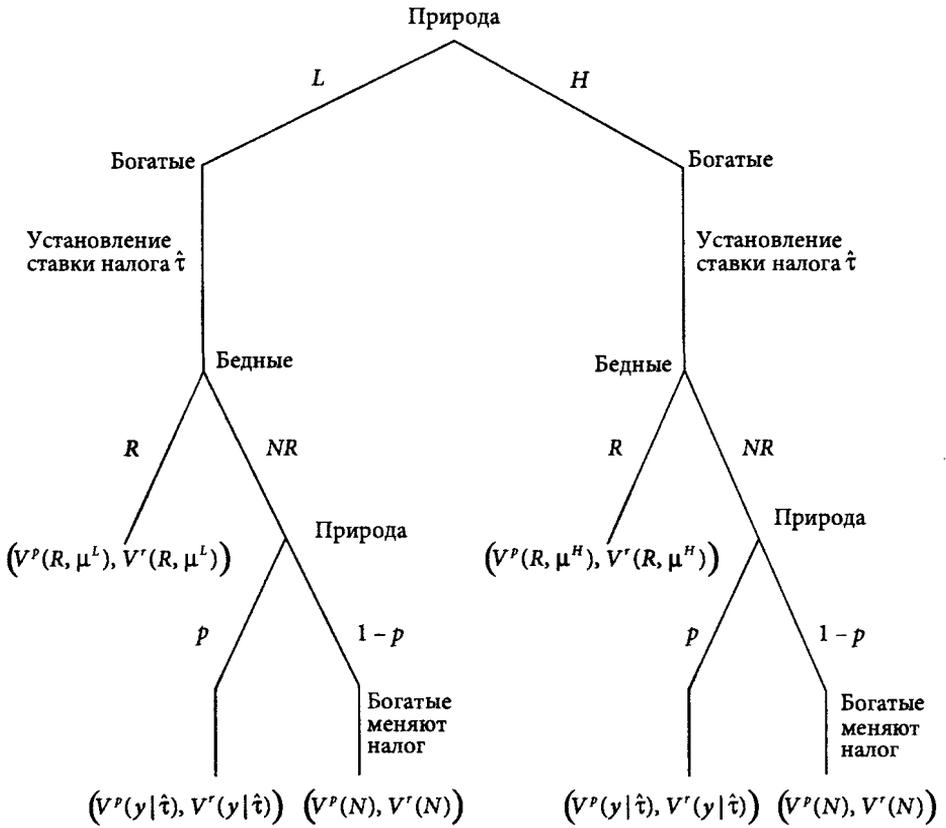

РИС. V.3. Игра обещаний

Соответствующие выигрыши таковы: если граждане предпринимают революцию, выигрыши составляют $V^P(R, \mu^S)$, что дано в (V.12), и $V^P(R, \mu^S) = 0$. Если элиты начинают менять ставку налога, они устанавливают наиболее предпочитаемую ими ставку τ^r , так что выигрыши суть $V^P(N)$ и $V^P(N)$, что дано в (V.11). Если они неспособны изменить налог и обещанная ставка налога τ^N остается в силе, то значения выигрыша для двух групп — $V(y^P | \tau^N)$ и $V(y^r | \tau^N)$, как дано в (V.8). Из этого следует, что ожидаемые выигрыши (в то время, когда элиты делают обещание перераспределять блага при τ^N) суть $(V^P(N, \tau^N), V^P(N, \tau^N))$ такие, что

$$V^p(N, \tau^N) = y^p + p(\tau^N(\bar{y} - y^p) - C(\tau^N)\bar{y}) \quad (V.13)$$

и

$$V^r(N, \tau^N) = y^r + p(\tau^N(\bar{y} - y^r) - C(\tau^N)\bar{y}),$$

где учитывается тот факт, что перераспределение при ставке налога τ^N случается только с вероятностью p , тогда как с вероятностью $1 - p$ элиты меняют налог на τ^r . Также заметим, что мы используем обозначение $V^i(N, \tau^N)$, которое относится к случаю, когда элиты делают обещание перераспределения при ставке налога τ^N . Это отлично от $V^i(N)$, относящегося к тем значениям выигрышей, когда элиты действуют без принуждения. Мы применяем эти обозначения на протяжении всей книги.

Таким образом, увидев обещание перераспределять при ставке налога τ^N , граждане должны сделать сравнение между $V^p(N, \tau^N)$, как дано в (V.13), и выигрышем от революции $V^p(R, \mu^S)$, как дано в (V.12). Ясно, что $V^p(N, \tau^N) > V^p(R, \mu^L)$ для любого τ^N в силу того факта, что $\mu^L = 1$. Следовательно, при «низком» состоянии, $\mu^S = \mu^L$, элиты не страдают от революции; предвидя это, они не делают уступок и просто устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = \tau^r = 0$ (или, используя наши обозначения, $\tau^N(\mu^L) = \tau^r$).

Напротив, в состоянии высокой угрозы, $S = H$, ограничение революцией может связывать. Как и ранее, мы говорим, что ограничение революцией связывает действия элит, если $V^p(R, \mu^H) > V^p(N)$, т.е. если граждане получают от революции больше, чем получили бы, если бы элиты установили наиболее предпочитаемую ими ставку налога в недемократии. Применяя (IV.7) и (V.12), получаем, что это ограничение революцией снова равно (V.4). Если такое ограничение революцией не связывает, то даже в «высоком» состоянии элиты действуют без принуждения и опять же устанавливают наиболее предпочитаемую ими ставку налога. Предположим все же, что революционное ограничение связывает (т.е. $\theta > \mu$). Что происходит тогда?

Элиты хотели бы предотвратить революцию, если это вообще возможно. Смогут ли они это сделать, зависит от того, сколько они могут пообещать гражданам. Ясно, что наиболее благоприятная ставка налога, которую они могут предложить гражданам, есть $\tau^N = \tau^p$, как это дано в (IV.11). Однако это не так хорошо, как наверняка предложить τ^p , из-за проблемы обязательств. Смогут ли элиты предотвратить революцию, зависит от того, является ли $V^p(N, \tau^N = \tau^p)$ большим, чем $V^p(R, \mu^H)$. Подробнее, ключевое условие выражается или как

$$y^p + p(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}) \geq \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{1 - \delta},$$

вспомнив, что μ^H принимает точное значение μ , или как

$$\mu \geq \theta - p(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (V.14)$$

Если неравенство ограничено (т.е. θ относительно низко) или если есть высокая вероятность того, что обещание, данное элитами, будет сдержано (т.е. p относительно высоко), то жизнь в недемократии не так уж плоха для граждан, и условие (V.14) будет оставаться в силе, а революции можно избежать.

Чтобы проанализировать эту модель, определим критическое значение цены революции μ^* такое, что (V.14) является равенством:

$$\mu^* = \theta - p(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (V.15)$$

Тогда, когда $\mu > \mu^*$, мы имеем $V^p(N, \tau^N = \tau^p) > V^p(R, \mu^H)$ или, иными словами, (V.14) будет иметь силу. Тогда мы можем определить некое $\hat{\tau} \leq \tau^p$, при этом будет следующее равенство — $V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$, которое означает, что элиты могут предотвратить революцию установлением (т.е. обещанием) этой ставки налога. Поэтому $\hat{\tau}$ удовлетворяет

$$\mu = \theta - p(\hat{\tau}(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau})). \quad (V.16)$$

Как и ранее, σ^r и σ^p у нас относятся к общему вектору действий. Здесь, $\sigma^r = \{\tau^N(\bullet), \bar{\tau}^N\}$ и $\sigma^p = \{\rho(\bullet, \bullet)\}$. Стратегии также обусловлены тем, имеется ли состояние высокой или низкой угрозы. Таким образом, стратегия элит есть функция $\tau^N : \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow [0, 1]$ (мы используем обозначение $\{\mu^L, \mu^H\}$ вместо $\{1, \mu\}$ для ясности), и стратегия для граждан есть функция $\rho : \{\mu^L, \mu^H\} \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$. Здесь, $\tau^N(\mu^S)$ — решение элит о налогообложении, когда состояние угрозы есть μ^S , и $\rho(\mu^S, \tau^N)$ — решение граждан относительно революции, когда состояние угрозы есть μ^S , и элиты избрали ставку налога τ^N . В этой игре элиты могут играть дважды. Если нет революции и природа выбирает $v = 1$, то элиты начинают менять ставку налога. Однако поскольку при $v = 0$ элиты не начинают играть снова, мы представляем это в σ^r выбором $\bar{\tau}^N \in [0, 1]$, а не функцией v . Далее равновесие, совершенное на подыграх, есть такая комбинация стратегий — $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ являются лучшими ответами друг на друга во всех соответствующих подыграх.

Когда $\theta \leq \mu$, следующий профиль стратегии является единственным равновесием: для элит — $\tau^N(\mu^S) = 0$, $\bar{\tau}^N = 0$; для граждан — $\rho(\mu^S, \tau^N) = 0$ для всех μ^S . Здесь ограничение революцией не связывает действия элит ни в одном из состояний угроз, элитам никогда не приходится делать никаких уступок, и граждане никогда не находят оптимальным принять революцию.

Когда $\theta > \mu$ и $\mu < \mu^*$, следующий профиль стратегии является единственным равновесием для элит — $\tau^N(\mu^L) = 0$ и $\bar{\tau}^N = 0$, и для граждан —

$\rho(\mu^L, \tau^N) = 0$ и $\rho(\mu^H, \tau^N) = 1$ для всех τ^N . Здесь революция достаточно привлекательна, причем настолько, что уступки не сработают. Словами это можно выразить так: стратегия элит такова, что при состоянии μ^L , они не предпринимают какого-либо перераспределения ($\tau^N = 0$), а стратегия граждан предполагает, что они не предпринимают революции при μ^L , какой бы ни была установлена ставка налога ($\rho = 0$). Если состояние — μ^H , то не имеет значения, какую ставку налога устанавливают элиты, потому что в этом случае граждане устраивают революцию, ($\rho = 1$) какой бы она ни была. Чтобы видеть, что эти стратегии составляют равновесие, обратите внимание, что ни элиты, ни граждане не могут изменить свою стратегию и увеличить свой выигрыш. Например, так как граждане играют $\rho(\mu^L, \tau^N) = 0$, то элиты не могут увеличить свой выигрыш, установив любую ставку налога, отличающуюся от нуля, так что $\tau^N(\mu^L) = \tau^r = 0$ есть лучший ответ. Аналогичным образом при $\mu^L = 1$ граждане не могут увеличить свой выигрыш, устроив революцию.

Когда $\theta > \mu$ и $\mu \geq \mu^*$, следующий профиль стратегий составляет единственное равновесие Нэша, совершенное на подыграх: $\tau^N(\mu^L) = 0$, $\tau^N(\mu^H) = \hat{\tau}$, где $\hat{\tau} \in [0, \tau^p]$ определяется тем, что $V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$ и $\bar{\tau}^N = 0$, и для граждан $\rho(\mu^L, \tau^N) = 0$ и $\rho(\mu^H, \tau^N) = 0$ для $\tau^N \geq \hat{\tau}$. Так же как $\rho(\mu^H, \tau^N) = 1$ для $\tau^N < \hat{\tau}$ вне пути равновесия.

Теперь у нас есть следующая теорема, резюмирующая равновесие этой игры.

Теорема V.3. *Имеется единственное равновесие, совершенное на подыграх $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ в игре, изображенной на рис. V.3. Пусть μ^* и τ будут заданы условиями (V.15) и (V.16); тогда настоящее равновесие выглядит так:*

- Если $\theta \leq \mu$, то $\tau^N(\mu) = 0$, $\bar{\tau}^N = 0$, и $\rho(\mu, \tau^N) = 0$ для всех τ^N и μ .
- Если $\theta > \mu$, то:
 1. Если $\mu < \mu^*$, $\tau^N(\mu^L) = 0$, $\bar{\tau}^N = 0$, и $\rho(\mu^L, \tau^N) = 0$, но $\rho(\mu^H, \tau^N) = 1$ для всех τ^N .
 2. Если $\mu \geq \mu^*$, $\tau^N(\mu^L) = 0$, $\tau^N(\mu^H) = \hat{\tau}$, $\bar{\tau}^N = 0$, и $\rho(\mu^L, \tau^N) = 0$, $\rho(\mu^H, \tau^N) = 0$ для $\tau^N \geq \hat{\tau}$ и, вне пути равновесия $\rho(\mu^H, \tau^N) = 1$ для $\tau^N < \hat{\tau}$.

Эта теорема дает полное описание стратегий равновесия, включая действия вне пути равновесия. Во избежание неуклюжих формулировок теорем, можно записать теорему V.3 в альтернативной, более интуитивно понятной форме, что полезно для последующего изложения. Записывая ее так, мы абстрагируемся от действий вне пути равновесия.

Теорема V.3 (альтернативная форма). *Имеется единственное равновесие, совершенное на подыграх $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ в игре, изображенной на рис. V.3. Пусть μ^* и $\hat{\tau}$ будут заданы условиями (V.15) и (V.16); тогда равновесие выглядит так:*

- Если $\theta \leq \mu$, то ограничение революцией не связывает, элиты никогда не перераспределяют и граждане никогда не предпринимают революции.
- Если $\theta > \mu$, то революционное ограничение связывает в «высоком состоянии». В этом случае:
 1. Если $\mu < \mu^*$, обещания элит недостаточно убедительны для того, чтобы избежать революции. В «низком состоянии» элиты не перераспределяют и революции нет, но в «высоком состоянии» революция происходит, какую бы ставку налога ни установили элиты.
 2. Если $\mu \geq \mu^*$, элиты не перераспределяют в низком состоянии, а в состоянии высокой угрозы устанавливают ставку налога $\hat{\tau}$, как раз достаточную для того, чтобы остановить революцию. Граждане никогда не восстают.

Самый важный результат нашего анализа состоит в следующем: когда обещание элит перераспределять является только несовершенно правдоподобным, (т.е. p мало), в необычные периоды, когда гражданами решена проблема коллективного действия, будет равновесная революция. Низкое p означает, что обещания, сделанные элитами, не очень правдоподобны, потому что имеется малая вероятность, что они будут их придерживаться; с относительно большой вероятностью элиты будут изменять налог после исчезновения угрозы революции. Следовательно, это тот случай, когда (поскольку элиты обладают политической властью де-юре) их обещания перераспределения в будущем не убедительны. Формально, μ^* есть уменьшающаяся функция p . Чем больше p , чем более правдоподобно обещание элит пойти на уступки, тем ниже должна быть цена революции, чтобы она стала привлекательной для граждан.

Также обратим внимание, что μ^* возрастает вместе с возрастанием θ . Чтобы убедиться в этом, снова применим имплицитную функцию теоремы и дифференцируем (V.15) по отношению к θ :

$$\frac{d\mu^*}{d\theta} = 1 - p\tau^p - p((\theta - \delta) - (1 - \delta)C'(\tau^p)) \frac{d\tau^p}{d\theta} > 0.$$

Чтобы понять, почему это выражение положительно, сначала отметим, что по условию первого порядка, которое определяет τ^p , (IV.11), мы имеем, что $(1 - \delta)C'(\tau^p) = \theta - \delta$, следовательно, второй член в $d\mu^*/d\theta$ есть нуль. Это пример применения теоремы об огибающей [Green et al., 1995, p. 964–966]. Тогда из того, что мы замечаем следует результат: поскольку p и τ^p меньше единицы, $1 - p\tau^p > 0$. Это подразумевает, что общество с большим неравенством имеет более высокий порог угроз, что просто отражает тот факт, что революции более привлекательны в

обществах с бóльшим неравенством, так что элиты нуждаются в том, чтобы обещания относительно будущего были очень правдоподобными для избежания революции.

Важное предсказание теоремы V.3, следовательно, заключается в том, что при прочих равных условиях революции происходят в неэгалитарных обществах и в обществах, где политическая власть элит затрудняет для них убедительные обещания будущих уступок (т.е. обещаний перераспределения).

Полезно поразмыслить о том, как изменятся эти результаты, если (как это делалось в главе IV) могут использоваться целевые трансферы. В этом случае элиты в недемократии могут облагать граждан налогом. Первым следствием этого являются изменения в ограничении революцией. Предпочитаемая элитами ставка налога дана в (IV.14) и ограничение революцией становится:

$$\frac{(1-\mu)\bar{y}}{1-\delta} > (1-\tau^{rT})y^p,$$

поскольку граждане платят налоги, но не получают перераспределения. Тогда:

$$\theta > \frac{\mu - \tau^{rT}}{1 - \tau^{rT}}.$$

Поскольку $(\mu - \tau^{rT}) / (1 - \tau^{rT}) < \mu$, из этого прямо следует, что революция привлекательна для граждан при более низких уровнях неравенства в сравнении с предыдущим. Целевые трансферы имеют еще одно следствие: они позволяют элитам делать бóльшие трансферы гражданам, что уменьшает μ^* , позволяя элитам избегать революции при большой части всех возможных сочетаний условий.

Статическая игра, анализируемая в этом разделе, показывает как степень правдоподобия обещаний влияет на то, предпочитают ли граждане жить при недемократии с политической властью в руках богатых элит или предпринимают революцию. Другая важная особенность этой игры в том, что у нее та же структура, как и у многих игр, используемых нами для анализа создания и затем консолидации демократии. Там, точно как в этой игре, обладающие политической властью пытаются делать уступки и, если эти уступки убедительны, существующий режим выживет. Если они не убедительны, режим не выживет. Падет ли он вследствие революции или переворота или будет равновесный переход к демократии, организованный элитами, для того чтобы избежать революции — это зависит от деталей игры и обстоятельств, которые мы пытаемся анализировать.

6. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Анализ, проведенный в предыдущем разделе, показывает, как степень правдоподобия обещаний, сделанных элитой, влияет на то, сможет ли недемократия преодолеть ограничения, налагаемые на нее революциями и особенно угрозой революции во время необычных периодов, когда гражданами решена проблема коллективного действия. Однако неспособность элит связать себя обязательствами относительно будущего перераспределения была смоделирована в редуцированной форме, через игру продолжения, в которой элиты с некоторой вероятностью могли изменить налог так, чтобы он отличался от обещанного ими.

Теперь мы анализируем динамическую модель, которая точно умещается в более простую игру предыдущего раздела. Преимущество этой игры в том, что она отображает те же вопросы более правдоподобным и привлекательным образом. Более того, как было отмечено в главе II и будет детально рассмотрено в главе VI, роль институтов в нашей теории фундаментально межвременная — они определяют будущее распределение власти. Следовательно, чтобы смоделировать это, нужна межвременная структура, которую мы и начинаем сейчас разрабатывать.

Теперь элиты могут поддерживать текущие ставки налогов, установленные ими в какой-то период, но не могут связать себя обязательствами относительно будущего перераспределения, если только будущее не стоит перед ними эффективной угрозой революции. Поэтому проблема обязательств принимает более естественную форму, поскольку возникает из неспособности обладателей политической власти связать себе руки обязательствами на будущее, если только они не откажутся от политической власти. Эта игра есть также первый пример динамической модели и прототип динамических игр, анализируемых в этой книге. Как и те игры, она является относительно простой рекурсивной структурой, и мы упрощаем ее еще больше, обращаясь к совершенным равновесиям по Маркову. Совершенные равновесия по Маркову — это подмножество совершенных на подыграх равновесий, которое относительно легко охарактеризовать (см.: [Fudenberg, Tirole, 1991, p. 501–535]). Главное отличие в том, что в повторяющейся игре действия, которые игрок может предпринять в любое время, обычно могут быть функцией всей истории игры вплоть до этого момента. В марковском равновесии мы ограничиваем этот элемент зависимости от истории — реально, действия в определенное время могут зависеть только от «состояния» игры в данный момент (мы вскоре рассмотрим, как определить это состояние). Тем не менее это ограничение марковскими равновесиями на самом деле есть всего лишь упрощение модели. Чтобы убедить читателя в этом, взглянем на немарковские стратегии в следующем разделе (где мы характеризуем немарковские равновесия, совершенные на поды-

грах) и сравним их с марковскими равновесиями, анализируемыми в этом разделе.

Все население нормализовано к 1, с богатыми элитами и бедными гражданами точно как и ранее, с долями δ и $1 - \delta$. Но теперь мы в динамическом мире, так что структура производства, обрисованная ранее, относится к каждому периоду. В частности, доходы до налогообложения постоянны и заданы (IV.7) на все времена. Индивидуальная полезность теперь определяется на основе уменьшенной суммы посленалоговых доходов с фактором уменьшения $\beta \in (0, 1)$, следовательно, для индивида i во время $t = 0$ она есть:

$$U^i = E_0 \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t \hat{y}_t^i, \quad (V.17)$$

что просто дает уменьшенную сумму потока доходов индивида, с E_0 определенным как ожидание, основанное на информации, имеющейся во время $t = 0$.

Если мы ограничимся последовательностями событий, в которых революция никогда не имеет места, то (V.17) может быть записано более информативно:

$$U^i = E_0 \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t \left((1 - \tau_t) y^i + (\tau_t - C(\tau_t)) \bar{y} \right), \quad (V.18)$$

где во втором равенстве используется выражение для посленалогового дохода (IV.5), учитывающее, что ставки налога потенциально меняются со временем и, следовательно, индексируются с течением t . Однако (V.18) применимо только тогда, когда нет революции на пути равновесия. В более общем плане, у нас должно быть:

$$U^i = E_0 \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t \left[(1 - \bar{\rho}_t) \left((1 - \tau_t) y^i + (\tau_t - C(\tau_t)) \bar{y} \right) + \bar{\rho}_t y_R^i \right],$$

где $\bar{\rho}_t = 1$, если была революция в любой период до настоящего t , и $\bar{\rho}_t = 0$ в ином случае, и y_R^i есть доход индивида i после революции.

Мы обозначаем бесконечно повторяющуюся дисконтированную игру, рассматриваемую здесь, стандартной нотацией $G^{\infty}(\beta)$.

Как и в предыдущих разделах, бедные граждане $1 - \delta$ имеют политическую власть де-факто и могут представлять революционную угрозу. Они могут свергнуть существующий режим в любой период $t \geq 0$. Если предпринимается попытка революции, она всегда успешна, но в ходе ее доля производственных мощностей экономики μ_t уничтожается навсегда. Поэтому, если во время t имеет место революция, каждый гражданин получает за период доход в $(1 - \mu^S) \bar{y} / 1 - \delta$ во все будущие перио-

ды: совокупный доход в экономике есть $(1 - \mu^S)\bar{y}$ и делится между $1 - \delta$ агентами. Здесь, после революции, μ^S есть значение μ_t в то время, когда имеет место революция (μ^H или μ^L). Из этого следует, что это состояние не является неустойчивым после того, как случилась революция. μ изменяется между двумя значениями $\mu^H = \mu$ и $\mu^L = 1$ с $Pr(\mu_t = \mu) = q$, независимо от того $\mu_{t-1} = \mu^H$ или μ^L .

Тот факт, что μ колеблется, критически важен для моделирования ограниченной способности элит обещать будущее перераспределение. Изменение в μ соответствует изменению в окружающей среде, так что элиты, обладающие политической властью в недемократии, снова будут его оптимизировать. В результате их обещание перераспределять блага сегодня может не материализоваться в силу изменения обстоятельств завтра. Высокое значение μ означает, что революция очень дорогостояща, тогда как низкое значение q предполагает, что угроза революции редка, возможно, потому что граждане не организованы. Флуктуации угрозы революции являются источником проблем обязательств, возникающих из политической власти.

Временная последовательность событий в течение какого-либо периода, допустим, времени t , может быть резюмирована следующим образом.

1. Выявляется μ_t .
2. Элиты устанавливают ставку налога τ_t^N .
3. Граждане решают, начать ли революцию, обозначаемую ρ_t с $\rho_t = 1$, соответствующим революцией во время t . Если происходит революция, они получают остающуюся долю продукта $1 - \mu_t$ во все будущие периоды.

Для совершенного равновесия Маркова критически важным понятием является «состояние» игры или системы, что подразумевает просто полную детализацию всей имеющей отношение к вознаграждению информации. Здесь состояние системы состоит из текущей возможности революции, представленной либо μ^L , либо μ^H . Пусть $\sigma^r = \{\tau^N(\bullet)\}$ будут действия, предпринимаемые элитами, когда состояние есть $\mu_t = \mu^H$ или μ^L . Это состоит из ставки налога $\tau^N: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow [0, 1]$. Сходным образом $\sigma^p = \{\rho(\bullet, \bullet)\}$ есть действие граждан, состоящее из решения начать революцию, ρ ($\rho = 1$, представляющую революцию), в зависимости от текущих действий элит. Следовательно, как и в предыдущей модели, $\rho: \{\mu^L, \mu^H\} \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$. Тогда марковские равновесия, совершенные на подыграх, есть комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ такая, что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ — лучшие ответы друг на друга для всех μ . Совершенные равновесия по Маркову представляют собой подмножество совершенных на подыграх равновесий, потому что они исключают любые совершенные на подыграх равновесия, содержащие немарковские стратегии.

Преимущество идеи марковского совершенного равновесия в том, что оно включает проблему обязательства простым образом: учитывая состояние системы (здесь значение μ_t), каждая сторона разыгрывает наилучшую стратегию для себя, независимо от любых обещаний, сделанных ранее, или того, как игра разыгрывалась в прошлом. Поэтому в данное понятие равновесия уже встроена проблема обязательств: все игроки знают, что каждый будет разыгрывать все, что в его интересах в будущем. Другая удобная вещь в этом равновесии — то, что оно легко поддается анализу с помощью уравнений Беллмана (т.е. простых динамических программируемых аргументов; хорошие введения в динамическое программирование и его применение в экономической науке см.: [Sargent, 1987; Stokey et al., 1989]).

Начнем с выигрышей, когда есть революция. Мы определяем $V^p(R, \mu^s)$ как поступления бедным гражданам, если есть революция, начинающаяся в состоянии угрозы, $\mu^s \in \{\mu, 1\}$. Вспомним, что во время революции важно только значение μ^s ; после этого доля μ^s производственных мощностей экономики уничтожена навсегда. Из этого следует, что цена революции, начинающейся в состоянии μ^s , исчисляется как:

$$V^p(R, \mu^s) = \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \beta \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \beta^2 \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \dots, \quad (V.19)$$

что соединяет все будущие доходы, принимая во внимание, что будущее дисконтируется с фактором дисконтирования $\beta < 1$. Мы получаем, что

$$V^p(R, \mu^s) = \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{(1-\delta)(1-\beta)}.$$

Чтобы четко видеть это, можно записать (V.19) как:

$$V^p(R, \mu^s) = \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \beta \left[\frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \beta \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \dots \right]$$

и затем заметить, что член в квадратных скобках в правой стороне этого выражения есть не что иное, как само $V^p(R, \mu^s)$. Таким образом, (V.19) можно записать как

$$V^p(R, \mu^s) = \frac{(1-\mu^s)\bar{y}}{1-\delta} + \beta V^p(R, \mu^s), \quad (V.20)$$

и решение этого для $V^p(R, \mu^s)$ дает нам формулу, записанную ранее, которую мы используем также в (V.21) ниже.

Важно заметить, как бесконечный горизонт помогает нам аналитически. Здесь мы использовали тот факт, что после того, как революция

произошла, мы заглядываем в будущее, чтобы суммировать блага революции для граждан. Выражение (V.20) утверждает, что взгляд в бесконечное будущее с позиций завтрашнего дня выглядит идентично взгляду в бесконечное будущее с позиций сегодняшнего дня.

Также, поскольку богатые элиты теряют все, $V^r(R, \mu^S) = 0$. Далее вспомним, что мы исходили из того, что $\mu^L = 1$; граждане никогда не делают попытку революции: когда $\mu_t = \mu^L$. Следовательно, единственной релевантной ценностью будет та, что начинается в состоянии $\mu^H = \mu$:

$$V^p(R, \mu^H) = \frac{(1-\mu)\bar{y}}{(1-\delta)(1-\beta)}. \quad (\text{V.21})$$

Далее давайте перейдем к решению элит. Сначала рассмотрим состояние $\mu_t = \mu^L$, где нет угрозы революции, и попытаемся вычислить выгоды для элит и для граждан в этом состоянии, обозначаемом $V^r(N, \mu^L)$ и $V^p(N, \mu^L)$. Мы сохраняем H и L в верхнем индексе после μ в функциях ценности для облегчения изложения. Понятие марковского совершенного равновесия предполагает, что, независимо от обещаний, сделанных в прошлом, в этом состоянии элиты избирают любую политику, которая лучше всего служит их интересам в данный момент. Поскольку отсутствует угроза революции, этой политикой будет установить $\tau^N = \tau^r$ и не заниматься никаким перераспределением. Однако состояние $\mu_t = \mu^L$ в недемократии не является постоянным. В следующий период оно может измениться на $\mu_t = \mu^H$, и в этом случае элитам, возможно, придется заняться перераспределением, а иначе «может случиться революция».

Обозначим ценности для элит и для граждан в состоянии $\mu_t = \mu^H$ как $V^r(N, \mu^H)$ и $V^p(N, \mu^H)$. Это предполагает, что соответствующие уравнения Беллмана, определяющие ценности $V^r(N, \mu^L)$ и $V^p(N, \mu^L)$, могут быть записаны как:

$$\begin{aligned} V^r(N, \mu^L) &= y^r + \beta \left[qV^r(N, \mu^H) + (1-q)V^r(N, \mu^L) \right], \\ V^p(N, \mu^L) &= y^p + \beta \left[qV^p(N, \mu^H) + (1-q)V^p(N, \mu^L) \right]. \end{aligned} \quad (\text{V.22})$$

Эти функции ценности имеют форму, постоянно появляющуюся в динамическом анализе в этой книге, так что важно понять ход рассуждений, лежащий в их основе. Для большей конкретности мы сосредоточим внимание на элитах.

Функции ценности в (V.22) говорят о том, что ценность для члена элиты в недемократии и в состоянии $\mu_t = \mu^L$ состоит из двух элементов: (1) что происходит сегодня, первый член, y^r ; и (2) что ожидается завтра, или ценность продолжения, представленная вторым членом, $\beta \left[qV^r(N, \mu^H) + (1-q)V^r(N, \mu^L) \right]$. Сегодня, учитывая решение $\tau^N = \tau^r$, нет перераспределения, и член элиты получает y^r , что является первым

членом. Второй член умножается на β , поскольку начинается завтра и, следовательно, дисконтируется по отношению к сегодня с фактором дисконтирования β . Завтра происходит новая жеребьевка на основе распределения μ и с вероятностью $1 - q$ возвращается состояние μ^L , так что мы получаем $\mu_{t+1} = \mu^L$. В этом случае из точно такого же хода рассуждений, как сегодня, следует, что ценность для какого-либо агента из элиты с этого момента и далее выражается $V^r(N, \mu^L)$; следовательно, этот член умножается на $1 - q$ и включается как часть будущей ценности. Ценность $V^r(N, \mu^L)$ повторяется, потому что мир, когда мы заглядываем вперед в бесконечное будущее из состояния $\mu_t = \mu^L$, выглядит идентично миру, когда мы заглядываем вперед в бесконечное будущее из состояния $\mu_{t+1} = \mu^L$ (вспомним уравнение (V.20)). С остающейся вероятностью q происходит изменение в состоянии, и мы получаем $\mu_{t+1} = \mu^H$; в этом случае, мы получаем иную ценность для члена элиты завтра, обозначаемую $V^r(N, \mu^H)$.

Та же самая аргументация применима и для граждан и дает соответствующее выражение для $V^p(N, \mu^L)$, опять же состоящее из двух элементов: то, что они получают сегодня, y^p , и то, что они получают завтра, $\beta[qV^p(N, \mu^H) + (1 - q)V^p(N, \mu^L)]$.

Приятной особенностью функций ценности в (V.22) является их «рекурсивная» структура. По существу, будущее во многом похоже на настоящее, так что та же ценность, что сегодня имеет место в состоянии μ^L , будет и завтра, если состояние окажется μ^L .

Естественно, уравнения V.22 недостаточно для характеристики равновесия, поскольку мы не знаем, что происходит в состоянии $\mu_t = \mu^H$, или, иными словами, мы не знаем, что есть $V^r(N, \mu^H)$ и, аналогично, что есть $V^p(N, \mu^H)$. В этом состоянии может быть эффективная угроза революции. Так что мы должны сначала проверить, связывает ли ограничение революцией действия элит. Чтобы это сделать, мы определяем $V^r(N)$ и $V^p(N)$ как выигрыши, которые будут иметь место, если общество остается недемократическим все время (т.е. революции нет) и элиты никогда не перераспределяют блага в пользу граждан (т.е. $\tau^N = \tau^r$). Очевидно, что мы получаем:

$$V^r(N) = y^r + \beta y^r + \beta^2 y^r + \dots = \frac{y^r}{1 - \beta},$$

потому что элиты всегда получают доход y^r , так как отсутствует налогообложение, и этот будущий поток доходов дисконтируется к настоящему с фактором дисконтирования β . Аналогичным образом:

$$V^p(N) = \frac{y^p}{1 - \beta}. \tag{V.23}$$

Мы говорим, что ограничение революцией связывает, если бедные граждане предпочитают революцию в состоянии $\mu_i = \mu^H$ при недемократии без всякого перераспределения, т.е. если

$$V^p(R, \mu^H) > V^p(N),$$

где $V^p(R, \mu^H)$ задано (V.21). Используя определения из (IV.7), ограничение революцией эквивалентно

$$\theta > \mu. \quad (V.24)$$

Другими словами, неравенство должно быть достаточно высоким (или θ достаточно высоким), для того чтобы ограничение революцией связывало. Если неравенство не настолько высоко, так что $\theta \leq \mu$, угрозы революции нет даже в состоянии $\mu_i = \mu^H$, без какого-либо перераспределения когда-либо. В этом случае элиты всегда устанавливают свою ничем не ограниченную лучшую ставку налога, $\tau^N = \tau^r$, и революции на пути равновесия нет.

Полезно вспомнить анализ нашей «статической» модели в предыдущем разделе. Формула ограничения революцией в динамической модели (V.24) идентична таковой в статической модели (V.4). В обоих случаях они просто увязывают неравенство с ценой организации революции. Это основа параллели, которую мы проводим между статической и динамической моделями.

Более интересен тот случай, когда ограничение революцией (V.24) связывает действия элит.

Если в этом случае элиты устанавливают $\tau^N = \tau^r$ в состоянии угрозы $\mu_i = \mu^H$, то будет революция. Так что элиты делают некоторые уступки, устанавливая ставку налогов $\mu^N = \hat{\tau} > 0$. Мы обозначаем ценности для элит и для граждан в состоянии $\mu_i = \mu^H$, когда элиты устанавливают ставку налога $\hat{\tau}$ и ожидается, что они будут делать так же и в будущем, и здесь не будет революции, поскольку $V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ и $V^p(N, \mu^H, \tau^H = \hat{\tau})$. При этой ставке налога, агент типа i имеет чистый доход $(1 - \hat{\tau})y^i$, вдобавок к этому он получает единовременный трансфер \hat{T} . Из ограничения государственного бюджета этот единовременный трансфер есть $\hat{T} = (\hat{\tau} - C(\hat{\tau}))\bar{y}$, где $\hat{\tau}\bar{y}$ — общая сумма налоговых сборов и $C(\hat{\tau})\bar{y}$ — затраты на налогообложение.

С помощью той же аргументации, что и ранее, мы получаем функции ценности $V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ и $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ заданные:

$$\begin{aligned} V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) &= y^r + (\hat{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\hat{\tau})\bar{y}) + \\ &+ \beta [qV^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) + (1 - q)V^r(N, \mu^L)], \end{aligned} \quad (V.25)$$

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) = y^p + (\hat{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{\tau})\bar{y}) + \\ + \beta [qV^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) + (1-q)V^p(N, \mu^L)].$$

В иллюстративных целях мы фокусируем внимание на функции ценности для члена элиты. Первый элемент математического выражения теперь $y^p + (\hat{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{\tau})\bar{y})$, что есть его или ее чистый доход после налогообложения при ставке $\hat{\tau}$. Второй элемент — это снова ценность продолжения, $\beta [qV^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) + (1-q)V^p(N, \mu^L)]$. С вероятностью q состояние μ^H снова возникает завтра и в этом случае богатые продолжают устанавливать $\tau^N = \hat{\tau}$ и получать $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$. С вероятностью $1 - q$ состояние меняется на μ^L , и соответствующая ценность есть $V^p(N, \mu^L, \tau^N = \hat{\tau})$. Весь этот элемент умножается на β для дисконтирования его по отношению к настоящему.

Аналогичная аргументация лежит в основе выражения для $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$. Гражданин получает относительно высокий доход сегодня, поскольку осуществляется перераспределение благ при ставке $\hat{\tau}$. Но что произойдет в будущем, является неопределенным. Если остается состояние μ^H , перераспределение продолжается. Однако нет никакой гарантии этого и на самом деле состояние угрозы может поменяться на μ^L , где угроза революции исчезает. Как мы видели ранее, теперь, независимо от своих обещаний, элиты прекратят перераспределение и установят $\tau^N = \tau^r$. Следовательно, выражение для $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ уже включает потенциальное «неправдоподобие» обещания будущего перераспределения, сделанного сегодня. Сегодняшнее перераспределение возникает потому, что граждане обладают политической властью де-факто: у них есть относительно эффективная угроза революции и, если элиты не делают некоторых уступок в виде перераспределения, граждане могут уничтожить систему. Следовательно, политическая власть дает им дополнительный доход. Однако это перераспределение может исчезнуть завтра, если то, что дает политическую власть гражданам — угроза революции — исчезнет. В этом сущность проблемы обязательств в данном обществе.

Также отметим здесь сходство хода рассуждений с теми, что были использованы в простой игре в предыдущем разделе. Там элиты делали обещание перераспределять при ставке налога $\hat{\tau}$, но после исчезновения угрозы революции природные условия решали, смогут ли элиты изменить налог. В таком случае элиты могут успешно перераспределять блага в пользу граждан сегодня, но граждан заботит перераспределение не только сегодня, но и завтра, послезавтра и далее. Сегодняшнее перераспределение поддерживается политической властью граждан: угрозой революции. Элиты, возможно, и хотели бы обещать

перераспределение завтра, но когда природные условия меняются так, что завтра угроза революции исчезнет (т.е. состояние меняется на μ^L с вероятностью $1 - q$), они более не выполняют своего обещания и сокращают налоги до 0, $\tau^N = \tau^r$. Следовательно, как там и утверждалось, простая игра в предыдущем разделе является способом отобразить в сокращенной форме динамические проблемы обязательств, более тщательно смоделированные здесь.

Возвращаясь к анализу текущей игры, нам по-прежнему необходимо определить действие граждан после того, как элиты решают перераспределять блага при ставке налога $\hat{\tau}$ в состоянии μ^H . Ясно, что у них есть выбор не предпринимать революцию, $\rho = 0$, или предпринять революцию, $\rho = 1$. Если они решают предпринять революцию, то, как только игра достигает этого момента, будут применимы функции ценности для революции, $V^r(R, \mu^H)$ и $V^p(R, \mu^H)$. В ином случае мы имеем $V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ и $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$. Более того, ясно, что гражданин будет избирать ρ в зависимости от того, что больше: $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$ или $V^p(R, \mu^H)$. Следовательно, можно записать:

$$\rho \begin{cases} = 0, \text{ если } V^p(R, \mu^H) \leq V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) \\ = 1, \text{ если } V^p(R, \mu^H) > V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}). \end{cases} \quad (\text{V.26})$$

Эти вычисления одни и те же для всех граждан. Другими словами, гражданин принимает участие в революции, если он или она получают более высокий доход от революции, чем от перераспределения благ при ставке $\hat{\tau}$ сегодня, что опять может осмысливаться как «полуправдоподобное обещание перераспределения со стороны элит» — сегодня будет перераспределение при $\hat{\tau}$ и, возможно, завтра, если природные условия определяют, что завтра настанет эффективная угроза революции. В своих рассуждениях мы исходим из допущения в (V.26), что если $V^p(R, \mu^H) = V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$, то $\rho = 0$, так что безразличие нарушается тем, что революция не происходит.

Из ρ , данным в (V.26), мы также получаем, что:

$$V^r(N, \mu^H) = \rho V^r(R, \mu^H) + (1 - \rho) V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) \quad (\text{V.27})$$

$$V^p(N, \mu^H) = \max_{\rho \in \{0, 1\}} \{ \rho V^p(R, \mu^H) + (1 - \rho) V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) \}.$$

Как мы знаем, элиты хотели бы предотвратить революцию, если бы могли; вопрос в том, смогут ли они это сделать. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно видеть, что есть максимальная ценность, которую элиты могут обещать гражданам. Ясно, что это установление налога, наиболее предпочитаемого гражданами, τ^p , данного в (IV.11). Следова-

но, уместно сравнение между $V^p(R, \mu^H)$ и $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$. Если $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) \geq V^p(R, \mu^H)$, то революция может быть предотвращена, но не в ином случае.

Как и можно было ожидать, функция ценности $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$ решающим образом зависит от q , вероятности того, что состояние в будущем станет μ^H , поскольку это та степень вероятности, с которой перераспределение повторится в будущем (т.е. в некотором смысле, сколько будущего перераспределения богатые элиты могут убедительно обещать). Чтобы вывести выражение для $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$, мы подставляем $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = V^p(N, \mu^H)$ в (V.22) и отмечаем, что (V.22) и (V.25) — два линейных уравнения с двумя неизвестными функциями ценности $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$ и $V^p(N, \mu^L)$.

Решая эти два уравнения, мы находим, что:

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = \frac{y^p + (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta}. \quad (\text{V.28})$$

Уравнение (V.28) можно интерпретировать просто: $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$ равно нынешней дисконтированной стоимости y^p , дохода гражданина до налогообложения, плюс ожидаемая нынешняя стоимость чистого перераспределения. Чистое перераспределение есть $\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}$, но оно имеет место лишь при состоянии μ^H , случающемся в долю времени q . Однако в (V.28) $(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})$ умножается на $1 - \beta(1 - q)$, а не на q . Это отражает тот факт, что сегодня мы начинаем в состоянии μ^H и, учитывая что сегодня важнее, чем будущее вследствие дисконтирования (потому что $\beta < 1$), состояние μ^L , где не будет никакого перераспределения, получает вес $\beta(1 - q)$, а не $(1 - q)$. В результате состояние μ^H получает оставшийся вес, $1 - \beta(1 - q)$. (Иначе говоря, поскольку мы начинаем в высоком состоянии угроз революции, граждане получают трансферы сегодня и долю времени q в будущем, так что чистая нынешняя дисконтированная стоимость трансфера умножается на $1 + \beta q / (1 - \beta) = (1 - \beta(1 - q)) / (1 - \beta)$.) Также заметим, что по мере того как $\beta \rightarrow 1$ (т.е. того, как дисконтирование исчезает), вес состояния μ^H действительно сходится с q .

Учитывая эту функцию ценности, можно видеть, что революцию можно предотвратить, если $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) \geq V^p(R, \mu^H)$ или если

$$\frac{y^p + (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta} \geq \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{(1 - \delta)(1 - \beta)},$$

что можно упростить до:

$$\mu \geq \theta - (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (\text{V.29})$$

Если это условие не остается в силе, даже максимальный заслуживающий доверия трансфер гражданину недостаточен, и произойдет революция на пути равновесия. Теперь мы можем применить (V.29), для того чтобы определить критическое значение μ^H , снова обозначаемое μ^* , такое, что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = V^p(R, \mu^H)$, когда $\mu^H = \mu^*$ или

$$\mu^* = \theta - (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)), \quad (V.30)$$

где $\mu^* < \theta$. Естественно, мы получаем, что, когда $\mu \geq \mu^*$, $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) \geq V^p(R, \mu^H)$ и революция предотвращается. В то время как, когда $\mu < \mu^*$, $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) < V^p(R, \mu^H)$, ожидается, что будущие трансферы окажутся достаточно редкими, так что даже при наилучшей возможной ставке налога для граждан перераспределения в будущем окажется недостаточно, и граждане предпочтут революцию жизни при недемократии с политической властью в руках элит.

Также полезно отметить, что выражение в (V.30) идентично (V.15) из статической модели, где $p = 1 - \beta(1 - q)$, снова подчеркивая сходство между двумя моделями.

Как и в статической модели, когда $\mu < \mu^*$, элиты могут предотвратить революцию, установив ставку налога $\hat{\tau} < \tau^p$. Эта ставка такова, что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$, т.е. она только делает граждан безразличными по отношению как к революции, так и к жизни при недемократии с перераспределением только в революционные периоды. Применяя (V.21) и (V.28), мы получаем, что $\hat{\tau}$ задано:

$$\mu = \theta - (1 - \beta(1 - q))(\tau(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau})). \quad (V.31)$$

Объединяя все это, мы получаем ключевую теорему этого раздела, которая (хотя и будучи более сложной) во многом отражает теорему V.3. Это также общая черта многих игр, анализируемых в этой книге. Мы начинаем с более простой редуцированной (статичной) модели и затем чаще всего демонстрируем, что полученные нами результаты сохраняют силу и в более удовлетворительной динамической модели.

Чтобы сформулировать главный результат этого раздела более формально, можно прямо обратиться к обозначениям, которые мы использовали для конкретизации стратегий до теоремы V.3. Там действия обуславливались тем, является ли μ высоким или низким, и сейчас это решающая переменная состояния. Из этого следует, что марковская стратегия в рассматриваемой повторяющейся игре имеет точно такую же форму, что и равновесные стратегии в игре, чьи равновесия анализировались в теореме V.3. Это позволяет сформулировать следующую теорему.

Теорема V.4. В уникальном совершенном равновесии Маркова $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ игры $G^\infty(\beta)$, пусть μ^* и $\hat{\tau}$ будут заданы уравнениями (V.30) и (V.31). Тогда в этом равновесии:

- Если $\theta \leq \mu$, элиты никогда не перераспределяют блага и граждане никогда не предпринимают революции.
- Если $\theta > \mu$, то мы имеем:
 1. Если $\mu < \mu^*$, обещания элит недостаточно убедительны для того, чтобы избежать революции. В низком состоянии элиты не перераспределяют и революции нет, но в высоком состоянии революция происходит, какую бы ставку налога ни установили элиты.
 2. Если $\mu \geq \mu^*$, элиты не перераспределяют в низком состоянии и в состоянии высокой угрозы устанавливают ставку налога $\hat{\tau}$, как раз достаточную для того, чтобы остановить революцию. Граждане никогда не восстают.

Здесь мы использовали интуитивно понятную альтернативную формулировку теоремы. Различия между теоремами V.3 и V.4 в формуле для μ^* и в том, что стратегиями теперь являются марковские стратегии в повторяющейся игре, а не стратегии в игре в расширенной форме.

Интересно сосредоточить внимание на тех случаях, когда $\theta > \mu$. Начнем с элит у власти: если $\mu < \mu^*$, то они устанавливают нулевую ставку налога при $\mu_t < \mu^L$; однако когда состояние переходит к μ^H , их сметает революция. Проблема в том, что хотя элиты хотели бы оставаться у власти, предлагая гражданам перераспределение, они не могут предложить сегодня достаточно для того, чтобы сделать нынешнюю ценность недемократии для граждан такой же большой, как нынешняя ценность революции. Чтобы избежать революции, им пришлось бы перераспределять не только сейчас, но и в будущем. Однако они, к несчастью, не могут вызывающим доверие образом обещать достаточное перераспределение в будущем, и в результате граждане находят оптимальным восстать. В противоположность этому, когда $\mu \geq \mu^*$, элиты могут предотвратить революцию с помощью перераспределения. Так что в состоянии $\mu_t = \mu^L$ они устанавливают $\tau^N = 0$ и, когда $\mu_t = \mu^L$, они устанавливают ставку налога, $\tau^N = \hat{\tau}$, достаточно высокую как раз для того, чтобы предотвратить революцию.

Таким образом, эта теорема показывает, как в динамических условиях способность элит передавать ресурсы гражданам — другими словами, «правдоподобность» их обещаний — зависит от будущего распределения политической власти. Когда q очень низко, граждане могут обладать политической властью де-факто сегодня из-за эффективной угрозы революции, но вряд ли они будут иметь ее снова в будущем. В этом случае любые обещания, делаемые элитами, не убедительны, и граждане

предпочитают использовать свою политическую власть, для того чтобы трансформировать общество в более благоприятное для них. Только когда q высоко, так что де-факто политическая власть граждан, вероятно, повторится и в будущем, сделанные элитами обещания вызывают достаточно доверия, чтобы революция была предотвращена.

В этом заключен интересный парадокс. Когда q высоко, так что политическая власть де-факто граждан более постоянна, легче избежать революции. Это следует из того, что μ^* , установленное (V.30), уменьшается вместе с уменьшением q таким же образом, как μ^* , установленное (V.15), уменьшается вместе с уменьшением p . Так происходит, потому что, когда власть граждан не является преходящей, для элит легче давать убедительные обещания перераспределения в будущем. Это несколько контринтуитивно, потому что простая интуиция могла бы говорить о том, что когда граждане лучше организованы и более сильны, революция является большей угрозой. Но это не так, потому что будущая угроза революции также позволяет элитам делать более заслуживающие доверия обещания для предотвращения революции. Когда мы вводим в эту модель демократию, эта особенность равновесия позволяет дать интересную интерпретацию некоторым историческим фактам относительно распространенности демократии (см. главу VII наст. изд.).

Так же как и в предыдущем разделе, критический порог μ^* зависит от степени неравенства в обществе. В частности, чем больше неравенства в обществе (т.е. чем выше θ), тем выше μ^* и тем более вероятны революции. Причина проста: при большем неравенстве революция более привлекательна, и большее вызывающее доверие перераспределение необходимо для предотвращения революции.

7. ОБЕЩАНИЯ, СОВМЕСТИМЫЕ СО СТИМУЛАМИ

В предыдущем разделе анализ сосредоточивался на совершенных равновесиях Маркова, и было продемонстрировано, как революция может возникнуть в качестве равновесного результата. Поскольку политическая власть граждан в будущем ограничена, любое обещание, данное элитами, когда политическая власть в их руках, не является совершенно убедительным, и граждане могут предпочесть взять власть сегодня революционным путем. Важной составляющей этого сценария была проблема обязательств: элиты находят оптимальным вернуться к наиболее предпочитаемой ими ставке налога, как только угроза революции исчезает. Это было следствием того, что мы ограничили внимание рассмотрением марковских стратегий, поскольку постулировали, что, когда угроза революции убывает, элиты всегда избирают ту стратегию, что в их ближайших интересах.

Однако возможно, что элиты могут давать некоторые другие обещания, например, они могут пообещать перераспределять в будущем, даже если это не в их ближайших интересах. Они могут подкрепить это обещание имплицитным пониманием того, что если они от него уклонятся, то, когда угроза революции возникнет снова, граждане предпримут революцию, давая элитам очень низкий выигрыш. Другими словами, эти обещания могут подкрепляться угрозой будущих наказаний или стратегиями «повторяющейся игры». Наказания соответствуют действиям, которые граждане предпримут в будущем (т.е. революции), как только элиты отклоняются от предписанного поведения (отстают от обещаний), что повредит элитам. Когда мы позволяем игрокам разыгрывать немарковские стратегии, результатом является выживание недемократии для большего множества значений параметров. Важное отличие марковских и немарковских стратегий состоит в том, что последние позволяют игрокам обуславливать свои действия во время t не только состоянием на это время, но и предыдущей историей игры до этого времени.

В этой книге мы не вдаемся в длительное обсуждение теории повторяющихся игр, так что анализ будет кратким. (Подробнее о повторяющихся играх см.: [Fudenberg, Tirole, 1991, ch. 5]; и анализ обстоятельств, при которых стратегии наказания могут решить проблемы обязательств в классе игр, близком к тому, который мы изучаем здесь, см.: [Powell, 2004].) Здесь же мы хотим показать, что такой тип обещаний может дать некоторое продвижение на пути к решению проблем обязательств, но лежащая в основе проблема обязательств останется. По-прежнему будет так, что элиты не смогут убедительно обещать произвольно большое перераспределение в состоянии, когда угроза революции отсутствует и в результате дух теоремы V.4 сохраняется даже и для немарковских стратегий.

Теперь мы берем ситуацию, в которой в категориях теоремы V.4, $\theta > \mu$ и $\mu < \mu^*$ при ограничении марковским совершенным равновесием, единственное равновесие включает революцию. Посмотрим, смогут ли элиты предотвратить революцию, используя совместимые со стимулами обещания, подкрепляемые будущими наказаниями. Чтобы сделать это, сначала найдем максимальную ценность того, что элиты могут дать гражданам, как только мы рассмотрим потенциальные стратегии наказания. Поскольку вообще повторяющиеся игры имеют много равновесий, совершенных на подыграх, мы сосредоточиваемся на том равновесии, которое является наилучшим для элит. Это равновесие, совершенное на подыграх, будет предотвращать революции для наибольшего возможного множества значений параметров; однако есть и другие равновесия, совершенные на подыграх, которые также предотвращают революцию для того же множества значений параметров, но дают гражданам боль-

ше. Тем не менее этот анализ конкретного равновесия дает понимание того, какие виды результатов могут поддерживаться в немарковских равновесиях.

Допустим также, что мы начинаем, когда состояние μ^L . Мы сначала вычисляем ценность для элит, если они перераспределяют блага при ставке налога $\tau^N = \tau^H \leq \tau^P$ в состоянии $\mu_t = \mu^H$ и при ставке налога $\tau^N = \tau^L \leq \tau^P$ в состоянии $\mu_t = \mu^L$ (поскольку мы более не рассматриваем марковские стратегии, $\tau^L > 0$ сейчас возможно). Мы также допускаем для настоящего момента, что граждане не предпримут революции (позже мы наложим это как ограничение на вектор налогов). В силу тех же аргументов, что и в предыдущем разделе, эта ценность задана

$$V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) = y^r + (\tau^L(\bar{y} - y^r) - C(\tau^L)\bar{y}) + \beta [qV^r(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) + (1-q)V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])]. \quad (V.32)$$

Сейчас мы используем другое обозначение, $V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])$, в отличие от $V^r(N, \mu^L)$ в предыдущем разделе. Это так потому, что (хотя в совершенном равновесии по Маркову элиты всегда устанавливают $\tau^N = 0$, когда $\mu_t = \mu^L$) это более не является верным. В частности, мы рассматриваем ситуации, в которых элиты делают заслуживающие доверия обещания ставки налога τ^L , когда $\mu_t = \mu^L$, и устанавливают ставку τ^H , когда $\mu_t = \mu^H$. Новое обозначение отображает это. Член μ^L указывает на тот факт, что мы в состоянии $\mu_t = \mu^L$, и $[\tau^L, \tau^H]$ есть вектор обещанных налогов, начинающийся со ставки налога в состоянии $\mu_t = \mu^L$.

Интуиция в основе (V.32) проста: первый член, $y^r + (\tau^L(\bar{y} - y^r) - C(\tau^L)\bar{y})$, есть снова нынешний доход элит, учитывая что имеет место налогообложение при ставке τ^L . Второй член есть ценность продолжения, учитывающий тот факт, что налогообложение меняется ко времени τ^H , если состояние меняется на μ^H . Таким же образом мы имеем

$$V^r(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) = y^r + (\tau^H(\bar{y} - y^r) - C(\tau^H)\bar{y}) + \beta [qV^r(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) + (1-q)V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])]$$

как ценность, начинающуюся в состоянии μ^H . Объединив оба эти выражения, имеем следующее:

$$V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) = \frac{y^r + (1-\beta q)(\tau^L(\bar{y} - y^r) - C(\tau^L)\bar{y}) + \beta q(\tau^H(\bar{y} - y^r) - C(\tau^H)\bar{y})}{1-\beta}, \quad (V.33)$$

как ценность, которую получают элиты, если будут придерживаться «обещанного» ими поведения, суммируемого вектором налогов $[\tau^L, \tau^H]$. Ключ в том, является ли это поведение «совместимым со стимулами» для них, т.е. хотят ли они отклониться от него сейчас или в будущем.

Что произойдет, если они отклонятся? Ясно, что ответ зависит от того, как реагируют граждане. Мы хотим увидеть, можно ли сделать обещание элит перераспределять при ставке налога $\tau^L > 0$ в состоянии μ^L вызывающим доверие. Оно с большей вероятностью будет вызывать доверие, когда отклонение от него менее выгодно или когда отклонение от этого предписанного поведения встретит суровое наказание. Самое суровое наказание — революция граждан, когда снова возникает возможность (для граждан всегда невыгодно предпринимать революцию в состоянии $\mu_i = \mu^L$, поскольку $\mu^L = 1$, так что угроза предпринять революцию в состоянии $\mu_i = \mu^L$ не убедительна и поэтому никогда не является частью равновесия, совершенного на подыграх). Следовательно, лучший способ обеспечить, чтобы элиты не уклонялись от своих обещаний — угрожать им (убедительно) как можно более суровым наказанием, т.е. революцией, как только состояние меняется на $\mu_i = \mu^H$. Таким образом, когда состояние первый раз становится $\mu_i = \mu^H$, будет революция. Что будет происходить до этого? Элиты теперь отклоняются от обещанного поведения, так что в этот промежуток времени они принимают наилучшую меру для себя — $\tau^N = \tau^r = 0$. Таким образом, мы получаем ценность $V_d^r(N, \mu^L)$ для элит, в которой d в нижнем индексе обозначает, что они теперь отклонились от своего предписанного поведения. Эта ценность задана следующей рекурсией:

$$V_d^r(N, \mu^L) = y^r + \beta [q V^r(R, \mu^H) + (1-q) V_d^r(N, \mu^L)],$$

где мы знаем, что $V^r(R, \mu^H) = 0$. Используя этот факт, получаем, что

$$V_d^r(N, \mu^L) = \frac{y^r}{1 - \beta(1-q)}. \quad (V.34)$$

Этим анализом сразу же устанавливается, что только перераспределение при ставке τ^L в состоянии $\mu_i = \mu^L$, такое что

$$V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) \geq V_d^r(N, \mu^L) \quad (V.35)$$

вызывает доверие. Если неравенство было бы обратным, то элиты предпочли бы уклониться и не перераспределять гражданам блага в состоянии μ^L , предпочитая скорее пострадать от последствий, чем обложить себя налогом со ставкой τ^L сейчас (и со ставкой τ^H , когда состояние угрозы революции становится высоким). Поэтому (V.35) необходимо для

перераспределения при ставке налога τ^L для того, чтобы быть «совместимым со стимулами» для элит и в то же время убедительным обещанием для граждан. Ставка налога $\tau^H \leq \tau^p$ в состоянии $\mu_t = \mu^H$ автоматически убедительна, потому что мы рассматриваем часть пространства параметров, где $\mu < \mu^*$; таким образом, любое уклонение элит от обещанных действий в высоком состоянии будет немедленно наказано.

Равновесие, совершенное на подыграх, лучшее для элит, начиная с состояния μ^L , может быть охарактеризовано как решение следующей проблемы максимизации:

$$\max_{\tau^L, \tau^H} V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]), \quad (V.36)$$

если (V.35) и

$$V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) \geq V^p(R, \mu^H), \quad (V.37)$$

где $V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H])$ есть ценность для граждан, начиная с состояния μ^H от налогового вектора $[\tau^L, \tau^H]$, а $V^p(R, \mu^H)$, как обычно, есть ценность для граждан от революции в состоянии μ^H , заданном (V.21) в предыдущем разделе.

В то время как первое ограничение обеспечивает то, что элиты не захотят отказаться от своих обещаний, второе ограничение требует, чтобы граждане не пожелали предпринимать революцию в высоком состоянии.

Ценность для граждан $V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H])$ получается аналогично ценностям для элит. В частности, есть следующие функции ценности для граждан. В низком состоянии:

$$V^p(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) = y^p + (\tau^L(\bar{y} - y^p) - C(\tau^L)\bar{y}) + \beta [qV^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) + (1-q)V^p(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])].$$

И в высоком состоянии:

$$V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) = y^p + (\tau^H(\bar{y} - y^p) - C(\tau^H)\bar{y}) + \beta [qV^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) + (1-q)V^p(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])].$$

Объединяя оба выражения, получаем:

$$V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H]) = \frac{y^p + \beta(1-q)(\tau^L(\bar{y} - y^p) - C(\tau^L)\bar{y})}{1-\beta} + \frac{(1-\beta(1-q))(\tau^H(\bar{y} - y^p) - C(\tau^H)\bar{y})}{1-\beta}. \quad (V.38)$$

Перед тем как дать полное решение этой проблемы максимизации, охарактеризуем просто минимальное значение μ^H , при котором революция может быть предотвращена. Мы обозначаем это порог μ^{**} , применяя аналогию с порогом μ^* в предыдущем разделе. Формально этот порог соответствует минимальному значению μ^H , при котором множество ограничений этой проблемы оптимизации не пусто. Когда множество ограничений пусто, из этого следует, что не существует налогового вектора $[\tau^L, \tau^H]$, который одновременно вызывает доверие и может убедить граждан не предпринимать революцию, так что тогда должна быть равновесная революция в состоянии μ^H .

Чтобы вычислить этот порог, отметим, что наибольшее значение, которое может принять τ^H , есть τ^p . Интуитивно понятно, что в высоком состоянии элиты готовы обеспечить максимальное перераспределение, чтобы избежать революции. Как насчет τ^L ? Когда $\tau^H = \tau^p$, то τ^L задается путем рассмотрения совместимого со стимулами ограничения элит (V.35) в качестве равенства. Следовательно, наибольший объем перераспределения, который можно убедительно пообещать, основывается на взимании налога со ставкой $\bar{\tau}'$ в состоянии $\mu_t = \mu^L$, так что либо $V'_a(N, \mu^L) = V'(N, \mu^L, [\bar{\tau}', \tau^p])$ и $\bar{\tau}' \leq \tau^p$, либо $\bar{\tau}' = \tau^p$. Более конкретным образом, пусть $\bar{\tau}''$ будет такой, что

$$\frac{y^r + (1 - \beta q)(\bar{\tau}''(\bar{y} - y^r) - C(\bar{\tau}'')\bar{y}) + \beta q(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta} = \frac{y^r}{1 - \beta(1 - q)}.$$

Подставляя определение y^r и упрощая выражения, получаем:

$$\begin{aligned} \bar{\tau}''(\theta - \delta) + \delta C(\bar{\tau}'') &= \frac{\beta q}{(1 - \beta q)} \times \\ &\times \left[\frac{\theta}{1 - \beta(1 - q)} - (\tau^p(\theta - \delta) + \delta C(\tau^p)) \right]. \end{aligned} \tag{V.39}$$

Тогда максимально заслуживающая доверия ставка налога есть $\bar{\tau}' = \min\{\bar{\tau}'', \tau^p\}$.

Можно показать, что эта ставка налога, $\bar{\tau}'$, является возрастающей функцией β ; чем более ценно будущее, тем менее привлекательно для элит уклонение от обещанного поведения, и тем выше максимальная ставка налога, которую они могут обещать. Это интуитивно понятно и в сущности является фундаментальным принципом анализа повторяющихся игр; чтобы игроки не предпринимали действия в их сиюминутных интересах, выгоды от этого действия должны перевешиваться некоторыми иными соображениями относительно будущего. И тогда если

они предпримут эти действия, то будут наказаны в будущем. Чем более игроки дисконтируют будущее, или чем менее сурово ожидаемое наказание, тем труднее будет убедить их придерживаться этих обещаний.

Важный момент, подчеркиваемый (V.39), заключается в том, что элиты не обладают беспредельными возможностями давать обещания: их способность к этому, поддерживаемая угрозой будущих наказаний, ограничена. Любые их обещания будут убедительны, только если в их интересах выполнить обещание в данное время. Здесь некоторое положительное перераспределение даже без угрозы революции может быть в их интересах, поскольку в противном случае, как они знают, им придется позднее претерпеть революцию. Тем не менее эта угроза будущих наказаний может поддерживать только ограниченный объем перераспределения (т.е. элиты не могут убедительным образом обещать ставку налога больше, чем $\bar{\tau}'$ в низком состоянии).

Тогда из проанализированного следует, что вопрос о возможности предотвращения революции сводится к вопросу о том, лучше ли для граждан ценность перераспределения при ставке налога $\bar{\tau}'$ в состоянии $\mu_t = \mu^L$ и при ставке налога τ^P в состоянии $\mu_t = \mu^H$, начиная с состояния $\mu_t = \mu^H$, чем революция. Или, иными словами, это эквивалентно тому, находится ли налоговый вектор $[\bar{\tau}', \tau^P]$ во множестве ограничений проблемы максимизации, заданном неравенствами (V.35) и (V.37).

По аналогии с анализом в предыдущем разделе, можно видеть, что налоговый вектор $[\bar{\tau}', \tau^P]$ находится во множестве ограничений для всех $\mu \geq \mu^{**}$, где μ^{**} таково, что $V^P(N, \mu^H, [\bar{\tau}', \tau^P]) = V^P(R, \mu^H)$, когда $\mu^H = \mu^{**}$. Более подробным образом: порог μ^{**} есть решение

$$\begin{aligned} \mu^{**} = & \theta - \beta (1 - q)(\bar{\tau}'(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\bar{\tau}')) - \\ & - (1 - \beta(1 - q))(\tau^P(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^P)), \end{aligned} \quad (V.40)$$

где $\bar{\tau}'$ задано (V.39). Может быть проверено, что $\mu^{**} > 0$.

Вспомним, что в обозначениях в этом разделе μ^* определяется уравнением $V^P(N, \mu^H, [0, \tau^P]) = V^P(R, \mu^H)$, так что для всех $\bar{\tau}' > 0$, мы получаем:

$$\mu^{**} < \mu^*,$$

что ясно из формул (V.30) и (V.40).

Из этого следует, что когда мы допускаем использование стратегий наказания, будут ситуации, в которых революцию можно предотвратить при помощи совместимых со стимулами обещаний, но иначе и быть не могло. Это верно когда $\mu \in [\mu^{**}, \mu^*)$. Тем не менее, поскольку $\mu^{**} > 0$, по-прежнему будут ситуации (например, когда $\mu < \mu^{**}$), в которых лучшее, что элиты могут пообещать, недостаточно для предотвращения революции.

Рассмотрение всего этого приводит к главному итогу раздела, который мы неформально излагаем следующим образом:

Итог. Когда мы допускаем немарковские стратегии, революция может быть предотвращена для всех $\mu \geq \mu^{**}$. Здесь $\mu^{**} < \mu^*$, что означает: большее перераспределение теперь возможно, но если $\mu^{**} > 0$, а μ достаточно мало, то это значит, что революция может случиться.

Чтобы изложить итоги данного раздела более тщательно и закончить характеристику равновесия, необходимо определить, какова стратегия в этой игре. Главное отличие от предыдущего раздела в том, что мы перестали ограничиваться только марковскими стратегиями, и теперь стратегия может зависеть не только от состояния угроз в любое время t , но также и от истории игры до этого времени. Пусть \mathcal{H}^{t-1} обозначает множество всех возможных историй игры вплоть до $t - 1$, где конкретная история обозначается как $h^{t-1} \in \mathcal{H}^{t-1}$. Действия элит и граждан теперь обозначаются как $\sigma^r = \{\tau^N(\bullet, \bullet)\}$ и $\sigma^p = \{\rho(\bullet, \bullet, \bullet)\}$ где $\tau^N(\mu_t, h^{t-1})$ есть ставка налога, устанавливаемая элитами во время t , когда текущее состояние есть $\mu_t = \mu^H$ или μ^L , и наблюдаемая история есть h^{t-1} . Следовательно, $\tau^N : \{\mu^L, \mu^H\} \times \mathcal{H}^{t-1} \rightarrow [0, 1]$. Аналогичным образом $\rho(\mu_t, \tau^N, h^{t-1})$ есть решение граждан инициировать революцию, зависящее от текущего состояния, текущих действий элит и истории. Мы имеем $\rho : \{\mu^L, \mu^H\} \times [0, 1] \times \mathcal{H}^{t-1} \rightarrow [0, 1]$. Тогда равновесие, совершенное на подыграх, есть комбинация стратегий $\{\hat{\sigma}^r, \hat{\sigma}^p\}$, такая, что $\hat{\sigma}^r$ и $\hat{\sigma}^p$ есть лучшие ответы друг на друга для всех возможных историй $h^{t-1} \in \mathcal{H}^{t-1}$ и предыдущих действий, предпринятых в игре на той же стадии.

Когда $\mu < \mu^{**}$, следующий профиль стратегии является единственным равновесием, совершенным на подыграх: $\tau^N(\mu_t, h^{t-1}) = 0$ для $\mu_t \in \{\mu^L, \mu^H\}$, и любого h^{t-1} , $\rho(\mu^L, \bullet, h^{t-1}) = 0$ и $\rho(\mu^H, \bullet, h^{t-1}) = 1$ для любого h^{t-1} . Для этого множества значений параметров, революция достаточно привлекательна, так что уступки не сработают; когда в первый раз возникнет μ^H , будет революция, какой бы ни была предыдущая история игры или текущая ставка налога. Поскольку элиты это знают, они просто устанавливают нулевые налоги, когда случается μ^L .

Чтобы понять природу равновесия, совершенного на подыграх, когда $\mu \geq \mu^{**}$, также полезно отметить, что в этом случае есть дополнительный мотив для элит: «сглаживание налогов». Интуитивно понятно, что элиты хотят дать определенный объем перераспределения гражданам с минимальными затратами для себя. Поскольку цена налогообложения, заданная функцией $C(\bullet)$, выпукла, это предполагает, что налоги должны демонстрировать так мало вариативности, как только возможно, другими

словами, они должны быть гладкими⁵. Впервые эта идея была предложена Р. Барроу [Barro, 1979] в контексте оптимальной фискальной политики, но она в равной степени применима и здесь. Такое сглаживание налогов было невозможно ранее, поскольку элиты никогда не могли пообещать перераспределение в состоянии μ^L . Теперь, когда есть такой вид перераспределения, становится возможным и сглаживание налогов.

Аргументация относительно сглаживания налогов делает ясным, что для элиты самый дешевый способ обеспечить полезность $V^p(R, \mu^H)$ это установить постоянную ставку налога, τ^S , такую что

$$V^p(N, \mu^H, [\tau^S, \tau^S]) = V^p(R, \mu^H). \quad (V.41)$$

Или подробнее: τ^S задается с помощью

$$\begin{aligned} \mu = & \theta - \beta(1-q)(\tau^S(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tau^S)) - \\ & - (1-\beta(1-q))(\tau^S(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tau^S)). \end{aligned} \quad (V.42)$$

Поэтому перераспределение при этой ставке является наилучшей из возможных стратегий для элит. Вопрос в том, совместим ли этот налоговый вектор со стимулами, т.е. удовлетворяет ли он (V.35). Из тех же аргументов прямо следует, что вектор $[\tau^S, \tau^S]$ будет совместим со стимулами, пока $\tau^S \leq \bar{\tau}^S$, где $\bar{\tau}^S$ задается:

$$\begin{aligned} \bar{\tau}^S(\theta - \delta) + \delta C(\bar{\tau}^S) = \\ = \frac{\beta q}{(1-\beta q)} \left[\frac{\theta}{1-\beta(1-q)} - (\bar{\tau}^S(\theta - \delta) + \delta C(\bar{\tau}^S)) \right], \end{aligned} \quad (V.43)$$

что подобно равенству (V.39) с вектором $[\bar{\tau}^S, \bar{\tau}^S]$, замещающим $[\bar{\tau}^p, \tau^p]$.

Тогда вопрос, может ли быть достигнуто совершенное сглаживание налогов сводится к тому, удовлетворяет ли (V.41) какая-либо ставка налога $\tau^S \leq \bar{\tau}^S$. Опять-таки при помощи все той же аргументации немедленно устанавливается, что здесь в наличии уровень μ^H , обозначаемый $\bar{\mu}^S$ и заданный с помощью

⁵ Подробнее: рассмотрим паруналогов, τ^L и $\tau^H > \tau^L$, удовлетворяющих (V.37). Теперь представим себе, что мы конструируем взвешенное среднее этих двух налогов: $\bar{\tau} \left[\beta(1-q)\tau^L + (1-\beta(1-q))\tau^H \right]$. Рассмотрение (V.38) вместе со (строгой) выпуклостью $C(\bullet)$ немедленно устанавливает, что $V^p(N, \mu^H, [\bar{\tau}, \bar{\tau}]) > V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H])$, так что налоговый вектор $[\bar{\tau}, \bar{\tau}]$ также позволяет избежать революции. Более того, снова в силу выпуклости $C(\bullet)$, $V^p(N, \mu^L, [\bar{\tau}, \bar{\tau}]) > V^p(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])$, так что налоговый вектор $[\bar{\tau}, \bar{\tau}]$ также дает большую полезность элитам. Этим устанавливается — сглаживание предпочтительно (если оно совместимо со стимулами).

$$\begin{aligned} \bar{\mu}^S &= \theta - \beta(1-q)(\bar{\tau}^S(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\bar{\tau}^S)) - \\ &\quad - (1 - \beta(1-q))(\bar{\tau}^S(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\bar{\tau}^S)), \end{aligned} \quad (V.44)$$

причем, когда $\mu \geq \bar{\mu}^S$, совершенно гладкая, вызывающая доверие, налоговая политика предотвратит революцию.

Ясно, что $\bar{\mu}^S > \mu^{**}$, но в то же время $\bar{\mu}^S$ может быть больше или меньше, чем μ^* . Когда $\mu \geq \bar{\mu}^S$, наилучшим возможным подыгровым совершенным равновесием для элит является комбинация стратегий, соответствующая налоговому вектору $[\tau^S, \tau^S]$ (который по своему построению предотвращает революцию минимально возможной ценой). Подробнее: определим историю \hat{h}^t такую, что $h^t = \hat{h}^t$ для всех $s \leq t$, $\tau^N(\mu^L, \hat{h}^s) = \tau^S$, где τ^S задано (V.41). Тогда равновесие, совершенное на подыграх, задается следующей комбинацией стратегий. Для элит:

$$\tau^N(\mu_t, h^{t-1}) = \begin{cases} \tau^S, & \text{если } h^{t-1} = \hat{h}^{t-1} \\ 0, & \text{если } h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1} \end{cases} \quad (V.45)$$

для $\mu_t \in \{\mu^L, \mu^H\}$. И для граждан: $\rho(\mu^L, \bullet, h^{t-1}) = 0$ и

$$\rho(\mu^H, \tau^N, h^{t-1}) = \begin{cases} 0, & \text{если } h^{t-1} = \hat{h}^{t-1} \text{ и } \tau^N \geq \tau^S \\ 1, & \text{если } h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1} \text{ или } \tau^N < \tau^S. \end{cases}$$

В этом случае, как и ранее, стратегии определяют, как игрок будет играть даже вне пути равновесия, который теперь включает все возможные истории до этого момента. В частности, здесь \hat{h}^{t-1} обозначает путь равновесия. Тогда, пока игра на этом пути, элиты устанавливают τ^S в обоих состояниях угроз (низком и высоком) и граждане никогда не восстают. Однако, если элиты когда-либо устанавливают ставку налога, меньшую τ^S , мы будем двигаться вдоль некоторой истории $h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}$, и стратегии говорят о том, что когда состояние в первый раз $\mu_t = \mu^H$, граждане предпринимают революцию. Откуда мы знаем, что в такой ситуации для граждан действительно будет вероятным предпринять революцию? Это исходит из (V.45), где констатируется, что если элиты окажутся в ситуации установления ставки налога после некоторой истории, отличающейся от \hat{h}^{t-1} , они установят ставку налога равной нулю. Поэтому бедные понимают, что если они не предпримут революции, следуя отклонению от предписанного поведения, то никогда не получат какого-либо перераспределения благ в свою пользу с этого момента игры и далее. Следовательно, пока в силе революционное ограничение $\theta > \mu$, оптимально предпринимать революцию вслед за отклонением со стороны элит.

И наконец, когда $\mu \in [\mu^{**}, \bar{\mu}^S)$, революция может быть предотвращена, но совершенное сглаживание налогов более не возможно. В этом случае можно видеть, что наилучшим для элит является налоговый вектор $[\hat{\tau}^L, \hat{\tau}^H]$, который является решением для (V.36) и удовлетворяет

$$\begin{aligned} & \hat{\tau}^L(\theta - \delta) + \delta C(\hat{\tau}^L) = \\ & = \frac{\beta q}{(1 - \beta q)} \left[\frac{\theta}{1 - \beta(1 - q)} - (\tau^H(\theta - \delta) + \delta C(\hat{\tau}^H)) \right] \end{aligned} \quad (V.46)$$

и

$$\begin{aligned} \mu = \theta - \beta(1 - q) & (\hat{\tau}^L(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau}^L)) - \\ & - (1 - \beta(1 - q))(\hat{\tau}^H(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau}^H)), \end{aligned} \quad (V.47)$$

и соответствующими равновесиями, совершенными на подыграх, являются:

$$\tau^N(\mu^L, h^{t-1}) = \begin{cases} \hat{\tau}^L, & \text{если } h^{t-1} = \hat{h}^{t-1} \\ 0, & \text{если } h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}, \end{cases}$$

$$\tau^N(\mu^H, h^{t-1}) = \begin{cases} \hat{\tau}^H, & \text{если } h^{t-1} = \hat{h}^{t-1} \\ 0, & \text{если } h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1} \end{cases}$$

$$\rho(\mu^L, \bullet, h^{-1}) = 0,$$

и

$$\rho(\mu^H, \tau^N, h^{t-1}) = \begin{cases} 0, & \text{если } h^{t-1} = \hat{h}^{t-1} \text{ и } \tau^N \geq \hat{\tau}^H \\ 1, & \text{если } h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1} \text{ или } \tau^N < \hat{\tau}^H. \end{cases}$$

Подводя итог рассмотрению этого вопроса, получаем следующее:

Теорема V.5. *Предположим, $\theta > \mu$. Пусть μ^{**} и $\bar{\mu}^S > \mu^{**}$ будет задано (V.40) и (V.44). Тогда равновесие, совершенное на подыграх, лучшее с точки зрения элит, $\{\hat{\sigma}^L, \hat{\sigma}^H\}$, игры $G^\infty(\beta)$ таково, что:*

1. Если $\mu < \mu^{**}$, то $\tau^N(\mu_i, h^{t-1}) = 0$ для $\mu_i \in \{\mu^L, \mu^H\}$ и любого h^{t-1} ; и $\rho(\mu^L, \bullet, h^{t-1}) = 0$ и $\rho(\mu^H, \bullet, h^{t-1}) = 1$ для любого $h^{t-1} \in \mathcal{H}^{t-1}$.
2. Если $\mu \geq \bar{\mu}^S$, $\tau^N(\mu_i, h^{t-1}) = \tau^S$ для $\mu_i \in \{\mu^L, \mu^H\}$ и $h^{t-1} = \hat{h}^{t-1}$, где τ^S задано (V.42); $\tau^N(\mu_i, h^{t-1}) = 0$ для $\mu_i \in \{\mu^L, \mu^H\}$ и $h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}$; $\rho(\mu^L, \tau^N, h^{t-1}) = 0$; $\rho(\mu^H, \tau^N, h^{t-1}) = 0$ для $h^{t-1} = \hat{h}^{t-1}$ и $\tau^N \geq \tau^S$; и $\rho(\mu^H, \tau^L, h^{t-1}) = 1$ для любого $h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}$ или $\tau^N < \tau^S$.

3. Если $\mu \in [\mu^{**}, \bar{\mu}^S)$, то $\tau^N(\mu^L, h^{t-1}) = \hat{\tau}^L$ и $\tau^L(\mu^H, h^{t-1}) = \hat{\tau}^H$ для $h^{t-1} = \hat{h}^{t-1}$, где $\hat{\tau}^L$ и $\hat{\tau}^H$ заданы (V.46) и (V.47); $\tau^N(\mu_t, h^{t-1}) = 0$ для $\mu_t \in \{\mu^L, \mu^H\}$ и $h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}$; $\rho(\mu^L, \bullet, h^{t-1}) = 0$; $\rho(\mu^H, \tau^N, h^{t-1}) = 0$, если $h^{t-1} = \hat{h}^{t-1}$ и $\tau^N \geq \hat{\tau}^H$; и $\rho(\mu^H, \tau^N, h^{t-1}) = 1$, если $h^{t-1} \neq \hat{h}^{t-1}$ или $\tau^N < \hat{\tau}^H$.

Важный момент, который выясняется из теоремы V.5, заключается в том, что теперь есть большее множество значений параметров, позволяющих элитам избежать революции. Другими словами, в обществах с μ таковым, что $\mu^{**} \leq \mu < \mu^*$, будут равновесные революции, если мы не позволяем элитам делать совместимые со стимулами обещания перераспределения в будущие периоды низкой революционной угрозы; однако этих революций можно избежать, когда мы допускаем такие обещания. Более того, даже когда $\mu \geq \mu^*$, элиты могут достичь лучшего для себя результата, сглаживая налоги, благодаря возможности использования совместимых со стимулами обещаний.

Тем не менее важно подчеркнуть, что у элит по-прежнему ограничены способности делать убедительные обещания. Только обещания перераспределения при ставке налога τ^L , которая удовлетворяет $V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) \geq V_d^r(N, \mu^L)$, совместимы со стимулами. Из этого следует, что для обществ с $\mu < \mu^{**}$, применимы те же самые соображения, что и в теореме V.4, и заслуживающего доверия перераспределения недостаточно для того, чтобы убедить граждан жить в недемократии и они предпочтут альтернативные пути. Здесь для них открыта единственная возможность — революция. В главе VI мы увидим, как элиты могут попытаться убедить граждан не предпринимать революции, предлагая изменения политических институтов, для того чтобы сделать будущее перераспределение более вероятным. Демократизация дает гражданам политическую власть, тем самым делая значительно более высокие уровни будущего перераспределения вероятными.

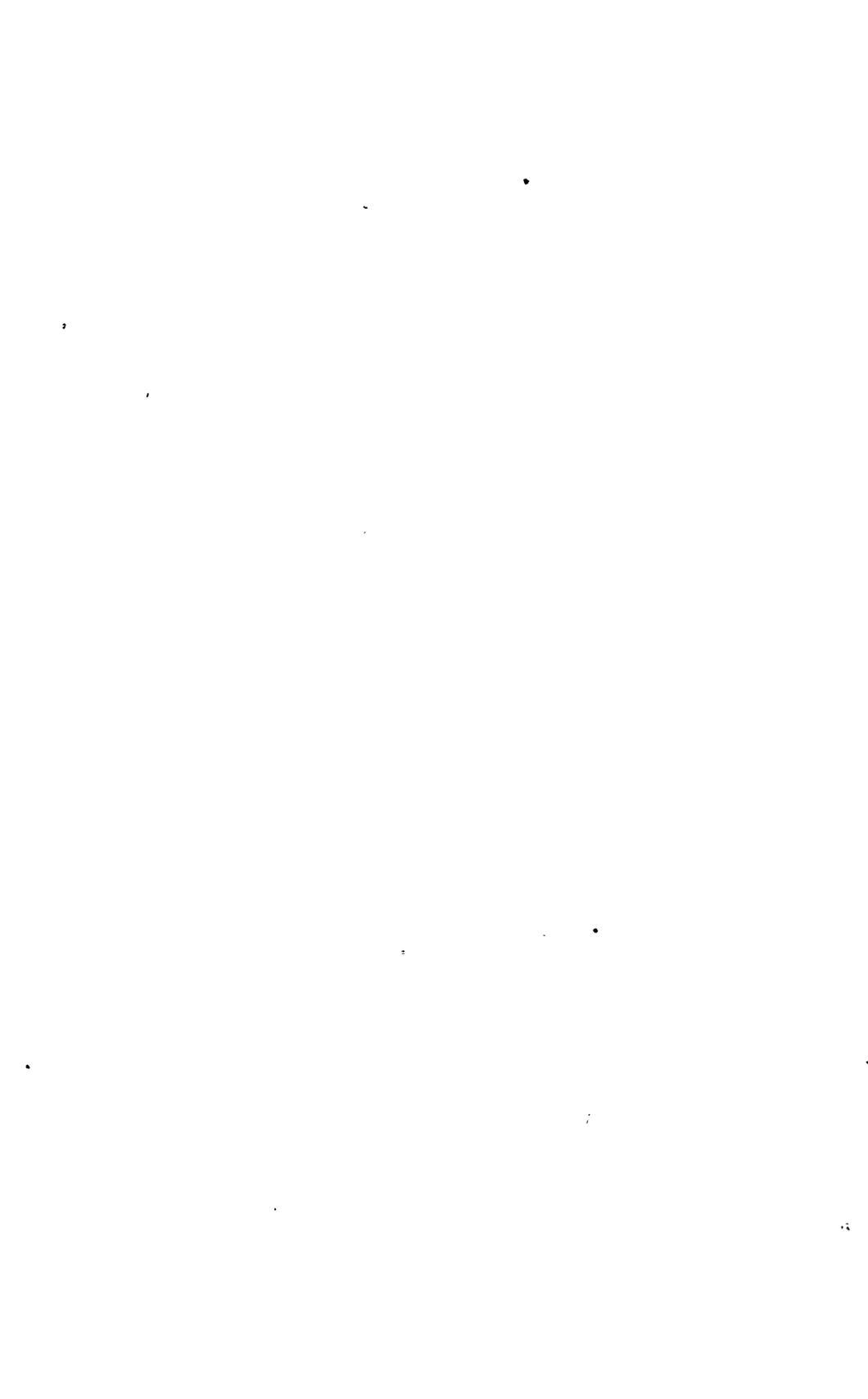
8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе была разработана наша базовая модель недемократической политики и введена фундаментальная проблематика политического обязательства, во многом лежащая в основе нашего подхода. Мы изучали в каких случаях, перед лицом угрозы коллективного действия и революции недемократический режим имел бы желание сделать уступки во избежание экспроприации. Тем не менее поскольку революционные угрозы по своей сути временны, обещания уступок могут быть недостаточно убедительны. Когда угроза революции исчезает, режим может отступить от своих обещаний, как мы это и проиллюстрировали несколькими примерами из истории. Если граждане ожидают, что недемо-

кратический режим отступится от обещаний, то этот режим может быть сметен революцией.

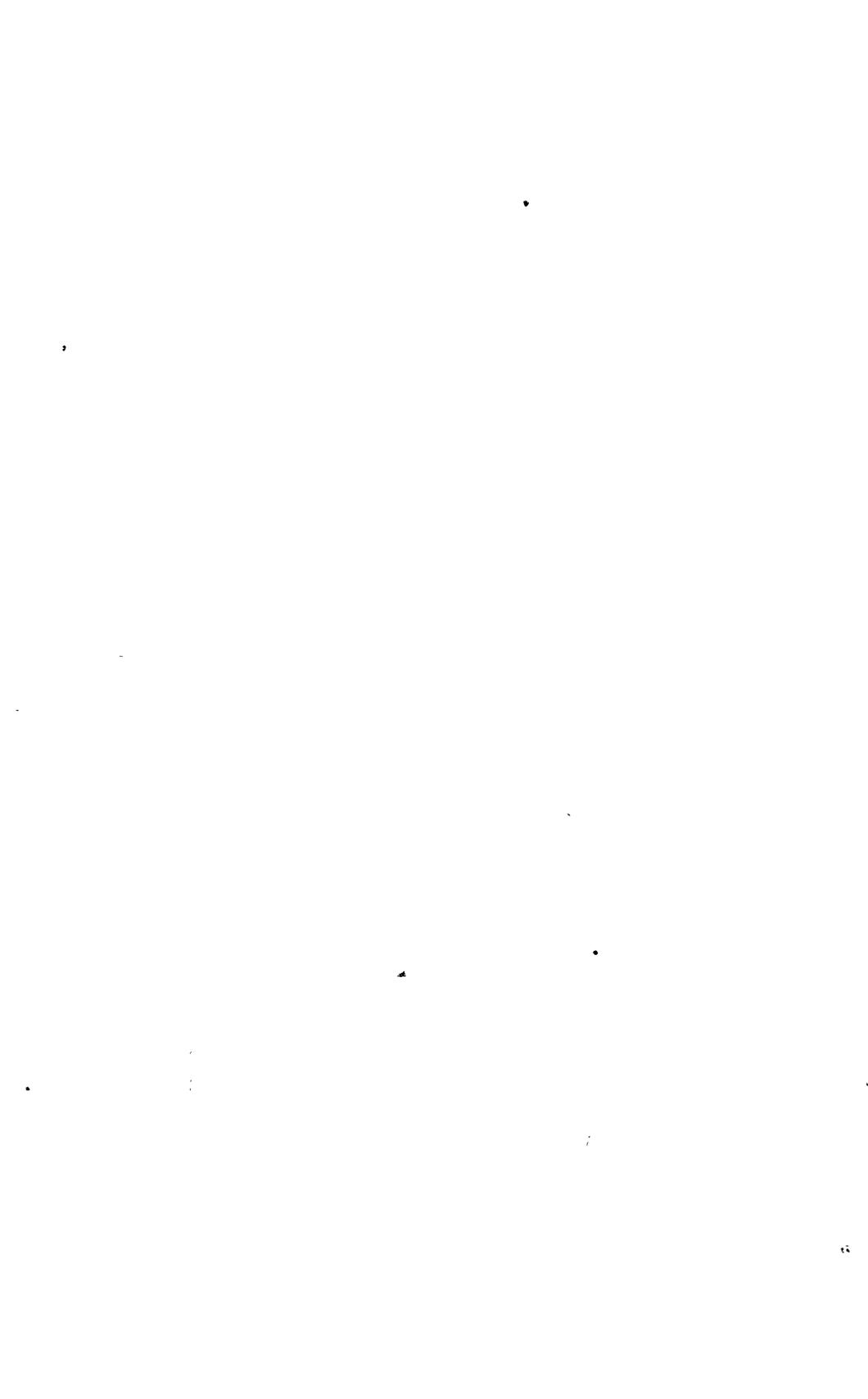
Мы проиллюстрировали эти идеи сначала в форме статической игры, где была введена экзогенная вероятность того, что режим сдержит свои обещания. Хотя эта модель полезна и поддается истолкованию, экзогенная вероятность обмана представлена в слишком упрощенной форме. По этой причине мы также разработали более полную динамическую модель, в которой режим может делать обещания относительно сегодняшнего, но не будущего, дня. Мы продемонстрировали, что качественные результаты динамической модели идентичны результатам статической.

Тем не менее те возможности выбора, которые мы допустили, слишком ограничивающи: например, не может ли такой режим иметь в своем распоряжении другие средства, отличные от уступок в сфере государственной политики, таких как перераспределение доходов? Ответ на это — да, и в главе VI мы приводим доводы в пользу того, что демократизация возникает в качестве вызывающей доверие уступки со стороны элит для того, чтобы остановить революцию. Проводя демократизацию, элиты позволяют гражданам устанавливать ставку налога не только сегодня, но и в будущем, и это делает их уступки вызывающими доверие. Однако даже там рассмотрение этого вопроса неполно. Вместо того чтобы идти на какие-либо уступки, элиты, чтобы избежать революции или необходимости осуществить демократизацию, могут попытаться применить репрессии. Поэтому в той же главе мы также обсуждаем проблему взаимодействия между уступками, демократизацией и репрессиями. В ней, кроме того, более детально рассматриваются концептуальные основы нашего подхода к демократизации, в частности, особый акцент делается на то, почему институциональные изменения могут помочь решить проблемы обязательств.

СОЗДАНИЕ И КОНСОЛИДАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

VI. Демократизация

1. ВВЕДЕНИЕ

В этой главе мы мотивируем и развиваем нашу базовую модель демократизации. Индивиды имеют предпочтения относительно различных политических институтов потому, что они предвидят различные действия, которые политические акторы предпримут при этих институтах, а значит и различные политические меры и общественные выборы, являющиеся результатом этих действий. В этом смысле наш анализ исходит из моделирования демократии и недемократии, предложенного в двух предыдущих главах.

2. РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Для чего вообще нужно говорить об институтах? Почему не сказать просто, что элиты и граждане имеют предпочтения относительно различных мер государственной политики, и результатом политического конфликта между ними является ряд мер, благоприятных для одной или другой группы? Мы утверждаем, что конфликт между различными социальными группами есть нечто большее. Конфликт по поводу политических мер статичен и касается того, что происходит сегодня. Рациональные акторы также заботятся и о будущем. Именно здесь на сцену выходят политические институты, которые долговременны и, следовательно, способны влиять на политические действия и политические равновесия в будущем. Поэтому нужно серьезно осмысливать политические институты в динамической обстановке; через процесс этого осмысления можно разработать теорию возникновения и, затем, консолидации демократии. Критически важным здесь является представление о том, как воздействуют политические институты.

Мы подчеркиваем, что политические институты регулируют распределение политической власти де-юре. Политическая власть определяет, насколько влиятельна та или иная группа (или индивид) на политической арене, когда имеет место конфликт по поводу того, какую меру государственной политики реализовать. Если элитами являются богатые, и если они более влиятельны, мы ожидаем более низких налогов, меньшего перераспределения и вообще ряда мер, более выгодных богатым, чем бедным. Поэтому вопрос распределения политической власти не-

отъемлемо присутствует в любом обсуждении агрегирования конфликтующих предпочтений. Различные модели демократии агрегируют эти предпочтения различным образом и, следовательно, как это было рассмотрено в главе IV, они естественным образом наделяют различным объемом политической власти различные группы. Тем не менее критически важным для нашего подхода является предположение о том, что обычно большинство граждан обладают большей политической властью в демократическом, чем в недемократическом обществе.

Предусмотрительные рациональные экономические акторы заботятся не только о распределении экономических благ и, следовательно, мерах государственной политики сегодня, но и о распределении экономических благ и о мерах государственной политики в будущем. Поэтому политическая власть ценна, и все группы хотели бы каким-то образом гарантировать свою политическую власть в будущем. Политические институты могут влиять на распределение политической власти де-юре в будущем в силу того, что они *долговременны*. Наш подход к институтам основывается на предположении о том, что меры государственной политики, хотя иногда и могут быть труднообратимыми, обычно легче изменить, чем институты. Поэтому демократизация позволяет гражданам не только быть более могущественными сегодня, но также и в будущем, в сравнении с ее альтернативой — недемократическим режимом. Следовательно, демократизация есть способ передачи политической власти большинству граждан. Если граждане могут добиться демократии сегодня, они увеличат свою политическую власть де-юре в будущем, поскольку пока сохраняется демократия они будут иметь больше влияния при определении экономической и социальной политики.

Как же граждане обеспечивают то, что общество станет демократическим? Они могут это сделать, только если имеют достаточно политической власти. Ясно, что если мы находимся в ситуации недемократического режима, то граждане не имеют доступа к голосованию или по крайней мере их предпочтения значат немного. Так как же они могут обладать политической властью? Ответ в том, что политической властью наделяют не только формальные правила, она также может принимать вид политической власти де-факто. Граждане могут обладать политической властью в недемократии, если они создают достоверную угрозу революции или существенных волнений, вредоносных для экономических и социальных интересов элит, контролирующей политическую власть де-юре. На протяжении всей книги, когда мы рассматриваем политическую власть, она включает и власть, исходящую от политических институтов, и способность граждан бросить вызов системе, или способность элит предпринять переворот, т.е. де-факто способы обрести власть. Иными словами, для наших целей политическая власть есть все, что по-

зволяет социальной группе, де-юре или де-факто, приблизить политические меры, которым она отдает предпочтение.

Однако это не весь сюжет, который мы хотим показать. Все, что мы аргументировали до сих пор, можно схематически изобразить следующим образом.

$$\text{политическая власть}_t \Rightarrow \text{политические институты}_t \Rightarrow \text{политические институты}_{t+1} \Rightarrow \text{политическая власть де-юре}_{t+1}$$

Группы, обладающие политической властью сегодня, могут ввести или заставить других ввести политические институты, выгодные для них. Эти политические институты сохраняются и регулируют распределение политической власти в будущем. Поэтому демократизация позволяет гражданам увеличивать свою политическую власть в будущем. Но почему граждане нуждаются в политических институтах для того, чтобы гарантировать свою политическую власть завтра? В конце концов у них есть политическая власть сегодня.

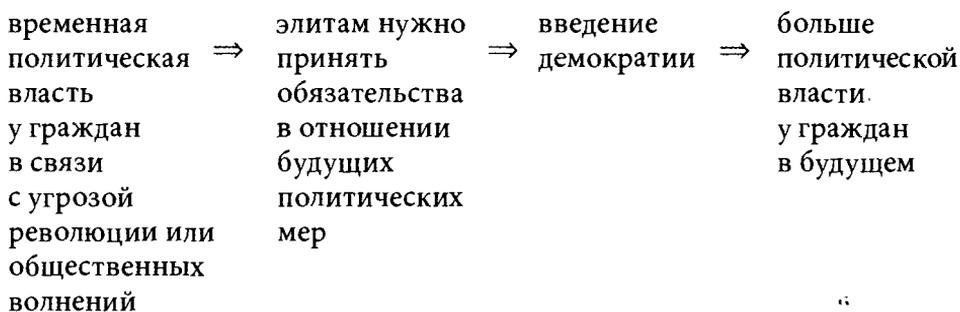
В нашей теории политические институты особенно полезны тогда, когда политическая власть де-факто является *преходящей*, в том смысле что тот, кто обладает большей политической властью де-факто сегодня в целом отличен от того, кто будет обладать ею завтра. Этот преходящий характер может быть результатом различных экономических, социальных шоков системы. Действительно, как мы видели в главе V, эмпирическая литература по проблеме коллективных действий подчеркивает, что даже когда эта проблема может быть решена, такие решения обычно бывают временными. То, что некоторая группа решила проблему коллективных действий сегодня, не гарантирует, что она сможет решить ее завтра. Сегодня может иметь место рецессия, порождающая политическую нестабильность и дающая преимущество любой группе, желающей использовать средства де-факто для того, чтобы повлиять на результаты политики; тем не менее рецессии часто временны; завтра может быть бум.

Теперь представим ситуацию, когда граждане обладают политической властью де-факто сегодня, но ожидают, что не будут иметь подобной политической власти завтра. В этой ситуации они предъявляют спрос на ряд институтов, которые *зафиксируют* их политическую власть. Это именно то, что могут делать демократические институты. Де-факто политическая власть граждан, возникшая в силу необычного события, такого как политический кризис или конец войны, становится институционализированной и преобразуется в будущую политическую власть благодаря введению относительно свободных и честных выборов, в ходе которых учитываются голоса всех граждан, а не только элит.

Есть еще один, последний, штрих в нашей аргументации. Демократизация есть переход от недемократии к демократии, и в недемократии решения принимаются элитами. Поэтому демократизация случается тогда, когда элиты решают «расширить право голоса» и включить более широкие общественные слои в процесс принятия решений. Это не только теоретическое утверждение. Как это было проиллюстрировано во введении и в главе II, почти все важные шаги к демократии в Европе XIX в. и Америке XX в. заключались в том, что существующая политическая система распространяла избирательные права на ранее исключенные общественные слои.

Почему они это делали? Ответ состоит в том, что временная де-факто политическая власть граждан в недемократии основывается на действиях, которые они могут предпринять, и которые дорогостоящи для системы, таких как революция или значительные общественные волнения. Элиты хотели бы предотвратить это и готовы ради этого пойти на уступки. Но граждан заботят распределение экономических благ и меры государственной политики не только сегодня, но и в будущем. Поэтому обычно элиты должны делать обещания относительно будущих, так же как и текущих уступок. Однако когда угроза революции убывает (решающая роль преходящего характера политической власти де-факто!), эти обещания могут быть нарушены. Следовательно, элиты хотели бы брать на себя посылы и внушающие доверие обязательства. Именно здесь значима ценность институтов как способа обеспечить реализуемость этих обязательств. Демократизация гарантирует достоверную передачу политической власти большинству граждан, увеличивая вероятность того, что обещания элит будут соблюдаться. Поэтому демократизация происходит тогда, когда элиты хотят принять на себя вызывающие доверие обязательства относительно будущих политических мер, и они могут сделать это только передачей части своей политической власти, *е де-юре* части, гражданам.

На диаграмме нашу теорию можно резюмировать следующим образом.

3. ПРЕДПОЧТЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В этом разделе мы иллюстрируем основной конфликт, касающийся политических институтов, а именно конфликт демократии и недемократии. Для этой цели вернемся к базовой модели двух классов, рассмотренной в главе IV. Все население нормализовано к 1, доля $1 - \delta > 1/2$ агентов бедны с доходом y^p , а остающаяся доля δ богаты с доходом $y^r > y^p$. Богатые — это элиты, а бедные — граждане. Средний доход обозначается \bar{y} , и, как и ранее, мы используем обозначение θ для задания параметра неравенства. Доходы бедных граждан и богатых элит заданы в (IV.7), и предпочтительная для бедных граждан ставка налога удовлетворяет условию (IV.11).

Мы также используем обозначение для косвенной полезности, введенное в главе IV: $V(y^i | \tau)$ обозначает полезность агента с уровнем дохода y^i , когда политическая мера задана τ . Теперь определим $V^p(D) \equiv V(y^p | \tau^p)$ как косвенную полезность бедного агента, когда ставка налога равна τ^p . По-прежнему в демократии все граждане имеют одинаковые политические предпочтения и будут голосовать за τ^p , так что равновесная ставка налога в демократии есть τ^p . Поэтому $V(y^p | \tau^p)$ есть также косвенная полезность гражданина в демократии, $V^p(D)$ (D обозначает демократию). Сходным образом $V^r(D) \equiv V(y^r | \tau^p)$ есть косвенная полезность члена элиты в демократии. В недемократии результатом будет наиболее предпочтительная ставка налога для члена элиты $\tau^r = 0$; поэтому $V^p(N) \equiv V(y^p | \tau^r)$ есть косвенная полезность гражданина в недемократии (N обозначает недемократию), в которой равновесная ставка налога есть $\tau^r = 0$. И наконец, $V^r(N) \equiv V(y^r | \tau^r)$ есть косвенная полезность представителя элиты в недемократии.

Мы получаем, что

$$V^p(D) > V^p(N), \text{ тогда как } V^r(D) < V^r(N). \quad (\text{VI.1})$$

Иными словами, граждане получают более высокую полезность и доход в демократии, в то время как элиты получают больший доход в недемократии. Непосредственным следствием этого наблюдения является то, что имеется конфликт относительно политических институтов — должно ли общество быть демократическим или недемократическим. В демократии граждане получают относительно больший выигрыш; элиты выигрывают больше при недемократии.

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ И ИНСТИТУТЫ

4.1. Институты против политических мер

В чем разница между институтами и мерами государственной политики? И в политологии, и в других социальных науках есть неявное соглашение по поводу того, что институты и конкретные политические меры существенно различаются. Например, немногие будут думать, что налоговая политика есть «институт», в то время как наличие или отсутствие конституции или демократичности общества обычно рассматривается как нечто, относящееся к институтам. Итак, в чем же различие?

Нобелевский лауреат, экономический историк Даглас Норт определяет институты, как «правила игры в обществе или, более формально... созданные людьми ограничения, формирующие взаимодействия людей» [North, 1990, p. 3]. Это определение институтов полезно, когда мы думаем о широком множестве институтов, охватывающих много разнообразных социальных и политических аспектов экономических решений и организации экономической и социальной активности. Однако для наших целей оно возможно слишком широко. Для нас главная разница между конкретной политикой и институтами в «долговечности» и способности институтов влиять на распределение политической власти в будущем. Мерам государственной политики намного легче дать обратный ход, в то время как институты более долговечны. Более того, институты определяют то, как политические предпочтения разнообразных групп агрегируются в общественный выбор. Поэтому введение ряда институтов сегодня влияет на то, насколько сильны будут различные социальные группы не только сегодня, но и завтра.

Долговечность и способность влиять на распределение власти в будущем делают институты ценными в качестве механизма обязательств. Вспомним, что проблема обязательств в политике, рассмотренная в главе V, возникает потому, что стоящая у власти группа дает обещания относительно будущего, но соблюдение этих обещаний впоследствии оказывается не в ее интересах. Она предпочла бы отказаться от них и вернуться к иному курсу действий, или избрать иные меры. Мы называем это проблемой обязательств в связи с тем, что стоящая у власти группа не может *достоверно обещать* некоторые меры. Проблема обязательств тесно связана с тем фактом, что политическая власть будет в руках отдельной группы в будущем, и ее члены могут использовать эту политическую власть для принятия иных мер вместо тех, которые обещали. Такое понимание также предполагает, что институты могут быть полезны в качестве *механизма обязательств*, поскольку они влияют на будущее распределение политической власти. Проще говоря, если отдельная группа хочет дать обязательства относительно некоторого по-

литического курса действий, как лучше сделать их вызывающими доверие, чем дать больше власти той группе, которая хочет видеть этот курс действий воплощенным в жизнь? Другими словами, проблема обязательств возникает в связи с «разделением» имеющих политическую власть и выигрывающих от обещанных мер. Измените тех, кто имеет политическую власть, и обещания станут вызывать доверие.

Мы не первые, кто подчеркивает ценность институтов в аспекте обязательств. Хотя эта тема появлялась в одних работах и неявно присутствовала в других (например, о порождаемом структурой равновесии см.: [Shepsle, 1979; Romer, Rosenthal, 1978; Shepsle, Weingast, 1984]), она, вероятно, наиболее явным образом ассоциируется с основополагающей статьей Д. Норта и Б. Вайнгаста [North, Weingast, 1989]. Эти авторы утверждали, что установление конституционного режима в Великобритании после Славной революции 1688 г. обеспечивало обязательство короны не уклоняться от уплаты своего долга, тем самым увеличив ее возможности как заемщика. Это повело к фундаментальным изменениям финансовых институтов и создало часть предпосылок промышленной революции.

Чему это институциональное изменение соответствует на практике? Как оно достигает того, что обязательство дается? Осмысление этих вопросов проясняет роль институтов в данном конкретном и в более общем планах, их роль в рамках нашего подхода к политическим институтам и демократизации. Первая важная особенность институтов состоит в том, что они долговечны. После Славной революции правитель не мог вернуться к тем дням, когда он произвольно манипулировал своим долгом и налоговой политикой без согласия парламента. Славная революция ввела постоянно действующие парламентские собрания (ранее они должны были «созываться» королем) и дала парламенту контроль над финансами. Вторая — в том, что институты ограничивают поведение правителя. Именно эта характеристика институтов заставляет их брать на себя достоверное обязательство выплачивать долг.

Объяснение Норта и Вайнгаста убедительно и хорошо описывает различные вопросы, связанные с одним из важных примеров институциональных изменений в европейской истории. Почему эти новые институты сделали перспективу выплаты долга достоверной? Почему парламент, если он был достаточно силен для того, чтобы сместить законного короля Якова II, нуждался в изменении институтов, чтобы гарантировать, что будущие короли не откажутся выплачивать свой долг? Полное изучение вопроса подводит нас к проблеме политической власти и связи между политической властью и институтами. Сместив Якова II, парламент использовал свою политическую власть де-факто и власть такого же свойства голландцев, пославших на помощь свою армию. Однако эта

ситуация была преходящей; голландцы не собирались посылать армию каждый раз, когда ее просил парламент (хотя бы потому, что они были заняты войной с Францией). Поэтому парламент изменил политические институты в Великобритании в попытке не упустить свою преходящую власть де-факто. Новые институты наделяли политической властью де-юре парламент, если не полностью, то намного больше, чем ранее. Более того, это новое распределение власти гарантировало, что король не сможет объявить дефолт по своему долгу, поскольку значительная часть его принадлежала парламенту, который поэтому был заинтересован в обеспечении его уплаты [Stasavage, 2003].

Сходные вопросы важны для нашей теории демократизации: элиты будут вынуждены демократизироваться, чтобы предотвратить революцию лишенных права голоса. Будучи установленной, демократия создаст долгосрочные изменения на политической арене, и эти изменения составят достаточно достоверное обязательство дать гражданам власть и желаемые ими политические меры в будущем.

4.2. Институты и обязательства

При рассмотрении нами работы Норта и Вайнгаста [Northon, Weingast, 1989] возникает фундаментальная проблема: почему институты вообще обеспечивают наличие обязательств? В нашей модели это происходит потому, что де-юре политические институты определяют, кто может предпринимать какие действия, и когда. Например, в демократии, политические меры определяются голосованием большинства, что означает: граждане могут получить то, что хотят, если у элит нет власти де-факто для того, чтобы бросить вызов гражданам. Когда создается демократия, граждане понимают, что институты дадут им политическую власть де-юре, которая служит в качестве обязательства следовать мерам, более направленным в пользу большинства, даже если в будущем у них не будет власти де-факто.

Более того, есть естественные причины того, что смещение однажды созданной демократии потребует значительных затрат. Это так очевидно, потому что группы инвестируют в те или иные комплексы институтов [Brainard, Verdier, 1997; Coate, Morris, 1999; Acemoglu, Robinson, 2001]. Подтверждением может служить тот факт, что только после второго Акта о реформе в 1867 г. в Великобритании Консервативная и Либеральная партии начали организовываться как массовые партии и создавать институты, необходимые для того, чтобы конкурировать в качестве организаций общенационального масштаба. Они создали консервативные и либеральные клубы и охватывающие всю страну сети организаторов, необходимых для мобилизации нового массового электората. Все это —

специфические инвестиции, выигрыш от которых был бы уничтожен в случае прекращения функционирования демократии. Демократия сохраняется благодаря тому, что дает людям большие стимулы сражаться за нее *ex post*. Более того, создание этих организаций, специфичных для демократии, облегчает решение проблемы коллективных действий, когда они созданы. Таковы фундаментальные причины того, почему демократию после ее создания трудно (хотя и не невозможно) отменить и почему она как комплекс политических институтов имеет «обязывающую силу».

4.3. Политическая власть

До сих пор в обсуждении мы отмечали, что политическая власть имеет разные аспекты. Очевидно, что политические институты наделяют политической властью тех, кто контролирует пост президента или законодательный орган. Например, конституция Соединенных Штатов локализует полномочия по предложению и принятию законов так, что дает группам, достигшим успеха на выборах, власть определять характер политических мер в свою пользу. Однако ясно, что политическая власть есть нечто большее. Рассмотрим случай Венесуэлы. Уго Чавес был избран президентом подавляющим большинством голосов в 1998 г., и в 1999 г. смог плотно контролировать процесс переписывания конституции, существенно увеличивший его полномочия. Таким образом, Чавес обладает большой политической властью *де-юре*. Однако другие группы, не контролирующие пост президента и не имеющие какого-либо влияния на процесс пересмотра конституции, также обладают существенной политической властью *де-факто*. Силы, находящиеся в оппозиции к тем мерам, которым отдает предпочтение Чавес (например, менеджеры государственной нефтяной компании) могут организовывать забастовки, ставящие экономику страны на колени — как они это делали в течение двух месяцев после декабря 2002 г. Политические оппоненты также могут организовывать уличные демонстрации с требованиями перемен в политике режима, даже если у них нет политической власти *де-юре* для того, чтобы влиять на нее. Такие экономические решения и коллективные действия дорогостоящи для режима.

Тем не менее такая способность бросать вызов режимам является, по своей природе, преходящей. Хотя бастующие нефтяники дорого обходятся экономике и вредят режиму, они одновременно вредят и себе, и своим семьям. Забастовки с необходимостью должны быть временными. Более того, забастовки трудно организовывать и проводить, и их сила зависит от иных факторов, меняющихся со временем, таких, как мировые цены на нефть. Сила нефтяников в Венесуэле также зависит

от геополитических факторов и того факта, что Соединенные Штаты импортируют 15% нефти из Венесуэлы. Это побуждает американскую администрацию вмешиваться в политику Венесуэлы, для того чтобы поставки нефти не прекращались. Однако тип этого вмешательства зависит от характеристик американской администрации, которые меняются со временем, также делая власть де-факто преходящей.

Можно возразить, что угроза забастовок или демонстраций присутствует постоянно, чего должно бы быть достаточным для того, чтобы побудить Чавеса изменить свою политику. Однако ясно, что Чавес не делал никаких уступок до тех пор, пока эти угрозы реально не проявились в забастовках и демонстрациях. В общем и целом будет неясно, правдоподобны ли угрозы организовать забастовки, потому что нужно будет координировать действия многих людей, и забастовка может провалиться, так как режим способен организовать деятельность штрейкбрехеров. Даже после того, как какая-то забастовка или демонстрация состоялась, нет никаких гарантий, что другие могут быть легко организованы в будущем. Эти факторы показывают, почему оппоненты Чавеса не удовлетворились политическими уступками, так как они ожидали, что от них могут отказаться. Они были бы удовлетворены только смещением президента и, таким образом, изменением в распределении власти де-юре.

В контексте демократизации на один из лучших примеров связи между временными шоками и переменами в распределении политической власти указал Г. Терборн [Therborn, 1977], заметивший, что многие демократизации начинались после войн. Это хорошо вписывается в нашу теорию, поскольку война — это время когда граждане, представляющие собой состав вооруженных сил, имеют существенную временную власть до тех пор, пока они не демобилизованы. Такая угроза ясно видна в ходе демократизаций в таких странах, как Германия после Первой мировой войны.

Поэтому важным замечанием относительно политической власти де-факто является то, что она не обязательно «стационарна» — то, какая группа обладает политической властью, меняется со временем из-за экономических и политических потрясений и социальных изменений. Ранее мы рассматривали пример преходящей политической власти в нашей простой модели диктатуры. Интересно, что в литературе по переходным периодам на преходящий характер власти де-факто было открыто указано Г. О'Доннелом и Ф. Шмиттером, которые описывают динамику коллективного действия в оппозиции к авторитарному режиму следующим образом:

...эта волна рано или поздно достигает вершины... Затем вновь утверждается некоторое «нормальное» состояние, по мере того как не-

которые индивиды или группы снова деполитизируются, исчерпав ресурсы или разочаровавшись, а другие дерадикализируются... Более того, иные просто устают от постоянной мобилизации и ее вторжения в частную жизнь [O'Donnell, Schmitter, Whitehead, 1986, p. 26].

5. СТАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Теперь мы построим модель, содержащую все существенные элементы нашего подхода к демократизации. Этот подход отображает политический конфликт и роль институтов как механизма обязательств, так же как и преходящую политическую власть лишенных права голоса граждан, основанную на угрозе революции. При некоторых обстоятельствах элиты вынуждены проводить демократизацию как достоверное обязательство придерживаться политики в пользу граждан в будущем, для того чтобы предотвратить революцию. В этой главе мы исходим из того, что демократия, будучи однажды созданной, консолидируется. Мы откладываем изучение антидемократических переворотов до следующей главы.

Имеется две группы, богатые и бедные, с долями δ и $1 - \delta$. Элиты богаты и граждане бедны, хотя в разделе 9 мы показываем, что результаты этого анализа устойчивы к альтернативным структурам политических агентов. Индивидуальные предпочтения определяются в отношении доходов после выплаты налогов, заданных следующим выражением:

$$\hat{y}^i = (1 - \tau)y^i + (\tau - C(\tau))\bar{y},$$

а общество находится в состоянии недемократии, когда элиты решают, какова будет политика правительства.

Вспомним, что когда элиты имеют неоспариваемую политическую власть, они избирают нулевой уровень налогов и отсутствие перераспределения доходов (т.е. $\tau^r = 0$). Напротив, наиболее предпочитаемая гражданами ставка налогообложения — $\tau^p > 0$, задана (IV.11). Сравнительная статика τ^p также играет важную роль. Вспомним из рассмотренного ранее, что больший уровень межгруппового неравенства (т.е. высокий уровень θ) увеличивает желаемую гражданами ставку налога, следовательно, $d\tau^p / d\theta > 0$.

Теперь давайте суммируем временную последовательность игры в расширенной форме между элитами и гражданами, последовательность ходов которой изображена в виде дерева игры на рис. VI.1. Следуя анализу игры, изображенной на рис. V.3, можно считать, что первоначальный выбор делается «природой», которая определяет выигрыш от шока, влияющий на то, насколько привлекательно бросить вызов режиму. Од-

нако, как это было рассмотрено в главе V, в статической модели ничего не теряется при исключении состояния L , когда отбрасывается эта ветвь дерева и во внимание принимается одно состояние, при котором недемократическому режиму бросают вызов. Раз это так, мы опускаем обозначение H точно так же, как мы делали это ранее. Следовательно, рис. VI.1 отличается от рис. V.3 тем, что левая сторона дерева, соответствующая ветви L , отбрасывается.

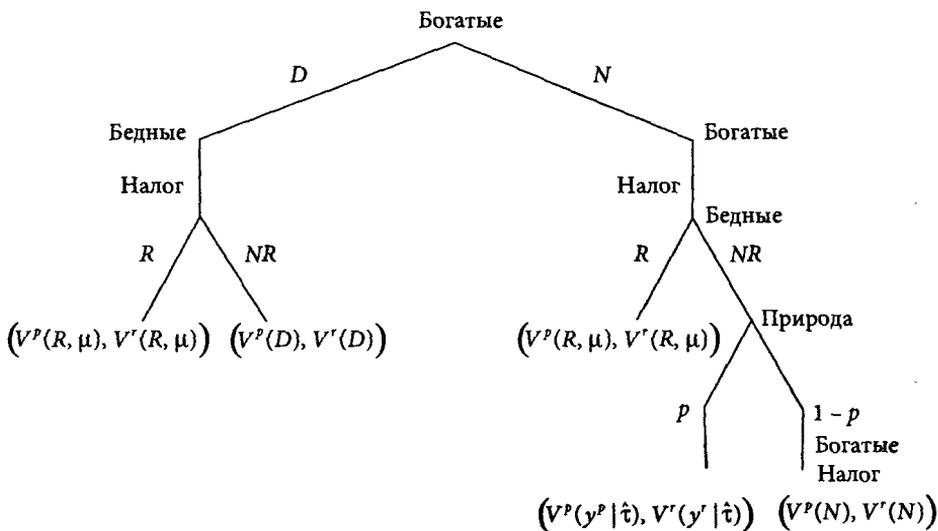

РИС. VI.1. Игра демократизации

Элиты вначале обладают политической властью и делают ход первыми, перед гражданами. Они сначала решают, создать ли демократию (ветвь, обозначенная D), или нет (ветвь N). Как и в предыдущей главе, мы обозначаем ставку налога, устанавливаемую элитами в недемократии, как τ^N , и используем обозначение τ^D для налога, устанавливаемого в демократии медианным избирателем. Если элиты выбирают D , провозглашается демократия и устанавливает ставку налога медианный избиратель, бедный агент. Если они не проводят демократизации, то ставка налога определяется элитами. Следуя этому решению относительно государственной политики, граждане решают, начинать ли революцию. Следуя логике обсуждения в главе V, революции создают частные выгоды для индивидов, принимающих в них участие, и, следовательно, нет проблемы коллективного действия. Если предпринимается попытка революции и доля $\xi^p \leq 1 - \delta$ граждан принимает в ней участие, она всегда успешна. После революции бедные граждане экспроприируют доходы

элит. Однако во время революции доля $\mu > 0$ дохода экономики уничтожается. Высокое значение μ предполагает, что революция относительно дорогостояща.

Из этих допущений, как и из анализа главы V, следует, что после революции каждый гражданин получает выигрыш:

$$V^p(R, \mu) = \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{1 - \delta}. \quad (VI.2)$$

В ходе революции доходы элит экспроприируются и мы исходим из того, что они не получают ничего (т.е. $V^r(R, \mu) = 0$).

Мы снова говорим о том, что *выполняется условие угрозы революции*, если граждане получают при революции больше, чем когда элиты устанавливают наилучший для себя налог, τ^r . Поэтому условие угрозы революции выполняется, если $V^p(R, \mu) = (1 - \mu)\bar{y}/(1 - \delta) > y^p$ или если

$$\theta > \mu. \quad (VI.3)$$

Как и в главе V, при большем неравенстве (т.е. при более высоком θ) вероятность выполнения условия угрозы революции выше. Также, естественно, низкий уровень μ (т.е. больший доход для граждан после революции) делает революцию более привлекательной, и вероятность выполнения условия угрозы революции (VI.3) становится выше. Если граждане предпринимают революцию (ветвь R), то игра заканчивается следующим выигрышем для граждан и для элит ($V^p(R, \mu), V^r(R, \mu)$).

Если демократия создана и революция не происходит, мы находимся на ветви (D, NR). Игра завершается установлением ставки налога, предпочитаемой медианным избирателем. В этом случае элиты и граждане получают выигрыши ($V^p(D), V^r(D)$) где, как и ранее:

$$V^p(D) = V(y^p \mid \tau^D = \tau^p) = y^p + \tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y} \quad (VI.4)$$

и

$$V^r(D) = V(y^r \mid \tau^D = \tau^p) = y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}.$$

Альтернативным решением для элит становится не выбирать демократизацию и самим устанавливать ставку налога. В этом случае вопрос в том, смогут ли элиты достоверным образом обязать пойти на некоторые уступки. Мы снова моделируем это простым образом, вводя «игру продолжения», в которой с вероятностью $1 - p$ элиты могут переменить ставку налога, в то время как с вероятностью p они не могут этого сделать, и устанавливается ставка налога, избранная до решения о революции. Это позволяет нам моделировать идею о критической важности проходящего

характера политической власти де-факто — в недемократическом обществе элиты могут обещать значительное перераспределение в будущем, но не обязательно будут придерживаться этого обещания.

Как это было рассмотрено в главе V, более удовлетворительный подход — повторяющаяся игра, в которой элиты могут выполнить меру, обещанную сегодня, но не могут делать никаких обещаний относительно их исполнения в будущем, как только угроза революции исчезает. Это именно та модель, которую мы разрабатываем в разделе 7, и мы должны понимать, что нынешняя структура игры сходна со структурой динамической игры, но во многих отношениях значительно проще ее. Поэтому мы предпочитаем начать с этой более простой игры для того, чтобы выявить основные вопросы, и возвратиться к более удовлетворительному подходу позже.

Для того чтобы предотвратить революцию, элиты могут попытаться установить некоторую ставку налога $\tau^N = \hat{\tau}$, отличную от их идеальной ставки. Это та ставка налога, которая будет действовать, когда элиты не проводят демократизации и неспособны изменить налог. Поэтому, если элиты обещают перераспределение при ставке налога $\hat{\tau}$, выбор граждан — не восставать, и природные условия не позволяют элитам изменить налог; игра заканчивается выигрышами $V(y^p | \tau^N = \hat{\tau})$ и $V(y^r | \tau^N = \hat{\tau})$. Напротив, если природные условия позволяют изменить ставку налога, элиты установят наиболее предпочтительную для них ставку, τ^r . В этом случае выигрыши примут значения $V^p(N)$ и $V^r(N)$, где:

$$V^p(N) = V(y^p | \tau^N = \tau^r) = y^p \quad \text{и} \quad V^r(N) = V(y^r | \tau^N = \tau^r) = y^r.$$

Следовательно, ожидаемые выигрыши от обещания перераспределять доходы могут быть записаны как $(V^p(N, \tau^N), V^r(N, \tau^N))$, так, что

$$V^p(N, \tau^N) = y^p + p(\tau^N(\bar{y} - y^p) - C(\tau^N)\bar{y})$$

и

$$V^r(N, \tau^N) = y^r + p(\tau^N(\bar{y} - y^r) - C(\tau^N)\bar{y}),$$

где принимается во внимание тот факт, что перераспределение при ставке налога τ^N случается только с вероятностью p . (Заметим различие между обозначением $V^i(N)$, которое относится к выигрышам, когда общество недемократично и не связано ограничениями, и обозначением $V^i(N, \tau^N)$, относящимся к случаю, когда общество недемократично, но элиты вынуждены устанавливать ставку налога, позволяющую избежать революции. Ниже мы также используем это обозначение.)

Теперь мы анализируем равновесия, совершенные на подыграх этой игры в ее расширенной форме. Чтобы это сделать, мы начинаем с конца дерева игры и применяем обратную индукцию, как в главе V. Мы обозна-

чаем действия элит и граждан как $\sigma^r = \{\varphi, \tau^N, \bar{\tau}^N\}$ и $\sigma^p = \{\rho(\bullet), \tau^D\}$. Элиты устанавливают ставку налога $\tau^N \in [0, 1]$ и решают, создавать ли демократию $\varphi \in \{0, 1\}$, где $\varphi = 1$ означает, что демократия создана. Если революция не происходит и природа выбирает $v = 1$, то элиты будут изменять ставку налога. Поскольку элиты не принимают решения, когда $v = 0$, мы представляем это как выбор $\bar{\tau}^N \in [0, 1]$. Граждане решают, начинать ли революцию, $\rho \in \{0, 1\}$ (где $\rho = 1$ означает начало революции); это решение обусловлено действиями элит; следовательно, $\rho: \{0, 1\} \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$. Здесь $\rho(\varphi, \tau^N)$ есть решение о революции, когда элиты принимают решение о демократизации φ и устанавливают ставку налога τ^N . Наконец если $\varphi = 1$, то демократия создается, и бедные устанавливают ставку налога $\tau^D \in [0, 1]$. Тогда равновесие, совершенное на подыграх, есть комбинация стратегий $\{\bar{\sigma}^r, \bar{\sigma}^p\}$, такая что $\bar{\sigma}^p$ и $\bar{\sigma}^r$ — лучшие ответы друг друга во всех соответствующих подыграх.

Сначала рассмотрим ситуацию, в которой элиты не создают демократию, обещают особую ставку налога $\tau^N = \hat{\tau}$, и революция не происходит. Это порождает ожидаемые выигрыши:

$$V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) = y^p + p(\hat{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\hat{\tau})\bar{y}) \quad (\text{VI.5})$$

и

$$V^r(N, \tau^N = \hat{\tau}) = y^r + p(\hat{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\hat{\tau})\bar{y}).$$

Если $V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) \geq V^p(R, \mu)$, то такая уступка предотвратит революцию. Следуя анализу, проведенному в главе V, можно определить μ^* так, что при $\mu = \mu^*$, мы получаем $V^p(R, \mu^*) = V^p(N, \tau^N = \tau^p)$; т.е. граждане получают одинаковый выигрыш при революции, и при обещаниях элит установить наилучшую для граждан ставку налога, τ^p . (Конечно, $V^p(N, \tau^N = \tau^p) < V^p(D)$, потому что в первом случае элиты только обещают этот налог, и их обещание реализуется только с вероятностью p .) Это критическое значение издержек революции, μ^* , задается исходя из уравнения $V^p(R, \mu^*) = V^p(N, \tau^N = \tau^p)$ следующим выражением:

$$\mu^* = \theta - p(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (\text{VI.6})$$

Когда $\mu < \mu^*$, издержки революции малы и из определения μ^* мы получаем, что $V^p(R, \mu) > V^p(N, \tau^N = \tau^p)$. Таким образом, даже при наилучшей ставке налога, обещаний элит недостаточно для предотвращения революции. Поэтому элиты должны провести демократизацию, для того чтобы остановить революцию. Демократизация осуществима, если демократия создает перераспределение, достаточное для того, чтобы граждане не восставали после прихода демократии. Это верно, когда $V^p(D) \geq V^p(R, \mu)$, что эквивалентно:

$$\mu \geq \theta - (\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)). \quad (\text{VI.7})$$

Когда $\mu \geq \mu^*$, издержки революции достаточно высоки, так что элиты могут предотвратить демократизацию путем перераспределения. В этом случае они могут оставаться у власти, установив ставку налога на некотором уровне, чтобы бедным стало просто безразлично, восставать или нет, т.е. так, что $\hat{\tau}$ удовлетворяет $V^p(R, \mu) = V^p(N, \tau^N = \hat{\tau})$, откуда следует:

$$\mu = \theta - p(\hat{\tau}(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\hat{\tau})),$$

и они не проводят демократизацию.

Теперь можно видеть, что существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, однако характер этого равновесия зависит от конфигураций параметров: когда $\theta > \mu$ и $\mu \geq \mu^*$, элиты могут оставаться у власти, установив ставку налога $\hat{\tau}$. Что более интересно, единственная пара стратегий, составляющая равновесие, когда $\theta > \mu$ и $\mu < \mu^*$ (и (VI.7) имеет место) включает демократизацию, проводимую элитами во избежание революции. Полезно записать профиль стратегий для одного только этого случая полностью. Здесь следующий профиль стратегий является единственным равновесием: для элит — $\tau^N = 0$, $\varphi = 1$ и $\bar{\tau}^N = 0$. Для граждан — $\rho(\varphi = 0, \bullet) = 1$, $\rho(\varphi = 1, \bullet) = 0$ и $\tau^D = \tau^p$. В этом равновесии элиты провозглашают демократию, и граждане устанавливают ставку налога $\tau^D = \tau^p$. Если демократия создана, граждане не восстают $\rho(\varphi = 1, \bullet) = 0$; но вне равновесия граждане играют $\rho(\varphi = 0, \bullet) = 1$ — т.е., если демократия не создана, граждане избирают революцию. Именно эта достоверная угроза революции побуждает элиты проводить демократизацию.

Теперь у нас есть следующий результат:

Теорема VI.1. *Существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$ в игре, представленной на рис. VI.1, и оно таково, что:*

- Если $\theta \leq \mu$, то условие угрозы революции не выполняется и элиты могут оставаться у власти без демократизации или перераспределения дохода.
- Если $\theta > \mu$, то условие угрозы революции выполняется. Вдобавок, пусть μ^* будет определяться условием (VI.6). Тогда:
 1. Если $\mu \geq \mu^*$, то элиты не проводят демократизацию и устанавливают ставку налога $\hat{\tau}$ для достаточного перераспределения дохода во избежание революции.

2. Если $\mu < \mu^*$ и выполняется (VI.7), уступки недостаточны для того, чтобы избежать революции и элиты проводят демократизацию.

3. Если $\mu < \mu^*$ и не выполняется (VI.7), то происходит революция.

Самый важный вывод, следующий из теоремы VI.1, — демократия возникает во избежание революции, когда обещания элит проводить политику в пользу граждан недостаточно достоверны. Заметим, что чем ниже ρ , тем менее убедительны такие обещания, тем выше μ^* и менее вероятно, что уступки позволят избежать революции. Таким образом, именно недостаток убедительности заставляет элиты осуществлять демократизацию. Более того, неравенство должно быть достаточно высоко ($\theta > \mu$), чтобы революция вообще стала привлекательной. Перед детальным исследованием сравнительной статистики этой модели и обсуждением большего количества ее следствий, мы введем в рассмотрение репрессии.

6. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ РЕПРЕССИИ?

Пока что мы исследовали баланс между уступками и демократизацией, когда граждане могут бросать вызов власти недемократического режима. Однако, как было упомянуто в главе II, недемократическое правительство часто может не идти на какие-либо уступки, но применять силу для блокирования политических изменений. Есть много примеров этому. В декабре 1989 г. режим Чаушеску в Румынии попытался заблокировать демократизацию с помощью армии. Эта тактика дала обратный результат, когда армия приняла решение встать на сторону демонстрантов, после чего только тайная полиция осталась лояльной режиму. Сходным образом в Китае, на площади Тяньаньмень, в июне 1989 г. коммунистическая партия использовала танки, чтобы сокрушить продемократическое движение, а не пошла на какие-либо уступки. Другим уместным примером является военная хунта в Бирме (Мьянме), сохраняющая власть благодаря применению силы для подавления всякой оппозиции. Теперь мы введем репрессии в модель, предложенную в предыдущем разделе, и изучим обстоятельства, при которых возникает демократия, когда одним из вариантов выбора являются репрессии. Этот анализ начинается со следующего допущения: если элиты решают подвергнуть граждан репрессиям, это всегда увенчивается успехом. В духе этого допущения О'Доннел и Шмиттер отмечали:

...никакой переход не может быть навязан исключительно противниками режима, сохраняющего внутреннее единство, способность и готовность применять репрессии [O'Donnell, Schmitter, Whitehead, 1986, p. 21].

Тем не менее далее в этой главе мы рассмотрим ситуации, в которых репрессии могут потерпеть фиаско, в каком-то случае в равновесии может произойти революция.

Доходы до уплаты налога заданы выражением (IV.7), за исключением того, что теперь могут также быть издержки, пошедшие на репрессии, которые влияют на чистый доход. В частности, чистый доход агента i после налогообложения есть:

$$\hat{y}^i = \omega \Delta y^i + (1 - \omega) \left((1 - \tau) y^i + (\tau - C(\tau)) \bar{y} \right), \quad (VI.8)$$

где Δ есть издержки, пошедшие репрессиями, $\omega = 0$ обозначает отсутствие репрессий, и $\omega = 1$ — репрессии. Мы моделируем издержки репрессий так же, как и ранее издержки революции. Если элиты решают применять силу, то все агенты теряют некоторую долю своего дохода в период репрессий. Мы исходим из того, что $\Delta = 1 - \kappa$, что делает эффективные издержки репрессий равными κy^i . Мы принимаем допущение о том, что граждане теряют ту же долю дохода, что и элиты, только для симметрии; это не играет важной роли в нашем анализе, потому что решение о репрессиях принимается элитами.

Эта игра идентична той, что отображена на рис. VI.1, за исключением того, что теперь элиты сначала делают выбор между обещанием перераспределения благ, применением репрессий или созданием демократии (см. рис. VI.2). Если применяются репрессии, они всегда успешны и дерево игры заканчивается выигрышами $(V^p(O|\kappa), V^r(O|\kappa))$, где O означает «подавление» (поскольку R уже используется для «революции»). С применением репрессий элиты сохраняют власть и могут устанавливать наиболее предпочтительную для них ставку налога:

$$V^p(O|\kappa) = (1 - \kappa) y^p \quad \text{и} \quad V^r(O|\kappa) = (1 - \kappa) y^r.$$

Если элиты не делают выбор в пользу репрессий, они могут выбрать демократизацию, и тогда оставшаяся часть дерева игры аналогична изображенному на рис. VI.1.

Данный анализ является близким отражением анализа, приведенного в предыдущем разделе. Расчеты μ^* неизменны, так что как и ранее если $\mu \geq \mu^*$, то элиты могут сохранить власть с помощью уступок, в то время как если $\mu < \mu^*$ — то не могут. Однако, каково бы ни было значение μ , у элит есть возможность выбрать репрессии. Чтобы понять, что случится в равновесии, необходимо сравнить выигрыш элит от репрессий с выигрышем от демократизации или уступок. Имея это в виду, можно определить два пороговых уровня для издержек репрессий, $\hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}$, таких, что для элит нет разницы между возможными для них вариантами выбора на этих уровнях. Более конкретно, пусть $\hat{\kappa}$ будет таким, что:

$$V^r(O | \hat{\kappa}) = V^r(N, \tau^N = \hat{\tau})$$

или иначе

$$\hat{\kappa} = \frac{p}{\theta} (\delta C(\hat{\tau}) - \hat{\tau}(\delta - \theta)). \quad (VI.9)$$

Поэтому при $\hat{\kappa}$ элитам нет разницы между перераспределением и репрессиями. В результате для всех $\kappa < \hat{\kappa}$ они предпочитают репрессии обещанию перераспределить блага. Вспомним, что κ есть доля дохода, уничтожаемого репрессиями, так что, чем она меньше, тем более привлекательными будут репрессии. Из этого следует, что одно множество конфигураций параметров, когда происходят репрессии, возникает при $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \hat{\kappa}$.

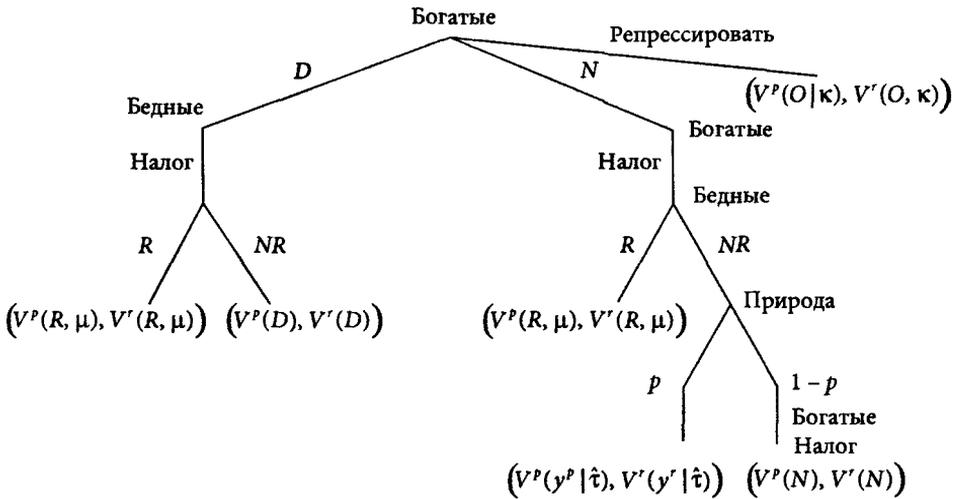

РИС. VI.2. Демократизация или репрессии

Затем, определим другой порог, такой что:

$$V^r(O | \tilde{\kappa}) = V^r(D),$$

или подробнее

$$\tilde{\kappa} = \frac{1}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)). \quad (VI.10)$$

При $\tilde{\kappa}$ элитам нет разницы между демократизацией и репрессиями. В результате для всех $\kappa < \tilde{\kappa}$ они предпочитают репрессии демократизации. Поэтому другое множество значений параметров, в котором репрессии в равновесной стратегии, будет при $\mu < \mu^*$ и $\kappa < \tilde{\kappa}$.

Оба пороговых уровня $\hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}$ возрастают вместе с возрастанием неравенства, т.е. возрастают вместе с возрастанием θ . Например, полностью дифференцируя (VI.10), получаем:

$$\frac{d\tilde{\kappa}}{d\theta} = -\frac{\delta}{\theta^2} (C(\tau^p) - \tau^p) + \frac{1}{\theta} (\delta C'(\tau^p) - \delta + \theta) \frac{d\tau^p}{d\theta} > 0.$$

Чтобы убедиться, почему это так, заметим, что $(\tau^p - C(\tau^p))\bar{y}$ есть трансферы на душу населения исходя из ограничения государственного бюджета; мы должны иметь $C(\tau^p) - \tau^p < 0$, откуда следует, что $-\delta(C(\tau^p) - \tau^p) / \theta^2 > 0$. Теперь, $-\delta + \theta > 0$ следует из $y^r > y^p$, и мы также знаем, что $d\tau^p / d\theta > 0$. Следовательно, $d\tilde{\kappa} / d\theta > 0$.

То, что большее неравенство увеличивает $\hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}$, интуитивно понятно. Большее неравенство делает перераспределение более дорогостоящим для элит и репрессии более привлекательными по сравнению как с демократизацией, так и с обещанием перераспределения при прочих равных условиях. Это увеличивает готовность элит применить репрессии, даже если они влекут за собой большие издержки.

Теперь мы можем сформулировать теорему, описывающую характер равновесий в этой игре. Чтобы это сделать, мы снова применяем интуитивный подход. Характер стратегий сходен с рассмотренным в теореме VI.1, различия только в том, что элиты сначала должны решить, применять ли репрессии, $\omega \in \{0, 1\}$, а решение граждан о революции зависит от ω помимо ϕ и τ^N . И опять равновесие, совершенное на подыграх, есть комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$. Демократия провозглашается, когда $\theta > \mu$, $\mu < \mu^*$ и $\kappa \geq \tilde{\kappa}$.

Теперь мы имеем следующий результат:

Теорема VI.2. *Существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, в игре, представленной на рис. VI.2, и оно таково, что:*

- Если $\theta \leq \mu$, то условие угрозы революции не выполняется, и элиты могут оставаться у власти без репрессий, перераспределения или демократизации.
- Если $\theta > \mu$, то условие революции выполняется. Теперь, пусть μ^* задается (VI.6) и $\hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}$ задаются (VI.9) и (VI.10). Тогда:
 1. Если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa \geq \hat{\kappa}$, то издержки репрессий велики, и элиты перераспределяют доход, для того чтобы избежать революции.
 2. Если $\mu < \mu^*$ и $\kappa < \tilde{\kappa}$ или $\kappa \geq \tilde{\kappa}$ и не выполняется условие (VI.7), или если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \hat{\kappa}$, то элиты применяют репрессии.

3. Если $\mu < \mu^*$, выполняется условие (VI.7), и $\kappa \geq \tilde{\kappa}$, уступок недостаточно для того, чтобы избежать революции, и издержки репрессий сравнительно велики, так что элиты проводят демократизацию.

Как и в теореме VI.1, демократия возникает как достоверный способ перенаправить политику в пользу граждан. Произойдет ли демократизация, зависит от значений μ и κ . Когда $\theta > \mu$ и μ ниже, чем μ^* , революция относительно привлекательна и, учитывая то, что обещания элит не вполне вызывают доверие, вряд ли какая-либо ставка налога, обещанная элитами до революции, будет когда-либо введена. В этом случае, даже когда элиты предлагают наиболее привлекательную для граждан из возможных ставку налога, τ^p , граждане предпочитают революцию. Предвидя это, элиты должны либо ввести репрессии, либо проводить демократизацию, чтобы избежать экспроприации в ходе революции. Репрессии привлекательны, когда κ относительно низко, тогда как демократия возникает, когда революция дает достаточно выигрышей гражданам и репрессии достаточно дорогостоящи для элит. Репрессии также применяются, когда создания демократии недостаточно для того, чтобы предотвратить революцию.

Когда уступки не работают, потому что они не вызывают доверия, элиты должны проводить демократизацию или репрессии. В нашей более ранней работе [Acemoglu, Robinson, 2000b] мы показали, что может быть иная важная причина того, почему уступки не работают. Мы разработали модель, в которой сила элит и способность к репрессиям являются частной информацией. Сильные элиты могут легко ответить на революцию репрессиями, в то время как слабые — нет. Мы продемонстрировали, что при столкновении с революцией бывают обстоятельства, когда элита, не идущая на репрессии, и вместо нее делающая уступки, может восприниматься как слабая. В этом случае уступки на самом деле могут поощрить революцию. Мы показали, таким образом, что уступки не используются, поскольку информация, которую они могут сообщить гражданам, не воспринимается ими позитивно, и элиты оказываются вынуждены применять репрессии или идти на демократизацию.

6.1. Сравнительная статика

Теперь исследуем сравнительную статику равновесия более детально. Интересно проанализировать связь между неравенством и демократизацией.

Для низких уровней неравенства, особенно для $\theta \leq \mu$, демократизации никогда не происходят, поскольку условие угрозы революции не

выполняется, поэтому для демократизации требуется, чтобы общество было достаточно неэгалитарным (т.е. $\theta > \mu$) так, чтобы революция была угрозой. Интуитивно ясно, что в высоко эгалитарных обществах граждане живут достаточно хорошо при имеющемся распределении активов, так что они никогда не хотят оспаривать власть и демократизация никогда не происходит (возможно, как мы рассмотрим далее в этой главе, если только элиты не имеют сильного, внутренне присущего им, предпочтения в пользу демократии, которое перевешивает потери от перераспределения). Более того, неравенство должно быть достаточно высоким, чтобы обещания перераспределить блага не хватило для предотвращения угрозы революции, в особенности, если $\theta > \theta^*$, где

$$\mu = \theta^* - p \left(\tau^p(\theta^*)(\theta^* - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p(\theta^*)) \right).$$

Здесь мы используем обозначение $\tau^p(\theta^*)$ для того, чтобы подчеркнуть, что ставка налога, предпочитаемая медианным избирателем, зависит от степени неравенства. Это необходимо иметь в виду при расчете сравнительной статистики. Ясно, что $\theta^* > \mu$, потому что $p \left(\tau^p(\theta^*)(\theta^* - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p(\theta^*)) \right) > 0$. Поэтому увеличение неравенства, начиная с низких уровней, делает демократизацию более вероятной. Исходя из (VI.7), можно получить другое критическое значение θ , $\hat{\theta}$, такое что:

$$\mu = \hat{\theta} - \left(\tau^p(\hat{\theta})(\hat{\theta} - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p(\hat{\theta})) \right),$$

где $\hat{\theta} > \theta^*$. Это неравенство следует из того факта, что $p < 1$ и $\tau^p(\theta)(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p(\theta))$ возрастает по θ . Чтобы видеть этот последний результат, отметим, что производная этого выражения есть

$$\frac{d\tau^p(\theta)}{d\theta} \left(\theta - \delta - (1 - \delta)C'(\tau^p(\theta)) \right) + \tau^p > 0.$$

Это так потому, что по теореме об огибающей (т.е. по условию первого порядка, определяющему τ^p), $\left(\theta - \delta - (1 - \delta)C'(\tau^p(\theta)) \right) = 0$ и также $\tau^p > 0$. Таким образом, есть диапазон уровней неравенства $\theta \in (\theta^*, \hat{\theta}]$, где будет совершена демократизация во избежание революции.

Однако, когда неравенство очень высоко, $\hat{\kappa}$ и $\bar{\kappa}$ относительно высоки и элиты все-таки предпочитают применить репрессии, а не пострадать от высоких уровней перераспределения, поэтому демократизация происходит только при средних уровнях неравенства. Важным теоретическим моментом здесь является то, что граждане предпочитают демократию недемократии, потому что она (демократия) осуществляет

большее перераспределение, и это предпочтение становится сильнее по мере возрастания неравенства. Таким же образом элиты предпочитают недемократию, и предпочитают более интенсивно, когда неравенство выше, и они ожидают, что при демократии от них потребуется большее перераспределение. Чем выше неравенство, тем более привлекательна для элит недемократия в сравнении с демократией; поэтому в обществе с высоким уровнем неравенства элиты будут использовать свои ресурсы для того, чтобы собрать силы и предотвратить революцию без проведения демократизации.

Для данных издержек репрессий, κ , можно имплицитно определить критический порог неравенства, $\tilde{\theta}(\kappa)$, такой, что

$$\kappa = \frac{1}{\tilde{\theta}(\kappa)} \left(\delta C(\tau^p(\tilde{\theta}(\kappa))) - \tau^p(\tilde{\theta}(\kappa))(\delta - \tilde{\theta}(\kappa)) \right).$$

Тогда для демократизации требуется, чтобы неравенство было меньше, чем этот порог, или $\theta \leq \tilde{\theta}(\kappa)$. Зададим $\theta^{\min} = \min\{\hat{\theta}, \tilde{\theta}(\kappa)\}$. Теперь мы можем утверждать:

Следствие VI.1. Имеется немонотонная зависимость между неравенством и демократизацией. В частности, когда $\theta \leq \theta^$, общество остается недемократическим и элиты сохраняют власть; когда $\theta > \theta^{\min}$, общество остается недемократическим с применением репрессий. Демократизация происходит, когда $\theta \in (\theta^*, \theta^{\min}]$.*

Если $\theta \leq \tilde{\theta}(\kappa)$, то перед тем, как репрессии становятся привлекательными, (VI.7) не имеет места и — задано, что при $\theta > \theta^*$ уступки не срабатывают, — элиты вынуждены применять репрессии во избежание революции. Если $\theta > \tilde{\theta}(\kappa)$, то, когда достигается критический уровень неравенства $\tilde{\theta}(\kappa)$, хотя и возможно избежать революции с помощью демократизации, элиты находят более привлекательным для себя прибегнуть к репрессиям.

Результаты теоремы VI.2, и особенно содержащиеся в следствии VI.1, могут помочь в понимании некоторых сравнительных образцов демократизации, рассмотренных в главах I и III. Хотя все западноевропейские страны демократизировались в начале XX в., в некоторых частях Латинской Америки, таких как Парагвай, Никарагуа и Сальвадор, диктаторские режимы выживали практически в течение всего этого века, применяя репрессии, чтобы избежать демократизации. Так же обстояло дело в странах Африки, таких как Зимбабве (Родезия) до 1980 г. и Южная Африка до 1994 г. Такие результаты объяснимы в нашей модели, поскольку масштаб неравенства в этих обществах делал демократизацию очень дорогостоящей для элит, что вело их к тому, чтобы предпочесть репрессии.

Также возможно и то, что репрессии в этих странах были сравнительно дешевы, например, в Центральной Америке, потому что там лишенными права голоса были американские индейцы, этнически отличные от элит, бывших преимущественно потомками испанцев. Сходным образом в Родезии и Южной Африке наделенными правом голоса были белые, а лишенными его и подвергавшимися репрессиям — чернокожие африканцы. В подразделе 6.1 главы II мы рассматривали то, как организация гражданского общества важна для демократизации. Если гражданское общество дезорганизовано и неэффективно, может оказаться непросто решить проблему коллективных действий для создания угрозы существующему режиму, и любую такую попытку легче подавить. Долгая история расового господства и в Центральной Америке, и в Южной Африке, возможно, важна для объяснения эволюции гражданского общества. Например, в Гватемале принудительный труд использовался до 1945 г. и политика властей ограничивала трудовую мобильность и способность к коллективной организации [McCreery, 1994]. В Южной Африке режим апартеида издавал запретительные указы, принимал законы и накладывал ограничения на образовательные и карьерные возможности чернокожих африканцев. В обоих случаях эти факторы способствовали фрагментации гражданского общества и позволили сохраняться недемократическим режимам.

При еще большем расширении модели, на издержки репрессий могут влиять такие факторы, как форма богатства политических элит. Позднее мы покажем, что это может быть существенным для всех тех стран, где политические элиты в первую очередь — землевладельцы. Действительно, создание демократии в этих странах, возможно, совпало с важными изменениями в структуре активов элит.

Теорема VI.2 также говорит и о причине того, почему, представляется, что в Сингапуре так мало давления в пользу политических перемен. Например, У. Кейс отмечает:

...Несмотря на появление большого среднего класса, и предположений о том, что общество в целом развивается в сторону большего участия, общественные силы не смогли объединиться для сколько-нибудь сильного давления для становления демократии [Case, 2002, p. 81].

Наш анализ позволяет говорить о том, что это отсутствие гражданского общества может быть результатом низкого уровня неравенства в Сингапуре. Рисунок VI.3 демонстрирует данные о неравенстве в Сингапуре из базы данных Дейнинджера и Сквайра. Эта база данных, собранная Всемирным банком¹, содержит данные по неравенству только начиная

¹ См.: <<http://www.worldbank.org/research/growth/dddeisqu.htm>>.

с 1973 г., поскольку нет исторических данных о неравенстве в Сингапуре в колониальный период. Данные показывают, что неравенство в Сингапуре было постоянно низким с момента независимости и не показало никакой тенденции к росту. На рис. VI.3 также приведены данные из другого источника [Bourguignon, Morrison, 2002] об историческом пути неравенства в Тайване и Южной Корее — в двух других азиатских странах, где процесс демократизации затянулся. Картина сходна с Сингапуром, за исключением большого падения между 1950 и 1960 гг., когда были проведены аграрные реформы.

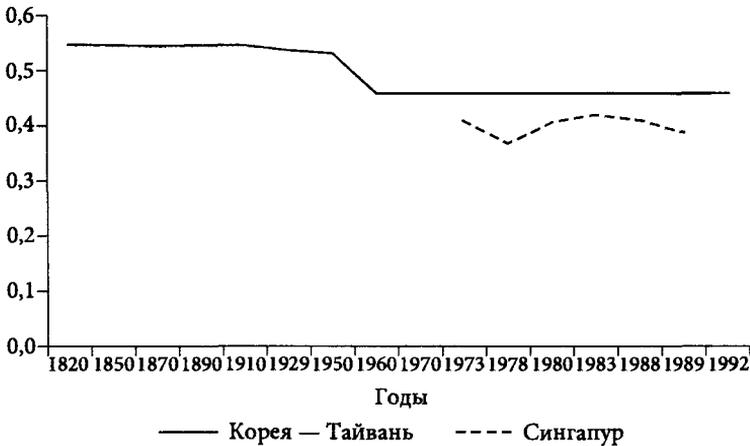

РИС. VI.3. Коэффициент Джини (Корея — Тайвань и Сингапур)

ИСТОЧНИКИ: Economic Growth Research/Deininger and SquireData Set; [Bourguignon, Morrison, 2002].

И наконец, две недавние эмпирические работы [Epstein et al., 2004; Papaioannou, Siourounis, 2004] обнаруживают опытную поддержку для этой немонотонной зависимости между демократизацией и неравенством, которую мы впервые предложили в 2001 г. [Acemoglu, Robinson, 2001].

Издержки налогообложения также влияют на форму равновесия и на вероятность начала демократизации. Когда $C(\bullet)$, и особенно $C'(\bullet)$, низко, τ^p может быть выше, и в демократии будет больше перераспределения. Хотя это делает демократию более привлекательной для граждан, несколько парадоксальным образом это также может сделать менее вероятным ее возникновение в равновесии. Это так потому, что с увеличением налога, который могут обещать элиты, у них появляется возможность предотвратить революцию без демократизации.

Наконец, интересно поразмышлять о той роли, которую неравенство (VI.7) играет в теореме VI.2. Репрессии привлекательны для элит, когда демократия угрожает принятием сильных мер в пользу граждан. Однако, если меры не слишком следуют воле большинства, вряд ли (VI.7) будет иметь место; таким образом, элиты будут вынуждены прибегать к репрессиям когда $\mu < \mu^*$, потому что демократия в этом случае не позволит избежать революции.

7. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Теперь мы предложим модель демократизации с бесконечным горизонтом, главной мотивацией для создания которой является то, что она позволит более удовлетворительным образом представить проблеме достоверных обязательств относительно мер политики в будущем. Граждане требуют демократии и изменений в структуре политических институтов именно потому, что такие изменения влияют на распределение политической власти в будущем. Поэтому проблемы, которые мы рассматриваем, по своей сути являются динамическими и межвременными. В статической модели это пришлось моделировать, вводя довольно произвольное допущение, что элиты могут оказаться в состоянии изменить решение после того, как первоначально выбрали свой политический курс. Теперь мы демонстрируем, что результаты, аналогичные полученным с помощью этого грубого допущения, естественным образом вытекают из временной структуры повторяющейся игры.

Данная модель является прямым расширением разработанной ранее (см. раздел 6 главы V и раздел 6 наст. гл.). Мы принимаем те же обозначения и повторяющуюся игру с бесконечным горизонтом и дисконтированием как $G^\infty(\beta)$. Снова мы рассматриваем население, нормированное к 1, в котором богатые элиты и бедные граждане, как и ранее, составляют доли δ и $1 - \delta$ соответственно. В начале имеется недемократия, но граждане могут оспаривать власть с помощью коллективных действий, и в демократии медианный избиратель будет бедным гражданином. Структура власти де-факто точно такая, как в разделе 6 главы V, так что издержки революции есть μ_t , где $\mu_t \in \{\mu^L, \mu^H\}$ и $Pr(\mu_t = \mu^H) = q$ независимо от того, $\mu_{t-1} = \mu^H$ или μ^L . Далее нормализуем $\mu^L = 1$ и используем обозначение $\mu^H = \mu$.

Порядок игры в отдельный период остается таким же, как ранее. В каждый период элиты могут решать, создавать ли демократию и проводить ли репрессии. Если создается демократия, медианный избиратель — бедный гражданин — устанавливает ставку налога. Мы исходим из того, что демократия, будучи созданной, не может дать обратный ход, так что общество навсегда остается демократией. Как и ранее, мы исхо-

дим из допущения, что, если выбраны репрессии, революция не может быть предпринята, и этот период закончен, а агенты получают выигрыши, соответствующие репрессиям.

В результате полезности теперь заданы $U^i = E_0 \sum_{t=0}^{\infty} \beta^t \hat{y}_t^i$, где, как и в предыдущем разделе, доходы заданы равенством (VI.8) и, как в главе V, U^i применимо только, когда в равновесии революция не предпринимается.

Последовательность шагов в отдельный период игры следующая:

1. Реализуется состояние $\mu_t \in \{\mu^L, \mu^H\}$.
2. Элиты решают, применить ли репрессии, $\omega \in \{0, 1\}$. Если $\omega = 1$, бедные не могут предпринять революцию и стадия игры заканчивается.
3. Если $\omega = 0$, элиты решают, проводить ли демократизацию, $\phi \in \{0, 1\}$. Если они решают ее не проводить, то устанавливают ставку налога τ^N .
4. Граждане решают, начинать ли революцию, $\rho \in \{0, 1\}$. Если $\rho = 1$, оставшийся доход делится между ними во всех последующих периодах. Если $\rho = 0$ и $\phi = 1$, ставка налога τ^D устанавливается медианным избирателем (бедным гражданином). Если $\rho = 0$ и $\phi = 0$, ставка налога будет τ^N .

Сначала охарактеризуем совершенные марковские равновесия этой игры, в которой игроки могут разыгрывать только марковские стратегии, являющиеся функциями только текущего состояния игры. Хотя сосредоточение внимания на марковских равновесиях в этой модели является естественным, в следующем разделе для полноты мы устраним это ограничение — использовать только марковские стратегии — и рассмотрим совершенные немарковские равновесия на подыграх. Как и в главе V, мы покажем, что это не меняет качественного характера наших общих результатов.

Состояние игры состоит из текущей возможности для революции, представленной либо μ^L , либо μ^H , политическим состоянием P , которое есть либо N (недемократия), либо D (демократия). В более формальном выражении, пусть $\sigma^r = \{\omega(\bullet), \phi(\bullet), \tau^N(\bullet)\}$ будет обозначением для действий, предпринимаемых элитами, и $\sigma^p = \{\rho(\bullet), \tau^D\}$ будет обозначением действий бедных. Обозначение σ^r состоит из решения о применении репрессий $\omega: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow \{0, 1\}$, о создании демократии $\phi: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow \{0, 1\}$, когда $P = N$, и ставки налога $\tau^N: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow [0, 1]$, когда $\phi = 0$ (т.е. когда демократия не вводится). Ясно, что, если $\phi = 0$, P остается N , и если $\phi = 1$, P изменяется на D навсегда; поэтому мы не представляем эти стратегии как явные функции политического состояния. Действия граждан состоят из решения начать революцию, $\rho: \{\mu^L, \mu^H\} \times \{0, 1\}^2 \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$,

и, возможно, ставка налога будет $\tau^D \in [0, 1]$, когда политическое состояние $P = D$. Здесь $\rho(\mu, \omega, \varphi, \tau^N)$ есть решение граждан о революции, обусловленное текущими действиями элит, так же как и состоянием, поскольку элиты делают ход до граждан в каждый период игры согласно временной последовательности шагов. Тогда совершенным марковским равновесием является комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, такая что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ являются наилучшими ответами на шаги друг друга для всех μ_t и P .

Можно охарактеризовать равновесия этой игры, записав соответствующие уравнения Беллмана. Определим $V^p(R, \mu^S)$ как поступления гражданам, если в состоянии $\mu^S \in \{\mu^L, \mu^H\}$ начинается революция. Это значение естественно задается с помощью:

$$V^p(R, \mu^S) = \frac{(1 - \mu^S)\bar{y}}{(1 - \delta)(1 - \beta)}, \quad (\text{VI.11})$$

что есть выигрыш от революции за каждый период для бесконечного будущего, приведенный к текущему периоду. Также, поскольку элиты теряют все, $V^r(R, \mu^S) = 0$ каким бы ни было значение μ^S . Более того, вспомним, мы сделали допущение, что $\mu^L = 1$, так что $V^p(R, \mu^L) = 0$, и граждане никогда не предприняли бы попытку революции при $\mu_t = \mu^L$.

В состоянии (N, μ^L) элиты у власти и нет угрозы революции, поэтому в любом совершенном марковском равновесии $\varphi = \omega = 0$ и $\tau^N = \tau^r = 0$. Это говорит просто о том, что когда элиты у власти и граждане не могут им угрожать, элиты не прибегают к репрессиям и устанавливают предпочтительную для них ставку налога, которая равна нулю, поэтому выигрыши граждан и элит, $i = p$ или r , соответственно задаются следующим образом:

$$V^i(N, \mu^L) = y^i + \beta [qV^i(N, \mu^H) + (1 - q)V^i(N, \mu^L)]. \quad (\text{VI.12})$$

Теперь (VI.12) говорит о том, что выигрыш агента типа i в недемократии, когда нет угрозы революции, равен выигрышу y^i сегодня плюс ожидаемый выигрыш от продолжения, дисконтированный назад к сегодняшнему дню (вот почему она умножается на β). Выигрыш сегодня есть y^i , потому что налоги установлены на нулевом уровне, и каждый просто потребляет свой доход. Выигрыш от продолжения состоит из двух членов; второй, $(1 - q)V^i(N, \mu^L)$, — вероятность того, что μ^L возникнет завтра, умноженная на ценность пребывания в этом состоянии $V^i(N, \mu^L)$. В этом случае завтра есть то же, что и сегодня, и вот почему тот же самый выигрыш «повторяется». Первый член, $qV^i(N, \mu^H)$, — вероятность того, что завтра возникнет μ^H , умноженная на выигрыш в

этом случае $V^i(N, \mu^H)$. Этот выигрыш отличается, потому что теперь имеется потенциальная угроза режиму. Чтобы увидеть, почему это так, нужно понимать, как выглядит выигрыш $V^i(N, \mu^H)$.

Рассмотрим состояние (N, μ^H) , где имеется недемократия, но относительно привлекательно организовать революцию. Предположим, что элиты играют $\varphi = \omega = 0$ и $\tau^N = \tau^r$, т.е. они не создают демократию, не репрессируют, не перераспределяют в пользу граждан. Тогда мы получили бы:

$$V^p(N, \mu^H) = \frac{y^p}{1 - \beta}.$$

Ограничение революцией эквивалентно $V^p(R, \mu^H) > V^p(N, \mu^H)$, так что без какого-либо перераспределения или демократизации, граждане предпочитают начать революцию, когда $\mu_i = \mu^H$. Это эквивалентно $\theta > \mu$, что идентично (VI.3) в предыдущем разделе, и говорит о том, что революция становится привлекательной, когда θ достаточно высоко (т.е. когда достаточно высоко неравенство).

Поскольку революция есть наилучший исход для элит, они попытаются предотвратить ее. Это они могут сделать тремя различными способами. Во-первых, элиты могут выбрать сохранение политической власти, $\varphi = 0$, но перераспределение при помощи налогообложения. В этом случае бедные получают $V^p(N, \mu^H, \tau^N)$, где τ^N есть конкретное значение ставки налога, установленного элитами. Во-вторых, элиты могут создать демократию. В-третьих, элиты могут применить репрессии. Пусть $V^i(O, \mu | \kappa)$ будет функцией значения агента $i = p, r$ в состоянии μ , когда элиты следуют стратегии «репрессировать» и цена репрессий есть κ . Мы явным образом ставим эти выигрыши в зависимость от κ , для того чтобы подчеркнуть важность издержек репрессий и упростить обозначения, когда позже будем определять пороговые выигрыши.

Если элиты создают демократию или пытаются остаться у власти с помощью перераспределения, граждане могут все-таки предпочесть революцию. Тогда:

$$V^p(N, \mu^H) = \omega V^p(O, \mu^H | \kappa) + (1 - \omega) \max_{p \in \{0, 1\}} \times \\ \times \left\{ \rho V^p(R, \mu^H) + (1 - \rho) \left(\varphi V^p(D) + (1 - \varphi) V^p(N, \mu^H, \tau^N) \right) \right\},$$

где $V^p(D)$ есть поступления гражданам в демократии. (Отметим, как выигрыш граждан зависит от переменных ω и φ , устанавливаемых элитами.) Если $\omega = 1$, элиты выбирают репрессии, то граждане не могут восстать и получают выигрыш от продолжения $V^p(O, \mu^H | \kappa)$. Если

$\omega = 0$, тогда то, с чем граждане сравнивают $V^p(R, \mu^H)$, зависит от решения элит о создании демократии. Если $\phi = 1$, то они выбирают между революцией и демократией. Если $\phi = 0$, они выбирают между революцией и принятием обещания перераспределения при ставке налога τ^N .

Сначала сосредоточим внимание на балансе между перераспределением и демократизацией для элит, а затем добавим в анализ репрессии. Доход граждан, когда элиты выбирают стратегию перераспределения, есть:

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N) = y^p + \tau^N(\bar{y} - y^p) - C(\tau^N)\bar{y} + \beta \left[qV^p(N, \mu^H, \tau^N) + (1-q)V^p(N, \mu^L) \right]. \quad (\text{VI.13})$$

Элиты перераспределяют в пользу граждан, облагая весь доход по ставке τ^N , поэтому граждане получают свой доход y^p от собственных заработков и чистый трансфер $\tau^N(\bar{y} - y^p) - C(\tau^N)\bar{y}$. Если в следующий период мы по-прежнему находимся в состоянии природы $\mu_{t+1} = \mu^H$, перераспределительная политика продолжается. Но, если состояние природы меняется на $\mu_{t+1} = \mu^L$, перераспределение прекращается и граждане получают $V^p(N, \mu^L)$. Это иллюстрирует наши интуитивные идеи о том, что элиты не могут внушить достоверность своих обязательств перераспределять в будущем, если только будущее также не накладывает эффективную угрозу революции.

Второй стратегией предотвращения революции является демократизация, $\phi = 1$. Поскольку $1 - \delta > 1/2$, в демократии медианный избиратель это гражданин, и равновесная ставка налога есть τ^p и $T = (\tau^p - C(\tau^p))\bar{y}$. Поступления гражданам и элитам в демократии, поэтому следующие:

$$V^p(D) = \frac{y^p + \tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}}{1 - \beta} \quad (\text{VI.14})$$

и

$$V^r(D) = \frac{y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}}{1 - \beta}.$$

Эти выражения соответствуют принятому в этой главе допущению, что, будучи однажды созданной, демократия консолидируется и никогда не происходит никаких переворотов.

Предотвратит ли демократизация революцию? Ответ неочевиден. Может оказаться так, что революция в состоянии $\mu_t = \mu^H$ настолько привлекательна, что даже демократизации недостаточно, чтобы ее предотвратить. Очевидно, что условием того, чтобы демократизация предотвращала революцию, является $V^p(D) \geq V^p(R, \mu^H)$, которое точно повторяет условие, выведенное ранее в выражении (VI.7).

Чтобы определить, смогут ли элиты предотвратить революцию с помощью стратегии перераспределения, допустим, что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$ будет максимальной полезностью, которая может быть дана гражданам при отсутствии демократизации. Эта максимальная полезность достигается через назначение $\tau^N = \tau^p$ в (VI.13). Поэтому, объединяя (VI.12) и (VI.13), получаем:

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = \frac{y^p + (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta} \quad (\text{VI.15})$$

Выражение (VI.15) имеет красивую интерпретацию. Оно говорит, что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$ равно нынешней приведенной стоимости y^p , т.е. доналогового дохода граждан, плюс ожидаемый выигрыш от чистого перераспределения доходов от элит гражданам в данном периоде. Чистое перераспределение задается выражением $(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})$, но оно существует только сегодня, и долю времени q в будущем, когда состояние есть μ^H . (Причина того, что это ведет к выражению $(1 - \beta(1 - q))/(1 - \beta)$ точно та же, что и рассмотренная после уравнения (V.28) в главе V.)

Если $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) < V^p(R, \mu^H)$, то максимальный трансфер, который может быть сделан, когда $\mu_i = \mu^H$, недостаточен для предотвращения революции. Пока выполняется (VI.7), $V^p(D) \geq V^p(R, \mu^H)$. Ясно, что $V^p(N, \mu^H = 1, \tau^N = \tau^p) > V^p(R, \mu^H = 1)$, потому что революция порождает нулевой выигрыш для граждан во всех последующих периодах. Из этого следует: когда $\mu^H = 1$, должно быть так, что выигрыш от перераспределения для граждан при ставке τ^p и состоянии μ^H больше, чем выигрыш от революции. Также отметим, что:

$$V^p(N, \mu^H = 0, \tau^N = \tau^p) = \frac{y^p + (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta} < V^p(R, \mu^H = 0) = \frac{\bar{y}}{1 - \delta}, \quad (\text{VI.16})$$

так что выигрыш от революции должен быть больше, когда $\mu^H = 0$. Поскольку $V^p(R, \mu^H)$ монотонно и непрерывно возрастает по μ , используя теорему о промежуточном значении, получаем, что существует некоторое уникальное $\mu^* \in (0, 1)$, такое что при $\mu^H = \mu^*$

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = V^p(R, \mu^H). \quad (\text{VI.17})$$

Когда $\mu < \mu^*$, уступки не срабатывают, так что элиты вынуждены либо проводить демократизацию, либо прибегать к репрессиям. Когда $\mu \geq \mu^*$, они могут предотвратить революцию с помощью временного перераспределения, что всегда предпочтительнее для них, когда альтернативой является демократизация (потому что с демократизацией перераспределение становится не временным, а долгосрочным). В этом случае налог, устанавливаемый элитами, который мы обозначаем как $\hat{\tau}$, будет установлен точно в таком размере, чтобы для граждан не было различия между революцией и принятием уступок при недемократическом режиме, т.е. $\hat{\tau}$ удовлетворяет уравнению $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$.

Чтобы определить равновесные стратегии, нужно сравнить выигрыши элит от сохранения власти при помощи перераспределения и от демократизации с издержками репрессий. Без потери уровня абстракции, мы ограничимся рассмотрением ситуаций, в которых элиты всегда разыгрывают стратегию «репрессия», а не более сложные стратегии, когда они в одних случаях применяют репрессию, а в других — перераспределение (это тоже без потери уровня абстракции из-за принципа «одноразового отклонения», рассмотренного более детально в следующей главе; см. также: [Fudenberg, Tirole, 1991, p. 108–110]). С помощью аналогичных, рассмотренных ранее, аргументов можно показать, что эти выигрыши удовлетворяют следующим уравнениям Беллмана:

$$V^i(O, \mu^H | \kappa) = \Delta y^i + \beta [qV^i(O, \mu^H | \kappa) + (1-q)V^i(N, \mu^L)] \quad (\text{VI.18})$$

$$V^i(N, \mu^L) = y^i + \beta [qV^i(O, \mu^H | \kappa) + (1-q)V^i(N, \mu^L)],$$

где принимается во внимание, что издержки репрессий будут реальны только в том состоянии, когда существует угроза революции, т.е. когда $\mu_t = \mu^H$.

Используя определение Δ , мы можем решить уравнения Беллмана одновременно для вывода значения выигрышей элит и граждан в случае применения репрессий:

$$V^r(O, \mu^H | \kappa) = \frac{y^r - (1 - \beta(1 - q))\kappa y^r}{1 - \beta} \quad (\text{VI.19})$$

и

$$V^p(O, \mu^H | \kappa) = \frac{y^p - (1 - \beta(1 - q))\kappa y^p}{1 - \beta}.$$

Функция выигрыша $V^r(O, \mu^H | \kappa)$ имеет ясную интерпретацию: выигрыш элит от стратегии «репрессия» есть дисконтированная сумма их

дохода, $y^r/(1-\beta)$ за вычетом ожидаемых издержек репрессий. Чистое приведенное значение издержек репрессий — $(1-\beta(1-q))ky^r/(1-\beta)$ для элит, поскольку они несут эти издержки сегодня и долю q времени в будущем.

Чтобы понять, почему происходят репрессии, нужно сравнить $V^r(O, \mu^H | \kappa)$ с $V^r(D)$, когда $\mu < \mu^*$, и с $V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$, когда $\mu \geq \mu^*$. Как и в игре расширенной формы в предыдущем разделе, теперь мы определяем два пороговых значения издержек репрессий — на этот раз κ^* и $\bar{\kappa}$ — такие, что элитам безразлично, какой выбран вариант стратегии при этих пороговых уровнях. Более конкретно: пусть κ^* будет таким, что элитам безразлично обещать перераспределение при ставке налога $\tau^N = \hat{\tau}$ или применить репрессии $V^r(O, \mu^H | \kappa^*) = V^r(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau})$. Это безразличие позволяет утверждать, что

$$\kappa^* = \frac{1}{\theta}(\delta C(\hat{\tau}) - \hat{\tau}(\delta - \theta)). \quad (VI.20)$$

Аналогичным образом пусть $\bar{\kappa}$ будет таким, что при этих издержках репрессий элитам нет разницы между демократизацией и репрессиями, т.е. $V^r(O, \mu^H | \bar{\kappa}) = V^r(D)$, следовательно

$$\bar{\kappa} = \frac{1}{\theta(1-\beta(1-q))}(\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)). \quad (VI.21)$$

Из вышесказанного прямо следует, что $\bar{\kappa} > \kappa^*$, иными словами, если элиты предпочитают репрессии перераспределению, то они также предпочитают репрессии демократизации. Поэтому элиты предпочитают репрессии, когда $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \kappa^*$ и также когда $\mu < \mu^*$ и $\kappa < \bar{\kappa}$.

Используя наш предыдущий анализ, можно легко сконструировать стратегии, составляющие равновесия в различных сегментах пространства параметров. Поэтому мы получаем (как и в теоремах VI.1 и VI.2, изложенных без определения всего множества стратегий):

Теорема VI.3. *Существует совершенное равновесие по Маркову $\{\bar{\sigma}^r, \bar{\sigma}^p\}$ в игре $G^\infty(\beta)$, и оно таково, что:*

- Если $\theta \leq \mu$, то условие угрозы революции не выполняется и элиты могут оставаться у власти без репрессий, перераспределения или демократизации.
- Если $\theta > \mu$, то условие угрозы революции выполняется. Далее, пусть μ^* задается (VI.17), а κ^* и $\bar{\kappa}$ — (VI.20) и (VI.21). Тогда:

1. Если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa \geq \kappa^*$, то издержки репрессий сравнительно велики и элиты перераспределяют доход в состоянии μ^H , чтобы избежать революции.
2. Если $\mu < \mu^*$ и $\kappa < \bar{\kappa}$, или $\kappa \geq \bar{\kappa}$ и не выполняется (VI.7), или если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \kappa^*$, то элиты применяют репрессии в состоянии μ^H .
3. Если $\mu < \mu^*$, выполняется (VI.7) и $\kappa \geq \bar{\kappa}$, то уступок недостаточно для того, чтобы избежать революции, и издержки репрессий сравнительно высоки. В этом случае в состоянии μ^H элиты проводят демократизацию.

Демократия возникает только тогда, когда $\mu < \mu^*$, репрессии относительно дорогостоящи (т.е. $\kappa \geq \bar{\kappa}$) и выполняется (VI.7). Это пороговое значение издержек репрессий, $\bar{\kappa}$, увеличивается с ростом неравенства (увеличивается с ростом θ); более конкретно можно снова показать с помощью аргументации, использованной в предыдущем разделе, что:

$$\frac{d\bar{\kappa}}{d\theta} > 0.$$

Интуитивно понятно, что, когда неравенство выше, при демократии осуществляется большее перераспределение (т.е. ставка налога, желательная гражданам, τ^p , выше) и, следовательно, стоит дороже для богатых элит, которые поэтому больше склонны применять репрессии.

Как это было продемонстрировано выше статической моделью, демократия возникает как равновесный итог только в обществах со средними уровнями неравенства. В преимущественно эгалитарных или в чрезмерно неравных обществах демократия не возникает как равновесный феномен. Для лишенных права голоса в преимущественно эгалитарных обществах очень мало стимулов оспаривать власть, и элитам не нужно делать уступки; не нужно им также осуществлять демократизацию. В чрезмерно неравных обществах элиты не могут использовать перераспределение, чтобы удержаться у власти; однако, поскольку в таком обществе демократия представляет угрозу для власти элит, они применяют репрессии вместо того, чтобы отказаться от власти. Поэтому демократия имеет тенденцию возникать в обществах со средними уровнями неравенства. Здесь неравенство достаточно высоко для появления вызова политическому статус-кво, но недостаточно высоко, чтобы элиты нашли репрессии привлекательными. Таким образом, интуиция, стоящая за следствием VI.1, прямо относится к этой модели.

В следующем разделе мы демонстрируем, что, даже не ограничиваясь совершенными марковскими равновесиями, мы получим сходные

результаты: революция может быть остановлена с помощью временно-го перераспределения, когда $\mu \geq \tilde{\mu}^{**}$, где $\tilde{\mu}^{**} < \mu^*$ — следовательно, для большего диапазона параметров, — но, если $\mu < \tilde{\mu}^{**}$, элиты не могут использовать уступки, для того чтобы избежать революции.

Возможно, парадоксальным образом высокое q делает расширение избирательных прав менее вероятным. Высокое q соответствует экономике, в которой граждане хорошо организованы, так что часто создают угрозу революции. Иначе говоря, если μ^L значительно меньше единицы, то даже в этом состоянии элитам приходится перераспределять доходы в пользу граждан. В этом случае низкое значение μ^L также привело бы к этому же результату. На первый взгляд могло бы показаться, что в этом случае расширение избирательных прав было бы более вероятно. Однако это не так, потому что при частой угрозе революции будущее перераспределение становится *достоверным*. Когда граждане обладают силой, чтобы контролировать данные им обещания, у элит меньше нужды предпринимать изменения институтов в сторону увеличения будущей политической власти граждан.

Этот результат может объяснить, почему в XIX в. Германия установила государство всеобщего благосостояния, но при этом допустив лишь очень ограниченную демократию, тогда как Великобритания и Франция провели намного более полную демократизацию. Социальные волнения против существующей системы в Германии были так же сильны, как и в Великобритании и Франции. Однако между этими тремя странами имелись существенные различия в силе рабочего класса при существовавшем режиме. В то время как в Великобритании и Франции не было сильных социалистических партий и профсоюзы были малозначительны, Социал-демократическая партия Германии была крупнейшей левой партией в Европе, и рабочее движение было сильно (хотя ему и не позволялось реально участвовать в выборах из-за электоральных ограничений). К примеру, Б. Нолан [Nolan, 1986, p. 354] объясняет силу германского рабочего движения следующим образом: «Хотя Великобритания первой пережила промышленную революцию, а Франция первой развила значительные ассоциации социалистов, Германия породила крупнейшее и наилучшим образом организованное рабочее движение в конце XIX в.» Альтернативная теория демократизации, основывающаяся только на силе рабочего класса, предсказала бы более раннее расширение избирательных прав в Германии, чем в Великобритании и Франции. Теорема VI.3, представляющая демократизацию как трансфер политической власти, напротив, предсказывает, что германские элиты должны были иметь больше возможностей, имея дело с социальными волнениями, обещая перераспределение благ в пользу граждан в будущем. Это также отчасти согласуется с реальными данными. Если Великобритания и

Франция демократизировалась и затем увеличили перераспределение в пользу бедных, то Германия предприняла перераспределение, не меняя своего недемократического режима. Также мало сомнений и в том, что эти перераспределительные меры были предприняты как ответ на потенциальную угрозу революции со стороны рабочего класса. Уильямсон [Williamson, 1998, p. 64], к примеру, пишет, что «главной целью [германской] программы всеобщего благосостояния было избежать революции с помощью своевременной социальной реформы и примирить трудящиеся классы с властью государства».

Вдобавок к этому, разграничением между высоким и низким состояниями угрозы революции подчеркивается то, что изменения режима случаются в необычные времена, возможно, экономических кризисов или рецессий. Это также согласуется с данными, рассмотренными в главе III (см. также: [Acemoglu et al., 2004]). Хотя в настоящей книге мы представляем эти идеи с использованием параметра μ в редуцированной форме, в которой издержки революции признавались изменчивыми, в другой нашей книге [Acemoglu, Robinson, 2001] мы показали, что те же результаты следуют из модели, в которой издержки революции постоянны, но меняется общая продуктивность факторов производства, как в стандартной модели деловых циклов. В этой модели изменения продуктивности меняют альтернативные издержки революций (и переворотов) и это дает тот же эффект.

8. СОВЕРШЕННЫЕ НА ПОДЫГРАХ РАВНОВЕСИЯ

В предыдущем разделе мы охарактеризовали подмножество множества равновесий, совершенных на подыграх, $G^\infty(\beta)$. В данном разделе анализируется наша базовая динамическая модель демократизации без ограничения только марковскими стратегиями. Точнее, мы ищем равновесия, совершенные на подыграх. Вообще, у этой игры есть много таких равновесий, совершенных на подыграх, которые поддерживаются различными зависящими от истории стратегиями, и наш анализ повторяет тот, что был проведен в главе V. Нас интересует понимание того, в какой степени стратегии наказания могут сделать перераспределение в состоянии μ^L достоверным. Таким образом, мы ищем наилучшее возможное равновесие для элит, т.е. то, которое предотвращает демократизацию для наибольшего множества значений параметров. Поэтому неявно нас интересует наибольший возможный объем достоверного перераспределения в пользу граждан при недемократическом режиме. Для упрощения мы абстрагируемся от применения репрессий, хотя их можно легко вернуть в рассмотрение. Как и в разделе 7 главы V, теперь анализ фокусируется на демонстрации того, что существует уровень отсечения

$\mu, \bar{\mu}^{**} < \mu^*$, при этом когда $\mu \geq \bar{\mu}^{**}$, то будет перераспределение без демократизации, предотвращающее революцию. Напротив, когда $\mu \geq \bar{\mu}^{**}$, равновесие представляет демократизацию при $\mu_i = \mu^H$.

Как и в анализе, проведенном в главе V, мы изучаем условия, при которых элиты могут перераспределять со ставкой налога $\tau^L > 0$ в состоянии μ^L , тем самым избегая перехода от недемократического режима даже при $\mu < \mu^*$. В главе V мы видели, что ограничение для такого перераспределения состояло в том, что оно должно было быть совместимым по стимулам для элиты, т.е. чтобы выигрыш элит от перераспределения согласно вектору $[\tau^L, \tau^H]$, заданному выигрышем $V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H])$, было больше, чем выигрыш от уклонения от обещаний перераспределения, $V_d^r(N, \mu^L)$.

Есть только одно существенное различие между игрой, рассмотренной в главе V и рассматриваемой теперь: пока выполняется (VI.7), то, если недемократический режим терпит крах, следует ожидать перехода к демократии; поэтому в функции выигрыша $V_d^r(N, \mu^L)$ в этом случае учитывается, что, когда элиты отклоняются от своих обещаний в состоянии μ^L , их «наказанием» в состоянии μ^H является демократизация, а не революция, как ранее. Это так потому, что для граждан не является совершенной стратегией в подыграх угрожать революцией после того, как элиты осуществляют демократизацию, поскольку они (граждане) получают больший выигрыш от демократии, чем от революции. Следовательно, если элиты проводят демократизацию, это предупреждает революцию. Из этого следует, что значение $V_d^r(N, \mu^L)$ для элит задано следующим рекурсивным уравнением:

$$V_d^r(N, \mu^L) = y^r + \beta \left[qV^r(D) + (1-q)V_d^r(N, \mu^L) \right],$$

где $V^r(D)$ такое же, как в (VI.14).

Как и прежде, только перераспределение при налоговом векторе $[\tau^L, \tau^H]$, таком что

$$V^r(N, \mu^L, [\tau^L, \tau^H]) \geq V_d^r(N, \mu^L)$$

является достоверным. Вдобавок к этому очевидно, что расчеты $V^p(N, \mu^H, [\tau^L, \tau^H])$ в (V.38) в главе V по-прежнему верны. Таким образом, условие совместимости по стимулам для элит будет отличаться от того, что было раньше, из-за изменения в $V_d^r(N, \mu^L)$.

Как и в главе V, в целом, наилучшее равновесие для элит должно учитывать стимулы к сглаживанию налогов во времени. Однако чтобы упростить рассмотрение вопроса, и поскольку идея сглаживания

налогов не является главной для нашего анализа, мы сосредоточиваем внимание на характеристике минимального значения μ^H , при котором элиты могли бы избежать демократизации. Для этого введем такое $\tilde{\mu}^{**}$, что когда $\mu \geq \tilde{\mu}^{**}$, недемократия могла сохраняться с помощью обещаний перераспределения. По-прежнему максимальная ставка налога в состоянии μ^H есть τ^p . Таким образом, нужно только найти максимальное совместимое по стимулам перераспределение в состоянии μ^L , которое мы теперь обозначаем как $\tilde{\tau}'$. Аналогично, оно задается:

$$V^r(N, \mu^L, [\tilde{\tau}', \tau^p]) = V_d^r(N, \mu^L).$$

Поскольку $V^r(D) > 0$, граждане в меньшей степени могут угрожать элитам за уклонение от обещаний, когда элиты могут провести демократизацию, из чего следует, что уклонение более привлекательно для элит, поэтому $\tilde{\tau}' < \bar{\tau}'$, что удовлетворяет (V.39).

Вдобавок к этому, поскольку ценность революции для граждан тоже остается той же, выражение критического значения издержек революции, $\tilde{\mu}^{**}$, должно быть идентичным тому, что выведено для μ^{**} в главе V со значением $\bar{\tau}'$, выведенным там, замененным здесь новым значением $\tilde{\tau}'$. Таким образом, это критическое значение $\tilde{\mu}^{**}$ может быть легко найдено так, чтобы $V^p(N, \mu^H, [\tilde{\tau}', \tau^p]) = V^p(R, \mu^H)$ при $\mu^H = \tilde{\mu}^{**}$. Оно задается так:

$$\begin{aligned} \tilde{\mu}^{**} = & \theta - \beta(1-q)(\tilde{\tau}'(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tilde{\tau}')) - \\ & - (1 - \beta(1-q))(\tau^p(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tau^p)). \end{aligned} \quad (\text{VI.22})$$

Значение $\tilde{\mu}^{**}$, полученное в (VI.22), больше, чем значение μ^{**} в главе V, потому что здесь потенциальные наказания для элиты менее суровы.

Наиболее важно, что $\tilde{\mu}^{**} < \mu^*$ (где μ^* задано (VI.17)) и мы получаем, как и ранее, что, если $\mu \geq \tilde{\mu}^{**}$, элиты могут остаться у власти с помощью перераспределения. Столь же важно, что, когда $\mu < \tilde{\mu}^{**}$, то вопреки выводам главы V, революции нет, потому что у элит есть дополнительное средство — они могут осуществить демократизацию.

Резюмируя: разрешение для элит и граждан играть немарковские стратегии имеет в этой модели следствия, подобные тем, которые были в главе V. Угроза наказания со стороны граждан — в особенности, угроза того, что они могут предпринять революцию, — имеет следствием то, что некоторый объем перераспределения может поддерживаться в состоянии μ^L . Интересно, что этот объем на самом деле в данном случае меньше, поскольку возможность для элит провести демократизацию ограничивает наказание, которое они могут понести от граждан. Одна-

ко важнее всего то, что главное в анализе, проведенном в главе V, остается применимым и в этой модели. Хотя способность применять стратегии наказания увеличивает число случаев, когда элиты могут оставаться у власти, делая уступки, она не устраняет проблему достоверности их обещаний. Когда $\mu < \tilde{\mu}^{**}$, уступки не работают из-за отсутствия их необходимой достоверности относительно будущего, и элиты будут вынуждены проводить демократизацию.

9. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Теперь вернемся к модели, описанной в подразделе 4.4 главы IV, в которой мы рассматривали политический конфликт не только между социально-экономическими классами, но и в категориях группы X против группы Z . Вспомним, что, когда группа X является большинством, и налоги, и форма трансферов определяются последовательно с помощью голосования большинства, есть два типа равновесий, совершенных на подыграх. В обоих типах перераспределение идет от группы Z к более многочисленной группе X , и если $\sigma_x^p > 1/2$, то равновесная ставка налога будет идеальной точкой для бедных членов X ; если же $\delta_x^p < 1/2$ равновесная ставка налога будет идеальной точкой для богатых членов группы X . Рассмотрим теперь, как эта модель может быть встроена в нашу статическую модель демократизации, представленную в разделе 5 этой главы.

Мы рассматриваем недемократию как правление группы Z , которую будем считать элитами. Ясно, что правление элит более не является правлением богатых, так как некоторые члены группы Z относительно бедны. Первым вопросом является определение уровней налога и трансферов в недемократии и то, каким образом принимаются ключевые решения, такие как о репрессиях и демократизации. Мы делаем допущение, что они определяются голосованием большинства в группе Z , из чего следует, что надо рассмотреть два случая: когда $\delta_z^r > \delta_z/2$ и когда имеет место противоположное. В этом разделе мы не пытаемся дать всеобъемлющий анализ всех возможных случаев; мы действуем, исходя из допущения о том, что $\delta_z^r > \delta_z/2$, из чего следует, что именно предпочтения богатых членов Z определяют социальный выбор в недемократии. Мы также делаем допущение, что $\delta_x^p > 1/2$, тем самым имея дело лишь с одним из демократических равновесий, описанных в главе IV. Что касается ставки налога, то мы сохраняем обозначение τ^N для недемократии.

Все члены группы Z предпочитают установить $T_x = 0$ и, если нет угрозы революции, то выбираемой без принуждения ставкой налога будет та, которую устанавливает медианный член Z , богатый агент. Следовательно, ставка налога в недемократии есть идеальная точка богатого члена группы Z , τ_z^r , которая удовлетворяет условию первого порядка:

$$C'(\tau_z^r) = 1 - \frac{\delta_z \alpha_z^r \alpha}{\delta_z^r}, \quad (\text{VI.23})$$

которое, как мы допускаем, имеет внутреннее решение и в котором мы использовали тот факт, что $y_z^r = \alpha_z^r \bar{y} / \delta_z^r$.

Следовательно, в этом случае перераспределение идет от группы X к группе Z с равновесной ставкой подоходного налога τ_z^r . Более того, группе X не дается никакого перераспределения, $T_x = 0$, и $T_z = (\tau_z^r - C(\tau_z^r)) \bar{y} / \delta_z$. Ясно, что члены группы Z предпочитают недемократию демократии, в то время как противоположное верно для членов группы X .

Если элиты избирают репрессии, то мы исходим из допущения — следуя нашему предыдущему анализу в этой главе, — что члены и Z , и X терпят убытки от репрессий. Выигрыши членов группы Z после репрессий таковы:

$$V_z^p(O | \kappa) = (1 - \tau_z^r)(1 - \kappa) y_z^p + T_z \quad (\text{VI.24})$$

и

$$V_z^r(O | \kappa) = (1 - \tau_z^r)(1 - \kappa) y_z^r + T_z.$$

Эти уравнения следуют из того, что, если элиты применяют репрессии, они останутся у власти и также смогут перераспределить доход от группы X себе. Оптимальная ставка налога τ_z^r , независима от κ . Выигрышами членов группы X после репрессий будут:

$$V_x^p(O | \kappa) = (1 - \tau_z^r)(1 - \kappa) y_x^p \quad \text{и} \quad V_x^r(O | \kappa) = (1 - \tau_z^r)(1 - \kappa) y_x^r.$$

Теперь представим, что члены группы X могут участвовать в коллективном действии и поднимать революцию против недемократии. Допустим, что это ведет к экспроприации всех членов группы Z , но при этом, как и в ходе нашего основного анализа, цена революции очень высока. Допустим, что после революции весь доход (не только доход Z) поделен поровну между членами группы X . Поскольку теперь в рамках группы X имеет место неоднородность, необходимо решить, как разрешать проблему общественного выбора, стоящую перед группой. Чтобы видеть, откуда берет начало эта проблема, сначала отметим, что выигрыш всех членов группы X от революции есть

$$V_x^i(R, \mu) = \frac{(1 - \mu) \bar{y}}{\delta_x}$$

для $i = p, r$, тогда как без революции выигрыши бедных и богатых членов X равны $(1 - \tau_z^r) y_x^p$ и $(1 - \tau_z^r) y_x^r$. Таким образом, сейчас имеются два условия угрозы революции:

$$\frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta_x} > (1-\tau_z^r)y_x^p \text{ для бедных}$$

и

$$\frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta_x} > (1-\tau_z^r)y_x^r \text{ для богатых.}$$

Вспомним, что доходы определяются как $\delta_x^r y_x^r = \alpha_x^r (1-\alpha)\bar{y}$ и $\delta_x^p y_x^p = (1-\alpha_x^p)(1-\alpha)\bar{y}$, так что α_x^r есть доля дохода группы X , принадлежащая богатым в этой группе. Подставляя это в условия угрозы революции, мы находим:

$$\frac{1-\mu}{\delta_x} > \frac{(1-\tau_z^r)(1-\alpha_x^r)(1-\alpha)}{\delta_x^p} \text{ для бедных} \quad (\text{VI.25})$$

и

$$\frac{1-\mu}{\delta_x} > \frac{(1-\tau_z^r)\alpha_x^r(1-\alpha)}{\delta_x^r} \text{ для богатых.}$$

Теперь из допущения о том, что $y_x^r > y_x^p$, которое подразумевает $\alpha_x^r \delta_x^p > (1-\alpha_x^r)\delta_x^r$, прямо следует, что условие угрозы революции выполняется сначала для бедных. Таким образом, могут быть ситуации, в которых бедные в группе X одобряют революцию, тогда как богатые — нет. Мы решаем эту проблему общественного выбора, допуская, что группа X принимает решения голосованием большинства, из чего следует, что предпочтения бедных, поскольку они более многочисленны, определяют, будет ли иметь место революция. Равнозначной альтернативой было бы просто допустить, что бедные в группе X могут предпринять революцию самостоятельно.

Столкнувшись с угрозой восстания, исходящей от группы X , медианный избиратель группы Z склонится к тому, чтобы сделать уступки, сократив объем перераспределения в свою пользу и, в предельном случае, даже осуществляя перераспределение в пользу группы X (т.е. установить $T_x > 0$). Как это делалось и прежде, можно вычислить максимальную полезность, которую группа Z может убедительно пообещать группе X . Это включает установление $T_x = 0$; установление ставки налога, предпочитаемой бедным членом из группы X , — τ_x^p ; и установление $T_x = (\tau_x^p - C(\tau_x^p))\bar{y}/\delta_x$. Считая, что любое обещание перераспределять доходы в пользу группы X выполняется только с вероятностью p , ожидаемые выигрыши для членов X будут следующими:

$$V_x^p(N, \tau^N = \tau_x^p) = y_x^p + \frac{p}{\delta_x} (\tau_x^p(\bar{y} - \delta_x y_x^p) - C(\tau_x^p)\bar{y}) - (1-p)\tau_z^r y_x^p;$$

$$V_X^r(N, \tau^N = \tau_X^p) = y_X^r + \frac{p}{\delta_X} \left(\tau_X^p (\bar{y} - \delta_X y_X^r) - C(\tau_X^p) \bar{y} \right) - (1-p) \tau_Z^r y_X^r.$$

Эти выражения учитывают тот факт, что с вероятностью $1 - p$ элиты смогут изменить ставку налога и, следовательно, поскольку угроза революции миновала, смогут установить предпочтительную для них ставку налога, τ_Z^r , и члены группы X не получают никакого перераспределения.

Это можно использовать для того, чтобы определить новое μ^* , такое что если $\mu < \mu^*$, то уступки не останавливают революцию. Условие μ^* определяется уравнением $V_X^p(N, \tau^N = \tau_X^p) = V_X^p(R, \mu^*)$, откуда следует:

$$\mu^* = 1 - \frac{1}{\delta_X^p} \left[\delta_X (1 - \alpha_X^r) (1 - \alpha) + p \left(\tau_X^p (\delta_X^p - \delta_X (1 - \alpha_X^r) (1 - \alpha)) - \delta_X^p C(\tau_X^p) - (1 - p) \delta_X \tau_Z^r (1 - \alpha_X^r) (1 - \alpha) \right) \right] \quad (VI.26)$$

Первый важный момент, который следует подчеркнуть, это то, что аналогично нашему анализу конфликта между богатыми и бедными, если $\mu < \mu^*$ задается (VI.26), то элиты не могут остаться у власти, предлагая перераспределение или уступки; они должны или применять репрессии, или осуществлять демократизацию. Таким образом, основной механизм, вокруг которого строится наш сюжет (а именно, что обещания могут быть недостоверными без фундаментальных изменений в структуре политической власти), функционирует независимо от того, какова природа политических агентов.

Все остальные балансы также качественно сходны с описанными ранее. Например, когда $\mu < \mu^*$, то проведут ли элиты демократизацию, зависит от того, насколько дорога демократия в сравнении с репрессиями, тогда как, если $\mu \geq \mu^*$, элиты должны решить, делать уступки или репрессировать.

Главным отличием является сравнительная статика этой модели, особенно в отношении социального неравенства. Как это было рассмотрено в главе IV, увеличение межгруппового неравенства может быть отображено увеличением α . Рассмотрим влияние α . Если $\mu < \mu^*$, элиты балансируют между демократизацией и репрессиями. Более высокое α ведет к тому, что медианный избиратель в группе X одобряет более высокие ставки налога, что делает демократию хуже для членов группы Z , благоприятствуя репрессиям. Если $\mu \geq \mu^*$, то более высокое α увеличивает объем перераспределения, который элиты должны предложить группе X , для того чтобы для нее не было разницы между революцией и недемократией, что опять же благоприятствует репрессиям. Эти результаты по отношению к межгрупповому неравенству по существу те же, что и выведенные в разделе 5. Изменения межгруппового неравенства в

рассматриваемом теперь варианте, однако, не обязательно выражаются в изменениях наблюдаемых размеров неравенства.

Более того, рассмотрим теперь эффекты увеличения α'_z , доли дохода группы Z, которая идет богатым членом группы, зафиксировав значения α и α'_x . Увеличение α'_z определенно увеличивает измеряемое неравенство. Во-первых, заметим, что когда α'_z идет вверх, равновесная ставка налога, взимаемого при недемократии, падает. Во-вторых, поскольку левая сторона (VI.25) не меняется, выигрыши при революции не меняются. Поэтому, поскольку ставка налога, взимаемого при недемократии, падает, революция становится менее привлекательной, даже несмотря на то что измеряемое неравенство точно возросло.

Этот краткий анализ конфликта между двумя неэкономическими группами иллюстрирует, что основные механизмы демократизации действуют при любых политических агентах, и также отмечает, что сравнительная статика относительно неравенства может быть совершенно различной. Этим подчеркивается, что устойчивые предсказания нашего подхода — это предсказания, касающиеся роли политических институтов в воздействии на будущее распределение власти, когда обязательства недостоверны.

10. ЦЕЛЕВЫЕ ТРАНСФЕРЫ

Теперь рассмотрим вкратце то, как введение целевых трансферов (см. подраздел 4.3 главы IV) меняет полученные нами результаты в статической модели раздела 5 настоящей главы. Мы показали там и в главе V, что допущение целевых трансферов увеличивает бремя демократии для элит, делая менее привлекательной для элит, но более — для граждан. В то же время этот эффект усиливается из-за того, что в недемократии элиты могут перераспределять блага от граждан к себе. Таким образом, бремя недемократии для граждан увеличивается. Граждане в этом случае еще больше не довольны недемократией, тогда как элиты довольны статус-кво больше и больше боятся демократии. Говоря в более общем плане, если трансферы могут стать целевыми, то в обществе будет бóльший конфликт по поводу распределения благ (не только между богатыми и бедными, но и между любыми группами), потому что стоящие у власти могут более эффективно использовать фискальную систему для перераспределения ресурсов в свою пользу.

Влияние усилившегося конфликта в рамках нашего подхода очевидно. Во-первых, целевые трансферы делают революцию более привлекательной для граждан, поскольку теперь в недемократии граждане платят налоги, которые перераспределяются в пользу элит. Во-вторых, из той же аргументации также следует, что недемократия более привлекательна для элит, и они больше склонны применять репрессии.

Из этого следует, что возможность делать трансферы целевыми, в более общем плане форма фискального перераспределения в обществе, будет оказывать существенное воздействие на равновесные политические институты. Тем не менее в нашем подходе нет однозначных предсказаний о том, делают ли целевые трансферы демократию более или менее вероятной. Поскольку они могут усилить угрозу революции, то могут добиться и демократизации, тогда как без целевых трансферов перераспределения текущего времени было бы достаточно. Однако, поскольку эти трансферы делают недемократию более привлекательной для элит, они могут также вести и к репрессиям, тем самым блокируя мирные переходы к демократии.

11. ВЛАСТЬ ЭЛИТ В ДЕМОКРАТИИ

Теперь давайте вернемся к тому классу моделей, в котором мы рассматриваем различные типы демократий, дающие разный объем власти гражданам. Вспомним, что в довольно общей модели демократической политики политическая конкуренция между партиями в демократии максимизирует взвешенную сумму полезностей различных групп. В контексте двухгрупповой модели, это позволяет рассчитать равновесную ставку налога в демократии как функцию параметра χ , который равен весу полезности элит. В главе IV мы использовали для этого обозначение $\tau(\chi)$, когда $\tau(\chi = 0) = \tau^p$ и $d\tau(\chi)/d\chi < 0$. То есть по мере уменьшения власти граждан в демократии уменьшается также и равновесная ставка налога, и доля дохода, которую демократия перераспределяет в пользу граждан. Из этого следует, что:

$$\frac{dV^p(D)}{d\chi} < 0 \text{ и } \frac{dV^r(D)}{d\chi} > 0.$$

На выигрыши от революции и от репрессий для элит и граждан эта модификация проведения политики при демократии не влияет.

Для изучения некоторых следствий этой модели, вернемся к простой статической модели из раздела 6. Сначала отметим, что для элит баланс между репрессиями и обещанием перераспределения, когда $\mu \geq \mu^*$, в этой новой модели демократии не меняется. Поэтому можно сосредоточиться на изучении последствий введения χ для $\tilde{\kappa}$, того критического уровня издержек репрессий, при котором элитам безразличен выбор между репрессиями и демократией. Вспоминая, что критический порог издержек репрессий, $\tilde{\kappa}(\chi)$, который в новой модели зависит от χ , определяется так, чтобы

$$V^r(O | \tilde{\kappa}) = V^r(D),$$

получаем:

$$\bar{\kappa}(\chi) = \frac{1}{\theta} (\delta C(\tau(\chi)) - \tau(\chi)(\delta - \theta)), \quad (\text{VI.27})$$

что совпадает с (VI.10), за исключением того, что равновесная ставка налога, получающаяся в результате политической конкуренции с варьирующей политической властью, $\tau(\chi)$, становится наиболее предпочтительной для граждан со ставкой налога, $\tau(\chi)$. Заметим, что:

$$\frac{d\bar{\kappa}(\chi)}{d\chi} = \frac{1}{\theta} (\delta C'(\tau(\chi)) - (\delta - \theta)) \frac{d\tau(\chi)}{d\chi} < 0$$

в силу того факта, что у элит большие доходы, чем у граждан, и что $d\tau(\chi)/d\chi < 0$. Таким образом, увеличение χ , когда демократия становится менее мажоритарной, делает репрессии менее привлекательными для элит. Из этого следует, что способность увеличить власть элит в демократии часто делает возможным мирный переход к демократии, делая репрессии менее привлекательными для элит. Тем не менее увеличение χ — это обоюдоострый меч, поскольку по мере возрастания власти элит в демократии, демократия делается менее выгодной для граждан. Только тот факт, что демократия увеличивает благополучие граждан, делает демократизацию доступным институциональным изменением во избежание революции. Когда χ становится слишком высоким, демократия более не есть достоверное обязательство следовать политике в пользу граждан; во избежание революции у элит не остается выбора, как только прибегнуть к репрессиям. Резюмируя рассмотрение этого вопроса:

Теорема VI.4. *В модели с варьирующей властью увеличение χ , начиная с низких значений, делает демократию менее перераспределительной, репрессии менее привлекательными для элит. Это повышает вероятность демократизации. Однако, по мере того как χ далее возрастает, выполнение (VI.7) становится менее вероятным как и то, что демократизация остановит революцию. Это побуждает элиты снова выбирать репрессии.*

Многие интересные примеры говорят о важности теоремы VI.4. Например, неспособность элит успешно конкурировать в рамках демократической политики часто ведет к переворотам. Как это было рассмотрено в главе I, многие исследователи утверждают, что неспособность консерваторов конкурировать с радикалами в Аргентине, после реализации закона Саенза Пеньи, представляется одним из факторов переворота в 1930 г. Традиционные элиты хотели установить полную демократию,

потому что отчасти полагали, что будут обладать большой властью при новых институтах. Последовавший за этим провал консерваторов показывает, что χ было меньше, чем думали во время демократизации. Напротив, традиционные политические элиты в Колумбии успешно манипулировали политическими институтами для сохранения своей власти, даже после полного предоставления избирательных прав мужчинам в 1936 г. В частности, структурировав избирательные нормы таким образом, что они препятствовали выходу на политическую арену третьих партий, в особенности социалистов, они смогли удержать диссидентские фракции в рамках партий и ограничить требования радикальных мер по перераспределению [Mazzuca, Robinson, 2004]. Как было отмечено ранее, иные факторы облегчили проведение этой стратегии в Колумбии, в особенности то, что распределение земли было более эгалитарным, чем в других странах Латинской Америки; поэтому имелся значительный средний класс, менее заинтересованный в перераспределении [Bergquist, 2002].

Пример Колумбии говорит о том, что, по крайней мере в некоторой степени, манипулирование институтами может делать χ эндогенным. В поддержку этого, Саенз Пенья также пытался манипулировать избирательной системой, введя так называемый неполный список. В рамках этой системы кандидаты в конгресс избирались по трехмандатным округам; однако только два члена конгресса избирались от партии, получившей большинство голосов; третий же — от партии, занявшей второе место по числу отданных за нее голосов. П. Смит [Smith, 1978, p. 11] отмечает, что это «сильно дискриминировало малые партии, препятствовало формированию новых движений, благоприятствовало сложившимся интересам». Эта система была сконструирована для того, чтобы гарантировать треть мест радикалам в качестве уступки во избежание разрастания дальнейшего конфликта при расчете, что консерваторы обеспечат себе большинство в две трети.

Великолепным примером, по-видимому, успешной манипуляции демократией является конституция Пиночета 1989 г. Пиночет проиграл в ходе референдума, который, как он надеялся, продлил бы далее правление военных. Ему нужно было решить, проводить ли реальную демократизацию или вместо этого проигнорировать результаты голосования и оставаться у власти, применяя силу. В конце концов он решил, что демократия — лучший выбор, но на его предпочтения явно повлиял успех в «дизайне демократии». В частности, ему удалось вписать в избирательные нормы систематическую нечестную перекройку избирательных округов, которая давала избыточное представительство консервативным группам [Londregan, 2000]; в нашей модели это увеличивает χ и делает репрессии менее привлекательными.

Другой потенциально важный пример взят у Роккана [Rokkan, 1970], который утверждал, что пропорциональное представительство было введено во многих странах Западной Европы во время массовой демократизации консерваторами, пытавшимися защитить свою власть. В рамках нашего подхода если Роккан прав, то эта перемена электоральных норм могла сыграть важную роль в сохранении демократии в таких странах, как Швеция, Бельгия и Норвегия (хотя Роккан не объясняет, почему эти изменения остались в качестве постоянного правила, когда власть взяли социалисты, как это произошло в Швеции и Норвегии; см.: [Mazzuca, Robinson, 2004]).

Результаты, полученные в этом разделе, также представляют в интересном свете утверждения литературы по сравнительной политологии о том, как политические элиты пытаются «управлять» переходами (см., например: [Linz, Stepan, 1996]). К примеру, часто утверждается, что, поскольку диктатура в Аргентине потерпела крах после Фолклендской войны в 1983 г., она была малоспособна повлиять на дизайн демократических институтов. Но в то же время, поскольку бразильская диктатура смогла организовать относительно упорядоченный переход к демократии в 1985 г., она смогла существенно повлиять также на форму политических институтов и результаты в зарождающейся демократии. Наша модель демонстрирует, что способность манипулировать демократией может вести к мирному переходу к демократии там, где иначе применились бы репрессии. Таким образом, то, что бразильские военные смогли контролировать процесс демократизации в 1980-е годы, на самом деле поспособствовало ей.

Чем объясняется то, что в некоторых странах элиты смогли установить ограниченную демократию, тогда как в других — нет? Чем объясняется то, что в некоторых обстоятельствах большинство не против ввести институты, ограничивающие их собственную власть?

Во-первых, во многих обстоятельствах соответствующие институты оказываются по существу predetermined исторически и их трудно изменить. По своей природе институты имеют тенденцию сохраняться во времени [Acemoglu et al., 2001; 2002], и для понимания динамики режима, должны восприниматься как заданные. Интересным примером этому является тот факт, что все латиноамериканские страны имеют президентов. Относительно истоков президентской системы в Латинской Америке исследователи согласны, что когда эти страны стали независимыми, они взяли формы политических институтов Соединенных Штатов как образец республиканского устройства. Поэтому они усвоили президентские формы демократии, которые сохраняются во времени.

Во-вторых, дизайн институтов предполагает наличие как издержек, так и выигрышей, причем и те, и другие являются неопределенными.

Возьмем, к примеру, решение АНК включить гарантии для белых в южноафриканскую конституцию. Это ограничило власть АНК и, при прочих равных условиях, было нежелательно, с его точки зрения. Частью этих уступок было введение пропорционального представительства. Э. Рейнолдс отмечает:

...Одним из наименее спорных вопросов в ходе всего переговорного процесса было согласие почти всех ключевых игроков на применение системы пропорционального представительства (ПП) для избрания конституционной ассамблеи в 1994 г. Парламент «только для белых» унаследовал британскую систему одномандатных округов (ОО)... и долго считалось, что АНК будет стремиться сохранить эту систему... потому что они видели в этом электоральные преимущества [Reynolds, 1999, p. 183].

Однако было также ясно, что для АНК избирательная система, недостаточно представляющая белых, могла быть опасно дестабилизирующей. Рейнолдс свидетельствует, что «перепись 1980 г. показала, что белые в большинстве только в пяти... округах... АНК оценили то, как ПП может облегчить становление политики включения, которая бы превратила потенциально антисистемные малые партии в поддерживающие систему партии со стимулами играть демократические роли» и «НП быстро осознала, что существующая система ОО и относительного большинства имеет потенциал уничтожить ее возможности по завоеванию мест в парламенте» [Ibid., p. 184, 185]. АНК не только беспокоился о том, что белые будут недостаточно представлены, но и о том, что сам он будет представлен чрезмерно. К примеру, одной из проблем системы ОО было то, что она «дала бы АНК бонус в плане числа мест в парламенте, достаточный для того, чтобы преодолеть порог в две трети мест и в одиночку разработать постоянную конституцию» [Ibid., p. 185]. Как было отмечено в главе V, АНК осознал, что ему невыгодно быть в одиночку, независимо от других переписать конституцию. В результате АНК быстро согласился перейти к ПП.

Желание АНК сделать такие уступки зависело бы от восприятия им возможных действий белого меньшинства. Например, если бы ожидалось, что белые организуют антидемократический переворот или покинут страну вместе со своими богатствами, встраивание гарантий в конституцию было бы более привлекательным. В реальности также неясно, сработают ли любые институциональные гарантии. К примеру, режим Роберта Мугабе в Зимбабве смог пересилить большинство сдержек и противовесов, наложенных на него конституцией 1980 г., включая положения, разработанные для усиления политической власти белых.

12. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ РЕЖИМОВ

Пока что в нашем анализе единственной причиной того, что агентов заботят политические институты, были их различные экономические последствия. Альтернативной и дополняющей точкой зрения было бы признать, что индивиды могут также иметь идеологические предпочтения относительно режимов. Например, после эпохи Просвещения в Европе могло быть так, что элиты предпочитали демократию недемократии чисто по идеологическим причинам.

Как включение таких идеологических моментов меняет наш анализ? Что-то меняется сильно, а что-то — не очень. Конечно, если идеологические предпочтения первичны, многое в нашем анализе неуместно. Однако, если идеологические предпочтения присутствуют, но недостаточно сильны для того, чтобы полностью затмить соответствующие экономические заботы граждан, многое из нашего анализа и многие из его находок по-прежнему применимы.

Давайте введем идеологические моменты в нашу базовую модель демократизации из раздела 5 без репрессий. В частности, представим себе, что функции полезности людей аддитивны по потреблению и параметру, отображающему внутреннее предпочтение относительно демократии. В демократии полезности бедного гражданина и богатого элитного агента, которые потребляют доходы y^p и y^r , есть $y^p + B_p \bar{y}$ и $y^r + B_r \bar{y}$, которые мы нормализуем к среднему доходу. Здесь $B_p > 0$ и $B_r > 0$, что отражает положительную полезность от жизни при демократических институтах. Напротив, если общество является недемократией, то агенты не получают этих дополнительных выигрышей и полезности. Все агенты стремятся максимизировать свою ожидаемую полезность.

В этой модели угроза революции — не единственный путь, каким может быть достигнута демократизация. Если B_r относительно велико, то элиты предпочитают провести демократизацию даже, когда они могли бы избежать этого, перераспределяя доход сами. Это результат, который мы никогда не могли бы получить ранее, поскольку демократизация всегда была для элит хуже, чем уступки, что соответствует «чисто идеологической» демократизации, движимой социальными ценностями элит и возникающей, когда $V^r(D) \geq V^r(N, \tau^N = \hat{\tau})$.

Чтобы видеть, как это расширение влияет на модель, отметим, что, поскольку ни условие угрозы революции, ни уравнение, определяющее μ^* , не зависят от выигрыша, получаемого при демократии, они не меняются вследствие введения идеологических предпочтений. Единственная разница в том, что ранее демократия возникала, только если $\theta > \mu$ и $\mu < \mu^*$. Теперь возможно, что, даже если $\mu \geq \mu^*$, так что демократизации можно избежать с помощью уступок, элиты идут на демократизацию. Более

того, даже если $\theta \leq \mu$, так что условие угрозы революции не выполняется, B_r может быть достаточно велико, чтобы обеспечить $V^r(D) \geq V^r(N)$, тем самым создавая движимую идеологией демократизацию.

Критически важный вопрос состоит, естественно, в том, достаточно ли сильно элиты предпочитают демократию. Чтобы изучить это, необходимо определить два уровня отсечения: \bar{B} есть уровень отсечения, такой что, при $B_r \geq \bar{B}$, даже когда $\theta \leq \mu$, так что условие угрозы революции не выполняется, элиты проводят демократизацию. Это явно следует из:

$$\bar{B} = \frac{1}{\delta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)),$$

в котором правая сторона есть чистые трансферы от элит, когда ставка налога равна той, что будет установлена в демократии, τ^p . Это то, что элиты платят в демократии в качестве чистых трансферов от них, но взамен получают идеологическое благо установления демократии, B_r .

Однако, когда $\theta > \mu$, сравнение идет не между отсутствием налогообложения и демократией, но между ограниченным налогообложением и демократией. Поэтому соответствующее пороговое значение задается следующим образом:

$$\tilde{B} = \frac{1}{\delta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta) + p(\hat{\tau}(\delta - \theta) - \delta C(\hat{\tau}))),$$

где учитывается, что даже без демократии будет чистое перераспределение от элит, равное $\hat{\tau}(\delta - \theta) - \delta C(\hat{\tau}) < 0$ с вероятностью p . Ясно, что мы имеем:

$$\tilde{B} < \bar{B}.$$

Анализ этих уравнений показывает, что и \tilde{B} , и \bar{B} возрастают по θ : другими словами, чем выше неравенство, тем выше \tilde{B} и \bar{B} . Например:

$$\frac{d\bar{B}}{d\theta} = \frac{1}{\delta} (\delta C'(\tau^p) - (\delta - \theta)) \frac{d\tau^p}{d\theta} - \frac{1}{\delta} (\delta - \theta) > 0,$$

что прямо следует, если заметим, что $-(\delta - \theta) > 0$, и вспомним, что $d\tau^p/d\theta > 0$. Это так, потому что при большем неравенстве издержки демократии для элит выше (так как она больше перераспределяет от них) и, в результате, их идеологические предпочтения должны быть сильнее, чтобы они предпочли демократию недемократии.

И наконец, отметим, что теперь, в сравнении с (VI.7), легче соблюсти то условие, что демократия предотвращает революцию, потому что есть

дополнительный выигрыш полезность от демократии, которая не будет получена, если имеет место революция. Принимая это во внимание, можно переформулировать (VI.7) следующим образом:

$$\mu \geq \theta - \left(\tau^p (\theta - \delta) - (1 - \delta) C(\tau^p) \right) - B_p. \quad (\text{VI.28})$$

Теперь мы можем сформулировать следующий результат:

Теорема VI.5. *Существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, такое что:*

- Если $\theta \leq \mu$ и $B_r \leq \bar{B}$, то условие угрозы революции не выполняется и элиты остаются у власти без демократизации или перераспределения дохода. Если $B_r > \bar{B}$ и выполняется (VI.28), то элиты проводят демократизацию.
- Если $\theta > \mu$, то условие угрозы революции выполняется. Теперь, пусть μ^* определяется (VI.6). Тогда:
 1. Если $\mu \geq \mu^*$ и $B_r \leq \bar{B}$, то элиты не проводят демократизацию и устанавливают ставку налога $\hat{\tau}$ для перераспределения дохода, достаточного для того, чтобы избежать революции.
 2. Если $\mu < \mu^*$ или $\mu \geq \mu^*$ и $B_r > \bar{B}$ и выполняется (VI.28), то элиты проводят демократизацию.
 3. Если (VI.28) не выполняется, то происходит революция.

Здесь есть несколько интересных моментов: (1) если идеологические соображения не являются важными, наш предыдущий анализ по-прежнему применим, поскольку это предполагает, что B_r достаточно мало, так что $B_r \leq \bar{B}$, а $B_r \leq \bar{B}$ будет соответствующей частью пространства параметров, где положения теоремы VI.5 становятся идентичными теореме VI.1; и (2) когда идеологические соображения достаточно важны, они могут вызвать переходы к демократии, которые не случились бы в силу чисто экономических причин. Тем не менее даже в этом случае, экономические стимулы потенциально важны. Например, и $B_r > \bar{B}$, и $B_r > \bar{B}$ более вероятны, когда неравенство в обществе на низком уровне. С возрастанием неравенства, перераспределение от элит в демократии становится больше и для заданного идеологического выигрыша от демократии эти два условия менее вероятны.

13. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В ГРАФИЧЕСКОМ ИЗОБРАЖЕНИИ

Теперь мы достаточно продвинулись в нашем подходе для того, чтобы уточнить рис. II.1 из главы II. Мы делаем это в контексте статической модели из рис. VI.2 и исходим из допущения о том, что демократия всег-

да достаточно перераспределительна, чтобы остановить революцию. Рассмотрим рис. VI.4. По горизонтальной оси нанесено неравенство, а по вертикальной — издержки репрессий. Вначале отметим, что, когда неравенство низко, в частности когда $\mu > \theta$, то угроза революции отсутствует (это регион слева от вертикальной линии, начинающейся в μ на рис. VI.4). Затем отметим, что способность недемократического режима остаться у власти при помощи уступок в области мер государственной политики и перераспределения дохода также независима от k и, значит, является другой вертикальной линией. Это выводится из (VI.6). В подразделе 6.1 мы использовали обозначение θ^* для критического уровня неравенства, при котором выполняется это уравнение, что показано на рис. VI.4, поэтому у нас есть две вертикальные линии, делящие квадрат на три региона. Слева — политический статус-кво без репрессий. Далее идет регион, где есть уступки, но нет необходимости создавать демократию. И наконец, есть регион, где неравенство настолько высоко, что произойдет революция, если только не будет создана демократия или не будут применены репрессии.

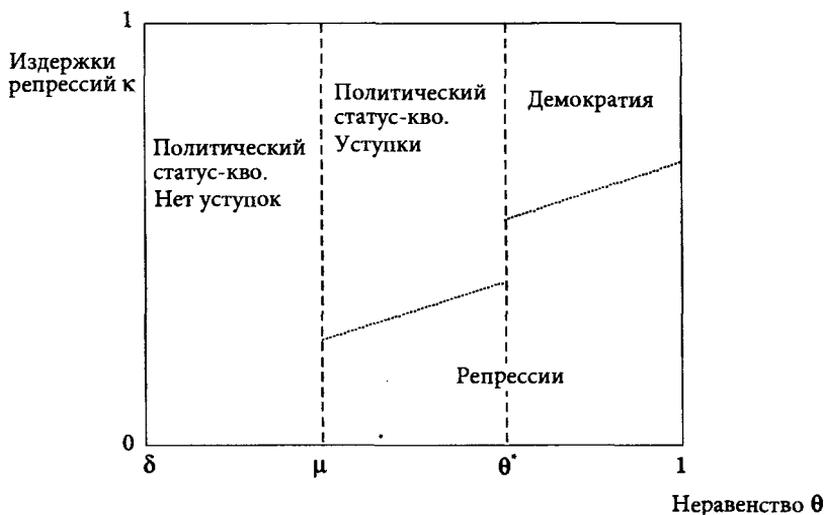

РИС. VI.4. Уступки, репрессии или демократия?

Теперь остается только определить, когда элиты захотят прибегнуть к репрессиям. Рассмотрим регион, где элиты могут оставаться у власти с помощью перераспределения. Они изберут репрессии, когда $k < \hat{k}$, где \hat{k} определяется (VI.9). При этом \hat{k} есть возрастающая функция по θ , когда неравенство выше, элитам нужно больше перераспределять, если они делают уступки и репрессии становятся более привлекательными. Сход-

ным образом, когда выбор делается между демократией и репрессиями, репрессии оптимальны, если $k < \bar{k}$, где \bar{k} определяется в соответствии с (VI.10). Наконец, для завершения рисунка, отметим, что для любого значения θ , $\bar{k} > \hat{k}$. Это так потому, что демократия всегда имеет более перераспределительный характер, чем обещание уступок. Для ясности, только часть этих функций изображена на рисунке.

Можно провести некоторые интересные мысленные эксперименты с этими рисунками: например, ввести возможность того, что диктатура может манипулировать демократией, чтобы сделать ее менее выгодной для граждан. Единственное воздействие этой новой возможности на рисунок будет в том, что сместится вниз \bar{k} , из чего следует, что цена репрессий должна быть меньшей, чтобы они были оптимальны, учитывая, что как только демократией можно манипулировать, она менее угрожающа для элит. Результат этого — расширение области, в которой мы получаем демократию. Эта возможность показана на рис. VI.5.

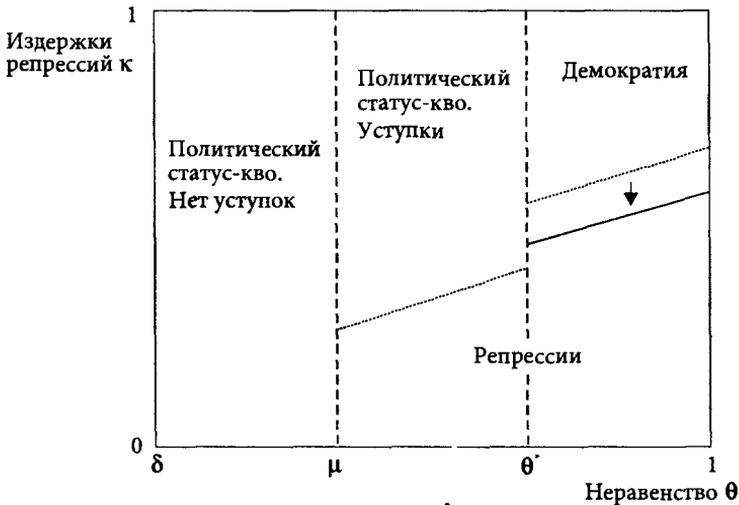

РИС. VI.5. Манипуляции демократией. Придание демократии менее перераспределительного характера расширяет регион демократизации

Наконец заметим, что рис. VI.4 является основой для рис. II.1 в главе II. Единственная разница в том, что рис. II.1 является упрощенным, игнорируя возможность того, что недемократический режим может остаться у власти, перераспределяя доход. Если мы игнорируем эту возможность на рис. VI.4, то можно стереть вертикальную линию из θ^* , и нужно продлить идущую вверх наклонную линию, которая показывает \bar{k} как функцию θ . Это дает в результате рис. VI.6, который идентичен рис. II.1.

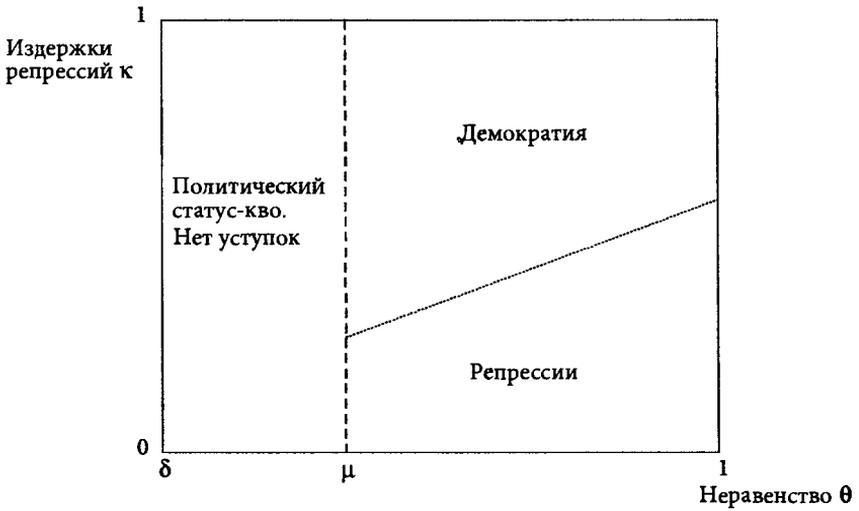

РИС. VI.6. Демократия или репрессии

14. РАВНОВЕСНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

До сих пор мы делали допущение о том, что репрессии определенно работают и предотвращают революцию. История полна примеров жестоких репрессий, усиливающих угрозу революции и в конце концов ведущих к революции или существенным потрясениям. В этом разделе мы вкратце рассмотрим возможность того, что репрессии не всегда срабатывают; в частности, допустим, что после репрессий граждане на самом деле могут восстать с вероятностью r . Таким образом, мы позволяем репрессиям потерпеть крах. Чтобы это сделать, мы снова разрабатываем статическую модель игры в расширенной форме из раздела 6, а не полную динамическую модель. Дерево игры на рис. VI.7 изображает эту игру. Эта модификация, естественно, не влияет на выигрыши от демократии и недемократии без репрессий. Более того, она не влияет на обстоятельства, при которых элиты могут оставаться у власти с помощью обещания сделать политику более выгодной для граждан. Вследствие этого, формула для μ^* остается неизменной. Однако введение вероятности краха репрессий меняет выигрыш от репрессий. В частности, функции выигрышей от репрессий теперь задаются так:

$$V^p(O|\kappa) = (1-r)(1-\kappa)y^p + r \frac{(1-\mu)\bar{y}}{1-\delta} \text{ и}$$

$$V^r(O|\kappa) = (1-r)(1-\kappa)y^r.$$

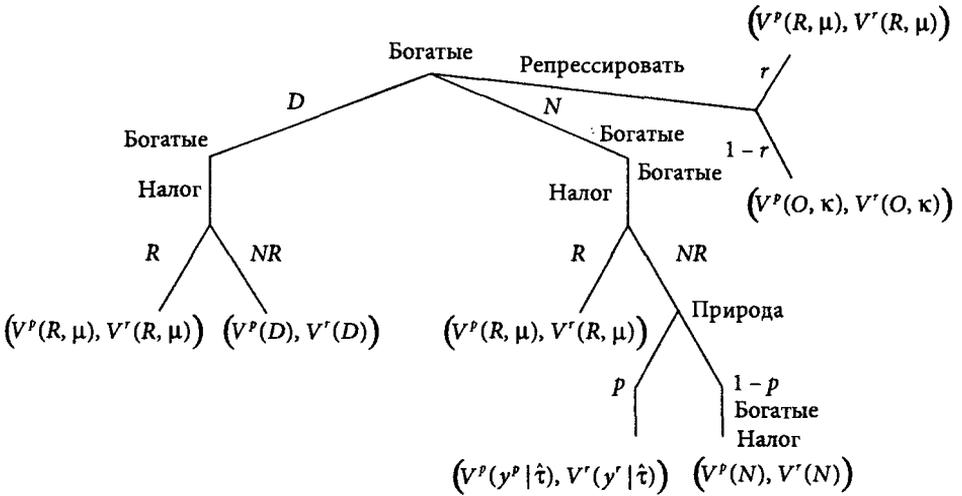

РИС. VI.7. Демократизация или революция

То есть с вероятностью r репрессии в государстве терпят крах, и произойдет революция. В этом случае обе стороны получают свои выигрыши от революции.

Это меняет уровни отсечения для издержек репрессий очевидным образом. Конкретнее: пусть $\hat{\kappa}(r)$ будет тем порогом, при котором для элит нет разницы между применением репрессий и перераспределением. Таким образом:

$$V^r(O | \hat{\kappa}(r)) = V^r(N, \tau^N = \tau)$$

или, иными словами:

$$\hat{\kappa}(r) = -\frac{r}{1-r} + \frac{p}{(1-r)\theta} [\delta C(\hat{\tau}) - \hat{\tau}(\delta - \theta)]. \quad (VI.29)$$

Теперь определим пороговое значение, когда выигрыши индифферентны к проведению репрессий или демократизации как:

$$V^r(O | \tilde{\kappa}(r)) = V^r(D)$$

или, более явно:

$$\tilde{\kappa}(r) = -\frac{r}{1-r} + \frac{1}{(1-r)\theta} [\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)], \quad (VI.30)$$

где пороговые значения зависят от r . Ясно, что $\hat{\kappa}(r) < \hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}(\hat{r}) < \tilde{\kappa}$, где $\hat{\kappa}$ и $\tilde{\kappa}$ определяются (VI.9) и (VI.10). Когда есть возможность того, что

репрессии потерпят крах, издержки их проведения должны быть еще ниже, чтобы быть оптимальными для элит.

Однако тот факт, что эти пороговые значения зависят от вероятности того, что репрессии провалятся, не вносит радикальных изменений в анализ. В частности, можно охарактеризовать равновесия в этой игре с помощью следующей теоремы, сходной с теоремой VI.2. Главное их различие в том, что в случаях, когда элиты избирают репрессии, появляется революция с вероятностью r .

Теперь мы можем сформулировать следующий результат:

Теорема VI.6. *Существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, $\{\bar{\sigma}^r, \bar{\sigma}^p\}$, в игре, представленной на рис. VI.7, и оно таково, что:*

- Если $\theta \leq \mu$, то ограничение революцией не действует и элиты могут оставаться у власти без репрессий, перераспределения или демократизации.
- Если $\theta > \mu$, то ограничение революцией действительно. Теперь, пусть μ^* определяется (VI.6) и $\hat{\kappa}(r)$, и $\bar{\kappa}(r)$ будут определяться из (VI.29) и (VI.30). Тогда:
 1. Если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa \geq \hat{\kappa}(r)$, то издержки репрессий относительно велики и элиты перераспределяют доход во избежание революции.
 2. Если $\mu < \mu^*$ и $\kappa < \bar{\kappa}(r)$ или $\kappa \geq \bar{\kappa}(r)$ и не выполняется (VI.7), или если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \hat{\kappa}(r)$, то элиты применяют репрессии. С вероятностью r репрессии терпят крах, и имеет место революция.
 3. Если $\mu < \mu^*$, выполняется (VI.7) и $\kappa \geq \bar{\kappa}(r)$, то уступок недостаточно, для того чтобы избежать революции, а издержки репрессий относительно велики, так что элиты проводят демократизацию.

Это расширение полученных ранее результатов показывает, как в равновесии революции могут возникнуть как просчитанный риск со стороны элит, желающих избежать демократизации. Мы также можем ожидать, что революции более вероятны, когда общество характеризуется высоким уровнем неравенства, так что, несмотря на риск революции, элиты избирают скорее репрессии, чем демократизацию.

15. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе мы построили нашу базовую модель демократизации. Чтобы сделать это, мы обсудили в общих чертах, почему важны политиче-

ские институты, а не просто политическая власть. Мы показали, что для понимания роли политических институтов необходимо признать явно динамичные аспекты людских расчетов. Институты значимы потому, что они влияют на будущее распределение политической власти де-юре; политические акторы стремятся контролировать и изменять институты, потому что хотят закрепить свою нынешнюю политическую власть. Поскольку институты влияют на будущее распределение политической власти де-юре, они также обеспечивают достоверность обязательств — тот аспект институтов, который является ключевым в нашей теории.

Мы вывели некоторые основные предсказания относительно факторов, ведущих к демократии, при допущении, что, будучи однажды созданной, демократия консолидируется. Итак, когда происходят демократизации? Одним из важных факторов может быть увеличивающееся межгрупповое неравенство. Мы показали, что демократия возникает, когда неравенство достаточно высоко для того, чтобы лишенные права голоса захотели оспаривать власть, но не настолько высоко, чтобы элиты нашли привлекательным применить репрессии. Рассмотрим все существующие общества в одном каком-нибудь году. В обществах с низким неравенством мы, скорее всего, не увидим демократии. При более высоких уровнях неравенства мы по-прежнему не увидим демократии, поскольку недемократии могут сохранять власть, делая временные уступки в области мер государственной политики, для того чтобы рассеять потенциальные вызовы. Когда неравенство становится еще выше, мы наблюдаем демократию. Даже несмотря на то что элиты в недемократии хотели бы пойти на политические уступки с целью остаться у власти, нынешних уступок в отсутствие обязательств относительно будущих уступок недостаточно для того, чтобы остановить революцию. Однако если элиты сохраняют свою монополию на власть, они не могут достоверно обязаться сделать такие уступки в будущем; таким образом, они должны отдать свою власть — провести демократизацию, чтобы избежать революции. Но по мере того как неравенство становится еще выше, демократия начинает становиться угрожающей для элит, потому что они встанут перед лицом очень враждебных их интересам мер, таких, как «карательные» уровни перераспределения, если проведут демократизацию. Вследствие этого, начинают становиться привлекательными репрессии. Поэтому демократизация не монотонно увеличивается с межгрупповым неравенством, и можно ожидать обратной *U*-зависимости между неравенством и демократией, где демократия имеет место при промежуточных уровнях неравенства.

Тем не менее межгрупповое неравенство есть только часть поведения, и мы начинали разбираться, как другие факторы влияют на создание демократии. Например, мы увидели, что власть элит при не-

демократии и, возможно, их способность манипулировать формой демократии, может влиять на демократизацию. По мере развития нашего анализа появляется много других факторов. Важную роль играет то, в чем элиты держат свое богатство; имеют значение степень глобализации и эволюция мировой экономики; ключевую роль играет средний класс.

Проведенный в этой главе анализ говорит о том, что есть интересные динамические зависимости между неравенством и демократией; некоторые аспекты этого мы изучали в более ранних работах [Acemoglu, Robinson, 2000a; 2002]. Там было показано, как возрастающее неравенство могло — ужесточая ограничение революцией — сначала принудить элиты осуществить демократизацию. После создания демократии ее перераспределительный характер и процесс накопления капитала могут оказывать взаимное воздействие и привести к существенному падению неравенства. Таким образом, эти работы показали, как эндогенный процесс накопления капитала, неравенство и демократизация могут объяснить паттерны неравенства, подобные кривой С. Кузнецца, рассмотренные в главе III.

Хотя это и не в центре внимания нашего исследования, полезно вкратце рассмотреть, способствует ли демократизация эффективности экономики. Вспомним из главы IV, что наиболее удобно рассматривать этот аспект в категориях совокупного прибавочного продукта. Если бы мы просто использовали критерий В. Парето, то не смогли бы сравнить демократию с недемократией. В демократии лучше гражданам, в недемократии — элитам. Критерий Парето не может ранжировать два набора институтов. Однако мы можем больше продвинуться, используя совокупный прибавочный продукт. Взяв самую простую модель, в которой единственным видом мер государственной политики является перераспределительное налогообложение, становится сразу ясно, что, когда не применяются репрессии, совокупный прибавочный продукт выше при недемократии. Перераспределение, поскольку оно влечет издержки, просто сокращает совокупный доход экономики и тем самым прибавочный продукт. Поскольку элиты не поддерживают перераспределение и получают желаемое в недемократии, демократизация ведет к менее эффективному итогу. Этот вывод есть отчасти результат упрощенной модели, которую мы использовали, чтобы передать наши основные идеи. Во-первых, если перераспределение принимает форму инвестиций в общественные блага, а не фискального перераспределения, элиты будут желать недостаточного предложения общественных благ (тогда как граждане желают их избыточного предложения). Когда имеет место неравенство, идеальная точка ни одной из этих групп не совпадает с максимизирующим прибавочный продукт уровнем обеспечения общественными благами. В этом случае демократизация может уве-

VI. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

личить эффективность, увеличивая предложение общественных услуг. Во-вторых, как только недемократии начинают сохранять власть при помощи репрессий, демократия становится более привлекательной с точки зрения эффективности. Репрессии растрачивают ресурсы просто для того, чтобы повлиять на распределение ресурсов между элитами и гражданами. В этом случае демократия может быть эффективной, даже когда перераспределительное налогообложение вызывает существенные искажения.

VII. *Перевороты и консолидация*

1. ВВЕДЕНИЕ

До сих пор мы исследовали ситуации, в которых демократия, будучи однажды созданной, сохраняется неопределенно долго — на пути к демократии нет движения вспять. Однако в реальности все обстоит совершенно по-другому. Есть много примеров того, как страны становятся менее демократическими, демократические режимы свержаются военными переворотами и возвращаются к диктатуре.

Недавняя история многих латиноамериканских стран особенно омрачена колебаниями между демократией и недемократией. К примеру, в Аргентине всеобщее избирательное право для мужчин ввели в 1912 г., но вскоре его отменили переворотом в 1930 г. (см. главу I). Демократия была восстановлена в 1946 г., но пала в результате переворота в 1955 г., воссоздана снова в 1973 г., снова подорвана в 1976 г. и окончательно установлена в 1983 г. В промежутке между этими датами несколько полудемократических режимов были свергнуты переворотами в 1943, 1962 и 1966 гг. Почему же происходят перевороты против демократии? Почему массовая демократия долговечна во многих странах Северной Европы, и почему так трудно консолидировать этот комплекс политических институтов в менее развитых странах, таких как страны Латинской Америки?

В этой главе приводится подход к анализу антидемократических переворотов, и затем эти идеи объединяются с моделями, разработанными в главе VI, для того чтобы построить подход к анализу создания и консолидации демократии, так же как и потенциальных переходов между демократией и недемократией.

Строя нашу теорию переворотов, мы выделяем те же экономические и политические стимулы, которые играли важную роль для понимания создания демократии. До сих пор мы подчеркивали, что в демократических обществах большинство граждан способно изменять меры государственной политики в свою пользу и против интересов элит. Это делает граждан настроенными в пользу демократии, в то же время давая элитам стимул быть против демократии. Эти контрастные стимулы определяют то, когда и как возникает демократия. Те же основные силы определяют и стимулы для переворотов. Поскольку элиты предпочита-

ют недемократию демократии, они могут — при некоторых обстоятельствах — поддержать переворот против демократии, который привел бы к более благоприятным для них политическим мерам в будущем.

Почему предпочтение отдается скорее перевороту, а не требованию более благоприятных для элиты мер государственной политики? Ответ тот же, что и при рассмотрении переходов к демократии: элиты заботят политические меры не только сегодня, но и в будущем, а в демократии решения о будущем политическом курсе принимает медианный избиратель, не являющийся членом элиты. Поэтому демократия может обещать некие политические меры сегодня, для того чтобы умиротворить элиты, но не может обеспечить достоверное обязательство относительно проведения политических мер в пользу элит в будущем, особенно если политическая власть, которой обладают элиты, является преходящей. Поэтому изменение политических институтов снова возникает как способ формирования будущего политического курса через изменение распределения политической власти (де-юре).

Одним из результатов нашего анализа является то, что перевороты более вероятны в обществах, где есть большее неравенство между элитами и гражданами. Объем перераспределения от элит возрастает вместе с возрастанием степени неравенства. Поэтому в неравном обществе элиты могут больше приобрести от смены режима, чем в обществе более эгалитарном. Выразится ли это утверждение в высказывании о неравенстве, измеряемом обычными способами, как обычно зависит от идентичности элит и граждан.

Когда мы объединяем нашу теорию переворотов с моделью демократизации, то получаем динамический подход, который допускает равновесные демократизации и перевороты. В рамках этого подхода, общества с высоким неравенством могут испытывать частые переходы между демократией и диктатурой. В недемократии граждане могут многое приобрести, бросив вызов системе, что ведет к частым демократизациям; в демократии элиты недовольны высокой степенью перераспределения и, вследствие этого, могут предпринимать перевороты против демократического режима. Этот результат позволяет предположить причину того, почему демократии было относительно трудно консолидироваться в Латинской Америке, где многие общества характеризуются существенным экономическим неравенством.

Наш анализ также позволяет выявить полезное различие между полностью консолидированными и полуконсолидированными демократиями. Мы говорим о том, что демократия полностью консолидирована, когда в ней никогда не появляется действенной угрозы переворота. Страны ОЭСР являются примером полностью консолидированных демократий. Неконсолидированная демократия — та, что становится

жертвой переворотов. Полуконсолидированная демократия может предотвратить перевороты, но делает это, меняя равновесные политические меры по сравнению с теми, которые были бы в отсутствие угрозы переворота; поэтому полуконсолидированные демократии живут в тени переворота. Это отличается от ситуации в полностью консолидированных демократиях, где избиратели и партии могут успешно игнорировать угрозу переворота, делая выбор относительно политики.

Другой интересный результат — немонотонная зависимость между неравенством и перераспределением дохода. Более высокое неравенство обычно ведет к большему объему перераспределения (с оговорками, рассмотренными в главе IV). Однако в модели, где могут быть перевороты, общества с высокой степенью неравенства колеблются между демократией и диктатурой, и поэтому не перераспределяют так же много, как общества с меньшей степенью неравенства.

Также представляет интерес то, что в консолидированных демократиях, поскольку угроза переворота не является чем-то важным, объем перераспределения варьируется несущественно (или вообще не меняется). Напротив, общества с высоким неравенством либо полуконсолидированные, либо неконсолидированные. В неконсолидированных режимах фискальная политика более волатильна, так как объем фискального перераспределения меняется по мере колебаний общества между различными политическими режимами. В полуконсолидированных демократиях нет равновесных переворотов, но объем перераспределения флуктуирует, для того чтобы перевороты не имели места. Этот паттерн совместим с данными, представленными М. Гавином и Р. Перотти (1997), о том, что фискальная политика в Латинской Америке более изменчива, чем в Европе.

Предмет важной научной дискуссии — вопрос об определении демократической консолидации, что возвращает нас к вопросу о том, является ли правильным шумпетеровское определение демократии. Линц и Степан заявляют, что

...под консолидированной демократией мы понимаем политическую ситуацию, в которой... демократия стала «единственной игрой в городе». В поведенческом аспекте, демократия стала единственной игрой в городе, когда никакие значительные политические группы всерьез не пытаются свергнуть демократический режим [Linz, Stepan, 1996, p. 5].

Однако, несмотря на то что было дано это первоначальное определение, Линц и Степан — как и значительная часть современных исследователей — идут дальше и добавляют ряд других условий, которые должны быть удовлетворены, чтобы демократия стала консолидированной. Чтобы быть консолидированной демократией, страна должна иметь

государство... если существует функционирующее государство, а пять других взаимосвязанных и подкрепляющих друг друга условий должны существовать или быть созданы... Во-первых, должны существовать условия для развития свободного и сильного гражданского общества. Во-вторых, должно быть относительно автономное и уважаемое политическое общество. В-третьих, должна быть власть закона... В-четвертых, должна быть дееспособная государственная бюрократия... В-пятых, должно быть институционализированное экономическое общество [Linz, Stepan, 1996, p. 7].

Дискуссия о консолидации вращается вокруг того, что должно быть добавлено или изъято из списков, подобных этому (о том, какие прилагательные должны быть добавлены к слову «демократия» см.: [Collier, Levitsky, 1997]). На этой основе ясно, что многие из режимов, которые мы считали бы демократическими, не являются консолидированными (о Латинской Америке, где, вероятно, нет консолидированных демократий в соответствии с этими условиями, см.: [Philip, 2003]). Хотя первоначальное определение Линца и Степана согласуется с нашим подходом, последующие условия, которые они налагают, — нет.

Вместо этого, наше употребление слова *консолидация* строится на шумпетеровском определении демократии. Как мы утверждали ранее, оно кажется естественным стартовым пунктом при построении теории демократии, и эта точка зрения отражает мнение А. Шедлера:

...Понятие «демократическая консолидация» должно относиться только к ожиданиям относительно долгосрочности режима — и ни к чему больше. Соответственно, понятие «консолидированная демократия» должно описывать демократический режим, от которого релевантные наблюдатели ожидают, что он будет длительно сохраняться в будущем и ничего более [Schedler, 1998, p. 103].

2. СТИМУЛЫ ДЛЯ ПЕРЕВОРОТОВ

Теперь мы рассматриваем общество, в котором создана демократия, и предпочтения медианного избирателя определяют ставку налога. Мы продолжаем использовать нашу двухгрупповую модель и ассоциировать элиты с богатыми, а граждан с бедными. Поэтому медианный избиратель в демократии — это бедный агент. Однако в отличие от предыдущего анализа, теперь мы рассматриваем возможность того, что демократия может не длиться вечно, и в действительности возможен антидемократический переворот. Благодаря политическим мерам в пользу граждан, — например, перераспределению дохода, предполагаемому политикой при демократии, — гражданам в демократии относительно хорошо, а элитам — плохо. Эти соображения говорят о том, что наи-

большая угроза демократии исходит от элит. Поэтому мы моделируем перевороты, сосредоточившись на стимулах для элит сократить перераспределение через переход от демократии к недемократии.

Многие перевороты, особенно в Латинской Америке, имели одной из своих главных целей сокращение перераспределения и в большинстве случаев переходили к сокращению перераспределения и существенно изменению в распределении дохода (см. главу III). Учитывая то, что перевороты обычно предпринимаются военными, в рамках нашего подхода предполагается, что в силу разных причин военные представляют в большей степени интересы элит, а не граждан. Мы полагаем, что это разумное первое приближение; тем не менее на практике цели военных не всегда совершенно совпадают с целями той или иной отдельной группы и могут иметь важное воздействие на выживание демократии. Включение роли военных в демократическую консолидацию в формальные модели политики является одной из главных будущих областей исследования, и мы вкратце вернемся к этой теме в заключении книги.

В этой главе мы просто принимаем как данность возможность того, что ценой некоторых затрат элиты могут контролировать военных и организовать переворот против демократии, и исследуем обстоятельства, при которых они захотели бы это сделать. С точки зрения моделирования интересным наблюдением является то, что есть параллель между основаниями для граждан желать демократии и основаниями для элит желать недемократии. Вспомним, что граждане требуют достоверных обязательств относительно будущих политических мер в пользу большинства, перехода к демократии (и элиты были вынуждены дать ее гражданам), поскольку их заботят меры государственной политики и общественный выбор в будущем так же как и сегодня, и они имеют только временную политическую власть де-факто. Сходные соображения применимы и в случае переходов от демократии к недемократии. Элиты хотят мер государственной политики, менее выгодных гражданам, и они временно обладают политической властью, чтобы их обеспечить. Однако они озабочены также и будущими политическими мерами и знают, что, как только их временная политическая власть де-факто уйдет, демократия вновь введет одобряемые ею меры, такие как более высокие налоги и перераспределение доходов. Поэтому для элит способом обеспечения предпочитаемых ими мер в будущем так же как и сегодня является изменение политических институтов в сторону таких, которые дадут им больше власти де-юре, т.е. сдвиг от демократии к недемократии.

Имеется много свидетельств того, что демократические власти хотели бы сделать уступки элитам и военным, чтобы избежать переворотов, но эффективность этих уступок подрывается их недостаточной достоверностью. Э. Нордлингер отмечает:

...военные вмешивались, несмотря на увеличение бюджетных ассигнований, предназначенных для предотвращения переворота, как в случае с переворотом 1973 г. против чилийского президента Альенде. Альенде был свергнут, несмотря на увеличение зарплат военных, которые были больше, чем для соответствующих гражданских чинов, лучшие льготы и дополнительные закупки боевой техники [Nordlinger, 1977, p. 71]¹.

Есть одно различие в том, как мы моделируем переход от недемократии к демократии и переход к недемократии: в первом случае граждане имели возможность предпринять революцию, и элиты создали демократию для ее предотвращения. Здесь же элиты реально используют свою политическую власть для того, чтобы предпринять переворот и изменить систему. Может показаться, что налицо асимметрия, но это не важно для наших результатов. Мы приняли этот конкретный способ моделировать переходы к демократии и от нее потому, что верим, что он обеспечивает хорошее приближение к реальности: в большинстве случаев демократия была делом рук демократизирующих элит, тогда как сдвиг от демократии к недемократии почти никогда не происходит со всеобщего согласия.

3. СТАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОРОТОВ

Чтобы моделировать перевороты против демократии, рассмотрим основную двухклассовую модель из главы IV, расширенную для рассмотрения возможности организации элитами переворота, имеющего издержки. Мы делаем аналогичные допущения относительно агентов и их доходов, но теперь допускаем затраты, связанные с переворотами. В частности, мы имеем:

$$\hat{y}^i = \zeta \iota(S) y^i + (1 - \zeta) \left((1 - \tau) y^i + (\tau - C(\tau)) \bar{y} \right), \quad (\text{VII.1})$$

где используем $\zeta = 0$ для обозначения отсутствия переворота и $\zeta = 1$ для обозначения переворота. Обозначает $\iota(S)$ — это издержки переворота в состоянии S . Мы моделируем издержки переворотов точно таким же образом, как моделировали издержки революций и репрессий — как долю дохода, которая уничтожается. Как и в статической модели в предыдущей главе, мы просто концентрируем внимание на состоянии, где переворот является угрозой и, следовательно, подавляем обозначение для S . Нет никаких затрат, если нет переворота; таким образом, если $\zeta = 0$, то $\iota = 1$. Соответствующие издержки, поэтому, есть значение ι , когда $\zeta = 1$, что мы обозначаем как $1 - \phi$, где $0 < \phi < 1$.

¹ Другие примеры см.: [Schmitter, 1971, p. 484; Cox, 1976, p. 207–208].

На рис. VII.1 показана игра, которую мы используем для анализа переворотов. Сначала, поскольку мы в демократии, медианный избиратель устанавливает ставку налога, τ^D . Если нет угрозы переворота со стороны элит, граждане устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, τ^P , как дано в (IV.11). Результатом этого являются выигрыши $V^P(D)$ и $V^r(D)$, данные в (VI.4). Организуют ли элиты переворот, зависит от выигрыша от продолжения в демократии и недемократии. Мы позволяем ставке налога, первоначально избранной гражданами, отличаться от τ^P из-за угрозы переворота. После этого элиты решают, предпринимать ли переворот. Если они его предпринимают, общество переходит к недемократии и элиты устанавливают ставку налога. Естественно, они избирают наиболее предпочтительную для них ставку, $\tau^N = \tau^r$. В результате игра заканчивается с соответствующими выигрышами для граждан и для элит²:

$$V^P(C, \varphi) = (1 - \varphi)y^P \quad \text{и} \quad V^r(C, \varphi) = (1 - \varphi)y^r. \quad (\text{VII.2})$$

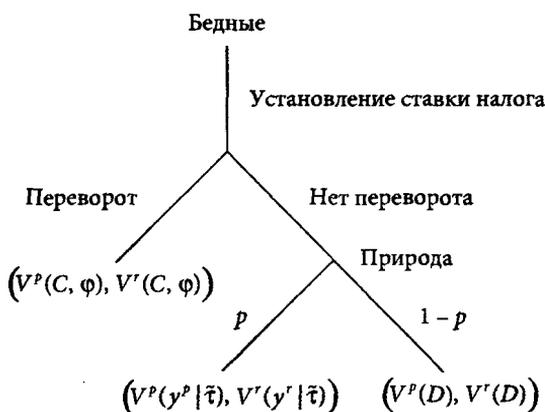

РИС. VII.1. Игра переворота

Альтернативным образом, если элиты решают не предпринимать переворот, политическая система остается демократической. В этом случае природа делает еще один ход и определяет, будет ли медианный избира-

² Можно записать эти ценности как $V^P(C, \varphi, \tau^N = \tau^r)$ и $V^r(C, \varphi, \tau^N = \tau^r)$ для того, чтобы подчеркнуть, что после переворота элиты начинают устанавливать ставку налога и избирают свою идеальную точку. Однако поскольку прямо следует, что $\tau^N = \tau^r$, мы опускаем это обозначение. Аналогичные соображения применимы к выигрышам $V^P(D, \tau^D = \bar{\tau}, \bar{\tau}^D = \tau^P)$ и $V^r(D, \tau^D = \bar{\tau}, \bar{\tau}^D = \tau^P)$, где с вероятностью $1 - p$ граждане снова избирают ставку налога и устанавливают $\bar{\tau}^D$. Мы также опускаем аргумент $\bar{\tau}^D = \tau^P$ в этих функциях выигрышей.

тель — агент, принимающий политические решения в демократии, менять ставку налога по сравнению с той, что обещана гражданами на предыдущей стадии. Как и в нашей простой модели демократизации, это отражает ту идею, которую мы моделируем более детально в следующем разделе: режим (даже демократический режим) не может убедительно обязаться придерживаться будущих налогов. Точнее, природа определяет с вероятностью p что обещанный налог, обозначаемый $\bar{\tau}$, останется, и граждане и элиты получают ценности $V(y^p | \tau^D = \bar{\tau})$ и $V(y^r | \tau^D = \bar{\tau})$, где, как обычно,

$$V(y^r | \tau^D = \bar{\tau}) = y^r + \bar{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\bar{\tau})\bar{y}$$

и

$$V(y^p | \tau^D = \bar{\tau}) = y^p + \bar{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\bar{\tau})\bar{y}.$$

Если же природа позволяет демократии изменить налог, медианный избиратель выбирает новую ставку налога, обозначаемую $\bar{\tau}^D$, то это ведет к выигрышам $V^p(D)$ и $V^r(D)$. Поэтому выигрыши, получающиеся в результате обещания меньшего перераспределения, лишь при ставке $\bar{\tau}$, данного гражданами в демократии, есть $V^p(D, \tau^D = \bar{\tau})$ и $V^r(D, \tau^D = \bar{\tau})$, такие что

$$V^p(D, \tau^D = \bar{\tau}) = y^p + p(\bar{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\bar{\tau})\bar{y}) + (1-p)(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}) \quad (\text{VII.3})$$

$$V^r(D, \tau^D = \bar{\tau}) = y^r + p(\bar{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\bar{\tau})\bar{y}) + (1-p)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}).$$

В этих выражениях учитывается то, что с вероятностью $1-p$, граждане начинают менять налог, в таком случае они не стеснены ограничениями и избирают наиболее предпочтительную для них ставку налога $\bar{\tau}^D = \tau^p$.

Теперь мы можем охарактеризовать равновесие, совершенное на подыграх этой игры, с помощью обратной индукции. В сущности, игра имеет ту же самую структуру, что и наша статическая игра демократизации в главе VI. Решающее значение имеют вопросы о том, в интересах ли элит предпринять переворот и могут ли граждане предотвратить переворот, пообещав уступки (в данном случае, меньше перераспределять в свою пользу). Стратегиями будут $\sigma^r = \{\zeta(\cdot), \tau^N\}$ и $\sigma^p = \{\tau^D, \bar{\tau}^D\}$. Действия граждан, которые делают ход первыми, состоят первоначально из ставки налога $\tau^D \in [0, 1]$; также если нет переворота, и природа позволяет изменить ставку налога, где мы снова используем обозначение $v=1$, то другая ставка налога — $\bar{\tau}^D \in [0, 1]$. Здесь D в верхнем индексе снова обозначает демократию. Действия элит есть решение о перевороте, $\zeta: [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$, где $\zeta(\tau^D)$ характеризует решение о перевороте, ког-

да медианный избиратель устанавливает ставку налога $\tau^D \in [0, 1]$ и если $\zeta = 1$, решение о том, какую ставку налога устанавливать обозначаем как $\tau^N \in [0, 1]$. Тогда равновесие, совершенное на подыграх, есть комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, такая что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ являются лучшими ответами друг на друга во всех соответствующих подыграх.

Будет ли переворот привлекателен для элит, учитывая статус-кво, зависит от того, выполняется ли условие угрозы переворота, $V^r(C, \varphi) > V^r(D)$. Им устанавливается, что переворот более привлекателен, чем жизнь при неограниченной демократии. Данное условие угрозы переворота может быть записано как:

$$(1 - \varphi)y^r > y^r + (\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})$$

или

$$\varphi < \frac{1}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)). \quad (\text{VII.4})$$

Когда это условие не выполняется демократия недостаточно перераспределительна или издержки переворотов достаточно высоки, настолько что элиты никогда не находят переворот выгодным. В этом случае мы считаем демократию полностью консолидированной: никогда не существует какой-либо эффективной угрозы стабильности демократии. Из (VII.4) можно вывести критический уровень издержек переворота, обозначаемый $\hat{\varphi}$, такой что, если $\varphi \geq \hat{\varphi}$, демократия полностью консолидирована. Этот критический уровень удовлетворяет

$$\hat{\varphi} = \frac{1}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\delta - \theta)). \quad (\text{VII.5})$$

Напротив, когда это условие выполняется, демократия не является полностью консолидированной: если граждане не предпримут некоторого действия, в равновесии произойдет переворот. Действие, которое могут предпринять граждане, есть понижение ставки налога. Проблема, однако, в том, что они не могут совершенным образом обязать делать это из-за возможности вновь переменить ставку налога, после того, как угроза переворота спадет. Учитывая эту возможность, выигрыш элит от установления гражданами ставки налога $\tilde{\tau}$ есть $V^r(D, \tau^D = \tilde{\tau})$. Эта стратегия — обещать меньшее перераспределение — предотвращает переворот, только если данный выигрыш выше, чем поступления элитам после переворота; т.е. $V^r(D, \tau^D = \tilde{\tau}) \geq V^r(C, \varphi)$. Или, другими словами, только если

$$y^r + p(\tilde{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\tilde{\tau})\bar{y}) + (1 - p)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}) \geq (1 - \varphi)y^r.$$

Теперь мы можем определить пороговое значение для цены переворота, φ^* , такое что при $\varphi < \varphi^*$ обещание гражданами ограниченного распределения недостаточно, чтобы разубедить элиты предпринимать переворот. Конечно, наиболее привлекательное обещание, которое граждане могут дать элитам, есть полное прекращение перераспределения от них, т.е. $\tilde{\tau} = 0$. Следовательно, мы должны получить, что при φ^* , $V^r(D, \tau^D = 0) = V^r(C, \varphi^*)$. Решение этого уравнения дает нам пороговую ценность φ^* как:

$$\varphi^* = \frac{1-p}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p (\delta - \theta)). \quad (\text{VII.6})$$

Учитывая все это, можно следующим образом определить совершенное равновесие в подыграх этой игры:

Теорема VII.1. *Существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, в игре, представленной на рис. VII.1. Пусть $\hat{\varphi}$ и φ^* определяются (VII.5) и (VII.6). Тогда в этом единственном равновесии мы имеем:*

- Если $\varphi \geq \hat{\varphi}$, то демократия полностью консолидирована и граждане устанавливают предпочтительную для них ставку налога $\tau^p > 0$, как это дано в (IV.11).
- Если $\varphi \in [\varphi^*, \hat{\varphi})$, то демократия полуконсолидирована. Граждане устанавливают ставку налога $\tau^D = \tilde{\tau}$, где $\tilde{\tau} \leq \tau^p$ так, что $V^r(D, \tau^D = \tilde{\tau}) = V^r(C, \varphi)$.
- Если $\varphi < \varphi^*$, то демократия неконсолидирована. Имеет место переворот, элиты приходят к власти и устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = \tau^r$.

Анализ показывает, как равновесные перевороты могут случаться в качестве способа для элит ограничить перераспределение в будущем. Стоит отметить, что перевороты происходят (когда $\varphi < \varphi^*$) именно потому, что у демократии ограничена возможность давать обязательства относительно низкого уровня перераспределения в будущем. Тогда элиты используют свою нынешнюю (и временную) политическую власть для того, чтобы изменить политические институты для сокращения перераспределения в будущем. Параллель с демократизацией очевидна: снова равновесные изменения политических институтов происходят как способ регулирования будущего распределения политической власти. Имеется также и параллель между репрессиями и переворотами — и в том, и в другом случае применяется сила для того, чтобы избежать демократии, но делается это из различных начальных политических режимов. Вот почему сравнительная статика переворотов сходна с таковой для репрессий.

Полезно различать полностью консолидированные и полуконсолидированные демократии. Демократия полностью консолидирована, когда угроза переворота отсутствует, демократии реально никто не бросает вызов и граждане устанавливают наиболее предпочтительную для них (в отсутствие всякого принуждения) ставку налога, τ^p . В то же время полуконсолидированная демократия пала бы жертвой переворота, установив ставку налога τ^p . Она может выжить, только идя на уступки элитам, чтобы разубедить их предпринимать переворот. В эмпирическом плане понятие полуконсолидированной демократии может помочь объяснить поведение, которое иначе ставило бы в тупик. Уонтчикон [Wantchekon, 1999], к примеру, утверждает, что в Сальвадоре партии, представляющие большинство граждан, в 1990-е годы пытались сократить объем обещанного ими на выборах перераспределения, опасаясь вызвать переворот.

Интересно сопоставить наш анализ с утверждением А. Пшеворского о том, что консолидированная демократия с необходимостью дает всем группам, даже прежним элитам, достаточно большой шанс находиться у власти. Как формулирует это Пшеворский:

...подчинение зависит от вероятности выиграть в рамках демократических институтов. Отдельный актер... будет подчиняться, если приписываемая им вероятность победить в демократической конкуренции... выше некоего минимума. ...Демократия будет вызывать всеобщее подчинение, если все соответствующие политические силы будут иметь некоторую определенную минимальную возможность благополучия при этой конкретной системе институтов [Przeworski, 1991, p. 30–31].

Согласно этой аргументации, чтобы демократия была стабильной, все группы должны иметь существенные шансы на обладание властью. Если какая-либо группа полностью исключена, она будет подвержена искушению сражаться за власть. Эта идея широко принимается политологами (см., например: [Weingast, 1997]). Дж. Колоумер [Colomer, 2000, p. 10] повторил эту точку зрения, когда писал, что «установление демократии является конвенциональным соглашением о новых правилах политической игры. Договоренность возможна потому, что демократия дает различным актерам достаточные ожидания получить или разделить власть в некотором неопределенном будущем».

Напротив, в нашей модели демократии элиты никогда не могут завоевать власть, потому что меры государственной политики всегда служат предпочтениям медианного избирателя. Однако это не означает, что элиты не могут получить то, что хотят в демократии, поскольку, даже когда у них нет власти де-юре, они могут обладать властью де-факто. На-

пример, в ситуации, когда демократия полуконсолидирована, меры государственной политики граждан служат элитам, несмотря на то что элиты не формируют правительство. Ирония ситуации в том что, согласно Пшеворскому, если элиты не могут сформировать правительство, они попытаются предпринять переворот и, следовательно, демократия окажется не консолидирована. Но если они могут свергнуть строй силой, то должны иметь действительную власть де-факто; именно такова ситуация, в которой они будут способны получить от правительства все, что хотят, без необходимости его свергать. Когда у элит нет власти де-факто, они не получают того, чего хотят от демократии, но в то же время они не в состоянии и предпринять переворот. Поэтому согласно нашей модели утверждение Пшеворского ложно.

Теперь рассмотрим сравнительную статику переворотов в аспекте неравенства. Во-первых, можно неявно задать критический порог неравенства, $\tilde{\theta}$:

$$\Phi = \frac{1}{\tilde{\theta}} \left(\delta C(\tau^p(\tilde{\theta})) - \tau^p(\tilde{\theta})(\delta - \tilde{\theta}) \right),$$

такой что, когда $\theta \leq \tilde{\theta}$, условие угрозы переворота (VII.4) не будет выполняться. Другими словами, это пороговый уровень неравенства: когда неравенство ниже этого уровня, демократия полностью консолидирована.

Во-вторых, используя определение Φ^* , можно определить θ как:

$$\Phi = \frac{1-p}{\theta} \left(\delta C(\tau^p(\bar{\theta})) - \tau^p(\bar{\theta})(\delta - \bar{\theta}) \right).$$

Демократия полуконсолидирована, когда $\theta \leq \bar{\theta}$. Более того, просто проверить, что $\bar{\theta} > \tilde{\theta}$. Все это ведет к следующему выводу:

Следствие VII.1. *Рассмотрим общество с фиксированными Φ и p , и неравенством, заданным θ .*

Тогда существует $\bar{\theta}$ и $\tilde{\theta} < \bar{\theta}$ в следующих вариантах:

- *Когда $\theta \leq \tilde{\theta}$, демократия полностью консолидирована и равновесная ставка налога всегда τ^p .*
- *Когда $\theta \in (\tilde{\theta}, \bar{\theta}]$, демократия полуконсолидирована. Устанавливается ставка налога $\tilde{\tau}$ для того, чтобы предотвратить переворот в этом случае.*
- *Когда $\theta > \bar{\theta}$, демократия не консолидирована. Имеет место переворот, элиты приходят к власти и устанавливают ставку налога $\tau^N = \tau^r$.*

Приведенный анализ показывает, что перевороты имеют тенденцию случаться в более неравных обществах. В обществах, где неравенство

меньше, но все-таки довольно значительно, демократия полуконсолидирована и выживает, только делая уступки элитам в виде более низких налогов. Интуитивно просто понять, почему неравенство имеет значение для переворотов: перевороты в данной модели происходят в качестве способа для элит уменьшить перераспределение в будущем. Демократия более перераспределительна, когда имеется большее неравенство, и следовательно, она связана с большими издержками для элит. Поэтому в неравном обществе перевороты становятся для них привлекательными.

Эта сравнительная статика согласуется с данными главы III, где рассматривалась зависимость между показателями неравенства и демократии в разных странах, и демократические страны имели тенденцию иметь меньшее неравенство. В предыдущей главе мы предположили, что это может быть потому, что в более эгалитарных обществах репрессии менее привлекательны; потому существовала большая вероятность, что элиты создадут демократию. Теперь можно видеть, что, когда демократия создается в более эгалитарном обществе, она с большей вероятностью консолидируется.

4. ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОЗДАНИЯ И КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

До сих пор в ходе нашего анализа демократизация и консолидация демократии рассматривались отдельно. В частности, анализируя демократизацию, мы делали упрощающее допущение о том, что, будучи созданной, демократия полностью консолидирована и ей никогда не бросают вызов. В противоположность этому, мы видели, как элиты могут быть заинтересованы в том, чтобы свергнуть демократию для того, чтобы сократить перераспределение части своих доходов гражданам. Как меняется ход анализа, когда агенты осознают, что демократия может быть свергнута?

Как это делалось в главе VI, мы хотим отказаться от статической структуры игры, проанализированной в предыдущем разделе, где неспособность дать достоверные обязательства относительно будущих действий моделировалась через предположение о существовании вероятности изменения обещанной ставки налога.

Важнее всего то, что статическая модель предыдущего раздела не позволяет проделать анализ того, как могут возникнуть равновесные колебания между различными режимами. Чтобы рассмотреть эти вопросы, мы вновь обращаемся к модели с бесконечным горизонтом, впервые введенной в главе V, и допускаем революцию, демократизацию и перевороты.

Как и ранее, мы рассматриваем модель с бесконечным горизонтом, обозначаемую $G^\infty(\beta)$, с населением, нормализованным к 1 и состоящим из доли $1 - \delta > 1/2$ бедных граждан, и остающейся доли δ , которую со-

ставляет богатая элита. Вначале политическая власть сконцентрирована в руках элит, но медианный избиратель является бедным агентом. Ожидаемая полезность агентов в момент времени $t = 0$ снова задана $U^i = E_0 \sum_{i=0}^{\infty} \beta \hat{y}_i^i$. Здесь, если это недемократия, доход после уплаты налогов \hat{y}_i^i задан (VI.8); если это демократия — доходы после уплаты налогов заданы (VII.1).

Технология коллективного действия, с помощью которой граждане могут предпринять революцию, и выигрыши от революции те же, что и ранее. В демократии элиты могут попытаться устроить переворот. После переворота все агенты теряют долю ϕ^S их дохода, состояние угрозы есть $S = H, L$ и $\phi^H < \phi^L$, и политическая ситуация снова возвращается к первоначальному статус-кво, когда элиты контролируют политическую власть. Аналогично анализу угрозы революции мы делаем допущение о том, что в состоянии низкой угрозы, угроза переворота не играет активной роли, и также принимаем $\phi^L = 1$. Поэтому соответствующие издержки — это издержки элит в состоянии $S = H$, $\phi^H = \phi$, и только в этом состоянии элиты захотят устроить переворот. Мы исходим из того, что $Pr(\phi, = \phi) = s$ и что q , и s меньше $1/2$, так что кризисы, облегчающие применение власти де-факто, относительно редкое явление.

Если организуется переворот, то сначала $\mu_t = \mu^L$, так что нет немедленной революции. Сходным образом если происходит демократизация, то демократия начинается с издержек переворота, приравненных к 1, что предполагает у демократии, по крайней мере некоторое окно возможностей до того, как может произойти переворот. И наконец, в каждый недемократический период элитам нужно решить, проводить ли демократизацию; если они это делают, общество становится демократией и медианный избиратель, гражданин, устанавливает ставку налога.

Порядок ходов в течение отдельного периода можно описать следующим образом:

1. Выявляется состояние μ_t или ϕ_t .
2. Граждане устанавливают ставку налога τ^D , если мы в демократии, и элиты устанавливают τ^N в противном случае.
3. В недемократическом режиме элиты решают, применить ли репрессии, ω , или провести демократизацию, ϕ . В демократии они решают, устроить ли переворот, ξ . Если они проводят демократизацию или предпринимая переворот, приходящая к власти партия решает, сохранять ли налог τ , установленный на стадии 2, или установить новую ставку налога.
4. Если $P = N$ и $\omega = 0$, граждане решают, начать ли революцию, ρ . Если имеет место революция, они разделяют между собой остаточный доход экономики. Если революции нет,

ставка налога, решение о которой было принято на стадии 2 или 3, проводится в жизнь.

5. Доходы реализуются, потребление проходит в обычном режиме.

Мы снова характеризуем совершенные марковские равновесия этой игры, в которых стратегии зависят только от текущего состояния мира³. Состояниями являются (D, φ^L) , (D, φ^H) , (N, μ^L) либо (N, μ^H) , где N означает власть элит (т.е. недемократический режим) и D означает демократию. Пусть $\sigma^r = \{\omega(\bullet), \varphi(\bullet), \tau^N(\bullet), \zeta(\bullet), \tau^N\}$ будет обозначением для действий, предпринимаемых элитами, и $\sigma^p = \{\rho(\bullet), \tau^D(\bullet), \tau^D\}$ — действия граждан. Обозначение σ^r состоит из решения применить репрессии $\omega: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow \{0, 1\}$ или создать демократию $\varphi: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow \{0, 1\}$, когда $P = N$, и ставки налога $\tau^N: \{\mu^L, \mu^H\} \rightarrow [0, 1]$, когда $\varphi = 0$ (т.е. когда демократия не создается). Ясно, что если $\varphi = 0$, P остается равным N , и если $\varphi = 1$, то P меняется на D . Когда $P = D$, элиты предпринимают решение о перевороте, которое является функцией $\zeta: \{\varphi^L, \varphi^H\} \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$, где $\zeta(\varphi, \tau^D)$ — решение о перевороте, когда состояние природы есть φ и медианный избиратель устанавливает ставку налога τ^D . Если $\zeta = 1$, то политическое состояние меняется на $P = N$, и элиты также начинают менять ставку налога, $\tau^N \in [0, 1]$. Действия граждан состоят из решения начать революцию, $\rho: \{\mu^L, \mu^H\} \times \{0, 1\}^2 \times [0, 1] \rightarrow \{0, 1\}$. Здесь, $\rho(\mu, \omega, \varphi, \tau^N)$ есть решение граждан о революции, которое обусловлено текущими действиями элит, так же как и состоянием природы. Когда $P = D$, граждане устанавливают ставку налога, $\tau^D: \{\varphi^L, \varphi^H\} \rightarrow [0, 1]$.

Тогда совершенное марковское равновесие есть комбинация стратегий $\{\tilde{\sigma}^r, \tilde{\sigma}^p\}$, такая что $\tilde{\sigma}^p$ и $\tilde{\sigma}^r$ являются лучшими ответами друг на друга для всех μ_i , φ_i и P . Как обычно, мы характеризуем совершенные марковские равновесия, записывая соответствующие уравнения Беллмана.

Пусть $V^i(D, \varphi^L)$ будет выигрышем агента типа $i = p, r$, когда имеет место демократия и когда издержки переворота есть φ^L . Аналогичным образом пусть $V^i(\varphi^H)$ будет выигрышем агента i , когда издержки переворота равны φ^H (в каком-то случае может быть переход к недемократическому режиму в результате переворота).

Когда состояние есть (D, φ^L) , для медианного избирателя нет ограничений, так что он изберет ставку налога $\tau^D = \tau^p$. Выигрыши граждан и элит будут таковы:

$$V^i(D, \varphi^L) = y^i + \tau^p(\bar{y} - y^i) - C(\tau^p)\bar{y} + \beta \left[sV^i(\varphi^H) + (1-s)V^i(D, \varphi^L) \right] \quad (\text{VII.7})$$

³ В этой главе мы не изучаем немарковские равновесия. Исследование равновесий, совершенных на подыграх, в упрощенной версии представленной здесь модели см.: [Powell, 2004].

для $i = p, r$ и, как и ранее, $\tau^p(\bar{y} - y^i) - C(\tau^p)\bar{y}$ представляет чистый объем перераспределения при ставке налога τ^p для агента i .

Затем, рассмотрим состояние (D, φ^H) , в котором бедные могут устанавливать ставку, отличную от предпочтительной для них, в попытке предотвратить переворот. Обозначим выигрыши в состоянии (D, φ^H) , когда ставка налога есть τ^D , как $V^i(D, \varphi^H, \tau^D)$, заданные как:

$$V^i(D, \varphi^H, \tau^D) = y^i + \tau^D(\bar{y} - y^i) - C(\tau^D)\bar{y} + \beta [sV^i(D, \varphi^H, \tau^D) + (1-s)V^i(D, \varphi^L)]. \quad (\text{VII.8})$$

Ясно, что $\tau^D(\bar{y} - y^p) - C(\tau^D)\bar{y} \leq \tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}$ и $\tau^D(\bar{y} - y^r) - C(\tau^D)\bar{y} \geq \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}$ для $\tau^D \leq \tau^p$.

Видя ставку налога τ^D , элиты могут по-прежнему решить предпринять переворот, так что выигрыши в состоянии (D, φ^H) не обязательно равны $V^i(D, \varphi^H, \tau^D)$. Вместо этого, обозначим их $V^i(\varphi^H)$ такими, что:

$$V^r(\varphi^H) = \max_{\zeta \in \{0,1\}} \left\{ \zeta(V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r) + (1-\zeta)V^r(D, \varphi^H, \tau^D) \right\}, \quad (\text{VII.9})$$

$$V^p(\varphi^H) = \zeta(V^p(N, \mu^L)\varphi y^p + (1-\zeta)V^p(D, \varphi^H, \tau^D))$$

(вспомним, что $\zeta = 1$ означает переворот). Первая строка в (VII.9) свидетельствует о том, что выигрыш $V^r(\varphi^H)$ для элит в состоянии высокой угрозы зависит от их собственного выбора — устраивать ли переворот. Принимая это решение, они сравнивают выигрыш от отказа от переворота и принятия от граждан уступки в виде ставки налога τ^D , который равен $V^r(D, \varphi^H, \tau^D)$, с выигрышем от организации переворота. Этот выигрыш равен $V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r$, т.е. выигрыш от пребывания в недемократии, когда нет угрозы революции, $V^r(N, \mu^L)$, минус издержки переворота φy^r . Вторая строка выражает, что выигрыш граждан в этом состоянии, $V^p(\varphi^H)$, также зависит от того, что делают элиты. Если $\zeta = 1$, то граждане оказываются в недемократии и их выигрыш от продолжения есть $V^p(N, \mu^L)$, минус издержки переворота φy^p ; тогда как если $\zeta = 0$, переворота нет, демократия сохраняется и выигрыш граждан равен $V^p(D, \varphi^H, \tau^D)$.

Теперь мы выводим *условие угрозы переворота*, обобщение статического условия угрозы переворота в игре, полученное в предыдущем разделе, используем для данной динамической структуры. Это ограничение немедленно следует из (VII.9), после проверки того, когда переворот становится привлекательным, если медианный избиратель устанавливает предпочтительную для него ставку налога $\tau^D = \tau^p$. Таким образом, условие угрозы переворота таково:

$$V^r(N, \mu^L) - \Phi y^r > V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p). \quad (\text{VII.10})$$

Этим утверждается, что переворот происходит, если прирост выигрыша для элит от захвата политической власти и сокращения налогообложения, $V^r(N, \mu^L) - V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p)$, больше, чем издержки переворота, Φy^r .

Теперь можно определить критическое значение Φ , обозначаемое $\hat{\Phi}$, такое, что пока $\Phi \geq \hat{\Phi}$ переворот всегда невыгоден для элит, даже если граждане облагают налогом по ставке $\tau^D = \tau^p$ в состоянии (D, Φ^H) . Ясно, что это критическое значение удовлетворяет неравенству (VII.10) как равенство с $\tau^D = \tau^p$. Поэтому

$$\hat{\Phi} = \frac{V^r(N, \mu^L) - V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p)}{y^r}. \quad (\text{VII.11})$$

Это уравнение показывает, что критический порог таков, что потеря текущего дохода для элит эквивалентна приведенным потерям от продолжающейся жизни при демократии со ставкой налога, наиболее предпочтительной для граждан, $V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p)$, против организации переворота и перехода к недемократическому режиму, что дает выигрыш $V^r(N, \mu^L)$.

Однако (VII.11) неинформативно, пока мы не получим выражения для $V^r(N, \mu^L)$ и $V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p)$. Доходы элит от постоянного пребывания в демократии со ставкой налога $\tau^D = \tau^p$ есть просто

$$V^r(D, \Phi^H, \tau^D = \tau^p) = \frac{y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}}{1 - \beta}. \quad (\text{VII.12})$$

Теперь мы рассчитаем выигрыш элит от недемократии, $V^r(N, \mu^L)$. Сначала, используя стандартные аргументы, получаем:

$$V^i(N, \mu^L) = y^i + \beta [qV^i(N, \mu^H) + (1 - q)V^i(N, \mu^L)] \quad (\text{VII.13})$$

для $i = p$ или r , где $V^i(N, \mu^H)$ обозначает выигрыши при недемократии, когда $\mu_i = \mu^H$. В этом выражении мы уже использовали тот факт, что когда $\mu_i = \mu^L (= 1)$, элиты выбирают отсутствие перераспределения при недемократическом режиме.

Затем, поскольку общество начинает в состоянии недемократии, и в какой-то момент случается переворот, то демократия должна была возникнуть ранее. Таким образом, естественно исходить из того, что мы находимся в той части пространства параметров, где если случаются перевороты и состояние меняется на $\mu_i = \mu^H$, то вслед за переворотом должен произойти возврат демократии и, следовательно, он дол-

жен снова иметь место, когда $\mu_i = \mu^H$. Поэтому можно утверждать, что $V^r(N, \mu^H) = V^r(D, \varphi^L)$.

Вопрос, однако, в том, что когда снова достигнута демократия, будет также достигнуто состояние (D, φ^H) , и нам нужно сделать некоторые предположения относительно того, будет ли еще один переворот. Однако логика динамического программирования говорит о том, что наши предположения относительно будущих переворотов не являются важными. Другими словами, можно вычислить $V^r(N, \mu^L)$ и $V^r(D, \varphi^L)$ двумя различными способами, с идентичными следствиями для порога $\hat{\varphi}$. Первый (и, возможно, более естественный) способ исходит из того, что как только (D, φ^H) достигнуто, будет еще один переворот. При втором способе рассматривают только «одноразовое отклонение» (см.: [Fudenberg, Tirole, 1991, p. 108–110]) и исходят из того, что даже если элиты и предпринимают переворот сегодня, в будущем они никогда не будут этого делать, и демократия выживет даже в состоянии (D, φ^H) .

Чтобы проиллюстрировать работу модели и этого принципа, мы сейчас выведем критическое значение $\hat{\varphi}$, используя оба подхода. Начнем с первого. В этом случае соответствующие выигрыши могут быть записаны как:

$$V^r(N, \mu^L) = y^r + \beta \left[q V^r(D, \varphi^L) + (1 - q) V^r(N, \mu^L) \right] \quad (\text{VII.14})$$

и

$$V^r(D, \varphi^L) = y^r + \tau^p (\bar{y} - y^r) - C(\tau^p) \bar{y} + \beta \left[s (V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r) + (1 - s) V^r(D, \varphi^L) \right]. \quad (\text{VII.15})$$

Заметим, что (VII.14) предсказывает переход к демократии в состоянии (N, μ^H) в силу ранее рассмотренных причин (т.е. мы находимся в той части пространства параметров, в которой имеется равновесный переход к демократии). Но в то же время (VII.15) предсказывает, что когда бы не наступило состояние (D, φ^H) , произойдет переворот; следовательно, существует переход к недемократии, дающий выигрыш $V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r$ для элит, где принимается в расчет тот факт, что они несут и издержки переворота φy^r . Чтобы выразить $V^r(N, \mu^L)$, мы рассматриваем (VII.14) и (VII.15) как два уравнения с двумя неизвестными, $V^r(N, \mu^L)$ и $V^r(D, \varphi^L)$, которые мы можем решить для $V^r(N, \mu^L)$.

Подставляя это в (VII.10) и применяя (VII.12), получаем критическое значение для φ как:

$$\hat{\varphi} = \frac{1}{\theta} \left(\frac{\delta C(\tau^p) - \tau^p (\delta - \theta)}{1 - \beta(1 - q)} \right). \quad (\text{VII.16})$$

Второй метод рассмотрения одноразовых отклонений часто проще. В этом случае, поскольку переворот происходит лишь раз и никогда более, при достижении демократии никогда не будет переворота, несмотря на то что граждане всегда облагают налогом элиты со ставкой τ^p . Из этого следует, что в (VII.14) мы получаем:

$$V^r(D, \varphi^L) = \frac{y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)}{1 - \beta}.$$

Подставляя это в (VII.14), можно найти $V^r(N, \mu^L)$, что дает:

$$V^r(N, \mu^L) = \frac{(1 - \beta(1 - q))y^r + \beta q(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{(1 - \beta)(1 - \beta(1 - q))}.$$

Подставляя это в (VII.10) используя (VII.12), получаем то же критическое значение для φ , что и в (VII.16).

Когда $\varphi \geq \hat{\varphi}$, угроза переворота не играет роли, и демократия полностью консолидирована. Ставка налога, $\tau^D = \tau^p$, всегда определяется обычным балансом для медианного избирателя — между трансферами и необратимыми потерями от налогообложения. Заметим, что $d\hat{\varphi}/d\theta > 0$, из чего следует, что для более неравного общества вероятность достичь полностью консолидированной демократии меньше. Это интуитивно понятно, поскольку более высокий уровень неравенства делает демократию менее привлекательной для элит и позволяет обобщить результаты статической модели.

Теперь мы можем определить значение издержек переворота, φ^* , так если $\varphi \geq \varphi^*$, то граждане могут остановить переворот, задав достаточно низкую ставку налога в состоянии (D, φ^H) (или, напротив, если $\varphi < \varphi^*$, даже политика установления $\tau^D = 0$ в состоянии φ^H не останавливает переворота). Поскольку самая низкая ставка налога, которую могут установить граждане, есть $\tau^D = 0$, φ^* задается $V^r(N, \mu^L) - V^r(D, \varphi^H, \tau^D = 0) = \varphi^* y^r$.

Объединяя (VII.7) и (VII.8) и принимая $V^r(\varphi^H) = V^r(D, \varphi^H, \tau^D = 0)$, можно подсчитать выигрыш элит от постоянного пребывания в демократии. На основе этого, мы определяем

$$V^r(D, \varphi^H, \tau^D = 0) = \frac{y^r + \beta(1 - s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta}$$

как максимальный выигрыш, который медианный избиратель может достоверно обязаться дать члену элиты при демократии.

Чтобы решить ту же задачу для $V^r(N, \mu^L)$, мы снова применяем подход одноразового отклонения. Чтобы это сделать, мы преобразуем (VII.14) и подставляем в него $V^r(N, \mu^H) = V^r(D, \varphi^L)$. Как и ранее, мы исходим из того, что переворот предпринимается лишь раз и, если происходит возврат демократии, переворотов никогда больше не случается. Однако формула для $V^r(N, \mu^L)$ отличается, потому что когда демократия воссоздается после переворота, это будет демократия, в которой медианный избиратель устанавливает $\tau^D = 0$ при $\varphi_r = \varphi^H$. Следовательно:

$$V^r(D, \varphi^L) = \frac{y^r + (1 - \beta s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta}.$$

Подставляя это в (VII.14), находим:

$$V^r(N, \mu^L) = \frac{(1 - \beta(1 - q))y^r + \beta q(1 - \beta s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{(1 - \beta)(1 - \beta(1 - q))}.$$

Поэтому из $V^r(\varphi^H) = V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r$ следует:

$$\varphi^* = \frac{1}{\theta} \left(\frac{\beta(q + s - 1)(\tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p))}{1 - \beta(1 - q)} \right), \quad (\text{VII.17})$$

где $\tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) < 0$ и $q + s - 1 < 0$, так что φ^* убывает по q и s . Если q высоко, то недемократический режим, следующий за переворотом, будет недолговечным, поскольку угроза революции вскоре возникнет вновь. Это уменьшает ожидаемые выгоды от переворота. Аналогичным образом если s высоко, то условие угрозы переворота выполняется постоянно, и поскольку в этом состоянии элиты платят относительно низкие налоги, издержки демократии для них меньше. Также ясно, что $\varphi^* < \hat{\varphi}$.

Более важно для основной темы этой главы то, что $d\varphi^*/d\theta > 0$: более высокое неравенство уменьшает порог φ^* и делает переворот более вероятным, поскольку в неравном обществе элиты при демократии теряют больше.

Если $\varphi \geq \varphi^*$, то демократия полуконсолидирована: граждане могут избежать переворота, сокращая налог так, чтобы он был ниже τ^p в состоянии (D, φ^H) , и устанавливая $\tau^D = \tilde{\tau} \leq \tau^p$ такой, что:

$$V^r(N, \mu^L) - \varphi y^r = V^r(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau}). \quad (\text{VII.18})$$

Хотя общество всегда остается демократическим, угроза переворота по-прежнему важна и влияет на налоги: ставка налога $\tilde{\tau}$ меньше, чем τ^p , которую граждане установили бы в отсутствие этой угрозы. Теперь $V^r(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau})$ выводится из уравнений:

$$V^r(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau}) = y^r + \tilde{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\tilde{\tau})\bar{y} + \beta \left[sV^i(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau}) + (1-s)V^i(D, \varphi^L) \right] \quad (\text{VII.19})$$

$$V^i(D, \varphi^L) = y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y} + \beta \left[sV^i(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau}) + (1-s)V^i(D, \varphi^L) \right],$$

что дает:

$$V^r(D, \varphi^H, \tau^D = \tilde{\tau}) = \frac{y^r + (1 - \beta(1 - s))(\tilde{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\tilde{\tau})\bar{y})}{1 - \beta} + \frac{\beta(1 - s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta}.$$

Чтобы рассчитать $V^r(N, \mu^L)$, мы снова используем (VII.14). Подход одно-разового отклонения предполагает, что мы должны заменить $V^r(D, \varphi^L)$ в (VII.14) выигрышем от демократии для элит, когда граждане устанавливают ставку налога $\tau^D = \tilde{\tau}$, когда $\varphi_i = \varphi^H$, и устанавливают $\tau^D = \tau^p$, когда $\varphi_i = \varphi^L$. Этот выигрыш равен $V^r(D, \varphi^L)$, вычисленном из (VII.19):

$$V^r(D, \varphi^L) = \frac{y^r + \beta s(\tilde{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\tilde{\tau})\bar{y}) + (1 - \beta s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{1 - \beta}.$$

Используя это уравнение для того, чтобы выразить $V^r(N, \mu^L)$ из (VII.14), получим:

$$V^r(N, \mu^L) = \frac{(1 - \beta(1 - q))y^r + \beta^2 qs(\tilde{\tau}(\bar{y} - y^r) - C(\tilde{\tau})\bar{y})}{(1 - \beta)(1 - \beta(1 - q))} + \frac{\beta q(1 - \beta s)(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})}{(1 - \beta)(1 - \beta(1 - q))},$$

и подставляя результаты этих вычислений в (VII.18), находим, что ставка налога $\tilde{\tau}$ неявно задается уравнением:

$$\varphi = \frac{1}{\theta} \left(\frac{(\beta(1-q-s)-1)(\tilde{\tau}(\delta-\theta) - \delta C(\tilde{\tau}))}{1-\beta(1-q)} + \frac{\beta(q+s-1)(\tau^p(\delta-\theta) - \delta C(\tau^p))}{1-\beta(1-q)} \right).$$

Дифференцирование неявной функции показывает, что $\tilde{\tau}$ убывает по θ : $d\tilde{\tau}/d\theta < 0$, так что более высокое неравенство уменьшает ставку налога, требующуюся для предотвращения переворота.

Если $\varphi < \varphi^*$, демократия неконсолидирована; даже стратегия установления гражданами $\tau^D = 0$ не предотвратит переворот. В этом случае общество возвращается к недемократическому режиму, когда $\varphi_t = \varphi$. Граждане хотели бы предотвратить такой исход и если бы могли, то предложили бы более низкие налоги в будущем. Однако такие обещания недостоверны, поскольку будущие ставки налога определяются в будущих политических равновесиях; когда угроза переворота исчезает, ставка налога снова возрастает до τ^p . Предусмотрительные элиты, осознавая это, предпочитают переворот, даже несмотря на то что это влечет за собой издержки для общества в целом.

Рассмотрение этого вопроса позволяет обобщить обстоятельства, описанные в разделе 3, при которых имеют место перевороты. Понятия полностью и полуконсолидированной демократии также возникают и в динамическом контексте. Тем не менее теперь, когда у нас есть в полной мере динамическая модель, мы можем объединить анализ переворотов и демократизаций, чего мы не могли сделать в статической модели.

Рассмотрим состояние (N, μ^H) . Если граждане не пытались бы поднять революцию в этом состоянии, элиты оставались бы у власти всегда и устанавливали бы $\tau^N = 0$, так что граждане получали бы полезность равную $y^p / (1-\beta)$. Напротив, при революции в состоянии $\mu_t = \mu^H$, они получили бы $V^p(R, \mu^H) = (1-\mu)\bar{y} / (1-\delta)(1-\beta)$, бесконечный поток доходов от революции приведенный к настоящему. Вспомним, что революция есть поглощающее состояние в том смысле, что, когда революция происходит, общество остается таким навсегда, и что во время революции важно только значение μ . Следовательно, доходы в каждый период времени равны (из этого также следует, что в состоянии $\mu_t = \mu^L (= 1)$, революция никогда не происходит). Чтобы сократить количество рассматриваемых случаев, сейчас мы предполагаем $\theta > \mu$, что подразумевает: когда $\mu_t = \mu^H (= \mu)$, условие угрозы революции выполняется.

В случае революции элиты теряют все, т.е. $V^r(R, \mu^H) = 0$. Поэтому они попытаются предотвратить ее любой ценой. Они могут сделать это тремя различными способами. Во-первых, они могут провести демократизацию, $\varphi = 1$, обеспечив гражданам их выигрыш при демократии,

$V^p(D, \varphi^L)$. Во-вторых, они могут применить репрессии, давая гражданам выигрыш, $V^p(O, \mu^H | \kappa)$, который равен выигрышу, выведенному нами в предыдущей главе. В-третьих, они могут выбрать сохранение политической власти, $\varphi = 0$, но перераспределять через налогообложение. В этом случае элиты устанавливают ставку налога τ^N и дают гражданам выигрыш в размере $V^p(N, \mu^H, \tau^N)$, где:

$$V^i(N, \mu^H, \tau^N) = y^i + \tau^N(\bar{y} - y^i) - C(\tau^N)\bar{y} + \beta [qV^i(N, \mu^H, \tau^N) + (1-q)V^i(N, \mu^L)]. \quad (\text{VII.20})$$

Таким образом, агент i получает доход y^i от своих заработков и также чистый трансфер равный $\tau^N(\bar{y} - y^i) - C(\tau^N)\bar{y}$. Если в следующий период мы по-прежнему в состоянии $\mu_{t+1} = \mu^H$, то перераспределение продолжается. Но если в следующий период экономика меняется на $\mu_{t+1} = \mu^L$ — перераспределение прекращается. Это отражает идею, что элиты не могут быть достоверно обязаны относительно будущего перераспределения, если только будущее не представляет эффективной угрозы революции. Также $\tau^N \leq \tau^p$, т.е. элиты не будут облагать себя налогом при ставке выше, чем τ^p , поскольку именно эта ставка максимизирует перераспределение в пользу граждан. Если эта ставка налога недостаточна для того, чтобы остановить революцию, то и никакая другая ставка налога $\tau^N \in [0, 1]$ этого не сделает.

При демократизации или перераспределении, осуществляемых элитами, граждане все равно могут предпочесть революцию. Таким образом, учитывая действия φ и τ^N элит, выигрыш граждан в состоянии (N, μ^H) есть:

$$V^p(N, \mu^H) = \omega V^p(O, \mu^H | \kappa) + (1-\omega) \max_{\rho \in \{0, 1\}} \times \times \left\{ \rho V^p(R, \mu^H) + (1-\rho) (\varphi V^p(D, \varphi^L) + (1-\varphi) V^p(N, \mu^H, \tau^N)) \right\}.$$

Объединив (VII.13) и (VII.20), мы рассчитаем максимальную полезность, которая может быть дана гражданам без демократизации. Это включает установление элитами ставки налога $\tau^N = \tau^p$, когда имеется угроза революции, так что выигрыш от продолжения для граждан равен — $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p)$. Этот выигрыш удовлетворяет:

$$V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = \frac{y^p + (1-\beta(1-q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{1-\beta}, \quad (\text{VII.21})$$

что, конечно, то же самое, что и (VI.15), выведенное в предыдущей главе. Граждане сравнивают (VII.21) с $V^p(R, \mu^H)$. Этим определяется критическое значение μ^H :

$$\mu^* = \theta - (1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p)), \quad (\text{VII.22})$$

такое что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \tau^p) = V^p(R, \mu^H)$ при $\mu^H = \mu^*$. При $0 < \mu < \mu^*$ революция настолько привлекательна для граждан в состоянии $\mu_t = \mu^H$, что даже максимальный объем перераспределения со стороны элит не может ее остановить. Поэтому демократизация есть единственная возможность, остающаяся у элит. Также

$$\frac{d\mu^*}{d\theta} = 1 - (1 - \beta(1 - q)) \frac{d(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p))}{d\theta} > 0,$$

так что высокое неравенство увеличивает порог для революции, поскольку гражданам становится хуже в недемократическом режиме. Теперь граждане готовы предпринять революцию, даже когда ее издержки выше.

Для $\mu \geq \mu^*$ демократизации можно избежать с помощью перераспределения в пользу граждан в состоянии (μ^H, N) . В этом случае ставка налога, которую элиты должны установить во избежание революции, есть $\tau^N = \hat{\tau}$, такая что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$, которая убывает по μ и возрастает по θ (т.е. увеличивается вместе с увеличением уровня неравенства).

Определив условия, при которых недемократический режим может оставаться у власти, делая уступки, и когда демократия является или не является консолидированной, остается рассмотреть последствия репрессий. Наши допущения относительно репрессий идентичны тем, что были сделаны ранее, так что выигрыши от репрессий заданы (VI.18). Опять-таки, следует рассмотреть две ситуации. Если $\mu \geq \mu^*$, то недемократический режим никогда не нуждается в демократизации, в каком-либо случае репрессии используются в равновесии, если они дешевле уступок в сфере государственной политики. Условия, при которых это так, и пороговый уровень κ^* , при котором для элит нет разницы между обещанием перераспределения при ставке налога $\hat{\tau}$ и репрессиями, идентичными выведенным ранее. В частности, κ^* снова задается (VI.20). Если $\mu < \mu^*$, то элиты не могут использовать уступки для того, чтобы оставаться у власти, и сравнивают издержки репрессий с издержками демократии. В ходе предыдущего рассмотрения, издержки демократии определялись единственным образом, поскольку мы исходили из допущения о том, что демократия полностью консолидирована. Однако сейчас это не так и издержки демократии для элит и, следовательно, привлекательность репрессий, зависят от характера демократии.

Если $\phi \geq \hat{\phi}$, так что демократия полностью консолидирована, то порог, при котором элитам просто нет разницы между репрессиями и демократизацией, есть $\bar{\kappa}$, заданный (VI.21). Если $\phi \in [\phi^*, \hat{\phi})$, то демокра-

тия частично консолидирована, и когда существует угроза переворота, ставка налога сокращается. В этом случае можно определить пороговый уровень $\kappa(\varphi)$ такой, что элиты просто безразличны относительно проведения репрессий и создания полуконсолидированной демократии. Чтобы увидеть формулу для этого положения, вспомним сначала, что выигрыш от репрессий — $V^r(O, \mu^H | \kappa)$ задан (VI.19) в главе VI. Выигрыш от пребывания в неконсолидированной демократии есть $V^r(D, \varphi^L)$, что удовлетворяет (VII.14) и (VII.15). Таким образом, $\kappa(\varphi)$ таково, что $V^r(O, \mu^H | \kappa(\varphi)) = V^r(D, \varphi^L)$. Чем выше φ , тем выше издержки переворота, выше налог в этом состоянии и для элит выше издержки создания демократии. Следовательно, $\kappa(\varphi)$ есть строго возрастающая функция φ , поскольку по мере увеличения φ бремя демократии для элит увеличивается, и они более склонны применять репрессии. И наконец, если $\varphi < \varphi^*$, демократия неконсолидирована, и можно определить такой порог $\check{\kappa}$, при котором элиты будут безразличны по отношению к проведению репрессий и созданию неконсолидированной демократии.

Мы ограничиваем внимание той областью пространства параметров, где демократизация предотвращает революцию, т.е. $V^p(D, \varphi^L) \geq V^p(R, \mu^H)$. Поскольку демократия не обязательно является устойчивым состоянием, функция выигрыша, $V^p(D, \varphi^L)$, принимает во внимание будущую возможность переворотов. Выигрыш граждан при полуконсолидированной демократии выше, чем при демократии, подверженной переворотам, так что достаточно обеспечить, чтобы выигрыш при неконсолидированной демократии для граждан был выше, чем $V^r(R, \mu^H)$. Чтобы вывести формулу выигрыша при неконсолидированной демократии для граждан, мы применяем (VII.7) и (VII.13) с уравнениями $V^p(N, \mu^H) = V^p(D, \varphi^L)$ и $V^p(\varphi^H) = V^p(N, \mu^L)$, отсюда:

$$\begin{aligned} V^p(N, \mu^L) &= y^p + \beta \left[qV^p(D, \varphi^L) + (1-q)V^p(N, \mu^L) \right] \\ V^p(D, \varphi^L) &= y^p + \tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y} + \\ &+ \beta \left[s(V^p(N, \mu^L) - \varphi y^p) + (1-s)V^p(D, \varphi^L) \right], \end{aligned}$$

что идентично и (VII.14), и (VII.15), с точки зрения граждан. Выражая то же для $V^p(D, \varphi^L)$, находим:

$$\begin{aligned} V^p(D, \varphi^L) &= \frac{y^p \left((1 - \varphi\beta s)(1 - \beta(1 - q)) + \beta s \right)}{(1 - \beta(1 - s))(1 - \beta(1 - q)) - \beta^2 sq} + \\ &+ \frac{(1 - \beta(1 - q))(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y})}{(1 - \beta(1 - s))(1 - \beta(1 - q)) - \beta^2 sq}. \end{aligned}$$

Следовательно, условие $V^p(D, \varphi^L) \geq V^p(R, \mu^H)$ эквивалентно

$$\frac{(1-\beta+\beta(q+s))(1-\theta)(1-\varphi\beta s)}{1-\beta+\beta(q+s)} + \frac{(1-\beta(1-q))(\tau^p(\theta-\delta)-(1-\delta)C(\tau^p))}{1-\beta+\beta(q+s)} \geq 1-\mu,$$

что является условием для параметров, которое, как мы просто допускаем, выполняется. Как и с соответствующим условием в главе VI, оно имеет силу, когда демократия достаточно перераспределительна. Это приводит к интересному соотношению: сильно перераспределительная демократия ведет к политической нестабильности, но если возможности перераспределения слишком ограничены, демократизация не предотвращает революции.

Теперь можно сформулировать следующий вывод:

Теорема VII.2. *Существует единственное равновесие Маркова, совершенное на подыграх, $\{\bar{\sigma}^r, \bar{\sigma}^p\}$, в игре $G^\infty(\beta)$. Пусть φ , $\hat{\varphi}^*$, κ^* , $\bar{\kappa}$, $\kappa(\varphi)$, и $\bar{\kappa}$ будут такими, какими они были определены ранее. Тогда, в этом равновесии:*

- Если $\mu \geq \mu^*$, общество остается недемократическим. Когда $\mu_t = \mu^L$, $\tau^N = \tau^r$ и перераспределения нет. Если $\kappa < \kappa^*$, то, когда $\mu_t = \mu^H$, богатые применяют репрессии. Если $\kappa \geq \kappa^*$, то при $\mu_t = \mu^H$, $\tau^N = \hat{\tau}$, таких что $V^p(N, \mu^H, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu^H)$.
- Если $\mu < \mu^*$, то:
 1. Если $\varphi \geq \hat{\varphi}$ и $\kappa \geq \bar{\kappa}$, мы в полностью консолидированной демократии. Общество переходит к демократии в первый раз, когда $\mu_t = \mu^H$ и остается демократическим после этого, а налоги всегда равны $\tau^D = \tau^p$.
 2. Если $\varphi^* \leq \varphi < \hat{\varphi}$ и $\kappa \geq \kappa(\varphi)$, мы в полуконсолидированной демократии. Общество переходит к демократии в первый раз, когда $\mu_t = \mu^H$ и остается демократическим после этого. Когда $\varphi_t = \varphi^L$, то $\tau^D = \tau^p$. Когда $\varphi_t = \varphi^H$, демократия устанавливает ставку налога $\tau^D = \hat{\tau} < \tau^p$, такую что $V^r(N, \mu^L) - \varphi\bar{y} = V^r(\varphi^H, D, \tau^D = \hat{\tau})$.
 3. Если $\varphi < \varphi^*$ и $\kappa \geq \bar{\kappa}$, мы в неконсолидированной демократии. Общество постоянно меняет режимы. В недемократическом режиме, когда $\mu_t = \mu^L$, элиты устанавливают $\tau^N = \tau^r$; когда $\mu_t = \mu^H$, они проводят демократизацию. В демократии, когда $\varphi_t = \varphi^L$, $\tau^D = \tau^p$; когда $\varphi_t = \varphi^H$, имеет место переворот.
 4. Если $\varphi \geq \hat{\varphi}$ и $\kappa < \bar{\kappa}$, или $\varphi^* \leq \varphi < \hat{\varphi}$ и $\kappa < \kappa(\varphi)$, или если $\varphi < \varphi^*$ и $\kappa < \bar{\kappa}$, когда $\mu_t = \mu^L$, то $\tau^N = \tau^r$, и нет перераспределения, а когда $\mu_t = \mu^H$, элиты применяют репрессии, чтобы оставаться у власти.

Главная идея теоремы VII.2 состоит в том, что демократия возникает снова, потому что элиты не могут дать достоверное обязательство относительно мер государственной политики в будущем, пока они сохраняют монополию на политическую власть. Однако, будучи созданной, демократия не обязательно консолидируется. Несмотря на то что рациональные индивиды предвидят, что антидемократические перевороты могут случаться в будущем, создание демократии может тем не менее остановить революцию таким же образом, как это было описано в главе VI. Это так, поскольку, чтобы организовать переворот, элиты должны иметь власть де-факто, и неясно, будут ли они иметь ее в будущем. Раз это так, граждане ценят создание демократии, которая сдвигает власть де-юре в их направлении, даже когда они осознают, что демократия может быть не вечной.

Теперь рассмотрим условия теоремы более детально. В первом типе равновесия, когда $\mu \geq \mu^*$, издержки революции достаточно высоки, так что, учитывая масштабы неравенства и значение q , элиты могут избежать ее с помощью перераспределения. Поэтому в состоянии $\mu_t = \mu^L$ элиты устанавливают предпочтительную для них ставку налога, равную нулю (т.е. $\tau^N = \tau^r = 0$), тогда как в состоянии μ^H , если репрессии достаточно дорогостоящи, они перераспределяют, устанавливая ставку налога $\tau^N = \hat{\tau}$, которая как раз достаточна для того, чтобы остановить революцию. Однако если издержки репрессий незначительны, элиты отвечают на угрозу революции репрессиями в отношении граждан. В этом равновесии никогда нет демократизации и объем перераспределения относительно ограничен (или равен нулю), если элиты выбирают репрессии. Если имеет место перераспределение, неравенство тем не менее повышает уровень перераспределения при этом режиме, поскольку элиты вынуждены избирать более высокие налоги для предотвращения революции в состоянии (N, μ^H) .

Рассмотрим, что происходит, когда $\mu < \mu^*$. Когда общество переходит в состояние μ^H , элиты больше не могут сохранять свою политическую власть при помощи перераспределения и должны либо применять репрессии, либо осуществлять демократизацию. Есть четыре типа равновесия, в зависимости от значений ϕ и k . Первая возможность — когда $\phi \geq \hat{\phi}$ и $k \geq \bar{k}$. Демократия, будучи созданной, полностью консолидирована и издержки репрессий достаточно высоки, так что демократия будет создана, даже несмотря на то что элиты знают, что граждане всегда будут устанавливать ставку налога, предпочтительную для них, $\tau^D = \tau^p$, с момента ее создания и далее. В этом типе общества объем перераспределения на высочайшем уровне, фискальная волатильность невелика или отсутствует, и угроза переворота перестает иметь значение, как только общество стало демократическим. Мы интерпретируем этот слу-

чай как сходный с ситуацией в большинстве стран ОЭСР. Вероятность его возникновения больше, когда θ низко, т.е. когда общество вполне эгалитарно при сохранении $\theta > \mu$, так что условие угрозы революции выполняется.

Вторая возможность — когда $\varphi^* \leq \varphi < \hat{\varphi}$ и $\kappa \geq \kappa(\varphi)$. Тогда демократия полуконсолидирована и выживает, только делая уступки в некоторых состояниях. В частности, если в демократии граждане установили бы ставку налога τ^p в состоянии (D, φ^H) , произошел бы переворот. Граждане избегают этого, устанавливая более низкий налог $\tau^D = \tilde{\tau}$ в состоянии (D, φ^H) , что как раз достаточно для того, чтобы разубедить элиты предпринимать переворот. Хотя общество всегда остается демократическим, оно в некотором смысле находится в тени переворота, поскольку угроза переворота удерживает общее перераспределение ниже уровня, свойственного полностью консолидированной демократии.

Третий тип равновесия включает $\varphi < \varphi^*$ и $\kappa \geq \bar{\kappa}$, так что демократия неконсолидирована: когда состояние сдвигается к φ^H , переворот относительно привлекателен для элит и не может быть остановлен при помощи сокращения налогов. В результате экономика колеблется случайным образом между демократией и недемократией. Точнее, когда репрессии непривлекательны, экономика стартует с элитами у власти, и они устанавливают $\tau^N = \tau^r$. В каждом случае, когда состояние переходит к μ^H , они осуществляют демократизацию, после чего граждане устанавливают $\tau^D = \tau^p$. Но как только состояние переходит от (D, φ^L) к (D, φ^H) , элиты организуют переворот, возвращают себе политическую власть и устанавливают нулевую ставку налога — $\tau^N = 0$. Поэтому колебания государственной политики выше всего в этом равновесии, и объем перераспределения меньше, чем во втором и третьем случаях, но больше, чем в первом. Более высокое неравенство увеличивает перераспределение при этом режиме, поскольку оно увеличивает ставку налога, когда имеет место демократия, тогда как в недемократии никогда нет никакого перераспределения. В этом случае, когда у власти граждане, они устанавливают максимальную ставку налога, полностью предвидя то, что перераспределение в конце концов прекратится в результате переворота. Этот результат может помочь объяснить существование сильно перераспределительных, но относительно недолговечных популистских режимов в Латинской Америке (см., например: [Kaufman, Stallings, 1991]).

Последний тип равновесия включает репрессии со стороны элит для сохранения недемократического режима. Оно возникает в различных обстоятельствах, если издержки репрессий достаточно малы. Поскольку $\bar{\kappa} > \kappa(\varphi) > \bar{\kappa}$, репрессии наиболее привлекательны для элит, когда они ожидают, что им придется создать полностью консолидированную демократию. Поэтому интересно, что проведенный нами анализ позволя-

ет говорить о том, что более вероятно создание неконсолидированной, чем полностью или полуконсолидированной демократии.

Как и демократизации, перевороты происходят только в высоком состоянии, которое можно расценивать как относительно маловероятное или необычное состояние. В этом контексте привлекательной интерпретацией является то, что высокое состояние соответствует периодам рецессии или экономических кризисов. Во время таких кризисов издержки проведения переворотов могут быть меньше, так как общество дезорганизовано и пропорциональные потери дохода или продукта производства могут быть менее тяжелы, поскольку производство уже низко. Эта интерпретация — позволяющая говорить о том, что смены режима, и особенно перевороты, более вероятны в периоды рецессий — согласуется с результатами анализа эмпирических данных. Многие перевороты происходили во время рецессий или периодов экономических трудностей, таких как в Бразилии в 1964 г., в Чили в 1973 г., и Аргентине в 1976 г. (см. главу III наст. изд.). Связь между нестабильностью и переворотами позволяет говорить о том, что возможная причина большего успеха богатых обществ на пути консолидации демократии — их экономическая стабильность [Acemoglu, Zilibotti, 1997].

Проделанный анализ позволяет вывести четыре других заключения. Первое связывает неравенство со сменами режимов. Возрастание θ увеличивает μ^* , φ^* , $\bar{\varphi}$, κ^* , $\bar{\kappa}$, $\kappa(\varphi)$ и $\bar{\kappa}$. Таким образом, более высокое неравенство делает более привлекательными революции, и перевороты, и репрессии. Как и в модели главы VI, построенной на допущении о том, что демократия всегда консолидирована, имеет место обратная U-зависимость между неравенством и демократизацией. Общества с высокой степенью равенства так же, как и с высокой степенью неравенства вряд ли демократизируются. Демократизация наблюдается скорее в обществах со средними уровнями неравенства. Модель этой главы предсказывает, что после демократизации демократия с большей вероятностью консолидируется в более равных обществах. Таким образом, можно ожидать, что высокоэгалитарные общества, такие как Сингапур, останутся недемократическими. Общества с более высокими уровнями неравенства будут демократизироваться и станут полностью или полуконсолидированными демократиями, тогда как общества с еще большим неравенством могут демократизироваться, но оставаться неконсолидированными. Эти два случая могут соответствовать исторической эволюции Великобритании и Аргентины. И наконец, очень неэгалитарное общество может вообще никогда не демократизироваться, что соответствует южноафриканскому опыту. Конечно, все эти утверждения сделаны при прочих равных условиях.

Второй вывод касается связи между неравенством и перераспределением. Чтобы увидеть ее, зафиксируем издержки переворота φ и

определим такое $\theta^H > \theta^L$, что $\varphi = \hat{\varphi}(\theta^L)$ и $\varphi = \varphi^*(\theta^H)$. Более того, предположим, что $\mu < \mu^*(\theta^H)$. Когда $\theta < \theta^L$, $\varphi \geq \hat{\varphi}(\theta)$, так что неравенство достаточно низко для того, чтобы демократия полностью консолидировалась. Теперь рассмотрим возрастание неравенства (т.е. увеличение θ). Это сначала повышает перераспределение, как в стандартных моделях голосования по поводу перераспределения (см., например: [Meltzer, Richard, 1981]), потому что $d\tau^p / d\theta > 0$. Однако когда θ возрастает выше θ^L , демократия уже не полностью консолидирована, но скорее полуконсолидирована, т.е. $\varphi \in [\varphi^*(\nu), \hat{\varphi}(\theta)]$. В этом случае граждане вынуждены сократить налоги с τ^p до $\tilde{\tau}$ в состоянии (D, φ^H) , так что общее перераспределение уменьшается. Фактически в полуконсолидированной демократии связь между неравенством и налогообложением неоднозначна. Средняя ставка налога — $\tau^a = (1-s)\tau^p + s\tilde{\tau}$. Ставка налога τ^p растет с неравенством, тогда как $\tilde{\tau}$ уменьшается. Если издержки налогообложения, $c(\tau)$, сильно выпуклы, то доминирует второй эффект, и средняя ставка налога падает по мере возрастания неравенства. Интуитивно понятно, что более высокое неравенство делает переворот более привлекательным для элит, так что для предотвращения переворота гражданам приходится существенно сокращать ставку налога в состоянии φ , что ведет к более низкому в среднем перераспределительному налогообложению. Когда неравенство возрастает далее, мы имеем $\theta > \theta^H$, так что $\varphi < \varphi^*$, и демократия теперь неконсолидирована с более низким общим перераспределением, чем в полностью и полуконсолидированных демократиях. Поэтому имеется немонотонная зависимость между неравенством и перераспределением, когда общества со средними уровнями неравенства перераспределяют больше, чем и очень равные, и очень неравные общества.

Третье следствие нашего анализа относится к фискальной волатильности. Связь между фискальной волатильностью и неравенством скорее всего будет в виде параллельного возрастания. Для каждого режима большее неравенство ведет к большей вариативности. Кроме того, более высокое неравенство делает неконсолидированную демократию, характеризующуюся наибольшей фискальной вариативностью, более вероятной. Это может объяснить, почему фискальная политика более волатильна в Латинской Америке, чем в странах ОЭСР [Gavin, Perotti, 1997].

Четвертое следствие нашего анализа — то, что издержки перераспределения также влияют на равновесную политическую систему. Предположим, что издержки налогообложения становятся менее выпуклыми, так что $C(\tau^p)$ неизменно, но $C'(\tau^p)$ понижается. Поскольку необратимые потери от налогообложения теперь ниже, медианный избиратель выбирает более высокий уровень налогообложения. Однако при повышении τ^p то же будет происходить и с $-(\tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y})$; поэтому демократия несет большие издержки для элит и с меньшей вероятно-

стью консолидируется. Из этого следует, что в обществах, где налогообложение создает меньше экономических искажений (например, где большая доля ВВП создается на основе природных ресурсов), демократиям может быть труднее консолидироваться. Этот результат имеет очевидные параллели с рассматриваемым позднее, т.е. с тем, что целевые трансферы также делают перевороты более вероятными. Из этих двух результатов вместе следует, что более эффективная или гибкая фискальная система не всегда может быть предпочтительной, когда речь идет о ее последствиях для политического равновесия.

Хотя мы и не рассматриваем их в этой книге, следствия социальной мобильности для межрежимных переходов были рассмотрены на модели этой главы Б. Левентоглу [Leventoglu, 2003a; 2003b], а также в работах Р. Райта [Wright, 1996] и Р. Бенабу и Э. Ок [Banabou, Ok, 2001]. Она показывает, что, когда есть социальная мобильность — в том смысле, что индивид, который беден в момент времени t может быть богат в момент времени $t + 1$ и наоборот, — и когда решения о налогообложении «вязки» — в том смысле, что налоговая ставка, установленная сегодня, влияет на ставки налога в будущем, — то уровень социальной мобильности имеет важные следствия для межрежимных переходов. Рассмотрим ставку налога, предпочитаемую бедным медианным избирателем в демократии. Главный результат здесь в том, что бедный человек, ожидающий в будущем стать богатым, предпочитает более низкую ставку налогообложения, чем бедный человек, ожидающий остаться бедным. Следовательно, чем больше масштаб социальной мобильности, тем меньше политической поддержки для высоких налогов и тем менее перераспределительна демократия. В результате, элиты более охотно идут на уступки в виде демократии, и демократия с большей вероятностью консолидируется, потому что перевороты менее привлекательны в обществе с высокими уровнями социальной мобильности. Это может помочь объяснить, почему такая страна, как Соединенные Штаты в XIX в., имевшие высокую социальную мобильность, смогли консолидировать свою (белую мужскую) демократию.

5. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сейчас мы ненадолго возвратимся к модели главы IV, где рассматривали политический конфликт не по разграничительным линиям социально-экономических классов, но в терминах «группа X против группы Z». В предыдущей главе основные результаты, касающиеся механизмов, ведущих к демократии, и обстоятельств, при которых создается демократия, в данной ситуации были неизменны. Главным различием было то, что часть сравнительной статистики, особенно в отношении неравенства, была иной.

Данную модель можно прямо распространить на перевороты и изучение демократической консолидации. Когда группа X является большинством, демократическое перераспределение идет от группы Z к группе X , с равновесным объемом перераспределения, определяющимся предпочтениями богатых или бедных членов группы X , в зависимости от того, больше или меньше δ_A^p , чем $1/2$. Недемократия есть правление группы Z , и для простоты мы исходим из допущения, что в недемократии ставка налога определяется голосованием большинства в группе Z . Равновесная ставка налога есть та, которую предпочитает медианный избиратель группы Z ; в главе VI мы рассматривали тот случай, когда этот медианный избиратель богат. Ясно, что члены группы Z предпочитают недемократию демократии, тогда как для членов группы X верно противоположное.

Теперь представим себе, что мы в демократии (правлении группы X), но при этом члены группы Z могут организовать переворот для восстановления недемократии — правления группы Z . Механизмы моделей этой главы могут быть применены к данной ситуации. Представим, что решение о перевороте принимается голосованием большинства в группе Z , так что медианный избиратель Z , богатый агент, будет принимать решение. Перед лицом угрозы переворота и бедные, и богатые члены группы X хотят сделать уступку, сократив объем перераспределения от Z к X . Однако такие уступки не обязательно достоверны в силу тех же самых причин, что мы анализировали; следовательно, группа Z может желать организовать переворот, для того чтобы вернуть власть и создать убедительные обязательства относительно мер государственной политики в пользу Z . Поэтому основные механизмы, ведущие к переворотам, независимы от природы политических агентов. Тем не менее легко сконструировать примеры, в которых сравнительная статика в отношении измеряемого неравенства будет иной, чем та, на которую мы до сих пор делали упор в этой главе.

6. ЦЕЛЕВЫЕ ТРАНСФЕРЫ

Теперь рассмотрим вкратце следствия целевых трансферов для переворотов и для демократической консолидации. В главе VI мы показали, что допущение целевых трансферов ведет к большей политической нестабильности, поскольку она повышает ставки в политической игре. Демократия лучше для граждан и хуже для элит. В то же время недемократия лучше для элит и хуже для граждан.

В контексте переворотов из этого следует, что наличие целевых трансферов усиливает желание элит организовать переворот и имеет тенденцию делать демократию менее консолидированной. Например, в

контексте статической модели этой главы, введение целевых трансферов повышает критические пороги $\hat{\varphi}$ и φ^* , что предполагает, что элиты будут готовы предпринимать перевороты, даже когда они более дорогостоящи. Это следует из того, что без переворота граждане облагают элиты большим налогом, и как только элиты берут власть с помощью переворота, они могут облагать налогом граждан — нечто, невозможное для них ранее, — что увеличивает выгоду от организации переворота.

Интересно, что в отличие от рассмотрения демократии в предыдущей главе, теперь целевые трансферы недвусмысленно увеличивают вероятность переворотов против демократии. Это так потому, что межгрупповое неравенство делает демократию менее привлекательной для элит. Напротив, следствия межгруппового неравенства для демократизации были неоднозначны, потому что оно влияло и на условие угрозы революции, и на готовность элит применять репрессии.

И наконец, влияние целевых трансферов на перевороты говорит о том, что более гибкая фискальная система может быть «контрпродуктивной», из-за ее влияния на политическое равновесие.

7. ВЛАСТЬ В ДЕМОКРАТИИ И ПЕРЕВОРОТЫ

Из нашего основного анализа следует, что истоки антидемократических переворотов лежат в перераспределительной политике демократии. Поэтому интересен вопрос о том, как те или иные формы демократического устройства влияют на вероятность переворотов. Чтобы ответить на этот вопрос, мы возвращаемся к статической модели раздела 3 и вводим нашу расширенную модель демократии, которая может наделить некоторой властью элиты. В контексте нашей двухклассовой модели это дает значение ставки налога $\tau(\chi)$, где χ есть вес элит. Когда $\chi = 0$, мы имеем нашу базовую модель демократии, в которой бедный агент является медианным избирателем и выбирает наиболее предпочтительную для него или нее ставку налога, так что $\tau(\chi = 0) = \tau^p$. В главе IV $\tau(\chi)$ неявно задавалось условием первого порядка (IV.16), и это предполагало, что $d\tau(\chi)/d\chi < 0$. То есть по мере того как власть граждан в демократии уменьшается, то же происходит и с равновесной ставкой налога, и степенью перераспределения демократией дохода от элит.

Важным следствием этой модели и анализа, выведенного в главе VI, было то, что при повышении χ увеличивается власть элит в политике при демократии, и получаемый ими в демократии выигрыш больше. Таким образом, мы имеем $dV^p(D, \chi)/d\chi < 0$ и $dV^r(D, \chi)/d\chi > 0$. Следовательно, легко увидеть, что добавление меняющейся власти имеет важные последствия для условия угрозы переворота в нашей базовой

игре переворотов в расширенной форме. Вспомним, что условие угрозы переворота задается $V^r(C, \varphi) > V^r(D, \chi)$, или (VII.4). Чем выше χ , тем лучше демократия для элит, и тем менее вероятно, что (VII.4) будет выполняться. Поэтому возрастание χ выше 0 может привести к тому, что неконсолидированная демократия станет полуконсолидированной демократией. Более того, дальнейшее возрастание χ может привести общество к состоянию полностью консолидированной демократии. Также можно видеть, как (VII.6) зависит от χ , и мы можем вывести новый критический порог $\varphi^*(\chi)$:

$$\varphi^*(\chi) = \frac{1-p}{\theta} (\delta C(\tau^p(\chi)) - \tau(\chi)(\delta - \theta)).$$

Поскольку $\varphi^*(\chi < 1) < \varphi^*(\chi = 1)$, с ростом власти элит организация переворотов становится менее привлекательной, а консолидация демократии более вероятной.

Теорема VII.3. *В модели с варьирующей политической властью, увеличение χ делает менее вероятным то, что условие угрозы переворота будет выполняться, и более вероятным то, что общество будет иметь консолидированную демократию.*

Из этого результата следует, что граждане в неконсолидированной демократии могут желать ограничить свою собственную власть и подкрепить власть элит. Хотя это сокращает их (граждан) доход, при прочих равных условиях это также может устранить угрозу переворота. Очевидный способ для граждан сделать это — изменить институты таким образом, чтобы дать элитам избыточное представительство в демократической системе, т.е. дать им больше власти, чем они заслуживают в силу одной своей численности. Тем не менее если даже такое осуществимо для граждан, это не означает, что они решат так сделать. В реальности точно не известно, будет ли переворот, и если и будет такая попытка, то окажется ли она успешной. Перед лицом такой неопределенности граждане могут не желать усиления власти элит в демократии, поскольку это сократит выигрыши граждан навсегда, тогда как переворот может провалиться и в будущем может исчезнуть сама угроза переворота. Следовательно, есть некоторый баланс при разработке институтов, которые помогают избежать переворотов. Из этого следует, что, даже когда в демократии могут свободно разрабатываться институты, способствующие увеличению власти элит, для демократических властей не всегда оптимально предпринимать такие действия; в результате, перевороты иногда случаются в равновесии.

Однако, как подчеркивалось в главе VI, многие из соответствующих институтов являются результатом длительных исторических процессов и высокоустойчивы. По своей природе институты трудно поддаются изменениям, и поэтому нереалистично воображать, что демократические власти или даже власти недемократические могут свободно оптимизировать структуру политических институтов в любое время. Действительно интересно, что институциональная инженерия для подкрепления власти элит, такая как конституция Зимбабве 1980 г. или договорное решение, покончившее с апартеидом в Южной Африке, имеет место только в контексте довольно больших нарушений в развитии общества. Иные попытки переустройства институтов, такие как предполагавшийся переход от президентской к парламентской системе в Бразилии после окончания военной диктатуры, обычно терпят крах.

Связь между институциональной структурой и консолидацией демократии также подчеркивается в политологической литературе. Например, Д. Рюшемейер, Э. и Дж. Стефенс отмечают, что:

...когда была установлена демократия, партийная система стала иметь решающее значение для защиты интересов господствующих классов и, таким образом, для удержания их от стремления к авторитарным альтернативам. Демократия могла быть консолидирована только там, где было две или более сильных соперничающих политических партий, и по крайней мере одна из них успешно защищала интересы господствующих классов, или где партийная система допускала прямой доступ господствующих классов к государственному аппарату [Rueschemauer et al., 1992, p. 9].

Далее они отмечают, что «демократия... могла быть консолидирована, только если она прямо не угрожала интересам капиталистических классов» [Ibid., p. 9]. Нами уже были рассмотрены два важных исторических примера важности партийной системы и консолидации демократии: в Аргентине до переворота 1930 г. и при объяснении длительной демократической истории Колумбии. Это, очевидно, важная область для дальнейших исследований.

В этом контексте наибольшее внимание привлекла идея, что президентские демократии более подвержены переворотам [Linz, 1978; 1994]. А. Пшеворский и соавторы находят, что эмпирические данные поддерживают это утверждение, и заключают:

...ясно, что президентские демократии менее прочны, чем парламентские. Это различие не есть следствие ни богатства стран, в которых наблюдаются эти институты, ни их экономических успехов. Также это не есть следствие каких-либо политических условий, при которых они функционируют. Президентские демократии просто более хрупки при всех экономических и политических условиях [Przeworski et al., 2000, p. 136].

Таким образом, эти эмпирические данные хорошо согласуются с идеей о том, что президентские демократии нестабильны, потому что президент имеет тенденцию выражать предпочтения медианного избирателя. При парламентской системе часто имеются коалиционные правительства, и предпочтения граждан не обязательно находят полное выражение в равновесной государственной политике. Это означает, что парламентские системы могут быть не столь угрожающи для элит. Напротив, в президентской системе в политической повестке дня могут появляться более радикальные меры, поскольку они привлекательны для кандидата в президенты, пытающегося обрести поддержку большинства населения.

8. КОНСОЛИДАЦИЯ В ГРАФИЧЕСКОМ ИЗОБРАЖЕНИИ

Теперь мы в состоянии строго вывести рис. II.2, использовавшийся во введении. Этот рисунок показывает зависимость между неравенством и издержками переворота. Для простоты в главе II мы не делали различия между полностью и полуконсолидированной демократией, так что, как и при рассмотрении вопроса в главе VI, мы сначала строим полную картину, а затем показываем, как она может быть упрощена, чтобы получить рисунки в главе II. Рассмотрим рис. VII.2: на горизонтальной оси — θ , на вертикальной оси — ϕ .

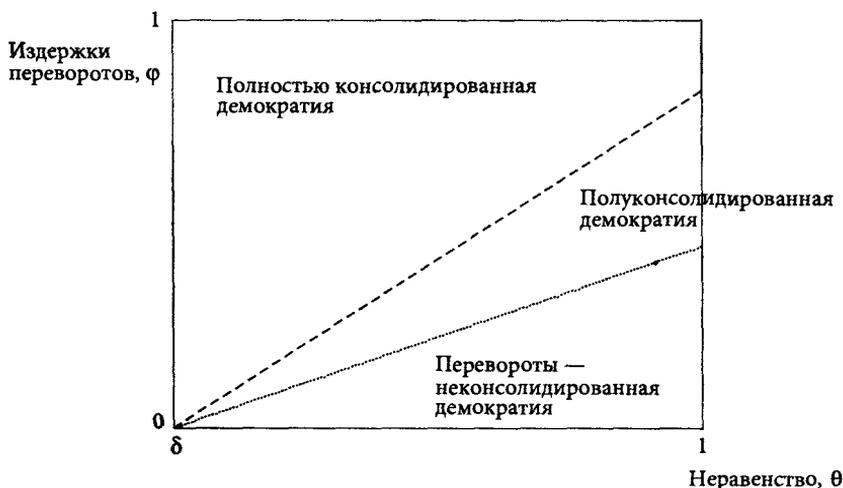

РИС. VII.2. Консолидация или перевороты?

Первое, что нужно нанести на рисунок — это условие угрозы переворота. Теперь его можно записать так:

$$\varphi = \frac{1}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\theta - \delta)). \quad (\text{VII.23})$$

Если $\theta = \delta$, так что есть полное равенство, то из (VII.23) следует, что $\varphi = 0$. При отсутствии неравенства, даже если издержки переворота равны нулю, элитам нет разницы между переворотом и демократией. Интуитивно понятно, что когда нет неравенства, нет перераспределения дохода и поэтому нет стимула для переворота, даже если он ничего не стоит. Таким образом, (VII.23) начинается с исходной точки и увеличивается: по мере того как возрастает неравенство, перевороты становятся более привлекательными, и чтобы элитам не было разницы, издержки переворота должны возрастать. Можно видеть, что, когда неравенство возрастает до $\theta = 1$, мы имеем $\varphi = \delta C(\tau^p(\theta = 1)) - \tau^p(\theta = 1)(1 - \delta) = \delta(C(1) + 1) - 1 < 1$, поскольку $\tau^p(\theta = 1) = 1$. В правой части этой строки неравенство относительно высоко в сравнении с издержками переворотов и, вследствие этого, перевороты будут привлекательны. Слева — регион полностью консолидированной демократии. Чтобы различить ситуации полуконсолидированной и неконсолидированной демократии, рассмотрим функцию:

$$\varphi = \frac{1-p}{\theta} (\delta C(\tau^p) - \tau^p(\theta - \delta)),$$

которая показывает пары θ и φ , при которых элитам просто безразлично, что предпринять — организовать переворот или обещать наилучшие из возможных уступки при демократии. Непосредственно видно, что эта функция опять же проходит через исходную точку, возрастает и, когда $\theta = 1$, мы имеем $\varphi = (1-p)(\delta(C(1) + 1) - 1) < 1$. На рис. VII.2 следствия этого показаны в виде этих двух новых областей. От рис. VII.2 легко перейти к рис. II.2: мы просто опускаем функцию, которая определяет пограничную линию между полуконсолидированными и неконсолидированными демократиями.

9. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

До сих пор мы сосредоточивали внимание на случающихся в демократии переворотах, нацеленных на то, чтобы ограничить перераспределение от элит. Другая правдоподобная идея — элиты поддерживают перевороты тогда, когда боятся, что демократия падет жертвой революции. Можно считать такие перевороты «оборонительными» в том смысле, что те, кто поддерживает перевороты, рассматривают их как защиту от намного худшего исхода для себя: от революции. Такой сценарий может возникнуть, когда революция против демократии легче, чем революция против недемократии. Теперь рассмотрим модель, демонстрирующую эти особенности.

Чтобы моделировать оборонительные перевороты, рассмотрим вариант нашей базовой статической модели. Снова граждане, контролирующие политику в демократии, делают первый шаг и принимают решение о ставке налога. После этой ставки элиты решают, предпринимать ли переворот. Однако теперь мы исходим из допущения, что после решения элит граждане могут, в свою очередь, решить предпринять революцию, что отличается от того, что было ранее. Поступления от революции различаются в двух состояниях, но также зависят от того, был ли переворот. Таким образом, мы обозначаем это как $\mu(\zeta)$, где решение о перевороте есть ξ .

Критически важное допущение, которое нам видится как адекватное, заключается в том, что:

$$\mu(\zeta = 0) < \mu(\zeta = 1).$$

Это означает, что легче и эффективнее предпринять революционное действие против демократии, чем против недемократии (вспомним, что цена революции есть μ). Хотя могут быть исключения: например, когда недемократический режим несправедлив и жесток, тем самым он помогает гражданам решить их проблемы коллективных действий как реакцию на несправедливость. Обычно должно быть так: свергнуть демократию легче, чем хорошо организованный военный режим.

Как это влияет на наши результаты? Сначала мы упрощаем анализ, допуская, что $\mu(\zeta = 1) \rightarrow 1$, так что вслед за переворотом не будет действительной угрозы революции. Теперь можно записать соответствующие функции выигрышей. Когда демократии действуют без ограничений, мы имеем выигрыши $V^r(D)$ и $V^p(D)$, заданные (VI.4). После переворота мы имеем (VII.2), как в разделе VII.3, что для наших текущих целей включает тот факт, что угроза революции исчезает после переворота. Выигрыши от меньшего перераспределения при демократии идентичны тем, какими они были в (VII.3). Вдобавок, у нас есть выигрыши от революции, аналогичные таковым в главе VI:

$$V^p(R, \mu(\zeta)) = \frac{(1 - \mu(\zeta))\bar{y}}{1 - \delta},$$

которые обуславливают выгоды от революции тем, есть ли переворот.

Здесь мы неформально обрисовываем результаты данной модели. Если $\mu(\zeta = 0) \rightarrow 1$, то применима основная теорема — теорема VII.1. Нет действительной угрозы революции против демократии, и решение о перевороте принимается просто путем сравнения издержек перераспределения и издержек переворота.

Однако если $\mu(\zeta = 0) < 1$, то модель дает новые результаты. Естественно, переворот всегда будет там, где уже был, но также он может быть

и в некоторых дополнительных случаях. Чтобы увидеть это, сначала сравним

$$V^p(R, \mu(\zeta = 0)) = \frac{(1 - \mu(\zeta = 0))\bar{y}}{1 - \delta}$$

и

$$V^p(D, \tau^D = \tilde{\tau}) = y^p + p(\tilde{\tau}(\bar{y} - y^p) - C(\tilde{\tau})\bar{y}) + (1 - p)(\tau^p(\bar{y} - y^p) - C(\tau^p)\bar{y}),$$

где $\tilde{\tau}$ есть ставка налога, предотвращающая переворот. Это понижение ставки налога необходимо, поскольку иначе элиты с необходимостью предпримут переворот. Однако, учитывая это понижение ставки налога, демократия менее привлекательна для граждан, и может быть так, что:

$$V^p(R, \mu(\zeta = 0)) > V^p(D, \tau^D = \tilde{\tau}).$$

Если это так, то элиты предвидят, что граждане скорее предпримут революцию, чем будут жить в этой демократии, которая не очень перераспределительна в их пользу; поскольку революция есть наихудший результат для элит, они предпочитают предпринять переворот, чтобы предотвратить революцию.

Можно считать это «оборонительным переворотом», потому что элиты предпринимая переворот не для сокращения перераспределения, но для предотвращения революции. Многие военные перевороты против демократии в Латинской Америке претендовали на то, что они защищают капиталистическую систему или даже демократию от революции. Ярким примером является Чили в 1973 г. Данная модель демонстрирует, что в этих утверждениях есть некоторая доля правды.

Тем не менее интересно, что по-прежнему существует важное взаимодействие этого фактора с перераспределением. Мы получаем, что:

$$V^p(R, \mu(\zeta = 0)) > V^p(D, \tau^D = \tilde{\tau}),$$

но по-прежнему может быть так, что:

$$V^p(R, \mu(\zeta = 0)) < V^p(D).$$

То есть революция не была бы привлекательна для граждан, если бы демократия не пыталась защитить себя от переворота! Значит, причина того, почему революция может стать угрозой кроется в первую очередь в том факте, что условие угрозы переворота мешает политике при демократии удовлетворять желания граждан.

10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе нами была введена модель переворотов. Мы показали, как можно объединить эту теорию переворотов с нашей теорией демократизации, описанной в главе VI. Данная расширенная модель позволяет изучать условия, при которых демократия не только создается, но также консолидируется — что, конечно, является вопросом не меньшей важности. Многие демократии, будучи созданными, быстро терпят крах, так что здесь мы строим подход, позволяющий понять, почему это происходит. Мы продемонстрировали, что многие из вопросов, встающих при моделировании демократизации, возникают и при изучении демократической консолидации. В частности, перевороты возникают потому, что демократы не могут достоверно обязаться не использовать свою власть для принятия законодательства и мер государственной политики, направленных в пользу граждан и против элит. Чтобы избежать этого, единственное решение для элит — взять власть, организовать переворот.

Мы показали, что консолидация демократии зависит от межгруппового неравенства, хотя то, вписывается ли эта сравнительная статика в утверждение о наблюдаемых размерах неравенства, зависит от природы политических агентов. Когда политический конфликт имеет место между бедными и богатыми, мы ожидаем, к примеру, что более глубокое неравенство будет вести к большему числу переворотов. Мы также продемонстрировали, что власть элит значима для демократической консолидации. Если у элит есть достаточная власть, им нет необходимости предпринимать перевороты. Это говорит о том, что могут быть институциональные решения для того, чтобы избежать переворотов, так же как мы утверждали, что демократия есть институциональное решение для того, чтобы избежать революций. Возможно, демократические власти могли бы изменить институты и тем самым дать больше власти в демократии элитам. Это ограничило бы власть демократии, но могло бы помочь консолидировать ее: демократия была бы консолидированной, но ограниченной. Однако есть опасности, присущие такой стратегии, даже если она осуществима. Если демократические власти в своем стремлении консолидировать демократию, дают элитам слишком много власти, то консолидируемая ими демократия может быть настолько ограниченной в своей способности преобразовать общество, что не будет стабильной, поскольку масса граждан может подталкивать ситуацию в сторону революции и более радикальных социальных и политических перемен.

Это только первые эмпирические уроки модели. В следующих трех главах мы рассматриваем многие иные факторы, которые могут оказаться важными для консолидации демократии.

КАК РАБОТАЮТ МОДЕЛИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

VIII. Роль среднего класса

1. ВВЕДЕНИЕ

В четвертой части мы рассматриваем работу базовых моделей демократизации и переворотов в различной обстановке. Для простоты мы делаем это только в контексте нашей базовой статической игры в расширенной форме, в которой проблема достоверных обязательств моделируется в редуцированной форме. Наша цель — показать полезность разработанной нами концептуальной структуры для осмысления того, почему некоторые страны являются демократическими, а другие — нет, и проиллюстрировать некоторые способы обогащения и расширения этой концептуальной структуры. Анализ и формулировки результатов будут менее формальными, чем ранее в этой книге. К примеру, мы не представляем формальных спецификаций стратегий, хотя их просто наполнить деталями предыдущего анализа.

В этой главе мы расширяем нашу концептуальную структуру, допуская возможность третьей группы, чьи интересы промежуточны по отношению к интересам элит и массы граждан. Для простоты мы называем эту группу средним классом. Наша модель фокусировалась на конфликте между элитами и гражданами. Ясно, что в реальном мире общества не соответствуют нашей простой модели лишь с двумя группами его членов. Так же как и различия между элитами и гражданами, богатыми и бедными полезны в качестве средства для развития идей, полезна и трехклассовая модель (еще одно применение «бритвы Оккама») Поскольку многие индивиды рассматривают себя как часть «среднего класса», отличную от богатых и бедных, и поскольку политологи считают, что играющие решающую роль в демократии избиратели часто принадлежат среднему классу, мы полагаем, что такой подход полезен.

Давняя традиция в социальных науках, включая «Социальные истоки диктатуры и демократии» Б. Мура [Moore, 1966], рассматривает третьи классы, такие как средний класс — или то, что Мур называл, следуя марксистской терминологии, *буржуазией*, — в качестве ключевого актора в процессах, ведущих в конечном счете к демократии. Мур полагал, что только общества с достаточно сильной буржуазией станут демократическими, тогда как общества, где достаточно сильны землевладельцы, так что зарождающаяся буржуазия вынуждена вступать с ними в союз, станут диктатурами. Исследователи, работающие в традиции теории модернизации, также подчеркивали важность среднего класса (см., на-

пример: [Huntington, 1991; Lipset 1959; Dahl, 1971]). С. Хантингтон полагает, что средний класс играет ключевую роль в уменьшении конфликтов по поводу распределения, которые дестабилизируют демократию. Он утверждает, что

...экономическое развитие способствует экспансии среднего класса... Демократия основывается на правлении большинства, и демократия трудноосуществима в условиях концентрации неравенства, когда большое, обнищавшее большинство противостоит малочисленной богатой олигархии [Huntington, 1991, p. 66].

Сходным образом в литературе по латиноамериканским диктатурам и демократической консолидации подчеркивается роль, которую играет средний класс. Мы видели это при рассмотрении роли Радикальной партии в истории демократии в Аргентине, и также обсуждали идею о том, что относительно большой средний класс в таких странах, как Колумбия и Коста Рика, может быть объяснением того, почему у этих стран необычно демократическая политическая история по сравнению с большинством их соседей.

Исходя из данных соображений, в этой главе мы расширяем анализ политического конфликта, основанного на противостоянии граждан и элит, включая теперь и средний класс. Мы демонстрируем, как это изменяет главные результаты, полученные на основе нашего базового подхода, и в каком смысле средний класс играет важную роль в процессе создания и консолидации демократии. В этой главе вместо «элит» и «граждан» будем оперировать с тремя группами — «богатые», «средний класс» и «бедные». Мы используем этот язык, потому что изучаем разнообразные ситуации, когда в одних можно считать, что средний класс образует коалицию с бедными против богатых, а в других — средний класс формирует коалицию с богатыми против бедных, тем самым становясь частью «элиты». В этом случае в состав элит может входить и средний класс; так что, во избежание путаницы, в этой главе мы отказываемся от вышеуказанных наименований.

Начнем с анализа возникновения частичной демократии, т.е. ситуации, когда только ограниченный сегмент общества участвует в голосовании¹. Этот сегмент обычно включает элиты и средний класс, тогда

¹ Поскольку частичная демократия есть нечто меньшее, чем полная демократия, можно называть ее формой недемократии. Вспомним, однако, из главы II, что в фокусе нашего анализа — понимание сил, движущих общество к демократии или от нее. Большая часть нашего анализа концентрировалась на противопоставлении полной демократии правлению некоторых элит, поэтому мы можем изучать шаг от политического контроля богатых к частичной демократии — которая допускает к правлению и средний класс — в качестве случая демократизации.

как бедные исключены из процесса в связи с действием избирательных цензов, основанных на уровне дохода или грамотности. Хотя демократия возникла в некоторых латиноамериканских или африканских странах как прямой переход от недемократии к всеобщему массовому избирательному праву (см. главы I и III наст. изд.), европейская демократия возникала более постепенно. Наша трехклассовая модель позволяет проанализировать такие постепенные демократизации. В частности, когда угроза революции со стороны лишенных права голоса является результатом коалиции между средним классом и бедными, для богатых элит может быть выгодным развалить коалицию, распространив избирательные права только на средний класс. Поскольку средний класс, по определению, богаче, чем бедные, его легче разубедить участвовать в революции.

Следующий шаг — анализ перехода от частичной к полной демократии. Здесь мы различаем два подхода. Первый, который часто призывают на помощь при объяснении второго Акта о реформе 1867 г. в Великобритании, исходит из того, что конкуренция среди элиты (например, между богатыми и средним классом) вела к тому, что одна из этих групп расширяла демократические права для того, чтобы увеличить свои шансы остаться у власти. Согласно этому сюжету, премьер-министр Дизраэли (принадлежавший к тори) провел радикальную реформу, наделяющую избирательными правами значительную часть населения, чтобы усилить свою партию в конкуренции с либералами, руководимыми Гладстоном. Мы показываем, как этот вид конкуренции внутри элиты может быть моделирован в рамках данной концептуальной структуры, но затем также утверждаем, что он вряд ли даст удовлетворительное объяснение как британскому, так и иным случаям перехода от частичной к полной демократии. Вместо этого, как и в нашей базовой модели в главе VI, революционная угроза, исходившая от бесправной бедноты, как представляется, сыграла важную роль в Великобритании и других исследованных нами случаях.

Вдохновленные этим, мы применяем нашу трехклассовую модель для анализа того, как отвечает частичная демократия на угрозу революции со стороны бедных. Точнее, мы моделируем это как ситуацию, в которой богатые и средний класс имеют избирательные права, а бедные бросают вызов системе. И снова обещания существующего режима перераспределять доходы богатых в будущем не вполне убедительны, поскольку богатые и средний класс, имеющие политическую власть де-юре в своих руках, вернуться к предпочитаемой ими политике как только угроза революции схлынет. Таким образом, полная демократия возникает как способ изменить будущее распределение политической власти, тем самым обеспечивая достоверность обещаний проводить в будущем поли-

тику в интересах бедноты. Новые результаты в данном случае касаются роли среднего класса. Если средний класс достаточно беден, то даже частичная демократия обеспечит государственную политику (например, ставки перераспределительного налогообложения), близкие тем, что предпочитают бедные. В этом случае бедные ожидают относительно выгодных для них государственных решений в будущем, даже если конкретные обещания, данные им, когда они создавали эффективную угрозу революции, не исполняются. Здесь большее неравенство в виде относительно бедного среднего класса делает полную демократию менее вероятной, позволяя существующему режиму гарантировать приемлемую для бедноты политику без необходимости дать бедным демократические права.

Самые интересные новые результаты нашего анализа о роли среднего класса появляются тогда, когда мы вводим возможность применения репрессий. В главе VI мы узнали, что общество с высокой степенью неравенства может не демократизироваться, потому что при высоких уровнях неравенства демократия реализовала бы государственную политику, радикально отличающуюся от той, что предпочитают богатые. Предвидя это, последние готовы использовать репрессии для предотвращения демократизации. В модели перераспределительного налогообложения бедные, составляющие большинство в демократии, являются сторонниками высоких степеней перераспределения доходов. Однако если средний класс достаточно велик, медианный избиратель в полной демократии может быть представителем среднего класса. Более того, если средний класс достаточно богат, то медианный избиратель выберет только ограниченное перераспределение. Таким образом, относительно многочисленный и богатый средний класс действует в качестве буфера между богатыми и бедными и ограничивает перераспределение. Обеспечивая приемлемую для богатых политику, средний класс позволяет богатым обойтись без репрессий и делает демократию более вероятной.

При рассмотрении среднего класса в качестве буфера в центре нашего внимания находится модель, в которой первоначально находящиеся у власти богатые рассматривают возможность распространения избирательных прав на остальную часть населения, включая средний класс и бедных. Альтернативный сценарий, соответствующий многим латино-американским примерам, — это недемократия, представляющая интересы богатых и среднего класса, которой предстоит решить, переходить ли к демократии с бедными, также включаемыми в систему. В этом случае, который также можно рассматривать как движение от частичной демократии к полной, модель предоставляет способ формализовать часто обсуждаемое в политологической литературе различие между сторонниками мягкой и жесткой линий. Согласно многим качествен-

ным описаниям (см., например: [O'Donnell, Schmitter, 1986]), когда недемократическим режимам бросают вызов, часто можно провести различие между сторонниками жесткой линии, желающими применить силу для сохранения системы, и сторонниками мягкой линии, которые хотят управлять плавным переходом к демократии. Переходы к демократии имеют место тогда, когда в рамках существующего режима сторонники мягкой линии становятся более влиятельными. В рамках нашей концептуальной структуры существует естественное разделение между богатыми и средним классом. Поскольку богатым предстоит больше потерять от принимаемых демократией мер, они больше, чем средний класс, настроены в пользу репрессий. Представляет интерес множество параметров, при которых богатые — сторонники жесткой линии изберут репрессии, но при более влиятельном среднем классе сторонники мягкой линии обеспечат мирный переход к демократии.

Наконец, в разделе 7, мы анализируем государственные перевороты. Мы демонстрируем, что средний класс может уменьшить склонность богатых применять репрессии во избежание демократизации. Если медианный избиратель в демократии является представителем среднего класса, и если средний класс относительно богат, то это смягчает урон богатых от демократии и делает перевороты менее привлекательными для богатых. Следовательно, средний класс как буфер между бедными и богатыми может как консолидировать демократию, так и способствовать ее первичному становлению.

Таким образом, в целом анализ, проведенный в этой главе, выявляет, что средний класс играет важную роль в возникновении демократии несколькими способами: 1) он может быть движущей силой в демократии, особенно возникновении частичной демократии; 2) он может быть сторонником входа бедных на политическую арену, что облегчает переход от частичной к полной демократии; 3) и возможно самое интересное — он может действовать в качестве буфера между богатыми и бедными, гарантируя, что демократия будет не слишком враждебна по отношению к богатым, и отвращая таким образом, богатых от применения репрессий или организации переворотов; и 4) когда он у власти вместе с богатыми, то может играть роль сторонников мягкой линии, выступающих против репрессий и в пользу перехода к демократии, что менее затратно для среднего класса, чем для богатых.

2. ТРЕХКЛАССОВАЯ МОДЕЛЬ

Для начала мы обобщаем нашу базовую двухгрупповую модель главы IV так, чтобы она допускала и третью группу доходов. Имеются три группы агентов: богатые (в размере δ^f), средний класс (в размере δ^m)

и бедные (в размере δ^p). Мы считаем, как и ранее, общую численность населения равной единице, $\sum_i \delta^i = 1$, и исходим из того, что $\delta^p > \delta^m > \delta^r$; т.е. бедные наиболее многочисленны, за ними следует средний класс, а богатые составляют наименьшую группу населения. Также мы по-прежнему обозначаем средний доход как \bar{y} и вводим следующее обозначение:

$$y^r = \frac{\theta^r}{\delta^r} \bar{y}, \quad y^m = \frac{\theta^m}{\delta^m} \bar{y} \quad \text{и} \quad y^p = \frac{\theta^p}{\delta^p} \bar{y}. \quad (\text{VIII.1})$$

Это предполагает, что группа i имеет долю θ^i совокупного дохода экономики и, естественно, $\sum_i \theta^i = 1$. Более того, мы предполагаем, что:

$$\frac{\theta^r}{\delta^r} > \frac{\theta^m}{\delta^m} > \frac{\theta^p}{\delta^p}, \quad (\text{VIII.2})$$

так что богатые богаче среднего класса, который, в свою очередь, богаче бедного класса.

Как и ранее, мы исходим из того, что политическая система устанавливает неотрицательную ставку налога $\tau \geq 0$, поступления от которой распределяются в виде одинаковых для всех трансферов, и имеются совокупные издержки налогообложения $C(\tau)\bar{y}$. Тем не менее, как мы показали в главе IV, можно легко ввести различные трансферы той или иной группы, не меняя основного смысла результатов: следовательно, такая модель используется здесь только для простоты.

Учитывая характеристики такой модели, можно определить наиболее предпочтительные налоговые ставки для богатых, среднего класса и бедных агентов. Для любой группы наиболее предпочитаем тот налог, который максимизирует \hat{y}^i ; таким образом, наиболее предпочтительная ставка налога для группы i удовлетворяет следующему условию, которое мы записываем в форме Куна — Такера для того, чтобы допустить возможность граничного решения: $-y^i + (1 - C'(\tau^i))\bar{y} = 0$ и $\tau^i > 0$, или $-y^i + (1 - C'(\tau^i))\bar{y} \leq 0$ и $\tau^i = 0$. Подставляя определения доходов, мы записываем эти два условия следующим образом:

$$\left(\frac{\delta^i - \theta^i}{\delta^i} \right) - C'(\tau^i) = 0 \quad \text{и} \quad \tau^i > 0 \quad (\text{VIII.3})$$

или

$$\left(\frac{\delta^i - \theta^i}{\delta^i} \right) - C'(\tau^i) \leq 0 \quad \text{и} \quad \tau^i = 0.$$

Поскольку $y' > \bar{y}$ по определению, получаем, что для богатых (VIII.3) имеет место как неравенство, так и $\tau' = 0$, как и ранее. Более того, поскольку $\bar{y} > y^p$, наиболее предпочтительная ставка налога для бедных положительна (т.е. $\tau^p > 0$) и задана формулой:

$$\left(\frac{\delta^p - \theta^p}{\delta^p} \right) = C'(\tau^p). \quad (\text{VIII.4})$$

Наиболее предпочтительная для среднего класса ставка налога может быть нулевой или положительной, в зависимости от того, больше или меньше y^m , чем средний доход \bar{y} . В реальном мире в большинстве распределений доходов богатые достаточно богаты для того, чтобы медианный доход был меньше среднего, так что мы исходим из того, что $\theta^m / \delta^m < 1$, или $\bar{y} > y^m$. Таким образом, τ^m задана формулой:

$$\left(\frac{\delta^m - \theta^m}{\delta^m} \right) = C'(\tau^m) \quad (\text{VIII.5})$$

и $\tau^m > 0$. Это допущение позволяет сконцентрироваться на наиболее интересном случае. Однако в силу того, что средний класс богаче, чем бедные (т.е. $\theta^m / \delta^m > \theta^p / \delta^p$), мы также получаем:

$$\tau^p > \tau^m,$$

так что средний класс всегда предпочитает более низкие налоги, чем бедные.

Можно применить анализ, проведенный в главе IV, чтобы определить демократическое равновесие этой модели. Рассмотрим игру, где две «даунсовские» политические партии, не сотрудничая друг с другом, конкурируют на выборах, выдвигая различные варианты налоговой политики. Предполагается голосование по принципу большинства. Поскольку все индивиды имеют однопиковые предпочтения, ТМИ (теорема о медианном избирателе) применима, и в единственном равновесии обе партии предлагают политику, предпочтительную для медианного избирателя. Тогда характер демократического политического равновесия будет решающим образом зависеть от относительных размеров данных трех групп. В частности, из предыдущего допущения о том, что $\delta^p > \delta^m > \delta^r$, прямо следует, что $\delta^r < 1/2$, т.е. богатые не составляют большинства. Это оставляет нас с двумя интересными случаями:

1. $\delta^p < 1/2$, так что бедные тоже не составляют большинства, и медианный избиратель является представителем среднего класса. В этом случае голосование большинства ведет к наиболее предпочтительной для среднего класса налоговой ставке, τ^m .

2. $\delta^p \geq 1/2$, так что бедные в большинстве и голосование большинства порождает наиболее предпочтительную для них налоговую политику, τ^p .

Теперь проанализируем эти два случая по отдельности.

Сначала, предположим, что $\delta^p \geq 1/2$. Тогда бедные являются большинством и демократическая политика реализует наиболее предпочтительную для них ставку налога, τ^p , как она задана (VIII.4). Сравнительная статика этого равновесия аналогична той, что и в двухклассовой модели, но сейчас значима θ^p , являющаяся мерой имущественного разрыва между бедными и средним классом, но не обязательно разрыва между бедными и богатыми. Например, когда θ^p понижается, так что бедные становятся относительно беднее, наиболее предпочтительная для них ставка налога τ^p увеличивается; иными словами, $d\tau^p / d\theta^p < 0$. Однако это может происходить в то время как разрыв между богатыми и бедными остается постоянным. Например, возможен одновременный спад θ^p и θ^r , компенсируемый увеличением θ^m . В этом случае бедные будут по-прежнему голосовать за более высокие налоги и получать их, но они не будут беднее относительно богатых; они беднее относительно среднего дохода.

Уже это наблюдение говорит о том, что связь между неравенством и равновесной политикой теперь зависит от того, какую меру неравенства мы используем. Например, обычно в литературе в этом качестве используются коэффициент Джини или стандартное отклонение логарифма индивидуального дохода. Теперь рассмотрим такое изменение в распределении доходов, при котором средний класс становится беднее (т.е. θ^m падает), а богатые делают богаче (т.е. θ^r возрастает) без какого-либо изменения θ^p или \bar{y} . В данной модели с $\delta^p \geq 1/2$, это не влияет на равновесную ставку налогообложения, тогда как, согласно обоим показателям, неравенство доходов возросло. Действительно, если $y^m < \bar{y}$, то согласно более жесткому определению перераспределений с сохранением среднего [Rothschild, Stiglitz, 1970; 1971], мы имеем более неравное распределение. Аналогичным образом, если мы используем такой показатель неравенства, как разрыв между богатыми и бедными (например, часто применяемая мера — соотношение между 90-м и 10-м децилями в распределении доходов), то неравенство снова возросло, но нет никакого влияния на избираемую равновесную политику. Вместо этого данная модель делает конкретное предсказание: равновесная политика должна зависеть от разрыва между бедными и средними доходами. Однако это предсказание не обязательно вписывается в зависимость между политической и стандартной мерой неравенства.

Затем рассмотрим случай, когда $\delta^p < 1/2$, т.е. бедные не являются абсолютным большинством и медианный избиратель — из среднего класса.

В этом случае политическое равновесие определяется ставкой налога, которая максимизирует косвенную полезность представителя среднего класса. Налоговая ставка политического равновесия определяется согласно (VIII.5). Сравнительная статика этой равновесной ставки налога аналогична ставке налога, наиболее предпочтительной для бедных. В частности, мы имеем

$$\frac{d\tau^m}{d\theta^m} < 0,$$

так что, когда средний класс становится беднее в сравнении со средним (доходом), он желает более высоких налогов.

Теперь связь между способом измерения неравенства и ставками налога имеет еще больше нюансов. К примеру, рассмотрим изменение в распределении, уменьшающее θ^p , так что бедные становятся беднее, при одновременном увеличении θ^m и θ^r . Большинство применяемых измерений неравенства показало бы в таком случае его увеличение, но равновесная ставка налога при этом снижается.

Теперь мы применяем эту трехклассовую концептуальную структуру, чтобы взглянуть на то, какие новые факторы может привести средний класс в изучение создания и консолидации демократии.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧАСТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Как уже отмечалось, западноевропейский опыт демонстрирует постепенное движение к демократии: сначала в политическую систему был инкорпорирован средний класс, а затем — бедные. В главе VI анализировалась простая игра между группами, имеющими избирательные права и лишенными их. Таким образом, на некотором уровне это может рассматриваться как образец радикального перехода к демократии от недемократии. Хотя латиноамериканский опыт может быть приблизительно отражен подобной игрой, однако опыт Западной Европы указывает также на то, что был бы полезен анализ постепенного возникновения демократии, анализ факторов, которые могли играть роль в наделении избирательными правами среднего класса, и факторов, которые определяют позднейшие демократизации, когда бедным также предоставляется право голоса. Даже в Латинской Америке часто существовали ограничения, не позволявшие голосовать неграмотным (например, в Колумбии до 1936 г. и в Чили до 1970 г.). Поскольку грамотные обычно богаче неграмотных, распространение избирательных прав только на грамотных мужчин сходно с ситуацией, в которой избирательные права распространяются только на средний класс, а не на бедных.

Теперь рассмотрим ситуацию, когда средний класс лишен избирательных прав и угрожает революцией, именно так, как это было с бедными в ходе анализа, проведенного в главе VI. Хотя в наше время революционная угроза, исходящая от среднего класса, может показаться натяжкой, ранние демократизации в Европе — подобные британским первой половины XIX в. — были ответом на значительные волнения средних слоев общества. В Латинской Америке ситуация часто была сходной с этим. Например, Радикальная партия в Аргентине, организовавшая в конце XIX в. ряд восстаний с целью создания демократии, была в сущности движением городских средних классов [Alonso, 2000].

Чтобы моделировать эту тему, допустим, что средний класс и бедные совместно представляют революционную угрозу, но если средний класс устраняется из этого процесса, то бедные не могут предпринять успешной революции. Следовательно, для того чтобы имелась угроза революции, требуется коалиция среднего класса и бедных. Это должно быть потому, что во многих случаях именно члены среднего класса более образованы и имеют доступ к большему числу возможностей и поэтому играют руководящие роли при организации неофициальной и революционной деятельности.

Остальная структура аналогична статической игре в главе VI; поэтому на данный момент мы не допускаем применение репрессий богатыми. На рис. VIII.1 изображено дерево игры. Имеются два новых элемента: 1) богатые теперь могут принимать два решения о демократизации — будет ли она частичной или полной; и 2) ключевое решение о революции принимается средним классом, поскольку если он выходит из революционной коалиции, то предполагается, что революция не происходит. Чтобы сохранить дерево игры относительно простым, мы, таким образом, исключили революционную активность бедных. Мы также постарались сохранить дерево игры простым, насколько это возможно, выражая выигрыши в виде векторов. Следовательно, выигрыш $V^i(R, \mu) = (V^p(R, \mu), V^m(R, \mu), V^r(R, \mu))$ и т.д.

Эту игру снова можно проанализировать с помощью обратной индукции, но теперь нам необходимо определить выигрыши для всех трех групп, для революции и для частичной и полной демократий, а также для обещанного перераспределения при существующей системе, в которой богатые контролируют политическую власть де-юре.

Мы исходим из того, что выигрыши от революции остаются такими же как прежде, но с той разницей, что сейчас они распределяются между средним классом и бедными. Как и в нашей предыдущей модели, мы сосредоточиваемся на анализе состояния, в котором революция является угрозой. Поэтому мы имеем следующий выигрыш от революции для бедных и среднего класса:

$$V^p(R, \mu) = V^m(R, \mu) = \frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta^p + \delta^m}. \quad (\text{VIII.6})$$

Если две эти группы совершат революцию, доля дохода экономики μ уничтожается и остаток распределяется между бедными и средним классом, которые в совокупности представляют собой $\delta^p + \delta^m$ агентов. Как и ранее, $V^r(R, \mu) = 0$.

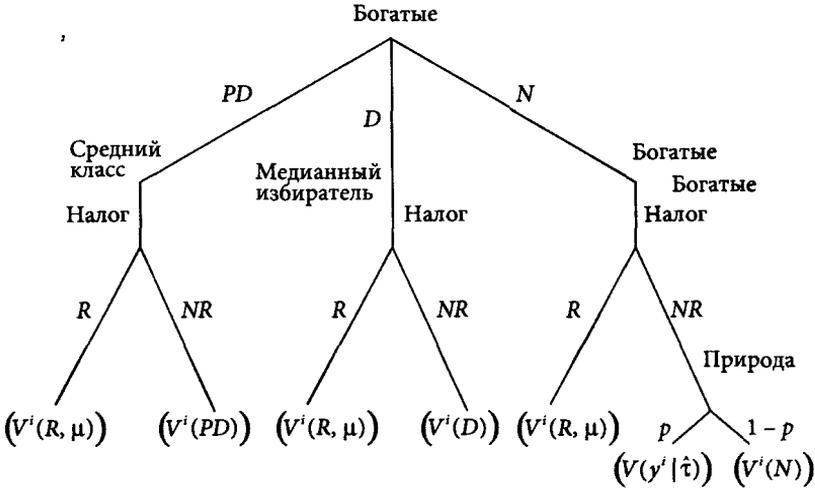

РИС. VIII.1. Частичное наделение избирательными правами и средний класс

Условие угрозы революции выполняется, если и средний класс, и бедные предпочитают революцию статус-кво при существующей системе, или если

$$V^p(R, \mu) = V^m(R, \mu) = \frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta^p + \delta^m} > y^p \quad \text{и} \quad > y^m.$$

Поскольку $y^m > y^p$, то если угроза революции является связывающей для среднего класса, она будет таковой же и для бедных. Поэтому условие угрозы революции имеет вид:

$$\mu < 1 - \left(\frac{\delta^p}{\delta^m} + 1 \right) \theta^m. \quad (\text{VIII.7})$$

Это условие интуитивно понятно: когда θ^m падает, снижается и доля дохода среднего класса, что повышает неравенство в смысле соотношения между доходом среднего класса и средним доходом. Это увеличивает правую часть (VIII.7) и она с большей вероятностью превысит μ .

Как и ранее, богатые могут ответить на угрозу революции обещанием перераспределения. Это лишь частично достоверное обещание, поскольку они имеют возможность изменить налог с вероятностью $1 - p$, как только угроза революции спадет. Выигрыши для этих трех различных групп, когда богатые удерживают политическую власть и обещают перераспределение при ставке налога τ^N , суть:

$$V^i(N, \tau^N) = y^i + p(\tau^N(\bar{y} - y^i) - C(\tau^N)\bar{y}) \quad (\text{VIII.8})$$

для $i = p, m, r$.

Но в то же время, если богатые избирают частичную демократию, PD , только средний класс наделяется политическими правами и, исходя из допущения о том, что $\delta^p > \delta^m > \delta^r$, в этой частичной демократии богатые окажутся в меньшинстве, так что будет реализована предпочитаемая средним классом ставка налога. Обычно мы используем обозначение τ^{PD} для ставки налога, устанавливаемой в частичной демократии, однако сейчас в выигрышах $V^i(PD)$ учитывается, что $\tau^{PD} = \tau^m$, т.е. наилучшей для среднего класса налоговой ставке. Поэтому мы имеем:

$$V^i(PD) = y^i + (\tau^m(\bar{y} - y^i) - C(\tau^m)\bar{y}). \quad (\text{VIII.9})$$

И наконец, выигрыши в демократии зависят от того, является ли медианный избиратель представителем бедных или среднего класса. Вспомним, что это зависит от того, больше или меньше δ^p чем $1/2$. Поэтому

$$V^i(D) = y^i + (\tau^D(\bar{y} - y^i) - C(\tau^D)\bar{y}), \quad (\text{VIII.10})$$

где

$$\tau^D = \begin{cases} \tau^m, & \text{если } \delta^p < 1/2 \\ \tau^p, & \text{если } \delta^p \geq 1/2. \end{cases} \quad (\text{VIII.11})$$

Отсюда немедленно следует, что если $\delta^p < 1/2$, то полная и частичная демократия ведут к одной и той же ставке налога и одному и тому же распределению. Поэтому богатым в этом случае нет разницы между полной и частичной демократизацией. Но когда $\delta^p \geq 1/2$, поскольку выигрыш для богатых, $V(y^r | \tau^D)$, строго понижается вместе с понижением τ^D , и поскольку $\tau^p > \tau^m$, получаем, что $V^r(PD) > V^r(D)$.

Как и в анализе, проведенном в главе VI, решающее значение будет иметь вопрос о том, может ли обещание перераспределения предотвратить революцию. Если да, то богатые предпочитают его частичной или полной демократизации. Для того чтобы революция была предотвращена, нужно, чтобы:

$$V^m(N, \tau^N) \geq V^m(R, \mu) \quad (\text{VIII.12})$$

или

$$V^p(N, \tau^N) \geq V^p(R, \mu). \quad (\text{VIII.13})$$

Поскольку $V^p(R, \mu) = V^m(R, \mu)$ и средний класс богаче бедных, $V^m(N, \tau^N) > V^p(N, \tau^N)$, то удовлетворить условие (VIII.12) легче, чем (VIII.13), и богатые просто пытаются выполнить это условие и убедить средний класс не принимать участие в революции. Очевидно, наибольший выигрыш, который богатые могут предложить среднему классу, возникает при выборе ставки налога, наиболее предпочтительной для среднего класса, τ^m . Таким образом, для того чтобы обещание перераспределения предотвратило революцию, нужно:

$$V^m(N, \tau^N = \tau^m) \geq V^m(R, \mu)$$

$$y^m + p(\tau^m(\bar{y} - y^m) - C(\tau^m)\bar{y}) \geq \frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta^p + \delta^m}.$$

Определим μ^* , такое что это условие выполняется как равенство, или, иными словами:

$$\mu^* = 1 - \frac{(\delta^p + \delta^m)}{\delta^m} (\theta^m + p(\tau^m(\delta^m - \theta^m) - \delta^m C(\tau^m))). \quad (\text{VIII.14})$$

Наконец, нам также нужно условие, подобное тому, что было в главе VI, когда частичная или полная демократизация достаточна для предотвращения революции. Это означает, что такие варианты развития событий должны сделать революцию непривлекательной или для среднего класса, или для бедных. Те же аргументы, что и раньше, показывают, что революция менее привлекательна для среднего класса, так что именно им определяется соответствующее условие. Более того:

$$V^m(P D) \geq V^m(D),$$

поскольку в частичной демократии средний класс устанавливает свою наиболее предпочтительную ставку налога. Поэтому достаточно иметь $V^m(P D) \geq V^m(R, \mu)$, или:

$$\frac{1}{\delta^m} (\theta^m + \tau^m(\delta^m - \theta^m) - \delta^m C(\tau^m)) \geq \frac{1-\mu}{\delta^p + \delta^m}. \quad (\text{VIII.15})$$

Рассмотрев этот вопрос, мы получаем следующий результат, являющийся прямым обобщением результатов главы VI:

Теорема VIII.1. *В описанной выше игре существует единственное равновесие, совершенное на подыграх. Пусть μ^* определяется согласно (VIII.14). Тогда:*

- Если условие (VIII.7) не имеет места, богатые устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = \tau^r$.
- Если условие (VIII.7) имеет место, а (VIII.15) — нет, то происходит революция.
- Если условие (VIII.7) имеет место и $\mu \geq \mu^*$, богатые предотвращают демократизацию, устанавливая ставку налога $\tau^N = \hat{\tau}$, такую что $V^m(N, \tau^N = \hat{\tau}) = V^m(R, \mu)$.
- Наконец, если условие (VIII.7) имеет место и выполняется (VIII.15) и вдобавок $\mu < \mu^*$, то богатые проводят демократизацию. При этом если $\delta^p \geq 1/2$, богатые избирают частичную демократизацию, а если $\delta^p < 1/2$, то для них нет разницы между частичной и полной демократизацией.

Интуиция, лежащая в основе этой теоремы во многом та же, что и в теореме VI.1 в главе VI. Здесь снова институциональные изменения возникают как способ передачи политической власти от одной группы другой для того, чтобы гарантировать в будущем определенную государственную политику. Частичная демократия передает власть от богатых среднему классу, гарантируя тем самым перераспределение в пользу среднего класса в будущем. Отличия состоят в том, что введен выбор между частичной и полной демократизацией и возможность с помощью этой теоремы объяснить, почему в начале XIX в. демократия была распространена сначала на средний класс, а не на все лишенное политических прав население. Теорема VIII.1 также помогает объяснить, почему во многих случаях политические права давались только грамотным, а неграмотным в них отказывалось.

Если эта модель с условиями (VIII.7), (VIII.15), $\mu < \mu^*$ и $\delta^p < 1/2$ является хорошим приближением к действительности, то она дает обоснование роли, приписываемой учеными среднему классу: средний класс был передовым отрядом ранней демократизации и включение среднего класса в политическую систему через частичную демократизацию было для богатых наиболее дешевым способом предотвратить общественные беспорядки.

Следует обратить особое внимание на сравнительную статику в отношении неравенства. В согласии с теоремой VI.1 меньшая доля дохода, достигающегося среднему классу, делает более вероятным выполнение ограничения революцией (VIII.7), поскольку правая часть (VIII.7) уменьшается вместе с уменьшением θ^m . Чтобы уяснить влияние θ^m на μ^* , надо полностью продифференцировать (VIII.14), что дает:

$$\frac{d\mu^*}{d\theta^m} = -\frac{(\delta^p + \delta^m)}{\delta^m} \left(1 - p\tau^m + ((\delta^m - \theta^m) - \delta^m C'(\tau^m)) \frac{d\tau^m}{d\theta^m} \right) < 0.$$

Поскольку из (VIII.5) мы имеем $(\delta^m - \theta^m) - \delta^m C'(\tau^m) = 0$ (вновь применяется теорема об огибающей), откуда следует $1 - p\tau^m > 0$, $d\mu^*/d\theta^m < 0$. Таким образом, если доля дохода, идущего среднему классу, увеличивается, то μ^* падает, это означает, что богатые могут идти на уступки, для того чтобы «подкупить» средний класс в большем диапазоне значений параметров.

Тем самым выясняется, что значимая для нашего анализа концепция неравенства не сводится к разрыву между богатыми и бедными. В данном случае «пограничный» общественный класс, который представляет революционную угрозу и который надо разубедить в необходимости революции, — это средний класс, и важно, что он получает при существующем режиме. Таким образом, критически важной характеристикой неравенства оказывается величина θ^m , показывающая, насколько богат индивид из среднего класса по сравнению с остальной частью общества. В результате, чем беднее средний класс относительно среднего дохода, тем хуже его положение при существующем режиме и тем более привлекательна для него революция. Следовательно, «бедный» средний класс нуждается в получении достоверных гарантий своего будущего благополучия в виде перехода к частичной демократии.

4. ОТ ЧАСТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ К ПОЛНОЙ

В предыдущем разделе, где развивалась аргументация нашей базовой модели главы VI, рассматривалось, как может возникнуть частичная демократия. Теперь обратимся к причинам, по которым частичная демократия может распространить политические права на бедных. Мы начинаем с модели конфликта внутри элиты, неявно присутствовавшей в анализе второго Акта о реформе в Великобритании. Затем мы обращаемся к модели революционной угрозы со стороны бедных, предполагающей переход к полной демократии, что более согласуется с нашим базовым подходом в главе VI.

4.1. Конфликт внутри элиты и переход к полной демократии

Мнение о том, что конфликт внутри элиты играет важную роль в переходе к демократии, поддерживается, в частности, опытом Великобритании, где политическая конкуренция между Дизраэли и Гладстоном была главным фактором политической реформы.

В 1866 г. либеральное правительство Рассела предложило смягчить ограничения на право голоса, связанные с владением собственностью.

Эта мера была отвергнута парламентской коалицией консерваторов, руководимых Дизраэли, и правых либералов, «адулламитов», считавшими такое расширение избирательных прав чрезмерным. Затем либеральный кабинет потерпел крах, и Дизраэли сформировал правительство меньшинства (опирающееся на поддержку только 290 членов парламента, с 360 остающимися вне правящей группы). Затем Дизраэли предложил еще более радикальное расширение избирательных прав, и эта мера была принята.

Как можно истолковать эти события? Одна возможность — утверждать, что у политиков есть сильное желание сохранить власть и они могут расширить избирательные права в расчете на то, что получившие эти права в благодарность проголосуют за их партию (см., например: [Himmelfarb, 1966], где предложена именно такая трактовка данных событий в Великобритании; общее обсуждение этого вопроса см.: [Collier, 1999]). В рамках этой интерпретации Дизраэли расширил избирательные права — то, чему он сначала противился, — потому что решил, что вновь наделенные этими правами проголосуют за консерваторов.

Другой взгляд, потенциально более интересный и в духе нашего подхода, основанного на экономических стимулах, состоит в том, что допущение бедных слоев общества на политическую арену может усилить одну социальную группу за счет другой. Поэтому распространение избирательных прав на бедных есть стратегический шаг для воздействия на будущие политические равновесия. В том классе моделей, которые мы анализируем, включение бедных в политическую систему было бы более выгодно среднему классу в сравнении с богатыми. По этой причине средний класс может попытаться оказывать давление в пользу дальнейшей демократизации для увеличения своей политической власти. Если применять такую интерпретацию британского опыта, нам придется утверждать, что партия тори, возглавляемая Дизраэли, была в большей мере представителем средних классов, нежели богатых землевладельцев, что вряд ли реалистично. В любом случае, мы утверждаем, что этот подход не дает полностью удовлетворительного объяснения переходу от частичной демократии к полной. Тем не менее полезно понимание того, как эта аргументация может развиваться формально.

Чтобы формализовать эти идеи, рассмотрим игру, изображенную на рис. VIII.2. В основе здесь лежат политические соображения, что в частичной демократии, где только богатые и средний класс наделены политическими правами, богатые могут получить власть с некоторой вероятностью — допустим, $q > 0$. Мотивировкой этого является то, что в ограниченной демократии, даже если средний класс более многочислен чем богатые, лоббирование и иные виды осуществления влияния оказываются эффективны для контроля политической системы, что иногда

позволяет богатым контролировать результаты. В полной демократии, по нашему допущению, доминирует численное превосходство (трудно лоббировать или подкупить большое число людей), и мы исходим из того, что $\delta^p < 1/2$, так что медианный избиратель — представитель среднего класса, который, по нашему допущению, определяет результаты политики. Игра начинается, когда средний класс находится у власти, но опасается уступить ее богатым в частичной демократии, с вероятностью q . Поэтому если средний класс сохраняет систему неизменной, то получит наиболее предпочтительную для него ставку налога, τ^m , с вероятностью $1 - q$, но $\tau^N = 0$ с вероятностью q . Соответствующий ожидаемый выигрыш есть, таким образом:

$$V^m(P D) = y^m + (1 - q)(\tau^m(\bar{y} - y^m) - C(\tau^m)\bar{y}).$$

Напротив, если средний класс распространит избирательные права на бедных, то вместе они станут медианным избирателем и выигрыш среднего класса в таком случае составит:

$$V^m(D) = y^m + (\tau^m(\bar{y} - y^m) - C(\tau^m)\bar{y}).$$

Зная, что при включении бедных в политическую систему они станут медианным избирателем, средний класс расширяет политические права и организует переход к полной демократии. Таким образом он получит наиболее предпочтительную для него ставку налога.

РИС. VIII.2. Дизраэли против Гладстона

Логика, лежащая в основе этих институциональных изменений, опять же сходна с нашей базовой аргументацией: некоторая группа, в данном случае средний класс, обладает властью сегодня, но эта власть прехо-

дяща. Поэтому она хочет изменить институты так, чтобы не упустить политическую власть. Ранее соответствующим институциональным изменением было получение права голоса для бедных так, чтобы они сами стали обладать властью. Сейчас же средний класс хочет включить бедных в систему с тем, чтобы они были противовесом богатым, обеспечивая большую власть среднего класса.

Хотя такая точка зрения на конкуренцию внутри элит интересна, в британском случае она не очень поддерживается историческими данными. Консерваторы проиграли выборы 1868 г. сразу же после расширения избирательных прав (и Либеральная партия, протолкнув третий Акт о реформе в 1884 г., проиграла выборы 1885 г.). Так что, если стратегия была нацелена на победу на выборах, она оказалась явным провалом. Хотя тот факт, что консерваторы проиграли выборы, не доказывает, что расширение избирательных прав не было направлено на победу на выборах, другие аспекты этой реформы также представляются несовместимыми со стратегией максимизации отдаваемых за консерваторов голосов. В частности, в результате раскола в вопросе о «хлебных законах», поддержка консерваторов в сущности была сконцентрирована в сельской местности, где землевладельцы-тори при отсутствии тайного голосования осуществляли значительный контроль над электоратом. Реформы, принятые при Дизраэли, увеличили электорат в графствах только на 45% в сравнении со 145% в небольших городах, что действительно гарантировало поражение консерваторов на последующих выборах.

Идея о том, что либералы и консерваторы были готовы расширить избирательные права просто для того, чтобы их партия осталась у власти, также не вполне убедительна. Напротив, обе партии были твердыми противниками дальнейшего расширения избирательных прав. Между 1859 и 1865 гг. либеральный премьер-министр Пальмерстон, который был против расширения избирательных прав, и лидер консерваторов лорд Дерби тайно сговорились о том, что вопрос об избирательном праве никогда не будет подниматься в парламенте [Lee, 1994, p. 138]. В течение этого периода сам Дизраэли был непримиримым оппонентом политической реформы. Выступая против реформы в 1859 г., он сказал:

...Если вы устанавливаете демократию, вы должны в надлежащий срок пожинать плоды демократии. В свой черед, вы получите великое нетерпение общественных организаций, соединенное со временем с огромным ростом социальных расходов. В свой черед, вы пожнете плоды этого объединенного влияния. Далее вы получите войны, в которые вступят из-за страстей, а не рассудка; вслед за этим вы примете условия мира, позорно искомого и позорно полученного, который уменьшит ваш авторитет и, возможно, поставит под угрозу вашу независимость. С демократией вы в определенный момент обнаружите,

что ваша собственность менее ценна и ваша свобода менее полна (цит. по: [Lang, 1999, p. 81–82]).

В целом, наиболее правдоподобная интерпретация межпартийного соперничества в Великобритании в 1860-е и 1870-е годы состоит в том, что хотя обе партии рассматривали расширение избирательных прав как неизбежное в силу возрастающего общественного давления, они ясно видели, что оно может быть структурировано более или менее выгодным для них образом. Это создало сложный «эндшпиль». М. Каулинг [Cowling, 1967, p. 89] утверждает, что Консервативная партия поддержала Дизраэли в 1867 г. потому, что в случае провала акта, «либералы могли затем сделать именно то, что Дерби и Дизраэли пытались предотвратить в 1866 г. — провести Реформу по-своему». Действительно, первым шагом Дизраэли после того, как он стал премьер-министром было предложить *менее* щедрое расширение избирательных прав, но он осознал, что это не получит поддержки большинства. Тогда он сменил его на более радикальное предложение, которое он мог провести, получив поддержку разнородной группы либералов. Единственным триумфом реформы 1867 г. для Дизраэли было то, что она ограничила перераспределение мест в парламенте от графств к небольшим городам, которое в ином случае было бы еще более существенным. Эта стратегия уменьшила воздействие расширения избирательных прав на Консервативную партию и ее электорат. Ф. Смит [Smith, 1966, p. 97] соглашается и утверждает, что «Дерби и Дизраэли... в 1867 г. не решились доверять народу или верить в консервативную демократию. Они сделали то, что считали должным сделать — удовлетворить возбужденное общество и примирить верхушку трудящихся классов с установившейся политической системой».

Другие случаи демократизаций XIX в. в Европе также мало поддерживают представление о том, что переход к полной демократии был способом увеличить долю голосов для одной из подгрупп элит. Например, в Германии угроза революции представляется главным фактором. Имея восставшие воинские части и крах экономики в 1918–1919 гг. в Германии, бывшие политические элиты пытались предотвратить революцию, организовав транзит, наносящий минимальный ущерб их интересам.

Во Франции имелись более выраженные подгруппы внутри элиты. Орлеанисты и легитимисты формировали отдельные фракции внутри монархического лагеря; республиканцы, хотя и про-демократические, были в основном представителями среднего класса и не поддерживали всеобщее избирательное право для мужчин в 1848 г. Когда монархия потерпела крах в 1848 г., эти группы вынуждены были уступить требованиям революционеров. Это же верно и для времени после 1870 г. Конфликты того времени, в особенности Коммуна, навязали демократию

в духе 1848 г. Хотя ни одна группа внутри элиты не была привержена всеобщему избирательному праву для мужчин, они были вынуждены вновь его ввести.

Шведский сценарий, возможно, наиболее близок британскому. В 1906 г. первое в истории правительство Либеральной партии пало после того, как не смогло провести закон о введении всеобщего избирательного права для мужчин. Затем реформа была проведена в 1909 г. консервативным правительством во главе с Линдманом. Как в случае с Дизраэли в 1867 г., «Линдман и его консервативное министерство, вставшее у власти через год после провала либералов в 1906 г., увидели возможность провести политическую реформу на своих условиях» [Collier, 1999, p. 84]. Хотя избирательное право для мужчин было допущено при выборах в одну палату, консерваторы по-прежнему контролировали другую благодаря сохранению возможности голосования одного избирателя в нескольких округах и ограничению избирательного права только для налогоплательщиков. Как и в Великобритании, этот ход событий не был результатом попыток консерваторов получить голоса, но скорее мерой по ограничению ущерба перед лицом возрастающего общественного давления в пользу полной демократии.

4.2. Угроза революции и переход к полной демократии

Итак, если переход к полной демократии не был результатом конкуренции внутри элиты, что было его причиной? Наш ответ, что не удивительно, таков: это снова угроза революции со стороны лишенных избирательных прав бедных. Как это иллюстрирует глава I, в годы перед вторым Актом о реформе в Великобритании имели место значительные политические и социальные волнения. В главе III мы рассмотрели данные, свидетельствующие о том, что во многих других странах политические реформы часто были движимы подобными же силами. Таким образом, мы полагаем, что необходима модель в духе описанных в главе VI, чтобы понять переход от частичной демократии к полной.

Теперь проанализируем переход общества от частичной демократии к полной связанный с тем, что бедные бросают эффективный вызов системе или представляют революционную угрозу. Лежащая в основе этого анализа экономическая модель — та же, что и наша основная трех-классовая модель, описанная выше.

Чем отличается эта модель от описанной в главе VI? Главные отличия в том, что без дальнейших институциональных изменений мы находимся в условиях частичной демократии; средний класс играет политически решающую роль в отношении ставки налога в частичной демократии; и учитывая то, что $\bar{y} > y^m$, будет иметь место положительная ставка налога и, следовательно, перераспределение в пользу бедных, даже когда они

исключены из политической системы. На рис. VIII.3 изображено дерево игры. Угроза революции теперь исходит от бедных и принимает те же формы, что и в главе VI. После революции бедным достается остающийся доход, а средний класс и богатые не получают ничего. Точнее, если происходит революция, то мы имеем:

$$V^p(R, \mu) = \frac{(1-\mu)\bar{y}}{\delta^p}$$

и $V^m(R, \mu) = V^r(R, \mu) = 0$.

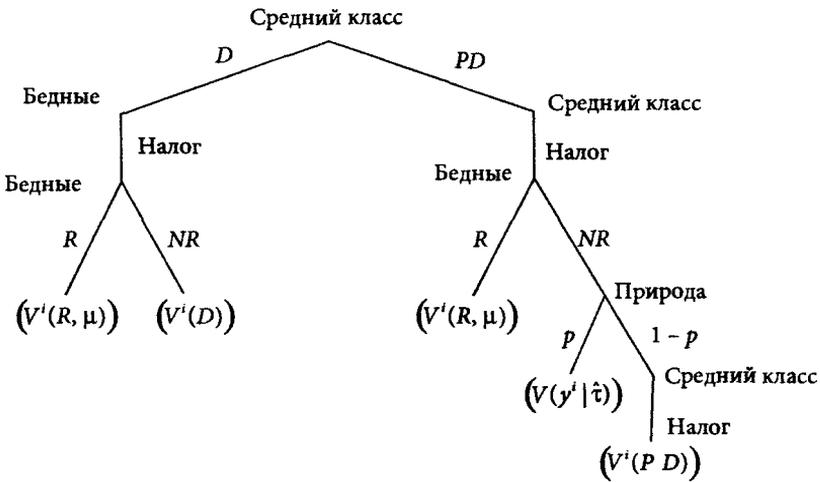

РИС. VIII.3. От частичной к полной демократии

Важно, что без дальнейшей демократизации мы остаемся в частичной демократии, и соответствующие выигрыши определяются согласно (VIII.9). Из этого следует, что условие революции теперь выглядит иначе, потому что существующая система перераспределяет при ставке налога τ^{PD} . В частности, в этом случае ограничение революцией потребовало бы, чтобы

$$V^p(R, \mu) > V^p(PD),$$

что эквивалентно:

$$\mu < 1 - \theta^p - (\tau^m(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^m)). \tag{VIII.16}$$

Вдобавок к этому, частичная демократия может теперь обещать налогообложение при ставке τ^{PD} , большей, чем τ^m , таким же образом как богатые обещали большее перераспределение в недемократии для предот-

вращения революции. Разница в том, что если обладатели политической власти — средний класс и богатые — получают возможность изменить налог, они снизят его не до нуля, а до ставки налога, наиболее предпочтительной для медианного (среди имеющих право голоса) избирателя, который в данном случае является представителем среднего класса. Таким образом, выигрыши трех социальных групп при обещанном существующим режимом будущем перераспределении таковы:

$$V^i(P, D, \tau^{p, D}) = y^i + p(\tau^{p, D}(\bar{y} - y^i) - C(\tau^{p, D})\bar{y}) + (1-p)(\tau^m(\bar{y} - y^i) - C(\tau^m)\bar{y}) \quad (\text{VIII.17})$$

для $i = p, m, r$. Мы учитываем тот факт, что если средний класс берется менять ставку налога, то избирает предпочтительную для него ставку и устанавливает τ^m . Следуя нашему предыдущему анализу, теперь можно определить критический уровень, μ^* , такой что при μ^* мы имеем:

$$V^p(P, D, \tau^{p, D} = \tau^p) = V^p(R, \mu^*)$$

или

$$\mu^* = 1 - \theta^p - (p(\tau^p(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^p)) + (1-p)(\tau^m(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^m))) \quad (\text{VIII.18})$$

Важное новое обстоятельство, к которому мы вернемся в дальнейшем, состоит в том, что μ^* уменьшается с уменьшением τ^m . Интуитивно понятно, что, когда существующий режим больше перераспределяет, легче убедить бедных обещаниями будущего перераспределения, потому что, даже когда существующий режим получит возможность изменить налог, определенное перераспределение сохранится. Из этого следует: когда средний класс отдает предпочтение большему перераспределению, легче убедить бедных не совершать революции и соответственно проще избежать демократизации.

Наконец, нужно проверить утверждение, что переход к полной демократии предотвращает революцию. Рассмотрение вопроса показывает, что, когда $\delta^p < 1/2$, полная демократия также реализует налоговую ставку, наиболее предпочтительную для представителей среднего класса. Таким образом, в данном случае полная демократия не отличается от частичной. Более интересен тот случай, когда $\delta^p \geq 1/2$, так что медианный избиратель в полной демократии является представителем бедноты, и демократия ведет к ставке налога, наиболее предпочтительной для бедных, τ^p . В этом случае полная демократизация предотвращает революцию при условии $V^p(R, \mu) \leq V^p(D)$, что эквивалентно:

$$\mu \geq 1 - \theta^p - (\tau^p(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^p)). \quad (\text{VIII.19})$$

Рассмотрев этот вопрос, можно сформулировать:

Теорема VIII.2. *В игре, изображенной на рис. VIII.3, существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, такое что:*

- Если (VIII.16) не имеет места, то частичная демократия устанавливает ставку налога, наиболее предпочтительную для среднего класса, $\tau^{P,D} = \tau^m$.
- Если (VIII.16) имеет место, то (1) $\delta^p \geq 1/2$ и (VIII.19) не выполняется или (2) $\delta^p < 1/2$ и $\mu < \mu^*$, и наступает революция.
- Если (VIII.16) имеет место и $\mu \geq \mu^*$, то существующий режим предотвращает переход к полной демократии, обещая перераспределение при ставке налога $\tau^{P,D} = \hat{\tau}$, такой что $V^p(P,D, \tau^{P,D} = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu)$.
- Наконец, если (VIII.16) и (VIII.19) имеют место, $\delta^p \geq 1/2$, и $\mu < \mu^*$, то происходит переход к полной демократии, что дает достоверные гарантии будущего перераспределения в пользу бедных.

По большей части результаты этой теоремы аналогичны результатам теоремы VI.1. Однако имеется новый важный результат. Мы знаем, что τ^m выше, когда средний класс относительно беден (т.е. когда θ^m / δ^m мало по величине). Однако наш анализ показывает, что высокий уровень τ^m делает частичную демократию более привлекательной для бедных и уменьшает μ^* . В результате общества, в которых средний класс относительно беден, могут предотвратить угрозу революции без необходимости полной демократизации. Здесь именно средний класс играет ключевую роль при отсутствии демократии (или частичной демократии), и если он отступится от каких-либо данных бедным обещаниям, то вернется к предпочитаемой им политике, τ^m . Если средний класс относительно беден, τ^m будет не очень далека от τ^p , политики, предпочитаемой бедными. В этом случае тот факт, что средний класс может оказаться неспособным предоставить достоверные гарантии τ^p , не так важен, революция менее привлекательна, и возникновение демократии менее вероятно. Таким образом, эта модель говорит о том, что полная демократизация более вероятна не только когда бедные бедны, но также когда средний класс относительно богат. Этот результат, конечно, согласуется с мнением тех исследователей, которые доказывали важность силы и богатства среднего класса для демократизации.

5. РЕПРЕССИИ: СРЕДНИЙ КЛАСС КАК БУФЕР

В этом разделе мы вновь возвращаемся к простой игре, проанализированной в разделе 3, где и средний класс, и бедные лишены права голоса, но делаем альтернативное допущение о том, что угрозу революции представляют собой бедные. В реальности, и средний класс, и бедные представляют угрозу, когда они не имеют допуска к политической власти.

В данном случае важно, какой группе принадлежит ведущая роль. В предыдущем разделе рассматривалась ситуация, когда и средний класс, и бедные были лишены избирательных прав, но ведущую роль играл средний класс. Здесь же мы рассматриваем альтернативный сценарий: как и в нашей базовой модели демократизации в главе VI, богатые должны удовлетворить требованиям бедных, чтобы предотвратить революцию. Принципиальное отличие, однако, заключается в том, что мы вновь вводим возможность применения богатыми репрессий для предотвращения революции. Ключевой вопрос состоит в следующем: когда богатые предпочтут скорее репрессии, чем демократизацию?

В данной модели наличие среднего класса может служить буфером между богатыми и бедными и позволить обществу избежать репрессий. Поэтому репрессии более вероятны в тех обществах, где средний класс невелик или относительно беден.

Лежащая в основе этих утверждений модель та же, что и наша базовая трехклассовая модель. Агенты по-прежнему ориентируются на остающийся после налогов доход, но вдобавок к этому, если богатые избирают репрессивную стратегию, то учитываются и потенциальные издержки репрессий. Точнее, полезность представителя класса i в данном случае сейчас принимает форму (VI.8).

На рис. VIII.4 изображено дерево игры. Богатые имеют две возможности демократизации: частичную или полную. Ключевое революционное решение теперь принимается бедными (они могут совершить революцию даже без помощи среднего класса). Вдобавок к этому по-прежнему обещание перераспределять, даваемое богатыми, не стопроцентно, поскольку они могут изменить ставку налога после того, как угроза революции спадет, с вероятностью $1 - p$.

Выигрыши в результате революции аналогичны прежним, но поскольку бедные являются главными субъектами революции, мы допускаем, для простоты, что только они делят между собой этот выигрыш. Таким образом, выигрыш бедных от революции есть:

$$V^p(R, \mu) = \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{\delta^p}. \quad (\text{VIII.20})$$

Средний класс и богатые не получают после революции ничего, так что $V^m(R, \mu) = V^r(R, \mu) = 0$.

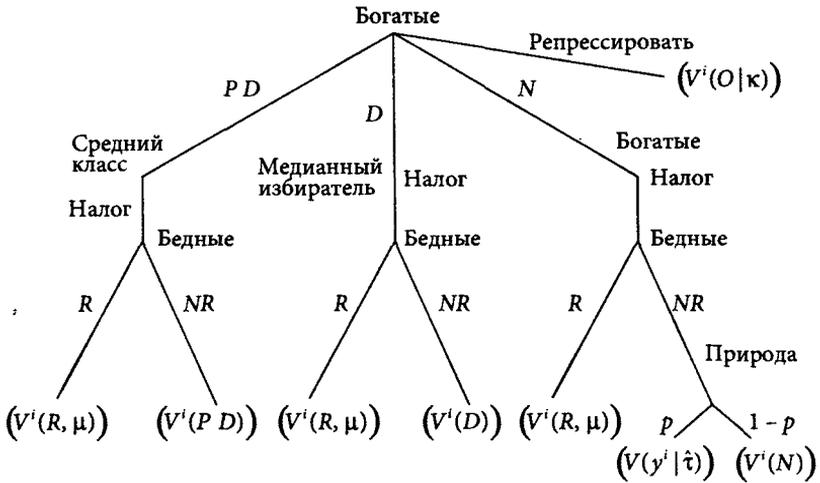

РИС. VIII.4. Средний класс как буфер

Условие угрозы революции выполняется, если бедные предпочитают революцию отсутствию перераспределения при существующей системе, или если $V^p(R, \mu) = (1 - \mu)\bar{y}/\delta^p > y^p$. Это условие может быть записано как:

$$\theta_p < 1 - \mu. \quad (\text{VIII.21})$$

Как и ранее, богатые могут ответить на угрозу революции обещанием перераспределения; такое обещание лишь отчасти достоверно, поскольку у богатых есть возможность изменить ставку налога с вероятностью p как только эта угроза спадет. Выигрыши трех групп, когда богатые сохраняют политическую власть и обещают перераспределение при ставке налога $\hat{\tau}$, заданы (VIII.8) при $\tau^N = \hat{\tau}$.

Если богатые избирают частичную демократию, PD , тогда лишь средний класс наделяется избирательными правами и при допущении, что $\delta^p > \delta^m > \delta^r$, в этой частичной демократии богатые являются меньшинством и устанавливается ставка налога, наиболее предпочтительная для среднего класса. В силу допущения, эта ставка налога, τ^m , строго положительна. Таким образом, мы имеем выигрыши $V^i(PD)$ задаваемые (VIII.9).

И наконец, выигрыши в демократии зависят от того, является ли медианный избиратель представителем бедных или среднего класса. Вспомним, что это зависит от того, больше или меньше δ^p чем $1/2$. Эти выигрыши даны в (VIII.10), со ставкой налога, определяющейся (VIII.11). Как и ранее, если $\delta^p < 1/2$, то $V^r(PD) = V^r(D)$, но когда $\delta^p \geq 1/2$, мы имеем $V^r(PD) > V^r(D)$.

Как и в анализе, проведенном в главе VI и в разделе 3, чрезвычайно важно, может ли обещание перераспределения предотвратить революцию. Но теперь, в противоположность той ситуации, когда ведущая роль принадлежала среднему классу, именно бедных нужно умиротворить, чтобы предотвратить революцию. Таким образом, для предотвращения революции необходимо, чтобы

$$V^p(N, \tau^N) \geq V^p(R, \mu). \quad (\text{VIII.22})$$

Поскольку наивысший выигрыш, который богатые могут предложить бедным, достигается при ставке налога τ^p , наиболее предпочтительной для бедных, что эквивалентно:

$$V^p(N, \tau^N = \tau^p) \geq V^p(R, \mu).$$

Определим μ^* такое, что это условие выполняется в виде равенства:

$$\mu^* = 1 - \theta^p - p(\tau^p(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^p)). \quad (\text{VIII.23})$$

Теперь богатые также могут попытаться предотвратить революцию, предприняв частичную демократизацию. После частичной демократизации медианный избиратель является представителем среднего класса и выбирает ставку налога $\tau^{pD} = \tau^m$. Эта стратегия предотвращает революцию, если

$$V^p(PD) \geq V^p(R, \mu),$$

или если

$$\mu \geq 1 - \theta^p - (\tau^m(\delta^p - \theta^p) - \delta^p C(\tau^m)). \quad (\text{VIII.24})$$

Наконец, необходимо учесть выигрыши от репрессий, которые выглядят следующим образом:

$$V^i(O|k) = (1 - k)y^i \quad (\text{VIII.25})$$

для $i = p, m, r$.

Дальнейший анализ аналогичен предыдущему: в частности, необходимо определить пороговые значения для издержек репрессий, такие, что для богатых нет разницы между репрессиями и другими имеющимися у них альтернативами. Обозначим эти пороговые значения \hat{k} и $\tilde{k}(\tau)$, так что богатые безразличны к имеющимся у них вариантам действия при этих пороговых уровнях. Второй порог обусловлен ставкой налога, которая обеспечит либо демократию, τ^D , либо частичную демократию, τ^{pD} . Точнее, мы имеем:

$$V^r(O | \hat{k}) = V^r(N, \tau^N = \hat{\tau}),$$

где $\hat{\tau}$ такова, что $V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu)$. Другими словами:

$$\hat{k} = \frac{p}{\theta^r} (\delta^r C(\hat{\tau}) - \hat{\tau}(\delta^r - \theta^r)). \quad (\text{VIII.26})$$

Таким образом, при \hat{k} богатым нет разницы между перераспределением и репрессиями. В результате, для всех $k < \hat{k}$, они предпочитают репрессии обещанию перераспределения. Из этого следует, что одно множество конфигураций параметров, при которых возникают репрессии, определяется условиями $\mu \geq \mu^*$ и $k < \hat{k}$.

Затем определим порог, при котором элиты безразличны как к демократизации, так и к репрессиям при $\tilde{k}(\tau)$ в качестве функции ставки налога в демократии:

$$V^r(O | \tilde{k}(\tau)) = V^r(D) \quad (\text{VIII.27})$$

или

$$V^r(O | \tilde{k}(\tau)) = V^r(PD). \quad (\text{VIII.28})$$

Оба эти условия дают одну и ту же формулу:

$$\tilde{k}(\tau) = \frac{1}{\theta^r} (\delta^r C(\tau) - \tau(\delta^r - \theta^r)), \quad (\text{VIII.29})$$

где $\tau = \tau^D$, если выигрыш от репрессии уравнивается с выигрышем в случае полной демократии (т.е. (VIII.27)), или $\tau = \tau^{PD}$, если значимым оказывается выигрыш в случае частичной демократии (т.е. (VIII.28)).

При $\tilde{k}(\tau)$ богатым нет разницы между репрессиями и либо частичной, либо полной демократизацией, что ведет к ставке налога $\tau \in \{\tau^D, \tau^{PD}\}$. В результате для всех $k < \tilde{k}(\tau)$ они предпочитают репрессию демократизации. Таким образом, еще одно множество значений параметров, в котором репрессия является равновесным результатом, описывается условиями $\mu < \mu^*$ и $k < \tilde{k}(\tau)$:

Теорема VIII.3. Допустим, что выполняется условие (VIII.19). В игре, изображенной на рис. VIII.4, существует единственное равновесие, совершенное на подыграх. При определенных выше μ^* , $\tilde{k}(\tau)$, и \hat{k} справедливы следующие утверждения:

- Если (VIII.21) не имеет места, богатые устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = \tau^r$.
- Если (VIII.21) имеет место, то:

1. Если $\mu < \mu^*$ и выполняется (VIII.24), а $\delta^p \geq 1/2$ и $\kappa \geq \tilde{\kappa}(\tau^{p,D})$, то богатые предпринимают частичную демократизацию.
2. Если $\mu < \mu^*$, (VIII.24) не выполняется, а $\kappa \geq \tilde{\kappa}(\tau^D)$ и $\delta^p \geq 1/2$, то богатые проводят полную демократизацию.
3. Если (1) $\mu < \mu^*$, (VIII.24) не выполняется, и $\delta^p < 1/2$; или (2) $\mu < \mu^*$, (VIII.24) не выполняется, $\kappa < \tilde{\kappa}(\tau^D)$ и $\delta^p \geq 1/2$; или (3) $\mu < \mu^*$, (VIII.24) выполняется и $\kappa < \tilde{\kappa}(\tau^{p,D})$; или (4) $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \hat{\kappa}$, то богатые применяют репрессии.
4. Если $\mu \geq \mu^*$ и $\kappa \geq \hat{\kappa}$, богатые предотвращают демократизацию, обещая перераспределение с налоговой ставкой $\tau^N = \hat{\tau}$, такой что $V^p(N, \tau^N = \hat{\tau}) = V^p(R, \mu)$.

Чтобы понять главный результат этой теоремы, обратим внимание на следующее — когда имеет место условие угрозы революции, существует несколько возможностей развития ситуации. Во-первых, богатые не в состоянии сохранить власть путем уступок ($\mu < \mu^*$), но выполняется (VIII.24) и $\delta^p \geq 1/2$. Это означает, что частичной демократизации достаточно для того, чтобы избежать революции, в сущности потому, что средний класс предпочитает больше перераспределения, чем богатые. Более того, поскольку $\delta^p \geq 1/2$, полная демократизация привела бы к власти бедных, чего богатые желали бы по-возможности избежать. В этом случае частичная демократизация происходит, если $\kappa \geq \tilde{\kappa}(\tau^{p,D})$, так что репрессии относительно дорогостоящи. Во-вторых, полная демократизация имеет место потому, что ни уступки, ни частичная демократизация не срабатывают (т.е. $\mu < \mu^*$ и (VIII.24) не выполняется), а репрессии относительно дорогостоящи (т.е. $\kappa \geq \tilde{\kappa}(\tau^D)$). Поскольку $\delta^p \geq 1/2$ и (VIII.19) имеет место, создание полной демократии ведет к ставке налога τ^p , при которой удастся избежать революции. В-третьих, ситуация применения репрессии. Это случается в четырех случаях. В первом уступки бедным снова не срабатывают, (VIII.24) не выполняется, и $\delta^p < 1/2$. Тогда при частичной демократии перераспределения недостаточно для того, чтобы избежать революции. Более того, при полной демократизации медианный избиратель находится в среднем классе и, поскольку в таком случае ставка налога равна τ^m , невыполнение (VIII.24) также подтолкнет бедных к революции. Это означает, что богатые не имеют иного выбора, кроме репрессий, если они хотят избежать революции. Во втором случае снова ни репрессии, ни частичная демократизация не позволяют избежать революции, но поскольку $\delta^p \geq 1/2$ и (VIII.19) имеет место, этого можно добиться полной демократизацией. Тем не менее когда $\kappa < \tilde{\kappa}(\tau^D)$, предпочтение отдается не полной демократизации, а репрессии. В третьем случае уступки не срабатывают, но срабатывает частичная демократизация и $\kappa < \tilde{\kappa}(\tau^{p,D})$. Здесь, хотя ча-

стичной демократизации было бы достаточно для предотвращения революции, богатые находят лучшим для себя применить репрессии, чем наделить избирательными правами средний класс. Четвертый случай: уступки срабатывают, но репрессии дешевле ($\mu \geq \mu^*$ и $\kappa < \hat{\kappa}$). Последний случай нам уже знаком: уступки срабатывают и репрессии относительно дороги, так что богатые сохраняют власть, установив налог, достаточно высокий для того, чтобы умиротворить бедных.

Данная теорема аналогична теореме VI.2. Главное отличие в том, что теперь один из двух ключевых порогов, $\bar{\kappa}(\tau)$, зависит от уровня доходов среднего класса. Очевидно, что $\bar{\kappa}(\tau)$, возрастает вместе с возрастанием τ , и таким образом, более высокий уровень налоговой ставки в демократии, τ , делает репрессии более привлекательными для богатых. Налоги в демократии выше, когда медианный избиратель является представителем бедного класса (т.е. $\delta^p \geq 1/2$), что соответствует случаю, когда средний класс небольшой, так что бедные играют решающую роль в демократии, или когда медианный избиратель является представителем среднего класса (т.е. $\delta^p < 1/2$), но он относительно беден и предпочитает более высокие налоги.

Поэтому относительно большой и богатый средний класс может сделать демократию менее дорогостоящей для богатых и может действовать как буфер между бедными и богатыми, делая репрессии менее вероятными. И наоборот, когда средний класс малочислен или беден, богатые могут быть более склонны предпринять репрессии. Оговорка «могут» необходима, поскольку необязательно это будет всегда так. Например, если θ^m возрастает, τ^m падает и (VIII.24) становится менее вероятным. Если $\mu < \mu^*$, (VIII.24) перестает выполняться и $\delta^p < 1/2$, то богатые переходят к репрессиям, так как ни частичная, ни полная демократия не перераспределяют богатство достаточно для того, чтобы остановить революцию.

6. РЕПРЕССИИ: СТОРОННИКИ МЯГКОЙ ЛИНИИ ПРОТИВ СТОРОННИКОВ ЖЕСТКОЙ ЛИНИИ

В предыдущем разделе рассматривалась модель, в которой богатым приходилось выбирать между репрессиями и демократизацией для предотвращения угрозы революции со стороны бедных, которые до этого были исключены из политической системы. Мы также исходили из того, что средний класс, как и бедные, был вне политической системы. Поэтому демократизация давала среднему классу, так же как и бедным, политическую власть, и таким образом средний класс играл важную роль, влияя на баланс между репрессиями и демократизацией. При многочисленном и относительно богатом среднем классе богатые ожидали, что в демо-

кратии они не столкнутся с высокими налогами, и была большая вероятность, что они предпочтут скорее демократизацию, чем репрессии.

В данном разделе анализируется сходная игра. Однако на сей раз и богатые, и средний класс являются частью правящей коалиции и должны вместе решать, обещать ли перераспределение в пользу бедных при существующем режиме, проводить ли демократизацию или применить репрессии. Ключевой вывод анализа в том, что богатые всегда настроены в пользу репрессий больше, чем средний класс. Тому есть простая причина: богатые теряют от прераспределяющих налогов больше, чем средний класс.

Это различие отношения богатых и среднего класса к репрессиям дает возможность формализовать часто проводимое различие сторонников мягкой и жесткой линий в диктатурах. Утверждается, особенно в контексте латиноамериканских и южноевропейских переходов к демократии, что нередко имеет место раскол внутри элит, контролирующих диктатуры: сторонники жесткой линии хотят применять силу, чтобы продлить существование диктатуры; сторонники мягкой линии пытаются управлять «мягкой посадкой» в демократию.

Но кто такие сторонники жесткой и мягкой линий? Очевидно, что элиты в недемократических режимах неоднородны, но каковы главные источники этой неоднородности? Наша трехклассовая модель дает простой ответ, помещая сторонников мягкой линии в число представителей среднего класса, а сторонников жесткой — в число представителей богатых. В главе IX мы показываем, что могут быть и иные расколы элит, например, между землевладельцами и капиталистами по тем же линиям, но в данном разделе в центре нашего внимания трехклассовая модель, в которой единственное различие в элитных подыграх сосредоточено в уровнях дохода, а не в видах деятельности, приносящих эти доходы.

Экономическая модель в этом случае та же, что и прежде, с тремя группами агентов. В недемократии, когда богатые и средний класс имеют различные предпочтения, нужно предложить способ агрегирования их расходящихся предпочтений, особенно в отношении решения о применении репрессий к бедным. До сих пор в этой главе при моделировании частичной демократии мы рассматривали ее как ситуацию, в которой одни лишь предпочтения среднего класса определяли государственную политику, по крайней мере если она не подвергалась ограничениям из-за угрозы революции. Здесь мы принимаем иной подход, при котором значимыми оказываются предпочтения и богатых, и среднего класса. Мы предполагаем, что государственная политика в недемократическом обществе выбирается в соответствии с утилитаристской функцией общественного благосостояния, так что решение о репрессиях максимизирует взвешенную сумму полезностей богатых и среднего класса.

Такой подход может быть обоснован различными способами, но он является естественным расширением нашей модели в главе IV, в которой параметр χ отражал власть элит в демократии. Мы утверждали (и подкрепили свою аргументацию в приложении к главе IV), что многие модели демократической политики позволяют предложить различные микроэкономические основания для введения χ . Таким образом, вообще говоря можно рассматривать демократическую ставку налога как максимизирующую взвешенную сумму полезностей, а модель медианного избирателя как особый случай с $\chi = 0$. Аналогичная аргументация позволяет рассматривать проблему агрегирования предпочтений внутри элиты таким же образом и считать, что решение о репрессиях максимизирует взвешенную сумму полезностей богатых и среднего класса. Так, можно рассматривать контроль элит как ограниченную форму демократии (примером служит большинство европейских и латиноамериканских стран до введения всеобщего избирательного права), в рамках которой политические партии конкурируют лишь за голоса членов и фракций элит. Для простоты (и без того чтобы это повлияло на основные результаты) мы идем далее, делая допущение о том, что веса предпочтений различных подгрупп элит одни и те же, так что решение о репрессиях просто максимизирует сумму полезностей элит.

Пусть снова имеется возможность демократизации и по-прежнему обещание богатых перераспределять доходы в пользу бедных не является вполне достоверным, поскольку элиты могут изменить ставку налога после того, как угроза революции спадет, с вероятностью $1 - p$.

Мы исходим из допущения, что выигрыш от революции аналогичен рассмотренному ранее, и получают его только бедные. Выигрыш бедных от революции — $V^p(R, \mu) = (1 - \mu)\bar{y}/\delta^p$ с $V^m(R, \mu) = V^r(R, \mu) = 0$.

Как обычно, ограничение в виде угрозы революции возникает в тех случаях, когда бедные предпочитают революцию существующей системе или когда $(1 - \mu)\bar{y}/\delta^p > y^p$. Соответствующее условие угрозы революции может быть записано как:

$$1 - \mu > \theta^p. \quad (\text{VIII.30})$$

В этом разделе мы предполагаем, что это условие наличествует.

Выигрыши для трех различных групп, когда сохраняется существующая система и обещано перераспределение при ставке налога τ^{pD} , снова заданы $V^i(P, D, \tau^{pD})$ в (VIII.17). Поскольку и богатые, и средний класс являются частью правящей коалиции, мы называем этот режим частичной демократией.

Выигрыши в полной демократии зависят от того, является ли медианный избиратель представителем бедных или среднего класса. Вспом-

ним, что это зависит от того, больше или меньше δ^p чем $1/2$. Здесь мы исходим из того, что $\delta^p \geq 1/2$, так что:

$$V^i(D) = y^i + (\tau^p(\bar{y} - y^i) - C(\tau^p)\bar{y}).$$

Как и в нашем предыдущем анализе и в главе VI, обещание перераспределения лишь отчасти достоверно и предотвращает революцию, только если $V^p(PD, \tau^{pD}) \geq V^p(R, \mu)$. Мы вновь можем определить критическое значение, μ^* , такое что при μ^* ,

$$V^p(PD, \tau^{pD} = \tau^p) = V^p(R, \mu^*).$$

Ради простоты сосредоточимся на случае $\mu < \mu^*$, т.е. обещания перераспределения недостаточно для того, чтобы предотвратить революцию. Таким образом, имеется выбор между демократизацией и репрессиями. Выигрыши от репрессий даны в (VIII.25).

Мы снова определяем два пороговых значения, но теперь одно относится к богатым, а другое к среднему классу, которые делают соответствующую группу безразличной к выбору между демократизацией и репрессиями. Обозначим эти два критических значения для богатых и среднего класса соответственно $\tilde{\kappa}^r$ и $\tilde{\kappa}^m$. Они определяются из условий:

$$V^r(O|\tilde{\kappa}^r) = V^r(D) \quad \text{и} \quad V^m(O|\tilde{\kappa}^m) = V^m(D),$$

или подробнее:

$$\tilde{\kappa}^r = \frac{1}{\theta^r} (\delta^r C(\tau^p) - \tau^p (\delta^r - \theta^r)), \quad (\text{VIII.31})$$

$$\tilde{\kappa}^m = \frac{1}{\theta^m} (\delta^m C(\tau^p) - \tau^p (\delta^m - \theta^m)).$$

Как и ранее, богатые предпочитают демократизации репрессии при $\kappa < \tilde{\kappa}^r$, тогда как средний класс предпочитает демократизации репрессии при $\kappa < \tilde{\kappa}^m$.

Важно что, поскольку $\theta^r/\delta^r > \theta^m/\delta^m$ (в силу того факта, что богатые богаче среднего класса), мы получаем, что $\tilde{\kappa}^m < \tilde{\kappa}^r$; таким образом, для $\kappa \in [\tilde{\kappa}^m, \tilde{\kappa}^r)$, богатые хотят применять репрессии, тогда как средний класс предпочитает репрессиям демократизацию. Таким образом, в этом интервале предпочтения двух фракций элиты расходятся. Тогда репрессии избираются, если

$$\delta^r V^r(O|\kappa) + \delta^m V^m(O|\kappa) > \delta^r V^r(D) + \delta^m V^m(D)$$

или если

$$\delta^r(1-\kappa)y^r + \delta^m(1-\kappa)y^m > \delta^r(y^r + \tau^p(\bar{y} - y^r) - C(\tau^p)\bar{y}) + \\ + \delta^m(y^m + \tau^p(\bar{y} - y^m) - C(\tau^p)\bar{y}).$$

Теперь, подставляя определения для y^r и y^m и деля на \bar{y} , находим, что репрессии применяются, если

$$\kappa < \frac{1}{(\theta^r + \theta^m)} \left(\delta^r C(\tau^p) - \tau^p(\delta^r - \theta^r) + \delta^m C(\tau^p) - \tau^p(\delta^m - \theta^m) \right).$$

Используя определения $\tilde{\kappa}^r$ и $\tilde{\kappa}^m$, также получаем:

$$\kappa < \tilde{\kappa}^e = \frac{\theta^r \tilde{\kappa}^r + \theta^m \tilde{\kappa}^m}{(\theta^r + \theta^m)},$$

где $\tilde{\kappa}^e \in (\tilde{\kappa}^m, \tilde{\kappa}^r)$. Если $\kappa < \tilde{\kappa}^e$, то предпочтения богатых определяют выбор репрессий, тогда как если $\kappa \geq \tilde{\kappa}^e$, то побеждают предпочтения среднего класса и создается демократия, даже несмотря на то что богатые предпочли бы применение репрессий, когда $\kappa \in [\tilde{\kappa}^e, \tilde{\kappa}^r)$.

Как и ранее, нам также нужно обеспечить, чтобы демократизация предотвращала революцию: это условие представлено в (VIII.19). Приведенный анализ суммируется следующим образом.

Теорема VIII.4. Допустим, что $\delta^p \geq 1/2$, $\mu < \mu^*$, $1 - \mu > \theta^p$ и (VIII.19) имеет место, т.е. демократизация предотвращает революцию. Тогда единственное равновесие, совершенное на подыграх, обладает следующими свойствами:

- Если $\kappa \geq \tilde{\kappa}^r$, то и богатые, и средний класс предпочитают демократизацию репрессиям и демократизация обеспечивает достоверные гарантии будущего перераспределения.
- Если $\kappa < \tilde{\kappa}^m$, то и богатые, и средний класс предпочитают репрессии демократизации и применяют репрессии для предотвращения революции.
- Если $\kappa \in [\tilde{\kappa}^m, \tilde{\kappa}^r)$, то богатые предпочитают репрессии демократизации, тогда как средний класс предпочитает демократизацию репрессиям. Если $\kappa < \tilde{\kappa}^e$, элиты применяют репрессии для того, чтобы избежать демократизации, тогда как если $\kappa \geq \tilde{\kappa}^e$, они проводят демократизацию.

Эта теорема, особенно тот случай, когда $\kappa \in [\tilde{\kappa}^m, \tilde{\kappa}^r)$, отображает различные позиции сторонников мягкой линии (в данном случае среднего класса) и сторонников жесткой линии (в данном случае богатых). Сторонники жесткой линии больше теряют от демократизации и предпо-

читают репрессии, даже тогда, когда сторонники мягкой линии предпочитают переход к демократии.

Эта модель может быть применена для формализации идеи, согласно которой демократизация происходит в случае раскола среди элит. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим случай, когда $k < \tilde{k}^m$, так что сначала обе фракции элит одобряют репрессии. Теперь рассмотрим ситуацию, в которой k возрастает. Например, издержки репрессий могут увеличиться потому, что окончание холодной войны делает международное сообщество более продемократическим, или демократизации в соседних странах делают репрессии менее осуществимыми. В этом случае k может сдвинуться в тот регион, где $k \in [\tilde{k}^m, \tilde{k}^e]$. Первоначально богатые по-прежнему одобряют репрессии, тогда как средний класс переходит на сторону демократии. В этом случае элиты оказываются расколотыми в том смысле, что их различные сегменты предпочитают различную политику. Тем не менее пока $k \in [\tilde{k}^m, \tilde{k}^e]$, предпочтения богатых доминируют и в равновесии применяются репрессии. Однако если k возрастает сверх \tilde{k}^e , даже несмотря на то что богатые по-прежнему одобряют репрессии, доминируют предпочтения средних классов и происходит демократизация. В этот момент раскол элит ведет к демократизации, но только когда могущество средних классов в составе элит достаточно велико. В нашей модели агрегирования предпочтений (утилитаристской функции общественного благосостояния) при увеличении k обе группы становятся менее склонными к репрессиям, что может изменить решения элит, даже если богатые по-прежнему предпочитают репрессии.

Также интересно, что разногласия между богатыми и средним классом относительно репрессий становятся сильнее, когда средний класс относительно беден. Когда средний класс относительно богаче (т.е. когда θ^m / δ^m выше), возрастают его потери от демократизации и он склоняется в сторону репрессий.

7. РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА В КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИИ

В этом разделе внимание будет уделено уже не созданию демократии, а изучению того, как средний класс может играть важную роль в демократической консолидации. Мы продемонстрируем, как большой и относительно богатый средний класс может помочь консолидировать демократию. Интуитивно понятно, что, когда медианный избиратель является представителем среднего класса, демократия перераспределяет не в столь широких масштабах, причем размер перераспределения сокращается с ростом богатства среднего класса. Как только демократия становится менее перераспределительной, богатые становятся менее за-

интересованными в смене режима и выживание демократии становится более вероятным.

Вернемся к трехклассовой модели, сохраняя ее основную структуру. Мы исходим из допущения, что медианный избиратель в полной демократии является членом среднего класса и предпочитает ставку налога $\tau^m > 0$. Из этого следует, что выигрыши $V^i(D)$ удовлетворяют (VIII.10) при $\tau^D = \tau^m$. Богатые должны решить, устраивать ли государственный переворот, выигрыши после которого оказываются равными

$$V^i(C, \varphi) = (1 - \varphi)y^i$$

для $i = p, m, r$.

Как и ранее, медианный избиратель может отреагировать на угрозу переворота обещанием перераспределения, которое оказывается лишь частично достоверным, поскольку имеется возможность изменить налог с вероятностью p как только угроза переворота исчезнет. Выигрыши для трех различных групп в демократии и при обещании перераспределения при ставке налога $\tau^D \leq \tau^m$, таковы:

$$V^i(D, \tau^D) = y^i + p(\tau^D(\bar{y} - y^i) - C(\tau^D)\bar{y}) + (1 - p)(\tau^m(\bar{y} - y^i) - C(\tau^m)\bar{y}).$$

Привлекательность переворота для богатых в условиях этого статус-кво зависит от того, имеет ли место условие угрозы переворота $V^r(C, \varphi) > V^r(D)$, которое может быть представлено в виде

$$\varphi < \frac{1}{\theta^r} (C(\tau^m)\delta^r - \tau^m(\delta^r - \theta^r)). \quad (\text{VIII.32})$$

Это ограничение не выполняется, если либо демократия перераспределяет ресурсы в умеренных масштабах, либо издержки переворота чересчур велики, так что богатые никогда не сочтут переворот выгодным для себя. В таком случае мы называем демократию полностью консолидированной: ее стабильности ничто не угрожает. Ясно, что легче удовлетворить условие (VIII.32), чем (VII.4), потому что $\tau^m < \tau^p$. Поскольку средний класс богаче, он предпочитает меньшее налогообложение, и это делает перевороты менее привлекательными для богатых. Более того, чем больше θ^m , тем ниже τ^m и тем меньшими должны быть издержки переворота, чтобы он оказался привлекательным для богатых.

Когда же это ограничение выполняется, демократия не полностью консолидирована: если средний класс не предпринимает никаких действий, то на равновесной траектории возникает переворот. Предотвратить его средний класс может, уменьшая финансовое бремя, возлагаемое демократией на богатых, или, иначе говоря, понижая ставки налога. Выигрыш богатых при выборе средним классом ставки налога $\tilde{\tau}$ есть

$V'(D, \tau^D = \tilde{\tau})$. Обещание меньшего перераспределения предотвращает переворот, только если оно обеспечивает богатым выигрыш больший, чем в случае переворота (т.е. $V'(D, \tau^D = \tilde{\tau}) \geq V'(C, \varphi)$). Иными словами, демократия выживает, только если

$$\varphi \leq \frac{p}{\theta^r} (\delta^r C(\tilde{\tau}) - \tilde{\tau}(\delta^r - \theta^r)) + \frac{(1-p)}{\theta^r} (\delta^r C(\tau^m) - \tau^m(\delta^r - \theta^r)).$$

Как и в нашем анализе базовой статической игры консолидации в главе VII, определим теперь пороговое значение φ^{**} , такое что, когда $\varphi < \varphi^{**}$, обещания ограниченного перераспределения при демократии недостаточно для того, чтобы разубедить богатых устраивать переворот. Конечно, наиболее привлекательное обещание, которое может быть сделано богатым, это прекращение перераспределения вообще (т.е. $\tau^D = 0$), поэтому при $\varphi^{**} V'(D, \tau^D = 0) = V'(C, \varphi)$. Решение этого уравнения дает следующее пороговое значение φ^{**} :

$$\varphi^{**} = \frac{(1-p)}{\theta^r} (\delta^r C(\tau^m) - \tau^m(\delta^r - \theta^r)). \quad (\text{VIII.33})$$

Сказанное можно резюмировать следующим образом:

Теорема VIII.5. *В описанной выше игре существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, такое что:*

- Если условие угрозы переворота (VIII.32) не выполняется, угроза переворота слаба, демократия полностью консолидирована и средний класс устанавливает наиболее предпочтительную для него ставку налога, $\tau^m > 0$.
- Если условие угрозы переворота (VIII.32) выполняется и $\varphi \geq \varphi^{**}$, то демократия частично консолидирована и средний класс устанавливает ставку налога, $\tilde{\tau} < \tau^m$, такую что $V'(D, \tau^D = \tilde{\tau}) = V'(C, \varphi)$.
- Если условие угрозы переворота (VIII.32) выполняется и $\varphi < \varphi^{**}$, то демократия не консолидирована. Происходит переворот, богатые приходят к власти и устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^D = \tau^r$.

Главный вывод из этой модели состоит в том, что предпочтительная для среднего класса ставка налога имеет решающее значение для предотвращения переворота и определения (VIII.33).

Более того, легко видеть, что $\varphi^{**} < \varphi^*$, полученного в разделе VII.1. Налоги в демократии выше, когда медианный избиратель является представителем бедных (т.е. $\delta^p \geq 1/2$), что соответствует малочисленному

среднему классу или когда медианный избиратель — представитель среднего класса (т.е. $\delta^p < 1/2$), но относительно беден и одобряет высокие налоги. Оба этих случая делают перевороты более привлекательными для богатых. Поэтому относительно большой и богатый средний класс делает демократию менее дорогостоящей для богатых и действует как буфер между бедными и богатыми, понижая вероятность переворотов и тем самым помогая консолидировать демократию.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе в анализ была введена третья группа политических агентов — средний класс. В фокусе нашего рассмотрения были ситуации социально-политического конфликта между социально-экономическими классами. Модель позволила получить несколько новых интересных выводов, согласующихся с рядом положений политологической и социологической литературы о важности для демократии среднего класса. В этой главе были рассмотрены различные вопросы, в том числе то, каким образом анализ среднего класса позволяет дать простую модель «раскола элит», два главных результата, по нашему мнению, представляют наибольший интерес.

Во-первых, сильный и большой средний класс может способствовать демократизации, потому что он менее настроен в пользу радикальных мер, чем бедные. Следовательно, если богатые убеждены, что демократия контролируется интересами представителей среднего класса, то им можно меньше опасаться демократии и они менее склонны применять репрессии, чтобы ее избежать. Это может происходить либо потому, что средний класс численно растет и тем самым медианный избиратель становится представителем среднего класса, или же медианный избиратель уже из среднего класса и средний класс становится богаче (и, следовательно, предпочитает меньшее перераспределение). Также интересно то, что другие теории распределения власти в демократии, рассмотренные в приложении к главе IV, подчеркивают, что политическая власть среднего класса в демократии часто больше, чем можно было ожидать исходя из его численности. Самый знаменитый пример этого — «закон Директора о распределении доходов» [Stigler, 1970], который утверждает, что преобладание распределительных мер в демократии на самом деле выгодно среднему классу, а не бедным. Хотя бесспорные микроэкономические основания для этого утверждения отсутствуют и оно спорно эмпирически, его можно формализовать различными способами. Например, Т. Перссон и Г. Табеллини [Persson, Tabellini, 2000, p. 57–58] демонстрируют в рамках вероятностной модели голосования (см. приложение к главе IV, с. 467 наст. изд.), что если средний класс менее идеологизиро-

ван, чем бедные и богатые, то его предпочтения играют решающую роль, определяя государственные решения в демократических режимах. Еще одна возможность состоит в использовании модели лоббирования (см.: [Grossman, Helpman, 2001]; приложение к главе IV, с. 474 наст. изд.), если допустить, что средний класс более способен решать проблему коллективного действия, чем другие группы.

Во-вторых (и в развитие предыдущего замечания), сильный средний класс может способствовать демократической консолидации. Механизм этого явления сходен с ролью среднего класса в продвижении демократизации. Если средний класс достаточно влиятелен в демократической политике, то демократия не слишком обременительна для богатых и перевороты поэтому менее привлекательны. Следовательно, усиление среднего класса, в виде возрастания его численности, политической власти или относительного дохода, может консолидировать неустойчивую до того демократию. Здесь есть, конечно, естественная оговорка: если средний класс становится слишком богат, то он становится неотличим от богатых и поэтому будет неспособен играть решающую роль буфера между богатыми и бедными.

В целом модели этой главы позволяют говорить о том, что определенная третья группа — средний класс, или буржуазия, — может играть важные роли в процессе демократизации, поскольку меняет характер политического конфликта. Хотя исследователи в литературе по демократизации и ранее утверждали, что средний класс может играть важную роль в демократии, они не приводили микроэкономических оснований для этих утверждений. В этой главе мы показали, что распространение нашей концептуальной структуры на три группы политико-экономических агентов дает такие естественные основания для важной роли, приписываемой среднему классу.

IX. Структура экономики и демократия

1. ВВЕДЕНИЕ

До сих пор мы считали уровень и распределение доходов экзогенными. В этой главе мы приведем и то, и другое к эндогенному виду. Вместо того, чтобы непосредственно располагать доходом, люди в разной мере обладают активами: землей, трудом, а также физическим и человеческим капиталом. Мы вводим технологию в виде агрегированной производственной функции, которая показывает, как эти производственные факторы могут быть соединены для того, чтобы произвести продукцию. Мы также вводим ключевые экономические институты, такие как права собственности и конкурентные рынки, которые определяют уровни доходности различных активов.

Почему все перечисленное имеет значение? Интуитивно понятно, что структура экономики или экономические институты могут быть важны, если влияют на баланс между демократией и недемократией для элит или выгоды демократии по сравнению с революцией для граждан. На то есть много причин. Во-первых, структура экономики может влиять на издержки революции, репрессий или переворотов. Во-вторых, структура экономики может также влиять на характер политического взаимодействия между различными группами по поводу распределения — то, что наша концептуальная структура связывает с созданием и консолидацией демократии. В этой главе мы изучаем обе группы идей. Анализируемые модели также позволяют рассмотреть некоторые из наиболее известных утверждений относительно демократии в политологической и социологической литературе. Например, утверждение, что демократия никогда не может сохраняться в преимущественно аграрном обществе или по крайней мере в том, где элитами являются крупные землевладельцы, распространено в литературе от Б. Мура [Moore, 1966] и Р. Даля [Dahl, 1971] до Д. Рюшемейера и Э. и Дж. Стефенс [Rueschmeyer, Stephens, Stephens, 1992]. Однако микроэкономические основания для такого утверждения оставались неясными. Модели в этой главе помогают выделить механизмы, которые могут породить такую связь.

Есть несколько правдоподобных оснований ожидать, что издержки переворотов и репрессий могут быть связаны со структурой экономики. Важнее всего в связи с этим, что репрессии и перевороты дорогостоящи,

поскольку нарушают экономическую жизнь. Производство в современной капиталистической экономике требует вклада многих разнообразных фирм, и многое здесь не координируется централизованно или сознательно, но скорее организуется невидимой рукой рынка, так же как и видимой рукой закрепившихся на рынке фирм. Более того, большинство этих экономических отношений основано на имплицитном доверии. На простейшем уровне наниматель знает, что рабочие придут на следующий день, а рабочие знают, что, когда они придут, для них будет работа и им заплатят. Что более важно, каждая фирма доверяет своим поставщикам в том, что они обеспечат ее материалами, необходимыми для производства, и своим покупателям и фирмам далее в производственной цепочке, что они приобретут эти продукты. Что еще более важно, имеется имплицитное доверие качеству предлагаемых товаров и услуг. Наниматели верят, что рабочие не просто придут, но также приложат должные усилия, а поставщики не просто поставят любые случайные материалы, но материалы достаточного для производства качества. Наконец, покупатели доверяют тому, что они будут приобретать продукцию относительно высокого качества, а не вещи, непривлекательные в плане потребления. Любая неожиданная вспышка насилия, любые беспорядки при трансформации политической системы, любая ситуация усиливающая уже существующие в обществе конфликты также подрывает экономическую структуру, отношения доверия, то сотрудничество, которое является сутью капиталистического производства. Рассматривая связанный с этим вопрос, Даль отмечает

...огромные ограничения, издержки и неэффективность насилия и принуждения при управлении развитым обществом, где необходимы стимулы и сложное поведение, которыми нельзя манипулировать при помощи угроз насилия [Dahl, 1971, p. 79].

Аналогичные идеи имеются и в литературе о политике военных. Например, С. Файнер утверждает, что военные правительства не могут управлять сложными индустриальными обществами, потому что издержки были бы слишком высоки. Он пишет, что

...по мере того как экономика развивается, все более и более расширяется разделение труда, распространяются вторичные и затем третичные услуги и общество требует существования профессиональной бюрократии, технических специалистов... армия теряет способность управлять, опираясь только на собственные ресурсы [Finer, 1976, p. 17].

Эти идеи говорят о том, почему репрессии и перевороты дорогостоящи. Данная аргументация подчеркивает распад сложных экономических отношений, важных для капиталистического производства. Хотя те же отношения присутствуют и в аграрном производстве, там они явно менее

важны. Вопросы качества имеют не такое первостепенное значение, когда речь идет о сельскохозяйственной продукции по сравнению с промышленным производством. В менее развитой и менее индустриализованной экономике меньше сложных отношений в сетях покупателей и поставщиков и меньше полагаются на инвестиции в умения и капитал, специфический для данных отношений. Эти соображения естественным образом позволяют говорить о том, что репрессии и перевороты становятся более дорогостоящими в тех экономиках, где технологии производства требуют интенсивных вложений капитала, и физического, и человеческого, а не земли.

Так же важно и то, что структура экономики может влиять на формы политического конфликта и перераспределительные последствия демократии для элит. Например, землевладельцы могут больше потерять в демократии, чем промышленники. Вспомним, что весь наш подход основан на предположении о том, что граждане в демократии обладают политической властью для принятия выгодных им государственных решений. Один из факторов, могущих ограничивать такую способность граждан, заключается в том, что элиты могут иметь диспропорциональную по отношению к их численности власть (например, благодаря лоббированию или контролю над партиями, как это анализируется в приложении к главе IV, с. 467 наст. изд.). Но есть и настолько же важный экономический фактор, ограничивающий то, что могут делать граждане, который мы в главе IV называли «кривой Лаффера». Легче всего рассмотреть это в контексте распределения доходов. Если налоги очень велики, это подавляет экономическую активность и так глубоко искажает экономику, что от производимого мало что остается. Поэтому демократия испытывает естественные ограничения при введении высоких налогов и пытается обеспечить, чтобы эти налоги не исказили распределение ресурсов слишком сильно и не стимулировали элиты вывести их активы из экономической деятельности, тем самым сокращая налоговые поступления. Но есть существенное различие в том, насколько эти соображения применимы к капиталу и земле. Высокий уровень налога на землю в крайнем случае стимулирует землевладельцев оставить землю в запустении, но они мало что еще могут сделать. Напротив, предложение физического капитала более эластично, или более мобильно: обложите капитал по более высокой ставке и будет мало накопления, обладатели капитала инвестируют свои деньги в необлагаемые налогом секторы или вывезут его за границу, где он не будет облагаться налогом (возможность, которую мы детально обсуждаем в главе X). Предложение человеческого капитала, вероятно, самое эластичное, потому что он бесполезен, если люди не прилагают усилия, чего они не будут готовы делать, если налоги станут слишком высоки. Из этого следует, что демо-

кратия естественным образом облагает более высоким налогом землевладельцев, чем обладателей физического или человеческого капитала, в попытке максимизировать перераспределение, не создавая слишком много искажений. Сходным образом демократия во многих неэгалитарных обществах сначала обращается к перераспределению активов и, поскольку землю намного легче (и, вероятно, с меньшими искажениями) перераспределять, чем физический капитал, земельная реформа есть способ отреагировать на наибольшие несправедливости. Человеческий капитал, конечно, невозможно перераспределять. Опять-таки, землевладельцам грозят большие потери от демократии, чем капиталистам или промышленникам.

Эти идеи предполагают, что те элиты, которые имеют существенные вложения в землю, обычно более склонны применять силу для сохранения недемократических режимов или обеспечения обратного перехода к таким режимам от демократии, чем те элиты, у которых есть вложения в физический или человеческий капитал. Возможно, это так потому, что репрессии и перевороты менее дорогостоящи в таком обществе и поэтому издержки противостояния демократии или ее подрыва ниже в сравнении с выгодой от таких действий (которая заключается в предотвращении перераспределительного налогообложения в пользу граждан и против элит). Возможно также, что выгоды недопущения демократии больше для землевладельцев потому, что они ожидают налогообложения их доходов по более высокой ставке или даже перераспределения их активов в ходе земельных реформ.

Последнее соображение может заключаться в том, что землевладельцы обычно богаче, чем промышленники или обладатели человеческого капитала, особенно в относительно бедных странах, находящихся на грани перехода к демократии или на соответствующем пороге экономического и политического развития, когда они могут быть демократическими, но по-прежнему не консолидировали свои демократии. Таким образом, в категориях анализа, проведенного в главе VIII, землевладельцы соответствуют богатым, а промышленники и люди с высоким уровнем человеческого капитала — среднему классу. Землевладельцы больше теряют от налогообложения потому, что они богаче; следовательно, при прочих равных условиях, они больше настроены в пользу действий по предотвращению демократии. Отметив такую аналогию, мы обращаемся в этой главе к последствиям экономической структуры, считая при этом уровень неравенства заданным, чтобы более четко сосредоточиться на описанных выше механизмах.

Мы завершаем эту главу применением рассмотренных в ней идей для понимания связи между экономическим и политическим развитием.

2. СТРУКТУРА ЭКОНОМИКИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ

Мы явным образом вводим экономическую структуру, которая позволяет эндогенизировать распределение доходов и обсудить политические последствия различной наделенности факторами производства, и хотим, чтобы эта структура включала труд (как источник дохода для граждан), физический капитал и землю. Для простоты в большей части проводимого анализа абстрагируемся от человеческого капитала и возвращаемся к его обсуждению в разделе 10. Мы рассматриваем полностью конкурентную экономику с единственным товаром конечного потребления, производимым согласно агрегированной производственной функции:

$$Y = F(K, L, N),$$

где K — совокупный наличный капитал; L — общая площадь возделываемых земель; N — рабочая сила; Y — совокупный продукт, т.е. физическое количество потребляемых благ того, что люди должны потребить. Все факторы производства полностью задействованы и мы исходим из допущения о том, что производственная функция F обладает свойством постоянной отдачи на масштаб производства, так что, когда все три фактора удваиваются, совокупная продукция тоже удваивается. Постоянная отдача на масштаб важна, потому что в таком случае вся выручка от производства распространяется в виде дохода на факторы производства — капитал, землю и труд. Полностью конкурентные рынки предполагают, что доход на все эти факторы равен их предельной производительности. Если считать институты неизменными, неравенство возникает ввиду различий в относительной дефицитности и предельной производительности данных факторов.

Микроэкономическое основание для предлагаемой концепции проще всего получить, предположив, что агрегированная производственная функция имеет форму Кобба — Дугласа:

$$Y = (K + \sigma L)^\theta N^{1-\theta}, \quad (\text{IX.1})$$

где $0 < \theta < 1$ и $\sigma > 0$. В дальнейшем станет ясно, что выбор $1 - \theta$ как степени, в которую возводится N , сделан намеренно, чтобы обеспечить сопоставимость данной модели с теми, что использовались ранее.

Два свойства неявно присутствуют в этой функции. Во-первых, имеется ограниченная взаимозаменяемость между трудом и другими факторами производства (точнее, эластичность взаимозаменяемости между трудом и другими факторами производства равна в точности 1). Во-вторых, имеется намного более высокий уровень взаимозаменяемо-

сти между капиталом и землей. Оба эти допущения правдоподобны. Например, ими подразумевается, что доля труда в национальном доходе постоянна, когда доход растет в результате накопления капитала, в то время как доля земли падает и доля капитала растет. Это в общем и целом согласуется с эмпирическими данными.

Рассмотрим все это более детально. Во-первых, мы, как и ранее, исходим из того, что имеется $1 - \delta$ граждан, и теперь они представляют собой работников, получающих заработную плату. Следовательно, $N = 1 - \delta$ и можно записать производственную функцию как:

$$Y = (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}.$$

Более того, остающиеся δ индивидов составляют элиты, которые не владеют каким бы то ни было трудом, и каждый из них располагает долей δ всего капитала, K , и долей δ всей земли, L .

Мы исходим из того, что конечный продукт Y обладает numeraire, т.е. имеет номинальную стоимость, приравненную 1. Таким образом, все остальные цены далее выражены в цене конечного продукта. Используя тот факт, что на конкурентных рынках все факторы производства получают доход, равный их полной предельной производительности, мы получаем следующие выражения для цен факторов производства:

$$w = (1 - \theta) \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^\theta, \quad (\text{IX.2})$$

$$r = \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1},$$

$$v = \sigma \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1}.$$

Здесь w обозначает уровень заработной платы, r — доход капитала и v — величину земельной ренты. Все эти цены являются реальными и в то же время относительными, поскольку они выражены в единицах конечного продукта.

Доли национального дохода, приходящиеся на эти факторы, составляют соответственно:

$$s_N \equiv \frac{wN}{Y} = 1 - \theta, \quad (\text{IX.3})$$

$$s_K \equiv \frac{rK}{Y} = \theta \frac{K}{K + \sigma L},$$

$$s_L \equiv \frac{vL}{Y} = \theta \frac{\sigma L}{K + \sigma L}.$$

Интересно, что доля национального дохода, идущего на заработную плату, является константой, равной $1 - \theta$. Это прямо вытекает из функциональной формы производственной функции Кобба — Дугласа (IX.1). Например, даже если капитал накапливается и, как следует из (IX.2), реальные зарплаты растут, доля труда в национальном доходе тем не менее постоянна. В то же время, доля капитала в национальном доходе увеличивается, а доля земли снижается.

Теперь совокупный доход можно представить как $(K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}$, и поскольку все население составляет 1, это также и средний доход, \bar{y} . Следовательно:

$$\bar{y} = (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}. \quad (\text{IX.4})$$

Используя тот факт, что граждане получают только трудовой доход, можно получить следующее выражение для дохода гражданина, обозначаемого y^p :

$$y^p = (1 - \theta) \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^\theta = \frac{(1 - \theta)(K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}}{1 - \delta} = \left(\frac{1 - \theta}{1 - \delta} \right) \bar{y}, \quad (\text{IX.5})$$

совпадающее с формулой для y^p , используемой на всем протяжении этой книги.

Ввиду предположения о том, что все представители элит владеют землей и капиталом в одном и том же размере, мы имеем:

$$y^r = \frac{rK + vL}{\delta} = \frac{\theta}{\delta} (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta} = \frac{\theta}{\delta} \bar{y}, \quad (\text{IX.6})$$

что также совпадает с использовавшимся до сих пор выражением для дохода элиты.

Мы предполагаем параметры таковыми, что средние доходы меньше доходов богатых или, иными словами, $\delta < \theta$, что идентично допущению, сделанному в модели, где доходы экзогенны.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ

Теперь мы покажем, как предыдущий анализ выбора государственной политики в демократии может быть адаптирован к этой более сложной экономической модели. Как и ранее, все индивиды имеют функции по-

лезности, линейны относительно потребления и стремятся таким образом максимизировать доходы, которые полностью идут на потребление. Мы по-прежнему предполагаем, что имеется два инструмента экономической политики государства: ставка налога, пропорциональная доходу, и единовременный трансфер, который получают все агенты. Как и ранее, перераспределение доходов сопровождается издержками. Хотя теперь у нас есть модель с более богатым набором лежащих в ее основе институтов, в этой главе мы исходим из допущения об экзогенности последних, хотя в разделе 9 обсуждается возможность их включения в проводимый анализ.

Полезность индивида i теперь есть $(1 - \tau)y^i + T$ или $i = p, r$, где из условия баланса государственного бюджета вновь следует, что:

$$T = \delta\tau y^r + (1 - \delta)\tau y^p - C(\tau)\bar{y} = (\tau - C(\tau))\bar{y}.$$

Включая издержки налогообложения, мы получаем косвенную полезность представителя бедноты в виде $V(y^p | \tau) = (1 - \tau)y^p + (\tau - C(\tau))\bar{y}$. Условие первого порядка максимизации этой косвенной полезности идентично тому, что мы вывели ранее и, поскольку мы знаем из главы IV, что предпочтения однопиковы, можно применить теорему о медианном избирателе и определить демократическую равновесную ставку налога (при отсутствии политических ограничений), по-прежнему обозначаемую τ^p . Используя тот факт, что доходы бедных заданы формулой (IX.5), а средний доход — (IX.4), этот равновесный налог, τ^p , идентичен базовой ставке налога в главе IV, а именно (IV.11).

4. КАПИТАЛ, ЗЕМЛЯ И ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

В этом разделе мы встраиваем экономические и политические модели двух предыдущих разделов в нашу основную модель демократизации раздела 6 главы VI, которая включала возможность репрессий. Первый вопрос, который мы изучаем, — как структура экономики влияет на издержки репрессий. Следуя нашему предыдущему анализу, мы исходим из допущения, что репрессии создают издержки для элит в зависимости от источников их дохода, в частности, от того, полагаются ли они больше на доход от капитала или от земли. Как уже обсуждалось, правдоподобно предположение о том, что разрушения, связанные с подавлением угрозы революции и восстания граждан, более дорогостоящи для индустрии, мануфактур и торговли, чем для земли и землевладельцев. Следовательно, если для элит важна земля, они в большей мере готовы понести издержки от репрессий для того, чтобы избежать демократи-

зации. В обществе, в котором доход от капитала становится более важным, чем доход от земли, более вероятно, что потенциальные издержки репрессий превышают издержки демократии, и элиты скорее предпочитают предоставить демократию недовольным гражданам, чем применить силу против них.

Учитывая параллели с проведенным ранее анализом, мы ограничимся здесь кратким описанием модели. Богатым элитам надо решить: применять репрессии проводить демократизацию или обещать перераспределение, если нет ни репрессий, ни демократизации, ни революции, в зависимости от состояния природы, элиты сохраняют или изменяют обещанную ставку налога. Дерево игры идентично рис. VI.2 (см. с. 251 наст. изд.).

Экономическая модель остается такой же, как в разделе 2. Элиты владеют капиталом и землей. Более того, все члены элиты имеют одни и те же активы земли и капитала (мы вернемся позже к различию между промышленниками и землевладельцами). Как и ранее, выигрыш для граждан от революции есть $V^p(R, \mu) = (1 - \mu)\bar{y}/(1 - \delta)$, тогда как элиты всегда имеют $V^r(R, \mu) = 0$.

Репрессии связаны с издержками для элит. До сих пор, поскольку доход определялся экзогенно, мы просто исходили из того, что репрессии (и перевороты) уничтожают некоторую долю дохода. Предыдущие аргументы, однако, говорят о том, что может быть полезнее представить себе конфликт, реально уничтожающий капитал, — именно такое допущение мы делаем в этой главе. Все результаты главы тем не менее применимы и в тех случаях, когда уничтожается конечный доход, если дополнительно предположить, что доля дохода, утраченная ввиду уничтожения капитала, больше доли дохода от владения землей. Более того, можно показать, что все результаты предшествующих глав остаются в силе, если допустить, что репрессии, революции и перевороты уничтожают не доход, а факторы производства.

Итак, предположим, что если элиты избирают репрессии, чтобы избежать революции и демократизации, они потеряют долю κ_K от основных фондов и долю κ_L от земли. Более того, мы предположили, что:

$$\kappa_K \geq \kappa_L.$$

Чтобы упростить обозначения, положим: $\kappa_L = \kappa$ и $\kappa_K = \rho\kappa$, где $\rho \geq 1$.

Выигрыши для граждан и для элит в случае демократии суть:

$$\begin{aligned} V^p(D) &= w + \tau^p(\bar{y} - w) - C(\tau^p)\bar{y} = \\ &= \frac{1}{1 - \delta} \left(1 - \theta + \tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p) \right) (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1 - \theta}, \end{aligned} \quad (\text{IX.7})$$

$$V^r(D) = \frac{rK + vL}{\delta} + \tau^p \left(\bar{y} - \frac{rK + vL}{\delta} \right) - C(\tau^p) \bar{y} = \\ = \frac{1}{\sigma} (\theta + \tau^p (\delta - \theta) - \delta C(\tau^p)) (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta},$$

где цены факторов w , r , и v заданы (IX.2) и наиболее предпочтительная для граждан ставка налога — τ^p . Эти выражения учитывают то, что после демократизация, граждане без каких-либо ограничений устанавливают наиболее предпочтительную для них налоговую ставку.

Если же элиты избирают репрессии, то выигрыши таковы:

$$V^p(O | \kappa) = (1 - \theta) \left(\frac{(1 - \rho \kappa) K + \sigma(1 - \kappa) L}{1 - \delta} \right)^\theta, \quad (IX.8) \\ V^r(O | \kappa) = \frac{\theta}{\delta} ((1 - \rho \kappa) K + \sigma(1 - \kappa) L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}.$$

Наконец, элиты могут предложить перераспределение при существующем режиме, не прибегая ни к демократизации, ни к репрессиям. Лучшее, что они могут сделать в этом случае, это предложить перераспределение при наилучшей для граждан ставке налога, τ^p , заданной (IV.11); в этом случае выигрыши таковы:

$$V^p(N, \tau^N = \tau^p) = \frac{1}{1 - \delta} (1 - \theta + p(\tau^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^p))) \times \\ \times (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}, \quad (IX.9) \\ V^r(N, \tau^N = \tau^p) = \frac{1}{\delta} (\theta + p(\tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p))) \times \\ \times (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}.$$

(учтено, что обещание элит выполняется только с вероятностью p).

Как и ранее, если $\theta \leq \mu$, угроза революции отсутствует. Более интересный случай для рассмотрения, когда $\theta > \mu$, и мы в дальнейшем ради простоты считаем, что именно так дело и обстоит. Обещание перераспределять предотвращает революцию, если $V^p(N, \tau^N = \tau^p) \geq V^p(R, \mu)$. Используя те же аргументы, что и главе VI, можно показать, что это эквивалентно $\mu \geq \mu^*$, где μ^* задано (VI.6).

Если $\mu < \mu^*$, элиты не могут предотвратить революцию, обещая перераспределение, так что им приходится прибегнуть либо к демократизации, либо к репрессиям. Мы, как обычно, делаем допущение, что $V^p(D) \geq V^p(R, \mu)$, так что демократизация предотвращает революцию; формула для этого идентична (VI.7).

Когда элиты предпочитают репрессии? Это зависит от того, верно ли, что $\mu \geq \mu^*$. Когда $\mu \geq \mu^*$, уместно сравнение перераспределения и репрессий, поскольку для элит перераспределение, когда оно осуществимо, всегда предпочтительнее демократизации. Более интересный случай, когда $\mu < \mu^*$, и происходит выбор между репрессиями и демократизацией. Тогда элиты просто сравнивают $V'(D)$ и $V'(O|k)$, заданные (IX.7) и (IX.8). Ясно, что они предпочитают репрессии, если $V'(D) < V'(O|k)$ или если

$$\theta + \tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) < \theta \left(\frac{(1 - \rho k)K + \sigma(1 - k)L}{K + \sigma L} \right)^\theta. \quad (IX.10)$$

Полезно переписать (IX.10) в терминах соотношения капитала к земле, $k = K / L$. Это дает:

$$\theta + \tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) < \theta \left(\frac{(1 - \rho k)k + \sigma(1 - k)}{k + \sigma} \right)^\theta, \quad (IX.11)$$

как условие, при котором имеют место репрессии. Мы говорим, что при больших k экономика более «капиталоемкая», тогда как низкие значения k соответствуют обществам, где земля как фактор производства преобладает над капиталом. Уравнение (IX.11) ясно показывает, что капиталоемкость общества есть решающая детерминанта того, привлекательны ли репрессии для элит. Главный вывод сравнительной статистики, следующий из этого условия, обсуждается в следующем разделе. Пока же мы резюмируем проведенный анализ следующим образом:

Теорема IX.1. Пусть выполняется условие (VI.7), $\theta > \mu$, и $\mu < \mu^*$, где μ^* задано (VI.6). Тогда:

- Если условие (IX.11) не выполняется, происходит демократизация, обеспечивающая достоверные гарантии относительно будущего перераспределения.
- Если условие (IX.11) выполняется, элиты прибегают к репрессиям, чтобы предотвратить революцию.

Таким образом, эта теорема аналогична основным результатам главы VI. Здесь интересен вопрос, верно ли, что выполнение условия (IX.11), определяющего применение репрессий, зависит от того, насколько капиталоемка экономика (т.е. от уровня k). Проще всего ответить на этот вопрос, рассмотрев случай, $\rho = 1$, когда издержки репрессий распределяются поровну между капиталом и землей. В этом случае мы имеем следующий результат:

Теорема IX.2. Рассмотрим игру с $\rho = 1$. Тогда (IX.11) не зависит от k , так что капиталоемкость экономики не влияет на политическое равновесие.

Напротив, если $\rho > 1$, нетрудно показать, что (IX.11) с меньшей вероятностью останется в силе по мере увеличения k . Определим k^* , так что:

$$\theta + \tau^{\rho}(\delta - \theta) - \delta C(\tau^{\rho}) = \theta \left(\frac{(1 - \rho\kappa)k^* + \sigma(1 - \kappa)}{k^* + \sigma} \right)^{\theta}. \quad (\text{IX.12})$$

Тогда имеет место:

Следствие IX.1. *Рассмотрим общество, описанное игрой с $\rho > 1$ и определим k^* из (IX.12). Тогда в единственном равновесии, совершенном на подыграх, мы получаем, что если $k < k^*$, то элиты встретят угрозу революции репрессиями, а если $k \geq k^*$, то в ответ на угрозу революции они проведут демократизацию.*

Это следствие — главный результат данного раздела. Оно показывает, что более капиталоемкое общество имеет большую вероятность стать демократическим. Это так потому, что применение силы элитами более дорогостояще в таком обществе в сравнении с обществом, где земля преобладает над капиталом, или, в другой формулировке, капиталовложения делают элиты более продемократическими, чем земельные владения (т.е., как это рассматривается в следующем разделе, промышленники настроены более продемократически, чем землевладельцы).

5. ИЗДЕРЖКИ ПЕРЕВОРОТА ДЛЯ КАПИТАЛА И ЗЕМЛИ

Обратимся теперь к распространению изложенных идей на государственные перевороты. В силу параллелей между применением репрессий и устройством переворотов можно ожидать, что издержки переворота также зависят от капиталоемкости экономики. В частности, предположим, что во время переворота некоторая доля производственных фондов экономики уничтожается. Пусть доля уничтоженного в результате переворота физического капитала составляет ϕ_K , а земли — ϕ_L . Естественно полагать, что

$$\phi_K \geq \phi_L.$$

Иными словами, разрушения, связанные с переворотом, более вредоносны для капитала, чем для земли. Причины правдоподобности такого предположения аналогичны рассмотренным ранее. Перевороты и связанные с ними бурные события и разрушения ведут к распаду сложных экономических отношений. Последние намного более важны для капиталистического производства, чем для сельскохозяйственного. Это естественно, потому что качество продуктов в сельском хозяйстве — предмет намного меньшей за-

боты, чем в промышленном производстве. Более того, важность сложных взаимоотношений между сетями поставщиков и покупателей, инвестиций в умения и особого для этих отношений капитала намного больше в более индустриализованных видах деятельности. Поэтому в результате переворота земле будет нанесен меньший ущерб, чем капиталу.

Пусть $\varphi_L = \varphi$ и $\varphi_K = \xi\varphi$, где $\xi \geq 1$. Учитывая это предположение, можно записать доходы после переворота как:

$$\tilde{y}^p = (1 - \theta) \left(\frac{(1 - \xi\varphi)K + \sigma(1 - \varphi)L}{1 - \delta} \right)^\theta, \quad (\text{IX.13})$$

$$\tilde{y}^r = \frac{\theta}{\delta} ((1 - \xi\varphi)K + \sigma(1 - \varphi)L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}. \quad (\text{IX.14})$$

Ясно, что оба выражения меньше, чем соответствующие величины до переворота, (IX.5) и (IX.6), потому что нарушения, связанные с переворотом, обычно ведут к уничтожению некоторой части производственных активов экономики.

С учетом этой детализации издержек переворотов мы можем сейчас проанализировать влияние структуры экономики на перевороты и демократическую консолидацию. Дерево игры для модели этого раздела идентично изображенному на рис. VII.1 (см. с. 298 наст. изд.)

Пожелают ли элиты устроить переворот, зависит от сравнения ими выигрышей при сохранении и ликвидации демократии. Столкнувшись с угрозой переворота, медианный избиратель, для того чтобы его избежать, может сделать элитам уступку (т.е. установить $\tau^D < \tau^p$). После этого элиты решают, предпринять ли переворот. Если они это делают, общество переходит к недемократической форме правления и налоговую ставку устанавливают элиты. Естественно, после успешного переворота они избирают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = 0$. В результате игра завершается с соответствующими выигрышами для граждан и элит, $V^p(C, \varphi) = \tilde{y}^p$ и $V^r(C, \varphi) = \tilde{y}^r$, где \tilde{y}^p и \tilde{y}^r заданы (IX.13) и (IX.14). Если же элиты решают не совершать переворот, политическая система остается демократической, и, с вероятностью $1 - p$, медианный избиратель может поменять налог, отказавшись от данных ранее обещаний. Таким образом, с вероятностью p , налог, обещанный гражданами, τ^D , остается в силе, и граждане и элиты получают выигрыши $V(y^p | \tau^D)$ и $V(y^r | \tau^D)$, где:

$$V(y^r | \tau^D) = \frac{1}{1 - \delta} (1 - \theta + \tau^D(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\tau^D)) \times (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta};$$

$$V(y^r | \tau^D) = \frac{1}{\delta} (\theta + \tau^D (\delta - \theta) - \delta C(\tau^D)) (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}.$$

В то же время если возникнет состояние природы, в котором станет возможным изменить ставку налога, то граждане и элиты получают выигрыши соответствующие не связанной политическими ограничениям демократии, $V^p(D)$ и $V^r(D)$, согласно (IX.7). Поэтому выигрыши при обещании более низкого налогообложения со ставкой τ^D суть $V^p(D, \tau^D)$ и $V^r(D, \tau^D)$, такие что:

$$V^p(D, \tau^D) = \frac{1}{1-\delta} \left[1 - \theta + p(\tau^D(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tau^D)) + \right. \\ \left. + (1-p)(\tau^p(\theta - \delta) - (1-\delta)C(\tau^p)) \right] (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}, \quad (IX.15)$$

$$V^r(D, \tau^D) = \frac{1}{\delta} \left[\theta + p(\tau^D(\delta - \theta) - \delta C(\tau^D)) + \right. \\ \left. + (1-p)(\tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p)) \right] (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta}.$$

В этих выражениях учтено, что, с вероятностью $1 - p$, граждане изменяют ставку налога, когда элиты уже отказались от переворота и, следовательно, в этом случае будет выбрана наиболее предпочтительная для граждан ставка налога, τ^p .

Теперь с помощью обратной индукции можно охарактеризовать равновесие в этой игре, совершенное на подыграх. Будет ли переворот привлекателен для элит, зависит от того, выполняется ли условие переворота $V^r(C, \varphi) > V^r(D)$, согласно которому переворот более привлекателен, чем жизнь при неограниченной демократии. Это условие может быть записано как

$$\theta + \tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) < \theta \left(\frac{(1 - \xi\varphi)k + \sigma(1 - \varphi)}{k + \sigma} \right)^\theta, \quad (IX.16)$$

где мы снова выражаем его через капиталоемкость экономики, $k = K / L$. Когда это ограничение не выполняется, перевороты оказываются чрезмерно дорогостоящими, так что элиты никогда не сочтут их выгодными для себя; таким образом демократия полностью консолидирована. Уравнение (IX.16) вполне соответствует интуиции и отвечает на изменения параметров так, как и ожидалось. Например, большая демократическая ставка налога, τ^p , делает более вероятным выполнение этого условия, потому что только левая часть зависит от τ^p и уменьшается вместе с ним. Большой уровень φ делает менее вероятным выполнение этого условия, поскольку большая доля активов элит уничтожается в процессе переворота.

Напротив, когда это ограничение имеет место, демократический режим не является полностью консолидированным: если граждане не отклонятся от наиболее предпочитаемой ими налоговой ставки, на равновесной траектории произойдет переворот. Поэтому можно определить критическую величину доли активов, уничтожаемых в ходе переворота, обозначаемую φ^* , такую что, когда $\varphi < \varphi^*$ (т.е. переворот обходится не слишком дорого), обещания гражданами ограниченно-го перераспределения недостаточно для того, чтобы разубедить элиты предпринимать переворот. Конечно, наиболее привлекательное обещание, которое граждане могут дать элитам, — это полное прекращение перераспределения (т.е. $\tau^D = 0$). Поэтому мы должны получить, что при φ^* , $V^r(D, \tau^D = 0) = V^r(C, \varphi^*)$, или

$$\varphi^* = \left[1 - \left(1 + \frac{(1-p)}{\theta} (\tau^p (\delta - \theta) - \delta C(\tau^p)) \right)^{\frac{1}{\theta}} \right] \left(\frac{k + \sigma}{\xi k + \sigma} \right). \quad (\text{IX.17})$$

Это выражение, как обычно, предполагает, что более высокий уровень τ^p делает демократию менее привлекательной для элит и, таким образом, увеличивает φ^* , т.е. элиты склонны затевать более дорогостоящие перевороты, когда τ^p выше. Теперь мы имеем следующий результат:

Теорема IX.3. *В описанной выше игре существует единственное равновесие, совершенное на подыграх, такое что:*

- Если условие угрозы переворота (IX.16) не выполняется, то демократия полностью консолидирована и граждане устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^p > 0$.
- Если условие угрозы переворота (IX.16) выполняется и $\varphi \geq \varphi^*$, то демократия частично консолидирована, и граждане устанавливают ставку налога $\tau^D = \tilde{\tau} < \tau^p$, такую что $V^r(D, \tau^D = \tilde{\tau}) = V^r(C, \varphi)$.
- Если условие угрозы переворота (IX.16) выполняется и $\varphi < \varphi^*$, то демократия не консолидирована. При этом совершается переворот, элиты приходят к власти и устанавливают наиболее предпочтительную для них ставку налога, $\tau^N = 0$.

Новым в этом результате является то, что на вероятность переворота теперь влияет структура экономики, в частности, является ли общество капиталоемким или среди ресурсов преобладает земля. Единственная причина того, что степень капиталоемкости влияет на склонность элит устраивать перевороты, состоит в том, что переворот уничтожает раз-

ные доли капитала и земли (т.е. $\phi_K > \phi_L$). Чтобы подчеркнуть это обстоятельство, мы формулируем результат, аналогичный теореме IX.2.

Теорема IX.4. *Рассмотрим игру с $\xi = 1$. В таком случае условие (IX.16) не зависит от k , так что на политическое равновесие капиталоемкость экономики не влияет.*

Доказательство этого результата следует из (IX.17), потому что, когда $\xi = 1$, выражение $(k + \sigma)/(\xi k + \sigma) = 1$ и правая часть, таким образом, не зависит от k . Иными словами, в данной модели нет связи между экономической структурой и капиталоемкостью, когда издержки переворотов одни и те же для владельцев и капитала, и земли.

Однако картина существенно меняется, когда $\xi > 1$. При больших издержках переворота для капитала, чем для земли, из (IX.16) следует, что, по мере возрастания k , условие угрозы переворота становится менее жестким, а из (IX.17) — что ϕ^* уменьшается. Это означает, что можно определить два критических уровня, \hat{k} и k^* , таких что при $k = \hat{k}$, (IX.16) является равенством. Но если $k = k^*$, то, когда демократия обещает $\tau^D = 0$, элитам безразличен выбор между переворотом и сохранением демократии. Естественно, $k^* < \hat{k}$. Таким образом, получен следующий результат.

Следствие IX.2. *Пусть $\xi > 1$, а \hat{k} и k^* определяются сформулированными выше условиями. Тогда в единственном совершенном на подыграх равновесии, в случае $k < k^*$, общество является неконсолидированной демократией. Если $k^* \leq k < \hat{k}$, то общество является частично консолидированной демократией. Если $k \geq \hat{k}$, то общество является полностью консолидированной демократией.*

Следовательно, в обществе с преобладанием земельных ресурсов, где k невелико, в кризисные периоды будут перевороты. Однако когда структура производства иная, т.е. когда капитал относительно важнее в процессе производства и в составе активов элит, что отображается пороговым уровнем капиталоемкости k^* , тогда перевороты больше не возникают на равновесных траекториях, и демократия сохраняется. Тем не менее поскольку $k < \hat{k}$, демократия не является полностью консолидированным политическим институтом и выживает, только делая уступки элитам, от которых исходит реальная угроза переворота. По мере того как общество становится еще более капиталоемким и k возрастает, оно в конце концов становится полностью консолидированной демократией без нависающей тени переворота, влияющей на равновесные налоговые ставки и масштабы перераспределения.

Таким образом, эта модель показывает, как структура экономики, в частности степень капиталоемкости, влияет на предрасположенность демократии к консолидации. Основополагающая идея здесь в том, что в более индустриализованном обществе с большей долей активов элит в виде физического капитала волнения и беспорядки, связанные с переворотами — как и порождаемые репрессиями, — наносят больший урон. Вследствие этого, перевороты, так же как и репрессии, менее привлекательны в капиталоемком обществе.

6. КАПИТАЛ, ЗЕМЛЯ И БРЕМЯ ДЕМОКРАТИИ

Еще более важным каналом, через который структура экономики может влиять на демократию, является то, что отношение элит к демократии также изменяется вместе со структурой экономики ввиду различий в бремени налогообложения, налагаемого на капитал и землю. В данном разделе мы анализируем модель с этой особенностью. Для краткости мы сфокусируем внимание только на переворотах и демократических консолидациях. Учитывая результаты предыдущих двух разделов, ясно, что анализ перехода к демократии аналогичен; факторы, препятствующие переворотам, также препятствуют репрессиям, облегчая переход к демократии.

Ключевое утверждение этого раздела заключается в следующем: поскольку предложение земли менее эластично, граждане, когда это возможно, облагают более высокими налогами землю, чем капитал. Таким образом, при всех прочих равных условиях, элиты настроены против демократии, когда земля более важна для их доходов. Это дает иное основание тому, что в экономиках с преобладанием ресурсов в виде земли, имеется меньшая вероятность консолидировать демократию (а также перехода к демократии).

Теперь рассмотрим этот вопрос, сделав допущение о том, что могут быть отдельные налоги на доходы из различных источников: в частности, ставка налога на доход от капитала, τ_K , и ставка налога на доход от земли, τ_L . Далее мы везде упрощаем обсуждение вопроса, исключая налог на трудовые доходы (т.е. налог на труд, τ_N , равен нулю). Ясно, что граждане не хотели бы облагать налогом свои собственные доходы, но, в более общем плане, в недемократическом режиме элиты могут предпочесть облагать граждан налогом и перераспределять поступления себе (как при рассмотрении вопроса о целевых трансферах в предыдущих главах). Чтобы упростить изложение, мы игнорируем эту возможность, ограничивая внимание тем случаем, когда $\tau_N = 0$.

Как моделировать издержки налогообложения, когда имеются отдельные налоги на доход от капитала и доход от земли? Издержки нало-

гообложения в значительной части порождаются тем, что факторы производства предлагаются эластично. Например, налогообложение труда «дорого», потому что индивиды больше времени отдают досугу, вместо предложения рынку работы. Есть два аспекта этих издержек, и оба они имеют отношение к данному вопросу. Во-первых, поскольку меньше труда предлагается рынку, измеряемый доход и, следовательно, налоговые поступления уменьшаются. Это составляет издержки для тех, кто использует налоговые поступления, поскольку в таком случае их меньше. Во-вторых, имеются также издержки распределительной эффективности; без налогообложения труд используется наилучшим образом для работы по найму на рынке. Налогообложение мешает этому и создает искажения, порождая стимулы, для того чтобы время использовалось не там, где оно дает наибольшую отдачу для общества, а расходовалось вместо этого для досуга или домашнего производства. Налогообложение капитала подобным же образом чревато издержками, особенно в связи с тем, что капитал может «убегать» в другие виды деятельности или даже за границу, и уклоняться от налогов. Эти издержки снова материализуются в виде сокращения налоговых поступлений и искаженного распределения капитала между различными видами деятельности. В более общем плане, во всех случаях деформации являются результатом налогообложения, поскольку в попытке избежать налогов, каждый фактор не размещается там, где наиболее продуктивно его использование, а измеряемый рыночный доход, с которого собираются налоги, падает. Также важно, что оба вида издержек связаны с «эластичностью предложения» различных факторов. Когда фактор предлагается неэластично, его нелегко вывести из рыночной деятельности; следовательно, измеряемый доход не меняется и деформаций меньше. Рассмотрение эластичности предложения как главного фактора, определяющего издержки налогообложения, немедленно выявляет, что обложение налогом капитала должно быть более дорогостоящим, чем обложение налогом земли. В конце концов капитал может легко уйти в другие секторы, но земля находится на своем месте (в лучшем случае она может быть выведена из экономического оборота).

В силу этих соображений налог на капитал — τ_K , создающий издержки налогообложения, равные $C_K(\tau_K)rK$; когда земельный налог равен τ_L , издержки налогообложения — $C_L(\tau_L)vL$. Как и ранее, мы делаем допущение о том, что обе эти функции непрерывны, дифференцируемы и выпуклы. Более того, мы налагаем обычное пограничное условие $C'_L(0) = C'_K(0) = 0$ и слегка иное пограничное условие $C'_L(1) > 1$ и $C'_K(1) > 1$ (основание для этого станет ясным позднее). Решающее значение имеет делаемое нами допущение о том, что:

$$C'_L(\tau) < C'_K(\tau) \text{ для всех } \tau > 0.$$

Это допущение подразумевает, что предельные издержки обложения налогом капитала всегда выше, чем предельные издержки обложения налогом земли, что эквивалентно тому, что капитал предлагается более эластично, чем земля. Важное следствие этого допущения в том, что граждане хотели бы облагать большими налогами землю, чем капитал.

Чтобы еще больше упростить рассмотрение вопроса, мы сейчас отклоняемся еще в одном отношении от нашей базовой модели. Как и в нашей модели целевых трансферов, мы исходим из того, что вдобавок к одинаковым для всех агентов фиксированным трансферам имеются трансферы конкретным группам, в частности гражданам, T_p , и элитам T_r .

Учитывая все вышесказанное, можно записать совокупные доходы элит и граждан после выплаты налогов следующим образом:

$$\hat{y}^p = w + T_p$$

$$\hat{y}^r = (1 - \tau_k) \frac{rK}{\delta} + (1 - \tau_L) \frac{vL}{\delta} + T_r,$$

что учитывает наше допущение о том, что весь капитал и земля поровну поделены между членами элит и общая численность элиты — δ .

Условие баланса государственного бюджета теперь может быть записано как:

$$\delta T_r + (1 - \delta) T_p = \tau_k r K - C_k(\tau_k) r K + \tau_L v L - C_L(\tau_L) v L. \quad (\text{IX.18})$$

Левая часть (IX.18) есть совокупные расходы на трансферы. T_r — единовременный трансфер, который получают члены элиты, и тем самым умножается на δ ; T_p — трансфер гражданам и тем самым умножается на $1 - \delta$. Правая часть есть совокупные налоговые поступления от налогообложения капитала и земли. При ставках налога τ_k, τ_L , обладатели капитала платят в совокупности $\tau_k r K$ в виде налогов, а землевладельцы платят $\tau_L v L$. Из этих сумм мы вычитаем издержки налогообложения, $C_k(\tau_k) r K$ и $C_L(\tau_L) v L$.

Учитывая наличие целевого трансфера самим себе, граждане просто перераспределили бы весь доход с капитала и земли, используя этот целевой трансфер; следовательно, в демократии мы имеем $T_r = 0$.

Затем, поскольку граждане более не облагают себя налогом, наиболее предпочитаемые ими налоги те, которые максимизируют чистую налоговую выручку — правую часть (IX.18). Иными словами, граждане теперь хотели бы находиться на вершине кривой Лаффера, которая соотносит совокупные доходы от налогов со ставкой налога. Поэтому наиболее предпочтительные для граждан налоги можно вычислить, просто решив следующую проблему максимизации:

$$\max_{\tau_k, \tau_L} \{ \tau_k r K - C_k(\tau_k) r K + \tau_L v L - C_L(\tau_L) v L \}.$$

Условия первого порядка просты и дают наиболее предпочтительные для бедных налоги, τ_k^p, τ_L^p , неявно определяемые как:

$$C'_k(\tau_k^p) = 1 \quad (\text{IX.19})$$

$$C'_L(\tau_L^p) = 1,$$

что максимизирует их чистые доходы от налогов. Из допущения, что $C'_L(\tau) < C'_k(\tau)$, прямо следует, что $\tau_k^p < \tau_L^p$.

Затем мы вычисляем чистое бремя демократического налогообложения для элит. Как и в главе IV, мы определяем это бремя как чистый объем перераспределения от элит в пользу бедноты. Поскольку сейчас элиты не получают никаких трансферов, это бремя просто равно уплачиваемым налогам, следовательно:

$$\text{Бремя } (\tau_k^p, \tau_L^p) = \tau_k^p r K + \tau_L^p v L.$$

Пользуясь (IX.3), можно записать это по отношению к совокупному доходу и в терминах капиталоемкости как:

$$B \equiv \frac{\text{Бремя}(\tau_k^p, \tau_L^p)}{Y} = \tau_k^p \frac{k}{k + \sigma} + \tau_L^p \frac{\sigma}{k + \sigma}. \quad (\text{IX.20})$$

Во-первых, отметим, что из (IX.19) следует — ставки налога τ_k^p и τ_L^p независимы от k . Далее, (IX.20) подразумевает, что по мере того как экономика становится более капиталоемкой, бремя демократии для элит будет уменьшаться. Это отражает тот факт, что капитал — менее привлекательный объект налогообложения, чем земля. Аналитически, бремя налогов, B , уменьшается вместе с возрастанием капиталоемкости:

$$\frac{dB}{dk} = \frac{\tau_k^p}{k + \sigma} - \frac{\tau_k^p k + \tau_L^p \sigma}{(k + \sigma)^2} < 0.$$

что немедленно следует из неравенства $\tau_k^p < \tau_L^p$. Это ведет к тому, что элиты, когда в активах капитала больше, чем земли, менее настроены против демократии и потому, что демократия меньше облагает налогом капитал, чем землю.

Есть еще одна интересная интерпретация $\tau_k^p < \tau_L^p$. До сих пор мы подчеркивали различие ставок налога на доходы, порождаемые землей и капиталом. Другая возможность заключается в перераспределении са-

мих активов. Поскольку перераспределение активов не рассматривалось явным образом в этой главе, можно было бы думать, что потенциал для перераспределения активов также включен в эти налоги, τ_K^p и τ_L^p . Есть ли какие-то основания думать, что потенциал перераспределения активов различен для капитала и земли? Ответ — да. Хотя демократия может легко перераспределить землю с помощью земельной реформы, перераспределение капитала более затруднительно, поскольку капитал в виде фабрик нелегко поддается делению. Что более важно, когда эти фабрики отбирают у владельцев и передают в чужие руки, они становятся менее продуктивными, поскольку сложные взаимоотношения, необходимые для капиталистического производства — специфические инвестиции и ноу-хау, полностью находятся в руках первоначальных владельцев и их трудно, или даже невозможно, передать. Могут утверждать, что вместо самого капитала возможно перераспределение акций фирм; однако современная теория фирмы [Hart, 1995] говорит именно о том, что стимулы для сотрудников фирмы зависят от структуры собственности, так что капитал не может быть произвольно перераспределен без того, чтобы повредить продуктивности. Действительно, если рынки капитала совершенны, можно было бы ожидать, что первоначальная структура собственности будет эффективна (хотя, если они не таковы, эффекты перераспределения более сложны; см., например: [Legros, Newman, 1996]).

Землю значительно легче перераспределять, не создавая деформаций. Когда землю отбирают у крупных землевладельцев и передают сельскохозяйственным работникам, потеря эффективности незначительна, на самом деле, согласно некоторым оценкам, может быть даже увеличение эффективности, поскольку многие крупные фирмы находятся во владении землевладельцев, которые обрабатывают больше земли, чем это эффективно (свидетельства того, что земельные реформы могут дать повышение эффективности, см.: [Binswanger et al., 1995], что земельные реформы в Индии имели мало негативных последствий для совокупных экономических показателей, см.: [Besley, Burgess, 2000]). Это говорит о том, что земельная реформа часто является привлекательным инструментом политики для демократий в достижении их фискальных целей без создания существенных деформаций. Естественно, это предполагает большее бремя демократии для землевладельцев, чем для обладателей капитала. Из этого соображения следует: если земля является более важным активом богатых, у них есть больше оснований опасаться демократии, и обычно они ожидают большего бремени и перераспределения в чужую пользу. Это может быть отображено нашим результатом — $\tau_K^p < \tau_L^p$.

Теперь мы объединяем вместе оба эти фрагмента и анализируем вероятность переворотов в ситуации с различными налогами на капитал

и землю. Рассмотрим экономическую модель, описанную здесь и политическую модель, отображенную на рис. VII.1 (см. с. 298 наст. изд.). Мы еще более упрощаем рассмотрение, делая допущение, что в процессе переворота уничтожаются одни и те же доли капитала и земли (т.е. $\Phi_K = \Phi_L$ или что $\xi = 1$). Это допущение выделяет канал воздействия, на который мы хотим сделать особый упор в этом разделе.

Если граждане берутся устанавливать наиболее предпочтительные для них налоги и трансферы, то налоги на капитал и землю заданы (IX.19), и мы также имеем $T_r = 0$. Из этого следует, что трансфер каждому гражданину задан:

$$T_p^p = \frac{\tau_K^p r K - C_K(\tau_K^p) r K + \tau_L^p v L - C_L(\tau_L^p) v L}{1 - \delta}. \quad (\text{IX.21})$$

Верхний индекс p в выражении T_p^p обозначает, что это предпочитаемое гражданами значение. Поэтому соответствующие выигрыши в не испытывающей ограничений демократии таковы:

$$\begin{aligned} V^p(D) &= w + T_p^p, \\ V^r(D) &= (1 - \tau_K^p) \frac{r K}{\delta} + (1 - \tau_L^p) \frac{v L}{\delta}, \end{aligned} \quad (\text{IX.22})$$

с ценами факторов w , r и v , заданными (IX.2); с τ_K^p и τ_L^p , заданными (IX.19); и T_p^p , заданным (IX.21).

Предпримут ли элиты переворот, зависит от выигрышей в случае сохранения или ликвидации демократии. Граждане снова устанавливают налоги на капитал и трудовые доходы, которые потенциально отличаются от наиболее предпочтительных для них ставок налога, τ_K^p и τ_L^p , обозначаемые как $\tilde{\tau}_K$ и $\tilde{\tau}_L$. Соответствующее перераспределение гражданину есть:

$$\tilde{T}_p^p = \frac{\tilde{\tau}_K r K - C_K(\tilde{\tau}_K) r K + \tilde{\tau}_L v L - C_L(\tilde{\tau}_L) v L}{1 - \delta}. \quad (\text{IX.23})$$

То, что граждане решили бы сократить налоги на капитал и землю, а не перераспределять общую сумму в виде фиксированных трансферов элитам, очевидно, потому что эти налоги создают деформации. Если бы мы позволили облагать налогом трудовые доходы, граждане могли бы найти оптимальным обложить налогом самих себя и передать ресурсы элитам, чтобы избежать переворота.

После этого элиты решают, предпринять ли переворот. Если они это делают, общество переходит к недемократическому режиму и эли-

ты устанавливают ставку налога. Естественно, они избирают наиболее предпочтительные для них налоговые ставки, $\tau_K^N = \tau_L^N = 0$. В результате игра завершается с соответственными выигрышами для граждан и элит, $V^p(C, \varphi)$ и $V^r(C, \varphi)$, где:

$$V^p(C, \varphi) = (1 - \theta)(1 - \varphi)^\theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^\theta, \quad (\text{IX.24})$$

$$V^r(C, \varphi) = \frac{\theta}{\delta} (1 - \varphi)^\theta (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1 - \theta} = \frac{\theta}{\delta} (1 - \varphi)^\theta Y.$$

В противоположном случае, если элиты решают не предпринимать переворот, политическая система остается демократической. Тогда состоянием природы определяется, сможет ли демократия изменить обещанный на предыдущей стадии налог. Как и ранее, имеется в виду, что демократия может оказаться не в состоянии взять на себя обязательство меньше перераспределять (т.е. не предпринимать политических мер в пользу граждан), как только угроза переворота исчезнет. Природа с вероятностью p определяет, что налоговые ставки, обещанные гражданами, сохраняются, и граждане и элиты получают выигрыши $V(y^p | \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L)$ и $V(y^r | \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L)$, где:

$$V(y^r | \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = w + \tilde{T}_p^p,$$

$$V(y^p | \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = (1 - \tilde{\tau}_K) \frac{rK}{\delta} + (1 - \tilde{\tau}_L) \frac{vL}{\delta},$$

где \tilde{T}_p^p задано (IX.23).

Если же состояние природы позволяет демократии изменить налог, граждане и элиты получают выигрыши в демократии, не ограниченной угрозой переворота, в размере $V^p(D)$ и $V^r(D)$ согласно (IX.22). Таким образом, выигрыши, возникающие при обещании со стороны граждан в демократии сократить перераспределение со ставками налогов ($\tilde{\tau}_K, \tilde{\tau}_L$), суть $V^p(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L)$ и $V^r(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L)$, такие что:

$$V^p(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = w + (1 - p)T_p^p + p\tilde{T}_p^p, \quad (\text{IX.25})$$

$$V^r(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = (1 - p\tilde{\tau}_K - (1 - p)\tau_K^p) \frac{rK}{\delta} + \\ + (1 - p\tilde{\tau}_L - (1 - p)\tau_L^p) \frac{vL}{\delta},$$

с w , r и v , заданными (IX.2); τ_K^p и τ_L^p , заданными (IX.19); T_p^p , заданным (IX.21), и \bar{T}_p^p , заданным (IX.23). В этих выражениях учитывается, что с вероятностью $1-p$ граждане изменят налог, не будучи связанными ограничениями, и установят наиболее предпочтительные для них налоги τ_K^p и τ_L^p согласно (IX.19).

Теперь можно охарактеризовать совершенное на подыграх равновесие этой игры при помощи обратной индукции. Решающие вопросы заключаются в следующем: в интересах ли элит совершать переворот и могут ли граждане предотвратить переворот, обещая уступки.

Будет ли переворот привлекательным, зависит от того, выполняется или нет условие угрозы переворота $V^r(C, \varphi) > V^r(D)$. Ответ — да, когда бремя налогообложения элит достаточно высоко. Применяя (IX.22) и (IX.24), это ограничение можно представить в виде:

$$(1-\varphi)^\theta > (1-\tau_K^p) \frac{k}{k+\sigma} + (1-\tau_L^p) \frac{\sigma}{k+\sigma}. \quad (\text{IX.26})$$

Когда это ограничение отсутствует, демократия полностью консолидирована.

Напротив, когда это ограничение имеет место, демократия не является полностью консолидированной: если граждане не предпринимают превентивных мер, на равновесной траектории произойдет переворот. Предотвратить его можно, снизив бремя демократии для элиты, т.е. налоги и на капитал, и на землю. В частности, самое лучшее, что могут сделать граждане, это обещать элитам нулевые налоги на то и на другое — $V^r(D, \tau_K^D = 0, \tau_L^D = 0)$. Как и в ранее проведенном анализе, после этого можно определить пороговое значение для φ , φ^* , такое что, когда $\varphi < \varphi^*$, обещание ограниченного перераспределения со стороны граждан недостаточно для того, чтобы разубедить элиты предпринимать переворот. Поэтому мы имеем, что при φ^* , $V^r(D, \tau_K^D = 0, \tau_L^D = 0) = V^r(C, \varphi^*)$. Решение этого неравенства дает пороговое значение φ^* как:

$$\varphi^* = 1 - \left((1 - (1-p)\tau_K^p) \frac{k}{k+\sigma} + (1 - (1-p)\tau_L^p) \frac{\sigma}{k+\sigma} \right)^{\frac{1}{\theta}}. \quad (\text{IX.27})$$

Теперь можно охарактеризовать совершенное на подыграх равновесие следующим образом:

Теорема IX.5. *В описанной выше игре имеется единственное равновесие совершенное на подыграх, такое что:*

- Если условие угрозы переворота (IX.26) не имеет места, то демократия полностью консолидирована. Граждане устанавли-

ливают наиболее предпочтительные для них ставки налога на капитал и землю, $\tau_K^p > 0$ и $\tau_L^p > 0$, согласно (IX.19).

- Если условие угрозы переворота (IX.26) имеет место и $\phi \geq \phi^*$, демократия частично консолидирована. Граждане устанавливают налоги ниже τ_K^p и τ_L^p .
- Если условие угрозы переворота (IX.26) имеет место и $\phi < \phi^*$, то демократия не консолидирована. Происходит переворот, элиты приходят к власти и устанавливают наиболее предпочтительные для них ставки налога, $\tau_K^N = \tau_L^N = 0$.

Определим снова два пороговых уровня капиталоемкости, \hat{k} и k^* , такие что, когда экономика проходит эти пороговые уровни, она становится сначала частично консолидированной, а затем и полностью консолидированной демократией. Эти пороговые значения таковы:

$$k^* = \frac{\left(\left((1 - (1 - p)\tau_L^p) \right) - (1 - \phi)^{\theta} \right) \sigma}{(1 - \phi)^{\theta} - (1 - (1 - p)\tau_K^p)} \quad (\text{IX.28})$$

и

$$\hat{k} = \frac{\left((1 - \tau_L^p) - (1 - \phi)^{\theta} \right) \sigma}{(1 - \phi)^{\theta} - (1 - \tau_K^p)}. \quad (\text{IX.29})$$

Тогда следствие IX.2 применимо точно как и ранее, с k^* и \hat{k} , заданными (IX.28) и (IX.29). Поэтому результат аналогичен полученному ранее: по мере того как капитал и промышленность становятся более важными в сравнении с землей и сельским хозяйством, элиты начинают в меньшей степени отторгать демократию, и угроза ей уменьшается. Однако причина того, что так происходит, отлична от прежней. В модели предыдущего раздела бремя демократии не зависело от состава активов элит: их различное отношение к переворотам имело источником различные издержки от нарушений, вызываемых переворотом. Возможно, на практике более важно, что не все сегменты элиты равным образом страдают в демократии. В данном разделе это подчеркивается при помощи конструирования модели, где земля облагается более тяжелым налогом (или, возможно, перераспределяется более радикально в ходе земельной реформы), поэтому у элит больше оснований бояться демократии, когда земля является для них важным источником дохода. По мере возрастания капиталоемкости их оппозиция демократии уменьшается, и консолидация более вероятна.

Следствия модели в этом разделе имеют прямое отношение к демократизации. Поскольку бремя демократии ложится большей тяжестью на землевладельцев, чем на капиталистов, по мере возрастания капита-

лоемкости экономики репрессии становятся менее привлекательны в сравнении с демократией, а демократизация более вероятной. Действительно, по аналогии с проведенным ранее анализом, существует некоторый уровень капиталоемкости, который достаточно высок для того, чтобы гарантировать, что репрессии никогда не будут привлекательны для элит.

7. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМИ И ПРОМЫШЛЕННИКАМИ

Проведенный ранее анализ продемонстрировал, как увеличившаяся капиталоемкость экономики снижает вероятность антидемократических переворотов. Чтобы упростить рассмотрение вопроса, мы допустили изменение состава активов, но при этом элиты гомогенны и каждый их член владеет равной долей капитала и земли. На практике имеются четко различающиеся группы — землевладельцы и промышленники, — и некоторые группы более, чем другие, являются противниками демократии. Такие различия — устойчивая тема литературы, идущей от Б. Мура [Moore, 1966]. Они появились в современной литературе по демократизации в виде проводимого в ней разграничения сторонников «жесткой» и «мягкой» линий. В предыдущей главе было рассмотрено, как этому разграничению может быть придано некоторое содержание и микроэкономическое обоснование в контексте модели, элементами которой являются представители и богатых, и среднего класса. Тем не менее в главе VIII доходы были по-прежнему экзогенны и единственное различие между этими группами — уровень доходов.

Модели данной главы обеспечивают иной подход к этой проблеме. В частности, поскольку издержки и репрессий, и переворотов ложатся большей тяжестью на обладателей капитала, чем на землевладельцев, а бремя демократии больше для последних, мы ожидаем, что капиталисты и промышленники будут менее противостоять демократии, чем землевладельцы. Таким образом, можно представить себе ситуации, в которых элиты раскалываются, капиталисты выступают за признание демократии, а землевладельцы — против нее.

Хотя рассмотрение сторонников «жесткой» и «мягкой» линий в политологической литературе было ограничено контекстом перехода к демократии, лежащая в основе этого разграничения логика предполагает, что оно важно и для демократической консолидации. Те, кто против демократии, представляют собой гетерогенные группы; когда среди этих групп происходят расколы, то в вопросе о выживании демократии имеет решающее значение каким образом агрегируются предпочтения. Поэтому мы следуем двум предыдущим разделам, обращая внимание на

то, как капиталоемкость влияет на демократическую консолидацию там, где элиты гетерогенны. Это представляет собой некоторый контраст с главой VIII, где гетерогенность элит рассматривалась только в контексте демократизации.

В этом разделе мы используем ту же модель, что и в предыдущем, но с тремя группами агентов — рабочими, землевладельцами и промышленниками. Мы обозначаем число промышленников как δ^k и землевладельцев как δ^l , так что $\delta^k + \delta^l = \delta$. Весь капитал находится во владении промышленников, а вся земля у землевладельцев. Мы также продолжаем анализ предыдущего раздела, делая допущение о том, что нет отличительных издержек переворота для землевладельцев (т.е. $\xi = 1$), но есть различные ставки налога, которым их облагают бедные рабочие. Политическая ситуация снова описывается сходной игрой. Граждане сначала решают установить налоги на капитал и землю, τ_K^D и τ_L^D , и могут пообещать $\tilde{\tau}_K$ и $\tilde{\tau}_L$, которые отличаются от их идеальных налоговых ставок. Затем, если элиты решают не совершать переворот, то с вероятностью $1 - p$ возникнет состояние природы, при котором граждане изменят налоги $\tilde{\tau}_K$ и $\tilde{\tau}_L$, что создаст проблему достоверности демократических обязательств.

Чтобы рассмотреть, что хотят сделать элиты, мы должны предложить способ агрегирования предпочтений капиталистов и землевладельцев. Как обсуждалось ранее, есть различные способы этого, но здесь мы следуем модели из раздела 6 главы VIII, где предпочтения богатых и среднего класса агрегировались, исходя из допущения о том, что решения определяются с применением утилитаристской функции общественного благосостояния. Здесь мы делаем то же допущение, так что элиты настроены в пользу переворота, если это решение максимизирует сумму полезностей элит — землевладельцев и промышленников.

Выигрыши теперь также отличаются, потому что имеется три группы. Если результат игры — демократия, но граждане устанавливают наиболее предпочтительные для них налоговые ставки, заданные (IX.19), и выигрыши для граждан, промышленников (капиталистов) и землевладельцев соответственно:

$$\begin{aligned}
 V^p(D) &= w + T_p, \\
 V^k(D) &= (1 - \tau_K^p) \frac{rK}{\delta^k} + T_r, \\
 V^l(D) &= (1 - \tau_L^p) \frac{vL}{\delta^l} + T_r,
 \end{aligned}$$

с w , r и v , заданными (IX.2), и поскольку демократия избирает $T_r = 0$, то T_p задано (IX.21). Здесь мы делаем допущение о том, что капиталом и землей внутри каждой фракции элит ее члены владеют поровну. Мы

упростили обозначения, приняв $V^k(D)$ за выигрыш для всех промышленников и $V^l(D)$ — за выигрыш для всех землевладельцев, и делаем так со всеми функциями выигрыша в этом разделе.

Если же совершается переворот, и промышленники и землевладельцы приходят к власти, в этом случае мы принимаем допущение, что они совместно выбирают налоги и трансферы. В результате налоги оказываются нулевыми, но в процессе переворота, доля ϕ капитала и земли уничтожается. Следовательно, выигрыши рабочего, промышленника и землевладельца будут:

$$V^p(C, \phi) = (1 - \theta)(1 - \phi)^\theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^\theta,$$

$$V^k(C, \phi) = \theta(1 - \phi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1 - \delta)^{1-\theta} \frac{K}{\delta^k},$$

$$V^l(C, \phi) = \theta(1 - \phi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1 - \delta)^{1-\theta} \sigma \frac{L}{\delta^l}.$$

Конкретизируя эти выигрыши от переворота, учитываем, что после ликвидации демократии элиты не облагаются налогом, и накладываем условие, что в недемократии, установленной после переворота, налогообложение элит отсутствует. Теоретически мыслимо, что промышленники выскажутся за выбор $\tau_L^N > 0$ и $T_r > 0$, облагая налогом землевладельцев и перераспределяя доходы в свою пользу. Подобным же образом землевладельцы могут склоняться к обложению налогом промышленников. Однако ввиду предположения об утилитаристской функции полезности такое налогообложение в равновесии никогда не возникнет.

И наконец, ожидаемые выигрыши, когда бедные обещают перераспределение при ставках налога $\tau_K^D = \tilde{\tau}_K$ и $\tau_L^D = \tilde{\tau}_L$, принимая во внимание, что они будут привержены этому обещанию с вероятностью p , суть:

$$V^p(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = w + (1 - p)T_p^p + p\tilde{T}_p^p,$$

$$V^k(D, \tau_K^D = \tilde{\tau}_K) = (1 - p\tilde{\tau}_K - (1 - p)\tau_K^p)r \frac{K}{\delta^k},$$

$$V^l(D, \tau_L^D = \tilde{\tau}_L) = (1 - p\tilde{\tau}_L - (1 - p)\tau_L^p)v \frac{L}{\delta^l}.$$

Аналогично проведенному ранее анализу можно снова рассмотреть условие угрозы переворота и пороговые выигрыши для ϕ такие, что элиты безразличны к выбору между переворотом и сохранением демократии. Если перевороты дороже, чем этот критический уровень, то мы в полно-

стью консолидированной демократии. Эти выигрыши теперь зависят от баланса политической власти среди элит. Сначала мы определяем основные условия угрозы переворота, согласно которым $V^k(C, \varphi) > V^k(D)$ и $V^l(C, \varphi) > V^l(D)$. Они соответственно

$$\theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1-\delta)^{1-\theta} > (1-\tau_k^p)r \quad (\text{IX.30})$$

и

$$\theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1-\delta)^{1-\theta} \sigma > (1-\tau_l^p)v. \quad (\text{IX.31})$$

Если эти ограничения имеют место, то демократия должна сделать некоторые уступки элитам, чтобы избежать переворота и, таким образом, не является полностью консолидированной.

Поэтому можно записать ограничения $V^k(C, \varphi) > V^k(D, \tau_k^D = 0)$ и $V^l(C, \varphi) > V^l(D, \tau_l^D = 0)$, которые показывают, что переворот будет иметь место, даже если бедные делают наилучшие возможные уступки, которые они могут пообещать. Таким образом определяются условия, при которых демократия частично консолидирована. Промышленники предпочитают переворот принятию наилучшей возможной уступки от граждан, если

$$\theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1-\delta)^{1-\theta} > (1-(1-p)\tau_k^p)r, \quad (\text{IX.32})$$

а землевладельцы — если

$$\theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1-\delta)^{1-\theta} \sigma > (1-(1-p)\tau_l^p)v. \quad (\text{IX.33})$$

Вспомним, что эти условия предполагают $\tau_k^D = 0$ и $\tau_l^D = 0$.

Чтобы видеть, при каких обстоятельствах будет иметь место переворот, нам нужно изучить, максимизирует ли переворот утилитаристскую функцию благосостояния элит. Это произойдет, если

$$\delta^k V^k(C, \varphi) + \delta^l V^l(C, \varphi) > \delta^k V^k(D, \tau_k^D = 0) + \delta^l V^l(D, \tau_l^D = 0).$$

Здесь $\delta^k V^k(C, \varphi) + \delta^l V^l(C, \varphi)$ есть сумма полезностей промышленников и землевладельцев в случае, когда элиты организуют переворот против демократии. Обозначение $\delta^k V^k(D, \tau_k^D = 0) + \delta^l V^l(D, \tau_l^D = 0)$ — сумма полезностей, когда промышленники и землевладельцы принимают наилучшую возможную уступку со стороны граждан и не устраивают переворот. Может быть так, что $V^l(C, \varphi) > V^l(D, \tau_l^D = 0)$, т.е. землевладельцы стоят за переворот, тогда как $V^k(C, \varphi) < V^k(D, \tau_k^D = 0)$, и промышленники против него. Тогда:

$$\begin{aligned} \delta^k V^k(C, \varphi) + \delta' V'(C, \varphi) &= \theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^{\theta-1} (1-\delta)^{1-\theta} \left(\delta^k \frac{K}{\delta^k} + \delta' \sigma \frac{L}{\delta'} \right) = \\ &= \theta(1-\varphi)^\theta (K + \sigma L)^\theta (1-\delta)^{1-\theta} = \theta(1-\varphi)^\theta Y. \end{aligned}$$

Подобным же образом:

$$\begin{aligned} \delta^k V^k(D, \tau_k^D = 0) + \delta' V'(D, \tau_L^D = 0) &= \\ = \delta^k (1 - (1-p)\tau_k^p) r \frac{K}{\delta^k} + \delta' (1 - (1-p)\tau_L^p) v \frac{L}{\delta'} &. \end{aligned}$$

Таким образом, переворот происходит, когда демократия делает наилучшее обещание, какое только может дать (т.е. $\tau_k^D = 0, \tau_L^D = 0$), если

$$\theta(1-\varphi)^\theta Y > (1 - (1-p)\tau_k^p) r K + (1 - (1-p)\tau_L^p) v L. \quad (\text{IX.34})$$

Переворот происходит, когда демократия не делает уступок, при условии:

$$(1-\varphi)^\theta Y > (1 - \tau_k^p) r K + (1 - \tau_L^p) v L. \quad (\text{IX.35})$$

Заметим, что (IX.35) есть то же самое уравнение, что и (IX.26). Более того, (IX.34) подразумевает точно то же критическое значение для издержек переворота φ^* , заданное в (IX.27). Таким образом, анализ теоремы IX.5 применим и в данном случае. В частности, можно определить критические уровни капиталоемкости, \hat{k}^* и \hat{k} , такие, что если $k < \hat{k}^*$, то переворот произойдет. Для $k \in [\hat{k}^*, \hat{k})$ демократия может выжить, делая уступки, и тогда является частично консолидированной, если же $k \geq \hat{k}$, демократия является полностью консолидированной.

Интересно, что возникают ситуации, когда интересы и предпочтения элит расходятся. Поскольку $\tau_k^p < \tau_L^p$, землевладельцы естественным образом более склонны к перевороту, чем промышленники. Однако по мере увеличения капиталоемкости, могущество промышленников возрастает в сравнении с землевладельцами, поэтому решение о перевороте все более отражает их интересы (т.е. поскольку они меньше теряют от демократии, они менее склонны устраивать перевороты). Таким образом, мы имеем интересную ситуацию: раскол среди элит. Землевладельцы хотят переворота, но промышленники его не хотят; предпочтения промышленников доминируют, когда капиталоемкость становится достаточно высокой.

Здесь значимо не просто то, что элиты в целом становятся более про-демократическими по мере того как развивается экономика и промыш-

ленность становится более важной. Напротив, и это несколько более реалистично, имеются разделения внутри элит: представители старой земельной аристократии всегда больше в оппозиции к демократии, поскольку они платят бóльшую цену и боятся еще большей цены демократической политики в будущем. Их установки меняются не очень быстро, но в ходе индустриализации структура экономики изменяется, новые фракции элиты становятся более могущественными, и промышленникам предстоит больше терять от переворотов и у них меньше оснований бояться демократии. Когда эти новые сегменты элит становятся более сильными, демократии можно меньше опасаться элит. Этот результат следует из того факта, что с увеличением капиталоемкости экономики интенсивность предпочтений различных фракций элит меняется, и промышленники становятся все сильнее настроенными против переворота, а землевладельцы все меньше его поддерживают. Сравнительная интенсивность предпочтений отражается в относительной политической власти.

8. ПРОМЫШЛЕННИКИ, ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И ДЕМОКРАТИЯ НА ПРАКТИКЕ

Как представления, разработанные в этой главе, помогают понять межстрановые различия в создании и консолидации демократии? Сравнение Латинской Америки и Западной Европы особенно значимо. Когда европейские страны, такие как Великобритания и Франция, двигались к полной демократии в 1870-е годы, они были преимущественно городскими обществами; когда Бразилия, Гватемала и Венесуэла демократизировались в 1940-е годы, они были преимущественно сельскими. В Европе, хотя демократия создала перераспределение доходов и социально-экономическую политику, благоприятную для бедных, не возникло никакой радикальной программы перераспределения активов. Хотя европейские социалисты, конечно, говорили об «обобществлении капитала», это никогда реально не предлагалось в качестве серьезной electoralной стратегии, кроме как, возможно, в контексте национализации индустрии. Но национализации, по крайней мере в Великобритании, часто подвергались те отрасли промышленности, которые несли тяжелые потери, и чьи хозяева всегда получали компенсации. Серьезное перераспределение капитала имело место только после коммунистических революций. Однако в Латинской Америке недавно получившая избирательные права сельская беднота требовала аграрной реформы — крупномасштабного перераспределения земли [Larr, 2004]. Это постоянно происходило в ходе латиноамериканских демократизаций, за исключением более урбанизированных стран, таких как Аргентина и Уругвай, где политическая борьба развивалась по линии раскола между городом

и деревней¹. Ответом на требования радикального перераспределения земли в Бразилии в 1964 г., Гватемале в 1954 г., Венесуэле в 1948 г. были перевороты. Таким образом, идея о том, что промышленники, поскольку им меньше оснований бояться перераспределения, менее антидемократичны, чем землевладельцы, как представляется, согласуется со сравнительным историческим опытом различных стран.

Представление о том, что индустриалисты и землевладельцы могут иметь различные предпочтения по отношению к демократии, может также помочь в объяснении динамики демократизации в Центральной Америке в 1990-е годы. Например, в Сальвадоре после 1940-х годов имела место экономическая диверсификация с новыми импортозамещающими отраслями промышленности в городах и переходом от кофе к хлопку [Williams, 1986; Paige, 1997]. Поскольку выращивание хлопка было более механизировано, имело место значительное сокращение потребности в сельскохозяйственном труде, и рабочие двинулись в города. Представляется, что сосредоточение населения в городских местностях значительно усилило политическую нестабильность в стране. Более того, промышленники нового типа инвестировали в производство хлопка, и возникла промышленность. Эта новая элита несла намного большие потери от вооруженных конфликтов 1980-х годов и сыграла главную роль в усилиях по достижению компромисса. Таким образом, идея о том, что репрессии более дорогостоящи для промышленников, хорошо соответствует опыту Центральной Америки, так же как и идея, что увеличивающееся политическое могущество промышленников может привести к расколу внутри режима и демократизации.

Э. Вуд [Wood, 2000] дает интересный пример применения этих идей к Южной Африке, утверждая, что там имела место сходная трансформация, когда белые землевладельцы становились менее значимы в сравнении с промышленниками, которые меньше выигрывали от режима апартеида (поскольку им вредили ограничения, препятствующие накоплению человеческого капитала чернокожими африканцами), и также больше теряли из-за репрессий и международных санкций, наложенных на Южную Африку.

9. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

В проводимом в этой главе анализе (да, в общем-то, и во всей книге) структура экономических институтов принимается как данность. Тем

¹ Например, Перона в Аргентине в основном поддерживали городские слои, и его политические меры имели целью перераспределение из аграрного сектора в Буэнос-Айрес. Ясно, что, как и в Великобритании и других странах Западной Европы, городские рабочие не были заинтересованы в перераспределении земли.

не менее ясно, что если силы, обладающие политической властью, могут изменять такие институты, то это может иметь важные последствия для демократии. Представим, к примеру, что стоящие у власти круги могут вмешиваться в функционирование конкурентных рынков и искажать их. В недемократии, где правят обладатели капитала и землевладельцы, элиты могут вмешиваться для того, чтобы понизить заработную плату, возможно, путем создания монополий на рынке труда. В недемократии это увеличило бы долю национального дохода, относимого на долю капитала и земли, уменьшая долю труда до уровня ниже $1 - \theta$. В таком обществе демократизация не только привела бы к налоговым мерам, не одобряемым элитами, она также подорвала бы предпочитаемые ими экономические институты. Например, как только граждане, получающие доход от предлагаемого ими труда, начинают господствовать в демократической политике, у них есть стимул принимать законы, подрывающие рыночное могущество промышленников и землевладельцев. Действительно, у них есть стимул увеличить свою собственную рыночную власть, например облегчая создание профсоюзов, вводя страховку от безработицы, минимум заработной платы, и удорожая увольнения. Это имело бы следствием сокращение θ в демократии. Демократизация в Британии в XIX в. привела к важным изменениям законодательства о рынке труда, ослабляя позиции нанимателей и усиливая позиции рабочих (см. главу III наст. изд.).

Допущение подобной «эндогенности» рынка труда и иных экономических институтов приводит к тому, что элиты становятся более антидемократическими а граждане более настроенными в пользу демократии. Таким образом, революция становится привлекательнее, поскольку, как и в наших моделях с целевыми трансферами, недемократический статус-кво становится хуже для граждан. Одновременно демократия становится хуже для элит, и поэтому они будут более склонны применять репрессии, чтобы ее избежать. Ясно, что, как только демократия создана, способность манипулировать экономическими институтами также увеличивает для элит стимулы устраивать перевороты. По существу, допущение эндогенности экономических институтов порождает результаты, подобные тем, что в модели с целевыми трансферами. Оно повышает значимость любого конкретного набора политических институтов и имеет тенденцию делать общество более конфликтным и менее стабильным.

Хотя в этой книге мы не анализируем модели эндогенных экономических институтов, в реальности это важный вопрос. Например, в работе Мура [Moore, 1966], а также у многих его последователей, делается большой упор на организацию сельского хозяйства. Мур утверждал, что демократизации в Британии способствовала высокая коммерциализация

сельского хозяйства и сравнительно свободные рынки факторов производства. Как мы рассматривали это ранее, предшествовавшие демократии институты рынка труда в Британии, несомненно, пытались ослабить позиции рабочих, например, запрещая профессиональные союзы, но они были очень далеки от ситуации в Восточной Европе. Британия была одной из первых стран в Европе, увидевших крах феодализма, тогда как в Восточной Европе он существовал и далее до середины XIX в. Мур противопоставил ситуацию в Британии «репрессивному по отношению к труду» сельскому хозяйству Восточной Европе. Это различие оправдано в рамках нашей концептуальной структуры, когда экономические институты эндогенны. В Британии политические элиты в XIX в., хотя и ожидали изменений экономических институтов, намного меньше теряли от демократизации, чем элиты России или Австро-Венгрии.

Рассмотрение этого вопроса Муром также позволяет говорить об иной связи между преобладанием земли в производственных активах и демократизацией. Возможно, что репрессивные по отношению к труду экономические институты — в предельном случае рабство — не столь неэффективны и/или осуществимы в сочетании с сельскохозяйственными технологиями. Например, это стандартный аргумент при объяснении того, почему в США до Гражданской войны рабы использовались преимущественно в южных штатах [Fogel, Engerman, 1974; Eltis, 2000]. Хотя нам не известны микроэкономические основания для этого утверждения, оно, несомненно, согласуется со многими данными, и могло бы дать еще одно связующее звено, на сей раз через экономические институты, между капиталоемкими обществами и демократией — репрессии по отношению к труду просто менее осуществимы или привлекательны для промышленников.

Хотя в исследовании Мура можно рассматривать Британию XIX в. как относительно капиталоемкую, а Россию как страну с преобладанием земельных активов, имеются большие вариации в связи с различиями экономических институтов даже в более аграрных обществах. Эти идеи также могут объяснить вариации в Латинской Америке. Возьмем, к примеру, Центральную Америку. Несмотря на высокую специализацию в одних и тех же видах экономической деятельности, особенно связанных с кофе, имеются большие различия в путях политического развития, по которым шли разные страны Центральной Америки [Williams, 1994; Paige, 1997]. Например, в Никарагуа была одна из самых одиозных личных диктатур — диктатура семьи Сомоса — в течение большей части XX в. до тех пор, пока она не пала в ходе Сандинистской революции 1979 г. В Гватемале и Сальвадоре не возникло такого клептократического режима; вместо этого власть мертвой хваткой держали земельные элиты при поддержке военных. Эта хватка ослабла лишь ненадолго в Гватемале в 1940-е годы и в Сальвадоре в конце 1920-х годов. В обеих

странах элиты пошли по пути репрессий, а не демократии, в результате им пришлось столкнуться с продолжительными партизанскими войнами. Эти войны удалось закончить благодаря переговорному процессу в 1990-е годы, но несомненно в Гватемале те же элиты по-прежнему обладают существенным политическим влиянием. В то же время соседняя Коста-Рика, возможно, наиболее демократическая страна в Латинской Америке и является демократией с 1948 г.; даже и до этого в ней правили относительно демократические и нерепрессивные режимы.

Что может быть объяснением таких разных результатов? Один фактор ясен — это отсутствие крупных земельных владений в Коста-Рике [Williams, 1994; Gudmundson, 1995; Paige, 1997; Yashar, 1997; Lehoucq, 1998; Nugent, Robinson, 2000; Wood, 2000; Mahoney, 2001]. Кофе там выращивался обладателями небольших участков и в середине XIX в., государство приняло ряд актов о наделении сравнительно небольшими участками земли для выращивания кофе любого, кто хотел заниматься их обработкой. Напротив, в других странах Центральной Америки развитие мировой экономики в конце XIX в. привело не к такого рода реформам, а к серии экспроприаций земель политическими элитами и теми, кто обладал связями в политике. Это способствовало не формированию общества мелких собственников, как в Коста-Рике, а созданию крупных поместий и большого неравенства во владении землей. Большинство исследователей рассматривают различные формы организации сельского хозяйства, существование «земельной элиты» в большей части Центральной Америки, а ее отсутствие в Коста-Рике — как ключ к объяснению различных путей политического развития в этих странах.

Ситуация в относительно демократической Колумбии удивительно похожа на костариканскую. И в Коста-Рике, и в Колумбии политические элиты значительно больше занимались финансированием, покупкой и экспортом урожая кофе, чем его выращиванием (см.: о Коста-Рике [Paige, 1997; Mahoney, 2001] и о Колумбии [Palacios, 1980; Nugent, Robinson, 2000]). Одним из результатов этого было то, что институты рынка труда стали значительно более «репрессивны по отношению к труду» в Гватемале и Сальвадоре. Принудительный труд существовал в Гватемале до первоначального создания демократии в 1945 г., хотя в Колумбии он перестал существовать в начале 1820-х годов. Это имело важное значение для демократии, потому что в Гватемале и Сальвадоре элиты с земельными активами также предвидели утрату предпочитаемых ими институтов рынка труда в случае демократизации, как это действительно и произошло в Гватемале в 1945 г.

В более общем плане, литература по сравнительному развитию стран Северной и Южной Америки основывается на идее о том, что перво-

начальные условия в испанских и португальских колониях привели к экономическим институтам, созданным для того, чтобы извлекать доходы из труда коренного населения и контролировать колониальные элиты [Lockhart, Schwartz, 1983; Coatsworth, 1993; Engerman, Sokoloff, 1997; Acemoglu et al., 2001; 2002; 2004]. Эти институты, такие как принудительный труд, отсутствие хорошо определенных прав собственности или равенства перед законом и крайне меркантилистская политика, сохранялись долгое время. Представляется, что они были главной причиной неспособности латиноамериканских стран осуществить индустриализацию в XIX в. Они также помогают объяснить, почему неравенство стало таким высоким. Тем самым в долгосрочном плане расхождение в экономическом развитии между странами Северной и Южной Америки, по крайней мере отчасти, объясняется сохранением различных экономических институтов, происхождение которых связано с различными начальными условиями в колониях (например, плотностью коренного населения).

Эта аргументация говорит о том, что те или иные комплексы экономических институтов сохраняются в течение длительного времени. Действительно, если бы институты не сохранялись, они вряд ли могли бы структурировать социальную, экономическую и политическую жизнь так, как они это делают. Они также указывают на то, что далеко не все институты (и в том числе большинство экономических) можно свободно изменить вслед за сменой политического режима. Несмотря на интересные примеры корреляций между демократизациями, переворотами и изменениями экономических институтов, которые мы рассматриваем в этом разделе, это первая причина того, что мы не проанализировали их детально. Здесь ситуация подобна той, что рассматривалась в главе VI, когда речь шла о политических институтах. Будучи однажды созданными, институты — и политические, и экономические — имеют сильную тенденцию сохраняться (относительно механизмов такой устойчивости см.: [Acemoglu et al., 2001]). В любом обществе те институты, что существуют в текущий момент, являются результатом сложных исторических процессов. На определенном уровне в Гватемале и Великобритании произошли важные изменения экономических институтов во время демократизации; на другом уровне наблюдались значительные, исторически определенные различия в экономических институтах. Это означает, что, предлагая объяснения тому, что демократизация осуществилась быстрее в Великобритании, чем в Гватемале, полезно трактовать эти различия экономических институтов параметрически. В конечном итоге, однако, хотелось бы разработать теорию, объясняющую совместную эволюцию экономических и политических институтов. Такая теория выходит за пределы этой

книги, но это увлекательная область будущих исследований (набросок такой теории см.: [Acemoglu et al., 2004]). И наконец, соотношение между экономическими институтами и политическими режимами, которые их поддерживают, дает иное связующее звено между неравенством и политическим развитием. Например, общества с экономическими институтами, благоприятствующими узкой элите, могут оставаться недемократическими, продолжать поддерживать такие экономические институты и тем самым порождать высокий уровень неравенства, тогда как другие общества могут переходить к демократии и избирать более эгалитарные экономические институты.

10. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Моделями этой главы было продемонстрировано, что в капиталоемком обществе (имеется в виду физический капитал), репрессии и перевороты становятся более дорогостоящими, а демократия менее радикальной и угрожающей (интересам элиты). Вследствие этого такие общества должны легче демократизироваться и быть более склонными к консолидации своих демократий. В течение последнего полувека земля и даже физический капитал стали менее важны, а человеческий капитал и технологии — более важны. Действительно, К. Голдин [Goldin, 2001] называет XX в. «веком человеческого капитала». Поэтому в данном разделе мы продолжим анализ, проводимый в этой главе, сосредоточив внимание на том, что происходит с демократией, когда в экономике начинает доминировать человеческий капитал.

Человеческий капитал — умения, знания и образование, воплощенное в индивидах — естественным образом включается в эти механизмы. Во-первых, бремя репрессий или переворотов часто ложится на людей, которых убивают во время конфликтов. Нанести вред человеку или убить его легче, чем привести в негодность машину или участок земли. Поэтому можно ожидать, что человеческий капитал несет наибольшие потери от репрессий, насилия и переворотов. Во-вторых, человеческий капитал, конечно, невозможно перераспределять. Более того, даже доход, порождаемый человеческим капиталом, дорого облагать налогом, потому что в отличие от выработки машины человеческий капитал порождает продукт только тогда, когда индивиды прилагают усилия. Усилия трудно отслеживать, поэтому для властей трудно заставить людей применять их человеческий капитал, и они (усилия) легко подрываются высокими ставками налога на доходы. Таким образом, демократия в обществе, где в производственных фондах доминирует человеческий капитал в отличие от физического капитала или земли, вероятно, будет перераспределять намного меньше.

Это прямо указывает на то, что здесь просто применить анализ, аналогичный проведенному ранее, с $h = H/K$ как капиталоемкостью общества в плане человеческого капитала вместо $k = K/L$, капиталоемкости общества в плане физического капитала. Большая «человеческая капиталоемкость» элит делает их менее склонными применять силу против демократии, более того, она сокращает бремя демократии, поскольку человеческий капитал труднее облагать налогами, чем физический капитал или землю. Оба эти канала воздействия имеют следствием то, что по мере того как человеческий капитал становится более важным, повышается вероятность возникновения и консолидации демократии.

Вдобавок к этому, когда человеческий капитал становится важнее, можно полагать, что средний класс (как в анализе, проведенном в главе VIII) становится богаче и более многочисленным, что имеет тенденцию увеличивать вероятность демократии.

Таким образом, наш анализ говорит о том, что имеется несколько важных взаимосвязей человеческого капитала с демократией, и дает полезные пути для понимания эмпирических связей, показанных в главе III: особенно на рис. III.7 и III.8 (см. с. 84, 85 наст. изд.).

11. ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Взаимосвязь демократии и физического и человеческого капиталов, а также относительной значимости земли и производственного капитала, которую мы исследовали в этой главе, позволяет сделать некоторые предположения относительно связи между экономическим и политическим развитием. Хотя современные теории экономического роста иногда акцентируют, что в процессе просто происходит повышение уровня доходов общества, экономическое развитие есть нечто большее. В ходе экономического развития существенным образом меняются производственные отношения: и рабочие, и фирмы мигрируют из сельских местностей в города; физический и, позднее, человеческий капитал и технологии становятся более важны; трансформируется вся структура экономики. Эти темы разрабатывались ранними теоретиками экономического развития, например, Х. Зингером, П. Розенштейн-Роданом, Р. Нурксе, А. Льюисом, Г. Мюрдалем и, особенно, С. Кузнецом [Singer, 1949; Rosenstein-Rodan, 1949; Nurkse, 1953; Lewis, 1954; Myrdal, 1957; Kuznets, 1966]. До некоторой степени они были формализованы К. Мёрфи, Э. Шлеифером и Р. Вишны; К. Мацуямой; Д. Асемоглу и Ф. Зилиботти [Murphy et al., 1989; Matsuyama, 1992; Acemoglu, Zilibotte, 1997; 1999].

Таким образом, экономическое развитие и рост доходов на душу населения сопровождаются изменениями в структуре экономики, связан-

ными с понятием капиталоемкости, которое мы использовали в этой главе. Такое видение позволяет говорить о том, что с развитием экономики капитал становится важнее земли, промышленность важнее сельского хозяйства, и, как предполагает наше политическое моделирование, оппозиция и угроза демократии ослабевают. Можно ожидать, что страны с более высоким доходом на душу населения будут также более капиталоемкими и что это порождает эмпирическую зависимость между доходом на душу населения и демократией.

Такая зависимость, впервые зафиксированная С. Липсетом [Lipset, 1959], является одним из самых важных «фактов» в политической экономике. Как было показано в главе III, такая устойчивая корреляция обнаруживается в данных межстрановых сравнений. Однако до сих пор отсутствует реальное теоретическое объяснение этого эмпирического факта. Липсет проследил истоки этого объяснения вплоть до Аристотеля, и утверждал, подобно Аристотелю, что «только в богатом обществе, в котором относительно мало граждан живет в настоящей бедности, может сложиться ситуация, при которой масса населения может разумно участвовать в политике и развить способность к самоограничению, необходимому для того, чтобы не поддаваться призывам безответственных демагогов» [Ibid., p. 75]. Согласно этой точке зрения, связь между доходами и демократией отражает тот факт, что только в относительно богатых странах граждане достаточно «зрелы» и хорошо информированы, для того чтобы жить более сложной жизнью, ассоциируемой с демократией. Более современные исследователи сосредоточивали внимание на тестировании устойчивости этой связи, а не на ее объяснении.

Модели, разрабатывавшиеся в этой книге ранее, конструировались так, чтобы сознательно избежать какого-то ответа на этот вопрос. Дело в том, что они создавались для того, чтобы давать результаты, не меняющиеся в зависимости от уровня доходов на душу населения (например, нормализуя издержки налогообложения). Однако результаты, полученные в этой главе, могут предоставить убедительные микроэкономические основания для связи между экономическим и политическим развитием. Они говорят о том, что, по мере того как экономика развивается, накапливаются факторы производства и возрастает доход на душу населения, именно изменения в структуре экономики в направлении более капиталоемких активов ведут к демократии и ее консолидации.

На данной стадии исследования это только предположение, которому не хватает эмпирической поддержки. Действительно, поскольку в эмпирической работе по детерминантам демократии еще предстоит убедительно установить наличие каузального влияния дохода на демократию, изучение следствий механизмов для политического развития, описанных в этой главе, является сферой будущих исследований.

Вероятно и то, что корреляция в данных может быть следствием иной пропущенной переменной. Вспомним рассмотрение вопроса о влиянии экономических институтов на демократию в предыдущем разделе. Там мы утверждали, что иные (в сравнении с Великобританией) экономические институты в Гватемале могут помочь в объяснении того, почему Гватемала исторически была настолько менее демократической, чем Великобритания. Очевидно, прямое влияние экономических институтов распространяется на экономические стимулы и производительность (эффект первого порядка). Эти различия экономических институтов, таким образом, могут объяснить, почему Гватемала намного беднее Великобритании [Acemoglu et al., 2001]. В рамках данного объяснения есть положительная корреляция между доходом на душу населения и демократией, но нет причинно-следственной связи между ними. На самом деле, и то, и другое определяется чем-то иным — экономическими институтами [Acemoglu et al., 2004].

12. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе была разработана модель, в которой уровень и распределение дохода являются эндогенными, и показано, как структура экономики может обуславливать создание и консолидацию демократии. Мы подчеркивали, насколько важны (в сравнении с землей) физический и человеческий капитал в процессе производства (то, что мы назвали капиталоемкостью экономики); как это влияет на издержки и репрессий, и переворотов, и на бремя демократии для элит. Это происходит потому, что (1) репрессии и применение силы более дорогостоящи для капиталистов и промышленников, чем для землевладельцев и (2) демократии рациональным образом будут облагать землю и доход от земли по бóльшим ставкам, чем капитал и доход от капитала. Представленные здесь идеи носят предварительный характер и не были эмпирически проверены, тем не менее они согласуются со многими историческими материалами и основными подходами в теории экономического развития. Они также согласуются с наблюдаемой корреляцией между доходом на душу населения и показателями демократии.

Хотя мы и не анализировали это подробно в данной главе важно, что эти результаты не зависят от характера политических идентичностей. Даже если политический конфликт был бы между этническими группами X и Z , а не между социально-экономическими классами, бóльшая капиталоемкость имела бы сходные последствия для демократии. Чтобы видеть, как капиталоемкость влияет на демократию, допустим, что элиты каждой из групп владеют капиталом и землей, тогда как все остальные имеют только свой труд. Даже если конфликт имеет место

между этническими группами, бóльшая капиталоемкость по-прежнему уменьшает стремление большей группы X перераспределять от меньшей группы Z , поскольку теперь это будет дороже. Этот результат остается верным, пока есть некоторые обладатели капитала и землевладельцы в группе Z . Когда демократия создана, это уменьшает стимулы предпринимать переворот для группы Z . Далее, в недемократии, которой в этом случае является правление группы Z , бóльшая капиталоемкость делает репрессии более дорогостоящими для Z , что в силу рассмотренных причин облегчает демократизацию.

Интересно сравнить результаты данной главы с главой VIII, в которой мы сопоставляли отношение очень богатых и среднего класса к демократии. Мы видели там, что в соответствии с тем, что подчеркивал Мур, средний класс больше настроен в пользу демократии, поскольку — учитывая, что его доходы ниже, чем у богатых — он меньше, чем богатые теряет от демократического налогообложения. В результате он меньше, чем богатые готов поддерживать репрессии, направленные на то, чтобы избежать демократии. Анализ, проведенный в главе VIII, показал, что те же самые соображения сделали средний класс в большей степени противником антидемократических переворотов, чем богатые, которые могли больше приобрести от перехода к недемократии. Проблема была в том, что ярлыки «средний класс» и «богатые» не имели должного, явным образом описанного, экономического фундамента, в силу чего было трудно увязать экономические перемены с этими потенциальными изменениями политических позиций. В данной главе мы, вместо того, чтобы сосредоточиваться на этих широких различиях между средним классом и богатыми, подчеркиваем различия между промышленниками и землевладельцами. Как и средний класс, промышленники меньше теряют от демократии и, возможно, несут бóльшие потери от разрушений и насилия, чем землевладельцы.

Х. Глобализация и демократия

1. ВВЕДЕНИЕ

В данной главе мы рассматриваем, как глобализация мировой экономики может влиять на демократию. Разработанная к настоящему моменту концептуальная структура показывает, как возникновение и развитие демократии зависит от распределения дохода и через этот канал от цен на факторы производства. Глобализация, в виде роста международной торговли и/или увеличившейся финансовой интеграции, влияет на цены факторов и, следовательно, может иметь существенное воздействие на демократию.

Многие исследователи предположили существование различных связей между глобализацией и демократией, и современная эмпирическая литература в политической науке начала изучать некоторые из них. Эта литература обнаруживает важные корреляции между демократизациями и переменами в мировой экономике. К примеру, Д. Куинн [Quinn, 1997; 2002] показывает, что с 1960-х годов усредненные межстрановые показатели демократии имеют высокую корреляцию со степенью либерализации движения капитала и текущих счетов. Однако в этой литературе [Kubota, Milner, 2005] сосредоточено внимание на том, как демократия влияет на международную либерализацию (рассматриваемую как часть более общей либерализации).

Чтобы рассмотреть потенциальные воздействия глобализации на демократию, мы различаем три измерения «глобализации»:

- возросшая международная торговля (рыночная интеграция);
- возросшая финансовая интеграция;
- возросшая политическая интеграция.

В этой главе мы трактуем указанные грани глобализации как экзогенные для данной конкретной страны и не поддающиеся контролю политиков. Повлияет ли на страну глобализация или нет, часто — по крайней мере, в некоторой степени — находится под контролем ее политиков. Но важным компонентом современной волны глобализации является снижение издержек международной торговли и большая интеграция мировой экономики, и политики мало что могут сделать, чтобы остановить

это. Таким образом, анализ последствий экзогенной глобализации для политического равновесия является полезным исходным пунктом.

Рост международной торговли обычно имеет тенденцию ликвидировать межстрановые разрывы в предложении товаров и в ценах факторов [Dixit, Norman, 1980; Feenstra, 2003]. Точнее, в отсутствие международной торговли изобильные в данном месте факторы имеют более низкие цены. Например, если страна изобилует трудом и скудна капиталом, в ней будут более низкие цены и большие доходы на капитал, чем в среднем в мире. Таким образом, в такой стране международная торговля повышает зарплаты и уменьшает процентные ставки. И консолидация демократии против угрозы переворотов, и переходы к демократии являются проблемой для относительно бедных стран, которые не достигли той стадии, на которой демократия полностью консолидирована. Вспомним, к примеру из главы III, что более богатые страны обычно являются демократиями; именно бедные страны являются недемократическими или имеют высокие риски претерпеть антидемократический переворот. Бедные страны обычно изобилуют трудом и имеют недостаточно капитала. Поэтому международная торговля должна сокращать разрыв в доходах между бедными, зарабатывающими на жизнь трудом, и богатыми, являющимися владельцами капитала.

В контексте нашей модели политики, сокращение разрыва между доходами бедных и богатых предполагает уменьшение политических конфликтов. К примеру, при меньшем разрыве (в доходах) между богатыми и бедными, у бедных меньше оснований голосовать за меры масштабного перераспределения, и демократия является меньшей угрозой для богатых. Таким образом, международная торговля понижает интенсивность конфликта между богатыми и бедными или, как это иногда формулируется в популярных изданиях, глобализация может ослабить «конфликт классов». При менее интенсивном конфликте между богатыми и бедными и более низких налогах в демократии богатые менее склонны нести издержки переворота для возвращения назад к недемократии, и больше вероятность консолидации демократии. Поэтому глобализация может способствовать демократической консолидации в развивающихся странах. Из той же аргументации следует, что, поскольку демократия менее дорогостояща для богатых, недемократические общества, сохраняющиеся при помощи репрессий, могут иметь большую вероятность демократизации; в этом случае глобализация также должна способствовать демократизации в мире. Однако в этих выводах следует быть осторожным, поскольку, как мы указывали в главе VI, зависимость между неравенством и демократизацией на самом деле является немонотонной. Следовательно, воздействие изменений в неравенстве на демократизацию зависит от того, каково исходное состояние этой зависимости.

Если мы начинаем с ситуации относительного равенства, то большее равенство, устраняя угрозу революции, может на деле препятствовать созданию демократии. Тем не менее осмысливая консолидацию демократии, естественно предполагать, что большее неравенство дестабилизирует демократические институты в относительно бедном обществе. Таким образом, следует ожидать, что сокращение неравенства, вызванное международной торговлей, сделает вновь созданную демократию более прочной, даже если ее общее воздействие на создание демократии может быть неоднозначным. В целом, конкретный эффект международной торговли для демократии является вопросом эмпирическим, и мы рассматриваем модели в этой главе как более всего полезные для разработки будущих эмпирических исследований.

Глобализация оказывает противоположное влияние на цены факторов в богатых странах. В то время как в изобилующих трудом развивающихся странах заработные платы повышаются, а доходы на капитал падают, в богатых капиталом странах, таких как члены ОЭСР, заработные платы должны падать, а доходы на капитал — увеличиваться. Должны ли мы ожидать повышения вероятности антидемократических переворотов в странах ОЭСР? Мы полагаем, что ответ отрицательный: поскольку эти общества уже являются полностью консолидированными демократиями, несущественное возрастание демократического перераспределения не поставит их в положение неконсолидированных демократий.

Рассмотрение этого вопроса основывается на предположении, что рост международной торговли уменьшает неравенство в развивающихся странах, особенно сокращая разрыв между обладателями капитала и обладателями труда. Это предположение делается в большинстве моделей международной торговли, особенно в прославленной модели Хекшера — Олина, когда недемократические страны бедны физическим капиталом и изобилуют трудом в сравнении с остальным миром. Но на практике некоторые из недемократических стран, выходящих на арену мировой экономики, могут изобиловать землей (например, Аргентина и Чили в начале XX в.). В этом случае международная торговля может увеличить доходы земли и через механизмы, которым уделялось особое внимание в главе IX, сделать демократизацию и экономическую консолидацию менее вероятной.

Другая важная оговорка заключается в том, что международная торговля не только влияет на относительную цену капитала и труда, но также и на относительную цену человеческого капитала (т.е. на доходы от квалификации). В менее развитых странах обычно мало квалифицированного труда, и следует ожидать, что возрастающая торговая интеграция уменьшит вознаграждение за квалифицированный труд в этих странах. Однако современный опыт во многих из этих стран продемон-

стрировал рост вознаграждений за квалификацию и больший разрыв между более и менее квалифицированными рабочими. Экономическая литература объясняет этот факт связанным с ним распространением технологий, основывающихся на знаниях и навыках, в менее развитых странах, что увеличивает предельный продукт квалифицированных рабочих. Поэтому мы также вкратце рассматриваем модель, в которой торговая интеграция увеличивает доходы от квалификации, и показываем, как это, хотя и повышает неравенство в целом, но может снова помочь демократической консолидации. Можно считать, что квалифицированные рабочие соответствуют «среднему классу» и, как это было рассмотрено в главе VIII, с более богатым средним классом демократия в меньших масштабах прибегает к перераспределению и может иметь большую вероятность консолидации.

Другой аспект глобализации — возросшая финансовая интеграция. В этой главе мы также демонстрируем, что возросшая финансовая интеграция мировой экономики может влиять на создание и выживание демократии. Для этого важно различать как влияние притока капитала в менее развитые страны, испытывающие нехватку капитала (что является следствием усилившейся финансовой интеграции), так и возможность бегства капиталов из этих стран. Приток капитала, точно так же как и рост международной торговли, сокращает доходы на капитал в бедных капиталом странах и повышает заработные платы. Таким образом, влияние финансовой интеграции этим путем подобно влиянию возросшей международной торговли: они сокращают разрыв в доходах между богатыми и бедными и тем самым могут помочь консолидации и созданию демократии.

Возможность бегства капитала может также содействовать демократии и благодаря иному механизму. В закрытой экономике, без возможности инвестировать капитал за рубежом, эластичность предложения капитала относительно низка: обладатели капитала могут потреблять свой капитал, а не инвестировать его, или, возможно, инвестировать в необлагаемые налогом виды деятельности (в «неформальном секторе»), который может быть намного менее продуктивным. Напротив, с ростом финансовой интеграции, высокие налоги могут поощрить обладателей капитала вывозить свой капитал из страны и инвестировать его в другие рынки, где налоги ниже и риск экспроприации отсутствует. Иными словами, финансовая интеграция повышает эластичность предложения капитала. Понимая это, демократия облагает капитал меньшими налогами и, в общем, вынуждена быть менее редистрибутивной. Таким образом, финансовая интеграция также уменьшает перераспределение в демократии из-за потенциального бегства капитала. Предвидя это, богатые имеют меньше оснований бояться демократии, более склонны

принять ее, а не применять репрессии, и менее склонны предпринимать антидемократический переворот, когда возникает окно возможностей. В результате, финансовая интеграция может также помочь созданию и консолидации демократии.

И последнее: глобализация часто сопровождается усилением политической интеграции, которая может влиять на издержки переворотов различными путями. Что самое важное, с возросшей политической интеграцией страны могут сталкиваться с бóльшими санкциями со стороны других демократических наций, если в них произойдет антидемократический переворот. Этим путем глобализация может помочь демократической консолидации. Вдобавок к этому, бóльшая политическая интеграция может также помочь развитию гражданского общества в менее развитых странах и повысить издержки переворота, и тем способствовать демократической консолидации.

В целом, наш анализ в этой главе выявляет важные связи между глобализацией и возникновением и консолидацией демократии. Интересно, что эти связи могут помочь объяснить волны демократизации или переворотов. Под волной мы понимаем одновременный шаг к демократии или от нее в ряде стран. Волны к демократии, возможно, были обусловлены историческими событиями, например, в период до Первой мировой войны, после Второй мировой войны и после 1970-х годов [Huntington, 1991; Markoff, 1996]. Интересно, что есть тесная корреляция между этими волнами демократизации и всплесками глобализации; действительно, естественно рассматривать глобализацию как явление, одновременно влияющее на многие страны и тем самым потенциально объясняющее переменную.

Как было отмечено ранее, связь между глобализацией и демократией обсуждалась многими исследователями, и наш анализ делает несколько важных вкладов в дискуссию. Во-первых, насколько мы знаем, ранее никто не говорил о том, что возросшая международная торговля может влиять на создание или консолидацию демократии через те каналы, которые мы рассматриваем (а именно воздействие на цены факторов и, следовательно, на распределение доходов).

Во-вторых, Р. Бейтс и Д. Лиен [Bates, Lien, 1985; Bates, 1991], Р. Роговский [Rogowski, 1998], Э. Ньюман и Дж. Робинсон [Newman, Robinson, 2002] и И. Буа [Voik, 2003] отмечают, что возможность покинуть страну может способствовать демократии, но они не предлагают анализа полного политического равновесия, когда международная торговля влияет на структуру неравенства и возможности выбора различных сторон в политической игре.

В-третьих, вводя возможность ухода из страны в стандартную экономическую модель мобильности факторов производства, мы откры-

ваем другие важные эффекты, например влияние притока капиталов на распределение. Хотя имеется обширная экономическая литература, изучающая воздействия глобализации, возросшей международной торговли и финансовой интеграции [Prasad et al., 2002], она лишь только начала устанавливать связь этих сил с институциональными изменениями. Исследователи, такие как Д. Родрик [Rodrik, 1997] и Дж. Гарретт [Garrett, 1998], придавали особое значение идее о том, что усиливающаяся глобализация ограничивает пространство выбора политических мер для национальных государств, но они не говорят о том, что это может повлиять на равновесную структуру институтов. Мы показываем, что глобализация может иметь важные последствия для демократии.

В-четвертых, в политологической литературе внимание преимущественно сосредоточено на идеях геополитики и идеологической диффузии демократии [Kopstein, Reilly, 2000; Maxfield, 2000].

Результаты, представленные в этой главе, наводят на размышления, но их еще надо проверить эмпирически. Более того, способствуют ли демократии те механизмы, которые мы обсуждаем, зависит от того, в какой части пространства параметров мы находимся. Это было рассмотрено ранее в отношении влияния увеличившейся торговой интеграции на неравенство, и то же применимо к последствиям финансовой интеграции. Мы рассматриваем как теоретическую возможность (хотя, вероятно, эмпирически это несущественно), что, уменьшая неравенство, возросшая торговая интеграция может консолидировать недемократические режимы.

И наконец, глобализация может настолько сузить возможности демократии принимать решения в интересах большинства, что создание демократии не сможет обеспечить стабильность. Если демократия ничего не дает гражданам, то революция становится для них привлекательной, а репрессии — привлекательными для элит. При таких обстоятельствах глобализация не способствует демократии.

2. МОДЕЛЬ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ

Для изучения связей между глобализацией и демократией мы используем версию модели из главы IX, с капиталом, землей и трудом. В фокусе внимания — отдельная страна, которая сначала предполагается закрытой для международной торговли. Затем мы рассматриваем тот случай, когда эта страна интегрируется в мировую экономику и начинает торговать продуктами своего производства с другими странами.

Как и в главе IX, мы исходим из того, что имеется агрегированная производственная функция, но вместо того, чтобы прямо принимать капитал, землю и труд за потребляемые факторы производства, мы де-

лаем допущение, что в качестве потребляемых факторов производства используются три различных промежуточных продукта. Как и ранее, пусть Y обозначает объем производства конечного продукта, который направляется на потребление, и Y_K , Y_L , и Y_N — количества трех промежуточных продуктов, используемых в производстве Y . Снова делается допущение о том, что агрегированная производственная функция принимает форму Кобба — Дугласа:

$$Y = (Y_K + \sigma Y_L)^\theta Y_N^{1-\theta}, \quad (X.1)$$

и мы, как и ранее, делаем допущение о том, что $0 < \theta < 1$ и $\sigma > 0$.

В закрытой экономике без международной торговли промежуточные продукты производятся внутренними факторами производства; нижние индексы указывают, что один из них капиталоемкий, Y_K ; другой зависит от земельных ресурсов, Y_L ; и последний — трудоемкий, Y_N . В открытой экономике промежуточные продукты являются объектами международной торговли. Со стороны производства в простейшем варианте все три продукта производятся с применением соответствующего единственного фактора. Таким образом, внутреннее производство каждого промежуточного продукта оказывается следующим:

$$\begin{aligned} Y_K &= K, & (X.2) \\ Y_L &= L, \\ Y_N &= 1 - \delta, \end{aligned}$$

используя тот факт, что имеется $1 - \delta$ рабочих. Остающиеся δ агентов, составляющих элиты, не владеют никаким трудом, и каждый имеет доли δ всего капитала, K , и всей земли, L .

Когда международной торговли нет, такая экономика идентична описанной в главе IX. Более формально можно сказать, что без международной торговли данная страна должна использовать свое внутреннее производство капиталоемких, использующих землю, и трудоемких промежуточных продуктов, для того чтобы произвести конечную продукцию. Подставляя (X.2) в (X.1), мы имеем:

$$Y = (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta},$$

что идентично агрегированной производственной функции, указанной в главе IX.

Мы делаем допущение, что все рынки, и для промежуточных продуктов, и для факторов производства, являются полностью конкурент-

ными. Мы устанавливаем цену конечной продукции равной единице и используем этот продукт как единицу измерения (numeraire). Цены трех промежуточных продуктов обозначаются — p_K , p_L и p_N . Чтобы определить эти цены, мы рассматриваем проблему минимизации издержек для фирмы, избирающей требования к потребляемым факторам для минимизации издержек производства. В формальном плане фирма решает проблему

$$\min_{Y_K, Y_L, Y_N} \{p_K Y_K + p_L Y_L + p_N Y_N\}$$

при условии, что:

$$Y = (Y_K + \sigma Y_L)^\theta Y_N^{1-\theta}.$$

Здесь $p_K Y_K + p_L Y_L + p_N Y_N$ есть совокупные издержки при использовании трех промежуточных продуктов. Для решения этой простой задачи на условный экстремум, мы составляем функцию Лагранжа:

$$\mathcal{L} = p_K Y_K + p_L Y_L + p_N Y_N - \lambda [(Y_K + \sigma Y_L)^\theta Y_N^{1-\theta} - Y]$$

и выводим условия первого порядка в отношении этих трех переменных выбора Y_K , Y_L , и Y_N . Они суть:

$$\lambda \theta (Y_K + \sigma Y_L)^{\theta-1} Y_N^{1-\theta} = p_K, \quad (\text{X.3})$$

$$\lambda \theta \sigma (Y_K + \sigma Y_L)^{\theta-1} Y_N^{1-\theta} = p_L,$$

$$\lambda (1-\theta) (Y_K + \sigma Y_L)^\theta Y_N^{-\theta} = p_N.$$

Из них мы выводим:

$$\frac{p_K}{p_N} = \frac{\theta}{1-\theta} \frac{Y_N}{Y_K + \sigma Y_L} \quad \text{и} \quad \frac{p_K}{p_L} = \frac{1}{\sigma}, \quad (\text{X.4})$$

первое из которых получается делением первого уравнения в (X.3) на третье, а второе — первого на второе. Из этих уравнений следует, что:

$$p_K = \frac{p_L}{\sigma} = \theta \left(\frac{Y_N}{Y_K + \sigma Y_L} \right)^{1-\theta} \quad \text{и} \quad p_N = (1-\theta) \left(\frac{Y_N}{Y_K + \sigma Y_L} \right)^{-\theta}. \quad (\text{X.5})$$

Поскольку одна единица каждого фактора используется для производства единицы его соответствующего продукта, и рынки факторов кон-

курентны, каждый фактор получает стоимость его предельного продукта, т.е.

$$w = p_N v = p_K r = p_L v,$$

где w обозначает размер заработной платы, r — доход на капитал, v — размер земельной ренты. В закрытой экономике мы применяем (X.2) вместе с (X.5), для того чтобы получить:

$$p_K = \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta - 1}, \quad (X.6)$$

$$p_L = \sigma \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta - 1},$$

$$p_N = (1 - \theta) \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta},$$

и видим, что соответствующие цены факторов в закрытой экономике идентичны тем, что в главе IX заданы (IX.2). Это, конечно, неудивительно, учитывая предыдущее наблюдение, что эти две модели идентичны для случая закрытой экономики. Следовательно, доли факторов также те же самые, что и ранее, и заданы (IX.3). Точно так же как ранее мы имеем, что доходы бедных граждан, элит и средние доходы заданы (IX.4), (IX.5) и (IX.6). Мы снова предполагаем, что элиты богаче, чем население в среднем (т.е. $\theta > \delta$). Далее, элиты однородны и каждый их представитель владеет капиталом и землей в равных количествах. Граждане же владеют своим собственным трудом. В этой главе мы фокусируем внимание на ситуациях, в которых политический конфликт имеет место между социально-экономическими классами. Тем не менее, как это ясно из нашего предыдущего анализа, многие из результатов применимы, когда политический конфликт идет по другим линиям; мы вкратце вернемся к этому вопросу в заключении данной главы.

Мы снова делаем допущение о том, что имеется единый налог на доход, независимо от его источника. Эта ставка налога создает стандартные искажения, отображаемые функцией $C(\tau)\bar{y}$. Тогда наиболее предпочтительная для граждан ставка налога, τ^p , задана тем же, что и прежде, уравнением.

2.1. Цены факторов и доходы в открытой экономике

Теперь допустим, что эта страна присоединяется к мировой системе торговли и может торговать со всеми остальными странами мира без вся-

ких помех. Мы рассматриваем эту возросшую торговую интеграцию как один из аспектов «глобализации». Поскольку производится всего один продукт, для стран нет стимула торговать им. Однако для стран могут быть стимулы торговать промежуточными продуктами, потребляемыми при производстве конечного продукта, поскольку они производятся с использованием факторов производства, которыми различные страны могут быть наделены по-разному. Пока мы делаем допущение о том, что факторы производства не могут быть объектом торговли (т.е. отсутствует мобильность капитала и нет миграции). Вместо того чтобы просто использовать внутренние запасы капитала, земли и труда для производства промежуточных продуктов, страна может торговать с остальным миром, продавать свои запасы промежуточных продуктов, требующихся в производстве этих ресурсов, по мировым ценам и достигать иного уровня производства конечного продукта. Если мировые цены на капиталоемкие, требующие земельных ресурсов, и трудоемкие продукты обозначены соответственно \underline{p}_N , \underline{p}_K и \underline{p}_L (подчеркнутые переменные всегда указывают на открытую экономику), то ограничение бюджета этой страны есть:

$$\underline{p}_K Y_K + \underline{p}_L Y_L + \underline{p}_N Y_N = \underline{p}_K K + \underline{p}_L L + \underline{p}_N (1 - \delta).$$

Левая сторона уравнения — совокупные расходы этой страны на промежуточные продукты по мировым ценам; правая сторона — совокупный доход, получаемый страной от продажи выпуска своих промежуточных продуктов по мировым ценам (учитывая производственные функции, заданные (X.2)).

Как устанавливаются мировые цены? Ответ на этот вопрос не является здесь существенно важным. Мы просто допускаем, что цены определяются в некотором рыночном равновесии, и принимаем его таким, что

$$\underline{p}_K = \frac{\underline{p}_L}{\sigma} = \theta \Psi^{\theta-1} \quad \text{и} \quad \underline{p}_N = (1 - \theta) \Psi^\theta, \quad (X.7)$$

где Ψ можно рассматривать как долю суммы капитала и земли по отношению к труду в мировой экономике. В (X.6) значимым для определения внутренних цен было отношение $K + \sigma L$ к $1 - \delta$; именно это имеется ввиду под «долей суммы капитала и земли по отношению к труду». В мировой экономике можно считать значимым то же отношение, но в нем соответствующими суммами являются мировые запасы факторов, а не их запасы в одной стране. Например, если все страны мира участвуют в торговле и нет тарифов или помех в торговле, мы имеем:

$$\frac{\underline{p}_K}{\underline{p}_N} = \frac{\theta}{1 - \theta} \frac{\sum_j N_j}{\sum_j K_j + \sigma \sum_j L_j},$$

где N_j — совокупное предложение труда в стране j ; K_j — ее капитал и L_j — ее земля. В этом случае Ψ равно сумме отношений капитала и земли к труду по всему миру, т.е.

$$\Psi = \frac{\sum_j K_j + \sigma \sum_j L_j}{\sum_j N_j}.$$

Если же установлены тарифы или есть помехи торговле, то Ψ отличается от этого отношения. Так ли это — не главное для нашего анализа в этой главе.

В фокусе нашего внимания — возникновение и консолидация демократии в недемократических обществах. Недемократические общества обычно беднее и, следовательно, в них относительно больше труда, чем капитала. Поэтому естественно полагать, что рассматриваемая страна относительно бедна капиталом. Формулируя это как допущение, мы имеем:

$$\Psi > \frac{K + \sigma L}{1 - \delta}. \quad (X.8)$$

Самое важное следствие из этого допущения можно получить, сравнив (X.7) с (X.6), что предполагает: после открытия страны для торговли цена трудоемкого промежуточного продукта в ней повышается (везде предполагается, что это страна с относительным преобладанием труда). Интуитивно понятно, что эта страна изобилует трудом в сравнении с мировой экономикой, что понижает цену трудоемкого промежуточного продукта, когда нет международной торговли. Международная торговля подтягивает цену трудоемкого продукта до мирового уровня.

Когда заданы цены, факторные доходы в этой экономике также заданы соответствующей стоимостью предельных продуктов, теперь оцениваемых по мировым ценам, тогда

$$\underline{w} = \underline{p}_N, \quad \underline{r} = \underline{p}_K \quad \text{и} \quad \underline{v} = \underline{p}_L. \quad (X.9)$$

Из этого следует, что международная торговля также повышает заработные платы относительно доходов на капитал и землю. Эти изменения относительных цен факторов — главный канал, по которому международная торговля влияет на то, возникнет ли и консолидируется ли демократия в конкретной стране.

Также стоит отметить, что мы неявно вводим *выравнивание цен факторов*. То есть с Ψ , понимаемым как мировое отношение капитала-и-земли к труду, и \underline{p}_N , \underline{p}_K и \underline{p}_L — как мировые цены, цены факторов,

заданные (IX.2), будут такими же, как цены факторов в других странах. Тем не менее имеет место выравнивание цен факторов или нет, не является важным для этого анализа. Важно просто то, что после открытия торговли цена относительно преобладающего фактора повышается относительно цен других факторов, и что для данной, относительно бедной страны имеющийся в изобилии фактор — труд. Такова характеристика многих моделей торговли, даже когда выравнивание цен факторов не имеет места, так же как и в стандартной модели Хекшера — Олина с выравниванием цен факторов. Важным следствием изменения цен факторов является уменьшение социального неравенства после начала торговли. Существующие данные в общем плане согласуются с представлением о том, что заработные платы выше в странах, богатых капиталом [Trefler, 1985; Leamer, 1998; Romalis, 2004], но имеются также свидетельства, что современный рост международной торговли больше поднял доходы более квалифицированных рабочих (мы рассмотрим эти следствия ниже).

Объединяя (X.7) и (X.9), мы получаем следующие цены факторов после открытия торговли:

$$\begin{aligned} \underline{w} &= (1 - \theta)\Psi^\theta, \\ \underline{r} &= \theta\Psi^{\theta-1}, \\ \underline{v} &= \sigma\theta\Psi^{\theta-1}. \end{aligned} \tag{X.10}$$

Из уравнения (X.8) следует, что при таком условии заработные платы выше, а доходы на землю и капитал ниже, чем при автаркии.

Используя эти цены факторов, получаем, что доходы после открытия торговли таковы:

$$\underline{y}^p = (1 - \theta)\Psi^\theta$$

и

$$\underline{y}^r = \frac{\theta}{\delta} \Psi^{\theta-1} (K + \sigma L),$$

и средний доход в этом случае:

$$\bar{y} = \Psi^{\theta-1} ((1 - \theta)(1 - \delta)\Psi + \theta(K + \sigma L)). \tag{X.11}$$

Применяя эти выражения, получаем наиболее предпочтительную для граждан (при отсутствии ограничений) ставку налога $\underline{\tau}^p$, снова удовлетворяющую обычному условию первого порядка:

$$\frac{y^p}{\bar{y}} = 1 - C'(\underline{\tau}^p) \quad (\text{X.12})$$

или

$$\frac{1 - \theta}{(1 - \theta)(1 - \delta) + \theta \frac{K + \sigma L}{\Psi}} = 1 - C'(\tau^p).$$

В силу (X.8) $\frac{K + \sigma L}{\Psi} < 1 - \delta$, так что:

$$\frac{1 - \theta}{(1 - \theta)(1 - \delta) + \theta \frac{K + \sigma L}{\Psi}} > \frac{1 - \theta}{1 - \delta}$$

и

$$\underline{\tau}^p < \tau^p,$$

где $\underline{\tau}^p$ — предпочтительная для граждан ставка налога после открытия торговли, заданная (X.12), и τ^p — наиболее предпочтительная для них ставка до открытия торговли. Таким образом, граждане, чей доход создается предложением труда, предпочитают устанавливать более низкие налоги после открытия торговли. Из этого следует, что после глобализации демократия становится менее перераспределительной, поскольку глобализация сокращает неравенство доходов.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ

Теперь мы инкорпорируем эту экономическую модель в наши политические модели. Мы начинаем с анализа демократической консолидации. Он является зеркальным отражением ранее рассмотренных моделей, особенно тех, что были в разделе 5 главы IX, и дерево игры на рис. VII.1 отображает стратегическую ситуацию. Мы делаем допущение, что доля ϕ и капитала, и земли теряется во время переворота, так что нет различий в издержках в зависимости от природы активов. Мы определяем два различных условия угрозы переворота — одно из них до, а другое после открытия торговли, и два пороговых уровня для ϕ , которые обозначаем как ϕ^* и $\tilde{\phi}$, — также до и после открытия торговли.

Рассмотрение этого вопроса предполагает, что выигрыши от демократии до торговли заданы (IX.7). Сходным же образом до торговли выигрыши для граждан и для элит после переворота заданы (IX.24).

Условие угрозы переворота до открытия торговли, $V'(C, \phi) > V'(D)$, идентично тому, что мы вывели в (IX.16), с $\xi = 1$:

$$\theta + \tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) < \theta(1 - \varphi)^0. \quad (\text{X.13})$$

После открытия торговли выигрыши от демократии меняются из-за изменения цен факторов, и заданы:

$$V^p(D) = \left[(1 - \theta)\Psi + \tau^p(\theta(K + \sigma L) - (1 - \theta)\delta\Psi) - C(\tau^p)(\theta(K + \sigma L) + (1 - \theta)(1 - \delta)\Psi) \right] \Psi^{\theta-1}, \quad (\text{X.14})$$

$$\underline{V}^r(D) = \left[\frac{\theta}{\delta}(K + \sigma L) + \tau^p \left((1 - \theta)(1 - \delta)\Psi - \frac{1 - \delta}{\delta}\theta(K + \sigma L) \right) - C(\tau^p)(\theta(K + \sigma L) + (1 - \theta)(1 - \delta)\Psi) \right] \Psi^{\theta-1}.$$

Подобным же образом выигрыши после переворота суть:

$$\underline{V}^p(C, \varphi) = (1 - \theta)\Psi^{\theta}, \quad (\text{X.15})$$

$$\underline{V}^r(C, \varphi) = \frac{\theta}{\delta}(1 - \varphi)(K + \sigma L)\Psi^{\theta-1}.$$

Условие угрозы переворота после открытия торговли есть, следовательно, $\underline{V}^r(C, \varphi) > \underline{V}^r(D)$, что может быть записано как:

$$\theta + \delta\tau^p \left(\frac{(1 - \theta)(1 - \delta)\Psi}{K + \sigma L} - \frac{(1 - \delta)}{\delta}\theta \right) - \delta C(\tau^p) \left(\theta + \frac{(1 - \theta)(1 - \delta)\Psi}{(K + \sigma L)} \right) < \theta(1 - \varphi). \quad (\text{X.16})$$

Легко проверить, что условие угрозы переворота после открытия торговли (X.16) связывает реже, чем условие угрозы переворота до открытия торговли (X.13). Это происходит в силу двух причин. Во-первых, как показано в предыдущем подразделе, после открытия торговли налоги ниже, и поэтому демократия для элит не столь дорогостояща. Во-вторых, с торговлей переворот для элит становится дороже, потому что они берут на себя его цену; таким образом, уничтожение доли φ их активов они не разделяют с рабочими. Иными словами, в закрытой экономике, когда уничтожаются активы элит, заработные платы падают и доходы на капитал и землю возрастают. Это означает, что доходы элит падают менее чем пропорционально. Напротив, доходы на капитал и землю в открытой экономике задаются мировыми ценами, так что в ре-

зультате переворота доходы элит падают пропорционально. Математически это демонстрируется сравнением правой стороны (X.16), которая есть $\theta(1 - \varphi)$, с правой стороной (X.13), которая есть $\theta(1 - \varphi)^\theta > \theta(1 - \varphi)$. В результате переворот теперь более дорогостоящ для элит.

Подобным же образом мы изучаем обстоятельства, когда обещания уступок в сфере государственной политики со стороны граждан как раз достаточны для того, чтобы избежать переворота, учитывая, что такие меры воплощаются в жизнь лишь с вероятностью p (т.е. остается в силе наша базовая статическая игра переворота из главы VII). Чтобы это сделать, мы вычисляем пороговые значения для издержек переворота до открытия торговли, φ^* , и после открытия торговли, $\underline{\varphi}^*$, используя наилучшее предложение, которое граждане могут сделать элитам. Выигрыши от обещания граждан отказаться от перераспределения (т.е. $\tau^D = 0$) в демократии, учитывая, что эти обещания исполняются только с вероятностью p , таковы:

$$\begin{aligned}
 & V^p(D, \tau^D = 0) = \\
 & = \frac{1}{1 - \delta} \left(1 - \theta + (1 - p) \left(\tau^p (\theta - \delta) - (1 - \delta) C(\tau^p) \right) \right) (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1 - \theta}, \\
 & V^r(D, \tau^D = 0) = \frac{1}{\delta} \left(\theta + (1 - p) \left(\tau^p (\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) \right) \right) (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1 - \theta},
 \end{aligned} \tag{X.17}$$

что следует из (IX.15). Соответствующие выигрыши после открытия торговли:

$$\begin{aligned}
 \underline{V}^p(D, \tau^D = 0) & = \left[(1 - \theta) \Psi + (1 - p) \underline{\tau}^p \left(\theta (K + \sigma L) - (1 - \theta) \delta \Psi \right) - \right. \\
 & \quad \left. - (1 - p) C(\underline{\tau}^p) \left(\theta (K + \sigma L) + (1 - \theta) (1 - \delta) \Psi \right) \right] \Psi^{\theta - 1}, \\
 \underline{V}^r(D, \tau^D = 0) & = \left[\frac{\theta}{\delta} (K + \sigma L) + (1 - p) \underline{\tau}^p \times \right. \\
 & \quad \times \left((1 - \theta) (1 - \delta) \Psi - \frac{1 - \delta}{\delta} \theta (K + \sigma L) \right) - \\
 & \quad \left. - (1 - p) C(\underline{\tau}^p) \left(\theta (K + \sigma L) + (1 - \theta) (1 - \delta) \Psi \right) \right] \Psi^{\theta - 1}.
 \end{aligned}$$

Пороговое значение в закрытой экономике φ^* определяется из $V^r(D, \tau^D = 0) = V^r(C, \varphi)$ и, следовательно, задано условием:

$$\varphi^* = 1 - \left(1 + \frac{(1 - p)}{\theta} \left(\tau^p (\delta - \theta) - \delta C(\tau^p) \right) \right)^{\frac{1}{\theta}}, \tag{X.18}$$

что, естественно, идентично (IX.17) с $\xi = 1$. Соответствующий пороговый уровень после открытия торговли, $\underline{\varphi}^*$, в свою очередь, задан $\underline{V}'(D, \tau^D = 0) = \underline{V}'(C, \underline{\varphi}^*)$, следовательно:

$$\begin{aligned} \varphi^* = (1-p) & \left(\delta C(\underline{\tau}^D) \left(1 + \frac{(1-\theta)(1-\delta)\Psi}{\theta(K+\sigma L)} \right) - \right. \\ & \left. - \delta \underline{\tau}^D \left(\frac{(1-\theta)(1-\delta)\Psi}{\theta(K+\sigma L)} - \frac{(1-\delta)}{\delta} \right) \right). \end{aligned} \quad (X.19)$$

Из той же аргументации, которая использовалась нами при демонстрации, что (X.16) связывает реже, следует:

$$\underline{\varphi}^* < \varphi^*.$$

Это говорит о том, что, когда экономика открыта для международной торговли, перевороты должны быть менее дорогостоящими, чтобы быть привлекательными. Таким образом, этим сравнением устанавливается следующая теорема:

Теорема X.1. *Рассмотрим экономическую модель и политическую игру, описанную выше, и определим φ^* с помощью (X.18) и $\underline{\varphi}^*$ с помощью (X.19). Тогда:*

- Если $\varphi < \varphi^*$, то имеют место перевороты и до, и после открытия торговли.
- Если $\varphi \geq \varphi^*$, то переворотов нет ни до, ни после открытия торговли.
- Если $\underline{\varphi}^* \leq \varphi < \varphi^*$, т.е. перевороты до открытия торговли, но не после.

Таким образом, эта теорема показывает, как глобализация может помочь консолидировать демократию. На то есть две причины. Во-первых, если придерживаться гипотезы о том, что имеет место (X.8) (страна богата трудом в сравнении с другими странами мира), открытие торговли в данной стране повышает доходы труда и тем самым более бедных слоев общества, относительно доходов капитала и земли. В связи с этим возросшая международная торговля уменьшает равновесные налоги. С более низким налогообложением демократия имеет больше шансов выжить. Мы рассматриваем этот механизм как в целом соответствующий смягчению классового конфликта между элитами и гражданами. Такой конфликт слабее в более глобализованной экономике, по крайней мере, при допущениях этой стандартной модели.

Во-вторых, укрепление демократии связано с изменениями издержек переворота в результате открытия торговли. В закрытой экономике издержки переворота делятся между элитами и гражданами из-за общих эффектов равновесных цен. Точнее, уничтожение части капитала и земли понижает заработные платы и увеличивает доходы капитала и земли, поскольку капитал и земля теперь становятся более «дефицитными». Этот общий эффект равновесных цен отчасти компенсирует сокращение доходов, идущих капиталу и земле. В открытой экономике цены факторов заданы, и обладатели капитала, и землевладельцы полностью несут бремя уничтожения своих активов, что также имеет тенденцию делать перевороты менее привлекательными.

4. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ — ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

То, что возросшая международная торговля делает демократию менее перераспределительной, имеет важные следствия и для демократического транзита. Вспомним, что одним из барьеров на пути к демократии является страх элит перед тем, что демократия будет очень антиэлитарной. Этот страх может заставить их избрать репрессии, а не демократизацию. Если международная торговля делает демократию менее перераспределительной, это должно смягчить обеспокоенность элит, и они теперь могут предпочесть пойти скорее на уступки в виде демократии, чем применять репрессии для подавления потенциальной угрозы революции.

Чтобы проанализировать эти вопросы, мы возвращаемся к модели демократизации при наличии революционной угрозы, точнее, к ее версии, использовавшейся в главе IX, в которой капитал, земля и труд были представлены в качестве трех факторов производства. Лежащая в основе экономическая модель сейчас та же, что и ранее, и мы рассматриваем ее применительно к состоянию до и после открытия торговли. Игра в расширенной форме, представленная на рис. VI.2, отражает стратегическую ситуацию.

Мы начинаем с отсутствия демократии и делаем допущение о том, что граждане представляют потенциальную революционную угрозу. После революции и до открытия торговли выигрыш для граждан от революции есть:

$$V^p(R, \mu) = \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{1 - \delta}, \quad (\text{X.20})$$

где \bar{y} задано (IX.4). После открытия торговли мы имеем вместо этого:

$$\underline{V}^p(R, \mu) = \frac{(1 - \mu)\bar{y}}{1 - \delta},$$

где \bar{y} задано (X.11). И до, и после открытия торговли элиты ничего не получают после революции.

Если элиты избирают репрессии, чтобы избежать революции или демократизации, мы делаем допущение о том, что они теряют долю K их капитала и земли. Это допущение относительно издержек репрессий является зеркальным отражением наших допущений об издержках переворотов. В остальном ситуация та же самая, что и ранее. В частности, выигрыши для граждан и для элит, если имеет место демократизация, заданы (IX.7) до открытия торговли и (X.14) после ее открытия.

Если элиты избирают репрессии до открытия торговли, то выигрыши:

$$V^p(O|\kappa) = (1-\theta)(1-\kappa)^\theta \left(\frac{K+\sigma L}{1-\delta} \right)^\theta = \left(\frac{1-\theta}{1-\delta} \right) (1-\kappa)^\theta Y, \quad (X.21)$$

$$V^r(O|\kappa) = \frac{\theta}{\delta} (1-\kappa)^\theta (K+\sigma L)^\theta (1-\delta)^{1-\theta} = \frac{\theta}{\delta} (1-\kappa)^\theta Y,$$

что соответствует (IX.8) с $\rho = 1$.

После открытия торговли, выигрыши от репрессий меняются подобно ценностям после переворота. В частности, мы имеем:

$$\underline{V}^p(O|\kappa) = (1-\theta)\Psi^\theta, \quad (X.22)$$

$$\underline{V}^r(O|\kappa) = \frac{\theta}{\delta} (1-\kappa)(K+\sigma L)\Psi^{\theta-1}.$$

И наконец, элиты могут предложить перераспределение при существующем режиме без демократизации и репрессий. Самое лучшее, что они могут сделать в таком случае, это предложить перераспределение при наиболее предпочтительной для граждан ставке налога τ^p ; в этом случае выигрыши идентичны тем, что в (IX.9). Подобным же образом после открытия торговли мы имеем:

$$\underline{V}^p(N, \tau^N = \underline{\tau}^p) = \left[(1-\theta)\Psi + p\underline{\tau}^p (\theta(K+\sigma L) - (1-\theta)\delta\Psi) - pC(\underline{\tau}^p) (\theta(K+\sigma L) + (1-\theta)(1-\delta)\Psi) \right] \Psi^{\theta-1},$$

$$\underline{V}^r(N, \tau^N = \underline{\tau}^p) = \left[\frac{\theta}{\delta} (K+\sigma L) + p\underline{\tau}^p \left((1-\theta)(1-\delta)\Psi - \frac{1-\delta}{\delta} \theta(K+\sigma L) \right) - pC(\underline{\tau}^p) (\theta(K+\sigma L) + (1-\theta)(1-\delta)\Psi) \right] \Psi^{\theta-1},$$

где учитывается, что после открытия торговли наиболее предпочтительная для граждан ставка налога — $\underline{\tau}^p$, заданная (X.12).

Чтобы упростить рассмотрение вопроса в этом разделе, мы делаем допущение, что условие угрозы революции выполняется во всех случаях, т.е. $\theta > \mu$ при отсутствии международной торговли и

$$\frac{\theta(K + \sigma L - (1 - \delta)\Psi)}{(1 - \theta)(1 - \delta)\Psi + \theta(K + \sigma L)} > \mu$$

при наличии таковой. Более того, перераспределения при демократии всегда (до и после открытой торговли) достаточно для предотвращения революции.

Более важно, что мы делаем следующее допущение:

$$V^p(R, \mu) > V^p(N, \tau^N = \tau^p), \quad (X.23)$$

$$\underline{V}^p(R, \mu) > \underline{V}^p(N, \tau^N = \underline{\tau}^p).$$

Эти условия предполагают, что обещания временного перераспределения не будет достаточно для предотвращения революции. Тем самым мы оказываемся в той части пространства параметров, где имеет место баланс между демократизацией и репрессиями, и большее неравенство делает демократию менее приемлемой для элит (без этого допущения мы можем оказаться на другой стороне немоной зависимости между неравенством и демократизацией).

С этими допущениями анализ политического равновесия прост. До открытия торговли, для того чтобы элиты предпочли демократию, нужно соответствующее условие:

$$V^r(D) \geq V^r(O | \kappa).$$

Этим условием определяется уровень отсечения закрытой экономики κ^* , такой что при всех $\kappa \geq \kappa^*$, элиты предпочитают демократизацию репрессиям. Точнее, κ^* задан $V^r(D) \geq V^r(O | \kappa^*)$, или

$$\kappa^* = 1 - \left(\frac{1}{\theta} (\theta + \tau^p(\delta - \theta) - \delta C(\tau^p)) \right)^{\frac{1}{\theta}}. \quad (X.24)$$

Подобным же образом в условиях после открытия торговли мы должны проверить, что для открытой экономики

$$\underline{V}^r(D) \geq \underline{V}^r(O | \kappa),$$

так что мы имеем новый порог, определенный при помощи

$$\underline{V}^r(D) = \underline{V}^r(O | \kappa^*):$$

$$\underline{\kappa}^* = \delta C(\underline{\tau}^p) \left(\frac{(1-\theta)(1-\delta)\Psi}{\theta(K+\sigma L)} + 1 \right) - \delta \underline{\tau}^p \left(\frac{(1-\theta)(1-\delta)\Psi}{\theta(K+\sigma L)} - \frac{(1-\delta)}{\delta} \right), \quad (X.25)$$

что, конечно, почти идентично формуле (X.19).

Для всех $\kappa \geq \underline{\kappa}^*$ элиты в открытой экономике предпочитают демократизацию применению репрессий. Той же аргументацией, что и ранее, медленно устанавливается, что

$$\underline{\kappa}^* < \kappa^*$$

в силу тех же причин. После открытия торговли демократия менее дорогостояща, потому что бедные теперь предпочитают более низкие налоги $\underline{\tau}^p$, заданные (X.12), а не τ^p . Вдобавок к этому в открытой экономике репрессии более дорогостоящи для элит, потому что издержки от потерь их производительного капитала и их земли из-за переворота несут только они. Это опять-таки потому, что цены факторов заданы мировыми ценами; поэтому капитал и земля не становятся более ценными после того, как беспорядки, вызванные репрессиями, уничтожают их часть.

Рассмотрение этого вопроса позволяет вывести теорему, аналогичную теореме X.1.

Теорема X.2. *Рассмотрим экономическую модель и политическую игру, описанную выше, и определим κ^* с помощью (X.24) и $\underline{\kappa}^*$ с помощью (X.25):*

- Если $\kappa < \underline{\kappa}^*$, то элиты применяют репрессии для предотвращения революции и демократизации и до, и после открытия торговли.
- Если $\kappa \geq \kappa^*$, то имеет место демократизация и до, и после открытия торговли.
- Если $\underline{\kappa}^* \leq \kappa < \kappa^*$, то элиты применяют репрессии для предотвращения революции и демократизации до открытия торговли, но после открытия торговли проводят демократизацию.

Эта теорема показывает, что подобно тому как глобализация способствует демократической консолидации, она же может облегчить переход к демократии. Глобализация делает демократию менее перераспределительной, а также повышает издержки применения силы для предотвращения перехода к демократии. Благодаря обоим этим механизмам демократизация становится более привлекательной в сравнении с репрессиями. Следовательно, эта модель позволяет говорить о том, что

международная торговля уменьшает политические конфликты, сокращая неравенство, и тем самым делает демократию более вероятной.

4.1. Следствия изобилия земли

Проведенный анализ основывается на допущении о том, что имеет место (X.8). На практике это подразумевает, что рассматриваемая страна богата трудом (и бедна капиталом). Хотя для многих недемократических государств, присоединяющихся к мировой экономике, это кажется разумным допущением: есть такие страны, как Аргентина и Чили в начале прошлого века, в которых самым изобильным фактором была земля. В этом случае имеет место полная противоположность (X.8), и международная торговля увеличивает относительные доходы элит.

Результаты этого для политического равновесия очевидны, и мы формулируем их в виде следующего следствия:

Следствие X.1. *Рассмотрим описанную выше экономическую модель и предположим, что имеет место условие, противоположное (X.8). Тогда открытие торговли делает демократизацию и демократическую консолидацию менее вероятными.*

Этим следствием подчеркивается, что влияние международной торговли на политическое равновесие зависит от ее воздействия на цены факторов. Хотя мы делаем особый упор на выравнивающую роль международной торговли, основанную на предположении о том, что труд имеется в изобилии во многих недемократических странах, в некоторых случаях международная торговля может повысить цену земли и доходы элит, тем самым потенциально делая репрессии и перевороты более привлекательными для них. Действительно ли это так — вопрос эмпирический, и мы оставляем его для будущих исследований.

5. ФИНАНСОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Другое измерение глобализации — возросшая финансовая интеграция. Сейчас мы проанализируем, как возросшая финансовая интеграция влияет на консолидацию демократии и вероятность применения репрессий с целью предотвратить демократический транзит.

Мы различаем два случая, обозначаемых как «приток» и «отток» капиталов. Приток капитала есть обычная ситуация, когда возросшая финансовая интеграция ведет к потоку капитала в бедную капиталом страну. Под оттоком капитала понимается ситуация, когда капитал может бежать из менее развитой страны, несмотря на то что страна более бед-

на капиталом, из-за высокого налогообложения в ней. Мы анализируем оба этих случая отдельно, потому что в них делается акцент на разные механизмы.

5.1. Приток капитала и демократия

Рассмотрим ту же модель, что и в предыдущем разделе, но сделаем допущение, что не существует торговли промежуточными продуктами. Вместо этого мы изучаем следствия мобильности факторов точнее, мобильности капитала. Мы по-прежнему считаем, что в данной стране относительно меньше совокупного ресурса $K + \sigma L$, чем в остальном мире, для которого соотношение капитала и земли к труду снова обозначается ψ .

Теперь представим себе, что имеет место финансовая интеграция и страна открывается притоку капитала из-за рубежа, и на данный момент допустим, что нет возможности для оттока капитала. Единственное отличие от прежней экономической модели в том, что теперь внутреннее производство промежуточных продуктов задано:

$$\begin{aligned} Y_K &= K + K', \\ Y_L &= L, \\ Y_N &= 1 - \delta, \end{aligned} \tag{X.26}$$

где K' — капитал, владельцами которого являются иностранцы, инвестированный в производство капиталоемких товаров. Мы делаем допущение, что иностранный капитал может инвестироваться в эту страну без всяких издержек.

Из тех же аргументов теперь следует, что внутренние цены заданы:

$$\underline{p}'_K = \frac{\underline{p}'_L}{\sigma} = \theta \left(\frac{K + K' + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1} \quad \text{и} \quad \underline{p}'_N = (1 - \theta) \left(\frac{K + K' + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta}, \tag{X.27}$$

и цены факторов:

$$\underline{w}' = \underline{p}'_N, \quad \underline{r}' = \underline{p}'_K \quad \text{и} \quad \underline{y}' = \underline{p}'_L,$$

где \underline{w}' — ставка заработной платы; \underline{r}' — доход на капитал; \underline{y}' — земельная рента после финансовой интеграции. Объединяя эти уравнения, мы получаем:

$$\underline{w}' = (1 - \theta) \left(\frac{K + K' + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta}, \tag{X.28}$$

$$\underline{r}' = \theta \left(\frac{K + K' + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1},$$

$$\underline{y}' = \sigma \theta \left(\frac{K + K' + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1}.$$

Поскольку мы исходили из того, что рассматриваемая страна бедна капиталом по сравнению с остальным миром, разумно ожидать, что $K' > 0$, так что с открытием рынка капитала последний устремляется в страну, а не из нее. Обычно это так, пока налоги в этой стране не слишком высоки в сравнении с налогами за рубежом. Чтобы наглядно продемонстрировать, какие силы здесь действуют, в этом подразделе мы делаем допущение, что иностранный капитал освобожден от налогов и от издержек переворота, и также игнорируем налогообложение иностранного капитала за рубежом. Тогда мировой уровень доходов на капитал есть $\underline{r} = \theta \Psi^{\theta-1}$ и, с $K' = 0$, $\underline{r}' > \underline{r}$, поощряя приток капитала до тех пор, пока внутренний общий уровень дохода на капитал не составит $\underline{r}' = \underline{r}$.

Из этого вытекает, что \underline{w}' также равно \underline{w} , заданному (X.10), и таким образом, из проведенного выше анализа следует, что порог переворота в экономике с притоком капитала задан $\underline{\phi}^*$ в (X.19). Этим устанавливается следующий вариант теоремы X.1.

Теорема X.3. *Рассмотрим экономическую модель и игру демократической консолидации, описанную выше, и определим ϕ^* с помощью (X.18) и $\underline{\phi}^*$ с помощью (X.19):*

- Если $\phi < \underline{\phi}^*$, то имеют место перевороты и до, и после финансовой интеграции.
- Если $\phi \geq \phi^*$, то нет переворотов ни до, ни после финансовой интеграции.
- Если $\underline{\phi}^* \leq \phi < \phi^*$, то имеют место перевороты до финансовой интеграции, но не после.

Таким образом, как и в случае с открытием торговли, финансовая интеграция делает демократию менее редистрибутивной. Это означает, что элитам можно меньше бояться демократии и они менее готовы предпринимать переворот. Вдобавок к этому с финансовой интеграцией цены факторов опять движутся к мировым ценам (т.е. доходы труда возрастают, а доходы капитала падают), и перевороты после финансовой интеграции становятся более дорогостоящими. (Вспомним, что до финансовой интеграции перевороты также повышают доходы капитала и земли, но после финансовой интеграции — нет.) Оба эффекта делают демократическую консолидацию более вероятной после финансовой интеграции. Добавочный эффект, подчеркиваемый здесь, состоит в том, что финансовая

интеграция может также стимулировать медианного избирателя в демократии сделать выбор в пользу меньших налогов для привлечения большего количества капитала и повышения заработных плат. Этот эффект более подробно рассматривается в следующем подразделе.

Подобным же образом финансовая интеграция, делая демократию менее перераспределяющей, а применение силы против демократии более дорогостоящим, может помочь переходу к демократии. Таким образом, пока для элит стоит выбор между демократизацией и репрессиями, можно также сформулировать результат, сходный с теоремой X.2; однако мы воздержимся от этого, поскольку аналогия очевидна сразу.

5.2. Отток капитала

В предыдущем подразделе было показано, как финансовая интеграция может помочь демократической консолидации и переходу к демократии с помощью того же механизма, что действовал в случае возросшей международной торговли, влияя на разрыв в доходах между элитой и гражданами и на издержки применения силы против демократии. Однако более важная роль финансовой интеграции может заключаться в потенциальной угрозе бегства капитала при слишком высоком налогообложении. Чтобы рассмотреть это подробнее, представим себе латиноамериканскую страну до финансовой интеграции. Если капитал облагается высокими налогами, он может уйти в неформальный сектор, или элиты могут решить больше потреблять и делать меньше накоплений. Это то, что мы отображаем в издержках налогообложения, $S(\tau)$. Однако после финансовой интеграции появляется другая возможность. Если обладатели капиталов облагаются тяжелыми налогами, они могут вывезти капитал в Панаму или на Каймановы острова, где налоги ниже. Это повышает эластичность капитала по отношению к налогам и влияет на то, насколько высокими налогами демократия пожелает обложить доходы элит. В этом подразделе анализируются следствия этого возможного канала оттока капитала для консолидации демократии. Чтобы упростить анализ и выявить последствия этого механизма оттока капитала, абстрагируемся от притока капитала; таким образом, после финансовой интеграции цены факторов не меняются.

Допустим, что мы начинаем с экономической модели, описанной ранее, и нет международной торговли товарами или финансовых потоков, так что цены факторов заданы (IX.2). Уровень дохода на капитал теперь $\theta((K + \sigma L)/(1 - \delta))^{\theta-1}$ и при ставке налога τ чистый доход:

$$r(1 - \tau) = (1 - \tau)\theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta-1}.$$

Если капитал бежит из страны, доход (чистый) — \underline{r} . Мы делаем допущение о том, что:

$$(1 - \tau^p) \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta - 1} < \underline{r}.$$

Таким образом, если граждане устанавливают, не подвергаясь ограничениям, свою ставку налога, τ^p , капитал будет бежать из страны. Пока капитал является достаточно важной частью в доходах элит, а значит, и в налоговых сборах, которые граждане получают с элит, граждане не пожелают облагать налогом доходы по такой высокой ставке, чтобы обладатели капитала вывозили свои деньги из страны. Поэтому для установления равновесия им приходится установить более низкую ставку налога, $\bar{\tau}^p$, такую что:

$$r(1 - \bar{\tau}^p) = (1 - \bar{\tau}^p) \theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^{\theta - 1} = \underline{r}. \quad (\text{X.29})$$

При этой пониженной ставке налога демократия становится менее дорогостоящей для элит и имеет бóльшую вероятность консолидироваться. Аналогичным образом для элит также менее привлекательно применять репрессии, для того чтобы избежать необходимости демократизации.

В более формальном выражении доходы от демократии после финансовой интеграции теперь заданы:

$$\begin{aligned} \underline{V}^p(D) &= \frac{1}{1 - \delta} (1 - \theta + \bar{\tau}^p(\theta - \delta) - (1 - \delta)C(\bar{\tau}^p))(K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^\theta, \\ \underline{V}'(D) &= \frac{1}{\delta} (\theta + \bar{\tau}^p(\delta - \theta) - \delta C(\bar{\tau}^p))(K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{\theta - 1}, \end{aligned} \quad (\text{X.30})$$

что есть просто (IX.7), оцененные при ставке налога $\bar{\tau}^p$. Мы снова используем обозначение \underline{V} для выигрышей в открытой экономике. Поскольку ставка налога, применяемая после финансовой интеграции, $\bar{\tau}^p$ (заданная (X.29)), ниже, чем применявшаяся до финансовой интеграции, τ^p (заданная (IV.11)), мы имеем:

$$\underline{V}'(D) > V'(D).$$

То есть после финансовой интеграции демократия становится более привлекательной для элит.

Аналогичным образом представим себе выигрыши граждан и элит при демократии, когда граждане обещают установить нулевую ставку

налога и придерживаются этого обещания с вероятностью p . Исходя из (IX.15) эти выигрыши теперь заданы выражениями:

$$\begin{aligned} \underline{V}^p(D, \tau^D = 0) &= \\ &= \frac{1}{1-\delta} \left(1 - \theta + (1-p) \left(\bar{\tau}^p (\theta - \delta) - (1-\delta) C(\bar{\tau}^p) \right) \right) (K + \sigma L)^\theta (1-\delta)^{1-\theta}, \\ \underline{V}^r(D, \tau^D = 0) &= \frac{1}{\delta} \left(\theta + (1-p) \left(\bar{\tau}^p (\delta - \theta) - \delta C(\bar{\tau}^p) \right) \right) (K + \sigma L)^\theta (1-\delta)^{1-\theta}. \end{aligned}$$

И снова в этих выражениях учитывается, что, если при демократии предпринимается изменение налогов, то медианный избиратель устанавливает более низкий налог, $\bar{\tau}^p$, вместо предельно выгодного для граждан, τ^p , поскольку при более высоком налоге, τ^p , капитал будет бежать из страны.

Даже после финансовой интеграции издержки переворотов не меняются, поскольку после переворота отсутствует налогообложение и, следовательно, нет никакого бегства капиталов. В результате выигрыши после переворота по-прежнему заданы (IX.24). Мы снова определяем φ^* через (X.18) как пороговый выигрыш до финансовой интеграции (т.е. при $\varphi = \varphi^*$), мы имеем $V^r(D, \tau^D = 0) = V^r(C, \varphi)$. Также определим $\underline{\varphi}^*$ как соответствующий порог после финансовой интеграции, т.е. такой что при $\varphi = \underline{\varphi}^*$ мы имеем:

$$\underline{V}^r(D, \tau^D = 0) = V^r(C, \underline{\varphi}^*).$$

Из чего следует:

$$\underline{\varphi}^* = 1 - \left(1 + \frac{(1-p)}{\theta} \left(\bar{\tau}^p (\delta - \theta) - \delta C(\bar{\tau}^p) \right) \right)^{\frac{1}{\theta}}. \quad (\text{X.31})$$

После финансовой интеграции перераспределение в демократии сокращается, так что

$$\underline{\varphi}^* < \varphi^*.$$

Следовательно, в рассматриваемой здесь модели теорема X.3 снова применима, но из-за последствий финансовой интеграции в виде потенциального бегства капитала, а не из-за притока капитала. Таким образом, финансовая интеграция снова может помочь демократической консолидации, но теперь несколько иным путем. После финансовой интеграции высокие налоги могут оказаться для демократии неоптимальными, поскольку они стимулировали бы вывод активов за границу обладателями капитала. Поскольку ожидается, что демократия будет менее перераспределяющей, элиты могут меньше приобрести от переворота, и демократия имеет больше шансов выжить даже в кризисные периоды.

Аналогичная аргументация также применима к демократическим транзитам. Обратимся к игре, описывающей переход к демократии и рассмотренной в предыдущем подразделе, и вспомним, что выигрыши от репрессий для граждан и элит по-прежнему заданы (X.21). Сделаем те же самые допущения, что и в предыдущем подразделе, так что уступок со стороны недемократического режима недостаточно; после финансовой интеграции элиты предпочитают демократизацию репрессиям, если

$$\underline{V}'(D) \geq V'(O | \kappa),$$

где $\underline{V}'(D)$ определяется (X.30). Этим условием определяется иной уровень отсечения, теперь обозначаемый $\underline{\kappa}^*$, такой что для всех $\kappa \geq \underline{\kappa}^*$ элиты после финансовой интеграции предпочитают демократизацию репрессиям. Точнее, $\underline{\kappa}^*$ задан:

$$\underline{\kappa}^* = 1 - \left(\frac{1}{\theta} (\theta + \bar{\tau}^p (\delta - \theta) - \delta C(\bar{\tau}^p)) \right)^{\frac{1}{\theta}}, \quad (\text{X.32})$$

что есть просто (X.24) с τ^p , замененным на $\bar{\tau}^p$. Из того, что $\bar{\tau}^p < \tau^p$, прямо следует:

$$\underline{\kappa}^* < \kappa^*,$$

где κ^* задан (X.24). Поскольку финансовая интеграция делает демократию не такой угрожающей для элит, репрессии должны быть дешевле, чтобы стать оптимальным выбором.

Пока элиты имеют выбор между демократизацией и репрессиями, данный анализ ведет к результату, аналогичному теореме X.2, где теперь финансовая интеграция, делая демократию менее перераспределяющей, может вести к демократизации при обстоятельствах, когда без финансовой интеграции элиты предпочли бы репрессии. Мы не формулируем этот результат, потому что его логика ясна и следствия идентичны результатам, уже сформулированным.

6. ВОЗРОСШАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Другое измерение глобализации — возросшая политическая интеграция. В более глобализованном мире имеются тесные политические связи между государствами. Распространено мнение, что усилившаяся интеграция восточноевропейских государств в рамках Европейского сообщества явилась важным элементом их гладкого перехода к демократии и быстрой ее консолидации. Эта точка зрения подтверждается и тем, что согласно некоторым исследованиям посткоммунистические общества, географически более близкие к Западной Европе (например,

расположенные ближе к Берлину), являются более демократическими [Kopstein, Reilly, 2000].

Происходит это из-за того, что через различные каналы бóльшая политическая интеграция между демократическими и недемократическими обществами повышает издержки применения силы для предотвращения демократии. Причины этого могут различаться, варьируя от потенциальных санкций или бойкотов со стороны демократических наций в случае антидемократического переворота до разрыва торговых отношений. Иной дополнительный канал способствования демократизации может заключаться в том, что с бóльшей политической интеграцией гражданское общество в недемократических странах или неконсолидированных демократиях становится сильнее, повышая издержки переворотов или репрессий.

В сокращенной форме мы отображаем все эти идеи через допущение, что издержки применения силы против демократии — точнее, издержки переворотов — возрастают после политической интеграции. В частности, предположим, что после политической интеграции переворот приводит к уничтожению доли $\hat{\phi} > \phi$ активов элит, тогда как до политической интеграции эта доля была ϕ . Из этого следует, что в условиях политической интеграции выигрыши для граждан и элит после переворота таковы:

$$\hat{V}^p(C, \phi) = (1 - \theta)(1 - \hat{\phi})^\theta \left(\frac{K + \sigma L}{1 - \delta} \right)^\theta, \quad (\text{X.33})$$

$$\hat{V}^r(C, \phi) = \frac{\theta}{\delta} (1 - \hat{\phi})^\theta (K + \sigma L)^\theta (1 - \delta)^{1-\theta},$$

вместо (IX.24). Теперь мы можем сформулировать следующую теорему:

Теорема X.4. *Рассмотрим модели, лежащие в основе теорем X.1 и X.3. Когда имеет место политическая интеграция, издержки переворота становятся выше, и общество имеет бóльшую вероятность стать консолидированной демократией.*

Таким образом, эта теорема демонстрирует, что политическая интеграция может иметь последствия подобные тем, что вызываются возросшей международной торговлей и финансовой интеграцией. Однако, хотя она в конечном итоге имеет аналогичные последствия, но действует через иной канал. Политическая интеграция препятствует переворотам, делая их более дорогостоящими из-за давления международного сообщества и санкций или из-за развития гражданского общества стимулированного ею более тесными политическими связями между демократическими и недемократическими странами.

7. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДОПУЩЕНИЯ О ПРИРОДЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ

Теоремы X.1 и X.2 иллюстрируют, что глобализация в форме возросшей интеграции товарных рынков может способствовать и созданию, и консолидации демократии. Однако эти результаты вытекают из структуры наших моделей. Большинство моделей международной торговли имеют своим следствием то, что торговля повышает доходы бедных (которых мы ассоциируем с гражданами) в развивающихся странах, поскольку обычно такие страны богаты трудом. Но как об этом уже упоминалось, эмпирические данные иногда неоднозначно показывают, что рост торговли действительно способствует равенству в бедных странах. Кроме того, может быть, что некоторые развивающиеся страны, такие как Аргентина и Чили, изобильны землей, а не трудом. В этом случае возросшая глобализация имеет следствием рост дохода от земли. Это повышает не только неравенство, но и доходы тех владельцев активов, которые, как мы подробно об этом говорили в главе IX, больше всего теряют от демократии. Здесь мы обрисовываем иной тип модели торговли. Выбор обусловлен хорошо заметными образцами в современных эмпирических данных: во многих из наименее развитых стран, открывающихся торговле в последние 25 лет, отдача за квалифицированный труд и, таким образом, неравенство доходов реально возросли [Leamer, 1995; 1998; Cragg, Epelbaum, 1996; Attanasio et al., 2004]. Это идет вразрез с предсказаниями простой модели Хекшера — Олина, поскольку в рассматриваемых наименее развитых странах квалифицированные рабочие относительно малочисленны. Таким образом, при прочих равных условиях, открытие торговли должно уменьшать вознаграждение квалифицированного труда. Подробное рассмотрение того, почему это не происходит, находится за рамками этой книги, тем не менее имеются некоторые предположения. Самое важное, что существует широкий консенсус относительно того, что многие основные успехи в развитии технологий на протяжении последних 25 лет требовали более квалифицированного труда и, стало быть, благоприятствовали квалифицированным рабочим, что при прочих равных условиях имело тенденцию увеличивать вознаграждения за знания и умения (см., например: [Acemoglu, 2002]). Большая часть этих технологий воплощена в машинах, производимых в Соединенных Штатах Америки и некоторых странах ОЭСР. Менее развитые страны могут использовать эти технологии, только если они импортируют соответствующие машины из США и других богатых стран. Этим подразумевается, что менее развитые страны, когда они закрыты для международной торговли, обычно не используют такие машины. Важное следствие из этого состоит в том, что открытие торговли теперь приходит вместе с изменениями в технологии производства, в направ-

лении благоприятствования более квалифицированному труду. Таким образом, будет иметь место технологический эффект, противодействующий и, возможно, преобладающий над стандартным эффектом Хекшера — Олина, понижающим отдачу за квалификацию в менее развитых странах [Acemoglu, 2003b; Thoenig, Verdier, 2003].

Каковы следствия всего этого для демократии? Пока что рассмотрение этого вопроса, базировавшееся на нашей двухклассовой модели, позволяло предположить, что последствия распространения благоприятных для квалифицированного труда технологий в менее развитых странах противоположны тем, что мы подчеркивали, — возрастание неравенства и противодействие созданию и консолидации демократии. Это, конечно, один из возможных выводов; однако могут быть и другие потенциальные воздействия. Увеличение доходов за квалификацию и, в более общем плане, возрастание в современной экономике роли человеческого капитала (рассмотренное в главе IX) может быть интересным образом проанализировано в рамках нашей трехклассовой модели. В контексте этой модели можно рассматривать квалифицированных рабочих как становой хребет среднего класса. А это предполагает, что открытие торговли, связанное с переносом благоприятных для умений технологий, повышает доходы среднего класса. Как было рассмотрено в главе VIII, средний класс выполняет важную роль буфера между богатыми и бедными, а возрастание доходов среднего класса может помочь созданию и консолидации демократии. Дело обстоит таким образом потому, что медианный избиратель в демократии может быть членом среднего класса, а повышение дохода медианного избирателя (в сравнении со средним доходом по стране) уменьшает предрасположенность демократии к проведению политики, направленной против богатых. С менее радикальной политикой демократии богатым можно меньше ее опасаться, и они менее склонны к применению силы для предотвращения демократизации или перехода к недемократии.

Чтобы заострить внимание на этих вопросах, на короткое время вернемся к нашей базовой модели из главы VIII. В ней имеются три группы агентов: богатые — численностью δ^r , средний класс — численностью δ^m и бедные — численностью δ^p . Как и ранее, мы нормализуем все население к 1; таким образом, $\sum_i \delta^i = 1$. Мы делаем допущение о том, что $\delta^p > \delta^m > \delta$, т.е. что бедные наиболее многочисленны, за ними идет средний класс, а богатые составляют наименьшую группу населения. Так же как и ранее, мы обозначаем средний доход как \bar{y} , и пусть доходы будут заданы (VIII.1), при том что имеет место (VIII.2), так что богатые богаче среднего класса, который, в свою очередь, богаче бедных.

Чтобы упростить анализ, в духе главы VIII мы делаем допущение о том, что $\delta^p < 1/2$, так что бедные не составляют абсолютного большинства,

и медианным избирателем является представитель среднего класса. Более того, предположим, что $\theta^m < \delta^m$ или $\bar{y} > y^m$, так что средний класс беднее среднего дохода и хотел бы ввести перераспределяющее налогообложение. Как и в главе VIII, объем перераспределения, предпочитаемый медианным избирателем, который будет выбран в не подвергающейся ограничениям демократии, задан налоговой ставкой τ^m , удовлетворяющей (VIII.5).

Теперь рассмотрим базовую политическую игру, проанализированную в главе VIII, в ходе которой общество является недемократическим и бедные и средний класс не допускаются к участию в голосовании. Из-за потенциальной угрозы революции богатые оказываются перед выбором демократизации или применения силы (репрессии), обещание ограниченного перераспределения не воспринимается как достоверное. Как и в ходе проведенного ранее анализа, имеется уровень отсечения для издержек репрессий, $\tilde{k}(\tau^D)$, заданный (VIII.29). Когда издержки репрессий, k , равны $\tilde{k}(\tau^D)$, богатым безразлично на что решиться — на демократизацию или на применение силы. Они предпочитают репрессии всякий раз, когда $k < \tilde{k}(\tau^D)$. Из (VIII.5) ясно, что возрастание доли дохода среднего класса понижает τ^m и таким образом уменьшает $\tilde{k}(\tau^D)$.

Открытие международной торговли и связанной с ней передачи благоприятствующих квалифицированному труду технологий, повышая доходы среднего класса, может сократить перераспределение в демократии и стимулировать переход к ней. В частности, предположим, что после открытия торговли, поскольку технология становится более благоприятствующей умениям, θ^m увеличивается до $\hat{\theta}^m$ и в результате наиболее предпочтительная для среднего класса ставка налога падает до $\hat{\tau}^m$, неявно заданного (VIII.5) через $\delta^m - \hat{\theta}^m / \delta^m = C'(\hat{\tau}^m)$. Из этого следует, что для богатых новым порогом безразличия между репрессиями и демократизацией становится

$$\hat{k} = \frac{1}{\hat{\theta}^r} (\delta^r C(\hat{\tau}^m) - \hat{\tau}^m (\delta^r - \hat{\theta}^r)), \quad (X.34)$$

где $\hat{\theta}^r$ — доля богатых в доходе после открытия торговли и $\hat{\theta}^r < \theta^r$, поскольку $\hat{\theta}^m > \theta^m$. Ясно, что мы имеем

$$\hat{k} < \tilde{k}(\tau^D).$$

Теперь можно сформулировать следующее:

Теорема X.5. *Рассмотрим описанную выше игру перехода к демократии. Вначале в обществе действует недемократический режим, и бедные, и средний класс не допускаются к голосованию. Определим $\tilde{k}(\tau^D)$ с помощью (VIII.29), а также значение \hat{k} , возникающее после открытия меж-*

дународной торговли и передачи благоприятных для квалифицированного труда технологий с помощью (X.34). Тогда справедливы следующие утверждения:

- Если $\kappa < \hat{\kappa}$, то богатые применяют репрессии для предотвращения революции и демократизации и до, и после открытия международной торговли и передачи технологий.
- Если $\kappa \geq \tilde{\kappa}(\tau^D)$, то имеет место демократизация и до, и после открытия торговли и передачи технологии.
- Если $\hat{\kappa} \leq \kappa < \tilde{\kappa}(\tau^D)$, то богатые применяют репрессии для предотвращения революции и демократизации до открытия торговли и передачи технологии, но после открытия торговли и передачи технологии имеет место демократизация.

Эта теорема показывает, как недавняя волна глобализации и возросшая международная торговля могут снова сделать демократию более вероятной, но на этот раз через другой канал. Из-за связанной с открытием торговли передачи благоприятствующих квалифицированным работникам технологий от более богатых наций доля дохода среднего класса увеличивается; с более богатым средним классом демократия становится менее перераспределяющей, а богатые — больше готовыми к демократизации.

Аналогичная аргументация может быть разработана, чтобы показать, что с более богатым средним классом, действующим в качестве буфера в конфликте между богатыми и бедными, также менее вероятно, что демократия падет жертвой переворота. Таким образом, благодаря этому каналу воздействия, ранее неконсолидированные демократии также имеют большую вероятность консолидироваться.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой главе было изучено, как глобализация влияет на то, станет ли страна демократией и, будучи демократической, останется ли на этом пути. Нашей главной целью было показать, что при таком расширении сферы нашего анализа на его основе могут быть сделаны многочисленные предсказания и выводы. Многие из них зависят от влияния международной торговли и фактора мобильности на распределение доходов. Поскольку эмпирическая литература по этой теме совершенно не пришла к каким-либо стабильным выводам, невозможно использовать модели этой главы для того, чтобы с определенностью утверждать, позитивно или негативно воздействие глобализации на демократию. Решение этого вопроса требует большого и осторожного эмпирического изучения и является важным направлением будущих исследований.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

Также полезно повторить оговорку, которая делалась ранее при рассмотрении власти элит в демократии и влияния манипулирования демократией на ее создание и консолидацию. Мы видели, что бóльшая мобильность капитала, делая демократию менее угрожающей для элит, может вести к созданию консолидированной демократии. Однако также верно и то, что при большей мобильности капитала демократия менее способна удовлетворить пожелания большинства граждан (это справедливо в отношении любого эффекта, уменьшающего возможности коллективного выбора в демократии отклоняться от варианта, предпочитаемого элитами). В таких обстоятельствах возросшая глобализация может уменьшить способность демократии улучшить благосостояние большинства. В какой степени это верно, также вопрос для эмпирических исследований.

ВЫВОДЫ И БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ .

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

XI. Выводы и будущее демократии

В этой книге мы предложили концептуальную структуру для осмысления того, почему некоторые общества являются демократическими, тогда как другие — нет. Мы подчеркивали два взаимосвязанных аспекта этого вопроса: почему некоторые общества вообще становятся демократическими и почему некоторые демократии сохраняются и консолидируются, тогда как другие погибают. В этой главе мы возвращаемся к пройденному, изучаем сферы, на которые, как мы полагаем, наша концепция может быть с пользой распространена, и рассматриваем как наша модель используется при обсуждении будущего демократии.

1. ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПУТЯМ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Теперь мы снова возвращаемся к четырем описаниям политического развития, данным в главе I. Как наша концептуальная структура помогает объяснить эти различные пути?

1.1. *Великобритания*

Чем объясняется тот факт, что Великобритания последовала пути постепенной демократизации, и почему демократия в ней настолько легко консолидировалась? На определенном уровне ответ, вытекающий из проведенного нами анализа, ясен: параметры — в частности, характер политических и экономических институтов, структура экономики, проблема коллективного действия и издержки и выгоды революции — были таковы, что в преддемократической Великобритании сложилась существенная угроза революции и элиты не могли устранить это давление без демократизации. Они также не находили для себя выгодным применить репрессии для предотвращения демократизации. Однако этот ответ неполон. Необходимо понять, как Великобритания пришла к тем параметрам, которыми она характеризовалась в XIX и XX столетиях. Рассмотрим теперь, какие параметры были более важны для понимания британского случая, и как они эволюционировали.

В XVII в. имел место ряд политических конфликтов, в которых победили силы, заинтересованные во введении политических институтов,

ограничивающих де-юре власть монархии. Это изменение политических институтов намного улучшило экономические институты. Благодаря сокращению рисков экспроприации со стороны государства, права собственности стали более прочными. Политическая власть де-юре в этой новой системе находилась в руках людей с торговыми и капиталистическими интересами; это вело к большим переменам, например, на рынках капитала и финансов, которые были важны для роста экономики.

Причина того, что эти институциональные изменения возникли в Великобритании, как представляется, двояка. Во-первых, в начале ранне-современного периода, британские политические институты ограничивали полномочия монархов более, чем в других странах [Ertman, 1997]. Почему это было так? Скорее всего это было итогом сложных исторических процессов династического строительства и завоеваний. Во-вторых, имели место важные сдвиги в структуре экономики, которые значительно усилили влияние интересов некоторых групп, в особенности капиталистических фермеров (так называемых джентри) и купцов, а также в различных экономических институтах. Кроме того, был важен ранний закат феодальных институтов в Великобритании [Brenner, 1976]. Эти изменения усилили политическую власть де-факто социальных групп, заинтересованных в капиталистическом развитии, что оказало определяющее воздействие на результаты гражданской войны и Славной революции [Tawney, 1941; Brenner, 1993; Acemoglu et al., 2005]. Например, купцы, обогатившиеся благодаря торговле в колониях, смогли сыграть решающую роль в ходе обоих конфликтов, встав на сторону парламента.

Итогом конфликтов XVII в. в Великобритании стало появление экономических институтов, которые гарантировали права собственности большому числу людей [Thompson, 1975]. Результатом стал выход из мальтузианской ловушки и начало современного экономического роста. Однако структурные изменения, которые начались вследствие этого (например, урбанизация и подъем фабричной системы), имели дальнейшие последствия для распределения политической власти де-факто. В частности, они сделали намного легче осуществление политической власти де-факто бедными и лишенными политических прав (см.: [Tilly, 1995; Tarrow, 1998], где задокументированы меняющиеся качественные характеристики коллективного действия в этот период). Рост фактической политической власти бедных делал существующий режим неустойчивым и создавал необходимость изменения политических институтов, чтобы разрядить угрозу революции. Это означало изменение будущего распределения политической власти и, следовательно, обеспечение будущих экономических институтов и принятие политических решений, совместимых с интересами бедных. Именно это сделал процесс демократизации. Политические трения также усугублялись ростом неравенства,

который (см. главу III наст. изд.), по мнению большинства исследователей, имел место в первой половине XIX в.

Начиная с 1832 г. британские политические элиты сделали ряд стратегических уступок, направленных на инкорпорирование ранее лишенных права голоса в политику, поскольку альтернативой виделись социальные волнения, хаос и, возможно, революция. Уступки делались постепенно, так как в 1832 г. социальный мир мог быть достигнут ценой подкупа среднего класса. Более того, эффект уступок был ослаблен благодаря особенностям политических институтов, в частности, сохраняющегося непредставительного характера Палаты лордов. Хотя ей и был брошен вызов в ходе реформ 1832 г., Палата лордов оставалась важным оплотом богатых против возможных радикальных реформ, исходящих от демократизированной Палаты общин. Позднее, когда рабочий класс реорганизовался в чартистском движении и затем в профессиональных союзах (трейд-юнионах), пришлось идти на дальнейшие уступки. Первая мировая война и ее последствия ознаменовали окончательный переход полной демократии.

Почему британские элиты создали демократию? Многие другие страны сталкивались с таким же давлением, и политические элиты предпочитали применить репрессии по отношению к лишенным политических прав, а не делать им уступки. Проблема, связанная с репрессиями, в том, что они дорогостоящи: есть риск уничтожения активов и богатства. В урбанизированной среде Европы XIX в. (Великобритания была урбанизирована на 70% во времена второго Акта о реформе) лишенные политических прав массы были относительно хорошо организованы и поэтому их было трудно подавлять. Более того, индустриализация и политика свободной торговли после 1840 гг., использующие сравнительные преимущества Великобритании, привели к возникновению экономики, основанной на физическом и, все более, человеческом капитале. Такие активы легко уничтожаются репрессиями и конфликтами, что делает выбор подобных стратегий относительно дорогостоящим для элит. Поскольку капитал труднее перераспределять, демократия для элиты в Великобритании была меньшей угрозой, и было легче убедить их принять ее.

Репрессии привлекательны, когда они не только относительно дешевы, но и когда ставки высоки. Рассмотрение нами этого вопроса позволяет говорить о том, что изменения экономических и политических институтов, которые сделали возможным устойчивый экономический рост, также сделали демократию предметом меньшей обеспокоенности для британских элит.

Тем не менее демократия действительно принесла изменения экономических институтов, далекие от тех, что были желательны элитам.

В XIX в. экономические институты — особенно рынок труда — ставили в невыгодное положение бедных. Например, профессиональные союзы были запрещены законом еще в 1850 г., по которому рабочие, пытавшиеся организовать профсоюз, могли быть отправлены в колонию для заключенных в Тасманию (Австралия). Как было рассмотрено в главе III, эта практика и многие другие изменились, особенно после 1867 г., когда экономические институты были изменены так, чтобы отвечать требованиям вновь получивших право голоса. Хотя и важные для функционирования британской экономики в XIX в. следствия этих изменений были значительно менее вредны для элит, чем возможность либерализации рынка труда в сельском хозяйстве или угроза аграрной реформы для экономики, в которой господствуют землевладельческие элиты. Действительно, в сравнении с изменениями экономических институтов, с которыми столкнулись элиты России или Австро-Венгрии в XIX в., или элиты Гватемалы и Сальвадора в XX, британским элитам было относительно легко принять перемены, произошедшие в их стране.

Что можно сказать про обещания перераспределять блага в пользу бедных с целью предотвращения демократизации? Политические элиты в Великобритании, как представляется, не рассматривали всерьез массовое перераспределение доходов в качестве альтернативы демократии, хотя они, несомненно, ожидали, что демократия может к нему привести. Возможно, как указывал Дж. Стефенс, обещания перераспределения были недостоверными. Знаменательно, к примеру, что чартистская петиция, привлекавшая наибольшее внимание парламента, была подана в 1848 г., в разгар европейских революций. При такой угрозе революции политические элиты должны были прислушиваться к требованиям масс; однако пока они сохраняли власть, то прислушивались, только когда угроза была наглядной, действенной. А чартистское движение создавало только преходящие угрозы. Так что, возможно, неудивительно, что обещания перераспределять доходы с целью прекратить общественные волнения не были первыми на повестке дня в Великобритании.

И наконец, почему демократия в Великобритании консолидировалась так легко? Наша теория позволяет говорить о том, что на это повлияли многие из тех же факторов, что были рассмотрены в контексте демократизации. Она консолидировалась, потому что перевороты были слишком дороги и, в любом случае, демократия была недостаточно радикальна для того, чтобы представлять существенную угрозу традиционным элитам. Демократия в конце концов принесла важные изменения в британское общество, но на это ушло полвека, и пришлось ждать, пока не проявился полностью эффект образовательных реформ. Элиты никогда не вставали перед лицом угроз, обычных в ходе демократизаций в других странах мира, т.е. перед угрозой радикального перераспределения активов. При

этих обстоятельствах в соответствии с нашим подходом можно утверждать, что элиты должны были в меньшей степени быть противниками демократии, и это соответствовало действительности.

1.2. Аргентина

Как представляется, многое из того, что вело к демократии в Великобритании, действовало и в Аргентине. Как и в Великобритании, демократия в Аргентине возникла под воздействием ряда восстаний, вызванных экономическими и финансовыми кризисами. Так же как и в Великобритании, процесс демократизации проходил на фоне быстро растущего неравенства и экономического роста. Но Аргентина демократизировалась с иными базовыми экономическими институтами, чем в Великобритании. Экономика основывалась на экспорте сельскохозяйственной продукции, и бум в мировой торговле не уменьшил, а увеличил стоимость активов богатых элит, т.е. земли [O'Rourke et al., 1996]. Более того, поскольку экономика была менее диверсифицированной, она была более подверженной нестабильности и более волатильной, что создавало окна возможностей для политических перемен. Земельные элиты, хотя и вынужденные пойти на уступку в виде демократии, не одобряли ее и смогли подорвать во время кризиса, сопровождавшего начало Великой депрессии.

Вдобавок к этому политические и экономические институты не облегчали функционирование демократии. В отличие от возникших в Великобритании после 1688 г. политические институты Аргентины накладывали меньше ограничений на использование политической власти, особенно власти президента, о чем свидетельствуют действия Иригойена в 1920-е годы и Перона в 1940-е годы. Что касается экономических институтов, Аргентина до некоторой степени имела общее наследие с другими испанскими колониями, основанное на эксплуатации коренного населения. Хотя это наследие было незначительным в сравнении с такими странами, как Боливия или Гватемала, базовый комплекс экономических институтов — особенно в плане доступа к земле — повышал ставки в политических конфликтах.

В 1930-х и 1940-х годах возникла ситуация, характеризовавшаяся высокой поляризацией, когда городские трудящиеся классы, доминировавшие в демократической политике, стремились к перераспределению доходов в свою пользу. Такая ситуация была нетерпимой для сельских элит и все более для военных, которые стали занимать яростно антиперонистскую позицию. При данной структуре экономики издержки переворотов были терпимыми и их перевешивали потенциальные выгоды для элит при недемократическом режиме, особенно учитывая угрозу ра-

дикальной редистрибутивной и популистской политики в демократии. Хотя все стороны пытались структурировать институты в свою пользу — например, в 1912 г. и затем в конце 1950-х, когда военные организовали введение пропорционального представительства в надежде на то, что оно приведет к фрагментации Перонистской партии, — ни одна из этих мер не смогла сделать демократию более приемлемой для элит.

Консолидирована ли сейчас демократия в Аргентине? Проведенный нами анализ дает некоторые основания для надежды. Существенный рост глобализации, в частности, рост мобильности капитала, принесенной финансовой интеграцией с середины 1970-х годов, предполагает, что демократия в наши дни, возможно, в гораздо меньшей степени является угрозой интересам элит, чем это было исторически. Что может быть еще важнее, Аргентина является высокообразованным обществом, и рост ценности человеческого капитала создал сильный средний класс, который может быть главным буфером в конфликте между богатыми и бедными. Вследствие этого демократия была стабильной в 1990-е годы, несмотря на значительный рост неравенства. Что говорит о том, что фундаментальное политическое равновесие изменилось — экономическая база левых и организованного труда в Аргентине значительно слабее, чем была раньше. Это объясняет радикальный сдвиг в экономической и социальной политике Перонистской партии в 1990-е годы. Парадоксальным образом этот сдвиг может быть благоприятным для бедных слоев общества, поскольку при данном политическом сдвиге демократия в Аргентине может наконец консолидироваться.

1.3. Сингапур

Почему не демократизировался Сингапур? Проведенный нами анализ предполагает довольно простой ответ. Сингапур — очень эгалитарное общество. В нем отсутствуют традиционные богатые землевладельческие элиты, и экономика полагается на иностранный капитал и бизнес. Поэтому, как представляется, большинство народа относительно довольны статус-кво, по крайней мере они не настолько несчастны, чтобы хотеть участвовать в серьезных и потенциально дорогостоящих коллективных действиях во имя значительных перемен в политических институтах. Они мало что могут получить по сравнению с тем, что уже имеют.

В то время нынешним элитам ПНД таким же образом есть мало, что терять, кроме власти. ПНД состоит в основном из успешных представителей среднего класса и остается относительно открытой в том смысле, что она пытается привлекать талантливых людей и потенциальных оппонентов. Хотя она, несомненно, связана с богатыми элитами, существующими в Сингапуре, вряд ли кто-либо столкнется с экспроприацией

своих активов или богатства. Хотя политические элиты, вероятно, потеряют свои существенные ренты от обладания властными позициями в случае существенных перемен, этого вряд ли будет достаточно для того, чтобы оправдать долгий период репрессий для сохранения их привилегированного положения. Поэтому наш анализ также подводит к выводу, что Сингапур должен в конце концов стать консолидированной демократией. В некоторый момент возникнет давление со стороны некоего сегмента населения в пользу более представительных политических институтов, а элиты и ПНД не посчитают выгодным применять репрессии для предотвращения демократии.

1.4. Южная Африка

Почему демократизация настолько задержалась в Южной Африке, и что вызвало ее приход? Трудно представить историческую ситуацию более далекую от сингапурской. Белым элитам Южной Африки было много чего терять от демократии, которая, как это было обусловлено исторически, несомненно привела бы к масштабным требованиям земельной реформы, перераспределения богатств и значительной перестройки экономических институтов, ранее выгодных богатым белым элитам.

Южноафриканское государство было основано как поселенческая колония, во многом сходная с Северной Америкой или Австралией. Однако в отличие от Соединенных Штатов коренные народы не вымерли от занесенных болезней. Это привело к ситуации, когда коренные африканцы стали рабочей силой, которую богатые белые элиты могли дешево использовать и контролировать методами принуждения [Lundahl, 1992]. В этой обстановке белые не только не делали уступок африканцам, но даже создали философию (а именно апартеид) для оправдания неравного распределения ресурсов в обществе. Репрессии были относительно дешевы и осуществимы в Южной Африке, поскольку оправдывались философией апартеида и были нацелены на легко идентифицируемую расовую группу.

Однако режим апартеида в конечном итоге стал неустойчивым. По мере развития экономики африканское большинство становилось все более важным для поддержания экономики белых. Оно все враждебнее воспринимало свое тяжелое положение и политически мобилизовывалось. В ответ на это режим белых применял интенсивные репрессии, будучи готовым запрещать, бросать в тюрьму, пытать и убивать для сохранения своей гегемонии. Однако даже это не могло срабатывать вечно. Прибыльность экономики апартеида постепенно падала из-за внешних санкций и ущерба, вызываемого репрессиями. Более того, поскольку мир менялся, апартеид не только становился менее приемле-

мым для международного сообщества после окончания холодной войны. Глобализованная экономика также означала, что богатым белым элитам теперь меньше оснований бояться демократии. Поскольку земля стала менее, а мобильный капитал — более важным, угроза радикального африканского большинства рассеивалась. Вдобавок к этому уступки, сделанные белым режимом в 1970-е годы, в особенности легализация профсоюзов африканцев, сократили многие из экономических рент, созданных апартеидом для белых. Это означало, что белые стали меньше терять от утраты политического контроля. Действительно, как отметил Т. Розендорф [Rosendorff, 2001] именно в этом контексте, неравенство падало с середины 1970-х годов и далее. Наконец, белые вместе с АНК смогли договориться о структуре политических институтов, дававших белым достаточную уверенность относительно демократического будущего, так что они оказались готовы прекратить борьбу и допустить демократизацию.

Тем не менее всегда имеется неопределенность относительно будущего. Например, попытка стимулировать демократическую консолидацию «конституционной инженерией» в Зимбабве не привела к большому успеху. Интересно, что в своей оценке будущего демократии в Южной Африке Томпсон отмечает, что имеется «одно большое структурное препятствие для демократии в Южной Африке: нехватка хорошо образованной, квалифицированной рабочей силы — следствие чудовищного состояния, в котором находится образование в Южной Африке» [Thompson, 1995, p. 275]. Проведенный нами в главе IX анализ свидетельствует о том, что это действительно может быть проблемой.

2. ПРОДОЛЖЕНИЕ И ОБЛАСТИ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Наша теория, как и любая теория в социальных науках, очень упрощена. Чтобы сосредоточить внимание на тех механизмах, которые мы считаем важными, мы абстрагируемся от многих деталей, так же как и от других потенциально важных механизмов. Это означает, что имеются альтернативные подходы к некоторым из основных вопросов, которые мы рассматривали, и что мы исключали иные факторы, которые, может быть, важно включить в полную теорию создания и консолидации демократии. В нашей теории внимание сосредоточивалось на социальном конфликте, как главной движущей силе, ведущей к возникновению различных политических институтов. Изменения политических институтов происходят не с единогласного одобрения, но потому что та сторона, которая отдает предпочтение изменениям, становится более сильной и оказывается в состоянии — по меньшей мере временно — навязать свои предпочтения. В главе III были вкратце рассмотрены некоторые

альтернативные подходы к демократизации: например, идеи Р. Бейтса [Bates, 1991], Р. Роговского [Rogowski, 1998], Дж. Хербста [Herbst, 2000] и Ч. Тилли [Tilly, 2004] о том, что демократия возникает в процессе формирования государств, или идеи Буэно де Мескита и его соавторов [Bueno de Mesquita et al., 2003] и А. Лиззери и Н. Персико [Lizzeri, Persico, 2004] о том, что демократия добровольно создается политическими элитами, потому что она ведет к различным равновесным мерам общественной политики, которые улучшают положение каждого. Хотя мы полагаем, что основные образцы демократизации и демократической консолидации не могут быть объяснены только с помощью этих альтернативных интерпретаций, все они потенциально являются дополняющими друг друга подходами, и эмпирические исследования должны определить относительную важность различных механизмов. Как это было рассмотрено в главе III, эмпирическая работа по детерминантам создания и консолидации демократии не пошла дальше корреляций, и мало внимания было уделено выявлению причинно-следственных связей или изолированию действительно экзогенных источников вариаций. Пока что не было серьезной попытки разобрать различные механизмы, ведущие к демократизации [Acemoglu et al., 2004].

Помимо изучения и тестирования альтернативных гипотез есть несколько важных областей, в которых, как представляется, дальнейшая теоретическая работа является важным приоритетом. Пять таких сфер мы изначально планировали рассмотреть, но не включили их в основной корпус книги, чтобы объем ее оставался в пределах выполнимого.

Первая из них — это роль военных. В нашей базовой модели единственными акторами являются различные группы, и мы считали, что эти группы могут прямо участвовать в конфликте. В реальности иной институт — военные — играет критически важную роль в революциях, репрессиях и переворотах. Мы неявным образом допускали, что военные не действуют как автономный актер, но вместо этого формируют коалицию либо с элитами (в случае с репрессиями или переворотами), либо, возможно, с гражданами (в случае революции). Тем не менее в политической науке широко распространено утверждение о том, что военные часто вмешиваются в политику не от имени какой-то социальной группы, но имея в виду собственные интересы. Также ясно, что в развивающихся обществах военные очень сильны в сравнении с другими социальными и экономическими группами. Поэтому важным приоритетом для исследований является разработка теории политики военных для лучшего понимания того, когда военные становятся на сторону той или иной группы и когда они могут быть относительно автономны от социальных групп. Хотя имеется богатая литература по исследованию отдельных случаев по проблеме военных [Huntington, 1964; Finer, 1976;

Nordlinger, 1977; Rouquie, 1987; Stepan, 1988; Fitch, 1998; Loveman, 1999], но обобщений относительно целей и поведения военных существует пока что немного; только Д. Тиччи и А. Виндиньи [Ticchi, Vindigni, 2003b] попытались применить методологический подход, принятый нами в данной книге, и инструментарий теории игр для изучения военных.

Изучение роли военных связано с другой важной сферой для исследований по сравнительной политике. В главе V мы представили «косяк» модели недемократической политики; в анализе мы абстрагировались от различий недемократических режимов. Однако значительная часть политологической литературы сосредоточивает внимание именно на разработке различных классификаций недемократических режимов (см., например: [Linz, Stepan, 1996]). Более того, во многих исследованиях утверждается, что тип недемократического режима помогает определить потенциал для создания и консолидации демократии. Так ли это — вопрос эмпирический, но это, конечно, возможно [Geddes, 1999a; 1999b]. В данной книге мы решили сделать особый упор на ключевом различии между демократией и недемократическими режимами — на степени политического равенства. Тем не менее введение обогащенных моделей институциональной структуры недемократии, несомненно, породит много новых открытий.

Вторая важная область, опущенная в нашем анализе, но явно очень важная для понимания динамики демократии, — это вариативность демократических институтов. В обширной теоретической и эмпирической литературе подчеркиваются различия между разными видами демократии: например, президентской и парламентской, и теми, кто использует пропорциональное представительство, в противоположность мажоритарным электоральным институтам (см., например: [Cox, 1997; Lijphart, 1999; Persson, Tabellini, 2000, 2003; Persson et al., 2000]). Хотя в приложении к главе IV мы даем некоторые микрооснования для параметра χ (интересно соотнести его с более детализированной структурой политических институтов). На протяжении всей книги мы давали примеры того, насколько детали демократических институтов важны для осуществимости и прочности демократии. Однако использующие формальные подходы авторы только начинают ставить в исследовательскую повестку дня разработку моделей того, как виды электоральных систем или то, является ли демократия президентской или парламентской, влияют на стимулы для политиков или граждан. Выбор равновесной формы политических институтов и то, как это влияет на осуществимость демократии, — увлекательная область исследований на годы вперед. Наш анализ позволяет говорить о том, что детализированная институциональная структура — в связи с тем, как она влияет на агрегиро-

вание предпочтений — определяет в каком виде проходят политические конфликты и тем самым вероятность создания или консолидирования демократии.

Третья область, нуждающаяся в большей теоретической разработке, существует в контексте того, что мы называем альтернативными политическими идентичностями. Значительная часть исследований по политической экономии осмысливает конфликт как проходящий по разделительным линиям классов или социально-экономических групп, но имеется также и распространенное понимание, что это не всегда так. Хотя мы попытались показать, что наши главные результаты, касающиеся обстоятельств возникновения и консолидации демократии, не зависят от характера политических идентичностей, более обогащенная модель должна породить много новых эмпирических предсказаний. Важной областью исследований являются не просто особенности политических идентичностей, но также их формирование и то, как они зависят от институциональной структуры. Чтобы проиллюстрировать это, можно указать работы историков Африки, которые продемонстрировали, что некоторые из нынешних важных этнических идентичностей в Африке, заметные в ходе политических конфликтов, на самом деле являются результатом стимулов, созданных в колониальный период (см., например: о народности ибо в Нигерии [Horowitz, 1985] и шона в Зимбабве [Ranger, 1991]).

Четвертой важной областью для будущих исследований является коллективное действие и революция. В главе V мы рассматривали проблему коллективного действия и утверждали, что имеющиеся эмпирические данные говорят о том, что революционеры обходят ее, обеспечивая личные выгоды для тех, кто принимает участие в революции. Этот тезис лег в основу соответствующей модели и ее использования в тексте. Тем не менее разработка более глубокого понимания коллективного действия — захватывающее поле для будущих исследований, и теоретических, и эмпирических. Мы также моделировали «постреволюционные общества» самым огрубленным способом, опираясь на допущение, что революции (за исключением краткого рассмотрения вопроса в главе VI) находятся вне пути равновесия. Однако углубленное понимание того, что происходит в ходе революций и как институты развиваются после нее, — важная тема, которая может породить новые предсказания относительно создания и консолидации демократии. Как и в случае с политической военных, имеется обширная литература по использованию отдельных революций, которая может быть отправной точкой для построения моделей и более точно проверяемых гипотез.

Наконец, и возможно, самое важное: будущая литература должна дать более обогащенные модели функционирования экономики и

формы экономических институтов, чем представленные в этой книге. Особенно привлекательная область будущих исследований — изучение взаимодействий между эндогенными экономическими и политическими институтами. Хотя в главе IX мы эндогенизировали распределение дохода и рассмотрели важную роль экономических институтов в развитии экономики и демократии, но не представили детальных моделей детерминации экономических институтов и их изменений во времени. Более того, мы только изучили ситуации, в которых доходы определялись постоянным количеством активов, тогда как в реальности капитал со временем накапливается, а технологии меняются. Важным шагом является инкорпорирование этой динамики роста и накопления в нашу концептуальную структуру [Acemoglu, Robinson, 2000a; 2002; Jack, Lagunoff, 2003]. Такое развитие моделей также поможет объяснить, почему в политических институтах может иметь место зависимость от исторического пути, как, по мнению многих ученых, и обстоит дело.

3. БУДУЩЕЕ ДЕМОКРАТИИ

Цель этой книги — разработать и представить упрощенную концептуальную структуру для анализа демократической и недемократической политики и переходов между демократическими и недемократическими режимами. Проводимый нами анализ в основном направлен на понимание относительно абстрактной картины сложных социальных феноменов. Хотя любая простая теория делает предсказания о будущем на свой страх и риск, полезно поразмыслить о будущем демократии на основе разработанной нами структуры.

Для осмысления того, консолидируются ли существующие в мире демократии, и как они будут трансформировать по сравнению с их сегодняшним состоянием важны несколько вопросов. Во-первых, в мире все более возрастающее значение приобретает *человеческий капитал* в сравнении с землей и физическим капиталом, по двум причинам: 1) рядовые граждане и развивающихся, и развитых стран сегодня более образованы, чем 50 лет тому назад; 2) на протяжении XX в. технологии, как представляется, стали более полагаться на умения и человеческий капитал работников (т.е. стали благоприятствующими умениям), тем самым повышая важность человеческого капитала на рынке труда [Acemoglu, 2002]. Хотя большие доходы от человеческого капитала могут в некоторых случаях увеличить неравенство (как, например, в экономике США в течение последних 30 лет), обычно они помогают перекрыть разрыв между элитами и гражданами и создают многочисленный средний класс во многих менее развитых странах, являющихся недемократическими или неконсолидированными демократиями. По мере перекрытия этого

разрыва и возникновения среднего класса мы ожидаем меньших конфликтов по поводу перераспределения и более стабильных демократий не только в обществах, где имеет место политический конфликт между богатыми и бедными, но и там, где этот конфликт проходит по другим разделительным линиям. В недавнем прошлом мы были свидетелями появления многих описаний «конца войны классов» (см., например: [Fukuyama, 1992]). Мы не предсказываем окончания политических конфликтов в скором времени, но считаем, что с большей ролью человеческого капитала конфликты станут менее ожесточенными и интенсивными.

Во-вторых, мы сейчас живем в *высоко глобализированной мировой экономике*. В силу уже рассмотренных причин мы полагаем, что большие международные экономические и финансовые связи могут способствовать демократии и ее консолидации. Конечно, конфликт между элитами и большинством граждан сохранится и в глобальной мировой экономике, но глобализация может убрать наиболее разрушительное оружие из арсеналов сторон. Граждане сегодня не хотят проводить максимально популистскую и редистрибутивную политику, что повышает безопасность элит в условиях демократии. Элиты значительно менее расположены к переворотам и нарушениям нормального функционирования общества.

В-третьих, *окончание холодной войны* предполагает прекращение скрытой экономической и политической поддержки, которую получали многие недемократические режимы, что облегчает переход к демократии и затрудняет антидемократические перевороты (хотя имеется опасность, что война против терроризма может свести на нет потенциальные выгоды окончания холодной войны).

Эти три фактора дают основание предполагать, что у демократии светлое будущее. Демократия сегодня имеет намного больше шансов победить недемократию, чем в прошлом, и там, куда она еще не пришла, и там, где она еще не консолидировалась.

Однако учитывая эти изменения, можно ли ожидать, что демократия изменит свою природу в этой новой эре? Наша аргументация состояла в том, что демократия стоит на стороне интересов большинства, возможно, даже бедных. Это по преимуществу относительное утверждение, сравнивающее демократию с типичным недемократическим режимом. Мы также отметили, что есть причины того, что в демократии могут быть могущественные элиты, даже если в целом демократия настроена в интересах большинства более, чем недемократия. Есть два основания ожидать, что со временем элиты могут стать более могущественными в демократии.

Во-первых, самые важные источники дополнительной власти для элит в демократии — это их контроль над партийной системой и тем самым над политической повесткой дня, и их способность формировать

эффективное лобби против некоторых мер государственной политики. Можно ли ожидать, что элиты в будущем смогут делать это более эффективно? Есть две причины подозревать, что ответ на этот вопрос может быть утвердительным. При все более светлом будущем для демократии элиты — особенно в нынешних неконсолидированных демократиях — должны примириться с жизнью в демократии. В этом случае они могут делать все, что в их силах, чтобы влиять на государственную политику. Таким образом, выгоды для элит от усиления их власти в демократии теперь могут быть больше.

Возможно, еще более важно то, что по мере достижения демократией зрелости, у организованных групп, потенциально включающих элиты или некоторые подгруппы элит, могут возникать большие возможности для усиления своего влияния. Аргументация по поводу того, что группы интересов в демократических обществах со временем становятся сильнее, была впервые разработана Мансуром Олсоном в его классическом труде по политической экономии «Подъем и упадок наций» [Olson, 1982]. Олсон указал, что с течением времени формируется сотрудничество и доверие между различными членами влиятельных лобби и что может быть еще важнее — эти лобби более эффективно захватывают основные принципы во всех ветвях власти и в политической системе. В контексте демократической политики одной из групп интересов, которая может стать сильнее и прийти к доминированию в значительной части политической сферы, является элита. Если это так, то можно ожидать, что демократии со временем станут менее благоприятствующими большинству. Тот факт, что новые демократии были более редистрибутивны, чем зрелые, на протяжении XX в., и то наблюдение, что консервативные партии стали сильнее во многих прочно установившихся демократиях в последние 40 лет, согласуются с этим мнением.

Это можно соотнести с классическим «железным законом олигархии», сформулированным социологом Робертом Михельсом в его классической книге «Политические партии» [Michels, 1911]. Михельс утверждал, что все организации, и в особенности, политические партии — даже социалистические — имеют тенденцию захватываться теми, кто ими руководит; эти люди затем инкорпорируются в элиты. Это означает, как доказывал Михельс, что у демократии мало шансов радикально изменить общество, потому что она в лучшем случае заменяет одну элиту другой. Ни при каких обстоятельствах это не может привести к радикальным социальным изменениям в интересах большинства. Если этот закон верен, то естественный процесс захвата власти элитой уменьшает радикальную угрозу демократии.

Во-вторых, есть и обратная сторона возросшей важности человеческого капитала (включая благоприятствующие умениям технологи-

XI. Выводы и будущее демократии

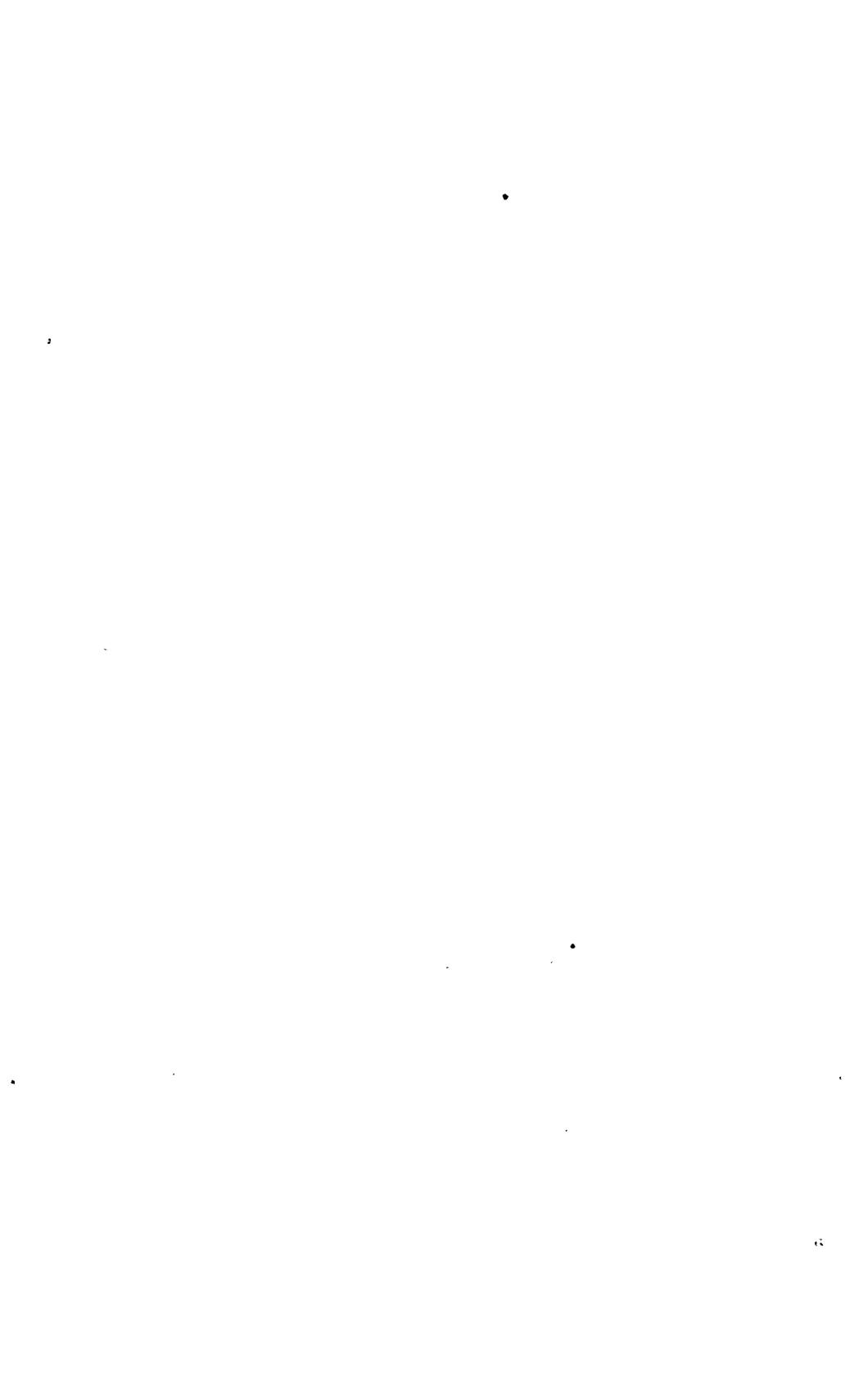
ческие изменения) и большей глобализации. Уменьшая конфликты по поводу перераспределения, эти экономические перемены ослабляют многие из организаций, которые играли важную роль в поддержке интересов большинства и мер государственной политики, благоприятных для большинства. В числе теряющих силу организаций — традиционные социал-демократические партии и профсоюзы. Это наиболее заметно в англосаксонском мире, особенно в Соединенных Штатах и Соединенном Королевстве, где профсоюзы сегодня намного слабее, а традиционные левые партии стали, в общем и целом, противниками перераспределения доходов.

Если эти перемены больше распространятся по всему миру, можно ожидать, что в будущем элиты и консервативные партии станут сильнее, а демократия — менее редистрибутивной, особенно если не возникнут новые формы представительства для большинства, как в политической сфере, так и на рабочем месте. Таким образом, демократия станет более консолидированной; однако для тех, кто ожидает, что демократия трансформирует общество так же, как британская демократия сделала это в первой половине XX в., это может быть разочаровывающей формой демократии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

XII. Распределение власти в демократии (приложение к главе IV)

1. ВВЕДЕНИЕ

В этом приложении мы рассматриваем модели, которые лежат в основе анализа распределения политической власти в демократии, проведенного в последнем разделе главы IV. Там утверждалось, что при некоторых обстоятельствах равновесная политика в демократии может рассматриваться как максимизирующая взвешенную сумму косвенных полезностей богатых и бедных. Здесь мы представляем серию моделей, которые могут дать микроэкономические основания для этих утверждений, и уточняем, при каких именно предпосылках выполняется сделанное утверждение.

2. МОДЕЛИ ВЕРОЯТНОСТНОГО ГОЛОСОВАНИЯ

2.1. Вероятностное голосование и существование равновесия

Перед обсуждением модели вероятностного голосования полезно снова вернуться к условию несуществования равновесий при голосовании в моделях без однопиковых предпочтений. Вспомним, что ТМИ применима только тогда, когда пространство государственной политики одномерно и предпочтения однопиковы. Хотя в данной книге мы далеко продвинулись на основе моделей, удовлетворяющих этим допущениям, многие ситуации в реальном мире — где имеются пересекающиеся коалиции и многомерные различия — этим допущениям не удовлетворяют. В этих ситуациях, когда ТМИ неприменима, игра соперничества партий часто не имеет равновесия в форме чистых стратегий. Хотя в этих ситуациях существуют равновесия смешанных стратегий, хотелось бы избежать предположений о том, что политические партии отходят от своих платформ. Модель вероятностного голосования, впервые введенная А. Линдбеком и Й. Вейбуллом [Lindbeck, Weibull, 1987], полезна не только как альтернативный подход к определению государственной политики, но и как открывающая выход из проблем несуществования, что возникают в стандартной модели.

Чтобы оценить потенциал модели вероятностного голосования, полезно вновь рассмотреть источник проблем несуществования при однопиковых равновесиях. Источник проблемы показан в уравнении (IV.2), где вероятность выигрыша выборов для партии увязывается с предпочтениями медианного избирателя, когда предпочтения однопиковы. Мы снова приводим это уравнение, определяющее вероятность того, что партия A , предлагающая платформу q_A , победит партию B , предлагающую политику q_B :

$$P(q_A, q_B) = \begin{cases} 1, & \text{если } V^M(q_A) > V^M(q_B) \\ \frac{1}{2}, & \text{если } V^M(q_A) = V^M(q_B), \\ 0, & \text{если } V^M(q_A) < V^M(q_B) \end{cases} \quad (\text{XII.1})$$

где M означает медианного избирателя. Важная характеристика этого уравнения в том, что вероятность победы партии A есть *разрывная* функция ее политики: по мере изменений q_A , эта вероятность скачком увеличивается от 0 до 1/2 и затем до 1. Чтобы показать причину этого, предположим, что рассматриваемый вектор политики, q , одномерный, и что предпочтения медианного избирателя M однопиковы, а наиболее предпочитаемая им политика обозначается q^M . Тогда, когда эти две партии предлагают варианты политики q_A и q_B , такие что $q_A = q_B + \varepsilon < q^M$, где ε есть небольшое положительное число (в пределе — бесконечно малое), медианный избиратель предпочитает партию A , которая предлагает политику, более близкую к предпочтительной для него. Теперь представим, что партия B незначительно изменяет свою политику, увеличивая ее на 2ε . Это становится причиной того, что медианный избиратель предпочтет партию B , и поскольку та партия, которая привлекает медианного избирателя, выигрывает выборы, это изменение политики нарушает непрерывность изменений в $P(q_A, q_B)$.

Чтобы гарантировать существование чистой стратегии, равновесия Нэша требуют непрерывности функций выигрыша во всех стратегиях (а также чтобы множества стратегий были ограниченными, закрытыми и выпуклыми, а функции выигрыша — квазивыпуклыми в своих собственных стратегиях; см., например: [Fudenberg, Tirole, 1991, Theorem 1.2, p. 34]). Как показывает рассмотрение этого вопроса, модель конкуренции партий по Даунсу не удовлетворяет этим допущениям. Нарушение непрерывности не обязательно ведет к несуществованию, но не позволяет доказать существование при общих условиях. Действительно, как было установлено анализом, проведенным в главе IV, при однопиковых предпочтениях модель Даунса порождает единственное равновесие (даже несмотря на то что целевые функции политических

партий не являются непрерывными). Это демонстрирует, что непрерывность достаточна для того, чтобы гарантировать существование равновесия, но не является необходимой — равновесие может существовать, даже если поведение «разрывно». Однако разрывность целевых функций ведет к несуществованию, когда предпочтения не однопиковы или пространство государственной политики многомерно.

Как мы можем гарантировать существование равновесия? Одна из возможностей — сгладить разрывы функций выигрыша, в данном контексте вероятности того, что партия A выиграет выборы $P(q_A, q_B)$. Именно это составляет подход вероятностного голосования.

Идея вероятностного подхода к голосованию заключается в том, что уравнение, подобное (XII.1), должно применяться на индивидуальном уровне (для индивидуальных решений по поводу голосования), но в силу гетерогенности агентов и случайных изменений в предпочтениях вероятность того, что партия A выиграет выборы, должна быть гладкой функцией ее политической платформы. Точнее, пусть $p^i(q_A, q_B)$ будет вероятность того, что индивид i голосует за партию A , предлагающую политику q_A , а не за партию B , предлагающую политику q_B . Это задано следующим уравнением, сходным с (XII.1):

$$p^i(q_A, q_B) = \begin{cases} 1, & \text{если } V^i(q_A) > V^i(q_B) \\ \frac{1}{2}, & \text{если } V^i(q_A) = V^i(q_B) \\ 0, & \text{если } V^i(q_A) < V^i(q_B) \end{cases} \quad (\text{XII.2})$$

Почему $P(q_A, q_B)$ будет отличаться от $p^i(q_A, q_B)$? В литературе наиболее распространен подход, в рамках которого предполагается, что имеются некоторые не связанные с конкретной политикой партии причины неопределенности предпочтений индивидов (будь то предпочтения относительно «идеологии» или «драпировка» политиков), так что индивидуальные избиратели имеют слегка различающиеся предпочтения (см., например: [Lindbeck, Weibull, 1987; Coughlin, 1992; Persson, Tabellini, 2000]). В результате, будучи агрегированной над индивидуальным уровнем, $P(q_A, q_B)$ окажется гладкой функцией политических платформ, и небольшое изменение в политике имеет лишь небольшой отклик в агрегированном поведении избирателей. Этот подход мы и развиваем далее. Наш особый интерес к этой модели обусловлен не только технической причиной возможности существования равновесия, которого в ином случае не было бы, но и тем, что вероятностная модель голосования отражает различные идеи о том, кто обладает властью в демократии.

2.2. Вероятностное голосование и колеблющиеся избиратели

Пусть общество состоит из N отличных друг от друга групп избирателей (все избиратели в группе имеют одни и те же экономические характеристики). Примерами могут быть богатые и бедные в двухклассовой модели, или богатые, средний класс и бедные в трехклассовой.

Имеется конкуренция на выборах между двумя партиями, A и B , и пусть π_j^n будет долей избирателей в группе n , голосующих за партию j , где $j = A, B$, и пусть λ^n будет долей всех избирателей общества в группе n и, естественно, $\sum_{n=1}^N \lambda^n = 1$. Тогда ожидаемая доля голосов за партию j есть:

$$\pi_j = \sum_{n=1}^N \lambda^n \pi_j^n.$$

При даунсовской конкуренции на выборах, поскольку все избиратели в n имеют одни и те же экономические предпочтения, π_j^n задано (XII.2) и изменяется скачками от 0 до 1, поскольку избиратели в группе n всегда определенно голосуют за партию, которая обещает ту политику, что они более предпочитают. Как это было резюмировано в теореме IV.2, этот вид даунсовской электоральной конкуренции ведет к политике, наиболее предпочтительной для медианного избирателя. Сейчас мы увидим, как возникают различные результаты, когда в избирательное поведение включаются идеологические различия.

Представим себе, что индивид i в группе n имеет следующие предпочтения:

$$\tilde{V}^{ni}(q, j) = V^n(q) + \tilde{\sigma}_j^{ni}, \tag{XII.3}$$

когда партия j приходит к власти, где q есть вектор мер экономической политики, избираемых стоящей у власти партией. Допустим, $q \in Q \subset \mathbb{R}^S$ так, что q есть S -мерный вектор. Здесь $V^n(q)$, как и ранее, есть косвенная полезность представителей группы n и отображает их экономические интересы. Все индивиды в той или иной группе имеют одну и ту же $V^n(q)$. Вдобавок к этому, член $\tilde{\sigma}_j^{ni}$ может быть интерпретирован как не связанные с политикой блага, которые индивид получает от партии j . Наиболее очевидным источником этих предпочтений может быть идеология. Таким образом, данная модель позволяет индивидам в одной и той же экономической группе иметь различные идеологические или особые личные предпочтения.

Теперь, определив разницу между идеологической привлекательностью двух партий для индивида i в группе n как $\tilde{\sigma}^{ni} \equiv \tilde{\sigma}_B^{ni} - \tilde{\sigma}_A^{ni}$, электоральное поведение индивида i может быть представлено уравнением, аналогичным (XII.2):

$$p^{ni}(q_A, q_B) = \begin{cases} 1, & \text{если } V^n(q_A) - V^n(q_B) > \tilde{\sigma}^{ni} \\ \frac{1}{2}, & \text{если } V^n(q_A) - V^n(q_B) = \tilde{\sigma}^{ni} \\ 0, & \text{если } V^n(q_A) - V^n(q_B) < \tilde{\sigma}^{ni} \end{cases} \quad (\text{XII.4})$$

Поскольку это уравнение проясняет, что значима только разница между двумя идеологиями, мы работаем непосредственно с $\tilde{\sigma}^{ni}$. Пусть распределение этих идеологических предпочтений $\tilde{\sigma}^{ni}$ в группе n будет задано гладкой кумулятивной функцией распределения F^n , определенной для $(-\infty, +\infty)$, со связанной с ней функцией плотности вероятности f^n . Тогда из (XII.4) прямо следует:

$$\pi_A^n = F^n(V^n(q_A) - V^n(q_B)). \quad (\text{XII.5})$$

Далее несколько отличным образом от предыдущего предположим, что партии максимизируют их ожидаемую долю голосов¹. В этом случае партия A устанавливает политическую платформу q_A так, чтобы максимизировать:

$$\pi_A = \sum_{n=1}^N \lambda^n F^n(V^n(q_A) - V^n(q_B)). \quad (\text{XII.6})$$

Перед партией B стоит симметричная проблема, которую можно трактовать как проблему минимизации π_A . Равновесные политические платформы в таком случае определяются как равновесие игры Нэша, в которой обе партии делают одновременные заявления о политике, максимизирующей их доли голосов.

Мы сначала анализируем условие первого порядка партии A по отношению к ее собственному выбору политики, q_A , принимая политический выбор другой партии, q_B , как данность. Это требует

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n(V^n(q_A) - V^n(q_B)) \nabla V^n(q_A) = 0,$$

где $\nabla V^n(q_A)$ обозначает вектор-градиент функции $V^n(q_A)$, т.е.

$$\nabla V^n(q_A) = \left(\frac{\partial V^n(q_A)}{\partial q_{A1}}, \dots, \frac{\partial V^n(q_A)}{\partial q_{AS}} \right)^T$$

¹ В главе IV целевой функцией партий было прийти к власти; таким образом, они просто хотели, чтобы их доля голосов была больше, чем 1/2. Здесь делается допущение, что они хотят максимизировать их долю голосов. Это допущение сделано, для того чтобы упростить рассмотрение вопроса.

и верхний индекс T обозначает транспонирование вектора $\nabla V^n(q_A)$. Итак, иными словами, производная доли голосов в (XII.6) должна быть равной нулю по отношению к каждому компоненту вектора политики q .

Это условие первого порядка характеризует максимум, когда условие второго порядка также удовлетворяется. Достаточное условие второго порядка состоит в том, чтобы матрица

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n (V^n(q_A) - V^n(q_B)) \cdot \nabla^2 V^n(q_A) + \sum_{n=1}^N \lambda^n \frac{\partial f^n (V^n(q_A) - V^n(q_B))}{\partial q_A} (\nabla V^n(q_A)) \cdot (\nabla V^n(q_A))^T \quad (\text{XII.7})$$

была отрицательно определенной, в которой $\nabla^2 V^n(q_A)$ обозначает гессиан функции $V^n(q_A)$, оцениваемый при векторе политики q_A .

Это условие удовлетворяется, если полезности избирателя — это вогнутые функции платформ, так что $\nabla^2 V^n(q_A)$ является отрицательно определенной и плотность идеологических предпочтений не возрастает чересчур резко, или точнее, если она подобна равномерному распределению. Хотя гарантировать, чтобы имели место условия второго порядка трудно, здесь мы следуем литературе по вероятностному голосованию и допускаем, что они имеют место.

Поскольку проблема партии B симметрична, она также предлагает такую политику; поэтому в равновесии мы имеем конвергенцию политики с $q_A = q_B^2$. Таким образом, $V^n(q_A) = V^n(q_B)$ и равновесные политические платформы, объявляемые обеими партиями, заданы уравнением:

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n(0) \nabla V^n(q_A) = 0. \quad (\text{XII.8})$$

Уравнение (XII.8), которое дает равновесные политические платформы, также соответствует решению проблемы максимизации следующей взвешенной утилитарской функции социального благосостояния:

$$\sum_{n=1}^N \chi^n \lambda^n V^n(q), \quad (\text{XII.9})$$

где

$$\chi^n = f^n(0)$$

² Могут также существовать асимметричные равновесия, в которых две партии избирают различные платформы.

есть веса, которые различные группы получают в функции социального благосостояния. Мы формулируем этот результат как следующую теорему:

Теорема П.1 (Теорема вероятностного голосования). *Рассмотрим множество выбора политических платформ Q : пусть $q \in Q \subset \mathbb{R}^S$ будет вектором предлагаемых платформ и пусть предпочтения будут заданы (XII.3) как функция платформы и находящейся у власти партии и функция распределения $\tilde{\sigma}^{ni}$ будет F^n . Тогда равновесная политическая платформа, если она существует, задана q^* , максимизирующей взвешенную утилитаристскую функцию общественного благосостояния (XII.9).*

Здесь стоит подчеркнуть две особенности. Во-первых, равновесие существует, пока условия второго порядка в (XII.7) удовлетворяются. Мы не нуждаемся в однопиковых предпочтениях, и теперь пространство политических платформ Q может быть подмножеством \mathbb{R}^S для $S > 1$, более необязательно одномерно. Таким образом, модель вероятностного голосования частично избегает проблем несуществования, связанных либо с отсутствием однопиковости предпочтений, либо с многомерностью политических программ. Это результат сглаживания разрывов непрерывности на индивидуальном уровне с помощью агрегирования.

Во-вторых, и что более важно, эта модель дает возможность задать параметры различной политической власти разных групп. Если $f^n(0)$, плотность идеологических пристрастий между партиями в точке, где платформы обеих партий дают одну и ту же полезность (т.е. при $V^n(q_A) = V^n(q_B)$) идентичны для всех групп, (XII.9) становится в точности утилитаристской функцией общественного благосостояния. Реальное равновесие в этой политэкономической игре отличается от максимизации этой утилитаристской функции общественного благосостояния, потому что различные группы имеют различную чувствительность к политике. К примеру, представим себе две группы, n и n' , такие что n является более «идеологической», что означает: в этой группе есть индивиды с сильными предпочтениями относительно партии A или партии B . Это соответствует функции распределения F^n , имеющей относительно большой вес в конечных точках. Напротив, представим, что группа n' не очень идеологическая и большинство этой группы голосует за партию, которая предлагает им несколько лучшие экономические меры. Это соответствует относительно небольшому весу в конечных точках $F^{n'}$ и, таким образом, большому значению $f^{n'}(0)$. В этом случае избиратели из группы n' становятся «колеблющимися избирателями», получающими больше веса в игре политической конкуренции, потому что они более чувствительны к переменам

в политике. Интуитивно понятно, что разворачивание политических платформ в пользу групп, которые более склонны быть отзывчивыми к таким решениям (а не к идеологическим вопросам), привлекательнее для партий как стратегия завоевания голосов, так что в политическом равновесии государственная политика более отзывчива к предпочтениям колеблющейся группы.

Рассмотрение этого вопроса имеет прямые следствия для нашей рабочей двухклассовой модели. Хотя бедные более многочисленны, из этого не следует, что политические партии предлагают политическую платформу, являющуюся идеальной для бедных, поскольку в вероятностной модели голосования значимы не только «голые числа». Когда имеется идеология, значимо также то, насколько избиратели готовы менять свою преданность одной партии на преданность другой. Обычно это означает, что политические партии рассматривают предпочтения богатых как отображаемые нашей моделью в ее редуцированной форме в этом тексте, где политический процесс максимизирует взвешенную утилитаристскую функцию общественного благосостояния, подобную (XII.9). В этом контексте можно также рассматривать изменения в весе богатых χ' (или, на микроуровне, $f'(0)$), влияющие на то, насколько перераспределительным будет демократический политический процесс.

3. ЛОББИРОВАНИЕ

Рассмотренные здесь модели пока что позволяют влиять на меры государственной политики только через голоса избирателей. На практике различные группы, особенно те, которые могут организовать лобби, делают пожертвования на избирательную кампанию или платят деньги политикам, чтобы стимулировать их принимать меры, предпочтительные для этих групп. В этом разделе мы разрабатываем простую модель лоббирования и изучаем, как оно влияет на детерминацию равновесных политических мер.

При наличии лоббирования политическая власть устанавливается не только путем голосования, но и из других источников, включая организацию различных групп, концентрацию ресурсов в их распоряжении и их предельную готовность платить за желательные изменения различных мер государственной политики. Самый важный результат заключается в том, что даже при лоббировании равновесные политические платформы выглядят как решение проблемы максимизации взвешенного утилитаристского общественного благосостояния.

Теперь мы представляем базовую модель лоббирования Дж. Гроссмана и Э. Хелпмана [Grossman, Helpman, 1996; 2001]. Снова представим

себе, что есть N групп агентов, каждая с одними и теми же экономическими предпочтениями. Полезность агента в группе n , когда проводится в жизнь политика q , равна:

$$V^n(q) - \gamma^n(q),$$

где $V^n(q)$ — обычная функция косвенной полезности и $\gamma^n(q)$ — личный вклад в лоббирование группы n каждого из ее членов. Мы считаем эти вклады функцией государственной политики, которая будет проведена в жизнь; чтобы подчеркнуть это, упоминаем q как аргумент такой функции.

Чтобы получить определенные результаты, мы сейчас полностью абстрагируемся от электоральной политики и делаем допущение, что политик уже у власти. Допустим, что этот политик имеет функцию полезности в такой форме:

$$G(q) \equiv \sum_{n=1}^N \lambda^n \gamma^n(q) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q), \quad (\text{XII.10})$$

где, как и ранее, λ^n — доля группы n в населении. Первый член в (XII.10) есть денежные поступления политика, второй член — утилитаристское общественное благосостояние. Таким образом, a определяет, насколько политик заботится о совокупном общественном благосостоянии. Когда $a = 0$, он думает только о деньгах; когда $a \rightarrow \infty$, его действия направлены на максимизацию общественного благосостояния. Одной из причин того, что политики могут заботиться об общественном благосостоянии, является электоральная политика (например, в последнем подразделе доля получаемых голосов могла зависеть от благосостояния каждой группы [Grossman, Helpman, 1996]).

Теперь рассмотрим проблему индивида i в группе n . Вкладывая некоторую сумму денег, он может быть в состоянии склонить политика к принятию решений, более благоприятных для его группы. Но он является одним из многих членов группы, и имеется естественная проблема безбилетника, связанная с любым видом коллективного действия (см. главу V наст. изд.). Следовательно, можно не делать личного вклада, предоставляя это остальным, а самому пользоваться результатами лоббирования. Это типичный результат, если группы не организованы (например, если отсутствует эффективная организация, координирующая их лоббистскую деятельность и перекрывающая неучаствующим индивидам доступ к получению некоторых благ). В то же время организованные группы могут быть в состоянии собирать вклады своих членов для максимизации группового благосостояния.

Мы здесь считаем, что из N групп агентов $L < N$ организованы как лобби и могут собирать деньги со своих членов, для того чтобы способствовать интересам группы. Остающиеся $N - L$ не организованы и не делают никаких вкладов. Не теряя уровня обобщения, пронумеруем группы так, что группы $n = 1, \dots, L$ являются организованными.

Игра лоббирования принимает следующий вид: каждое организованное лобби n одновременно предлагает план $\gamma^n(q) \geq 0$, обозначающий выплаты, которые они сделали бы политику, при принятии меры q . Проанализировав свои возможности, политик избирает q . Важным допущением является то, что взносы политикам (т.е. пожертвования на избирательную кампанию или взятки) могут ставиться в зависимость от реальной политической платформы, проводимой в жизнь политиками. Это допущение может быть хорошим приближением к реальности в некоторых ситуациях, но в других случаях лобби могут быть вынуждены делать вклады авансом и надеяться, что они помогают партиям, от которых ожидается, что они реализуют благоприятные для лобби меры с тем, чтобы быть избранными.

Это потенциально сложная игра, поскольку многие агенты (здесь — лобби) выбирают функции (а не скаляры или векторы). Тем не менее заметив тот факт, что это игра выглядит как модель аукциона в духе исследований Д. Бернхейма и М. Уинстона [Bernheim, Whinston, 1986], можно показать, что равновесие в ней имеет простой вид.

В частности, можно вывести следующую теорему³:

Теорема П.2 (Лоббистское равновесие Гроссмана — Хелпмана). В игре лоббирования, описанной выше, функции пожертвований для групп $n = 1, 2, \dots, L$, $\{\hat{\gamma}^n(\bullet)\}_{n=1, 2, \dots, L}$ и политика государства q^* составляют равновесие Нэша, совершенное на подыграх, если:

1. $\hat{\gamma}^n(\bullet)$ осуществимо в том смысле, что $0 \leq \hat{\gamma}^n(q) \leq V^i(q)$.
2. Политик выбирает ту политическую платформу, что максимизирует его благосостояние, т.е.

³ В работе Гроссмана и Хелпмана [Grossman, Helpman, 2001] также доказывается, что для каждого лобби n существует платформа $\hat{q}^n \in \arg \max_{q \in Q} \left(\sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q) \right)$, которая удовлетворяет $\hat{\gamma}^n(\hat{q}^n) = 0$. Это означает, что равновесная функция пожертвования каждого лобби такова, что существует платформа, которая не делает никаких пожертвований политику и дает ему одну и ту же полезность. Если бы это условие не было верным, лобби могло бы сократить свои пожертвования и по-прежнему стимулировать то же поведение. Эта особенность равновесия не является важной для выдвигаемых здесь на первый план результатов, поэтому она и помещается в сноске.

$$q^* \in \arg \max_{q \in Q} \left\{ \sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q) \right\}. \quad (\text{XII.11})$$

3. Ни у одного лобби нет более выгодных отклонений, т.е. при всех $n = 1, 2, \dots, L$; и тогда

$$q^* \in \arg \max_{q \in Q} \left\{ \lambda^n V^n(q) - \lambda^n \hat{\gamma}(q) + \sum_{n'=1}^L \lambda^{n'} \hat{\gamma}^{n'}(q) + a \sum_{n'=1}^N \lambda^{n'} V^{n'}(q) \right\}. \quad (\text{XII.12})$$

Хотя эта теорема на первый взгляд выглядит сложной, она вполне интуитивно понятна. Условие 1 есть просто осуществимость: отрицательные пожертвования не допускаются и ни одна группа не будет делать пожертвования, дающие отрицательную полезность.

Условие 2 должно иметь место в любом равновесии, совершенном на подыграх, поскольку политик принимает решение после того, как лобби предложили свои планы пожертвований. Это условие просто констатирует, что, учитывая планы пожертвований лобби, политик выбирает ту меру, которая максимизирует его выигрыш.

Условие 3 самое важное в равновесии. Если это условие не имело бы места, то лобби могло бы изменить свой план пожертвований и улучшить свое благосостояние.

Чтобы получить этот результат, можно рассуждать следующим образом. Предположим, для выявления противоречия, что это условие не имеет силы для лобби $n = 1$ и вместо q^* некоторое иное \hat{q} максимизирует (XII.12). Обозначим эту разницу в значениях (XII.12) для $n = 1$, оцененного при q^* и \hat{q} как $\Delta > 0$ (что строго положительно в силу гипотезы о том, что (XII.12) нарушено). Затем рассмотрим следующий план пожертвований для лобби $n = 1$:

$$\tilde{\gamma}^1(q) = \frac{1}{\lambda^1} \left(\sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) - \sum_{n=2}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q) - a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n + \varepsilon c^1(q) \right),$$

где $c^1(q)$ есть непрерывная положительная функция, достигающая своего строгого максимума при $q = \hat{q}$. По существу, этот план разработан лобби 1, чтобы стимулировать политика выбрать \hat{q} вместо q^* , и по замыслу, он гарантирует большую полезность для политика при \hat{q} , чем при q^* . Чтобы в этом убедиться, предположим, что с этим новым планом политик избирает q^* , в этом случае выигрыш есть:

$$\begin{aligned}
 G(q^*) &= \sum_{n=2}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) + \left(\sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) - \right. \\
 &\quad \left. - \sum_{n=2}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) - a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) + \varepsilon c^1(q^*) \right) = \\
 &= \sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) + \varepsilon c^1(q^*).
 \end{aligned}$$

Но если политик избирает \hat{q} , то выигрыш будет:

$$\begin{aligned}
 G(\hat{q}) &= \sum_{n=2}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(\hat{q}) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(\hat{q}) + \sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(\hat{q}) + \left(\sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + \right. \\
 &\quad \left. + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) - \sum_{n=2}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(\hat{q}) - a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(\hat{q}) + \varepsilon c^1(\hat{q}) \right) = \\
 &= \sum_{n=1}^L \lambda^n \hat{\gamma}^n(q^*) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q^*) + \varepsilon c^1(\hat{q}).
 \end{aligned}$$

Этим немедленно доказывается, что для любого $\varepsilon > 0$, $G(\hat{q}) > G(q^*)$. Действительно, поскольку $c^1(q)$ максимизируется при $q = \hat{q}$, политик строго предпочитает меру $q = \hat{q}$ любой другой осуществимой альтернативе, получив новый план пожертвований для любого $\varepsilon > 0$.

Это изменение в благосостоянии лобби 1 как результат перемены стратегии от $\hat{\gamma}^1$ к $\tilde{\gamma}^1$ есть:

$$\Delta - \varepsilon c^1(q).$$

Поскольку $\Delta > 0$, для достаточно малого ε лобби выигрывает от этого изменения, что показывает — первоначальное распределение не могло быть равновесием.

Результаты теоремы П.2 кажутся далекими от максимизации простой взвешенной полезности в главе IV. Далее мы увидим, что они на самом деле предполагают максимизацию взвешенной полезности. Предположим, что функции пожертвований, $\hat{\gamma}^n S$, дифференцируемы. С практической точки зрения это упрощающее допущение, хотя Бернхейм и Уинстон [Bernheim, Whinston, 1986] показали, что дифференцируемые функции пожертвований обеспечивают полезное свойство устойчивости к ошибкам (или пертурбациям) и формированию коалиций.

С дифференцируемостью проблема максимизации для политика в (XII.11) предполагает следующее условие первого порядка для выбора политики, q_s , в рамках вектора q :

$$\sum_{n=1}^L \lambda^n \frac{\partial \hat{\gamma}^n(q)}{\partial q_s} + a \sum_{n=1}^N \lambda^n \frac{\partial V^n(q)}{\partial q_s} = 0, \text{ для всех } s = 1, 2, \dots, S.$$

Подобным же образом из оптимизации для каждого лобби (ХИ.12) выглядит как:

$$\lambda^n \frac{\partial V^n(q)}{\partial q_s} - \lambda^n \frac{\partial \hat{\gamma}^n(q)}{\partial q_s} + \sum_{n'=1}^L \lambda^{n'} \frac{\partial \hat{\gamma}^{n'}(q)}{\partial q_s} + a \sum_{n'=1}^N \lambda^{n'} \frac{\partial V^{n'}(q)}{\partial q_s} = 0,$$

для всех $s = 1, 2, \dots, S$ и $n = 1, 2, \dots, L$.

Эти два множества условий первого порядка по существу констатируют, что и политик, и лобби приравнивают предельные издержки к предельным выгодам. Для политика благами являются увеличившиеся пожертвования, тогда как издержки — отклонения от цели максимизации общественного благосостояния. Лобби выигрывает от выбора государственной политики, более соответствующей его интересам, тогда как его издержки — возросшие пожертвования.

Объединяя эти два условия первого порядка, получаем:

$$\frac{\partial \hat{\gamma}^n(q)}{\partial q_s} = \frac{\partial V^n(q)}{\partial q_s}, \tag{ХИ.13}$$

для всех $s = 1, 2, \dots, S$ и $n = 1, 2, \dots, L$. Интуитивно понятно, что в пределе каждое лобби готово платить за перемены в политике ровно столько же, сколько эта политика принесет ему в виде дополнительного дохода. По этой причине равновесие такого типа в игре лоббирования с дифференцируемыми функциями пожертвований иногда называют «правдивым» в том смысле, что функции пожертвований отражают предельные выгоды от государственных решений для лобби.

Преимущество (ХИ.13) в том, что оно позволяет нам решить поставленную задачу: политическое равновесие с лоббированием может быть охарактеризовано как решение для максимизации следующей функции:

$$\sum_{n=1}^L \lambda^n V^n(q) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n V^n(q) \tag{ХИ.14}$$

по отношению к q .

Иными словами, равновесие максимизирует взвешенную функцию общественного благосостояния, где индивиды в неорганизованных группах получают вес a , а в организованной группе — $1 + a$. Очевидно, что $1/a$ измеряет, насколько значимы деньги в политике, и чем большее

значение имеют деньги, тем больше веса получают группы, которые могут лоббировать. По мере того как $a \rightarrow \infty$, мы приближаемся к утилитаристской функции общественного благосостояния. Поэтому можно сформулировать следующую теорему:

Теорема П.3. *Игра лоббирования с полноценными обязательствами со стороны политиков и дифференцируемыми функциями пожертвований ведет к равновесию, в котором выбор государственной политики максимизирует взвешенную утилитаристскую функцию общественного благосостояния (XII.14).*

Также полезно рассмотреть как модель лоббирования совмещается с двухклассовой моделью. В модели с политическими делениями на богатых и бедных разумно полагать, что при некоторых обстоятельствах богатые более организованы и могут формировать эффективное лобби для своего влияния на политику. Точнее, мы возвращаемся к нашей базовой модели и делаем допущение, что бедные не организованы, а богатые способны сформировать эффективное лобби. Из результатов данного подраздела следует, что равновесия лоббирования заданы максимизацией:

$$\max_{\tau} a(1-\delta)\left((1-\tau)y^p + \tau\bar{y} - C(\tau)\bar{y}\right) + (1+a)\delta\left((1-\tau)y^r + \tau\bar{y} - C(\tau)\bar{y}\right),$$

имеющей условие первого порядка, которое может быть записано в следующей форме (снова учитывающей условия дополняющей нежесткости):

$$\frac{a(1-\theta) + (1+a)\theta}{a(1-\delta) + (1+a)\delta} \leq 1 - C'(\tau) \text{ и } \tau \geq 0. \quad (\text{XII.15})$$

Когда $a \rightarrow \infty$, мы получаем случай максимизации утилитаристской функции общественного благосостояния. Когда $a \rightarrow 0$, равновесная политика просто максимизирует полезность богатых агентов, становящихся более влиятельными в демократическом политическом процессе из-за их организованного лобби. Интересно, что в этом случае независимо от значения a мы имеем, что $\tau = 0$, потому что даже с утилитаристской функцией общественного благосостояния не должно быть вносящего искажения налогообложения, как это было рассмотрено ранее.

Что еще интереснее, можно объединить элементы вероятностной модели голосования, где различные группы имеют различный вес политической власти, и модель лоббирования. К примеру, мы могли получить равновесную политику в виде:

$$q^* = \arg \max_q \left(\sum_{n=1}^L \lambda^n V^n(q) + a \sum_{n=1}^N \lambda^n \chi^n V^n(q) \right),$$

где χ^n s — параметры политической власти, берущие начало в электоральной политике.

Давайте применим эту модель к нашей двухклассовой модели перераспределения и предположим, что богатые организованы как лобби, а бедные — нет. Мы сразу обнаружим, что возникнет перераспределительное налогообложение (т.е. $\tau > 0$), если бедные достаточно сильны в электоральном политическом процессе (например, $\chi^p > \chi^r$), так что могут компенсировать эффекты власти богатых, основанной на их лоббистской деятельности.

4. ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАХВАТ

Другой важный подход к демократическому политическому процессу воплощает идею о том, что политические партии имеют более широкие цели, чем просто завоевание власти. Во-первых, политические партии могут также иметь идеологии, которые тоже влияют на равновесие государственных решений. Во-вторых, важный вопрос состоит в том, могут ли некоторые группы диктовать политическую повестку дня (например, через лоббирование, как в предыдущем разделе) и как это может повлиять на демократический политический процесс. В этом разделе мы вводим в анализ идеологические партии (т.е. партийную политику) и показываем, как они могут влиять на следствия из даунсовской модели политической конкуренции. Мы также применяем эту модель для рассмотрения вопросов политического захвата. Пока нет проблем вероятностного голосования (т.е. идеологических соображений избирателей), предсказания модели даунсовской политической конкуренции применимы как и ранее, и есть мощные силы, обеспечивающие сближение политических платформ с предпочтениями медианного избирателя. Однако, когда есть и идеологические соображения избирателей, и проблемы обязательств со стороны партий, идеологические предпочтения партий также будут влиять на равновесную политику. Это иной путь, по которому может возникнуть редуцированная модель распределения политической власти в демократии, и иная причина того, почему некоторые группы могут влиять на равновесную политику сильнее, чем это можно предположить на основании количества их голосов (поскольку они могут диктовать повестку дня политических партий).

4.1. Электоральная конкуренция и идеологические партии

В базовой даунсовской модели политической конкуренции целевые функции партий были заданы (IV.1), где ценилась только рента от прихода к власти. Под идеологическими партиями мы имеем в виду те, которые ценят не только приход к власти сам по себе, но имеют предпочтения относительно реализуемой политики.

Чтобы формализовать эти понятия, представим себе одномерное множество государственных решений, обозначаемое q , в виде выпуклого и компактного подмножества Q из \mathbb{R} , и пусть имеются две партии, A и B . Сейчас мы заменяем (IV.1) на

$$\begin{aligned} \text{партия } A: \max_{q_A \in Q} \{ & P(q_A, q_B)(R + W_A(q_A)) + (1 - P(q_A, q_B))W_A(q_B) \} \\ \text{партия } B: \max_{q_B \in Q} \{ & (1 - P(q_A, q_B))(R + W_B(q_B)) + P(q_A, q_B)W_B(q_A) \}, \end{aligned} \quad (\text{XII.16})$$

где $W_A(q)$ и $W_B(q)$ обозначают «функции полезности» партий A и B , и R есть рента от пребывания во власти, которую полагаем неотрицательной. Теперь партии максимизируют свою «ожидаемую полезность», принимая в расчет электоральное поведение граждан, суммированное в функции $P(q_A, q_B)$. Эта ожидаемая полезность состоит из их идеологических предпочтений относительно реализуемых мер государственной политики и ренты от прихода к власти.

Для начала рассмотрим случай, когда $P(q_A, q_B)$ задана (XII.1): например потому, что предпочтения однопиковы и отсутствуют идеологические соображения избирателей (позднее мы перейдем к вероятностному голосованию и тем самым к более гладким версиям (XII.1)).

Предположим, что функции полезности партий гладки и строго квазивогнуты (т.е. однопиковы), с наилучшими политическими платформами, соответственно q^A и q^B , т.е.

$$q^A = \arg \max_{q_A \in Q} W_A(q_A) \quad \text{и} \quad q^B = \arg \max_{q_B \in Q} W_B(q_B).$$

Иными словами, $\partial W_A(q^A)/\partial q_A = 0$ и $\partial W_B(q^B)/\partial q_B = 0$.

Модель партийной политики такого типа была впервые формализована Уиттменом [Wittman, 1983], который применил ее для обоснования того, что не может быть конвергенции политики, когда партии имеют идеологические пристрастия. Мы также используем эту модель для рассмотрения различных аспектов захвата доступа к формированию политической повестки дня одной из групп.

И наконец, мы делаем допущение, что обе партии выбирают свои меры государственной политики (т.е. свои политические платформы) одновременно. Поэтому предсказания этой модели могут быть суммированы с помощью соответствующего равновесия Нэша, в котором каждая партия выбирает политику, максимизирующую ее полезность, учитывая политику другой партии. Политические платформы равновесия Нэша (q_A^* , q_B^*) удовлетворяют следующим условиям:

$$q_A^* = \arg \max_{q_A \in Q} \{P(q_A, q_B^*)(R + W_A(q_A)) + (1 - P(q_A, q_B^*))W_A(q_B^*)\}$$

и одновременно

$$q_B^* = \arg \max_{q_B \in Q} \{(1 - P(q_A^*, q_B))(R + W_B(q_B)) + P(q_A^*, q_B)W_B(q_A^*)\}.$$

Смысл этих условий в том, что в равновесии Нэша, принимая q_B^* как данность, q_A^* должно максимизировать ожидаемую полезность партии А. В то же самое время должно быть верно то, что, принимая q_A^* как данность, q_B^* должно максимизировать ожидаемую полезность партии В.

Проблема для характеристики этого равновесия Нэша в том, что функция $P(q_A, q_B)$, определенная согласно (XII.1), не дифференцируема. Тем не менее возможно установить следующую теорему, которая была впервые доказана Калвертом [Calvert, 1985] и демонстрирует, что даже при партийной политике есть конвергенция политических платформ, которые обычно сходятся к наиболее предпочтительной для медианного избирателя точке:

Теорема П.4 (Конвергенция политических платформ при партийной политике). *Рассмотрим модель партийной политики, описанную выше, с идеальными точками обеих партий q^A и q^B и идеальной точкой медианного избирателя q^M . Также допустим, что вероятность победы на выборах партии А задана $P(q_A, q_B)$, как в (XII.1).*

Тогда:

- Если $R > 0$, или если $q^A \geq q^M \geq q^B$, или если $q^B \geq q^M \geq q^A$, то единственное равновесие включает конвергенцию обеих партий к медиане (т.е. $q_A = q_B = q^M$), и каждая партия побеждает на выборах с вероятностью 1/2.
- Если, с другой стороны, $R = 0$ и q^A и q^B находятся слева или справа от q^M , то конвергенции к медиане нет. В частности, когда $V^M(q^A) > V^M(q^B)$, равновесная политика есть q^A , и когда $V^M(q^A) < V^M(q^B)$, равновесная политика — q^B .

Таким образом, основной результат состоит в том, что, хотя могут быть исключения, когда нет ренты от прихода к власти и обе партии имеют один и тот же тип идеологических предпочтений, действуют мощные силы, подталкивающие партийную политику к конвергенции. Как показывает дальнейшее рассмотрение этого вопроса, источник этих мощных сил есть (XII.1), из чего следует, что та политика, которая ближе подходит к предпочтениям медианного избирателя, победит в сравнении с иной политикой.

Теорему П.4 относительно легко доказать, и здесь мы просто намечаем это доказательство и лежащую в его основе интуицию. Начнем с первого случая, когда предпочтения медианного избирателя промежуточны по отношению к идеальным точкам обеих партий. Рассмотрим сначала ситуацию, когда $q_A = q^M \neq q_B$. Тогда мы имеем, что $P(q_A, q_B) = 1$, и партия А наверняка побеждает. Полезность партии В задана $W_B(q^M)$. Теперь представим отклонение партии В к $q_B = q^M$. Мы имеем, что $P(q_A, q_B) = 1/2$, так что полезность партии В меняется на $R/2 + W_B(q^M) > W_B(q^M)$; следовательно, это отклонение выгодно и $q_A = q^M \neq q_B$ не может быть равновесием. (В случае, когда $R = 0$, аргументация иная, и теперь партия А может слегка отклониться в своей политике от q^M к своей идеальной точке q^A , по-прежнему выиграть выборы и осуществить политику, более близкую своим предпочтениям.)

Аналогичным образом рассмотрим ситуацию, когда $q_A \neq q^M \neq q_B$ и предположим, без какой-либо потери общности, что $q^A > q^M > q^B$ и $V^M(q_A) > V^M(q_B)$, так что мы снова имеем $P(q_A, q_B) = 1$. Ясно, что мы должны иметь $q_A \geq q^M$; в ином случае партия А может найти платформу q'_A , такую что $V^M(q'_A) > V^M(q_B)$ и $q'_A \geq q^M$ предпочтительно в сравнении с любым $q_A \in (q^M, q_B)$. Но тогда партия В получает полезность $W_B(q_A)$ и, изменяя свою политику на $q_B = q^M$, получает полезность $R + W_B(q^M)$, если $q_A > q^M$ и $R/2 + W_B(q^M)$, если $q_A = q^M$. В силу того факта, что $q_A \geq q^M$, и то и другое больше, чем первоначальная полезность этой партии, $W_B(q_A)$; следовательно, никакие заявления о политике с $q_A \neq q^M \neq q_B$ не могут быть равновесием. Таким образом, равновесие должно иметь $q_A = q_B = q^M$, иными словами, налицо конвергенция к медиане. Интуитивно понятно, что идеальная точка медианного избирателя предпочтительна для каждой партии в сравнении с идеальной точкой другой партии и, более того, повышает вероятность прихода к власти. Таким образом, никакая иная политика, отличающаяся от идеальной точки медианного избирателя, не может быть реализована в равновесии.

Затем рассмотрим тот случай, когда $q^B > q^A > q^M$ (иные конфигурации дают аналогичные результаты). Теперь предположим, что мы имеем $q_A = q^A$. Что должна делать партия В? Ясно, что любая политика $q_B > q^A$ проигрывает выборы. В то же время позиции $q_B = q^A$ выигрывает выборы с вероятностью 1/2 и является предпочтительной. Но на самом деле

партия B может поступить лучше. Она может установить $q_B = q^A - \varepsilon$, что ближе к предпочтениям медианного избирателя и в силу того, что предпочтения избирателей однопиковы, предпочтительнее q^A , и поэтому выборы выигрывает партия B . Хотя эта политика хуже для партии B , чем q^A (поскольку $q^B > q^A$), для достаточно малого ε разница минимальна, тогда как приобретение в плане ренты от прихода к власти — первого порядка. Эта аргументация терпит неудачу только, когда $R = 0$, и в этом случае лучшее, что партия B может предложить, это $q_B = q^A$ (или, раз уж мы коснулись этого, любую иную политику $q_B > q^A$, потому что она не заботится о приходе к власти; в любом случае q^A есть равновесная политика).

Таким образом, конвергенция государственной политики к медиане происходит под влиянием довольно мощных сил, которые демонстрируют, что допущение о целях партий в даунсовской модели не так ограничительно, как может сначала показаться. Однако могут быть и исключения, особенно когда ренты от прихода к власти не существуют.

4.2. Электоральная конкуренция идеологических партий и вероятностное голосование

Тем не менее эти результаты решающим образом зависят от формы функции $P(q_A, q_B)$, которая дает большой выигрыш от приближения к наиболее предпочитаемой платформе медианного избирателя. Ранее мы выяснили, что при наличии идеологических соображений у избирателей $P(q_A, q_B)$ может стать непрерывной функцией. Если это так, то конвергенция политики терпит крах. Чтобы понять это, предположим, что $P(q_A, q_B)$ является непрерывной и дифференцируемой функцией, и допустим, что она достигает своего максимума для любой партии в q^M . (То есть находиться ближе к предпочтениям медианного избирателя по-прежнему выгодно с точки зрения вероятности быть избранным. То, что мы делаем эту точку, которая максимизирует вероятность победы, идеальной точкой медианного избирателя, есть просто нормализация без каких-либо последствий.) В этом случае равновесие Нэша в конкуренции между этими двумя партиями есть пара платформ (q_A^*, q_B^*) , таких что имеют место следующие условия первого порядка:

$$\begin{aligned} \frac{\partial P(q_A^*, q_B^*)}{\partial q_A} (W_A(q_A^*) + R - W_A(q_B^*)) + P(q_A^*, q_B^*) \frac{\partial W_A(q_A^*)}{\partial q_A} &= 0, \\ - \frac{\partial P(q_A^*, q_B^*)}{\partial q_B} (W_B(q_B^*) + R - W_B(q_A^*)) - (1 - P(q_A^*, q_B^*)) \frac{\partial W_B(q_B^*)}{\partial q_B} &= 0. \end{aligned} \quad (\text{XII.17})$$

Первый член в обеих строках есть выигрыш в виде полезности победы, умноженный на вероятность победы в ответ на изменение политики.

Второй член — произведение текущей вероятности победы, умноженной на выигрыш в виде увеличения полезности партии вследствие предпочтительного ею изменения в политике. Когда эти два предельных эффекта равны друг другу, каждая партия реализует свой наилучший ответ. Когда обе партии реализуют свой лучший ответ, мы имеем равновесие Нэша.

Хотя условие (XII.17) неявно характеризует равновесие Нэша для любой функции $P(q_A, q_B)$, оно не информативно, пока мы не уточним структуру такой функции. Чтобы сделать это, последуем анализу вероятностного голосования, данному выше и примем допущение, что партии максимизируют свои доли голосов, заданные (XII.6), $\pi_A = \sum_{n=1}^N \lambda^n F^n (V^n(q_A) - V^n(q_B))$. В этом случае условие равновесия для партии A в (XII.17) может быть записано как:

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n (V^n(q_A^*) - V^n(q_B^*)) \frac{\partial V^n(q_A^*)}{\partial q_A} (W_A(q_A^*) + R - W_A(q_B^*)) + \sum_{n=1}^N \lambda^n F^n (V^n(q_A^*) - V^n(q_B^*)) \frac{\partial W_A(q_A^*)}{\partial q_A} = 0, \quad (\text{XII.18})$$

с аналогичным условием для партии B.

Модель партийной политики интересна тем, что при некоторых условиях она также ведет к представленной в редуцированной форме модели распределения политической власти в демократии, использовавшейся в главе IV, потенциально дающей богатым больше власти, чем ТМИ. Чтобы простейшим образом проиллюстрировать эту возможность, мы далее допускаем, что обе партии имеют предпочтения, полностью следующие предпочтениям одной из социальных групп (например, в нашей двухклассовой модели интересам богатых). Мы обозначаем группу, которая захватила платформы обеих партий, как «1». Тогда мы имеем, что:

$$W_A(q) = W_B(q) = V^1(q).$$

В этом случае равновесие опять симметрично и, применяя (XII.18), получаем равновесную политику, в данном случае обозначенную q^* , удовлетворяющую

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n(0) R \frac{\partial V^n(q^*)}{\partial q} + \frac{\partial V^1(q^*)}{\partial q} \sum_{n=1}^N \lambda^n F^n(0) = 0$$

из чего следует:

$$\sum_{n=1}^N \lambda^n f^n(0) R \frac{\partial V^n(q^*)}{\partial q} + \frac{1}{2} \frac{\partial V^1(q^*)}{\partial q} = 0,$$

где во второй строке используется факт, что в равновесии каждая партия приходит к власти с вероятностью $1/2$, таким образом, $\sum_{n=1}^N \lambda^n F^n(0) = 1/2$.

Тогда из проведенного анализа следует, что эта равновесная политика является решением для максимизации взвешенной утилитаристской функции общественного благосостояния:

$$\sum_{n=1}^N \chi^n \lambda^n V^n(q),$$

где

$$\chi^1 = f^1(0)R + \frac{1}{2} \text{ и } \chi^n = f^n(0)R \text{ для } n \geq 2. \quad (\text{XII.19})$$

Иными словами, та группа, чьи предпочтения представлены в партийных платформах, имеет больший вес в политике. Модель также показывает, что такой эффект наблюдается более отчетливо, когда партии не ценят приход к власти (т.е. R невелико), тогда как если приход к власти значим для партий сам по себе, результаты сходны с базовой моделью вероятностного голосования.

Это дает другую возможную интерпретацию модели демократической политики в редуцированной форме из главы IV, где равновесная политика была решением проблемы взвешенной утилитаристской функции общественного благосостояния. Мы резюмируем этот результат в следующей теореме:

Теорема П.5 (Отсутствие конвергенции политических платформ при идеологической политике и вероятностное голосование). *Предположим, что $P(q_A, q_B)$ есть непрерывная функция (вследствие вероятностного голосования) и политические партии представляют предпочтения одной из групп. Тогда политическое равновесие задано максимизацией функции взвешенной утилитаристской функции общественного благосостояния (XII.19), которая придает больший вес той социальной группе, чьи предпочтения отражены в партийных платформах.*

Эта теорема важна потому, что согласно ей некоторые группы могут быть весьма могущественными в демократическом политическом процессе, если им удастся контролировать идеологические предпочтения партий. В категориях нашей двухклассовой модели, иногда можно рассматривать демократический политический процесс как захваченный богатыми, например, в связи с тем, что они контролируют политические партии.

4.3. Обязательства и конвергенция

До сих пор важным допущением было то, что партии заявляют о своих политических платформах, и что они могут принимать обязательства относительно мер, предусмотренных этими платформами. Таким образом, по сути, партии могли бы конкурировать, предлагая различные платформы, которые они обязуются реализовать в случае прихода к власти. Однако, как это подчеркивают А. Алесина [Alesina, 1988], М. Осборн и А. Сливински [Osborne, Slivinski, 1996], Т. Бисли и С. Коэйт [Besley, Coate, 1997], допущение о верности политиков принятым обязательствам не обязательно правдоподобно. Что может остановить политиков в таких однократных моделях от отказа от ранее объявленных шагов в пользу тех, которые были бы для политика наилучшими после прихода к власти? Ничего: потенциальное наказание отсутствует. (Некоторое наказание имелось бы, будь мы в мире с повторяющимися выборами, но это выходит за рамки нашего анализа.)

Чтобы видеть, что происходит, когда устраняется это допущение о верности обязательствам, рассмотрим модель предыдущего раздела, но допустим, что партии могут выбирать любую государственную политику, какую хотят, когда приходят к власти. Допустим также, что $P(q_A, q_B)$ задана (XII.1). Предвыборные заявления в таком случае не больше, чем «дешевая болтовня», и в совершенном на подыграх равновесии избиратели понимают, что, придя к власти, партии воплощают в жизнь наилучшие для себя платформы. Поэтому избиратели просто сравнивают $V^n(q^A)$ и $V^n(q^B)$ и голосуют за ту партию, чья идеальная точка им ближе. В результате побеждает та партия, чья идеальная точка ближе идеальной точке медианного избирателя. Таким образом, мы имеем следующую теорему:

Теорема П.6 (Отсутствие конвергенции политических платформ при партийной политике и отсутствии обязательств). *Предположим, что в данной модели партийной политики отсутствует приверженность партийным платформам. Тогда в единственном равновесии мы имеем, что если $V^M(q^A) > V^M(q^B)$, то партия А приходит к власти с вероятностью 1 и равновесная политика есть q^A ; если $V^M(q^B) > V^M(q^A)$, партия В приходит к власти с вероятностью 1 и равновесная политика есть q^B ; и если $V^M(q^A) = V^M(q^B)$, каждая партия приходит к власти с вероятностью 1/2 и равновесная политика есть q^A с вероятностью 1/2, так же как и q^B с вероятностью 1/2.*

В этой модели партийной политики без обязательств мы видим, что политические предпочтения партий еще более значимы. Следовательно, контроль над политической повесткой дня и над внутренней структурой партий становится более важным в определении равновесных плат-

форм, и тем самым более ценным, когда партии не могут принять на себя достоверных обязательств на стадии выборов. В этом случае, если платформы обеих партий полностью захвачены некоторой социальной группой, равновесные платформы всегда соответствуют идеальной точке одной из этих групп. Например, рассмотрим ситуацию, в которой бедные контролируют одну политическую партию, а богатые — другую. Если идеальная точка богатых ближе к идеальной точке медианного избирателя, равновесной демократической политикой всегда является идеальная точка богатых.

В итоге, рассмотренные в этом приложении модели представляют микроэкономическое основание для модели политической власти в редуцированной форме, использовавшейся в конце главы IV. Эти модели позволяют говорить о том, что богатые могут иметь больше власти в некоторых демократиях, поскольку они либо менее идеологизированы в своем голосовании, чем бедные, либо смогли сформировать эффективные лобби для защиты своих интересов, либо смогли захватить партийные платформы или влиять на них.

Библиография

- Abrams L.* Bismarck and the German Empire, 1871–1918. N.Y.: Routledge, 1995.
- Acemoglu D.* Technical Change, Inequality, and the Labor Market // *Journal of Economic Literature*. 2002. Vol. 40. P. 7–72.
- Acemoglu D.* Why Not a Political Coase Theorem? // *Journal of Comparative Economics*. 2003a. Vol. 31. P. 620–652.
- Acemoglu D.* Patterns of Skill Premia // *Review of Economic Studies*. 2003b. Vol. 70. P. 199–230.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. P. 1369–1401.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*. 2002. Vol. 118. P. 1231–1294.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth // *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. P. 546–579.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. NBER Working Paper No. 10481, forthcoming // *Handbook of Economic Growth* / ed. by Ph. Aghion, S. Durlauf. Amsterdam: North-Holland, 2004.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P.* Income and Democracy. 2004. Unpublished Paper.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Why Did the West Extend the Franchise? Growth, Inequality, and Democracy in Historical Perspective // *Quarterly Journal of Economics*. 2000a. Vol. CXV. P. 1167–1199.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Repression or Democratization? // *European Economic Review*. 2000b. Vol. 44. P. 683–693.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* A Theory of Political Transitions // *American Economic Review*. 2001. Vol. 91. P. 938–963.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* The Political Economy of the Kuznets Curve // *Review of Development Economics*. 2002. Vol. 6. P. 183–203.
- Acemoglu D., Zilibotti F.* Was Prometheus Unbound by Chance? Risk, Diversification, and Growth // *Journal of Political Economy*. 1997. Vol. 105. P. 709–751.
- Acemoglu D., Zilibotti F.* Information Acquisition in Development // *Journal of Economic Growth*. 1999. Vol. 4. P. 5–38.
- Ades A.* Economic Development with Endogenous Political Participation // *Economics and Politics*. 1995. Vol. 7. P. 93–117.
- Ades A., Verdier Th.* The Rise and Fall of Elites: A Theory of Economic Development and Social Polarization in Rent-Seeking Societies. CEPR Discussion Paper No. 1495. 1996.

- Aguilera P.M.* Los Comuneros: Guerra Social y Lucha Anticolonial. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia. 1985.
- Alesina A.* Credibility and Political Convergence in a Two-Party System with Rational Voters // *American Economic Review*. 1988. Vol. 78. P. 796–805.
- Alesina A., Perotti R.* Income Distribution, Political Instability, and Investment // *European Economic Review*. 1996. Vol. 40. P. 1203–1225.
- Alesina A., Rodrik D.* Distributive Politics and Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1994. Vol. 109. P. 465–490.
- Alesina A., Glaeser E., Sacerdote B.* Why Doesn't the United States Have a European-Style Welfare State? // *Brookings Papers on Economic Activity*. Fall 2001. P. 187–278.
- Alesina A., Glaeser E.* Fighting Poverty in the U.S. and Europe: A World of Difference. N.Y.: Oxford University Press, 2004.
- Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture; Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Alonso P.* Between Revolution and the Ballot Box: The Origins of the Argentine Radical Party in the 1890s. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Altimir O.* Estimaciones de la Distribucion del Ingreso en la Argentina, 1953–1980 // *Desarrollo Económico*. 1986. Vol. 25. P. 521–566.
- Aminzade R.* Ballots and Barricades: Class Formation and Republican Politics in France, 1830–1871. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- André C., Platteau J.-Ph.* Land Relations under Unbearable Stress: Rwanda Caught in the Malthusian Trap // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1997. Vol. 34. P. 1–47.
- Arcinegas G.* Los Comuneros. Bogotá: Editorial ABC, 1938.
- Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. N.Y.: Wiley, 1951 (*Эрроу К.* Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004).
- Ascher A.* The Revolution of 1905. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1988.
- Ascher A.* The Revolution of 1905. Vol. 2. Stanford: Stanford University Press, 1992.
- Attanasio O., Goldberg P.K., Pavcnik N.* Trade Reforms and Wage Inequality in Colombia // *Journal of Development Economics*. 2004. Vol. 74. P. 331–366.
- Austen-Smith D.* Income Redistribution under Proportional Representation // *Journal of Political Economy*. 2000. Vol. 108. P. 1235–1269.
- Austen-Smith D., Banks J.S.* Positive Political Theory I: Collective Preferences. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.
- Austen-Smith D., Wallerstein M.* Redistribution in a Divided Society / Northwestern University, J.L. Kellogg School of Management. CMS-EMS Discussion Paper No. 1362. 2003.
- Baloyra E.A.* El Salvador in Transition. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982.
- Barro R.J.* On the Determination of the Public Debt // *Journal of Political Economy*. 1979. Vol. 87. P. 940–971.
- Barro R.J.* The Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge (MA): MIT Press, 1997.

- Barro R.J.* The Determinants of Democracy // *Journal of Political Economy*. 1999. Vol. 107. P. 158–S183.
- Barro R.J., Lee Jong-Wha.* International Data on Educational Attainment: Updates and Implications. CID Working Paper No. 42. 2000.
- Barzel Y.* A Theory of the State: Economic Rights, Legal Rights, and the Scope of the State. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
- Bates R.H.* The Economics of Transition to Democracy // *PS: Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. P. 24–27.
- Bates R.H., Lien Da-Hsiang D.* A Note on Taxation, Development and Representative Government // *Politics and Society*. 1985. Vol. 14. P. 53–70.
- Beard Ch.A.* An Economic Interpretation of the Constitution of the United States. N.Y.: The Free Press, 1913.
- Becker G.S.* A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence // *Quarterly Journal of Economics*. 1983. Vol. 98. P. 371–400.
- Benabou R.* Unequal Societies: Income Distribution and the Social Contract // *American Economic Review*. 2000. Vol. 90. P. 96–129.
- Benabou R., Efe Ok.* Social Mobility and the Demand for Redistribution: The POUM Hypothesis // *Quarterly Journal of Economics*. 2001. Vol. 116. P. 447–487.
- Bergquist Ch.* The Left and the Paradoxes of Colombian History. Department of History, University of Washington at Seattle. 2002. Unpublished Paper.
- Bernheim B.D., Whinston M.* Menu Auctions, Resource Allocation, and Economic Influence // *Quarterly Journal of Economics*. 1986. Vol. 1010. P. 1–31.
- Berry A.R., Urrutia M.* Income Distribution in Colombia. New Haven: Yale University Press, 1976.
- Bértola L.* Ensayos de historia economica: Uruguay y la region en la economia mundial, 1870–1990. Montevideo: Ediciones Trilce, 2000.
- Bértola L., Williamson J.G.* Globalization in Latin America before 1940. NBER Working Paper No. 9687. 2003.
- Besley T., Burgess R.* Land Reform, Poverty Reduction and Growth: Evidence from India // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115. P. 389–430.
- Besley T.F., Coate S.T.* An Economic Model of Representative Democracy // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 112. P. 85–114.
- Besley T.F., Coate S.T.* Sources of Inefficiency in a Representative Democracy: A Dynamic Analysis // *American Economic Review*. 1998. Vol. 88. P. 139–156.
- Binswanger H.P., Deininger K., Feder G.* Power, Distortions, Revolt and Reform in Agricultural Land Relations // *The Handbook of Development Economics* / ed. by J. Behrman, T.N. Srinivasan. Amsterdam: North-Holland, 1995. Vol. 3.
- Black D.* On the Rationale of Group Decision-Making // *Journal of Political Economy*. 1948. Vol. 56. P. 23–34.
- Blackbourn D.* The Long Nineteenth Century: A History of Germany, 1780–1918. N.Y.: Oxford University Press, 1998.
- Blume L., Simon C.P.* Mathematics for Economists. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1994.
- Boix C.* Democracy and Redistribution. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

- Boix C., Rosato S.* A Complete Data Set of Political Regimes, 1800–1999. Department of Political Science, University of Chicago. 2001. Unpublished Paper.
- Bollen K.A.* Political Democracy and the Timing of Development // *American Sociological Review*. 1079. Vol. 44. P. 572–587.
- Bollen K.A.* Political Democracy: Conceptual and Measurement Traps // *Studies in Comparative International Development*. 1990. Vol. 25. P. 7–24.
- Bollen K.A.* Cross-National Indicators of Liberal Democracy, 1950–1990. 2nd ICPSR version. Chapel Hill, NC: University of North Carolina, 1998; Ann Arbor, WI: Inter-university Consortium for Political and Social Research, 2001.
- Bollen K.A., Jackman R.W.* Political Democracy and the Size Distribution of Income // *American Sociological Review*. 1985. Vol. 50. P. 438–457.
- Bollen K.A., Jackman R.W.* Income Inequality and Democratization Revisited: A Comment on Muller // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 983–989.
- Bourguignon F., Verdier Th.* Oligarchy, Democracy, Inequality, and Growth // *Journal of Development Economics*. 2000. Vol. 62. P. 285–313.
- Bourguignon F., Morrisson Ch.* Data Sources for Inequality among World Citizens, 1820–1992. 2001. Unpublished Paper. <www.delta.ens.fr/XIX>.
- Bourguignon F., Morrisson Ch.* Inequality among World Citizens, 1820–1992 // *American Economic Review*. 2002. Vol. 92. P. 727–744.
- Bowman L.W.* Mauritius: Democracy and Development in the Indian Ocean. Boulder: Westview Press, 1991.
- Brainard L., Verdier Th.* The Political Economy of Declining Industries: Senescent Industry Collapse Revisited // *Journal of International Economics*. 1997. Vol. 42. P. 221–238.
- Bratton M., Walle N. van de.* Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.
- Brenner R.* Agrarian Class Structure and Economic Development in Preindustrial Europe // *Past and Present*. 1976. Vol. 70. P. 30–75.
- Brenner R.* Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653. Princeton: Princeton University Press, 1993.
- Briggs A.* Chartist Studies. L.: Macmillan, 1959.
- Bueno de Mesquita, Bruce D., Morrow J.D., Siverson R.M., Smith A.* The Logic of Political Survival. Cambridge (MA): MIT Press, 2003.
- Bunce V.* Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Postcommunist Experience // *World Politics*. 2003. Vol. 55. P. 167–192.
- Burkhart R.E., Lewis-Beck M.S.* Comparative Democracy: The Economic Development Thesis // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. P. 903–1010.
- Bushnell D.* The Making of Modern Colombia: A Nation in Spite of Itself. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Calvert R.L.* Robustness of the Multidimensional Voting Model: Candidate Motivations, Uncertainty, and Convergence // *American Journal of Political Science*. 1985. Vol. 29. P. 69–95.
- Calvo E., Torre J.C., Szwarcberg M.* The New Welfare Alliance. Department of Political Science, Universidad di Tella, Buenos Aires. 2001. Unpublished Paper.

- Cardenas A., Pablo E.* El Movimiento Comunal de 1781 en el Nuevo Reino de Granada. 2 vols. Bogotá: Editorial Kelly, 1960.
- Case W.* Politics in South-East Asia: Democracy or Less. Richmond: Cruzon Press, 2002.
- Cavarozzi M.* Political Cycles in Argentina since 1955 // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / ed. by G. O'Donnell, Ph.C. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
- Chalker C.H.* Elections and Democracy in Costa Rica // Elections and Democracy in Central America Revisited / ed. by M.A. Seligson, J.A. Booth. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.
- Coate S., Morris S.E.* Policy Persistence // American Economic Review. 1999. Vol. 89. P. 1327–1336.
- Coatsworth J.H.* Notes on the Comparative Economic History of Latin America and the United States // Development and Underdevelopment in America: Contrasts in Economic Growth in North and Latin America in Historical Perspective / ed. by W.L. Bernecker, H.W. Tobler. N.Y.: Walter de Gruyter, 1993.
- Cohen Y.* Radicals, Reformers, and Reactionaries: The Prisoner's Dilemma and the Collapse of Democracy in Latin America. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Cole A., Campbell P.* French Electoral Systems and Elections since 1789. Aldershot: Gower Press, 1989.
- Collier D.* The New Authoritarianism in Latin America. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Collier D., Levitsky S.* Democracy with Adjectives // World Politics. 1997. Vol. 49. P. 430–451.
- Collier R.B.* Paths Towards Democracy: The Working Class and Elites in Western Europe and South America. N.Y.: Cambridge University Press, 1999.
- Colomer J.M.* Strategic Transitions: Game Theory and Democratization. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000.
- Conley J.P., Temimi A.* Endogenous Enfranchisement When Groups' Preferences Conflict // Journal of Political Economy. 2001. Vol. 109. P. 79–107.
- Coughlin P.J.* Probabilistic Voting Theory. N.Y.: Cambridge University Press, 1992.
- Couyoumdjian J.R., Millar R., Tocornal J.* Historia de la Bolsa de Comercio de Santiago, 1983–1993. Un siglo del mercado de valores en Chile. Santiago: Bolsa de Comercio de Santiago, 1992.
- Cowling M.* Disraeli, Gladstone and Revolution. N.Y.: Cambridge University Press, 1967.
- Cox G.W.* Making Votes Count. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.
- Cox Th.S.* Civil-Military Relations in Sierra Leone: A Case Study of African Soldiers in Politics. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1976.
- Cragg M.I., Epelbaum M.* Why Has Wage Dispersion Grown in Mexico // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 51. P. 99–116.
- Crescenzi M.J.C.* Violence and Uncertainty in Transitions // Journal of Conflict Resolution. 1999. Vol. 43. P. 192–212.

- Dahl R.A.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971 (*Даль Р.* Полиархия, участие и оппозиция. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010).
- Darvall F.O.* Popular Disturbances and Public Order in Regency England. Oxford: Oxford University Press, 1934.
- Des Forges A.* Leave None to Tell the Story: Genocide in Rwanda. N.Y.: Human Rights Watch, 1999.
- Diamond L.J.* Economic Development and Democracy Reconsidered // American Behavioral Scientist. 1992. Vol. 35. P. 450–499.
- Diamond L.J.* Developing Democracy: Towards Consolidation. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1999.
- Diaz-Alejandro C.* Essays on the Economic History of the Argentine Republic. New Haven: Yale University Press, 1970.
- Di Nardo J.E., Fortin N.M., Lemieux Th.* Labor Market Institutions and the Distribution of Wages, 1973–1992: A Semiparametric Approach // Econometrica. 1996. Vol. 65. P. 1001–1044.
- Di Palma G.* To Craft Democracies. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Di Tella G., Dornbusch R.* The Political Economy of Argentina, 1946–83. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989.
- Dixit A.K.* The Making of Economic Policy: A Transaction Cost Politics Perspective. Cambridge (MA): MIT Press, 1996.
- Dixit A.K., Londregan J.B.* Redistributive Politics and Economic Efficiency // American Political Science Review. 1995. Vol. 89. P. 856–866.
- Dixit A.K., Londregan J.B.* The Determinants of Success of Special Interest in Redistributive Politics // Journal of Politics. 1996. Vol. LVIII. P. 1132–1155.
- Dixit A.K., Londregan J.B.* Ideology, Tactics, and Efficiency in Redistributive Politics // Quarterly Journal of Economics. 1998. Vol. CXIII. P. 497–530.
- Dixit A.K., Norman V.* Theory of International Trade: A Dual, General Equilibrium Approach. N.Y.: Cambridge University Press, 1980.
- Dobson R.B.* The Peasants' Revolt of 1381. 2nd ed. L.: Macmillan, 1983.
- Dollar D., Kraay A.* Growth Is Good for the Poor // Journal of Economic Growth. 2002. Vol. 7. P. 195–225.
- Downs A.* An Economic Theory of Democracy. N.Y.: Harper & Row, 1957.
- Drake P.W.* Labor Movements and Dictatorships: The Southern Cone in Comparative Perspective. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
- Drake P.W.* The International Causes of Democratization, 1974–1990 // The Origins of Liberty / ed. by P.W. Drake, M.D. McCubbins. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Dumke R.* Income Inequality and Industrialization in Germany, 1850–1945 // Income Distribution in Historical Perspective / ed. by Y. Brenner et al. N.Y.: Cambridge University Press, 1991.
- Dyer Ch.C.* The Social and Economic Background to the Rural Revolt of 1381 // The English Rising of 1381 / ed. by R.H. Hilton, T.H. Aston. N.Y.: Cambridge University Press, 1984.

Easterlin R.A. Why Isn't the Whole World Developed? // *Journal of Economic History*. 1981. Vol. 41. P. 1–19.

Ellman M., Wantchekon L. Electoral Competition under the Threat of Political Unrest // *Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115. P. 499–531.

Eltis D. The Rise of African Slavery in the Americas. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Engerman S.L., Sokoloff K.L. Factor Endowments, Institutions, and Differential Growth Paths among New World Economies // *How Latin America Fell Behind* / ed. by S. Haber. Stanford: Stanford University Press, 1997.

Engerman S.L., Mariscal E., Sokoloff K.L. Schooling, Suffrage, and the Persistence of Inequality in the Americas, 1800–1945. Department of Economics, UCLA. 1998. Unpublished Paper.

Epstein D.L., Bates R.H., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran Sh. Democratic Transitions. Harvard University, J.F.K. School of Government. CID Working Paper No. 101. 2004.

Ertman Th. Birth of the Leviathan: Building States and Regimes in Medieval and Early Modern Europe. N.Y.: Cambridge University Press, 1997.

Evans E.J. The Forging of the Modern State: Early Industrial Britain, 1783–1870. 2nd ed. N.Y.: Longman, 1996.

Feenstra R.C. Advanced International Trade: Theory and Evidence. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Feinstein Ch.H. The Rise and Fall of the Williamson Curve // *Journal of Economic History*. 1988. Vol. 48. P. 699–729.

Feng Yi, Zak P.K. The Determinants of Democratic Transitions // *Journal of Conflict Resolution*. 1999. Vol. 43. P. 162–177.

Finer S.E. The Man on Horseback: The Role of the Military in Politics. 2nd ed. Baltimore: Penguin, 1976.

Fitch J.S. The Armed Forces and Democracy in Latin America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.

Flora P. State, Economy, and Society, 1815–1975. Frankfurt: Campus-Verlag, 1983.

Fogel R.W. Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. N.Y.: Norton, 1989.

Fogel R.W., Engerman S.L. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. Boston: Little, Brown, 1974.

Fudenberg D., Tirole J. Game Theory. Cambridge (MA): MIT Press, 1991.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992 (Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Изд-во АСТ, 2004).

Galor O., Moav O. Das Human Kapital: A Theory of the Demise of the Class Structure. 2003. Unpublished Paper. <<http://www.econ.brown.edu/fac/OdedGalor/>>.

Galor O., Zeira J. Income Distribution and Macroeconomics // *Review of Economic Studies*. 1993. Vol. 40. P. 35–52.

Garrard J. Democratization in Britain: Elites, Civil Society, and Reform since 1800. Basingstoke: Palgrave, 2002.

Garrett G. Partisan Politics in the Global Economy. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.

Gasiorowski M.J. Economic Crises and Political Regime Change: An Event History Analysis // *American Political Science Review*. 1995. Vol. 89. P. 882–897.

Gates S., Humes B.D. Games, Information, and Politics. Ann Arbor (MI): University of Michigan Press, 1997.

Gavin M., Perotti R. Fiscal Policy in Latin America // *NBER Macroeconomics Annual* / ed. by B. Bernanke, J. Rotemberg. Cambridge (MA): MIT Press, 1997.

Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. 1999a. Vol. 2. P. 115–144.

Geddes B. The Effect of Regime Type on Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument. Department of Political Science, UCLA. 1999b. Unpublished Paper.

Gerschenkron A. Bread and Democracy in Germany. Berkeley: University of California Press, 1943.

Gibbons R. Game Theory for Applied Economists. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Goldin C. The Human Capital Century and American Leadership: Virtues of the Past // *Journal of Economic History*. 2001. Vol. 61. P. 263–292.

Goldstein R.J. Political Repression in Nineteenth Century Europe. L.: Croon Helm, 1983.

Gosnell H.F. Why Europe Votes? Chicago: University of Chicago Press, 1930.

Gradstein M. Political Inequality and Institutional Quality. Ben-Gurion University. 2002. Unpublished Paper.

Grandmont J.-M. Intermediate Preferences and Majority Rule // *Econometrica*. 1978. Vol. 46. P. 317–330.

Green E.J. On the Emergence of Parliamentary Government: The Role of Private Information // *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review*. 1993. Vol. 17. P. 1–12.

Green J.R., Mas-Colell A., Whinston M.D. Microeconomic Theory. N.Y.: Oxford University Press, 1995.

Grossman G., Helpman E. Electoral Competition and Special Interest Politics // *Review of Economic Studies*. 1996. Vol. 63. P. 265–286.

Grossman G., Helpman E. Special Interest Politics. Cambridge (MA): MIT Press, 2001.

Grossman G., Helpman E. Managerial Incentives and the International Organization of Production. NBER Working Paper No. 9403. 2002.

Grossman H.I. A General Equilibrium Model of Insurrections // *American Economic Review*. 1991. Vol. 81. P. 912–921.

Grossman H.I. Production, Appropriation, and Land Reform // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. P. 705–712.

Grossman H.I., Suk Jae Noh. Proprietary Public Finance and Economic Welfare // *Journal of Public Economics*. 1994. Vol. 53. P. 187–204.

- Grossman S.J., Hart O.D.* The Costs and Benefits of Ownership: A Theory of Vertical and Lateral Integration // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. P. 691–719.
- Gudmundson L.* Lord and Peasant in the Making of Modern Central America // Agrarian Structure and Political Power / ed. by E. Huber, F. Safford. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1995.
- Haggard S., Kaufman R.R.* The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Hardin R.* Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.
- Hardin R.* All for One. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Harrison R.* Before the Socialists: Studies in Labour and Politics, 1861–1881. L.: Routledge Keegan and Paul, 1965.
- Hart O.D.* Firms, Contracts, and Financial Structure. N.Y.: Oxford University Press, 1995.
- Hayes W.A.* The Background and Passage of the Third Reform Act. Oxford: Oxford University Press, 1982.
- Helpman E., Krugman P.R.* Trade Policy and Market Structure. Cambridge (MA): MIT Press, 1989.
- Herbst J.I.* Prospects for Revolution in South Africa // Political Science Quarterly. 1988. Vol. 103. P. 665–685.
- Herbst J.I.* States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Heston A., Summers R., Aten B.* Penn World Tables Version 6.1. Center for International Comparisons at the University of Pennsylvania (CICUP). 2002.
- Hilton R.H.* Bond Men Made Free: Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. N.Y.: Viking Press, 1973.
- Himmelfarb G.* The Politics of Democracy: The English Reform Act of 1867 // Journal of British Studies. 1966. Vol. 6. P. 97–138.
- Hirschman A.O.* Exit, Voice and Loyalty. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1970 (*Хиршман А.* Выход, голос и верность. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое издательство, 2009).
- Hirschman A.O.* Exit, Voice, and the State // World Politics. 1978. Vol. 31. P. 90–107.
- Hobbes Th.* Leviathan. N.Y.: Cambridge University Press, 1996 (*Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991).
- Horowitz D.L.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Horowitz D.L.* A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society. Berkeley: University of California Press, 1992.
- Hotelling H.* Stability in Competition // Economic Journal. 1929. Vol. 39. P. 41–57.
- Huff W.G.* The Economic Growth of Singapore: Trade and Development in the Twentieth Century. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.
- Huntington S.P.* The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 1964.

Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968 (*Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004).

Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman (OK): University of Oklahoma Press, 1991 (*Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003).

Jack W., Lagunoff R. Dynamic Enfranchisement. Department of Economics. Georgetown University. 2003. <<http://www.georgetown.edu/faculty/lagunoff/franch10.pdf>>.

Jennings I. Party Politics. N.Y.: Cambridge University Press, 1961.

Justman M., Gradstein M. The Industrial Revolution, Political Transition, and the Subsequent Decline in Inequality in 19th Century Britain // Explorations in Economic History. 1999. Vol. 36. P. 109–127.

Kaufman R.R., Stallings B. The Political Economy of Latin American Populism // The Macroeconomics of Populism in Latin America / ed. by R. Dornbusch, S. Edwards. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Kendall M.G., Stuart A. The Law of the Cubic Proportion in Election Results // British Journal of Sociology. 1950. Vol. 1. P. 183–196.

Keyssar A. The Right to Vote: The Contested History of Democracy in the United States. N.Y.: Basic Books, 2000.

Kiser E., Barzel Y. The Origins of Democracy in England // Rationality and Society. 1991. Vol. 3. P. 396–422.

Kolb G.L. Democracy and Dictatorship in Venezuela, 1945–1958. Hamden: Shoe-string Press, 1974.

Kopstein J., Reilly D.A. Geographic Diffusion and the Transformation of the Post-communist World // World Politics. 2000. Vol. 53. P. 1–37.

Kraus F. The Historical Development of Income Inequality in Western Europe and the United States // The Development of the Welfare State in Europe and America / ed. by P. Flora, A.J. Heidenheimer. New Brunswick (NJ): Transactions Books, 1981.

Kreuzer M. Democratization and Changing Methods of Electoral Corruption in France from 1815 to 1914 // Political Corruption in Europe and Latin America / ed. by W. Little, E. Posada-Carbó. L.: Macmillan, 1996.

Kriger N.J. Zimbabwe's Guerilla War: Peasant Voices. N.Y.: Cambridge University Press, 1992.

Kubota K., Milner H.V. Why the Move to Free Trade? Democracy and Trade Policy in the Developing Countries? Forthcoming // International Organization Winter Edition 2005.

Kuznets S.S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 65. P. 1–28.

Kuznets S.S. The Distribution of Income by Size // Economic Development and Cultural Change. 1963. Vol. 11. P. 1–80.

Kuznets S.S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven: Yale University Press, 1966.

Lang S. Parliamentary Reform, 1785–1928. N.Y.: Routledge, 1999.

- Lapp N.D.* Landing Votes: Representation and Land Reform in Latin America. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
- Leamer E.E.* International Trade Theory: The Evidence // The Handbook of International Economics. Vol. 3 / ed. by J. Levinson, G.M. Grossman, K. Rogoff. Amsterdam: North-Holland, 1995.
- Leamer E.E.* In Search of Stolper-Samuelson Effects on U.S. Wages // Imports, Exports, and the U.S. Worker / ed. by S.M. Collins. Washington (DC): Brookings Institution Press, 1998.
- Lee S.J.* Aspects of British Political History, 1815-1914. N.Y.: Routledge, 1994.
- Legros P., Newman A.F.* Wealth Effects, Distribution and the Theory of Organization // Journal of Economic Theory. 1996. Vol. 70. P. 312-341.
- Lehoucq F.E.* Instituciones democráticas y conflictos políticos en Costa Rica. Heredia: Editorial UNA, 1998.
- Leventoğlu B.* Social Mobility and Political Transitions. Department of Political Science, SUNY Stony Brook. 2003a. Unpublished Paper. <<http://www.sunysb.edu/polsci/>>.
- Leventoğlu B.* Social Mobility, Middle Class and Political Transitions. Department of Political Science, SUNY Stony Brook. 2003b. Unpublished Paper. <<http://www.sunysb.edu/polsci/>>.
- Levine D.H.* Conflict and Political Change in Venezuela. Princeton: Princeton University Press, 1973.
- Levine D.H.* Venezuela: The Nature, Sources and Prospects for Democracy // Democracy in Developing Areas: Latin America / ed. by L.J. Diamond, J.J. Linz, S.M. Lipset. Boulder: Lynne Rienner, 1989.
- Lewis A.W.* Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. Vol. 22. P. 139-191.
- Li Hongyi, Lyn Squire, Heng-fu Zou.* Explaining International and Intertemporal Variations in Income Inequality // Economic Journal. 1998. Vol. 108. P. 26-43.
- Lichbach M.I.* An Evaluation of 'Does Economic Inequality Breed Political Conflict?' Studies // World Politics. 1989. Vol. 41. P. 431-470.
- Lichbach M.I.* The Rebel's Dilemma. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995.
- Lijphart A.* Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale University Press, 1999.
- Lim L., Pang Eng Fong, Findlay R.* Singapore // Five Small Open Economies / ed. by R. Findlay, S. Wellisz. N.Y.: Oxford University Press, 1993.
- Lindbeck A., Weibull J.* Balanced-Budget Redistribution as the Outcome of Political Competition // Public Choice. 1987. Vol. LII. P. 272-297.
- Lindert P.H.* Unequal English Wealth since 1670 // Journal of Political Economy. 1986. Vol. 94. P. 1127-1162.
- Lindert P.H.* The Rise in Social Spending, 1880-1930 // Explorations in Economic History. 1994. Vol. 31. P. 1-37.
- Lindert P.H.* Three Centuries of Inequality in Britain and America // Handbook of Income Distribution / ed. by A.B. Atkinson, F. Bourguignon. Amsterdam: North-Holland, 2000a.

Lindert P.H. The Political Economy of Comparative Mass Education in Europe before 1914. University of California at Davis, Agricultural History Center. 2000b. Unpublished Paper.

Lindert P.H. Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century. 2 vols. N.Y.: Cambridge University Press, 2004.

Lindert P.H., Williamson J.G. Revising England's Social Tables, 1688–1812 // Explorations in Economic History. 1982. Vol. 19. P. 385–408.

Lindert P.H., Williamson J.G. Reinterpreting Britain's Social Tables, 1688–1913 // Explorations in Economic History. 1983. Vol. 20. P. 94–109.

Lindert P.H., Williamson J.G. Growth, Equality, and History // Explorations in Economic History. 1985. Vol. 22. P. 341–377.

Linz J.J. Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Linz J.J. Presidential or Parliamentary Democracy: Does It Make a Difference? // The Failure of Presidential Democracy / ed. by J.J. Linz, A. Valenzuela. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994.

Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. Boulder: Lynne Rienner, 2000.

Linz J.J., Stepan A. The Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.

Lipset S.M. Some Social Prerequisites for Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. Vol. 53. P. 69–105.

Lipset S.M., Marks G. It Didn't Happen Here: Why Socialism Failed in the United States. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2000.

Lizzeri A., Persico N. Why Did the Elites Extend the Suffrage? Democracy and the Scope of Government, with an Application to Britain's 'Age of Reform' // Quarterly Journal of Economics. 2004. Vol. 119. P. 707–765.

Llavador H., Oxoby R.J. Partisan Competition, Growth and Franchise. Department of Economics, Universitat Pompeu Fabra. 2003. Unpublished Paper.

Lockhart J., Schwartz S.B. Early Latin America. N.Y.: Cambridge University Press, 1983.

Londoño J.-L. Distribución del Ingreso y Desarrollo Económico: Colombia en el Siglo XX; Fedesarrollo: TM Editores, Bogotá, 1995.

Londregan J.B. Legislative Institutions and Ideology in Chile. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Londregan J.B., Poole K.T. Poverty, the Coup Trap, and the Seizure of Executive Power // World Politics. 1990. Vol. 42. P. 151–183.

Londregan J.B., Poole K.T. Does High Income Promote Democracy? // World Politics. 1996. Vol. 49. P. 1–30.

Loveman B. For la Patria: Politics and the Armed Forces in Latin America. Wilmington: SR Books, 1999.

Luebbert G. Liberalism, Fascism or Social Democracy: Social Classes and the Political Origins of Regimes in Interwar Europe. N.Y.: Oxford University Press, 1991.

- Lundahl M.* Apartheid in Theory and Practice: An Economic Analysis. Boulder: Westview Press, 1992.
- Maddison A.* Monitoring the World Economy, 1820–1992. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development, 1995.
- Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development, 2001.
- Mahoney J.* The Legacies of Liberalism: Path Dependence and Political Regimes in Central America. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001.
- Manin B.* The Principles of Representative Government. N.Y.: Cambridge University Press, 1997 (*Манин Б.* Принципы представительского правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008).
- Markoff J.* Waves of Democracy: Social Movements and Political Change. Thousand Oaks (CA): Pine Forge Press, 1996.
- Marshall A.* Principles of Economics. 8th ed. L.: Macmillan and Co. Limited, 1920 (*Маршалл А.* Принципы экономической науки: в 3 т. М.: Прогресс, 1993).
- Marshall M.G., Jagers K.* Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2002. Polity IV Project, University of Maryland. 2004.
- Matsuyama K.* A Simple Model of Sectoral Adjustment // Review of Economic Studies. 1992. Vol. 59. P. 375–388.
- Maxfield S.* Capital Mobility and Democratic Stability // Journal of Democracy. 2000. Vol. 11. P. 95–106.
- Mazucca S.L., Robinson J.F.* Power and Proportionality. Department of Government. Harvard, 2004. Unpublished Paper.
- McCreery D.J.* Rural Guatemala, 1760–1940. Stanford: Stanford University Press. 1994.
- McGuire R.A.* Constitution Making: A Rational Choice Model of the Federal Convention of 1787 // American Journal of Political Science. 1988. Vol. 32. P. 483–522.
- McKelvey R.D., Schofield N.* Generalized Symmetry Conditions at a Core Point // Econometrica. 1987. Vol. 55. P. 923–934.
- McLaren J.E.* Globalization and Vertical Structure // American Economic Review. 2000. Vol. 90. P. 1239–1254.
- Meltzer A.H., Richard S.F.* A Rational Theory of the Size of Government // Journal of Political Economy. 1981. Vol. 89. P. 914–927.
- Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y.: The Free Press, 1962 [1911] (*Михельс Р.* Политические партии: Социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии. М.: Наука, 1994).
- Milesi-Ferretti G.M., Perotti R., Rostagno M.* Electoral Systems and Public Spending // Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. P. 609–657.
- Milne R.S., Mauzy D.K.* Singapore: The Legacy of Lee Kuan Yew. Boulder: Westview Press, 1990.
- Milne R.S., Mauzy D.K.* Singapore Politics under the People's Action Party. N.Y.: Routledge, 2002.

- Mitch D.* The Role of Human Capital in the First Industrial Revolution // *The British Industrial Revolution: An Economic Perspective* / ed. by J. Mokyr. San Francisco: Westview Press, 1993.
- Mommsen W.J.* The German Revolution, 1918-1920: Political Revolution and Social Protest // *Social Change and Political Development in Weimar Germany* / ed. by R. Bessle, E.J. Feuchtwanger. L.: Croon Helm, 1981.
- Moore B.* The Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1966.
- Moore W.H.* Rational Rebels: Overcoming the Free-Rider Problem // *Political Research Quarterly*. 1995. Vol. 48. P. 417-454.
- Morrison Ch.* Historical Evolution of Income Distribution in Western Europe // *Handbook of Income Distribution* / ed. by A.B. Atkinson, F. Bourguignon. Amsterdam: North-Holland, 2000.
- Morrison Ch., Snyder W.* The Income Inequality of France in Historical Perspective // *European Review of Economic History*. 2000. Vol. 4. P. 59-84.
- Muller E.N.* Democracy, Economic Development, and Income Inequality // *American Sociological Review*. 1988. Vol. 53. P. 50-68.
- Muller E.N.* Economic Determinants of Democracy // *American Sociological Review*. 1995. Vol. 60. P. 966-982.
- Muller E.N., Seligson M.A.* Inequality and Insurrections // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. P. 425-451.
- Mulligan C.B., Sala-i-Martin X., Gil R.* Do Democracies Have Different Public Policies than Nondemocracies? NBER Working Paper No. 10040. 2003.
- Murphy K.J., Shleifer A., Vishny R.W.* Industrialization and the Big Push // *Journal of Political Economy*. 1989. Vol. 97. P. 1003-1026.
- Myrdal G.* Economic Theory and Under-Developed Regions. L.: Duckworth, 1957.
- Namier L.* The Structure of Politics at the Accession of George III. L.: Macmillan, 1961.
- Newman A.F., Robinson J.A.* Globalization and Democracy. Department of Government, Harvard University. 2002. Unpublished Paper.
- Nolan B.* Economic Crisis, State Policy and Working-Class Formation in Germany, 1870-1900 // *Working-Class Formation: Nineteenth-Century Patterns in Western Europe and the United States* / ed. by I. Katznelson, A.R. Zolberg. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Nordlinger E.A.* Soldiers in Politics: Military Coups and Governments. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1977.
- North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1981.
- North D.C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. N.Y.: Cambridge University Press, 1990 (*Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997).
- North D.C., Thomas R.P.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1973.

North D.C., Weingast B.R. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England // *Journal of Economic History*. 1989. Vol. 49. P. 803–832.

Nugent J.B., Robinson J.A. Are Endowments Fate? CEPR Discussion Paper No. 3206. 2002.

Nurkse R. Problems of Capital Formation in Underdeveloped Countries. N.Y.: Oxford University Press, 1953.

O'Brien P.K. Political Preconditions for the Industrial Revolution // *The Industrial Revolution and British Society* / ed. by P.K. O'Brien, R. Quinault. N.Y.: Cambridge University Press, 1993.

O'Donnell G. Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics. Berkeley: University of California, Institute for International Studies, 1973.

O'Donnell G. Permanent Crisis and the Failure to Create a Democratic Regime: Argentina, 1955–1966 // *The Breakdown of Democratic Regimes: Latin America* / ed. by J.J. Linz, A. Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

O'Donnell G. Delegative Democracy // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. P. 55–69.

O'Donnell G., Schmitter Ph.C., Whitehead L. (eds). Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.

O'Meara D. Forty Lost Years: The Apartheid State and the Politics of the National Party, 1948–1994. Athens: Ohio University Press, 1996.

O'Rourke K.H., Taylor A.M., Williamson J.G. Factor Price Convergence in the Late 19th Century // *International Economic Review*. 1996. Vol. 37. P. 499–530.

O'Rourke K.H., Taylor A.M., Williamson J.G. Globalization and History. Cambridge (MA): MIT Press, 1999.

O'Rourke K.H., Taylor A.M., Williamson J.G. From Malthus to Ohlin: Trade, Growth and Distribution since 1500. NBER Working Paper No. 8955. 2002.

Oatley Th. How Constraining is Capital Mobility? The Partisan Hypothesis in an Open Economy // *American Journal of Political Science*. 1999. Vol. 43. P. 1003–1027.

Okun A.M. Equality and Efficiency, The Big Trade-off. Washington (DC): Brookings Institution Press, 1975.

Olson M.C. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1965 (*Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995*).

Olson M.C. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven: Yale University Press, 1982 (*Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998*).

Olson M.C. Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. 1993. Vol. 87. P. 567–575 (*Олсон М. Диктатура, демократия и развитие // Теория и практика демократии: избр. тексты. М.: Ладомир, 2006. С. 375–382*).

- Oman Ch.* The Great Revolt of 1381. Oxford: Clarendon Press, 1906.
- Osborne M.J., Rubinstein A.* A Course in Game Theory. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Osborne M.J., Slivinski A.* A Model of Political Competition with Citizen-Candidates // Quarterly Journal of Economics. 1996. Vol. 111. P. 65–96.
- Paige J.M.* Coffee and Power: Revolution and the Rise of Democracy in Central America. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1997.
- Palacios M.* Coffee in Colombia, 1850–1970: An Economic, Social, and Political History. N.Y.: Cambridge University Press, 1980.
- Papaioannou E., Siourounis G.* Economic and Social Factors Driving the Third Wave of Democratization. London Business School. 2004. Unpublished Paper.
- Perotti R.* Growth, Income Distribution and Democracy: What the Data Say // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1. P. 149–187.
- Persson T.* Consequences of Constitutions. NBER Working Paper No. 10170. 2003.
- Persson T., Tabellini G.* Is Inequality Harmful for Growth? // American Economic Review. 1994. Vol. 84. P. 600–621.
- Persson T., Tabellini G.* Political Economics: Explaining Economic Policy. Cambridge (MA): MIT Press, 2000.
- Persson T., Tabellini G.* The Economic Effects of Constitutions: What Do the Data Say? Cambridge (MA): MIT Press, 2003.
- Persson T., Roland G., Tabellini G.* Comparative Politics and Public Finance // Journal of Political Economy. 2000. Vol. 108. P. 1121–1161.
- Phelan J.L.* The People and the King: The Comunero Revolution in Colombia, 1781. Madison: University of Wisconsin Press, 1978.
- Philip G.* Democracy in Latin America. Cambridge (UK): Polity, 2003.
- Piketty Th.* Income Inequality in France, 1901–1998 // Journal of Political Economy. 2003. Vol. 111. P. 1004–1042.
- Piketty Th., Postal-Vinay G., Rosenthal J.-L.* Wealth Concentration in a Developing Economy: Paris and France, 1807–1994. CEPREMAP. 2003. Unpublished Paper. <<http://pythie.cepremap.ens.fr/piketty/Papers/Piketty2003a.pdf>>.
- Plessis A.* The Rise and Fall of the Second Empire, 1852–1871. N.Y.: Cambridge University Press, 1985.
- Plott Ch.R.* A Notion of Equilibrium and Its Possibility under Majority Rule // American Economic Review. 1967. Vol. 57. P. 787–806.
- Popkin S.L.* The Rational Peasant: The Political Economy of Rural Society in Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1979.
- Potter A.L.* The Failure of Democracy in Argentina, 1916–1930: An Institutional Perspective // Journal of Latin American Studies. 1981. Vol. 13. P. 83–109.
- Powell R.* The Inefficient Use of Power: Costly Conflict with Complete Information // American Political Science Review. 2004. Vol. 98. P. 231–241.
- Prasad E., Rogoff K., Shang-Jin Wei, Kose M.A.* Effects of Financial Globalization on Developing Countries: Some Empirical Evidence // International Monetary Fund. 2003. March 17. <<http://www.imf.org/external/np/res/docs/2003/031703.pdf>>.

- Price R.M.* The Apartheid State in Crisis: Political Transformation in South Africa, 1975–1990. N.Y.: Oxford University Press, 1991.
- Price R.* Napoleon III and the Second Empire. N.Y.: Routledge, 1997.
- Przeworski A.* Democracy and the Market. N.Y.: Cambridge University Press, 1991 (Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе. М.: РОССПЭН, 1999).
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F.* What Makes Democracy Endure? // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. P. 39–55.
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-Being in the World: 1950–1990. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.
- Przeworski A., Limongi F.* Modernization: Theory and Facts // *World Politics*. 1997. Vol. 49. P. 155–183.
- Putnam R.H., Leonardi R., Nanetti R.* Making Democracy Work; Civic Traditions in Modern Italy. Princeton: Princeton University Press, 1993 (Патнэм Р. Чтобы демократия работала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996).
- Quinn D.P.* The Correlates of Change in International Financial Regulation // *American Political Science Review*. 1997. Vol. 91. P. 531–551.
- Quinn D.P.* Democracy and International Financial Liberalization. Department of Political Science, Georgetown University. 2002. Unpublished Paper.
- Randall L.J.* An Economic History of Argentina in the Twentieth Century. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
- Ranger T.* Missionaries, Migrants and the Manyika: The Invention of Ethnicity in Zimbabwe // *The Creation of Tribalism in Southern Africa* / ed. by L. Vail. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Rawson D.C.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. N.Y.: Cambridge University Press, 1995.
- Reynolds A.* Electoral Systems and Democratization in Southern Africa. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Ringer F.* Education and Society in Modern Europe. Bloomington: University of Indiana Press, 1979.
- Roberts K.W.S.* Voting over Income Tax Schedules // *Journal of Public Economics*. 1977. Vol. 8. P. 329–340.
- Robins N.A.* Genocide and Millennialism in Upper Peru: The Great Rebellion of 1780–1782. Westport: Praeger, 2002.
- Robinson J.A., Sokoloff K.L.* Historical Roots of Inequality in Latin America // *Inequality in Latin America and the Caribbean: Breaking with History?* Ch. 5. World Bank. 2003.
- Rock D.J.* Argentina, 1516–1987: From Spanish Colonization to the Falklands War. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Rodan G.* Singapore in 1996: Extended Election Fever // *Asian Survey*. 1997. Vol. 37. P. 175–180.

- Rodan G.* Singapore in 1997: Living with the Neighbours // *Asian Survey*. 1998. Vol. 38. P. 177–182.
- Rodrik D.* Has Globalization Gone too Far? Washington (DC): Institute of International Economics, 1997.
- Rodrik D.* Democracies Pay Higher Wages // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. Vol. CXIV. P. 707–738.
- Rodrik D., Rodriguez F.* Trade Policy and Economic Growth: A Skeptic's Guide to the Cross-National Evidence // *NBER Macroeconomic Annual* / ed. by B.S. Bernanke, K.S. Rogoff. Cambridge (MA): MIT Press, 2000.
- Roemer J.E.* Rationalizing Revolutionary Ideology: A Tale of Lenin and the Tsar // *Econometrica*. 1985. Vol. 53. No. 1. P. 85–108.
- Roemer J.E.* Why the Poor Don't Expropriate the Rich in Democracies // *Journal of Public Economics*. 1998. Vol. 70. P. 399–424.
- Rogowski R.* Democracy, Capital, Skill, and Country Size: Effects of Asset Mobility and Regime Monopoly on the Odds of Democratic Rule // *The Origins of Liberty* / ed. by P.W. Drake, M.D. McCubbins. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties; Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. N.Y.: McKay, 1970.
- Romalis J.* Factor Proportions and the Structure of Commodity Trade // *American Economic Review*. 2004. Vol. 94. P. 67–97.
- Romer Th.* Individual Welfare, Majority Voting and the Properties of a Linear Income Tax // *Journal of Public Economics*. 1975. Vol. 7. P. 163–168.
- Romer Th., Rosenthal H.* Political Resource Allocation, Controlled Agendas and the Status Quo // *Public Choice*. 1978. Vol. 33. P. 27–43.
- Romero L.A.* A History of Argentina in the Twentieth Century. University Park: Pennsylvania State University Press, 2002.
- Rosendorff B.P.* Choosing Democracy // *Economics and Politics*. 2001. Vol. 13. P. 1–29.
- Rosenstein-Rodan P.* Problems of Industrialization in Eastern and Southeastern Europe // *Economic Journal*. 1943. Vol. 53. P. 202–211.
- Ross J.I., Gurr N.R.* Why Terrorism Subsidies: A Comparative Study of Canada and the United States // *Comparative Politics*. 1989. Vol. 21. P. 405–426.
- Rothschild M., Stiglitz J.E.* Increasing Risk I: A Definition // *Journal of Economic Theory*. 1970. Vol. 4. P. 225–243.
- Rothschild M., Stiglitz J.E.* Increasing Risk II: Its Economic Consequences // *Journal of Economic Theory*. 1971. Vol. 5. P. 66–84.
- Rouquie A.* The Military and the State in Latin America. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D.* Capitalist Development and Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Rustow D.C.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2. P. 337–363.
- Sachs J.D., Warner A.* Economic Reform and the Process of Global Integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. P. 1–118.

Safford F., Palacios M. Colombia: Fragmented Land, Divided Society. N.Y.: Oxford University Press, 2002.

Sargent Th.J. Dynamic Macroeconomic Theory. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1987.

Schedler A. What Is Democratic Consolidation? // *Journal of Democracy*. 1998. Vol. 9. P. 91–107.

Schmitter Ph.C. Military Intervention, Political Competitiveness and Public Policy in Latin America: 1950–1967 // *On Military Intervention* / ed. by M. Janowitz, J. van Doorn. Rotterdam: Rotterdam University Press, 1971.

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y.: Harper & Brothers, 1942 (*Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995).

Scott J.C. The Moral Economy of the Peasant. New Haven: Yale University Press, 1976.

Searle G.R. Entrepreneurial Politics in Mid-Victorian Britain. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Selten R. Reexamination of the Perfectness Concept for Equilibrium Points in Extensive Games // *International Journal of Game Theory*. 1975. Vol. 4. P. 25–55.

Sen A.K. Collective Choice and Social Welfare. Amsterdam: North-Holland, 1970.

Shepsle K.A. Institutional Arrangements and Equilibria in Multidimensional Voting Models // *American Journal of Political Science*. 1979. Vol. 23. P. 27–59.

Shepsle K.A., Weingast B.R. Uncovered Sets and Sophisticated Voting Outcomes with Implications for Agenda Institutions // *American Journal of Political Science*. 1984. Vol. 28. P. 49–74.

Shin Don Chull. On the Third Wave of Democratization: A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research // *World Politics*. 1994. Vol. 47. P. 135–170.

Siavelis P.M. The President and Congress in Postauthoritarian Chile: Institutional Constraints to Democratic Consolidation. University Park: Pennsylvania State University Press, 2000.

Singer H.W. Economic Progress in Underdeveloped Countries // *Social Research*. 1949. Vol. 16. P. 1–11.

Smith F.B. The Making of the Second Reform Bill. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1966.

Smith P.H. The Breakdown of Democracy in Argentina, 1916–1930 // *The Breakdown of Democratic Regimes: Latin America* / ed. by J.J. Linz, A. Stepan. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.

Söderberg J. Trends in Inequality in Sweden, 1700–1914 // *Historical Social Research*. 1987. P. 58–78.

Söderberg J. Wage Differentials in Sweden, 1725–1950 // *Income Distribution in Historical Perspective* / ed. by Y. Brenner et al. N.Y.: Cambridge University Press, 1991.

Starr H. Democratic Dominoes: Diffusion Approaches to the Spread of Democracy in the International System // *Journal of Conflict Resolution*. 1991. Vol. 35. P. 356–381.

- Stasavage D.* Public Debt and the Birth of the Democratic State: France and Great Britain, 1688–1789. N.Y.: Cambridge University Press, 2003.
- Stavig W.* The World of Tupac Amaru: Conflict, Community, and Identity in Colonial Peru. Lincoln: University of Nebraska Press, 1999.
- Stepan A.* State Power and the Strength of Civil Society in the Southern Cone of Latin America // Bringing the State Back in / ed. by P.B. Evans, D. Rueschemeyer, Th. Skocpol. N.Y.: Cambridge University Press, 1985.
- Stepan A.* Paths Toward Redemocratization: Theoretical and Comparative Considerations // Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives / ed. by G. O'Donnell, Ph. Schmitter, L. Whitehead. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1986.
- Stepan A.* Rethinking Military Politics: Brazil and the Southern Cone. Princeton: Princeton University Press, 1988.
- Stevenson J.* Popular Disturbances in England, 1700–1870. N.Y.: Longman, 1979.
- Stigler G.J.* Director's Law of Public Income Redistribution // Journal of Law and Economics. 1970. Vol. 13. P. 1–10.
- Stokey N.L., Lucas R.E., Jr., Prescott E.C.* Recursive Methods in Economic Dynamics. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1989.
- Sutter D.* The Transition from Authoritarian Rule: A Game Theoretic Approach // Journal of Theoretical Politics. 2000. Vol. 12. P. 67–89.
- Tarrow S.* Aiming at a Moving Target: Social Science and the Recent Rebellions in Eastern Europe // PS: Political Science and Politics. 1991. Vol. 24. P. 12–20.
- Tarrow S.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 2nd ed. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
- Tawney R.H.* The Rise of the Gentry, 1558–1640 // Economic History Review. 1941. Vol. 11. P. 1–38.
- Therborn G.* The Rule of Capital and the Rise of Democracy // New Left Review. 1977. Vol. 103. P. 3–41.
- Thoenig M., Verdier Th.* A Theory of Defensive Skill-Biased Innovation and Globalization // American Economic Review. 2003. Vol. 93. P. 709–728.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. N.Y.: Pantheon Books, 1963.
- Thompson E.P.* Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act. N.Y.: Pantheon Books, 1975.
- Thompson L.* A History of South Africa. New Haven: Yale University Press, 1995.
- Ticchi D., Vindigni A.* On Wars and Political Development. The Role of International Conflicts in the Democratization of the West. Department of Politics, Princeton University. 2003a. Unpublished Paper.
- Ticchi D., Vindigni A.* Democracies and Armies. Department of Politics, Princeton University. 2003b. Unpublished Paper.
- Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, A.D. 990–1990. Cambridge: Basil Blackwell, 1990 (*Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства, 1990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009).

- Tilly Ch.* Popular Contention in Britain, 1758–1834. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1995.
- Tilly Ch.* Contention and Democracy in Europe, 1650–2000. N.Y.: Cambridge University Press, 2004 (*Тилли Ч. Борьба и демократия в Европе, 1650–2000. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010*).
- Tilton T.* Social Origins of Liberal Democracy: The Swedish Case // *American Political Science Review*. 1974. Vol. 68. P. 561–571.
- Trefler D.* The Case of Missing Trade and Other Mysteries // *American Economic Review*. 1995. Vol. 85. P. 1029–1046.
- Trevelyan G.M.* British History in the Nineteenth Century and after, 1782–1919. L.: Longman, Green and C° Publishers, 1937.
- Trudeau R.* Guatemalan Politics: The Popular Struggle for Democracy. Boulder: Lynne Rienner, 1993.
- Tullock G.* The Paradox of Revolution // *Public Choice*. 1971. Vol. 11. P. 89–99.
- Turnbull C.M.* A History of Singapore, 1819–1988. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Verner A.M.* The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and The 1905 Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Verney D.* Parliamentary Reform in Sweden, 1866–1921. Oxford: Clarendon Press, 1957.
- Waisman C.H.* Argentina: Capitalism and Democracy // *Democracy in Developing Countries: Latin America* / ed. by L. Diamond, J. Hartlyn, J.J. Linz. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999.
- Wallerstein M.* Wage Setting Institutions and Pay Inequality in Advanced Industrial Societies // *American Journal of Political Science*. 1999. Vol. 43. P. 649–680.
- Wantchekon L.* Strategic Voting in Conditions of Political Instability: The 1994 Elections in El Salvador // *Comparative Political Studies*. 1999. Vol. 32. P. 810–834.
- Weingast B.R.* The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law // *American Political Science Review*. 1997. Vol. 91. P. 245–263.
- Weingast B.R.* Political Stability and Civil War: Institutions, Commitment, and American Democracy // *Analytic Narratives* / ed. by R. Bates, A. Greif, M. Levi, J.-L. Rosenthal, B.R. Weingast. Princeton: Princeton University Press, 1998.
- Williams R.G.* Export Agriculture and the Crisis in Central America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1986.
- Williams R.G.* States and Social Evolution: Coffee and the Rise of National Governments in Central America. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1994.
- Williamson D.C.* Bismarck and Germany, 1862–1892. 2nd ed. N.Y.: Longman; 1998.
- Williamson J.G.* Did British Capitalism Breed Inequality? Boston: Allen and Unwin, 1985.
- Williamson J.G.* Real Wages, Inequality and Globalization in Latin America before 1940 // *Revista de Historia Economica*. 1999. Vol. 17. P. 101–142.
- Williamson J.* Democracy and the Washington Consensus // *World Development*. 1993. Vol. 21. P. 1329–1336.

Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y.: Free Press, 1985 (*Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996).

Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.

Wittman D. Candidate Motivation: A Synthesis of Alternative Theories // American Political Science Review. 1983. Vol. 77. P. 142–157.

Wood E.J. Forging Democracy from Below: Contested Transitions in Oligarchic Societies. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Wood G. Creation of the American Republic, 1776–1787. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1969.

Woodside D. Community and Revolution in Modern Vietnam. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

Wright R.D. Taxes, Redistribution, and Growth // Journal of Public Economics. 1996. Vol. 62. P. 327–338.

Yashar D.J. Demanding Democracy: Reform and Reaction in Costa Rica and Guatemala, 1870s–1950s. Stanford: Stanford University Press, 1997.

Zeldin Th. The Political System of Napoleon III. N.Y.: St. Martin's Press, 1958.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

ДАРОН АСЕМОГЛУ,
ДЖЕЙМС А, РОБИНСОН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ДИКТАТУРЫ И ДЕМОКРАТИИ

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор

МАРИНА КОВАЛЕВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка и графика

НАТАЛЬЯ ПУЗАНОВА

Корректор

ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 03.12.2014. Формат 70×100/16 .
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 41,6. Уч.-изд. л. 33,5
Тираж 1000 экз. Изд. № 1272. Заказ № 6532

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,
тел.: 8 (499) 270-73-59

ISBN 978-5-7598-0825-1

9 785759 808251